

Священная Стрела

Львёнок по имени Арзис читает детскую книгу об Ашаи-Китрах

Ашаи-Китрах — самые лучшие львицы-Сунги, избранные с рождения самим Ваалом. Они с маленького возраста прилежно учатся, чтобы хорошо служить всем Сунгам. Поскольку они старательны и верны Ваалу, то умеют делать много разных вещей, которые не умеет больше никто в целом мире.

Они могут зажечь огонь Ваала на руках, и это называется игнимара. Это значит, что к ним нужно относиться с почтением. Они могут увидеть наши мысли, и это называется эмпатия. Это значит, что их никогда нельзя обманывать, потому что они узнают о неправде. Ещё некоторые Ашаи-Китрах могут общаться между собой во снах, невзирая на расстояния, и это самый великий дар Ваала, который верно служит Империи и Сунгам. Такие Ашаи-Китрах называются Вестающими. Это значит, что им нужно воздавать должное за такие усилия духа, и беречь их от всех зол мира.

Поэтому все мы, Сунги, должны любить и уважать Ашаи-Китрах. А они, в свою очередь, служат всем нам. Помните: Тиамат, Ваал, Нахейм.

Верноверная, чистокровная дочь

Мауна убеждала себя, убеждала себя, убеждалась. В её руках лихорадочно вертелось круг оси золотое зеркальце (совсем новое, у него такая молодая хозяйка), она коготками царапала его (совсем настоящее) золото.

Всегда нужно думать о себе хорошо, лишь самое лучшее; это необязательно для всякой Сунги, и желательно для всякой Ашаи-Китрах, но для неё — вдвойне закон, ибо: Вестающая (ученица); патрицианка (седьмое поколение). Нет, не неудачница она, не ленивица, она не слабовольна. Нет, не притворяется, она — есть; наставницы не могли ошибиться десять лет назад, потому что в *таком* (почти) не ошибаются. Ставки слишком высоки. Не её вина! Она старалась, она старается, и она будет; она не сдастся никогда, всё в кровь победы. Так уж получается: позднее пробуждение, немислимо тяжёлое искусство, злобные обстоятельства, о которых не надо, не будем. Идеал порицает всех — его не достичь.

Нет, не так. Вестание есть сперва Ремесло, а потом — искусство. Это...

— Я не подделка... Втай нет, не подделка.

Она отрешённо смотрела в окно дилижанса, на далёкий серый лес. Там что-то мелькало, и даже иногда являлось солнце.

— Я — Вестающая, Вестающая, Ве-ста-ю-ща-я... — очень тихо, хоть и была сама, заклинала Мауна себя, как *энграммой*. — Ашаи-Китрах, звезда сестринства, украшение Сунгов, бич врагов, я — Вестающая, кровослед рода Нахт-Сераи, я — Вестающая...

«Ваал выведет, Ваал не подведёт, всё в кровь служения», — вдохнула она носом, выдохнула сквозь сомкнутые зубы и клыки.

Ещё немного, и всё будет так: она будет надменна, вьедливо-иронична, закрыта и строга, тайно страстна, с загадкой и причудой — как и должно Вестающим, как и подобает; её высокое происхождение добавит всему превосходную естественность; она не покажется огнелунной Ваалу-Амае не своей, вне круга, чужой, ненастоящей, глупой, негодной. Где-то, возможно, даже проявится её превосходство в чём-то, в чём угодно. Да, она очень молода, она только-только прошла Совершеннолетие. Да, правда, есть недостатки, она кое-где немножко отстаёт. Всё поправимо. Она будет стараться.

Она покажет себя наново, наставница Ваалу-Нэль к ней слишком привыкла, как было привыкла и Ваалу-Мьянфар и Ваалу-Ванарамсая, а также Предвестающая Ваалу-Хирана. Они знают её, прежнюю, все её недочёты, ошибки и многие недостатки; им обычны её врождённая

сдержанность и неприятие быть навязчивой. Старый образ себя должен остаться за хвостом, уже год как Совершеннолетие пройдено — пора идти дальше!

«Это просто праксис», — махала она рукой в воздухе, — «просто передача Ремесла от сестры к сестре, учтивое послушание», — довольно спокойно текла мысль, а потом трагически рассыпалась в брызги отчаяния: — «Я буду учиться, я буду грызть. Ваал, твоя верновальная чистокровная дочь, во славу Сунгов, ты — во мне, я — в тебе, я видела Тебя, я...».

Дилижанс наехал на особо паскудную колею, сильно качнуло, и золотое зеркальце чуть не выпало из руки, а она ухом стукнулась о стенку. Зашипела, потёрла ухо, мерцнула им, и поправила обруч на голове (конечно же, золотой).

Она подумала, что надо упасть в *аумлан*. А потом ещё раз подумала, и заснула, хорошо и быстро, потому что Вестающих именно так обучают засыпать — хорошо и быстро.

Тем временем в дилижансе спереди:

— Всё это плохо кончится.

Это — старшая сестра, Предвестающая Ваалу-Хирана, что сопровождает Мауну: никто не отпускает ученицу саму, пока та окончательно не превратится в настоящую Вестающую. Ей за пять десятков. Она всю жизнь среди Вестающих, она знает своё дело.

— Это всё плохо кончится, Тами. Мне это не нравится.

Тамалу — *мастер Графа* безупречной Ваалу-Нэль. Эта Ваалу-Нэль, она интересная львица, безусловно, но самое главное, она — текущая наставница Мауны. У неё есть свои достижения, и говорят, что однажды она проспала целые сутки, когда выдался обязательный годичный отдых (семь дней).

Он очень тяготился этим путешествием, но виду не подавал. Его присутствие было безнадежно ненужным, и бестолково церемониальным, крало невероятно ценное время мастера Графа, его послали как подделку, замену, затычку, ибо по старой традиции, наставница передаёт свою ученицу лично; ученица Вестающих — ценность, редкость, их берегут и охраняют; но — очень кажется — Ваалу-Нэль решила кое-кому показать своё (так-то превосходно скрытое) презрение; и орудием этого презрения и стал Тамалу, серо представляющий свою Хозяйку, её тень.

— Что именно тебя беспокоит? — аккуратно, тихо поинтересовался он.

— Не лги, не надо, не надо этих осторожных вопросов. Представь, что ты берёшь ученицу, у которой — трудности, и спихиваешь её самой неподходящей наставнице из всех неподходящих. Если её вообще можно назвать наставницей.

Подумав о вещах и о так называемой политике вообще, Хирана добавила:

— Наставницей, — с презрением повторила.

Не успокаивалась. Это характерное ожидание ответа от собеседника, реакции, но не дождалась:

— Смотри. Мауна плоха. С Ремеслом её дела плохи, всё к хвосту.

— Она ещё учится, — слабо парировал он.

— Это как буквы разучать, когда ты должен уже трактаты сочинять.

— Она прилежна, она во всём разбирается, — а здесь неслабо парировал он.

— Разбираться мало, Тами, дело надо делать, — дотронулась к его колену ладонью, что за последние лет десять — большая редкость. Она его не трогает, зареклась.

Тамалу поглядел на её быструю ладошку, чуть удивлённо так.

— И теперь её отдают кому? Амае! Да какой смысл? — возмущалась ему Хирана.

Что поделаешь, и лев вздохнул. Потянулся за трубкой, но Хирана перехватила словом, он застыл:

— Спросить бы Ванарамсаю за всё это. Но она где? В *Нахейме*! Мьяни бросила её. Потом вот, твоя Хозяйка, — печально молвила Предвещающая.

Всё-таки достал трубку, но отставил на диван.

— Послушай, я была в её же шкуре, — не унималась Хирана.

— Погляди на дело так: Мауна станет как ты. Согласись, это тоже нужное...

— В этом всё и дело! Тем более не надо отдавать её Амае. Тем более, она всё-таки старородная патрицианка, её отец, его связи на Юге, Андарири. Хах, отдай её мне! — постучала двумя кулаками по груди, зазвенел амулет Ваала с очень-очень красным рубином (символ неприёма отношений патроната).

— У Хозяйки никогда не было на неё достаточно времени.

— Так надо было на Совершеннолетию её зарезать! Сказать сразу как есть: так и так, ты не справишься, будешь Предвещающей, выбора нет. А то тянут, тянут за хвост...

Тамалу поёжился от слова «зарезать», он никогда его не любил. Почему-то Вестающие именно «резали» учениц на Совершеннолетию. Не отсеивали, не браковали, не признавали негодными. А вот резали.

— Думаешь, это всё как-то связано с тем, что случилось с Амаей? Рассказать всё Мауне?

— Не говори. Нэль не рассказала — значит, не надо. *Шэ-шэ*, Хиран. Знаешь, как ты сказала: это всё плохо кончится. И так, я полагаю, и задумано.

Ваалу-Хирана посмотрела на него, молча кивнула.

Тамалу и Ваалу-Хирана когда-то были любовниками. С тех пор много воды утекло, и от этих отношений почти ничего не осталось, они даже сидели друг против друга; но кое-что сбереглось: они изливали друг другу всё, что никому другому вообще не могли излить.

Потому что *Тихие Тайны Вестающих (шаан-шаан, они же ШШШ, они же шэ-шэ)* надо хранить.

Встреча

Мауна проснулась — они остановились.

О, вот оно. Вот её обитель, вон там, за высоким забором. Телохрани-тели Вестающей, стерегущие главные ворота, открывают им путь. Всё здесь какое-то неуютное, словно эту обитель надолго покинули и только теперь заселились, без любви к месту.

В окно деликатно постучались, Мауна отодвинула шторку.

— Юн-безупречная, приехали, — сделал ненужный комментарий один из телохранителей её наставницы.

Он, наверное, забыл, что Мауна уже давно как прошла Совершенно-летие, и можно (нужно) обращаться к ней без всяких «юн-». Что за невнимание, за год не запомнить? Недотёпа, невнимательный. Кому вни-мать, как не Вестающей Империи? Ладно, почти Вестающей Империи?

Луна Охотницы, эта обитель Вестающих, оказалась небольшой, да нет же — маленькой. На входе — остромордые псы, каменные, они в потёках от мелкого дождя. Телохранители орудовали вовсю, подгоняли, раздавались возгласы: «Живее! Ца!». Мауна просто сидела ровно и ждала, как полагается, как статуя, застыв в настоящей тревоге. Впечатле-ние, которое она сейчас создаст, самое первое — оно будет самым важ-ным, и для этого над...

Без предупреждений дверь открыла Ваалу-Хирана, торопливо, с за-пахом дождя. Это в её резкой привычке: она почти никогда не преду-преджает, если входит к ученицам. Смерила Мауну взглядом.

— Ваал ведёт. Мауна, сноходная. Идём? Готова?

— Всегда ведёт. Да, сиятельная.

Они вошли. Здесь, в предвхожей, служанки омывали им лапы, и вид у них был странный и растерянный, и почему-то прямо над ними навис-сал *виллус* Ваалу-Амаи, главный распорядитель — престарелый, уста-лый лев; он безупречно одет, но почему-то без тавра, без личной пла-стины с девизом Хозяйки, а эта пластина уж точно надлежит главе Семьи Вестающей.

— Блистательные Ваалу-Хирана, Ваалу-Мауна, прошу за мной. У превосходной срочное совещание, но оно вскоре кончится.

— Нет. Не пройдёт. Веди нас. Прямо. К ней. Приехала ученица. Это важнее срочных совещаний.

Хирана сказала это так, что вопросов больше не возникло.

В коридоре лапы тонули в очень толстом ковре.

Ах да-да, Ваалу-Амая. О ней молчали. Мауна и раньше расспрашивала, но все отвечали так мутно, так туманно, так неуверенно, ссылаясь друг на друга и приглашая к личному опыту («Да сама всё увидишь»), что... Ой. Мауна надеялась, что в последние мгновения Ваалу-Хирана, всезнающая, и — в общем-то — всегда снисходительная и благосклонная к ней, — что Ваалу-Хирана прояснит всё с Ваалу-Амаей, расскажет о ней: чего ждать, чего нет, какова она, какой-нибудь совет, что-нибудь.

Но, когда шли по ковру коридора этой обители в северо-западном углу Империи, Листигии (атриумы крошечные, окна небольшие, коридорчики и комнатки, а не коридоры и комнаты, много шкур и камины), то Хирана никаких последних напутствий не предложила, и они весь этот путь молчали.

«Всё — сама. Давай. Это часть обучения», — вконец поняла Мауна.

Хирана утратила скрытую, ворчливую сочувственность к Мауне, и стала с нею в эти последние мгновения очень пряма, непроницаема, делова и правильна, никаких нюансов. Её резкие жесты.

Ваалу-Хирана, *Предвещающая*. Её биография — беспорочна. Её преданность общему делу Вестающих — бесконечна. Её опыт обхождения с ученицами — огромный (поиск, просеивание, возня с ними, всё это). Все, кто знает, знают: если ты с Хираной — то всё будет правильно, и ты получишь всё, что надо; она легко вхожа ко всем Вестающим, а всякие прочие двери в Империи просто открывает пинком. Но только теперь Мауна начинала понимать, что этот случай — особенный, ибо — это ж очевидно — наставница, Ваалу-Нэль, должна была лично её привезти, так всегда и было: и с нею, и с другими ученицами, которых Мауна знает. Ученицу передают от наставницы к наставнице лично, только так, ибо слишком уж важное, ритуальное событие. А наставницы-то сейчас нет! Хирана тут — подмена; ей нет тут прямого дела; ею заткнули дыру.

Наверное, лучше было бы Мауне приехать самой. Но Вестающие очень не любят одиноко путешествующих учениц, даже тех, что Совершенное прошли. Знамо — может обернуться бедой, это все знают. Подростающих нужно беречь.

Встали за дверь: Хирана справа, Мауна слева, трое телохранителей (от Ваалу-Нэль, её телохранения, те ещё зверюги, та презирает маленьких львов), распорядитель Амаи, и все три служанки Мауны, которые сейчас оказались единственной прочной нитью, что связывала её с про-

шлым; а вот всё остальное и всех остальных Мауне полагалось получить здесь, на эти три долгих луны .

Все наострили уши. За дверью назревал какой-то скандал, то ли что. Голос львицы почти истеричен. Дверь скрывала от мира что-то неприятное; может, даже отвратительное. Это чувствовалось. Мауна вопросительно глядела в глаза Хиране. Та делала то же самое, что удивительно. Мало того, Хирана ещё смотрела так, что Мауна невольно чувствовала ответственность за происходящее, словно это она, именно она виновата, виновата во всём.

Распорядитель расценил заминку по-своему, и сам открыл двери для Ваалу-Мауны и Ваалу-Хираны.

— ...постой, постой, постой, значит... Ааааф. Ф-ф-ф. Значит, одна из них украла, а вторая — помогала, да? Твою мать... Хвосты что!

Это сказала львица в одеянии Ашаи-Китрах, в *пласисе*, что держала длиннющую трубку в одной руке, а во второй — огромную пепельницу, и, собственно, именно сейчас пепельница разверзлась ей содержимым на подол пласиса, и она теперь глядела на доньшко этой хрустальной пепельницы, держа её перед собой (зачем?), и вместо мордашки львицы Мауна видела невозможно искаженную геометрическую игру, очернённую пепелом.

— Хозяйка, оглашается: прибыли... — уверенно начал вилиус.

Пепельница опустилась.

— Только не все сразу! — яростно рявкнулось.

«Амая. Вот же она», — подумала Мауна.

Во-первых, она воображалась ей старше. Стыдно сказать, но Мауна не знает, сколько точно Амае лет (в Книге Душ год рождения никто не пишет, а в Книгу Сестёр Мауна поленилась заглянуть, а потом и забыла). Во-вторых, она представлялась не... такой... худой, что ли. Амая уже не была стройной — она оказалась воистину худой. Злые языки, наверное, скажут, что тощей. В-третьих, Амая оказалась красивой львицей. Ей невероятно шла её острота всего, хищные черты. У неё сегодня не оказалось венца, и даже обруча нет; зеркальце нашло жалкий приют подле кинжала-сирны, заткнутое за пояс. Так себе *декорум*, так себе *дистанция*.

— Не все, неа! Нермай, ты это... Эй, да не надо, не надо... — один из львов её телоохраны попытался забрать пепельницу (не вышло, Амая не дала), а потом зачем-то решил вытереть Амае подол пласиса, и только всё размазал. — Ца, вот блин, — рассматривала она подол.

В её речи — ощутимый изъян, труднообъяснимый: все звуки чуть мягче, чем надо. Особенно это мягкое «р».

Мауна с Хираной так и встали, у дверей. Распорядитель Нермай развернулся, закрыл за важнейшими гостями дверь, нарочито медленно направился в центр комнаты.

Хирана провела ладонью по морде; она не скрыла раздражения — она встала в *фирра-аммау*, поза напряженного выжидания, раздражения, знак «Мне нужно уделить внимание немедленно!», почти пошлость и наглость в обычных случаях, явное неудовольствие, она дёргала себе цепь амулета (то же самое); Мауна же просто встала ровно, в *омраани-аммау*, в просто себе ожиданьице. Что ещё поделаешь? Надо осмотреться. Поймать взгляды (на неё ещё не взглянули!), произвести первое впечатление.

— Да, вот, это, Нермай. Вот ты где, — распорядитель пойман взглядом Амаи. — Ну, помогай с этим. И что, что там, ну украли что-то, ну, да?

— Именно. Разрешится описать всё дело снова: двенадцать бутылок кафнского, три бутылки рафинированного спирта, и ещё два мешка доброго хлопка — всё это обнаружено у...

Дело оказалось таково: две *дхаарки* то ли украли, то ли что, всякую дребедень вроде выпивки и всё такое. Полная ерунда, которая занимала сейчас всё время и место в этой небольшой комнате с чашей Ваала прямо посередине. Эти самые две *дхаарки* и стояли перед чашей.

Мауна не могла последовать за трогательно мелочным преступлением двух *дхаарок*, что беззащитно стояли на виду у всех, ибо близкое раздражение Хираны, её требовательное присутствие просто передавили всё. Она вполовину прикрыла собой Мауну, находясь впереди. Она видела нервный кончик её хвоста, обмотанный хвостолентой, как это обычно у старых львиц, что страшно боятся облезлых хвостов. Её огромная *сирна* (отличие *Мастр-Фейнского менгира*, там все такие носят), казалось, сейчас сама выскочит из ножен и зарежет *дхаарок* и ещё невесть кого, чтобы на них поскорее обратили очень даже ожидаемое внимание. Непонятно только почему Хирана молчала. Возможно, стоило дать о себе знать и Мауне, но она пока не решалась, выжидала. А затем — быстро — старая Предвестающая бросила эту затею, все эти позы, всё это ожидание. Повернулась к ученице.

Тени сомнения Ваалу-Хираны невозможно упустить. Даже это лишнее движение, попытка молча уйти, потом мгновенная остановка. Кратчайший жест «Я к тебе дотронусь», обязательный для всякого и всякой, кто хочет тронуть (будущую) Вестающую, еле заметный, годами тренированный кивок от Мауны «Можно, тронь меня». Затем короткое, тихое, с опущенной головой, сбоку:

— Пусть хранит тебя Ваал, Мауна. Помни: я была против.

Сентиментально-неуклюжее похлопывание по ладони где-то там, внизу, у пастельно-бежевого пласиса Мауны, а Вестающие ещё частенько называют своих учениц «беленькими» — им одобряется ходить в очень светлых пласисах, и Ваалу-Хирана без церемоний ушла, без прощаний, без всего; вот и всё касание, ради которого произошла быстрая

церемония спроса-разрешения. Неимоверно, протестно, ничего доброго. Мауна проводила Хирану взглядом, вертя зеркальце в руке, а потом резко бросила эти проводы и отважилась наблюдать весь маленький театр перед собой.

— ...обычное, положенное наказание для *Семейных* за доказанную кражу у *Хозяйки* — смертная казнь, кроме самых ничтожных случаев. Это серьёзное нарушение *Вклятвы*. Мда, — тут Нермай совершил многозначительную заминку. — Но это, безусловно, на усмотрение безупречной. Для этого мы и...

— Ага, ага. Фух, — схватилась за голову Амая, закрыв глаза. — Оооо... Их что, казнить надо? — спросила она, всё ещё задрав голову вверх. Да ещё затянулась из трубки.

— Я рекомендую придерживаться правотрадиций. Но Хозяйка решает.

Это означало «надо».

Вестающая выдохнула в полоток. Все наблюдали за дымом, кроме дхаарок — те неизменно, неизменно смотрели в пол.

— Нермай, дорогой: скажи по-львиному, что делать? — взялась Амая за виски, глядя с закрытыми глазами на своего вилиуса, и это был неплохой трюк, ибо она ухитрилась ещё держать свою длиннющую трубку. — Они же это, это самое... а доказано, что это они? — разнервничалась она, открыв глаза. — Это самое, «сознались» это ж не значит «доказано», или вроде того, не?

Вся она была ужасно нервная, никакого спокойствия; Мауна, привыкшая за всю жизнь к степенным, и хотя бы внешне благородным вещам и особам, глядела на всё это с... любопытством, удивлением и осторожностью, вот как глядят на незнакомого зверя. Тем более, дело пустяковое совсем. Какие-то дхаарки. Что-то там украли. Семейные, что, забылись, что перед ними — Вестающая Империи?

«Даже две уже. Даже две», — подумала и о себе Мауна.

— Хозяйка, они сознались в преступлении. Мы проверили. Всё сошлось, — Нермай сказал это так, словно перед ним шестилетняя львёна: по-доброму, мудро и мягко.

— Эй, зачем? Зачем кому-то сознаваться в преступлении, если ты его же сделал? Я бы так не поступала, я бы всё скрывала. Нермай! Может они это, напутали чего? Дхаарки, они тупые. Или, может, я — тупая? — Амая развернулась ко всем хвостом и пошла к столу, что-то там искать. — Что вы от меня все хотите?

— Хозяйка, нужно присуждение на казнь.

— Казнь?

Удивительно, но дхаарки держались стойко и молчали.

— Зачем вы, дуры, сознались в преступлении? — развела руками Амая, глядя на них.

— Безупречная Хозяйка, мы виновны, мы умоляем пощаду.

— «Умоляем нас пощадить», так надо говорить, — поправил кто-то.

Мауне ставало очевидно, что, в принципе, проволочка не за Семейными. Они бы и рады дело поскорее закрыть, или даже забыть. Это сама Амая зачем-то устроила из всего сцену, а ведь можно всё решить одним словом. Причуды у неё, у Амаи, у новой наставницы. Но Мауна уже отлично знает, что Вестающая без странностей — невозможна.

Хорошо. Надо дерзать, это дурацкое ожидание неприемлемо и униЗИтельно. Мауне нужно заявить о себе, давно уже пора. Ей можно перебивать почти всех и почти всё; можно и нужно.

— Хозяйка, очень прошу внимания: прибыла... — вилиус обратил внимание, что Мауна пошла вперёд.

Ученица показала ему жест, *ниах-гастау*, который знают все Семейные, все, кто служит Вестающим: «Замолчи, тихо, молчание». Надо заканчивать этот балаган и предстать перед новой наставницей, и всех отсюда вышвырнуть. Избавиться от всех, от дхаарок, от всего, освободить Амаю от этой чепухи, которой она — так явно! — тяготится. Ну что за дураки в её Семье, они что, не видят этого, они что, первый день Вестающей служат?

Явление нужно такое: внезапное, с блеском, надо показать себе цену; Вестающие не порицают дерзновенные вещи.

— Ваал дал мне скромный дар *эмпатии*... — начала Мауна.

Это просто ложь. Она ужасна в эмпатии, нету никакого дара. Беспомощна. Она это знает. Но это неважно.

— ...и дело простое: эти двое виновны, без сомнений. Кража есть кража, карается смертью, такова правотрадиция, и займитесь этим, — махнула, не глядя, вилиусу. — Поэтому, моя наставница...

Амая развернулась, держа трубку у рта, выдыхая через нос. Она облизывала зубы.

Мауна подняла руку, чтобы сделать ещё один жест: «Выход всем». Его тоже все всюду знают. Никто не смеет ослушаться, кроме других Вестающих. Амая, не двинувшись, посмотрела на её поднятую руку, снова выдохнув дым через нос; ничто не изменилось в её позе или выражении, только луч взгляда.

Немного представления, немного риторики. Нужно запоминаться с первого раза; всё немножко рискованно, Амая может разозлиться. Но вряд ли. Ей скорее понравится, Мауна знает, что нравится её сёстрам. Мауна не подала жеста, а развернулась (очень правильно, она умеет, всё так, как и делают Ашай-Китрах), и показала мизинцем с когтем на двух стоящих львиц.

— Дхаари, поднимите головы. Взгляды дайте, — Мауна никогда не говорит слова «дхаарка», от него неимоверно несёт просторечью.

Полный блеф и показуха. У неё не было дара к *эмпатии*, и нет. В глаза глядеть ей без толку; точнее, толку почти столько же, сколь и для самой обычной львицы; большинство простых Ашаи-Китрах в этом будут куда получше, чем Мауна. Этот дар несколько раз пробовали в Мауне выглядеть, проглядеть, ну для успокоения; он — милая добавка к *Ремеслу*, но совсем необязательная. Даже мешать будет.

Они подняли головы, и каприз Мауны сразу исполнился — они дали. Ей. Взгляды.

— Они, огнясное дело... — начала Мауна.

Продолжение замышлялось такое: «...виновны. Кража — смерть, изгнание в работы, или что ещё. А теперь избавьте от этого. Выход всем». И жест. Безусловно, Мауна ничего об этом деле не знала, да и зачем знать: сейчас предстоят дела и знания куда важнее.

Но продолжению не оказалось суждено настать. Выходу не оказалось суждено состояться. Знаниям и важным делам тоже не судилось последовать.

Когда-то давно, года три назад, нет, четыре, Мауна впервые увидела настоящий, толстый, белый снег в одном из дисциплириев, в Айнансгарде, а потом и попробовала его на вкус, благодаря одной из *учениц-сталл*, местной, его воспитаннице; та (глупая случайность) спутала Мауну со своей подругой: Мауна выходила из дверей зала поз, жестов и танцев, *Гелейсы*, и большая такая снежка пришлась прямо в мордаху. Видимо, стала была хорошей лучницей, возможно даже из Юниана, ибо зашло Мауне очень смачно. Назревал скандал — сразу за Мауной выходила Ашаи, которая опекала её в Айнансгарде; все ученицы Вестающих получают такую опекуню, чтобы будущий изумруд духа Сунгов, великая ценность Империи, ни в чём не нуждалась.

Мауна мгновенно разозлилась и обиделась, она готовилась сполна ответить на такое нахальство всей мощью статуса, что тащит всякая ученица *Внутренней Империи*. Сейчас сталле заедут по паскудной морде. Фигурально. А может, и вправду. Жаль, в Айнансгарде нет телесных наказаний, как в Криммау-Аммау, где сталлам могут посечь их стройные (там запрещено быть не-стройной) подхвосты особой плетью (щадят, чтобы не причинить телесных уродств, несовместимых с достоинством Ашаи-Китрах), и...

Ещё не успела утереться, как её обвинили объятия: сильные, очень тесные, до озноба интимные.

— Я не хотела, сестра! Прости! Сестра, сестра, сестра!.. — ходили по её загривку ладони с посылающими волны по спине когтями, жар дыхания на щеке. — Сестра, сестра...

Несмотря на холод снега, Мауна берегла это как один из самых тёплых моментов жизни. Никто не может дотронуться к Вестающей, неважно — уже настоящей, или только будущей, ученице — без её разре-

шения; как всегда с Вестающими, за это можно даже казнить (всё-то им лишь казнить, проходу нет!); о, эти разрешения, целый этикет, система знаков, открытых и скрытых. Это радует твоё маленькое «Я», маленькую львёну, только первую луну. А потом это тебя убивает.

Затем сталла наткнулась когтем на обруч, слегка отпрянула и вмиг осознала, что перед ней не просто иная сталла, пусть и незнакомая, мало ли бывает незнакомых учениц, тем более в таком открытом всему миру дисциплины, как Айнансгард, нет; это *Вестающая*, это совсем другое, это же просто... Где-то сзади с угрозами и оструниванием нависала сестра-опекунья, она что-то хотела сделать, пытаясь добраться до нахалки, прекрасно зная её по имени (Мауна забыла его, хоть очень сильна в *мнемонике*). Но Мауна не отпустила эту Ашаи-Китрах, и теперь сама сжала её, впившись когтями, закрывая собой изо всех сил; Мауна сделала всё неловко, и они упали в снег.

— Я согласна, я согласна, я согласна, сестра! — Мауна не осознавала, что орёт почти на весь Айнансгард. И причём, изо всех слов сунгского, именно это: «согласна».

Она так запомнила это жаркое: «Сестра, сестра, сестра...».

— ...сестра, сестра, сестра. Мой безумный Ваал, — громко говорила она сейчас, в этой комнате, три-четыре года спустя, всё так же, как тогда в Айнансгарде — не помня себя.

Она помнила это единение душ, это тепло. Сейчас оно разлилось повсюду, тысячекратно, переполнив вообще всё, всю эту комнату, весь этот мир тёплой крови. Эти дхаарки дали ей взгляды, и единение оказалось таким страшным, мгновенным и чарующим, что не было никаких воли и желания сопротивляться этому, чем бы оно ни было: хоть смертью, хоть позором, хоть *Нахеймом*, хоть чем угодно. Она не знала, что происходит, и не хотела знать; Мауна стала единой с ними, она стала ими: она понимала их желания, открытые и тайные; она знала их страх, столь сжимающий, ужасающий; она понимала их всё. Вместо одной львицы внутри неё вдруг очутились все три, и это было... превосходно. Мауна вмиг согласилась («согласна, согласна!») остаться тут навсегда, тут, с ними, внутри себя, вместе с этими двумя львицами-дхаари, не-Сунгами, чужими (хорошей и дозволенной породы; плохие породы Вестающим не служат).

Всё это внутри, а снаружи случилось так: Мауна застыла после своего простого и уверенного «...огняное дело...», а её зеркальце, уже начавшее подниматься в обвинительном указании на дхаарок, безвольно упало на бедро; и только чудо спасло его от падения на толстый и красивый хустрианский ковёр. Её андарианские черты смягчились до блаженства, рот приоткрылся, а уши прижались. Издав оргазмический стон, Мауна закрыла глаза, первый раз в жизни и так до смешного поздно испытав настоящую, тяжёлую и просто талантливую *эмпатию*.

Прирождённая к этому, она ещё этого не знала; Мауна ещё ничего не знала.

Дхаарки осмелились переглянуться, а потом даже посмотреть на Хозяйку, ничуть не понимая, что происходит, как и остальные. Нермай приложил кулак ко рту, мелко в него кашлянул, и тоже поглядел на Хозяйку. Но Ваалу-Амая, наконец-то действительно заинтересовалась, и встала сбоку от Мауны, с любопытством, медленно оценивая ту, как произведение искусства; она выдохнула дым в потолок и ухмыльнулась, даже хищно; заметив какое-то движение, подняла палец, мол: застыньте, молчите.

Мауна открыла глаза, осмотрелась вокруг, словно очутилась сама, в тёмном лесу.

— Все мысли так нечисты, — сказала она в никуда. — Я хотела впечатлить наставницу, новую, которую, кажется, зовут Амая... Показать уверенность, намекнуть, что могу чують души, дать себе хвалы. И чтобы их убрали прочь, а я могла... А я могла... Их нельзя, их нельзя трогать. Я согласна, что они ни в чём не виноваты. У них была, у них что-то там было, но они пошли на жертву, ради чего-то, или ради кого-то, ради кого-то, вот, есть ещё юная львица, — Мауна осмотрелась, словно выглядывая эту самую, призрачную юную львицу, — но её здесь нет, — удивилась она, — но она есть, — уверенно молвила, — ради неё, всё ради её жизни.

Никто не знал, что сказать.

— Оставьте их, не трогайте их, никуда не изгоняйте их, они будут... служить... безупречной Ваалу-Амае, — Ваалу-Мауна уже трясла обоих уstraшенных, вконец растерянных дхаарок за плечи.

— Хозяйка? — негромко спросил Нермай у Амаи. Не очень сбился с толку: за годы служения Вестающим (а особо — Амае) он видел всё. Вообще всё.

Амая молча показала на Мауну, интересно так: большим пальцем, и кивнула головой; она ни на кого не глядела, кроме Мауны; в то же время прозаично утирала рот платком, а потом на миг поглядела на него (снова всё жёлтое — жёлтая слюна). Ну, все всё слышали? И показала жест: «Всем на выход». Тот самый, который не судилось сделать Мауне.

Все вышли.

— ...ничто не вправду для тебя... нету твоей любви... твоя любовь лишь всё что нужно... скажи мне — почему?... можешь верить... я отдам тебе!.. не знаю почему... и каждый день... уохоооо...

Напевая под нос такую рваную песню, Амая небрежно взяла кресло и поставила себе прям посреди комнаты. Потом так же вяло и вразвалку подтащила другое и для Мауны, прям под неё, под хвост. Плюхнулась в своё, отставив руку с трубкой.

— Цай, эта штука, вижу, тебя толсто торкает, да? — глядит вверх и в сторону.

— Мне прощение? — аккуратно, медленно села Мауна, слыша своё частое дыхание.

— Ну, это, твоя *эмпатия*. Жирнучий такой дар, не ерунда какая-то.

Мауна не знала, что ответить. Надо всё осмыслить. Ваал всё-таки одарил её эмпатией? Только что, так поздно? Открыть Дар Духа после Совершеннолетия — это как так?

— И что, всегда так кроет? — закинула Амая лапу за лапу, выдыхая дым через нос.

Так, соберись. Надо солгать, непременно. Мауна, ты ж с самого начала сказала: «Ваал дал мне скромный дар эмпатии...», и всё такое.

— Обычно всё спокойно, — отлично соврала Мауна, хорошо обученная искусству. — Наверное, из-за дороги.

Новая наставница кивнула и закрыла глаза.

— Амая, — показала на себя, снова выдыхая дым.

— Мауна... — она хотела добавить имя рода, но передумала, — ... ученица Ашаи Вестания, от блистательной Ваалу-Нэль. Резкий переход *метанойи*... Я... — почему-то слёзы мешались в глазах, а дальше Мауна чихнула, а ещё фыркнула, что для особы её происхождения — при свидетельнице, что Вестающая, да ещё новая наставница — есть изумительно скандальное событие.

— Ага. Угум, — легко задумалась Амая, и дальше глядя вверх-сторону, — никогда эмпатию не испытывала. Но рассказывали. На мне не упражняйся: тебе не понравится.

Мауна вздохнула, осанилась, собрала волю.

— Это непростительно. Это больше не повторится, моё слабоволие. Я...

— Как ты могла? Это же полная срань! Ваал, пощади! О, да, — засмеялась Амая и сильно кашлянула; судорога прошла по её телу.

Тяжесть слова пронесла колючую волну по Мауне. Она никогда не слыхала, чтобы Ашаи так ругалась, использовала столько просторечи. А Вестающая — да тем более, ни в жизнь.

— «Молчащая»? Не? — намекнула Амая на значение её имени, и почему-то подмигнула, неловко, без лёгкости.

— Да, — Мауна не знала, нужно ли добавить в конце «наставница». Добавила, с запозданием: — Наставница.

Видимо, предполагались некий комментарий или шутка, но ничего не последовало.

— Эти дхаарки... Должна сказать: они на самом деле что-то натворили. Но...

— Мне всё равно, — отмахнулась Амая.

Повертела трубку в ладони, глядя на дым.

— Мне важно другое.

Настало молчание. Амая хотела какого-то ответа от Мауны, это чувствовалось; но Мауна не знала, что ответить, и ещё не желала спрашивать: что это, «другое». Молчание тянулось. Спихватившись, ученица вспомнила о важном — о письме от наставницы Нэль, которое, безусловно, имела при себе, на поясе. Открыла тубус с солнечными спиралями и протянула Амае (держи вещь в полностью вытянутой правой руке, левую ладонь держи у локтя правой). Та взяла его даже с каким-то разочарованием, неохотно.

То принялось вверх лапами, и Амая перевернула его, чуть не уронив.

— Так. Эм... Ля-ля-ля. Ладно, — пробежалась по строкам. Взяла письмо за краешек, потянулась за свечкой, и зажгла.

Мауна даже представить не могла, что такого ужасного могла написать наставница Ваалу-Нэль, чтобы прямо предать огню сопроводительное письмо: кто такая Мауна (андарианка, патрицианка, возраст вхождения в сестринство Ашаи-Китрах — восемь лет, причём там такие интересные обстоятельства, что сам Ваал велел их описать), как и у кого училась, где бывала, и всё о ней (особенно, наверное, отмечена *мнемоника*, а также добрый такой праксис в *Графе*, что необычно), и в чём хорошо бы её подучить (тут Мауне остаётся лишь нервно вздохнуть и не поддаваться ужасающему, давящему, медленно растущему чувству); Мауна представлялось, что новая наставница прочитает письмо вслух, и она кое-что о себе узнает, это ж интересно — узнавать о себе из писаного слова. Задаст вопросы, получит ответы. Мауна ведь учится у Нэль уж три года, она знает Мауну; причём, верно, самые важные три года, Совершеннолетие пройдено у неё. У Нэли — такой искусный почерк, особенно эти символы высшего алфавита, ну просто изумительные.

А тем временем письмо опасно горело, и Амая кинула его догорать в пепельницу. Избавившись от бремени, вздохнула и уселась обратно.

Теперь Амая засмотрелась ей в глаза; воспользовавшись этим, Мауна и себе начала изучать её. Её поразило вот что: Ваалу-Амая красива, очень стройна, но красота эта разбита; если разрушить красивое здание — будет самое то. Дальше: её глаза отличались от глаз всех Вестающих, что доселе видала. У тех взгляд стремительный, властный, жёсткий, часто — насмешливый, иногда — бесконечно капризный; взгляд вовне. Ничего такого от её новой наставницы. В Амае читалась тоска, даже пораженчество; взгляд вовнутрь.

Эмпатия — такой странный, неожиданный, совсем новый дар — молчала. Мауна даже на словах не особо-то и знала, как её призывать, как отзываться, и что с нею делать.

— Расскажи что-нибудь о себе.

«Как можно столько курить?», — подумала Мауна. А сама сказала:

— Буду откровенной.

— Давай.

Тут нету смысла скрываться. Надо сказать главное:

— Мне удаётся *вход*. Но я плоха в *поиске*. Я плоха в *сестросвязи*. И я никчёмна в *вестании*. Во всём, что главное для *Ремесла*.

— Оу. Ну ты даёшь. Прямо... Слушай, ну эмпатия у тебя вроде ничего.

— Но я хочу, чтобы наставница Амая знала: я — Вестающая. Ремесло — мой священный долг. Я не сдамся, никогда. Я верю Ваалу, и верю своим силам. Ваал выведет, Ваал не подведёт, — искренне сказала Мауна, принимая серьёзность своего положения и честно присягая новой наставнице быть самоотверженной.

— Да-да. «Я верю в себя!» — сказала хустрианская шлюха, приняв сразу десять клиентов. «Уиии! Ррррр», — это всё повеселило Амаю; довольная собой (?), она перекинула лапы и заболтала теперь уже правой, подкидывая на ней хвост.

Снова наступило молчание; разговор прекратился, толком не начавшись.

— Должна признать, что сравнение неприятно, — только и смогла сказать Мауна; так-то резкое изречение от ученицы.

Амая покусала клыком уста, закрыв глаза; она так делала иногда — закроет глаза, поведёт плечами. Поглядела вниз.

— Короче, дела такие: мне уже отвести о тебе, мол, есть одна ученица, её надо это, это самое... — затяжка, глядит вниз. — Пусть побудет три луны. Короче, я без понятия, я не знаю, — и снова затяжка. — У меня никогда учениц не было, ни маленьких, ни больших, ни огромных, — показывала ладонью, отмеряя рост от пола, — никаких, вообще ничего. Послать ко мне учиться могли лишь те, кто на тебя просто забил. Послать мне кого-то учиться — значит, забить на неё.

Так. Так. Вот так.

— Почему? — трагически и серьёзно спросила Мауна.

Вообще-то, она спрашивала о себе. Почему, неужели и вправду, на неё, как выразилось, «забили» (Мауна вняла, что слово точно не сулит хорошего)?

Получила иной ответ:

— Маун, ты что, слепая? Посмотри на меня.

Последовав совету, Мауна так и сделала — смерила Амаю взглядом. Нет, этот взгляд поражения, сдачи, печали — такой недостойный Вестающей Империи Сунгов — он просто...

— Значит, всё плохо? — перебила Амая осмотр.

— Хотелось бы получше. Я приложу все усилия.

— Ну наконец-то я не одна такая. Я-то думала.

Амая нервно копалась маленькой ложкой в трубке, и уделила ей больше внимания, чем Мауне.

— Все усилия. Всё плохо. Как всегда, — подтвердила она.

Мауна опустила взгляд, пригладив патрицианскую *инсигнию* рода на шее. Она всегда так делает, если надо держаться, не пасть духом.

— Короче, тебя прислали, чтобы спихнуть и не грязюкать себе шкуру. Знаешь, Вестающие не любят брать учениц. Не-на-видят! — театральщина от Амаи. — Это, цай, цацкаться надо. А особо тех, у которых плохо получается. Если брать, то самых способных, не? Чтобы всё чисто, и чтобы похвалиться; вот удачная ученица — это понимаю, эт вещь, это отличное приложение, стильный штрих к портрету, всегда в моде.

Махала трубкой в воздухе, рисовала что-то.

— Знаешь, не порть мне репутацию, Мауна! — а теперь ещё ложный пафос от Амаи: глаза побольше, для дешёвого эффекта; Мауна поглядела на неё; она вообще успела отметить её выразительную мимику, та пускала это в ход в свои моменты.

«Уши», — вспомнила о себе, — «не прижимай».

Амая затянулась.

— Сёстры подумали: «Хм, отправим её Амае, той и так насрать на всё, да и на много что ещё». Отличная идея, наши сёстры всегда на высоте. Хороший *Граф*, прекрасный план. Ня.

Почему-то именно это добило Мауну. Уши всё-таки полуприжались. Ссылка. Сюда. К этой Ваалу-Амае. Что, действительно? Действительно присудили быть Предвестающей? «Каждый хорош на своём месте». «Нет неблагородных служений». «Традиция, иерархия, служение, Ваал». Она уже не раз думала об этих максимах, и она знала, что именно так предполагает *Кодекс*, и так велит *аамсуна*, но ведь, но...

— Я понимаю. Что мне теперь делать?

Может, можно уехать?

— Тот же вопрос. Каждый, блять, долбаный день.

Филистерство. Какое же филистерство. «Что ж ты сразу не отказалась меня принимать?», — подумала Мауна, но — естественно — смолчала. Её черты не дрогнули, уши не выдали, хвост не дёрнулся.

— Знаешь, Муниша, не знаю, что мы будем делать, но мы с тобой сваем какую-то дикую хрень.

«Муниша»? Так с её именем никто не обращался.

— Возможно, я и буду разочарованием. Но не посмею быть обузой.

Может, всё таки разрешится уехать?

— И отлично. Поешь, что ли, а потом иди спать. Только сразу спать, без *аумланов*, без дыхалок, и пораньше.

— Благодарна, но я уже поспала в дороге, — дерзнула Мауна.

— Так иди ещё поспи, — не впечатлилась, и даже не заметила Амая. — Спи, пока можешь, а то потом: не хочется, не может, некогда, не в распорядок, то красные дни, то ещё какая-то... чепухня...

Вопреки этикету и обычаям меж наставницей и ученицей, Мауна встала первой, и попрощалась первой:

— Пусть слова твои будут тайной.

— И пусть ты достигнешь Ваала, — незамедлительно ответила Амая и выдохнула дым, закрыв глаза.

Пусть слова твои будут тайной, и пусть ты достигнешь Ваала

«Пусть слова твои будут тайной».

Мауна не удивилась бы, если бы Амая просто ответила: «Пока». «Увидимся». «Доброй ночи». «До завтра». «Ваал осенит твой путь». «Пошла отсюда!». «Ну и топай». «До утра!». Андарианское: «Прощаюсь на утро». «Сладких снов», что средь Вестающих или издевка, или дурноватая шутка. Или как там ещё прощаются с обычными Сунгами, и обычными Ашаи-Китрах. Даже Предвестающими.

Но нет.

«И пусть ты достигнешь Ваала», — как и положено прощаться Вестающей со своею сестрой, с дочерью Внутренней Империи, с другой Вестающей. Это единственное, что утешало: её здесь (пока ещё) держат за свою, слава Ваалу.

Но остальное выглядело блекло.

Мауна сняла обруч, дала Ренае. Заметила картину на стене, классический сюжет: пирамида Империи, где наверху Император, потом идут Ашаи-Китрах и патриции, затем воины, затем просто Сунги, потом — дхаары. Это упрощённое описание. Там, на самом деле, много всего.

В конце-концов, думала она, её ведь не передали от наставницы к наставнице насовсем, её всего лишь отправили на праксис. Но... Практиксы ведь не берут у таких, как Амая. Практиксы дают красивый, хороший, блестящий: отправляют к Вестающим, которые служат в дисциплинах (их целых пять), либо же в Марне, столице (а там Вестающих — целая куча). Там ведь есть всё, и там есть все. Или полезный, мощный: есть пару сестёр, которые славятся прекрасной передачей Ремесла. Должны вот такой праксис давать! Ей нужен не просто «жизненный опыт», да ей нужно неистовое упражнение в Ремесле, нужно как воздух, наставница Ваалу-Нэль ведь прекрасно знает это; ведь время Мауны тает, некогда тратиться на дигрессии и любопытные опыты у сестёр-отшельниц, Ле-

гатных сестёр, эксцентричных сестёр в тёмных углах Империи, будь они трижды самые хорошие.

Да и лучшая ли Амая, или даже просто хорошая?...

Знамо, если разобраться, Мауна почти ничего не знает об Амае; и о том, что Амая «лучшая», она услышала лишь однажды. Ваалу-Нэль в своё время сообщила удивительно мало, почти ничего; в один прекрасный день Мауна просто узнала, очень неожиданно: «Поедешь на юг, к Ваалу-Амае, будет полезный опыт, подтянешься. И ехать недалеко, слава Ваалу». На вопрос, что да как с Ваалу-Амаей, та не стала распространяться: «Да ты знаешь, она больше для Империи и Легаты вестает, это — полезный опыт». Нэль не любит лишних расспросов и умеет дать понять, что «делание лучше многих слов». В общем, Ваалу-Амая — «полезный опыт», это наставница повторила несколько раз, и это всё, что Мауна получила.

Также Мауна слыхала разговоры иных сестёр, запомнился вот такой, ещё давненько:

— С Амаей, знаешь, не нужна никакая мнемоника, — молвила Ваалу-Дайана: устрашающая Вестающая, старая, опытная, известная тяжкой волей и абсолютной тиранией в своей Семье.

— Это точно, — после длинной паузы ответила Ваалу-Нэль.

При иных обстоятельствах:

— Как она это делает? — то ли жаловалась, то ли завидовала, то ли восхищалась, то ли гневалась ещё одна сестра. Мауна так и не смогла дождаться ответа на вопрос: что именно «это»? И намёков тоже не уловила.

Как-то Амаю не утруждались обсуждать; по крайней мере, при Мауне. Чёрное пятно, серая мышь, страшная тема — кто она?

В *Книгу Сестёр* Мауна не посмотрела, да и что там узнаешь. Её *портретов* и *фетишей* нигде не видала. В *Книге Душ* у Нэль даже *светотипа* Амаи не нашлось, только куцая и такая общая биография, что даже стыдно. Ну, с одной стороны, простительно: Амая не надлежит к *менгиру* Ваалу-Нэли (Нэль, а значит, Мауна — *Мастр-Фейнский менгир*; Амая — *Тар-Сильйский менгир*). Но всё равно: в *Книге Душ* её наставницы у Ваалу-Амаи оказалась самая жалкая страница. И девиз: пустой, ничего.

Ах да, где именно Мауна услышала о её вроде как незаурядных качествах? Не от другой Вестающей, а от Мастера Графа Ваалу-Нэли, сира Тамалу:

— Уезжаю послезавтра к Ваалу-Амае, сир Тамалу, на праксис, — поделилась Мауна.

Тот подумал, подарил ей быстренький взгляд и многозначительно кивнул, и дальше склонился над Графом.

— Ммм... Ваалу-Амая. Лучшая. В своём роде.

— Лучшая это Ваалу-Сэнзалли, сир Тамалу.

— В своём роде, — нажал-увильнул он. — Что я хотел сказать, что я хотел сказать... — взял красный графис, — ...что светлая Вал-Амая уверенно встает. Мы с ней сейчас мало работаем. Но с ней просто работать. Это... точно, — провёл на графе линию от своей Хозяйки, от Ваалу-Нэль, к менгиру Ваалу-Весты (Марн-Каарский менгир, главный менгир), и поставил цифру «2», и дату «0111808». — Это точно. Это точно. Хороший Граф сегодня выходит, изумительная Вал-Мауна, стройный.

Теперь Мауна с уст самой Вестающей, новой наставницы, знала: та не имеет опыта с ученицами; та не желает иметь опыта с ученицами; и приезд сюда — ссылка и знак, а самое сильное послание — символическое, как знает любая Ашай-Китрах. И со своих ушей слышала: Амая общается, как никакая Вестающая доселе не общалась с нею и при ней (наверное, так говорят торговки, но Мауна не имела возможности беседовать с торговками). И со своих глаз видала: Ваалу-Амая, она... какая-то... какая-то...

— Грязная, — даже вслух сказала Мауна.

Даже зубы её жёлты от табака, или что она там мешает в своей трубке.

— Что грязное, Хозяйка? — всполошилась Реная, оглядывая и её, и всё вокруг.

— Я с дороги грязная, — солгала Мауна.

— Мы помоемся, Хозяйка, помоемся.

Ученица раздевалась, дала служанке пояс.

— Похоже, у Ваалу-Амаи сейчас много хлопот, — бесцветно молвила ученица — без зла, с усталостью. А потом добавила: — И будет много. Похоже, придётся давать слад всему самой. Где её служанки, почему нам не помогают?

— Нет нужды, Хозяйка, они нам всё тут показали, — обвела Реная рукой спальню. Затем, неожиданное: — Хозяйка может приказать меня выпороть за то, что скажу. Но я служу Вестающим много-много лет. Вот что: пусть Хозяйка найдёт примирение... в том... что наставницы... возможно... приготовили для неё путь Предвестающей. Это может быть так.

Реная так умеет, много понимает. Она говорит прямо, честная.

— Я не сдамся, Реная.

— Хозяйка никогда не сдастся, знаю. Хозяйкина натура, восхищаюсь. Так и должно быть. Ваал хочет видеть усилия каждой из нас, на своём месте.

— Он всех нас хочет... — начала Мауна, но почему-то не закончила.

— Да, Хозяйка.

— Когда я сказала наставнице Ваалу-Амае, что никогда не покажу хвоста, то она... то она сравнила меня со свободной хустрианской львицей, что вознамерилась принять... побольше клиентов. Что бы это ни значило.

Реная не нашлась с ответом. Но Мауна шерстью ощутила её злость; пласис в руках служанки стал складываться резче.

— Здесь странная обитель. Какая-то здесь пустота, и беспорядок. Беспорядок и пустота. Как такое может быть? И то, и другое — вместе? Но я это вижу.

— Хаману Реная: я однажды слыхала, что она — из лучших Вестающих Империи, — очень задумчиво сказала Мауна.

Сомнение поймалось верно.

— Признаюсь: а я никогда не слыхала, чтобы превосходную Ваалу-Амаю так называли.

— А что ты о ней знаешь?

— Ничего. Никого не знаю из тех, кто ей служил. И всех, кто здесь в Семье, тоже не знаю. У них всех растерянный вид. Непростительно!

Реная взяла шемизу от Мауны, и та осталась голая; она наощупь оценила кровать, подушки; служанка хлопотала сзади, совсем близко, Мауна чуяла, как ткань трогает кончик хвоста.

— Позор. Они должны лучше нести служение, — зло добавила Реная.

Теперь она мыла лапы Мауне, и они молчали, долго. Служанка имела привычку дотошно осматривать ей лапы, оголять когти, выискивать недостатки. Мауна разлеглась на кровати, укрыв глаза рукой.

— Пока я вижу, что порядки и нравы превосходной Ваалу-Амаи... необычны, — раздался в тишине голос Ренаи.

— Что ты думаешь о ней? — спросила Мауна, не изменив положения. Она облизалась, её полуоткрытый рот, и скрытые рукой глаза — усталость.

— Тут мои мысли неважны. Я вклялась честно служить Хозяйке, а вслед за этим — любой Вестающей, если потребуется. Любой.

Всё: Реная взяла руки Мауны сквозь полотенце и помогла встать.

— Я всегда с моей Хозяйкой.

— Спасибо, моя Реная.

Вот что Мауне понравилось, так это здешние ковры, и она ходила кругами, разминая лапы, готовясь к *Ходьбе* перед *аумланом*.

— Это испытание, Хозяйка. Безупречная Вал-Нэль хочет поглядеть, как Ваалу-Мауна поведётся в этих обстоятельствах. Даст ли слад учению, служению, делам. Надо быть безупречной.

— Сажусь в аумлан, на час, дальше — моемся, и — спать, — определила Мауна.

Всё понятно, и Реная вытащила из деревянного ящика песочные часы, из целого набора всяких, и ещё взяла толстый синий шнур для дверей, что обозначал: «Вестающая в аумлане». С часами получилась заминка, так как Реная не знала, куда Мауна сядет — комната-то новая, надо место найти.

— Просто поставь на пол, — сказала Мауна. — И будем *закрывать* себя.

Реная так и сделала, и пошла к дверям, отодвинула перед ними тяжеленные бархатные портьеры; открыла дверь, чтобы вывесить шнур, и внезапно обнаружила за ней Ваалу-Амаю; та просто стояла с той стороны, с погасшей трубкой в руке и закрытыми глазами, меж двух своих телохранителей, что стерегли Мауну. Реная — огромный опыт — не растерялась, не подала виду, и просто сделала шаг назад.

— Блистательная, — поклонилась она.

— Не вешай, — открыв взгляд, сказала ей Амая насчёт шнура, хоть Реная уже и не собиралась. — Иди. А, да. Шнурок дай.

Мауна так и остановилась на полшаге, только-только начав Ходьбу, потому что в комнате явилась неожиданная Амая (вместо ожидаемой Ренаи), держа шнур как мёртвую змею. Она зашла так, словно нечто здесь забыла, взгляд блуждал вокруг, и она не глядела на Мауну. У Вестающих есть целый корпус этикета входа в спальню сестры, и ученицы; и достаточно сказать, что здесь — в целом и общем — он оказался нарушен. Не непростительной манерой, но всё же.

Амая подошла к кровати, потрогала повязку и белый хлопок, что лежали на ней. Это Реная подготовила, что *закрывать* Мауну перед аумланом.

— Не, не надо в аумлан входить, я ж говорила, — та отставила подготовленное на кровать подальше, довольно небрежно, как нечто плохое.

— Мне простится, наставница. Я намеревалась снять день и хорошо войти в сон, — ровно молвила Мауна.

Амая расстелила на полу коврик для сидения, и такой же подготовила Мауне; по южной манере, хустрианцы так делают, в Кафне тоже. Прямо зря: на таких коврах, как здесь, хоть так сиди.

— Перестань, — оперлась о кровать локтем, уселась на бедро, протянула лапы. — Перестань называть меня наставницей.

Как-то даже не удивившись такому повороту и сразу приняв своё незавидное трёхлунное будущее, Мауна спокойно согласилась, скрестив руки и так и оставшись стоять нагой; она повернулась к Амае, но не вся, не во фронт:

— Хорошо.

Расстеленный коврик она не приняла за полноценное приглашение, и Амая кивнула ей, мол, садись, чего стоишь. Мауна села ровно на лапы,

хвост уложила себе на колено и придержала ладонью; всё немного медленнее, чем обычно.

— Ну что, время соткать какую-нибудь там правду. Значит, тебя прислали сюда, — установила очевидное Амая.

— Да.

— Ты знаешь, зачем? — Амая подставила ладонь под мордашу, и её черты забавно перекошились.

— Уже нет.

— Лгать уже нет смысла. Зачем ты лжёшь?

Что ж, всё ясно. Кажется, её наставницам всё ясно, Амае всё ясно, только она — Мауна — всё ещё пытается укунить свой же хвост.

— Пока не наступило моё Приятие, то я никогда не брошу священный долг — учиться Ремеслу, — иного ответа от неё быть не может, потому что иной и не предполагается для ученицы.

— О, будь уверена, сделают так, чтобы наступило побыстрее, — небрежно махнула Амая, только услышав. — Приятие будет просто взрыв, блеск, такие Предвесткам делают, будешь купаться. От тебя избавились, в тебе разочаровались. Эт самое, если тебя прислали чему учиться, то это — дурацкий ход. Если для чего другого, то, наверное, вполне умный. Короче: смиришься, и готовься быть Предвесткой. Тем более, с такой эмпатией, как у тебя — эт сам Ваал велел, — всё сказалоь быстро и очень обычно, будто о погоде на завтра.

Мауна подумала о том, что даже с этим новейшим даром ей здесь никто не поможет. Если эмпатию не поддерживать, то она может и угаснуть так же резко, как и зажглась. Предвестающая! Предвестающая Валу-Мауна. Жестоко ей доставили эту Весть! Значит, так надо. Значит, такие Вести так и доставляются. Не справилась, не выбирать.

Вдруг Амая зажмурилась и сильно чихнула, спрятав мордашу в покрывале кровати. Мало того, она сильно закашлялась, и укрыла себя всю руками, аж по уши. Мауна встала, прошлась и налила из графина воды в кубок, а затем поднесла его Амае. Та и не думала выходить из своего убежища, содрогаясь в кашле в постель. Мауна так и стояла с кубком, не зная, что делать; даже попила из него чуть, тихонько; поглядела на спину Амаи, на её хвост, на пласис, рассмотрела её длинные-предлинные ушные подвески, что струились золотом по плечам. Вдруг молнией Мауне вспомнились две дхаарки, а сразу за ними — неизвестная сталла Айнансгарда, её «Сестра! Сестра!»; почему-то подумалось, что Амая — это она и есть, она выросла и каким-то чудом превратилась в Вестающую; чувство оказалось всеобъятным, да-да, именно, объятия, вот оно, вот; желание стало просто терзающим, Мауна боролась с ним, она знала, что это — большая вольность, против её патрицианской крови и всем известной прохладной сдержанности, против сложных правил взаимоотношений меж наставницей (?) и ученицей, ладно, между

Встающей и ученицей, что нельзя вот так делать, просто взять и обнять, без некоторых вступлений и предупреждений; но это не сработало, ничего не сработало, воля оказалась растерзанной волком фатализма («меня не приняли, смотря на всё») и львицей эмпатии («тебя принимаю, несмотря ни на что»). Мауна уселась перед Амаей, как перед чашей Ваала, и обняла её сзади, или сбоку, она даже не могла отдать себе отчёта как именно, и она совсем не подумала о кубке, и тот скользнул по постели и бессильно перевернулся, разлив воду, и влага затекла под ладони Амаи.

Она ощутила её последнюю судорогу, а потом всё стихло. Оказалось, что она уткнулась носом, переносицей прямо в ухо Амаи, и острота одного из колец жгла щеку; правая рука держала её ладонь, а левая просто растеклась по её спине. Очень медленно, Амая развернулась, их сложные объятия пережили метаморфозы, и в итоге они сидели очень близко друг против друга. Правая ладонь Мауны была сверху её левой, на кровати. Теперь они смотрели друг другу в глаза.

«Ваал...», — подумала Мауна.

Даже не зная, что делать, она взяла павший кубок с кровати, в котором, как ни удивительно, осталось немного воды. Чуть отпив с него (как и должно: даже Встающая должна попробовать, что даёт иной Встающей, хотя бы чуть), дала его Амае, и та слабо приняла его; Мауна его не отпустила, и получилось, что она поит Амаю.

— Спасибо, — облизалась та, с закрытыми глазами.

Теперь Амая открыла взгляд. Надо что-то сделать. Что-то спросить. Что-то сказать. «Ваал...», — снова подумала Мауна.

— Встать не мешает? — Мауна попыталась спросить с приятностью, с лёгким бризом юмора; но получилось очень странно, на самом деле.

— Кашель? Неа, — покачала Амая головой, влажный голос. — Мне ничто не мешает дело делать. Даже последние приключения.

Она и дальше мелко качала головой, мол, нет-нет, не мешает. Мауна не стала спрашивать о «последних приключениях», из осторожности и привычки не задавать лишних вопросов; этому навыку очень быстро учишься, если ты — ученица Внутренней Империи.

— Спасибо за открытость, высокая Ваалу-Амая. Понимаю, я не вполне справилась с долгом. И каждой из нас Ваал дарит разные вещи, — Мауна пыталась это говорить очень обычным тоном, словно ничего не произошло; и хорошо подвластные ей мимика и владение голосом тут совершенно предали её, не хотели служить. Прозвучало всё совершенно не так, как она желала. Не обычно, не буднично, неа.

— Разные вещи... Это точно, — стукнула кубком о пол Амая. — Ты с ума сошла. Не надо *предобращений*. И не надо *номена*. Просто Амая. Льви-ца Ама-я.

Почему «с ума сошла», подумала Мауна. Но не успела развить мысль, потому что:

— Эй, да ладно, что, всё так плохо с делами?

Мауна повела ушами, кивнула. Ну, очевидно, что так.

Амая внезапно взяла её мордашу в ладони. Обычное дело: начала высматривать во взгляде. Наставница Нэль никогда не была довольна итогом этого высматривания.

— Херня полная. Не может быть. Как-то не верю, понаписывали. Вон-те какой жест, какой подарочек.

Мауна теряла нить того, что говорит Амая.

— Чего они на тебя забили? Да какого?

Подумав, о чём это она — а думать, о чём это она, приходилось постоянно — Мауна ответила:

— Наставницы уделяли мне огромное внимание. Потрачено так много времени. Мне уделялось даже больше, чем заслуживаю.

— Пошли они нахуй, время они тратили. Они больше тратили батон на цацки, вот на что они тратились.

Мауну не то что бы пугала её резкость. Она не знала, что с нею делать.

— Что такое батон? — осторожно, даже кротко спросила.

— Золотой слиток, — Амая продолжала высматривать, потом резко бросила. Она начала отчаянно грызть коготь, её взгляд бродил по комнате, коготь аж стучал по зубам. — Ты — хорошее оружие, да сколько можно... — тихо и горячечно говорила она, вообще не заботясь о Мауне и её понимании. — Да как они... Хвост со мной, делайте, что хотите... хоть за хвостом ходите... и её... Ну и пусть. Да всё равно. Да плевать. Может, так даже лучше.

Скрылась в ладонях.

— Суки, суки, суки, суки.

Подумала.

— Пошли они. Все они. Наверное. Бери. Смотри. Жри.

Вспомнив, что Мауна, вообще-то, тоже тут, Амая очень буднично спросила:

— Как у тебя с мнемоникой? Тоже плохо?

— Хорошо, — запротестовала Мауна.

Здесь ей упрёка быть не должно.

— Запоминай. Запоминаешь? Запоминай: от Мауны для Кетиры. От: Первого Легиона. Для: Тринадцатого Легиона. Видим движение: граница Гельсии, пять тысяч триста сорок семь с половиной голов к югу от маркера семь. Замечены фирраны в броне, страшные танцовщицы ааша и жрецы Огнекульта со статуэтками. Состав: север, драаги, хустрианцы, мстваашцы, южные ситты, возможно — от-Сунг-наёмники. Торговцы

видели обозы. Подтверждаем Весть сорок пять. Укрепить маркеры пять и девять. Печать: Ворон-Луна-Меч-сорок семь.

Её манера давать Весть, даже здесь, в мире тёплой крови, оказалась устрашающей. Она не играла, не заботилась, не лилась почти нараспев (как Ваалу-Нэль, сейчасная наставница Мауны) или сухо передавала слова, одно за другим, спокойно и порядочно (Ваалу-Мьянфар, предыдущая наставница Мауны). Амая (не-наставница Мауны, неа, не хочет) вбивала слова железными гвоздями в сознание, лучше сказать — стрелами. Она не позволила оторвать от себя взгляда, скрыться негде.

Мауна без стеснения мотала жесты мнемоники, это ей помогает.

— От Мауны для Кетиры. Из: Первого Легиона. Для: Тринадцатого Легиона. Видим движение у границы Гельсии, пять тысяч триста сорок семь с половиной голов, маркер семь на юг. Замечены фирраны в броне, страшные танцорки ааша и жрецы Огнекульта со статуэтками. Состав: север, хустрианцы, мстваашцы, драаги, югситты, возможно — от-Сунгнаёмники. Торговцы видели обозы. Подтверждаем Весть сорок пять. Укрепить маркеры пять, девять. Печать: Ворон-Луна-Меч-сорок семь.

Немного смешная и во многом абсурдная Весть, но Мауна не подала виду. Вообще-то, ей не очень смешно. Как-то от стиля Амаи стало чуть не по себе.

— Это было просто, Амая, — она повела ухом и плечом, похвалилась.

— Сколько таких в себя впихнёшь?

— Штук шесть, за час. Я на слух слабее, с листа будет лучше.

— Няааах, да у всех так.

— Север, югситты и хустрианцы вместе? — очень осторожно улыбнулась Мауна, лишь краешком рта. — Только меланхленов не хватает.

— Всех в одну кастрюльку. Всех сварим. И сожрём.

Амая показала, как надо всех бросить и сварить. Мауна потрогала нос, закрыла себе воздух, чтоб не засмеяться, всё очень незаметно. Смех она вообще считает для себя чем-то малопопозволенным, даже наедине с собой.

— А, и не вестай пять-девять вместе. Пять и девять. А то эти бараны будут укреплять пятый, шестой, седьмой, восьмой и девятый.

Потянувшись, Амая неуклюже встала. Задёргала лапой — видно, задела.

— Вставай завтра в восемь, приходи ко мне в спальню в девять, — пошла к выходу, не оборачиваясь.

— Рутинка — в шесть, — просто заметила Мауна.

И пожалела. Ну право. Какое это имеет значение? Сказано же — в девять.

— А чтоб тебя. Какая у тебя рутинка? — обернулась Амая.

— Шесть и двадцать один.

— А чтоб тебя. Сдвигайся на восемь-двадцать два, — показала на неё пальцем.

— Хорошо.

— Пусть тебя услышат все сёстры, — палец всё так же на Мауне.

Какая-то очень сардоническая улыбка от Вестающей, сложно уловить смыслы. Мауна безукоризненно ответила, с кивком:

— И пусть ты достигнешь Ваала.

Удивительно, но Амая забрала с собой синий шнур для дверей.

Как Мауна стреляет из лука

Мауна соблюла всё, и просто спала, в соответствии со всеми правилами хорошего сна для Вестающих. Она не могла не подняться в шесть часов — перескок на иной расклад времён не сделаешь за ночь — потому до девяти её ждали любые достойные ученицы свободные занятия, вроде: прогулка поутру (желательно — с эпизодом Ходьбы по траве), стрельба из лука, перенниальная литература Сунгов, корпус текстов Вестающих и для Вестающих; можно и лошадь оседлать, но обитель для неё новая, это потребует некоторой логистики и освоения с местом, это всё лучше днём.

И никакого завтрака, потому что она ест с полдня.

Сегодня она выбрала лук, и, из-за загадочного неимения мишеней в этой обители (ну, это быстро исправится), стреляла в дерево (кажется, вишня); погода отвратная, мелкий дождь, ужасное небо, но ничего, капюшон спасает. Кнemiды она сбросила, ибо её научили: ходить простолапой по мокрой траве очень полезно. Чтоб носить стрелы и прочее, она распорядилась дать ей кого-то из Семьи Амаи; её служанки сами вызывались на это дело, но им Мауна нашла иное занятие — те приводили в нужный порядок покои и спальню, там были свои недочёты.

Дали ей почему-то юную *дхаарку*, её возраста. Странно, но да ладно.

— Красивого утра, безупречная, — встретила она Мауну со всем нужным у заднего выхода в сад.

— Пошли.

Дхаарка оказалась неплохая: быстрая и молчаливая, всё только по делу. Мауна не терпит, когда прислуга начинает умничать и болтать.

«Какой позор. Нэль всё-таки решила, что дело моё — крах», — пустила она стрелу.

Она спокойно подумала, что прямо на Приятии следует отравиться. Смерть на Приятии — всегда достойная смерть, упрёка не будет, в этом нет нарочитости и показухи обычного самоубийства. Или не сдаваться

и достойно нести служение как Предвестающая? Это очень нужное служение, на самом деле, редкое и уникальное; никто не связывает Внутреннюю Империю с внешним миром так же доверенно, прочно, практично, как они.

«Нет», — так же спокойно подумала Мауна. — «Отравиться с капризу любая дура может».

— Иди скажи в обитель: как будет девятый час, пусть нас позовут.

Дхаарка исчезла, оставив колчаны на мокрой траве, и Мауна нагибалась за стрелами. Потом вернулась.

— Блистательная, я бесконечна в благодарности.

— Зачем? — по-андариански спросила Мауна, поправляя перчатку на правой ладони. Дхаарка попыталась встать перед ней, на линии стрельбы, и Мауна без спешки отодвинула её стрелой, что достала из-за пояса.

— Зачему превосходная, — встала та сбоку, поняв ошибку, — спасла тётю Селестину и тётю Бастиану. Я всё знаю-знаю. Все знают.

Ученица подумала, натягивая тетиву. Стрела пустилась.

— Это те две дхаарки, что украли мешки, или что там? — потянулась за новой стрелой, без эмоции.

Дхаарка мелко закивала, глядя долу, хоть этого Мауна и не видела, потому что снова целилась. Потому для ученицы вышло, что дхаарка просто молчит.

— А они украли? Что они там натворили?

После долгой заминки, та ответила:

— Они ничего-ничего не делали. Это всё из-за меня.

Мауна поглядела на неё. Снова *это*, как вчера. Дхаарка в ужасе. Ваал, в каком же она страхе. Он просто стал её ужасом, на миг; но Мауна справилась, рассматривая, что происходит в ней, и поторопилась, когда дхаарка снова поглядела вниз, и взяла её за подбородок — гляди на меня. Оказывается, это помогает эмпатии, открыла для себя Мауна; чужой взгляд нужен, без него почти не работает. Дхаарка поселилась в ней, не вся, а частью (её ужас), но теперь Мауна могла разделить себя и её, в единстве есть две части, и эти две части — оказывается — можно и нужно разделить, не поглощаться, и глядеть, как словно сквозь дымчатое стекло, что происходит в ином сознании (у простых львов-львиц — сознание, это у Вестающих — *метанойя*), вот так штука эмпатия, вот так открытие; слушай, да это ж дар Ваала, надо к нему присмотреться, он не даёт даров просто так...

— Ваал... — не удержалась и вслух отметила Мауна, все эти дела.

Конечно же, дхаарка восприняла это в свою сторону, как глубокий упрёк.

«Честная», — вдруг поняла Мауна. — «Занятно».

— Они закрывали меня-меня, моя вина, — быстро призналась та, хотя в этом признании вообще не было нужды, ни с какой стороны; оно ей только во вред.

— Ты ничего не крала, — не спросила, а утвердила Мауна.

— Нет. Никогда. Красть нельзя.

— Ты не крала. Они — тоже. Так что там случилось?

Та приготовилась изречь какое-то ужасное признание; её идеально серые черты, серые глаза, приготовились к безумному прыжку веры, который может начисто погубить; вообще-то, поняла Мауна, та признавалась от неожиданного, даже глупо-наивного доверия, но ещё — удивительно, что бывает — из-за честного, реального чувства долга, из-за благородного мотива (у дхаарки?).

— Как тебя зовут? — не дала сказать ей Мауна.

— Тоамлиана, яркоогненная. Тоей все зовут. Тоя.

— Безупречная, скоро девять! — торопился к ним телохранитель Амаи.

— А тебя как зовут? — теперь Мауна спросила его. Она всегда намертво запоминает имена: и полезно знать всех в любой Семье по именам, и развлечение в мнемонике. Прислугу важно держать на коротком поводке, а имя — тоже хороший ошейник к поводку.

Тот почему-то ухмыльнулся. Экий. Сукин сын. Чувствуется.

— Тай, превосходная Ваалу-Мауна.

— Мауна, так моё имя. Иди.

— Глубочайшие извинения, превосходная Ваалу-Мауна, — совершил он полупоклон, придерживая руку у меча.

Мауна бросила ему лук, он без труда поймал, кивнула ему — иди.

— Отнесёшь моим служанкам, это хороший лук. Пошли, Тоя.

— Есть, огненная Ваалу-Мауна, — ответил Тай.

Они пошли обратно в обитель, и установилось молчание. Ну?

— Отвечай. Когда Вестающая спрашивает, надо отвечать.

— Приключилось что было? — сломался дхаарке сунгский, от большого волнения. И понеслось: — Мы неделю как приехали, всё спешили, мы все тут спешили очень-очень, в подвале ставили сундуки, потом пришла госпожа-хаману Хизая, и приказала как можно быстрее ложить одежды из сундуков, а в сундуках платья Хозяйки, оказывается, все вышли, а я сделала поступок, я жалею-жалею, я взяла, я взяла-взяла и надела Хозяйкино платье, и смотрелась на нём в зеркало в подвале, там было зеркало, его тоже привезли, и тут зашли, тут зашёл...

Ха-ха-ха. Вот-те и «честная». Ложь! Вот так дар! Неужто это то, что ощущают Правдовидицы? Ложь можно вот так ловить за хвост, как кот ловит мышь? Проблема оказалась в том, отметила Мауна, что невозможно сказать, что именно в её словопотоке есть ложь. Наверное... наверное можно задавать вопросы, и станет понятно? Надо на лету осваи-

ваться со всем этим, Мауне стало всё интересно; это ж польза, сколько пользы для служения Ваалу, Империи и Сунгам!

Эй, постой, она на самом деле честная.

И лжёт.

«Хм», — подумала Мауна. — «Странные вещи. Как эмпатия может говорить одно, потом — сразу другое?».

Эмпатия не должна врать, а тут на тебе. Честные ж не врут, а тут вот тебе. Всё путается: Тоя врёт, эмпатия врёт, обе врут, никто не врёт?

— Какое платье?

— Похожее, как у безупречной, но длиннее и с рукавами такими, воротник был ещё, оторочка. Только-только тёмно-красное.

Мауна сейчас в *свире*, не пласисе.

— С поясом таким? — дёрнула себя Мауна за пояс Ашаи.

— С поясом-поясом.

— Пласис, значит. Это... — припоминала Мауна, прикрыв глаз, как оно там в «Положении о преступлениях против Сестринства Ашаи-Китрах и в сторону вероборчества, и беспощадно-неотвратимых наказаний за оные, а также им подобные». — Это: «Притворство, совершенное любой львицей, в надлежании к сестринству Ашаи-Китрах, а также обладанием Дарами Духа». Это куда хуже всяких мешков. Это смертная казнь даже для Сунг, Тоя. Это то небольшое, за что львицу в Империи казнят.

Она остановила их движение на ступенях обители. Очевидно, Тоя знала, что надевать всякие платья Ашаи — плохо, как и красть у Хозяйки — тоже. И очевидно, она не подозревала, что дхаарке одеть пласис, да и свиру — куда хуже, чем украсть бутылки, даже сто бутылок, или тысячу. И загадочно, вот штука: как же именно преступление притворства Тои вдруг превратилось в совсем иное, в преступление кражи двух дхаарок?

— Любая Ашаи-Китрах может убить тебя сейчас же, — показала Мауна большим пальцем на свою сирну. — Это одобряется Кодексом.

Это дело заслуживает определённого интереса. Это огромный рычаг. Это даже не поводок, это — железная цепь. Такие железные цепи с огромным шипастым ошейником очень полезны, Мауна знала это — её тоже этому обучили. Чем привязывают? Чувством чести и долга, любовью, деньгами, убийственным знанием.

— Я приемлю смерть, пусть Ахей примет меня. Пусть это будет быстро.

Вот чего, а такого ответа Мауна не ожидала. В этих случаях дхаарам должно просить пощады, всякое такое, ведь они не понимают чести, как и не понимают самоубийства, и много чего ещё.

— Ахей? Ты мрамрийка?

— Да, яркоогненная, — сложила та руки у лба.

Мауна залезла ей за шиворот. Всё правда — символ Ахея на ней, увидел мир, скрытый доселе воротом.

Вообще, в этой обители происходит что-то воистину странное. Все какие-то... нервные, что ли. В некоем тёмном тумане. Дхаарки признаются в смертных преступлениях. Да что такое?

Тоя смотрела Мауне в глаза. Итак, новая волна эмпатии; Мауна стала замечать вот что, важное — дар не давался просто так, даром, нет, эмпатия брала из тебя силу вёдрами. Мауна это знает, любой Дар Духа ест силы, это знает даже любая *найси*; но до этого знала так, умом, а сейчас — ощутила. А вот сейчас пошли странности: у неё с этой львицей пошла связь; в какой-то мере даже возмутительно, но это так. Какая именно связь? Вообще неясно. Связь, она для твоих сестёр, вот-вот, точно такую связь Мауна ощутила к Амае тогда, вчера вечером, когда видела её спину и струящиеся по плечам серьги. Это что, это эмпатия бросает связи без разбору: ей вообще всё равно, кого к себе связывать, так, что ли?

Тоя вроде как попыталась что-то ещё сказать, но теперь Мауна знала, что не может дать ей говорить дальше, она наговорит на свою смерть, на десять своих смертей, нельзя этого позволять, никому нельзя. Мауна, малоосознанно, очень быстро и внезапно, закрыла ей ладонью рот, полностью; так всегда делали все наставницы, когда Мауна практиковала *миеин*, обет молчания, и вдруг о нём смела забыть. Подойдут, аж подскочат, и силой совершат ей *миеин*; Ваалу-Нэль ещё и грозилась пальцем. Видимо, юная дхаари решила, что именно так и полагается начинать казнь, и только закрыла глаза и жаром выдохнула в ладонь Мауны, её руки безвольно расслабились, и колчаны освободились от стрел, те раскатились вниз по ступеням. Мауна же начала сражение с собой, и очень быстро проиграла, мало-своя воля оказалась слишком сильной, и она обняла Тоя, очень сильно. Они одного роста, и Мауна уткнулась носом ей в ухо с железными дхаарскими кольцами (три штуки); она не могла видеть, что золотые струи подвесок Вестающей укрыли дхаари мордашку, и даже растеклись той в открытый рот; смесь запахов: сама Тоя, мыло, кухня, сарай, подвал, кровь. С отстранённым беспокойством за коллапс такого огромного расстояния их статусов (и прочей подобной дребедени) и бесконечным, ещё таким незнакомым (и в то же время вечным, как Тиамат) блаженством эмпатии Мауна отметила, что почти целует там, где берёт начало ухо Тои, которым та слышит мир, а её сильные руки лучницы-патрицианки впились Тое в плечи.

Сделав своё дело, эмпатия угасла, и теперь Мауна обнаружила, что она, ученица Вестающих, самым бесподобным образом обнимает дхаарку на ступенях обители Вестающей (Луна Охотницы), и это воистину скандальное положение, которое даже толком никому не оправдаешь и не объяснишь. Привычная воить себя изо всех изменённых состояний,

Мауна, всё ещё обнимая Тою, оценивала, как ей лучше со всего выйти. Она не должна выглядеть удивлённой или растерянной. Она не должна выглядеть в ажитации. Должна быть спокойная строгость Вестающей, так, мимика, да, во так.

Мауна отстранилась, сильно так, на два шага, а может и три. Она так и не смогла описать выражение Тои, но оно воистину запомнилось. Деталь: один колчан Тоя всё ещё держала в руке, и он болтался, взад-вперёд.

Взмахнув на рассыпанные стрелы, Мауна начала молча уходить, потому что надо торопиться в спальню Амаи.

— Хозяйка! Лапы!

Мауна остановилась, развернулась. Что лапы?

— Лапы. Мыть-мыть.

Посмотрела вниз: ну да, грязные. Вспомнила, что кнемиды забыла там, в траве. И они подошли к лапомойке у входа.

— Лапы мыть-мыть, — зачем-то пространно повторила Мауна; она просто была эхом, и здесь не было никакого приказа. Вспомнила интересный трактат «О значении эха», где автор сказал, между прочего, что без эха нету пространства и нету любви.

— Я уже, я уже, — заторопилась Тоя.

Омовение лап проходило сюрреально: Тоя почти каждое мгновение очень быстро утирала себе мордашу свободной рукой, рукавом, у глаз, и совершенно избегала смотреть куда угодно, кроме только вниз, у неё прижатые уши; Мауна думала о том, что слезами ей никогда ещё не мыли лапы, да и что иное — тоже.

— Прошу хвост, Хозяйка.

Мауна повернулась. Хвост мыть незачем, она ведь в свире с карманом для хвоста, ну да пусть.

— Превосходная Ваалу-Амая — твоя Хозяйка, — сказала она, стоя хвостом к Тое. — Ко мне только *предобращение* и *номен*.

— Да-да, совершенная Ваалу-Мауна. Да, — согласилась Тоя с ещё одним своим преступлением.

Когда всё закончилось, и Тоя встала перед ней, склонив голову так низко, как это вообще возможно, то вовремя подошёл сир Нермай:

— Превосходная Ваалу-Мауна, уже почти девять.

— Сир Нермай, если поутру я иду стрелять, то давайте мне эту дхаарку, — показала она на эту дхаарку зеркальцем, и он кивнул.

Мауна подумала, что ей нужна любая Ашаи, которая поможет справиться с эмпатией, а то лишь второй день — и уже дела вразнос. Только где такую здесь найти?

Невозможность истинного сопротивления лучшим дочерям Сунгов: вчера, сегодня, завтра

— Твоё имя? — показала Мауна зеркальцем, справа от двери.

— Хагал, сиятельная.

— А твоё? — а теперь слева от двери.

— Таву, превосходная, — а вот этот львина из телоохраны уже каких-то неприличных размеров, словно отец у него — фирран, а не лев.

Поймав ещё два имени в память, Мауна вошла, уверенно открыв дверь (жёлтый шнур на двери: «Встающая освобождается от Вестей»).

Её не то что бы скосило лапы увиденное, но всё явно отличалось от всех тех спален Встающих, в которых Мауне пришлось побывать, а таких не так уж мало, за свою восемнадцатилетнюю жизнь она успела покататься по Империи и побыть гостьей у многих сестёр во многих обителях. Надо сказать, что спальни всегда разные, иногда с невероятными причудами Хозяек, но во всех них находились общие элементы, обязательные атрибуты: искусные и огромные портреты сестёр, особенно сестёр менгира Хозяйки, портрет Высокой Матери, портрет Самы-Знаете-Кого, бесконечные лунные символы и узоры, все флаги Империи (вот Знамя Войны стараются пристроить куда-то понезаметней, оно мешает, это все знают), фетиши сестёр у постели, огромные каллиграфические девизы сестёр, многосложный набор подушек, множественные постельные принадлежности там и сям; доски прямо у кровати, на которых мелом пишут важные якоря для вестей, как-то имена, цифры, места, даты, подразделения и соединения, печати. Некоторые вешают на нитях флажки над кроватью или травы, иногда — очень экзотичные. Драгоценные камни очень разного толка, особенно лунный камень, куда уж без него, и жемчуга (но никогда не рубин, все знают, что он паскудит любое сновидение). Иногда это сущий хаос, иногда — беспощадный порядок; но всего, что хоть чуть может помочь сновидению, а потом — вестанию, всегда много. Чаши Ваала никто не ставит и тем более не жжёт: они тоже мешают, огонь Ваала мешает. Книга Душ, или даже несколько таковых. И карты, карты, карты — карты Империи, провинций, всего остального мира. Безусловно, стол с сегодняшним Графом; точнее, той его частью, что непосредственно касается Хозяйки на сегоночь.

Поэтому Мауну поразил аскезис. Из всего этого — вполне ожидаемого изобилия — в спальне Амаи оказалась лишь настенная карта Империи, приличная, но не очень большая. Ещё обнаружили: Амая, и двое графописцов совсем рядом с кроватью — лев и львица (необычно, в писчие берут так-то львов). Почему-то не оказалось Встречающих слу-

жанок, даже одной, ни одной; а хотя бы одна всегда есть, если Хозяйка разрешается Вестями, кроме самых экстраординарных случаев.

Встающую, что отдаёт Вести, должно находить в постели, у неё пьяный или умирающий вид, часто — с закрытыми тканью глазами, и она с тонкой помощью Встречающей старается отдать всю себя последнему усилию в сегодняшнем сеансе Ремесла, страшась нарушить баланс между явью и сновидением, из которого только что вышла, «спугнуть память», как говорят; ей дают понюхать всякое-разное; могут поить из ложки, как маленькую, так для Ваалу-Нэль делали. Ваал, да ей, Мауне, так делали, когда она раз (раз!) смогла войти в связь и смогла неплохо принять (и ничего не передать). Повязка на глазах и хлопок в ушах часто так и остаются, и Встающая уязвимо лежит — слепая и полуглухая.

Но что Амая? Да её фривольность и безнаказанность поражали: она в ночнушке лежала на боку, одной лапой подбивая изголовье кровати, а другая протянулась на подушке, шевелила хвостом и лениво жевала нечто тёмно-красненькое, кажется, изюм или клюкву, из глубокой деревянной тарелки, очень простой; ладонь под мордахой, и та снова перекосилась, прям как тогда, в их первую вечернюю встречу, и виден её клык. Увидев Мауну, она махнула ей, беззаботный жест: заходи, присаживайся на кровать.

— Двенадцатая. Это самое... — выплюнула она плохой изюм и бросила в тарелку. — Инлирамия для Амаи. От: Марнской Второй торговой гильдии. Для: Листигийской торговой гильдии. 807 год, дебиторы и кредиторы — сходится. Ожидаемые поставки 808 год от текущей даты: семь тысяч пятьсот камней кофе, двадцать тысяч пятьсот камней чёрного кафнского чая. Разбить потрилуно. Требуем отменить безнадёжную задолженность, взыскать, все меры: Вальрр, рода Астал. Ожидаем не позднее конца года: представители — чай, кофе, драгоценные камни, посуда высокомастерства. Печать: Звезда-Ворон-Рука-шестьдесят. Подчеркните «чёрного».

Мауна подошла, но не села на кровать, потому что это не по этикету и не в обычае Встающих, в такое-то уязвимо-интимное время, а просто на лапы, подле кровати.

— Тринадцатая...

«Что?», — дошло до Мауны. — «Тринадцатая?».

Четырнадцатая.

«Ваал, она не закрыла очередь после седьмой-восьмой?», — поглядела она на писчих, а потом на Амаю, очень степенно, никакой эмоции; но внутри неё — провал удивления. — «Это как?».

Амая протянула Мауне нечто оранжевое, прямо под нос, и через миг Мауна вынуждено ела курагу, чуть прикрывши рот ладошкой; она даже забыла хотя бы чуть прижать уши в благодарстве за угощение.

Пятнадцатая.

«Это как?!», — вообще уже изумилась Мауна, и проглотила.

— Пятнадцать из пятнадцати, — подбила итог Амая. — Сверяйтесь.

Писчие уселись поближе, последовав приказу Хозяйки. Лев водил по строкам львицы.

— Это что? — спросил лев.

— Триста тысяч триста двадцать, — ответила львица. Добавила не-
нужное уточнение: — Импералов.

— У тебя двойка похожа на тройку, — проворчал лев.

Тем временем, подмигнув, Амая предложила Мауне ещё курагу; полупоклон от Мауны, поблагодарила (рука на груди), вежливый жест «нет», всё молча — «не надо, спасибо». Амая перевернулась на спину и бросила курагой в карту Империи, на которой утыкано множество разноцветных флажков (каждый обозначает Вестающую) — попала прямо в столицу, Марну, и Мауна пронаблюдала за этим полётом; курага сбила один из девяти флажков, которые скучковались в Марне.

Писчие не отвлеклись на это, и расписались под принятыми Вестями. Мауна отметила: двое писчих как бы вразной работали, много ненужных движений, неуверенных взглядов на Хозяйку.

— Хозяйка, *стамп*, — попросил лев. Всё.

— Бейте сами, я ж говорила, как в прошлые разы.

Писчие переглянулись, и лев с каким-то тяжёлым вздохом, даже нехотя, ударил личной печатью Амай обе стенограммы. Затем взял последующие бумаги; львица откинулась на стуле и расправила рукава платья. Мауна посмотрела на неё, и та полупоклонилась, неслышно прошептав: «Превосходная» — говорить не по делу воспрещено, когда Хозяйка разрешается Вестями, это всякому Семейному известно.

— Значит, отвестано девять, Хозяйка, — пошёл дальше лев, вертя графисом.

— Девять отвестаны, как и хотелось. Десять не вышло, с седьмой — дупло: пробовала достучаться к Шиале, но в домике никого не оказалось, — Амая продолжала валяться на спине и бить хвостом о кровать.

Прочистив горло, лев полуутвердительно молвил:

— Значит, не-Весть — седьмая, Хозяйка.

— Эт седьмая, — меланхолично подтвердила Вестающая.

— Причины не-связи... известны? — осторожно спросил он.

Львица Медиума покосилась на него, а потом посмотрела вниз, снова поправляя рукава.

— Я ж говорю. Она обосралась, — сказала Амая, а потом икнула. — Блин, Маун, дай воды, вон там.

«5 д. 3-я Л. Вод 808 г., седьмая, печать: Ворон-Рубин-Молот-девять. НЕ-ВЕСТЬ. Причина не-связи: невозможность принять Весть с. с. А. В. Ваалу-Шиалой по неустановленной причине», — записал лев.

Тем временем Мауна дала Амае воды, но её ошибка приключилась в том, что она взяла и кувшин, и кубок, а посему Амая живо взяла у неё весь кувшин; ученица же осталась с кубком, даже ритуально не отпив из него, как полагается. Мауна повертела им в руке, поглядела на донышко, и так с ним и села обратно возле кровати.

«5 д. 3-я Л. Вод 808 г., седьмая, печать: Ворон-Рубин-Молот-девять. НЕ-ВЕСТЬ. Причина не-связи: П: «Ваалу-Шиала обосралась.» :П», — записала львица.

Лев поглядел в запись львицы. Потом на неё.

— Примат пряморечи, — сказала в свою защиту львица, и искоса поглядела на Хозяйку, но та продолжала уделять всё внимание кувшину, держа тот двумя ладошками.

Лев ещё раз вздохнул.

— Протокол пройден, Хозяйка, — огласил он.

Амая перестала пить и крикнула, влажно вобрала воздух через рот и ещё раз икнула.

— Встающая вернулась, волей Ваала, — Амая сидела, не в силах понять, куда ж ей деть наполовину выпитый кувшин, а потому дала его Мауне.

— Волей Вала, именем Империи, во славу Сунгов, Хозяйка, — в унисон сказала писчие, встав. Собрали все принадлежности, бумаги. — Красивого утра, огнелунная, — сказал лев; нечто сказала и львица, много тише — не разобрать. Она тут же заторопилась освободить Мауну от бремени кубка и кувшина.

— Ваал в день, Медиум. Спасибо за служение. Буду рада именам, — Мауна показала на них зеркальцем.

— Марх, изумительная, — имя льва.

— Мизури, сиятельная, — имя львицы.

— Благодарна знакомству.

Мастер Графа, графописцы (все вместе — «Медиум») — элита в Семье, с ними нужно обходиться хорошо. Это Мауна знает.

Марх задержал на ней взгляд, ещё раз кивнул.

Когда они вышли, Мауна снова присела подле кровати, расправив себе подол пласиса (еле успела переоблечься после стрельбы). На кровать Встающей нельзя просто садиться, приглашение нужно. Оно последовало: Амая, лёжа на спине, повернула голову к ней и жестом разгладила постель. Мауна села, скрыв зеркальце в поясе. Что ж, она открылась, теперь Амае вести, что куда и как — она здесь главная, она здесь Встающая; что бы кто ни говорил, между ними — большой градиент власти, ученица — даже после Совершеннолетия — никак не ровня Встающей.

«Тем более такая посредственная, как я», — подумала Мауна, но скрытно, даже от себя. Эта мысль получила силы после того, что она

здесь засвидетельствовала. Девять вестей отвезать (а задумывалось десять), пятнадцать принять — это много. *Очень* много. У Ваалу-Нэль никогда такого не бывало, да и у прежних наставниц — тоже. Всё, что больше десяти — высокий класс, здесь зависть натуральна. И всё это без портретов, фетишей и Встречающих, и вот о таком праксисе Ремесла Мауна, честно говоря, ещё не слышала. До неё начинало доходить, почему сир Тамалу дал ей хорошую оценку, и начинала тлеть обида, что именно такая Вестающая не собирается быть её наставницей («Не называй меня наставницей!», и прочее).

Тем не менее, ничего не происходило. Амая продолжала смотреть то в потолок, то в окно, в противоположную сторону. Она залезала ладонью в тарелку и брала оттуда один и тот же кусок кураги, доводила его до рта, а потом её рука безвольно падала на кровати, не завершая путь. Она бросала её обратно. Потом снова брала. Мауна глядела то в окно, то на неё, изучая. Худая, впалые скулы, спокойное золото шерсти. Наверное, она ашнарийка или дененая по прайду, хотя сложно сказать.

Амая повернулась к ней, поглядела на неё. Мауна кивнула и чуть улыбнулась, и этот жест означал ничего иного, как признание её мастерства в Ремесле; Ваал мой, да хоть кто-то имеет в нём мастерство... В нём — и гордость за Внутреннюю Империю, и за *сунгмару*, и за всё сестринство, и зависть, и грусть оттого, что её сослали сюда, как будущую Предвестающую. Потом посмотрела чуть в сторону, отрешённо. Её вдруг взяли за ладонь, Амая улыбалась, куда шире, чем она, но это оказалась самая грустная улыбка, которую Мауна только видела в жизни. Амая показала снова жестом на постель — разлегайся, вся.

— Что, Муниш? Нарисуем дом — будем жить?

Мауна разлеглась, по позе, на боку. Стало почему-то легче, намного легче, хотя изменение вроде такое небольшое. Что легче? Да всё легче. Мауна очень желалось спросить об отсутствии столь необходимого антуража для хорошего вестания, об их (возможном) плане на день, о смысле её присутствия здесь, её мучали вполне практические вопросы, но всё это было как-то не то, и она вдруг сказала:

— А может лучше море? И в нём утонем.

«Ваал, пощади, *что* я сказала...», — пронеслась мысль. Её укрыла метамысль: «Эмпатия, да ты та ещё сука».

— Амая простит меня. Я приемлема в рисунке, но учитель критико...

— Говори мне «ты», только на «ты». Эмпатийная ты сссс... — Амая не закончила последнего слова, и засмеялась, посмотрев вниз. — С-с-с. Субверсистка.

«Субверсия, суггестия, сублимация», — вспомнилось Мауне о тройке основ скрытого влияния Ашаи, как их видел Боэсий в его единственном трактате «Невозможность истинного сопротивления лучшим дочерям Сунгов: вчера, сегодня, завтра» (всё остальное — поэзия).

— Что мне определишь, Амая? Чем могу здесь сослужить? — задала Мауна свои практические вопросы. Ашаи должна как-то служить, иначе дела плохи. Её не собираются учить, а учиться — величайшее служение Ваал-Сунгам; значит, должно быть чему-то иному.

— Оу, полно распоряжений. Первое: поваляйся здесь в постели и ничего не делай.

— *Отцум*, — подумав, определила Мауна.

— Что опиум? Не, не подходит, ты это дело брось. Слезать замучаешься.

— Я имела в виду о-ти-ум. Расслабление и рефлексия, спокойные раздумья.

— А, это... Да не раздумывай.

— Тогда это *аумлан*, — не унималась Мауна.

— Просто валяйся, чтоб тебя.

Амая бессильно взмахнула хвостом, он упал.

— Поваляйся в постели, чтобы лучше вспоминать. Вообще, после вестания никуда не спеши, в мир надо войти, а то будешь путать, что где как.

— Я умею *закрепляться*. С этим проблем не бывало.

— Не сомневаюсь. Если у тебя проблемы с вестанием, то ты слишком хорошо крепишься.

Амая потрогала её за пласис, даже поцарапывала что там когтем.

— Лежи, ничего не делай, это важно для Ремесла, и вообще. Думай о чём угодно, или ни о чём. Ешь курагу, изюм. Тебе всё равно, всё не имеет значения.

А потом зевнула.

— А потом, сегодня, будешь клиентов принимать. Я их почти никогда не принимаю, вот ты и будешь.

— Почему?

Мауна имела в виду «почему я?», но — как уже это бывало — Амая поняла всё по-своему:

— А толку? Почти всегда это — пустая болтовня, они и так приносят свои Вести в письмах, они и так будут приняты Медиумом. Они приходят, чтобы посмотреть на меня и повыдываться, а потом между прочим брякнуть: «Я сегодня был у Вестающей».

— Но ведь так лучше запоминается всё, якорь. Да и отношения с клиентами, они важны...

— Мне не нужны якоря, я просто плыву.

— Полагаю, клиенты будут удивлены, что их принимаю я, а не ты.

— Цаааа, я буду сидеть рядом, книжку читать. А ты... ты выдумывай вещи на лету. Клиенты никогда ничего важного не говорят. Всё, что им надо, они уже написали. Остальное — чепуха.

— На который час клиентам назначено?

- Та... какая разница, Семья придёт и пнёт нас, когда придёт время. Полежали. Мауна прилежно подумала над этим.
- Амая, если будут клиенты, то я должна пойти и добавить *дистанции*.
- Та ну, чего тебе не хватает, всё при тебе, — отмахнулась Амая.
- Нет, — отрезала Мауна. — Я должна.

Клиенты

Реная очень придирчиво осматривала накидку Мауны со всех сторон. Поправила обруч на голове (ещё не венец, тот ещё не по статусу), длинные-длинные подвески серьг (уже по статусу).

- Эта накидка... Не люблю как в ней уши сидят, Хозяйка.
- Ты всегда это говоришь. И всегда не нахожу такого.
- Хорошо. Готово, Хозяйка, — сказала та, наконец, но всё равно сказала: она всегда в сомнении, идеально ли помогла облачиться Мауне.
- Дай мне ещё расходников на руку.
- Сколько?
- Дай два. Нет, три.

Если в чём Мауну готовили как надо (да много в чём), так это в *дистанции* — в создании внешнего впечатления от Вестающей; все её наставницы уделяли этому монументальное, как *стаамс*, внимание. Существует множество правил, деталей и трюков, вот например для мордашки: чёрные точки под глазами, в ряд; тонкие вертикальные линии, выше глаз, ниже глаз; (не)симметричные полулуны вокруг глаз; обычная тентушь для глаз, как простые Ашай и простые Сунги делают, только сильнее; узоры разбитого стекла (Мауна не любит); очень дорогая тентушь, что светится ночью, ненадолго; сложные лунные узоры (долго, но хорошо). Пласисы и подвески, ой, полно их, всяких, на все случаи. Зеркальце, и как оно держится в ладони. Положение сирны на поясе.

«Ты — это мы. Мы — это ты». Вся Внутренняя Империя уже в ней. Никуда не надо ходить или ехать или лететь — она уже в тебе, пока ты Вестающая, или ученица Вестающих, и неважно, сколько тебе лет. Пока ты своя, ты внутри Внутренней Империи, — ты есть все, и все есть ты.

Мауна вышла из своих комнат и пришла туда, где Амая определила, где будет принимать клиентов; удивительно, но Амая почему-то делала это в библиотеке. Их надлежит принимать в отведённом зале, самых-самых важных — в отведённой комнате; там можно и стены с прослуш-

кой делать, и прочие интересности, если потребуется. Но Амая здесь Вестающая, а она — только ученица.

Та сидела в глубоком, мягком кресле, закинув лапы на маленькую библиотечную стремянку.

— Ух, — посмотрела она на Мауну, оценив.

Мауна осмотрелась: есть библиотечный стол (сойдёт), есть стул (повыше надо, и подставку для лап бы). Это для Амаи. По традициям, ей должно сидеть подле, но чуть в сторонке (ученица). Что ещё есть? Солярный символ Сунгов за креслом, но почему-то только один, а надо два. Стоит графописец, недалеко от стола, двое телохранителей, третий (глава телоохраны) сидит в углу, скрестив руки. Он внимательно глядит на Мауну.

— Мне приказать ещё кресло принести?

— Зачем? — развела руками Амая, и чуть не уронила книжку из рук. — Вон, садись.

— Мы не будем вместе, превосходная?

Мауна не может к ней обращаться на «ты» при всех. Так нельзя.

— Неа, я книжку почитаю. Смешная книжка, называется, это... — перевернула на первые страницы. — «Снохождение» называется.

Это всё не то, что предпочитает Мауна, и к чему больше привыкла. Клиентов лучше принимать в стиле патрициев: низкий столик, ты сидишь на лапах на огромных подушках, клиент — напротив, на куда меньшей; для каждого клиента — своё расстояние.

Аккуратно сев, с чем ей помог графописец, Мауна взяла список клиентов:

«1) Сир Сархан, миллиар Легаты, дренгир особых поручений. 2) П. сир Оттал-Ансуз с сыном. 3) Сир Киритц, честь Сунгов».

Естественно, никого из них она не знала. Второй пункт обещал местного патриция, очень хорошо. От третьего пункта вообще выпала в осадок: судья просит аудиенции у Вестающей? Лев пихает хвост в осиное гнездо? Экстраординарно.

«Киритц, эм, как это мстваашец оказался судьёй в Листигии?», — подумалось Мауне.

— Ваалу-Амая, попрошу *стамп* огнелунной, — ровно сказала Мауна, поискав взглядом по столу.

— Где он там... Харг, сбегай за *стампом*, он в спальне. Скажи Тайре его взять.

Мауна повела ухом. Если бы она забыла *стамп* поутру, то Нэль бы её просто убила сирной, без вариантов. Остальные наставницы, наверное, скинули бы со скалы или там с башни. Также телоохрана не должна «бегать за *стампом*»: это так неправильно, с многих точек зрения, что... Мауна вздохнула. Пока ожидалось, то Мауна осведомилась у графописца:

— Прощу имя сира, — показала зеркальцем.

— Сноходная, я — Ахас, из рода Сирсаммов, Найсагри.

Посмотрелась в зеркальце. Поглядела, что там Амая: болтает лапой, вся в чтении, и кажется, она даже не притворяется; она воистину не здесь. Поглядела на графописца: львина уже очень немолодой, болезненного вида. Он тоже поглядел на неё, взгляд такой измученный, и решительный, с достоинством. Показала ему жест одобрения: «Одобряю, хорошо, утверждаю»; ей стало интересно, поймёт ли он его. Понял сразу: «Спасибо». Слушай, если взять в целом, подумала Мауна, то нормальная у Амаи семья, хорошая, каждый знает своё дело; только все вместе они как-то не притёрты, всё чуть не впопад.

— Прикажи впускать, — сказала, когда принесли стамп Амаи.

Вошло что-то военное и блестящее, очень много лоска — дренгир Легаты при полном параде. Широкая улыбка, северняк по кровопрайдку.

— Хееей, хей-хей-хей.

Мауна отметила, как все, кроме Амаи, поглядели на неё. Дренгир-северняк подходил, и подходил всё медленнее, глядя то на Мауну с явным недоумением, то направо, где скрылась за книгой в своём кресле Амая; та отреагировала на его вход только тем, что закурила.

— Амая?

— Что? — даже робко послышалось справа после неловкой заминки.

— Это кто?

— Это Ваалу-Мауна, — Амая никак не отрывалась от чтения, но теперь заминки в ответе не было, — блистательная ученица, лучшая сейчас в Империи. — Устало добавилось: — Не мешай читать.

— Но... — развёл руками, осмотрелся.

Он сел напротив Мауны, брякнув ножнами о стул, и поставив кулак на бедро. Так. Теперь он изучает Мауну, и вроде даже пытается улыбнуться, но с великим сомнением, словно не зная, хорошая ли это идея и как оно всё дальше. Мауна же сидела невозмутимо, сгущая момент. Ещё, ещё. Она выставила зеркальце у груди, горизонтально, отражение — к собеседнику; ну, уже не совсем собеседнику, а считай — неприятелю. Если его ещё повернуть, держать вверх ручкой, то это уже неприятель, это может быть даже приказ на убийство.

Увидев это, графописец Ахас почесал нос, и поглядел на главу телоохраны, а тот зашевелился и облокотился с правого бока на левый. Мауна не видела и не могла видеть, как дрогнул в подавленной победной ухмылке край рта Ахаса.

Амая продолжала отсутствовать, выдыхая дым через нос.

— Медиум осведомил сира, как надлежит входить к Вестающей? — Мауна показала на дренгира зеркальцем в очень прямой руке; это случилось сразу, как только он отвёл взгляд к Амае.

Тот задумался и одновременно съел что-то кислое:

— Не пойму. О чём речь?

Ещё немного молчаливого сгущения.

— Проводите сира к выходу, — отмахнулась Мауна свободной рукой.

— Ухухуху, — с устранившимися засмеялась Амая, вся в чтении, переверачивая страницу. И даже непонятно, о книге это она, или о чём-то ином.

Телохрана среагировала мгновенно: по сторонам визитёра явились оба льва, глава телохраны возник сзади.

— Что это значит? — встал дренгир, и, поднимаясь, совершил ужасную ошибку, даже вряд ли намеренную: поставил руку на рукоять меча. Почти наверняка он сделал это для удобства. Но телохрана не простила ему этого, она не купилась здесь на «почти»: они вполтину обнажили оружие, один из телохраны встал между Мауной и клиентом. Тот застыл, и глава телохраны молча, пальцем, указал на причину: «Убери руку с рукояти». Что тот медленно и сделал. Затем развернулся и начал уходить, быстро.

— Стойте.

Дренгир остановился лишь потому, что наткнулся на ладонь главы телохраны. Он не оборачивался, но Мауна и не обращалась к нему:

— Сир Ахас, я прошу приватно напомнить клиенту, как надо входить. Вне сомнений, недоразумение из-за того, что он устал с дороги.

Глава телохраны, первый клиент и Ахас вышли.

«Я всё сделала, как полагается», — успокаивала себя Мауна. — «Я сделала всё как положено. Как положено. Как положено». И что её порадовало: телохрана Амаи сделала всё, как положено.

— Будь я проклята, Маун, в тебя влюбились с первого взгляда.

«Сарказм», — подумала Мауна, и дала выразительный взгляд Амае: право, он неуместен. Амая улыбнулась и отмахнулась, что-то среднее между «проехали» и «ты пока ещё не поняла», тряхнула книжку в руке и продолжила читать.

— Амая... — некоторая заминка перед «ты», Мауне ещё непривычно. — Ты знаешь его?

— Да, — легко ответила Амая, но не потрудилась продолжить.

За дверью было тихо, даже подозрительно тихо. Затем в библиотеку вернулись: Ахас, потом клиент, потом глава телохраны, сир Уруз. Ах да, конечно же, Мауна знала его имя — уже выведала у Семьи.

Со второй попытки всё прошло идеально: «Именем Империи, во славу Сунгов, превосходная Ваалу-Мауна»; «Волей Ваала, Сунг-миллиард Сархан»; она встала, показала где можно и нужно сесть; подход, поцелуй кольца на её левой руке; она села, и он сел.

— Могу спросить: кто будет посылать сообщение? — он протянул ей конверт, неохотно.

— Вестать будет превосходная Ваалу-Амая.

— Тогда я должен говорить непосредственно с ней. Это важное и секретное Легатное донесение.

Мауна резала маленьким ножичком конверт, не спеша.

— Беспокойство сира приемлемо, но напрасно: я вправе обремениться этим секретом, как и любая из Вестающих, — не смотрела на него, а раскрывала сообщение.

— Чем меньше голов вовлечено, тем лучше для дел.

— Идеальный секрет никто не предаст, потому что никто его не знает.

Хорошо образованный лев мог бы ответить продолжением из сентенций: «Поэтому самой главной тайны нам не постичь».

Но не сегодня.

— Понял.

Мауна пробежалась по строкам:

*5 д. 3-я Л. Вод 808 г. От: 1-й Сводн., Северная Листигия.
Для: 13-го Имп. Выдвинуться по: исх. расп. — форт-Шатт
— маркер 73 не позднее 10 д 3-й Л. Вод 808 г. в полном
составе.*

Кто-то неопытный составлял сообщение. Вестающим не надо давать аббревиатуры, но Медиум разберётся, что уж тут, не первый день.

— Волей Ваала, мы провештаем.

Стамп.

— Чем ещё могу служить сиру?

— Это всё.

Мауна встала, протянула руку для поцелуя. Тот холодно поцеловал.

— Пребудет с тобой Ваал, сильный Сунг.

— Слава Ваалу. Всего хорошего, преподобная.

Хочешь уязвить Ашай-Китрах, тем более юную? Скажи ей «преподобная».

Когда дренгир вышел, то Мауна поглядела на Амаю, но та ничего не сказала. Право, какая ж интересная книга!

— Прошу, пусть входит следующий.

Следующих оказалось двое: патриций и его сын, лет так двенадцать, может четырнадцать — только началась грива. Эти вошли безупречно, и никаких сюрпризов не было. Патриций желал передать что-то деловое-приватное.

— Благодарен Ваалу за этот день: я исключительно рад возможности познакомиться с превосходной Ваалу-Амаей. Возможность каждый раз ускользала, к несчастью, но вот мы здесь.

Мауна поняла, что патриций перепутал её с Амаей; он сбит с толку — в обители заявлена одна Вестающая, а тут почему-то две.

— Отец, здесь ошибка. Это — превосходная Ваалу-Мауна. А тут — высокая Ваалу-Амая, — поправил его сын.

— Он прав, здесь точно ошибка. Это — Ваалу-Мауна, блистательная ученица. Лучшая сейчас в Империи, — тут же отозвалась Амая из своего кресла.

— Мои глубочайшие извинения...

— Беспокойство напрасно. Тем более, сын сира проявил пронизательность, достойную внимания, — отметила Мауна.

— Это несложно, отец. У огнелунной Ваалу-Мауны нету амулета Ваала, а у высокой Ваалу-Амаи — есть.

— Та-да! Польщена, но я старовата для ученицы, — помахала Амая амулетом, он поболтался, так-сяк; Мауна чуть сжала зубы — да полноте, Амая, это несовместимо с достоинством Ашай-Китрах, такие экзерсисы.

— О... Хорошо, что мой сын столь увлечён всем, что касается лучших дочерей Сунгов и веры Ваала. Чрезвычайно! Исправил моё профанство.

— Сир находит сестринство достойными отдельного внимания в кругу своих интересов? — спросила Мауна у юного льва.

— Да, очень, — немедленно и страстно ответил тот.

— Он очень, очень увлечённый юный лев, даже слишком... — заиивинялся отец.

— Нахожу эту увлечённость очень приятной, — выручила юного льва Мауна, показав на него зеркальцем: взмах сверху-вниз, затем собеседник должен на миг отразиться в нём, затем — к себе.

Вдохновлённый, тот начал. Так говорят те, кому — наконец-то! — дали возможность сполна излиться о любимой теме, которая почему-то не так интересна окружающим, которые почему-то полагают твои знания в ней недостаточными, а твой возраст — чтоб его! — слишком малым, чтоб рассуждать о всяком таком.

— Пусть отец посмотрит, — быстро заговорил юный лев, безошибочно уловив жест Мауны. — Это означает одобрение, — из-за спешки он даже упустил уточнить, что именно «это», и от отца ускользнул весь контекст. — А зеркало несёт «трансцендентную функцию», — закрыл глаза, заученно вымолвил он, — оно должно отражать не мир, но скрытый порядок, идею. Когда безупречная Ваалу-Мауна смотрит в него, то она видит не себя, а всех Вестающих. На нём, на нём, папа, — совсем увлёкся он, а отец только и ждал удобного момента, чтобы как-то перехватить, осадить поток сознания сына, — должна быть гравировка: «Воля Ваала: видящая себя видит всё». Там так написано... Должно... — он чуть сжался под многообещающим отцовским взором.

Тем временем Амая подумалась: смотрелась в своё зеркальце, вздохнула и выдохнула через рот, будто увидев там то ли что-то разоча-

ровывающее, то ли странноватое. А потом вообще махнула рукой и продолжила читать.

Зеркальце нельзя давать в руки не-Ашай, тем более — самцу. Посему иного выхода нет, и Мауна встала, а потом присела возле юного льва, и выставила зеркальце перед ним; патриций наблюдал за этим с чрезвычайным удивлением.

— Что видит юнсир?

— Верноверный Сунг высшей страты, — подумав, ответил юный лев.

Напротив них — как раз кстати — Знамя Империи на стене, и Мауна отразила его; её рука касалась плеча, груди юного льва, а левая ладонь ухватилась за спинку кресла. Близкое присутствие, нет дистанции! Дистанция для того, чтобы в нужный момент её рвать. Нэль знала в этом толк, Нэль научила Мауну хорошо, она вообще учила Мауну очень хорошо; это всё враньё, что она покинула Мауну на саму себя, полнейшее.

— А сейчас?

Мауна ожидала просто «Империя» или «Империя Сунгов». Но нет, юный лев отчеканил:

— Высшее начало власти — Империиум.

Мауна встала и развела руками.

— Я покорена, молодой Сунг.

— Приятно слышать, — сказал патриций.

— Потому что всё зависит от того, кто смотрит в зеркало, сир Оталл, — сказала Мауна, и беспомощно добавила: — Когда львица покоряется, ей должно давать. Такова природа вещей, которую так видим в зеркале.

Она сняла с левой руки один из тонких браслетиков, расходник, вроде и скрытно, но (на самом деле) — так демонстративно. Это необщая практика, эту хитрость знают сёстры Мастр-Фейнского менгира — менгира её наставниц. Мало того, Нэль учила снимать его быстро, наловчиться в этом.

— Пусть юнсир примет.

Львицам браслет надевают. Львам — дают в руки. Хитрость — простая, действует — безотказно.

— Советую юнсиру в будущем подарить его той, кого выберет себе в супругу. И обязательно сослаться на все обстоятельства, — дала она браслет, солярные символы на защёлке. — Он из Марны, там есть такая мастерская Храма, очень известная.

Это правда, на самом деле, Мауна тут не приврала.

— Вау. Ну Мауниш, ну ты даёшь, — только и сказала Амая, когда очень довольный патриций и потрясённый сын вышли.

— Клиенты нуждаются в связи.

От всего этого у Амаи почему-то поднялось настроение, она чуть за-пела себе под нос. Расправила книжку, вела по ней когтем, почему-то рассмеялась; верно, хороший пассаж.

Итак, следующий клиент.

— Высочайшая, следующим будет местный судья, — огласил Ахас. Мауна на него, а потом на Амаю.

— Ничоси, — перевернула страницу Амая. — Это будет забавно.

— Превосходная имеет честь его знать? — спросила она Амаю.

— Понятия о нём не имею.

Графописец склонился к уху Мауны, очень близко.

— Огнелунная, должен доложить: Ва-Амая почти никогда не принимает клиентов.

— Ухум, — чуть кивнула Мауна, невозмутимо.

— Клиент будет с компаньоном, — более встревоженно молвил он, со значением. — Этого не предвиделось. Приказать впустить обоих, или согласно заявленному?

— Кто его компаньон?

— Мы... — запнулся он, а потом словно сдался: — Мы ещё не успели разузнать.

Мауна подумала, повертев зеркальце.

— Разузнаем. Впускаем обоих.

Клиенты вошли. Справа — высоченный лев, в чиновном поволочне, с жезлом (судья). Слева — антипод, грузный и низкий; Мауна отметила, что его тога на нём не сидит. Крепкий, очень сбитый, грива вся в косах. У него на поясе были пустые ножны короткого меча, необычно, потому что оружие сдают почти всегда с ножнами; кроме военных — им можно не сдавать.

Всё обычно: подошли, поцелуй кольца, уселись на два стула, один из которых уже успели мгновенно организовать. Они оба почему-то вообще не обращали внимания на Амаю, в отличие от предыдущих; и они не удивились, что принимает Мауна.

— Я приятно удивлена, что вижу двоих Сунгов вместо одного, — начала Мауна после приветствий.

Лев слева заулыбался, у него — золотой клык. Мауна поглядела на него, потом ему в глаза; взгляд задержался; и перешёл не сразу, когда судья уж начал:

— Приношу извинения, безупречная Ваалу-Мауна. Мой друг и партнёр... Мой друг, он присоединился ко мне в последние мгновения, и мы вместе решили, что он мог бы тоже... Так сказать, установить знакомство с Вестающей, что служит в нашем регионе.

— Сатарин, — представился тот.

— Я обязана уточнить, что это Ваалу-Амая служит Сунгам в этой обители, а я — ученица.

— Ваалу-Мауна, блистательная ученица. Лучшая сейчас в Империи, — и снова отозвалась Амая из своего кресла, и с удовольствием затыкнулась трубкой.

Лев справа почесал щеку, судья никак не отреагировал.

— Моё служение? — повела дальше Мауна.

— Мне надо передать вот это. Очень срочно. Я знаю, я общался со служащими...

— С Медиумом, — помогла Мауна.

— Да. Они мне всё сказали, что срочные вопросы приоритета сообщений может решить... сиятельная.

— Это правда.

Графописец склонился к уху Мауны; деликатный судья отвёл уши, его грузный компаньон ничего такого не сделал; с него не сходило выражение, ближе всего к ироничному.

— Мы уже в лимите на сегодня и на завтра. В приоритет не можем: нет критерия. Нужна санкция Ва-Амаи, — от графописца чем-то хорошо пахло, Мауне аж стало интересно, что это.

— Эй, Ахас, что, не влазит в Граф? — вмешалась Амая.

— По стандарту, нет.

— Это не проблема. Ваалу-Мауна провостает, у неё весь лимит свободен.

Никто не видел, как предательски дрогнул хвост Мауны.

— Правда? — даже наивно спросил судья, глядя на ученицу.

Что оставалось ответить? Конечно же, только одно:

— Да, честь Сунгов. Приложим усилия, веленые Ваалом.

— О, чудесно. Спасибо большое. Очень рад.

— Если честно, тоже удивлён, — отозвался его грузный компаньон. — Думал, тут одна Вестающая.

— И я так думала, да как всегда, ошиблась. Есть ещё Ваалу-Мауна, блистательная ученица, лучшая сейчас в Империи, — вставила ремарку Амая.

Не зная, как реагировать на эксцентричности худой Вестающей с трубкой, книжкой, лапа за лапу, в кресле, с дымным взглядом, в любимом положении (подложить ладонь под щеку, чтоб асимметрия мордахи) — судья слабо заулыбался, поглядев на неё, немножко.

— Никогда не видел учениц Вестающих, — пожал плечами сир Сатарин. — Всё бывает в первый раз. Ну, была не была.

Итак, Мауна глядела, как один за другим, без спешки, из-за пазухи сира Сатарина появляются длинные и тонкие золотые слитки с Имперским клеймом; их стало три. Графописец стоял невозмутим. Телохрана тоже, но им так положено всегда, кроме моментов, когда кто-то возмущает безопасность Хозяйки, а также иных Вестающих, а также учениц Вестающих, и — естественно — любимых котов Вестающих. Судья

провалился просто в ужас, простой и бесхитростный, его аж накрыло серостью, ему обвисли усы. Амая вытянула голову, с любопытцей глядя на стол.

Мауна, чуть выждав, подала жест «стойте, замрите, остановитесь, ничего не делайте, отставить, не вмешиваться, спокойствие», хотя он был излишен: Семья ничего не предпринимала.

— Сир Сатарин, можно вопрос? — спокойно спросила она.

— Весь внимание, — расслаблено сказал тот, сложив ладони на животе, играя большими пальцами, один из которых оказался наполовину обрубан.

— Это называют «батон»? — дотронулась Мауна к слитку справа, аккуратно их разровняв.

— Да, батон, — с достоинством ответил сир Сатарин.

Она поглядела на него. Эмпатия, эта штука, она ей начинала нравиться; и плевать, что жрёт силы, как голодная беременная сука. Главное, начинала понимать Мауна, главное: не даваться падению в монумент чужой души очень глубоко, нужно только нырнуть, а затем — мгновенно на бережок; а то очень быстро закончишься, а толку будет мало, кроме звериного балдежа, единения с миром тёплой крови, ты станешь не одна, а в тебе поселятся двое, или там несколько, или вообще все, и прочая чепуха. Мауна склонила голову чуть набок, не заметив этого. Главное не падать, не проваливаться в него, нет-нет. Вынырнув, Мауна не удержалась, чтоб ненадолго прикрыть глаза; вышло такое: «Великого обмана нет, а так, помельче. Я ему нравлюсь. И как же он тяжёл, преступен, малоустрашим, неподвижен, и множество самок кругом, да сотни, чтоб их!».

Амая глядела, не моргая и чуть открыв рот, застыв с трубкой в забавно вытянутой руке, будто засмотревшись на ярмарке на трюкачей; не вмешивалась, совершенно, зрительница.

— Как ещё называют золотые слитки? — спросила Мауна, поставив зеркальце на стол, отражением вниз.

Амая так же перевела взгляд на сира Сатарина, ничего с собой не меняя.

— Если Имперский, литой — то будет батон, — чесал тот бровь. — Если литой самолит, но нормальный — чушка. Если пластинкой, то будет блин. Ковка будет «простак» или «драбадан», не знаю, почему. Я давноковки не видел. Недовес или грязнолит называется по-разному: туфтяк, фуфльж, говнюк, самотык.

— Большое спасибо. Так много имён.

— Могу повторить, или ещё накидать, — сказал. Уточнил: — Имён.

— Не надо, я запомнила.

На самом деле Мауна примерно знала, что всё это такое. И к этому её подготовила Нэль. Именно так «львы дела», как та их называла, уста-

навливают первый переплёт с очень важной особой (коей, безусловно, есть всякая Вестающая Империи Сунгов). Они всегда приходят не одни, это установленный ритуал. Этот решил прихватить судью, в этом что-то было: наверное, сигнификатор местного влияния, или глубокий, довольно неплохой сарказм; но Мауна не могла тут задумываться слишком сильно и придти к чистым выводам, что означает именно судья.

— Может, просто под руку подвернулся.

— Это большая щедрость, и сестринство запомнит её, — даже не задумалась Мауна, приняла переплёт, и её ум утратился такой незадумчивости. — Пусть сир посоветует, глядя на мою молодость: как стоит распорядиться таким богатством?

— Пустить на угодные Ваалу и щедрые дела.

Да, примерно такой ответ. Это оно.

— Я продолжу злоупотреблять предпочтениями сира, следуя свойству природы. Может ли сестринство рассчитывать на помощь сира в тех или иных делах?

Мауна не просто взялась в переплёт, она затянула узел. Она понимала, что он ей нужен. Зачем? Она не знала зачем, зачем ей переплёт. Вот надо. Она должна! Инсайт и эмпатия просто орали, они требовали этого. Ум скрылся, опасаясь уже всего, бормоча, что всё это «безграничная дурость, и не по статусу, и без знания обстановки, без учёта мнения Амаи, и множества иного, всех иных вещей» и лишь надеясь, что его, ум, окончательно не прибьют...

— Само собой. Я лев дел.

— То чувство, когда мысли согласуются с реальностью в яви. Сестринство служит Сунгам.

Мауна внешне спокойно (но её на самом деле окутывал туман) застамповала сообщение. Причём совершила немислимую, чудовищную ошибку, не сразу её осознав: она на Весть судьи поставила свой штамп, а не Амаи, а это надо его отвязать от пояса, снять защиту (у штампа — не крышка, у штампа — защита), это не сиюмгновенное действие.

Уж этого она не вправе делать, самозванка! Издревле одно из худших преступлений у Сунгов — самозванство. Штамповать Вести могут только Вестающие. После. Приятия. Полные сёстры Внутренней Империи. Клиенты вряд ли осознали такие нюансы, но графописец осознал, покосился, но не решился.

Амая ничего не сказала, но всё видела.

— Я рада знакомству. Сир Сатарин. Честь Сунгов, сир Киритц. Я рада, что львы нашли в себе намерение обратиться к нам в случае великой необходимости. Но мы все служим Сунгам.

Сир Сатарин с усмешкой кивнул.

— Совершенно согласен, — только и сказал судья, ни жив, ни мёртв. Его уж точно не предупредили обо всём... этом. И он рад отсюда убраться без скандала, или ещё чего куда хуже, и обо всём забыть.

Мауна встала, встали и клиенты.

— Ваал в сильный день, Сунги

— Всего хорошего, превосходная.

Поцелуй кольца, их выход, и мгновенный вопрос от графописца:

— Как прикажете обойтись? — он глядел то на Амаю, то на Мауну.

— По традиции, — начала Мауна, хотя и знает железное правило «понапрасну не объясняй прислуге своих решений», и дала графописцу один слиток. — Часть идёт самой Семье, разделитесь. Эти два... — развела руками. — Добавьте в баланс.

— Чей, превосходная?

— Не мой же. У меня его нет.

Любая ученица надлежит наставнице, и своих денег у неё нет и быть не может, кроме всякой мелочи.

— С клиентами всё? — спросила Амая.

— Да, Хозяйка.

— Ладненько. Все на выход.

Все исчезли, Амая подошла. Спрятав зеркальце в поясе, Мауна стояла и почему-то подумала, что та её сейчас отругает, даже ударит или что-то начнётся; что-то сейчас будет. Та обошла стол, очутилась где-то сзади ученицы; Мауна попыталась встать к ней мордашкой, но тщетно — та крутилась, и всё оказывалась за хвостом.

— Муниша, молодчина. Красавица, — положили Мауне руки на плечи.

— Амая, я... — ощутилась великая усталость.

— Маун. Ты принимаешь клиентов в один день лучше, чем я за все свои годы, — выглянула Амая из-за плеча ученицы.

— Меня научили, — оправдалась Мауна.

— Не сомневаюсь. Да тебя изумительно подготовили! Маун, кончай эту канитель, ты очень хороша. Ты можешь. Ты всем покажешь. Мы им покажем.

«Кому «им», интересно?» — подумала Мауна. Но, как всегда, не спросила, будучи собою.

— Спасибо, Амая... Не во всём хороша, — молвила Мауна, и взяла в руки Весть судьи, застампованную своим штампом. Прекрасно. Какая же фикция. Слабо бросила обратно. Её графописец даже не взял, ясное дело: он не может. Амая должна решить, что с этим делать, потому чт...

Амая стукнула её книгой по груди. А потом, поставив её на стол, атаковала: стукнула по плечам, ещё раз, и ещё. Мауна не стала сопротивляться, хоть всё это и было странновато, а просто указала когтем на свою вину — Весть судьи с её штампом. Амая поглядела на бумагу, взя-

ла в ладонь, затем оглушительно зазвенела в звонок, и явился графопи-сец с телоохраной, что начала топтаться у двери.

— Ахас, ты чего эту Весть не забрал? — потребовала Амая, и тут же не дала ответить: — Забери в Медиум, давай.

— Да, Хозяйка, — не стал он спорить, и быстро удалился.

Установилось молчание: Мауна не знала, что сказать; Амая же думала непонятно что, стуча переплётом книги по столу, а затем начала вытряхивать трубку, ругаясь под нос и нервничая; Амая залезла в трубку чем-то похожим на шило. Упомянулась всуе такая-то мать, Мауна отвела уши.

— Что за книга, Амая? — аккуратно спросила, чтоб как-то всё продвинуть дальше, или в сторону, куда угодно.

— Я те говорила, «Снохождение», Малиэль, — с занятым видом Амая раскуривала трубку, уселась на кресло возле стола, её рука в красивом темно-зелёном пласисе разлеглась по столу. — Книжка весёлая, но нам вредная.

— Почему? — ровно, в струнку, в позу стояла Мауна.

— Нам, — показала на себя, на неё, — Ремеслом надо заниматься: в курятнике гулять и подставляться петушку. В курятнике курицы, они яйца несут. А это, — показала на книгу, — побег из курятника. Там-то, на улице, все яйца растеряешь. Там лисы, волки... Всё такое. Я слышала, Дайана как-то подарила такую своей ученице. Как её... Амарель.

— Это та, что в прошлом году на Востоке погибла?

Амая глядела на Мауну.

— Ага. Дура, — поглядела Вестающая в сторону. — Я бы никогда так не сделала.

Удивительнейшее свойство речи Амаи: мало того, что она часто недоговаривает вещи, так зачастую невозможно точно понять, о чём именно она говорит, к чему именно приложить её слова; даже если контекст ловится хорошо и правильно, всё равно у Мауны всегда сидело сомнение. Кто именно «дура»? Дайана? Амарель? Она, Мауна? Кто-то иная? Все скопом?

— Уделишь и мне для чтения, если можно? Незнакома с этим творением.

— Не знаешь о нём? — удивилась Амая. — Не, не дам. Я ж говорю: вредная, тем более, у-че-ни-це.

Ничего страшного, увести разговор дальше, день ещё впереди: можно придумать себе много дел. Мауна просто заговаривала и себя, и Амаю, внутренне даже расслабившись оттого, что не получила по ушам — а было за что. Но этот дар, эмпатия... она стала ненасытной, постоянно наготове. Мауна чуяла, как она её жрёт, и это только отдаляло её от уже призрачной цели хоть как-то, может быть, но подучиться Ремес-

лу. Нельзя усидеть на двух стульях, нельзя есть рыбу и, там... кушать мёд.

Мауна уже начинала понимать ещё несколько вещей: в другую Ашаи нельзя нырнуть так, как в светскую душу, неа; но чем дольше с кем общаешься, чем лучше узнаёшь, если между вами мост (Мауна уж это обозвала про себя именно так — «мост»), а мост между нею и Амаей уже построился, длинный и крайне ажурный, вон же она сидит, глядит искоса на тебя, и кажется, уже подозревает, что ты не следуешь совету и упражняешься на ней в эмпатии. Нет, нырнуть не выйдет, но вот что выйдет, так это ниоткуда взять и пустить стрелу слов, очень-очень точную, такую же длинную, как и сам мост:

— Я не твоя ученица: меня определили греть яйца в курятнике — мои не несутся.

Это обидело Амаю! Даже эмпатии не надо — на ней всё написано. Она резко схватила книгу, показала ею на Мауну, и это было похоже на «на, бери!»; но это оказалось иллюзией:

— Знаешь, Муниша, ты... Ты или очень хитрая, или... очень-очень хитрая, — она трясла «Снохождением», указывая на неё, обвиняя.

Амая ушла вместе с книгой, Мауна смотрела ей вослед, затем поправила сзади кинжал-сирну, что неудобно впиалась рукоятью в спину, потому что сирна у неё большая, потому что Ваалу-Нэль не признавала маленьких и вручила на Совершеннолетие именно такую.

Теперь всё ясно; и ещё раз о том, как Мауна стреляет из лука

Поздний обед в тот же день, и на нём: Ваалу-Амая (Хозяйка, Вестающая), Ваалу-Мауна (ученица Вестающих), сир Нермай (вилиус, он же распорядитель, снова почему-то без тавра с девизом Хозяйки), сир Мелим (Мастер Графа Хозяйки).

Амая обсуждала денежные дела семьи с сиром Нермаем — высоким, престарелым львом с грустными глазами и роскошной чёрной гривой (красит, или как?), и переливалось из пустого в порожнее, потому что Амая никак не могла внять в толк какие-то элементарнейшие вещи, которые тщился ей расписать и описать сир Нермай.

Мауне принесли кролика, он лёгок на живот, а потому хорош для Вестающих; она дала с вилки съесть служанке кусочек — символ неотравления и строгое правило, и задумалась, потому что с нею не говорил

никто, и она не говорила ни с кем. Амая, кстати, только и позвала её на обед, лично, но больше ничего с ней не хотела обсуждать. Нет.

Подбить итоги: она неплохо справилась, следуя тому, что учили, и во многом отражая стиль Нэль, и это оказалось даже просто; она приняла переплёт с неизвестным ей львом дела, не имея санкции хотя бы одной из сестёр, да хотя бы Амаи (но лучше — сестёр её менгира), и понятия не имея о местном раскладе сил и кто есть кто (ну чудненько); и она застамповала Весть, чего не вправе делать, даже если бы блистала в Ремесле и хоть завтра могла ехать в Марну на Приятие.

Все эти важные вещи и дерзкие промахи молодости, кажется, никак не волновали Амаю. Кажется, её в отношении Мауны занимала лишь малопонятная обида, и Мауна да ни в жизнь не могла внять, на что именно. На упражнение в эмпатии, наверное.

И да, Мауна не верила похвалам Амаи. Подозревался сарказм, или равнодушие, или и то и другое вместе. Сам приём клиентов, может быть, тоже издевательский ход — ну какие такие клиенты у Предвещающей? Их у неё нет и быть не может.

Идиллия тривиальных денежных дел рассеклась молнией внезапного, слёзного прошения сира Нермая. Он буквально прервал себя на полуслове:

— Хозяйка, — отставил он вилку, нож, и запустил ладони в гриву. — Хозяйка. То, что я скажу, прозвучит... плохо. Предательски. Но я так больше не могу. Я не могу, я не могу... — закрыв глаза, закачал он головой.

— Что такое? — забегали глаза Амаи по всем присутствующим, причём она поглядела и на Мауну, чего не делала последние полдня.

Мауна отпила воды из кубка.

— Хозяйка, я прошу освободить меня.

Амая застыла, не ответила. Сир Мелим облокотился о стол и сложил кулаки у рта, глядя вперёд.

— Я так больше не могу. Моя семья, жена, трое детей. Я опасюсь... Я боюсь, что мы... Я хотел бы, если высочайшая Хозяйка разрешит... Освободиться.

— Ну хочешь, отправим твою семью в Баш, — вытянула Амая ладонь к нему, потрясая ею.

— Нет. Дело не в этом. Это не выход, — закачал тот головой.

— Нет. Оставайтесь в обители, Нермай. Тут безопасней, — сразу добавил сир Мелим.

— Ты чего, ты это, ты не справляешься с ними? — кивнула Амая в сторону.

Мауна старалась не подавать виду, и хоть как-то ухватывать нити того, о чём они говорят, складывать воедино.

— Нет, Семья вполне... Они соответствуют всему. Телохрана очень хороша, на самом деле... У меня только серьёзные вопросы по дхааркам, но это мое личное видение.

Амая откинулась в кресле, и Мауна отметила её такую растерянность.

— Выгони их вон, раз такое, раз видение, раз вопросы, — даже беспомощно сказала она, ещё растерянее.

— Дело не в них, и не во всём этом... Я боюсь, высочайшая. Я прошу меня освободить. И я скажу, я скажу, я знаю, кто может меня заметить. Хозяйка не будет разочарована.

— Куда ты уедешь?

Тот ответил не сразу:

— Домой, в Сарман.

— Ты уверен? — спросил сир Мелим, но не было смысла.

Амая помяла салфетку в руках, а потом бросила её прямо на еду, тоже облокотившись о стол и скрывшись в ладонях. Мауна крутила кубок на столе за ножку, никого и ничего не упуская из виду. Сир Мелим ответил ей взглядом. Мауна перевела взгляд на Амаю. На него.

— Принесёшь мне сегодня бумагу, сделаем тебе Отход.

— Спасибо, Хозяйка. Я через неделю уеду, примерно. Я всё устрою с новым вилиусом. Это будет си...

— Да всё равно. Приноси сегодня.

Помолчали. Сир Нермай осторожно встал:

— Что ж... Я, пожалуй... Спасибо. Спасибо за обед. Хозяйка?

— Иди, Нермай, иди.

— Сиятельная, — это Нермай — Мауне.

Мауна кивнула ему, и тот осторожно ушёл; сначала медленно, потом всё быстрее, и уже исчез.

— Маун, ты-то хоть как, тебе всё вкусно? — развела руками Амая, замученно поглядев на неё.

— Да, спасибо, безупречная, — ровно ответила она.

Та почему-то усмехнулась, и это не ускользнуло от Мауны; в её усмешке, ко всему прочему, снова добавилось обиды, вдобавок к прежней. Затем резко встала и просто ушла. Да что не так? Она *не может* говорить ей на «ты» при Семье, при любых ушах, только наедине, это ж очевидно. «Ваал, в этом ли дело?», — чуть сощурилась Мауна, глядя на разлетающийся подол пласиса Амаи.

Они — Мауна и Мастер Графа — остались одни. Зашла служанка с подносом, Мшани (любопытно: её служанка, служанка Мауны, второй день, а уж вовсе освоились), покрутилась.

— Ах, превосходная Ваалу-Амая желала пахлавыв.

— Не-вход, — распорядилась Мауна, и всё поняв, Мшани тихо удалилась.

Итак, Мауна положила руки на стол, ладонями вниз; более того, перед этим взяла зеркальце в руку, и оно тоже очутилось на столе.

— Сир Мелим, пусть лев прольёт свет на происходящее.

Мелим, несмотря на формальность Мауны, откинулся на кресле, закинув руку за спинку; он крутил стяжки косм, а потом ещё налил себе виносока, отпил. Он немолод, ему пять десятков, около того. Удивительные проседи в гриве — струями, то совершенно рыжий поток, то совсем белая косма. Так часто седеют те, кто много неприятностей пережил, это когда-то Мауна услышала от кого-то. Потом просто взял подсвечник и попользовал, чтобы раскурить трубку, короткую и толстую, а вот у Амаи трубка — тонкая и длинная. Мауна не стала возражать, хоть не любит дыма и всего вредного, потому что и так приходится не раз что нюхать или глотать — уж такая тропа.

— Превосходная Вал-Мауна. Видит ли львица... У нас всё... — тёр он пальцем лоб, сильно жмурясь, закусив трубку в зубах. — Всё пошло наперекосяк после недавних событий. Да и до того было сложно, но справлялись. Не справились... — он глядел в сторону, в окно, и курил.

— О каких событиях речь?

Он покосился на неё, нахмурился. Даже посмотрел туда-сюда, словно ища помощи.

— То есть. Львица не знает?

— Знаю о чём, сир Мелим?

— Разве сияющей не рассказывала наставница Вал-Нэль, или... кто угодно, о трагедии, что случилась две недели, пятнадцать дней назад? — посчитал он на пальцах дни. — Это уже всем известно, всем Вестающим — уж неделю, не меньше.

Мауна покачала головой — нет. Она медленно сплела пальцы.

— Это удивительно, — посмотрел он на неё, и таки да, действительно имел это в виду. — Две недели назад Хозяйка возвращалась из Пятого Легиона. Мы там сидели четыре луны. Пятый Легион, он в Гельсии, разбросан под Насаром...

Столица Гельсии.

— ...крепость Хад, вот этот маркер. Мы так годами делаем. То здесь, в Луне Охотницы, то в Гельсии. Луна Охотницы, Гельсия, Луна Охотницы — снова Гельсия. Туда-сюда. Хозяйка, она Легатный флажок, то есть Вестающая, Вестающая... — в извинении замахал он трубкой.

— Я знаю, что такое «флажок». Я много время проводилась с Мастерами Графов, — Мауна знала о привычке графомастеров называть Вестающих «флажками»; им простительно, им многое простительно.

— Да, — тяжело согласился он. — Так вот, случилось так, что приехала Ва-Майнуна. В общем, так получилось, очень нестандартная штука, что Хозяйка уехала в Империю с ней, в её кортеже. Уехала сюда, в обитель. Я был вместе с ней, вместе с бумагами, всем Графом, как и

сир Нермай. А всё остальное, и все остальные — вся Семья — уезжали тоже, но на следующий день. Мы уехали в обед, а Семья отправлялась рано утром следующего дня...

— Извинится, но как Вестающая могла приехать сюда только с вилусом и Мастером Графа, и целые сутки быть без Семьи, сама?

— Ахम्म... — вздохнул он. — Она не очутилась тут сама, тут была Семья Ва-Майнуны, её телохрана, все они были тут. Самое главное, что с нами поехали две пачки Палатной Гвардии. Две, — показал он два пальца. — Это так глупо... Я за этим не следил. Не знаю, что им говорил наш глава телохраны. Знаю, что глава телохраны Ва-Майнуны указал, что это — дуристика. Но Палатная Гвардия следовала максиме, и боялась её нарушить: Вестающая в транзите по не-Империи — пачка Гвардии. Две Вестающие — две пачки. У той была пачка, и у той. Простая логика. Наш кортеж был окружен двумя пачками, а кортеж Семьи — ноль, — показал пальцами кружок. — Нигил.

— Так спросите вашего главу телохраны, что он говорил.

— В Нахейме спрошу. Он мёртв. Как и вся Семья. Кроме меня и сира Нермая с его семьёй. Они тоже поехали с нами, к счастью. Точнее, убили не всех — львят не нашли, думаю, их взяли в рабы. Их было двое. Остальные дети, к счастью, были тут, в Баше. Сироты теперь. А всех остальных там убили, в том числе совсем молодых служанок. Не стали их брать на продажу, у нас все Сунги были, дхааров не было в прежней Семье. С Сунгой много забот, её непросто продать, много возни, гельсианцы не хотят таких покупать, а то очень легко можно напороться, наших в Гельсии много, и станет сейчас ещё больше... — улетел сир Мелим в дигрессии, но остановился. — Хальсидские радикальные огнепоклонники. Гельсия стала ими кишеть. Значит, они теперь снюхались с гельсианскими повстанцами. Они напали на кортеж, разбили телохрану и всех убили. Это ж не пачка Гвардии, это телохрана, двадцать один меч. Как они узнали? Как они узнали? Как они узнали?

— Прими, Нахейм, своих Сунгов. Ваал, направь нас к возмездию, — склонила Мауна голову, прижала уши. Поглядела исполобья на Мелима: — А что Ваалу-Амая? Почему с самого начала не вмешалась? Она может приказать Гвардии что угодно.

— Она упиалась и нанюхалась арры, и спала всю дорогу. Я не знаю, как это по-другому сказать, пусть простит меня сияющая.

— Алкоголь Вестающим очень нехорош.

— Нехорош, — согласился Мелим и пыхнул. Потом снова не нашёл себе места, зажмурил глаза, тёр виски: — Она утратила волю... Видит ли сиятельная, вещи с нашей Ваалу-Амаей и до этого были не очень просты, но после этого случая... Было «до», стало «после». Я думаю... нечто в ней... распадается на части. Мир для неё стал слишком слож-

ным, она его не понимает. И совершенно точно, что мир не понимает её.

Помолчали.

— Одно только хорошо: после всего, встает она не хуже. Вот что умеет, так умеет, — оживился он.

— Получается, вся Семья, все вокруг... это новая Семья?

— Да. Со всей Империи сёстры тут же послали, кого могли, в самом срочном порядке, по большинству — сёстры нашего менгира. И толковых прислали. Графописцы хорошие. Телохрана вообще зверская, все отпетых головорезов и прохиндеев послали. Ваалу-Дайана дала четырёх дхаарок, мрамрийской породы, в подвал и на хозяйство. Хаману Хизая их хвалит, сир Нермай их невзлюбил, начались всякие глупости и мелкие интриги, но это уже неважно. Дхаарки, получается, остаются, а он решил не оставаться.

— Теперь всё ясно.

Он развёл руками.

— И да, это я подсадил Хозяйку на трубку. Моя вина. Дал раз попробовать, давно ещё.

— Это же молния на всю Империю, сир Мелим, убийство Семьи Востающей. Вся Империя на ушах должна стоять.

— Это точно. Все, кто надо, уже стоят. Некоторые встали очень даже быстро... Всё задвигалось. Это самое, думаю сейчас в Гельсию ещё несколько Легионов введут. Или вообще задавят и установят доминат, Марна давно об этом подумывает.

— Тех повстанцев, конечно же, не нашли.

— Да как их переловишь по тем лесам. Но огнежрецы в Насаре, думаю, уже утратили сон. Они крутились все эти годы, как рыба, лизали любой зад, и всё тщетно. Сейчас им-то на хвосты и наступят, или даже на горла. Повод просто отличный. Да... Была бы Гвардия, они бы не решились, эти повстанцы или как их там, ни в жизнь. Как всё плохо получилось...

Мауна решила только одно: обо всём этом нужно будет расспросить Амаю. И второе: почему ей не рассказали?

— По мнению сира, чем блистательная Ваалу-Амая отличается в Ремесле от остальных?

— Количеством. Качеством. Что ещё мне тут сказать, как Мастеру Графа? С ней гордишься своей работой, она всех... как это сказать... имела в виду. Приятно, когда твоя Хозяйка имеет всех в виду, хотя бы в Ремесле. Мастерство, оно, знает ли безупречная, вызывает уважение. Хорошо, что я не помер, к ней нужен подход, ей не всякий Графомастер подойдёт, я с ней от Приятия.

Подумал.

— Невероятная устойчивость в сложных условиях, — живо, вдохновенно говорил. — Удивительная. Никакой ерунды, никакой. Она ж Легатная Вестающая, от самого Приятия. Почему Легата всегда рада её взять в любое поле? Легата её обожает! Она не будет жаловаться. Ей не надо будет то, другое, ещё это и то; у неё не будет истерик, заминок, вот этих всех... вывертов; не будет плохой погоды или «не такой» луны. Она... просто... будет делать это.

Посмотрел на Мауну.

— Безупречная меня понимает?

— Да. И она сказала, что не будет меня учить, — она неотрывно глядела на него.

Он отмахнулся, даже засмеялся.

— Хозяйка никогда не говорит то, что думает. Не потому, что лжива внутри, или что такое, или задумала зло. Она просто не умеет: у неё мысли разъезжаются в стороны, как лапы на льду. Как говорила моя жена, «Хозяйка не умеет говорить, только вестать». Пусть примет её Нахейм.

— Жена сира тоже была в том кортеже?

— Была, — очень спокойно сказал он. Но стойкий фасад развалился, он совсем размяк в кресле и опустил руки, а потом, еле двигаясь, ленивейшие движения, выпил весь кубок виносока. — Была...

Мауна не стала что-то говорить, но стала всё осмысливать.

Итак. Семью Амаи убили. Ей об этом почему-то не сказали, хотя Нэль должна была знать. Вся Семья здесь новая. Ах да, наказали ли Палатных за такое чудовищное упущение? Амаю надо спросить, она тоже всё молчала, ни словом. Кстати, где она?

— Долго её нет. Куда она ушла?

— Не уверен, что могу ответить, безупречная, — с улыбкой тяжело усталого льва, с закрытыми глазами, ответил Мелим.

— Я рискну найти ответ.

Тот сразу же кивнул, словно только и ждал этой фразы, и показал на дверь. Мауна уходила, забрав зеркальце со стола, и не видела, как он продолжал медленно кивать: да, да, да. Иди.

Мауна пошла в покои Амаи. На двери — красный шнур («Не-вход»), и двое из телохраны: Тай и ещё один, имя которого Мауна ещё не знала. Они почему-то не по обе стороны двери, а с одной стороны, и один из них подпирал плечом стенку.

— Огнелунная, — поприветствовал неизвестный.

Мауна тронула шнур, он заболтался. Зайти можно, но только если очень нужно. Как всегда: зеркальце, вопрос:

— Прошу имя сира.

— Манару.

Поглядела на одного, на другого; немного забавно, всё снизу вверх, приходится голову заирать, ну судьба львиц, что поделаешь, тем более невысоких, как Мауна. В Хустру считается, что чем ниже львица, тем развращённое и вреднее её натура, но Мауна не хустрианка, она — андарианка, а это — полная противоположность.

Львины засмотрелись на раскраску её мордашки, на очень аккуратные точки тентуши под её глазами, на её *дистанцию* — так ей показалось.

— Что вы думаете об убийстве Семьи?

Тай ухмыльнулся и немедленно ответил:

— Только идиот мог поехать с кортежем без пачки Гвардии, и это по Гельсии, будь кортеж пустой или с Хозяйкой. Так не делается.

— Глава телоохраны виновен. Ему, это... надо было оставаться там и требовать ещё пачку Гвардии, или взять кусок Легаты с собой.

— С нами такой номер не пройдёт, вершительная.

— Наверное, он подумал, что раз кортеж пустой, то можно обойтись своими силами, — вслух размышляла Мауна; точнее, она даже не размышляла, а давала им повод возразить её наивности; ещё точнее: она вслух просто оглашала, что тот действительно дурак, раз такое подумал.

— Это дурость. Кортеж, пустой или полный, всегда едет под усиленной охраной по опасным местам, и неважно, по Империи или вне. Это раз-два, — ответил Тай, почесав щеку.

— Неважно, есть Хозяйка, нету её. Бывают же подманки, — добавил Манару.

— Подманки?

— Пустые кортежи. Например, три кортежа: в одном Хозяйка, в двоих — ничего.

— Хорошо. Пусть Ваал направляет ваши мечи.

— Служим, огнелунная.

Заболтав их и упредив возможные слабые попытки препятствовать её входу (запретить не могут, но потребовать «почему?» — могут), а вследствие — её атаку и требование, что так надо и дело не ждёт, упредив вот эти все заминки и неудобства, Мауна вошла. Оставив за хвостом эти небольшие игры разума, тактики общения и сбор сведений, Мауна оставила за собой ещё и след запаха. Тай наострил ухо, уверился, что ученица не стоит у дверей и вдруг не выскочит, и негромко изрёк пресловутое:

— Вот её я б выебал.

— Андарианка, — задумчиво протянул Манару.

— Кажись, — согласился Тай.

— Ты осторожней, а то она услышит, и потом *схавает*.

— Телоохрану не хавают.

— Что? Ещё как. Когда я служил у Умаллы, та сожрала одного из наших. Не то что бы мы были очень против, он был придурок и постой линиял — шерсть с него просто повсюду.

— Бггг, — Таю стало воистину смешно, и он снова подпёр стенку, лапы и руки накрест.

— Покажи тему с ножиком, — Манару скучающе протянул ему небольшой кинжал, что вытащил из налапной кнемиды.

— Та ну, — лениво отмахнулся Тай.

Но Манару решил продвинуть дело: протянул ему из кисета плюшку жевательного табака.

— На. Давай, не ломайся.

Подумав, Тай взял и засунул поглубже в дёсны. Взял оружие от Манару, снял перчатки с верхней защитой и дал их ему же, побросал кинжал в руке, затем начал вертеть в пальцах, сначала медленно, потом быстрее.

— Югмать, что ты дал? У меня лапы мякнут, — сказал он, переброшив кинжал из правой руки в левую.

— Что, вставляет, а? — довольно кусал тот губу. — Это чтоб ты обделался. Это типа самый южный, везут в Кафну снизу целую тыщу льенов, по реке. Тысячельен, — он нахмурился и даже посмотрел в сторону, озадачившись. — Как эта река, бля, называется...

— Не, тут ты пролетел, — Тай вертел кинжал так, что от него оставался только блеск. — Башня от жевалки крутится, но руки становятся ловчее. У нас всегда жуют перед тем, как поваляться в Круге.

Он подбросил кинжал в воздух и поймал:

— Знаешь... мне сдаётся... — вставлял он в слова урывками, когда руки позволяли что-то сказать. — Вот кого она схавает... так это нашу Хозяйку... схавает. Вот кого.

— Чё й то так решил?

Тай остановился и отдал оружие.

— Чуйка. Наша новая совсем разваливается.

— Разваливается, — согласился Манару. — Зато мне эта Вэ-Мауна нравится.

Тай одобрительно кивнул:

— Я такой сегодня утром вышел, — стукнул он себя по грудной пластине, — она из лука стреляет. Я ей говорю: «Ва-Мана, тыр-пыр». А она такая: «Это Мауууна». И смотрит. Ну, думаю, пиздец. Когда позавчера главный говорил, так я услышал «Мана». Меня ж в ухо, это самое, как запиздячили...

— Та знаю я твоё ухо. И чего дальше было?

— Да ничё, — пожал плечами Тай. — Хорошо стреляет, стерва. Встанет вот так, ровно, — показал на себе, — жопку отставит, и натягивает, натягивает...

— Натягивает, — зачем-то вставил Манару.

— ...аж до уха дотянула, вот сюда. Это большой лук, не мелочь. Она мне его бросила, я попробовал — тяжеловатый натяг. Это ж предплечье надо иметь. Плечо, да... А ей там восемнадцать, или сколько там.

— До двадцатки.

Тай, преувеличивая вещи, очень пытался показать, как стреляют львицы-патрицианки, и получалось смешно.

— В ней есть сучья сила, — подытожил.

— Так и должно быть. Без этого не то.

— Не то, — согласился Тай.

Лисуня с чесалкой

Что Мауна увидела: почти пустая комната, письменный стол, возле него прямо на полу сидела Амая, на огромной шкуре, да ещё с кучей подушек кругом, прямо у небольшого, северного окна. Подсвечники она расставила прямо по шкуре, или они так и стояли, не поймёшь. На шкуре — кроватный столик с короткими ножками, на нём — большой поднос с чём-то янтарно-зелёным. Вот это янтарно-зелёное Амая и ела. Да, и ещё: она была просто в нижнем, в шемизе, сбросив весь декорум с пласисом рядом, хвост её лежал прямо на всём этом. Сирна воткнута в поднос, в янтарно-зелёное.

— Нашла меня. Таки да, — сказала Амая, глядя на неё и увлечённо жуя. — Тебя, лису, прислали за мной разнохивать. Я так и знала, — подняла она палец, и взяла себе ещё.

— Я не похожа на лису, — Мауна присела подле на лапы.

— Нет? На! — словно и ждала этих слов Амая, и прямо рядом, прямо на подушке рядом, валялась маска лисы, ну словно театр, как на заказ, ну прямо, так ж не бывает. Бодро подползла на коленях и уверенно, бесцеремонно она одела маску на Мауну, откинув накидку, да ещё затянула ремешок, облизывая пальцы.

— Хочешь? Садись, нямкай, — показала на всё своё, сев обратно.

Мауна поглядела и медленно вытащила сирну из этой тянущейся, очевидно сладкой (по запаху и виду) штуки.

— Пахлава, очень вкусно. Кафнская штука, эти мои новые служанки делают. С ума сойти. Одна из них умеет, когда-то была в Семье Сэнзи.

Мауна рассматривала липкое лезвие сирны Амаи. Сирной невольно резать пищу и есть с неё, кроме самой крайней необходимости — так прописано в Кодексе. Очевидно, крайняя необходимость настала.

— Это Ваалу-Сэнзалли? — Мауна взяла платок из-за пояса, что носит с собой любая андарианка. Им тоже нельзя вытирать абы что без необходимости, но такая необходимость, очевидно, настала.

— Она, родимая. Ну? — протянула ей Амая кусочек прямо под нос, и Мауна осторожно приняла, придерживая ладонь под мордашкой, храня сирну обратным хватом.

— Сладко. Очень, — отметила.

— Конечно. Орехи, мёд. Жрякай, займись делом. Будем двое обжираться. Ты будешь ещё толще, и у тебя будет дистанция о-го-го.

Мауна без проблем пропустила обиду меж ушей, это она умеет. Её, вообще-то, очень многому научили наставницы, если разобраться.

— Я пришла кое-что сказать.

— Что, тоже уезжаешь? — выдохнула Амая, утираясь тылом ладони.
— Правильно. Я бы тоже уехала, блять. Но куда от себя уедешь.

— Нет, не уезжаю. Я только что узнала, что произошло две недели назад, — Мауна глядела на сирну, вытирая.

— А... Только что? — наострила уши Амая.

— Мне Мелим рассказал.

— Тебе это, что, ничего Нэль не говорила?

Мауна пожала плечами. Нет.

— Ага, угу, — чуть задумалась Амая, а потом продолжила есть.

«Куда в неё это всё влезает, Ваал мой», — подумала Мауна.

— Как тебе, не? — Амая показала на пахлаву, облизывая пальцы, когти.

— Вкусно. Очень сладко. Амая, мне так жаль. Я не знала. Пожалуйста, расскажи мне по порядку: что случилось?

— Ещё ничего. Сейчас случится. А пока я жру.

— Я о твоей Семье.

— А, это. Да нет Семьи. Ну, собрали другую, с Империи по нитке. Сёстры бесконечно добры ко мне, всё и всех мне сюда прислали, быстро. Всех. Все — отличные, все — с опытом. Я уже их люблю. Ешь уже. Мне одной, что ли, жирной ходить?

— Амая, ты худая. Ты очень стройная. Ты очень... худая, — отметила истину Мауна, сложив ладони на сирне, которую устроила на бёдрах.

Встающая смерила ученицу взглядом, давая понять, что такая чудовищная ложь недостойна её. Мауна глядела на неё, неподвижная, ровнодышащая, в маске лисы, уже невидимые миру чёрные точки *дистанции* под её глазами, струи подвесок по шее, струи накидки по спине.

— Красиво. Ты бы вышла отсюда. Сейчас будет некрасивая часть, — Амая отставила столик подальше.

— Не уйду, — напроочь отказалась Мауна.

— Нет, уйди. Я — твоя наставница теперь. Всё! Буду из тебя верёвки вить. Как там... Теперь именуи меня наставницей. Это, с этого дня, Ва-

алу-Мауна, из рода Нахт-Сераи, становится ученицей Ваалу-Амаи, из рода Аргаи, этой ещё подданной Внутренней Империи. Восславим этот день, Ваал.

«Наставница»? Ладно. В это время, в это месте — Амая взяла и сказала это.

— Нет, не пойду.

Вестающая пожала плечами, а потом махнула, ну его всё.

— Ладно, что. Свидетельствуй.

Амая встала и разделась, догола. Ну, почти — оставила амулет Ваала.

— Амая-настав... — по привычке сказала Мауна, и прикусила клыком уста. — Это как, *игнимара* будет? — молвила торопливей, чтобы она не заметила этого предательски-преступного, даже подхалимного «наставница». Только сейчас Мауна начала думать, что «наставница» — слово преступное и подхалимное; она так ждала наставничества, а тут вот такое вот, это всё. Раньше в этом слове были и уважение, и страх, и всё такое, и всё такое...

Искренний смех Амаи, ей действительно смешно. Она вообще не заметила преступления.

— Ага, игнимару зажгу. Игнимара от наставницы, зацени, — весело ответила.

— Зачем? Она силы крадёт... — осторожно заметила Мауна, удивлённо наблюдая, как Амая берёт из-за стола вместо чаши Ваала какой-то таз, в котором обычно бельё стирают, носят, всё такое.

— Чья бы мычала, эмпатка ты наша.

— Наставница, а эмпатия крадёт силы сильнее игнимары? — вдруг спросила Мауна о практическом, решив всё же увидеть в Амае наставницу: и из реального интереса, и чтобы направить всё в русло курса получше.

Вместо ответа Амая, поставила таз перед собой, и возвратилась сидеть на коленях и на полу, церемонно и вполне грациозно. Мауне подумалось, что она хорошо танцует, должна быть хороша во всех танцах, что полагаются для всякой Ашаи-Китрах: фромал, сунгмтари, может даже ааш. Ей бы подошло.

Того, что последовало дальше, Мауна совершенно не ожидала, и просто застыла. Она вообще особо не ожидала ничего, любопытствуя, но вот такое. Какое? Такое: Амая взяла, засунула себе пальцы в рот, глубоко, страшно глубоко, и начала блевать в таз. Обычно блюют громко, Мауна ненавидела и боялась блевать, даже слышать боялась; такое с ней бывало, когда болела или ей давали лёгкую *сому* или сильно надыхаться *аррой*, ну это обычное дело для учениц Вестающих, им иногда (часто) надо, это ведь путь Вестающих, и... Амая делала это очень тихо, аж неправдоподобно, и как-то даже легко, словно и делала такое

каждый день, не было никаких растерянных движений или ненужных заминок, всё чётко, выражение спокойное. Самое главное — методично; отдых и дыхание — рассчитаны, темп предприятия — ритмичен. Не закончила, пока всё не вернулось.

Да, словно и делала такое каждый день.

Потом Амая отпила воды из кувшина, прополоскалась, выплюнула. Мауна глядела то на неё, то в таз. Сплюнув ещё раз, Амая жестоко (к себе? к ней? к миру?) поглядела на Мауну.

— Я ж говорила: здесь ты ничему хорошему не научишься, — тихо сказала она, и со силой отодвинула таз. — Уезжай, пока не поздно.

Не ответив, Мауна взяла платок, он прячется в самом поясе; надо сказать, у каждого андарианского платка, у каждой львицы свои узоры, и у каждой провинции Андарики свои узоры, у каждого уголка земли этого старого прайда Империи. Она взяла Амаю за шею, надёжно, и ей утёрся подбородок, уголок рта, утёрся нос, внимание уделилось шее с амулетом Ваала; потом она мягко положила платок в безвольную ладонь Амаи. Для андарианок это *жест*; наверное, Амая не совсем оценит, она ведь не андарианка (это точно), она ведь... «Хм, а кто она по прайду, действительно?», — подумалось Мауне, когда глядела ей в глаза.

— Не научусь. Но, по крайней мере, помогу кому-то утереть мордашку, — сказала она, спокойно и серьёзно.

Всё это, оказывается, изумило Амаю ещё больше, чем Мауну — экзерсисы её новой наставницы.

— Только не говори, что ты тоже вытворяешь эту херню, — вдруг резко, встревоженно сказала Амая.

Редко когда Мауна слышала такую встревоженность, и впервые — насчёт себя. Насчёт неё мало тревожились. На неё можно положиться, она старательна и пытается делать всё правильно. Так всегда было.

— Я в первый раз такое вижу. Я даже никогда не слыхала о таком. Знаю, что при отравлении... Зачем это?

Амая сразу поверила, и вмиг успокоилась. Конечно же, взяла свою трубку и закурила.

— Хорошо, — выдохнула.

Надумавшись, Мауна встала, осмотрелась по комнате. Заметила на шкуре ножны, взяла их, и вогнала в них сирну Амаи, и заткнула её сбобку на своём поясе, потому что сирны не любят лежать вот просто так, без хозяйства Ашаи-Китрах. Амая наблюдала за ней. Затем Мауна показала наставнице «сиди, не двигайся» и пошла к двери.

— Служанку сюда, — сказала телоохране, приоткрыв дверь, и хлопнула.

Вернулась и снова села, как сидела.

Амая, действительно повинуюсь, сидела и ничего не делала, даже не одевалась, только валялась на подушках, грызя трубку. Служанка пришла очень быстро, это оказалась Тайра. От своей Ренаи Мауна слышала, что та очень закрыта и малоразговорчива; юнианка, возраста силы, и у неё есть куча детей, и часть тут, а часть уже в Баше, и она не замужем и никогда не была; думали, что она немая, как вот Маунина служанка, Шэзи, но нет. Полезно, полезно, это полезно.

Тайра не удивилась, что Мауна в маске и превратилась в лису, и тому, что Амая — нагая, и тазу тоже не удивилась. Опыт служения Вестающим не даст чересчур удивляться.

— Это — убраться, — показала Мауна на таз. — И принеси две чесалки: крупную и мелкую.

Тайра кивнула в полупоклоне, ушла.

— Так что же случилось, Амая? Я об убийстве Семьи. Что, как, зачем, что дальше? Давай это рассмотрим, — безжалостно говорила Мауна, требуя.

Вестающая закрыла глаза, её исказила боль.

— Я не знаю... — пораженчески ответила. — Я даже не знаю, моя ли вина.

Не надо идти дальше, поняла Мауна. Сейчас не надо, ничего об этом не надо.

Неправдоподобная на скорость, Тайра возвратилась и протянула Мауне, именно ей, всё что потребовалось. Мауна села сзади Амаи, на что та никак не отреагировала, и начала её чесать крупной чесалкой, оставив меньшую у её лап.

— Когда я что переживала, то мама меня чесала, — отметила Мауна.

— Лиса ты, Муниша. Лисуня. Всё-то ты знаешь. Привяжусь я к тебе. Не отцепишь... Подумай, зачем оно тебе... Ты поступи как-нибудь правильно, что ли...

Захотелось отметить и попоричать все эти штуки Амаи с обжорством и тазиками; Мауна этого не понимала до конца, никогда не видела такого и никогда не слышала о таком, но суть (Ашаи-Китрах же) уловила — нервное, расстройное, тоска, ловля ускользящих удовольствий и мгновенное самонаказание со страхом. Но Мауна не стала отмечать и поучать; так-то её саму за сегодняшних клиентов можно отметить и порицнуть, но Амая ж не. Она же, Амая, ничего не говорила, и только очень-очень тихо мурчала, но с страхом, что Мауна услышит (смешно, это ж ладонями чуется). Мауна чесала её внимательно, следуя взглядом за путешествием чесалки по спине, загривку.

— Тогда вот что: почему мне ничего не сказали о гибели твоей Семьи? — нарушила ученица тишину.

— А кто должен был сказать?

— Нэль, когда отправляла. Хирана, когда ехали. Твой вилиус, который сегодня убежал. Ты.

— Я думала, тебя за мной следить прислали. Вот же какие: прислали такую, что ничего не знает.

— Зачем за тобой следить?

Амая пожала плечами.

— Возможно, я лишь притворяюсь, что не знаю, — ирония Мауны.

— Не... Неа. Я о тебе сначала одно думала. Теперь передумала.

— Почему?

— Ты меня зачесала, купила. Лисуныя.

— Теперь всегда буду носить с собой чесалки, и всех чесать.

— Это только со мной работает, другим батонов подавай. Пальцем показывать не буду.

— Слитки ушли в твою казну, — хмыкнула Мауна.

— Вот же лисуна! — возмутилась Амая.

Она повела плечами, и Мауна взяла её хвост, придирчиво осмотрев.

— Нэль и Хирана, — живо продолжила Амая, — и все-все-все: а кто их знает, мутят-мутят, баламутят, так решили, что-то сообразили, забыли, наверное. Ты ж в ссылке, не забывай, а тут в ссылках и тюрьмах не пойми что творится, не? Бывала в тюрьмах? Та не бери в голову. Нермай — трус, всегда был таков. Стал бояться, что и его-де убьют, хоть мы уже в Империи, и никуда не едем. Пока... Я не знала, что ты не знала. А если бы и знала, что ты не знала, то... это... как это... ай, не бери в голову. Я не сильна во всём этом, Муниш. Я ничего не понимаю, кроме как вестать.

— Я не согласна.

— «Я не согласна!» — сказала хустрианская, эм... ладно. Я даже шутить не умею. Я не умею издеваться, не умею видеть интриги, не умею считать деньги, я даже не знаю, как приказать прислуге принести мне этой кафнской дряни с изюмом.

— Наставница, а что с моим штампом делать на Вести? Я виновна.

— Эй, я думала, это только я делаю абы что абы как. А зачем ты это сделала?

Так-то не сразу и ответишь. Но Ашаи должна отдавать отчёт в том, что делает, и что не делает; потому Мауна разобралась:

— Инсайтный порыв. Быстродействие, что не прошло через ум.

— А. Ну значит, Ваал так велел, — легко согласилась Амая. — Всё, спеклась ты, Муниш, — повернула к ней голову, её мордашка в профиль. — Штамп на бумаге — клятва. В данном случае клятва — передать Весть. А ты что? А ты должна следовать своим клятвам, иначе никак. Ты должна следовать своим клятвам. Это очень важно.

Она внезапно повернулась к Мауне.

— Ты не понимаешь. Я имею в виду, я реально имею в виду, понимаешь? — смотрела наставница ей из глаза в глаз. — Это самая важная штука для Ашай, она держит волю, а воля нужна для всего, что мы там делаем, Ремесло... — хмурилась она, подбирая слова; подбор давался ей как-то непросто. — Никогда не нарушай обеты, особенно Вклятву, — легонько забила её по груди. — Вклятва обязует защищать и беречь Семью, и гляди теперь: где — я, а где — они. Вместо того, чтобы быть, где положено, я что? Я валялась пьяная в дилижансе.

Мауна выслушала, спокойная, а потом направила её снова сидеть хвостом, спиной.

— Ты не виновата. Виноват твой прежний глава телоохраны, пусть обнимет его Нахейм, — медленно говорила, осматривая свою чесальную работу. — Он не должен был ехать без Гвардии Палаты, ему надо усесться там, расставить лапы, воткнуть меч в землю и требовать её. Или требовать кого-то из Легаты.

— Я ценю твою попытку отбросить змей вины от меня. Но нет. Я уже укушена. Я виновна, — и снова Амая повернулась, резко.

— Не говори, — вырвалось у Мауны андарианское, патрицианское (несогласие, запрет, обрыв разговора, отрицание). Тон невозможно передать, если ты не из Андари и ты не высокого происхождения. Он уничтожающ.

Сложно себе представить, какой ещё наставнице она могла бы сказать «не говори». Вообще любой Вестающей, или Предвестающей, или даже просто сестре.

— Вот и не буду, — кажется, Амая не очень знала, что значит андарианское «не говори», или просто не заботилась. — Вот и пошлешь Весть, ты ж сама свой стамп поставила. Теперь над тобой тоже висит меч нарушенных слов. Мы обе знаем, что слова — это сила, особенно там; слова — стрелы.

Да, тут поскромнеешь, подумала Мауна. Всё верно.

— Я попытаюсь, Ваал мой, дай мне сил. Тем более, я теперь открыла...

Мауна вовремя поймала себя, она чуть не обмолвилась: «...свою эмпатию, дорвалась до неё, и оттого слабею». Слабость, трещинка, помарка, точка влияния, недоговорка и даже ложь, ведь Мауна доселе давала знать, что-де эмпатия у неё издавну, со времён *найси* или *сталлы*, как оно и положено Дару; а недоговорочки и привирания, они нехороши, дают иным возможность уцепиться; Амая, несмотря на всё своё, показала, что она может («Вот и пошлешь Весть!...»). С иной стороны, думала Мауна, возможно, сказать правду здесь и сейчас будет правильным, практичным ходом: Амая может знать, что всё это значит, эта поздняя манифестация, и как не дать эмпатии сожрать все силы, и прочие практичные вопросы.

— Ца, что-й открыла? — выждала Амая, причём долго.

— Амая-наставница, я должна признаться, раз уж ты меня приняла в ученицы.

— О, давай, всё давай, — заёрзала Амая, и как взмахнёт хвостом, и он прям шмякнул Мауну по лапе. — Ещё не всё вчера призналась? Давай.

— Я эмпатию открыла, лишь когда приехала сюда. Открыла на тех двух дхаарках, в самом начале. У меня до этого не было никакого Дара эмпатии, я её не испытывала, и почти ничего о ней не знаю, кроме самых общих вещей.

— Ты как, серьёзно?

Мауна кивнула. Да.

— Ух, ничосебе.

И всё.

— Наставница, есть советы? — выждав, спросила Мауна.

Амая повернулась боком, растянула лапы по шкуре, мило задумалась, медленно почесала голую шею. Озадачилась, глядя в сторону и вниз, отражался свет настольных подвечников, что Амая без зазрения расположила на полу, и Мауна вдруг отметила её глаза, взгляд сновидицы, она теперь безошибочно и так ясно его свидетельствовала. Мауна пару раз слыхала от Хираны о взгляде сновидицы, и не только от неё: он важен, когда найси выбирают в ученицы Вестающих, его высматривают; но она никогда не ощущала, о чём речь, хоть и сама уж ученица Внутренней Империи (у неё должен быть такой!), и большую часть жизни провела в компании Вестающих, так или иначе, тех или иных.

— Не знаю. Я вообще с эмпатией не это, не ку-ку, — просто ответила Амая, легко. — Ты это, ты её не выпускай там очень, слабость будешь. Вообще, пока за неё забудь. Не, совсем пока забудь. Нам сновидение нужно: вход, все дела, поиск, связь, вестание, — Амая говорила каждое слово трудно, задумываясь, не желая изрекать их. Вход. Поиск. Связь. Вестание.

Мауна покрутила чесалки, посоединяла их так и сяк.

— Да... И это то всё, в чём я не блистаю, кроме входа, он оценивался Нэлью неплохо. А теперь ещё эмпатия...

Амая схватила шемизу и напяливала её через голову.

— Тааак, ну всё, посерьёзничали и хватит, чё-то придумаем, — отозвалась она там, ещё не надев полностью, голос приглушился. — Ты уже стампанула, куда деваться, натянем лису на глобус, — вынырнула в мир, уже не голая.

Мауна даже поискала взглядом глобус по комнате, вдруг есть? Его не оказалось, но лиса — вполне; оказывается, она сидела всё это время в маске. Даже взяла зеркальце, чтобы увериться. И правда, всё правда.

— Как тебе твои новые покои? Спится хорошо, входится хорошо? Шум, *иглы* есть? Воздух, как дышится? — деловито осведомилась Амая, собирая свой декорум обратно в нестройную кучку: зеркальце, пояс, пласис, стамп, венец.

— Спится хорошо. Игл не заметила, шума — нет. Подушки отличные, постель мягковата. Я не *входила* ещё, держу три дня. Воздух хороший, запахи не вязнут в носу.

«Иглы» — это всё, что мешает спать.

— На самом деле, нормальная обитель, наспанная, люблю её. Если сплю, то как дохлая, — Амая что-то искала по шкуре, на полу рядом, а потом начала трясти пласис. — Хвостня, где моя сирна? В пахлаве за-была, что ли.

Мауна молча вытянула её из-за пояса и протянула, всё ещё сидя на лапах.

— Прошу. Не теряй, пожалуйста, сирна не любит теряться.

— Ай, Мяуниша, сирна — это просто ножик. Главное, чтобы моя лисуня не потерялась, — постучала Мауну по длинным, красным лисьим ушам.

Мауна закрыла глаза.

— Я сделаю всё, что смогу, — тихо молвила она, больше себе, чем ей.

Но не тут-то было: Амая безошибочно определила, о чём речь:

— Муниша, Ваал мой, — беззаботно надевала она пласис, в добром настроении, — не бери в голову. Я ж те сказала: расслабься, а то порвёшься на этом самом глобусе.

— Это я всё-таки лиса, значит.

— Ну ты в зеркало-то смотрелась-то? Это ж не овца там, не корова.

Амая продемонстрировала её отражение в своём зеркальце. Всё так.

— Ты, короче, спи и балдей три дня, никаких эмпатий, никаких аумланов.

— Аумлан — сборка метанойи, концентрация, — попробовала Мауна защитить свою медитацию. Ей аумлан нравится.

— Да ничё он не даёт для твоего дела, мёртвому припарки, — расправляла Амая подол пласиса, крутилась на лапах. Застыла, затягивая пояс: — Эй, стой. Стой! Какое три дня, тебе сегоночь надо отправить Весть. Тот судья так-то торопился, ему срочно, деньжищи уплочены. Поторописька! — взмахнула она руками, а пояс не затянула, и тот упал. — Ну ты даёшь, Муня.

— Это вне моих сил, и мы обе это знаем.

— Мы обе знаем, что ты пошлешь и сдохнешь, или там заболешь, — весело говорила Амая, нагибаясь за поясом, — что поделать, у тебя нет выхода уже. Ты всё ищешь-ищешь, ищешь-ищешь: как от этого убежать, как стать предвесточкой. Есть большаая разница между: попы-

таться что сделать, а потом квакнуть, что не получилось; и вот прямо действительно взяться и сделать то, что надо сделать.

Подошла, застёгивая стамп на поясе и глядя сверху вниз, аж озорная:

— Ты себя уже знаешь, ты хорошая Вестающая. Просто надо квадратное в квадратную дырку засунуть, а не в круглую, не в круглую, ладно? — управлялась Амая с непослушным зеркальцем на поясе.

Начала ходить по комнате, занятая, что-то брать, что-то искать.

— Я те помогу как-нибудь там.

— А как? — поднялась ровно Мауна.

— Та не знаю, я ж не имела учениц, я ж говорила. Будем это, пилить телегу на ходу, или как там правильно сказать... выпиливать колёсики и прикручивать... не знаю как.

Трубку взяла, та выскользнула из руки, еле поймала; а второй что-то отчаянно поправляла в ушной подвеске, и там ей всё запуталось.

— Думала здесь отсидеться, в Предвестающую жабу превратиться? Не выйдет. Мы всем покажем, и сдохнем.

У Амай всё одно: все то что-то жрут, тодохнут, никак иначе.

— Так, уже под вечер дело. Идём, займёмся, — устала она руки в бока.

— Чем именно, наставница?

— Дров наломаем.

Под луной охотницы

— Давай так. Чего ты уже смогла достичь и что знаешь?

Амая сказала Мауне раздеться до нижнего и усесться на кровать, сама же мешала что-то длинной ложечкой в чашке; внимательно наблюдая за ней, Мауна пришла к выводу, что та готовит *сому*, только не как обычно, а как-то по-своему.

Это ей не понравилось, она сжалась — она не любит *сому*, никакую.

— Начну с того, что смогла. Я однажды смогла принять *пустышку* от Нэль, но не смогла ей ничего передать.

Амая перестала мешать, посмотрела на ученицу, мол, рассказывай дальше, но рассказывать больше так-то нечего. Мауна многозначительно отвечала взглядом, и Амая продолжила мешать, прохаживаясь по своей такой пустой спальне.

— Сновидение?

— Со сновидением всё хорошо. Я вхожу в него без особых проблем, сидеть могу долго. По мирам сновидения я не хожу, научена, что смыс-

ла в этом нет. Ваала увидела рано, в двенадцать лет. Прихожу к нему раз в луну, с этим тоже нет трудности.

Вполне озадаченная немногословием Мауны, Амая перелила сому, или что она там делала, в стеклянный сосуд и стала его болтать, глядя на свет свечки. Она грызла трубку, но погасшую; в спальне она, видно, никогда не курила, что хорошо; и вообще-то, только так правильно.

— Хорошо, а что знаешь по Ремеслу? Как оно всё? Пряма сначала начинай... как есть.

— До этого меня учили три наставницы: Ваалу-Ванарамсая, Ваалу-Мьянфар, а потом Ваалу-Нэль. В Мастр-Фейнском менгире Нэль нажимает на фетиши и на портреты, там все так делают. Особенно на портреты. В Тар-Сильйском, кхм, я была ещё мала, мне там ставили стойкое сновидение, как и должно быть. У меня получалось хорошо, поэтому все говорили, что я иду как надо, всем нравилось, — уверенно отметила Мауна. — Мьянфар, кстати, она меня часто усаживала поутру возле Встречающих; Ванарамсая никогда так не делала, но я у неё училась всего от восьми до десяти. Мьянфар, у неё акцент на Беседе, поэтому я не посвящалась в детали, рановато было. Я у неё была до четырнадцати. Потом Нэль...

— Получается, всё пошло наперекосяк, когда ты попала к Нэли?

— Я бы так не сказала, — защищаясь, парировала Мауна.

— Ну так выходит, — посмотрела вверх Амая. — Ладно, дальше.

— Мьянфар оказалась довольна моим сновидением, и начала ставить мне поиск. Её саму я кое-как находила, но в упор не могла найти менгир, хоть она всё давала его кусочек в руку перед входом, приматывала мне. Она утверждала, что менгир найду, если возле него посижу в аумлане с недельку. Как раз, когда я должна была ехать в Хас, чтобы сидеть у Тарского менгира, то вдруг Мьянфар передала меня Нэли.

— Почему?

— Не знаю. После меня у Мьянфар сразу появилась другая ученица. Она младше меня на три года. Она уже встает пустышки, это я точно знаю. Мирра.

Амая почему-то рассмеялась. Мауна замолчала. Амае было очень смешно. Облизываясь, она спросила:

— Мирра, она вроде хустрианка, не?

— Да.

Амая снова выдала смешок.

— Она кидает пустышки внутри менгира?

— Не знаю, — покачала головой Мауна. — Кстати, спрошу тебя: а ты по прайду...

— Денэная.

— Ум Империи, хитрость Империи.

Потирая глаз и улыбаясь, Амая жестом пригласила — «дальше».

— Когда я приехала к Нэль...

— У вас были какие-то конфликты с Мьянфар? — вдруг перебила Вестающая.

Что значит «конфликты», подумала Мауна. Какие такие конфликты могут быть у наставницы с ученицей? Наставница сказала — ученица сделала. Или не сделала, но попыталась.

— Какого рода? Нет. Я вроде не доставляла ей неприятности. Наказывала она меня редко...

— Ладно. Так. Ты приехала к Нэль.

— Теперь всё стало наоборот: я неплохо находила Мастр-Фейнский менгир, но не могла найти ни Нэль, ни остальных, в том числе и учениц, а нас там трое. Я налаживала со всеми сестросвязь: с Нэлью, с Умаллой, ко мне приезжали две ученицы на совместный аумлан, мы много обменивались Взглядами, я много времени провела с портретами и фетишами. Но... Как бы облачить мысль...

— Дааа, наверное, надо было больше портретов, фетишей и гляделок, — села Амая у края кровати, обнимая сосуд с чёрной сомой.

— Ваалира и Карана хорошо продвинулись. Они обе на два года младше меня, но уже очень стойки в поиске и связи. И... и у тебя ни одного портрета, — показала Мауна рукой по комнате, и действительно.

— Я даже с портретом и фетишом не найду никого, а уж без...

— Мррря, чё-то с Нэлью дела не пошли.

— Это неправда, — закачала головой Мауна, нет-нет. — Она старалась для меня, правда. Где-то я не проявила настойчивости. И она, должна заметить, поставила на лапы уже одну ученицу, это...

— Это Масмари, ага, — усмехнулась Амая.

— Нэль вложила в меня много заботы, правда, Амая. Много любви. Она действительно... втай, Амая, я подвелась. Я так старалась сплести нити сестросвязи, мы все приложили столько усилий, а ещё Нэль...

— И оно для тебя сработало?

Тут надо подумать, всё взвесить; Мауна соединила ладони перед собой, провела пальцами по переносице.

— Я скажу так... — молвила, закрыла глаза.

— Всё, хватит, — отмахнулась Амая.

Она задёргала шнур звонка у кровати. Вошла служанка Тайра, и пошли распоряжения: вызвать Медиум, что-то там принести, и что-то ещё. Мауна не слушала, потому что задумалась. Да, считала себя во всём годной, в ней есть гордость, но так-то её годнота лишь во всём, что не самое главное; но вот другие идут вперёд, у них получается, всё-то они знают, всё само собой. Мауна глядела, как пришёл Медиум, это был сам сир Мелим с сиром Мейраном (с ним Мауна тоже успела познакомиться), и они смотрели вместе с Хозяйкой Амаей на настенную карту Империи, на флажки. Мелим и Мейран заспорили об одном

флажке; Мейран держал его в руке и широко размахивал им в воздухе, аргументируя. Мелим не соглашался; Амая же стояла рядом, всё не упуская сосуд с сомой в руке и время от времени побалтывала им. Наконец, флажок передвинули; никто не обращал внимания на Мауну в одной шемизе, что сидела на лапах прямо посреди кровати. У её нижнего, у шемизы, есть поясок, и на нём слева Мауна привязала сирну, потому что всегда так делает, и спит с сирной под подушкой, потому что так положено. Амая же сняла пояс, ещё давнее, что забавно, ибо пласис на ней вилял, как балахон, не следуя фигуре, отчего она напоминала андарианскую хаману хорошего денежного достоинства, что под вечер пришла в самочки комнаты (львы, это понятно, туда не заходят), где андарианки обычно ходят без поясов.

— Всё, карта готова, — подтвердил Мелим. Затем вытащил из ящика, что с собой принёс: — Вести на сегоночь, Хозяйка. Квота?

— Квота? — нахмурилась Амая, аж поморщилась, углы мордашки собрались в складки; её будто застали врасплох вопросом, и она отчаянно решала на лету. — Не, квоты никакой не будет, ничего. У меня всё будет не-Весть и не-Приём, лишь Мауна свестает своё. Погодите все, писать хочу. На, Маун, держи, болтай сому.

Так сказав и протянув ученице сосуд, вышла.

Очевидно, сир Мейран ещё не привык к непосредственности новой Хозяйки, он заходил по комнате, заложив руки за спину. Сир Мелим же задумался о более насущном: у Хозяйки неожиданно пропала вся ночь, это нужно многое переделывать; подумав и что-то записав себе, он поставил на кровати перед Мауной её готовую Весть, тщательно расправив.

— Принимать будет Ваалу-Тария, сноходная, — указал он на то, кому следует ответить Весть. — Это *ковенант*?

Ученица Вестающих не может просто так слать Вести. Она *вне Графа*. А Внутренняя Империя не может слать Вести абы кому, и принимать от абы кого. Не то что бы есть много иных, кто может с ними входить в связь, но... Бывает всякое, есть такие, что могут. Тут всё сложно, тут есть тысяча «но». И есть только два способа для ученицы: слать по ковенанту — предварительному согласию какой-либо сестры держать связь с ученицей; и слать по чрезвычайному протоколу — при острой необходимости, что всегда необычно и привлекает внимание, вещь вроде пожара.

— Нет, — ответила Мауна, глядя ему глаза, и подболтнув сому.

— Тогда чрезвычайка? — его явно удивило это «нет».

Ещё раз взмахнула сосудом.

— Да, — легко кивнула она.

А что ещё остаётся?

«Ваал мой, пощади», — запаниковала внутри Мауна. — «Как? Что я делаю? Амая меня возненавидит. Я не справлюсь». Следовало хотя бы взять для начала и как-то попытаться перекинуться с Амаей пустышкой, начинать нужно с малого.

— Нарисуй, — Мелим протянул Мейрану бумагу, и тот кистью провёл сверху жирную и красную линию — знак чрезвычайки.

Вернулась Амая, привлекая внимание всех.

— Что там? Что как?

— У Хозяйки не-Весть и не-Приём, — одновременно и оправдываясь, и обвиняя, сказал Мелим, — поэтому только вот, волей Ваала — Весть блистательной Вэ-Мауны.

Полностью удовлетворившись, Амая спросила:

— Карта в порядке?

— Да.

— Идите, что ли.

— Ваал укажет свет в ночи, — пожелал Медиум, и они вышли.

— А ты выйти не хочешь? — это она Мауне.

— Зачем выходить?

— Сейчас нас свяжут, и не хочу, чтобы ты сразу запросилась: надо то, надо сё, наставница.

Мауна прислушалась к себе. Да нет. Но замечание дельное, поэтому Мауна полезла смотреть под кровать. Всё, что надо, есть, но надо далеко тянуться, и Мауне стало лень слезать с кровати, она так и потянулась без стеснений. Вдруг сзади её хлопнули, она от неожиданности чуть не стукнулась головой о пол.

— Амая, это зачем? — глухой и спокойный голос Мауны, пока она тащит горшок на свет.

— У тебя инсигния на попке. Никогда не видала, аж рука зачесалась шмякнуть.

— Наставница не видала нагих львиц высокорода? — слезла Мауна с кровати.

Действительно, удивительно. Половина всех Вестающих происходит из патрициев.

— Видала случаем, но у тех такого не было.

— Значит, у тех род не очень стар. У нас в роду принято означать львиц всюду, где нужно. Мой старый, родовод — семь сотен лет.

Расправив шемизу получше, Мауна, небрежно отбросив крышку на шкуру у кровати, с достоинством уселась на горшок.

— Эй, что ты делаешь? — с подозрением спросила Амая.

— Ты попросила отойти, я вот отхожу.

Не поверив, Амая обошла кровать и даже заглянула под неё.

— Это ж мой горшок! Фу, Мяуниша. А ещё патрицианка!

— Тут нет стыда, — с абсолютной уверенностью сказала Мауна, с превосходством. — Это совершенно порядочно, сюда львы уже не зайдут. У нас так все делают.

— Где это «у нас»?

— В Андари, и у Нэль так было. Львицы могут вместе всё делать в самочьих местах, а мы в спальне Вестающей. Право, — повела ученица плечом.

— Кусни мне хвост, та ну тебя. Ваал мой.

Снова задёргался звонок, и за это время Мауна поднялась, задвинув горшок лапой обратно.

— Принеси нам, это, ткань, связать руки, — говорила Амая Тайре. — И это, возьми широкую хвостоленту, у меня в комнате в комодах пощи, любую. И тушь принеси с кисточкой, не тентушь, а просто тушь. Принеси ещё помазок такой широкий, в экзана где-то есть, пару штук принеси, я выберу получше. И горшок вот ей принеси из её вот комнат, она в мой ходит! В Андари, представляешь, писяют в чужие в горшки и не просят всех выйти!

Мауна легла на спину. Ваал. Это невозможно. Это всё ещё пару дней назад началось глуповато, идёт как комедия, и кончится фарсом. Будет полный провал, Амая засмеёт, она уже смеялась («Мирра уже кидает пустышки! Ха-ха!»). И завтра поутру или в Предвестающие собирать волю и вещи, или отравиться. Может, лучше заколоться, подумала Мауна. Закол, он при позоре, или угрозе позорной смерти, или плена; а так, вообще, то можно травиться, упрёка не будет. Предвестающей ж быть не позор... Или? Но так-то упрёк, иной, всегда наготове: если таки сама отдаст жизнь обратно Ваалу, то она убежит от служения Ему же, Империи и Сунгам.

Вялые мысли о самоубийстве прервала живая Амая:

— А что значит твоя инсигния, что на ней?

— Колесо солнца, — спокойно ответила Мауна, глядя в потолок.

Амая посмотрела на неё, вздохнула. Мауна не видела, как она усмехнулась, что-то беззвучно поговорила с собой, пошевелила пальцами в воздухе, мимика, уши походили; с чем-то согласилась, кивнув. Разделась, сбросив всё прямо на пол.

— Поднимись, а ну, давай... — пригласила Мауну.

Она надела свой амулет Ваала на неё, поправила, так и сяк. Осторожная и угнетённая предстоящими перспективами, Мауна не стала об этом размышлять, соединять точки.

— Набери себе подушек, как обычно любишь, — набросала на неё подушек, изобильно.

— Я просто на спине вхожу, — выкопалась из них Мауна.

— Где носит эту Тайру?

Легка на помине, Тайра возвратилась с ещё одной служанкой, имени коей Мауна ещё не знала, и принесла, наконец-то, всё запрошенное, даже пресловутый горшок. С её помощью и связались их левая (Мауна) и правая (Амая) руки; об этом ученица знала, что думать, такое с нею практиковали, правда, нечасто, и поначалу. Сверху Амая почему-то приказала намотать ещё нахвостной ленты, и тут пошли некоторые подстройки, ибо Амая всё указывала: то тесновато, то слишком свободно. Когда всё стало идеально, то Амая спохватилась, и указала поставить тушь с кистью рядом, прям на кровати.

Мауна заметила, как вторая служанка с любопытством их осматривает, и пришла в голову идиотская мысль взять и залезть в неё эмпатией, чтоб наверняка уж всё испортить. Она и так уже чуяла, как порядочно её поела эмпатия за этот день.

— Всё, идите, Ваал укажет, — не дала свершиться дурацким планам Амая.

— Ваал укажет свет в ночи, Хозяйка, — поклонились те, и вышли.

Амая начала левой рукой рисовать по нахвостной ленте, что обвивала ткань, соединяющую ладони. Неудобно, она сопела; посмотрела, как стоят свечи, света немного, вздохнула.

— Забыла, чай. Надо раньше было... ри-со-вать.

Мауна наблюдала. Это новая ей вещь, такого она не знает.

— Но так даже лучше, — шмыгнула Амая носом, выводя первый символ: это оказалась Сикстима, тёмная сторона луны. Получилось так-сяк. Затем вывела первую букву своего имени. Затем вырисовала солнечный, имперский символ.

— Соляр мешать будет, Амай, — отметила ученица.

— Как всегда, Мунь, люблю я всё вредное и всё портить, — склонялась Амая, не глядя на неё, полуприжатые уши, внимательно и трогательно выводя кистью в левой руке. — Соляр вреден, если ты вестаешь, как все. Соляр нужен, если ты вестаешь, как я.

Вывела.

— Как говорят северные: цанна? — разглядела свою работу.

— Идеал порицает всех, — ответила Мауна сентенцией из Канона, потому что не знала, что сказать.

— Всё-то ты знаешь, Муниш-лисунь. Пиши моё. Пиши моё имя.

— Полностью?

— Не, как я, букву.

Мауна вывела «А» высшего алфавита.

— Угум... Дай, — забрала кисть у Мауны, и вывела снова символ: Луана, светлая сторона луны. Тушь капнула на постель, но Амая вообще не обратила внимания.

С некоторой трудностью она смогла поставить тушь и кисть на прикроватный столик; улеглась на бок, насколько возможно при их положении, то самое сделала Мауна.

— Прежде чем начнём, ты должна кой-что знать. Слушай внимательно, Маун.

Ученица наострила ухо и чуть поёрзала, пошевелила хвостом.

— Гляди пока не на меня, гляди на карту.

Это оказалось не очень удобно, но уж как есть — Мауна начала смотреть на карту Империи на стене, всю в флажках.

— Это самое... Ну как это сказать... — бессильно начала Амая, а потом замолчала. Вот так помолчали, и Мауна не видела, как та трёт мордашу ладонью, а затем сдалась и продалась всему. — Запомни: вестанием движет эмоция. Эмоция — это твоя еда, твой огонь, это то, на чём ты будешь кататься. В идеальных мирах ты будешь спокойна, ты будешь в вечном *аумлане*, чиста и безупречна, и тебе не нужен будет никакой долбаный аффект, к тебе не придрёшься, к тебе будут дхаары ходить молиться, как к богине. Сделают тебе вот статую, будешь голая, круглая и красивая. А мы — в сраном мире тёплой крови, где вот это вот всё, — показывала она рукой на это самое всё. — Ты никуда тут с чистым разумом не уедешь, оно не сработает.

Мученически выдохнула.

— Не сработает.

Снова выдохнула.

— Сука, — её ладонь упала на кровать, перестав показывать на это всё.

— Ваал, пощади. Амая, прошу: перестать столько ругаться. Я никогда в своей жизни столько ругани не слышала.

— Запомни, тебе нужна эмоция, — не обратила внимания, и если бы Мауна смотрела, то увидела, что Амая говорит с закрытыми глазами, с настоящим страданием. — Любовь, сестросвязь не работают, я пробовала — всё ненадёжно. Их не за что любить и нечем привязать. Себя нужно заставлять. Я ебала. Ненависть охотницы работает надёжно, как солнце. Любовь временна, ненависть охотницы — вечна. Любовь — дар, что нуждается в отдарении, а ненависти всё равно.

Ученица слушала не то что бы критически, но осторожно, её ум раскидывал лабиринты возможностей, причин и следствий.

— Они выбирают свою эмоцию, почти все. Сестросвязь... Не-не-не, это не любовь, это, знаешь, такая привязанность — вульгарная, смешная. Сплетение хвостиков. Сядут вокруг менгирчика, сплетничают. Они делают друг дружке портретики, художники им делают, да, а потом тащатся на них. Они друг с дружкой лижут, либо трахаются вместе со львами, ну, ну ты поняла, *Беседа*. Терпеть не могу этого слова. *Беседа*. Это совместная свалка, какая ж это беседа, называйте вещи прямо.

Надо смотреть в реальность, надо смотреть в реальность, это очень важно, Мауна, очень важно. Это — стол, это — карта, это — свалка.

Карта начинала нравиться Мауне; что значит «нравиться»?; да просто нравится, и всё. Она так-то хорошо её знала, наизусть; она может хорошо ответить, кому отвечает каждый флажок.

— Поэтому я тебя этой херне с портретами и любовями не научу.

Амая показала пальцем с когтем на карту Империи.

— Вот что я тебе передам, так это как быть охотницей. Ненависть охотницы, и чтобы найти свои жертвы и вбить в них Вести, ты должна кататься на ненависти, ты должна быть в ярости, мщениии и отрицании. Тебе будет... — не договорила Амая, свернула: — Твои уши услышат, твои глаза увидят жертву — хоп! — поймала, сразила. На, паскуда, на-на-на! Йах! Рррр.

Снова настойчиво показала на карту.

— Это — твои Охотные Земли.

Повернула её голову к себе.

— Не пытайся быть благородной, не пытайся быть достойной связи, а вот что тебе не придётся пытаться, так это быть беременной и голодной. Разродишься в них Вестями, а потом съешь их Вести.

Мауна моргнула, очень лёгкими движениями приютилась чуть удобнее на подушке, смотрела Амае из глаза в глаз. Та что-то решила себе, изрекла, волнуясь:

— Это ужасная идея — дать мне ученицу. Тебе пиздец.

Вот так бы и сразу. Ясно, что так. Так или иначе, жертва неизбежна, так больше нельзя; наверное, ничего не выйдет — ну и пусть. Она взяла и решилась: она умрёт Вестающей, и всё. Вот так вот просто. Не Предвестающей, не ещё там кем-то, а именно так. Пусть всё знают: она была *серьёзной* ученицей, она пала в сражении; в Империи львиц, что умерли при родах, почитают как павших в бою, так будет и тут — ученицы, бывает, умирают на Приятии от сильной сомы (обычные Ашаи, Вестающими так никто не рискует), а она — как любит словечко Амая — сдохнет, пытаясь стать Вестающей; отец, мать, братья — все будут гордиться ею.

Мауна бесстрашно взяла свободную ладонь Амаи (взяла ответственность на себя), им чуть неудобно из-за связанных рук, но так даже лучше, можно и там ещё сплестись в объятии. Мауна улыбнулась, и тоже бесстрашно, как ей кажется, но если вдруг увидеть их сбоку (это просто), то можно заметить — со страхом.

— Ты только гляди на это... Я думала, ты так не умеешь, — сразу заметила Амая.

Не убегая и дальше ответственности, Мауна соединила их мордахи, переносицы, носы. Амая не имела ничего против, она только и ждала,

такая отважная и нерешительная одновременно, её натура. Амая легко, чуть, тёрлась носом о её.

— Наставница, скажи... — начала ученица, и не закончила. Предполагалось нечто вроде «...что делать» или «...как дальше». А не захотелось.

Амая сказала сразу же, даже с облегчением.

— Тыходишь, я вхожу, — её голос звучал куда ближе, он слышим уже не только ушами. — Я приду к тебе, искать не придётся, мы связаны ближе некуда, не потеряемся, не промахнёмся, — от неё пахло дымом, и это оказалось и неприятно, и приятно одновременно, вот как. — Мы уйдём на охоту в наши земли, это будет как один из миров сновидения, и ты не будешь идти к менгиру, — чуяла Мауна, как она отрицает головой, нет-нет, — ты не будешь взывать к каждой из них отдельно, просясь, там будут сразу все, и все они будут твои. Ты это всё, это самое, ты увидишь через свою метанойю, ну ты знаешь, ты всё это знаешь, но поскольку мы связаны, то наши метаноии сойдутся, как-нибудь, как-нибудь сойдутся, Муниша, ты будешь видеть похожее на моё, — говорила Амая, и Мауна понимала, тут Востающим всё знакомо: в сновидении всё видишь через себя, нету никакой общей реальности, но зыбкая и очень своя для каждой — есть. — Ты увидишь нечто вроде земли, земля, она напомнит тебе о карте Империи, она и будет ею, что-то тебе твоя нойя покажет. На ней будут все, и мы будем их всех ловить... не всех... а кого там... кого там надо поймать?

— Тария.

— Тарию. Тария. Наша-наша. Вон там, южнее нас. Недалеко. Западная Андария, лесогоры... Тария, она большая, она старая.

— А... она мне откроется?

— Бедная, старая Тария, у неё нет шанса не, когда ты настигнешь её. Ты не выпрашиваешь связи, ты... Там всё увидишь, я тебе помогу, я буду рядом, я где-то там буду, я буду, Мауна. Сновидение это беспорядок, не пытайся в нём расставить всё по месту... Давай, побежали. Ты голодная, и ты полная, тебя сейчас порвёт, отдай всё, съешь всё... Так, вот так. Сейчас мы её... Весть вогнала в себя? — спросила наивный, ненужный вопрос.

Мауна даже не ответила. Вогнала.

— Наша жертва, давай... Всё стоящее в жизни пускает кровь. Такие дела, Муниша, всё...

Амая переливала сому в чашу, и самой это сделать непросто, если у тебя несвободна рука, и Мауна помогала ей, держа чашу.

— Пей, — обычно сказала Амая. — Мне чуть оставь.

Мелкими глотками Мауна пила; хотелось взять и махнуть всё, ну его всё; но она помнила о наставнице; сома горькая, солёная и сладкая одновременно, но не напрочь гадкая, как ей давали и Мьянфар, и Нэль.

Отдала чашу Амае, но та не взяла, а вместо обмакнула туда большой таковой помазок и обмазала ей мордаху, часть шеи. Много ей внове, и такого Мауна тоже не знала, но всяких себе выводов делать не стоит — в разных менгирах свои рецепты, свои способа, обычное дело.

Амая смахнула в себя и свою часть, вкусно облизалась и дала помазок Мауне, та поняла и обмазала её тем, что осталось. Она старалась, надо видеть, как серьёзно Мауна всё делает, и перестаралась — Амае сома залезла в нос, и та чихнула прямо на Мауну, потому что куда скроешься, если вы связаны.

— Здоровье, — сказала Мауна. — Прости.

Амая улеглась, шмыгая носом.

— И твоё. Ну, ложись, лисуныя.

Что ученица и сделала.

— Что будет, наставница? — спросила Мауна, и спросила так, обо всём.

— Что-то будет, — подумав, ответила Амая. — Всё, там побеседуем... Идём.

Кой-что поправив, натянув на себя наволочку, Мауна закрыла глаза. Чуть поёрзала, пустила себе хвост вдоль лапы, только так. С входом проблем не будет, давно не было, всё будет быстро и мастерски. А с сомой — тем более. Сунгов-то сорок миллионов голов. А Вестающих — шесть десятков и шесть. И кучка учениц, сколько их там... А, одной больше, одной меньше... Абы кого туда не возьмут, только лучших дочерей Сунгов. Так ведь, да? Да. О, да, сома; сома, сома, сомуня, как скажет Амайа, сомуууньяаа...

Конечно же, она *вошла*. Конечно же, вокруг сияющая пустота безмирья, в которой ей всегда пахнет нефтью; *сновидение*, оно интересная штука, в нём можно пробовать на вкус разные цвета, или там обрести невозможность проговаривать какие-то слова, или обрести страх перед любым, самым невинным концептом (например, можно утрашиться любых маленьких треугольных штук, и тебя *выбросит*). В этом безмирье можно сидеть долго, очень долго, в нём можно пасть в нечто вроде аумлана, и некоторые считают это самой лучшей практикой этого самого аумлана; можно отправиться в миры сновидения, вверх или вниз, но это Вестающим мало к чему; можно пойти свидетельствовать Ваала, но сейчас это тоже ни к чему, потому что после этого точно выбросит, всегда выбрасывает. Отсюда можно начинать стремиться к любому менгиру или сразу устремиться к любой Вестающей (привет, портреты, фетиши и сестросвязь), но Амая говорила не делать такого, и Мауна это *знает* уже не только умом, она знает это уже лучше — знает волей.

Остаётся одно: застыть тут, не тратить силы, и ждать Амаю. К ней стремиться не надо, это тоже Мауна уже *знает*. Посмотрела на руки, чтоб получше тут усесться, и на левой руке синим светится наруч, на

котором Луана, Сикстима, Солнце и их имена (здесь — полностью, такой красивый почерк); отлично, и вдруг что-то новенькое — кругом появилась серебряная пыль, мнооого, а затем без всяких предисловий предстала Амая (это совершенно точно она, сомнений нет), и как предстала, это совсем, начистую нечто.

Что Мауна представила её родная метанойя: это львица, и это хорошо; она куда выше Мауны; она тёмная; у неё неправильно-правильно длинные лапы; у неё большой хвост, как дорога до Марны; она, можно признать, не совсем нагая, потому что кое-что из декорума у неё таки есть — это ожерелья разных цветов и размеров, и всё тот же наруч на правой руке, и он светится красным; охотница, и почему охотница? — потому что у неё огромное серебряное копьё со вьющимися лентами. Отпечаток мгновенный и бесповоротный, Мауна уже *знает*, что найдёт её уже и в Нахейме, и среди Тиамата.

Она не стала тратить ни на что, протянула руку с красным наручем: «Идём, идём, пошли!». Мауна не ошиблась, протянула свою, и сразу начался *переход*. Но переход оказался не такой, как к менгиру или в миры сновидения, нет, это всё куда жёстче; Мауна *знала*, что это — самая трудная часть, тут нельзя упустить ладонь наставницы, потеряться или вылететь, это будет очень плохо, это будет провал, так она превратится в ту самую Предвестающую жабу; она уцепилась в ладонь Амаи, она чувствовала, как истово тают её силы, так бездарно потраченные сегодня на тёпломирные дурости с эмпатией, как сейчас откажет в служении её сновидное предплечье, и как же паскудно, что это — левая рука, не правая, её правая рука сильнее, она ж лучница, там, где-то далеко-далеко внизу, где остался мир тёплой крови; она даже понамеревалась впиться ещё и правой, но куда там, ветер перехода не дал даже пошевелить ею. Если бы могла, то уцепилась бы зубами, но это невозможно, так нельзя.

Вылетели куда-то, натурально с треском, и Мауна очень живо, очень взаправду врезалась в пыль земли этого куда-то. Перевернулась на спину и увидела, что в этом мире есть солнце, ну простое такое солнце, яркое, ну может чуть больше, чем оно там, дома. Подумалось: «Сейчас сожжёт».

Не сожгло, потому что солнце заслонила Амая-охотница с копьём, и ей ничего не стоило поднять её на лапы; после того, как поднялась, Мауна и осознала, что у неё-де тоже появились лапы, тоже длинные, но она не оказалась голой, как Амая, у неё появилось совершенно не охотное платье, забавно было бы в мире тёплой крови в таком охотиться, и оно полупрозрачно, всё увидишь, полный просвет.

Амая толкнула её, тут всё ясно, мол, беги, бегай. Мауна толкнулась, но решила встать, осмотреться. Что-то вроде андарианской степи, даже

деревья там и сям. Кажется, горы синеются на севере, ах да, вот же там, севе...

Амая толкнула её отчаяннее и слабее одновременно:

«Ищи её! Карта! Тария! Срази её Вестью!».

Карта, Тария, срази Вестью. Мауна побежала, бегать оказалось легко и прекрасно, очень легко и вовсе прекрасно; сил не то что убавилось, их стало даже больше, чем прежде, чем за весь день, а может и год, а может и жизнь. Вот было над тобой серое облако — а вдруг убрали. Да, кругом андарианские степи, которые превратились в маленькую Империю, горы на севере, море на юге. Тропы вились так же, как Имперские дороги. Мауна узнала, что бежит на север, а надо на юг, потому что на юге-де Тария; но если её путь на север, значит тут, рядом, должна быть Нэль, совсем рядом, они ведь не так далеко с Амаей от Нэли; и как только Мауна вняла, что можно и нужно искать других Вестающих, то вот же она. Нэль.

Нэль спит под камнем, свернувшись клубком, она очень напоминает самку фиррана; она укрылась хвостом, и у неё очень мирный, даже милый вид. Возле неё косо воткнут длинный флаг, Мауна посмотрела, и высветилось: «Храню то, что хранит нас». Это — девиз Нэли. Мауна остановилась.

Наверное, с нею можно что-то сделать. Наверное, она — добыча, а добычу, наверное, можно пронзить. И только это понялось, то в левой руке расплылся светлыми ручейками, от центра к краям, огромный лук. Мауна поболтала им в руке, ей стало так интересно, ещё поболтала — совсем невесомый. Из лука можно (надо) чем-то стрелять, и Мауна не любит брать первые стрелы из колчанов сзади, она всегда тащит первыми те, что затыкает справа на поясе, и да, таки есть, и она без труда взяла одну из них (хорошо, что у этого полупрозрачного платья есть пояс!), но стрела оказалась слишком эфемерной, такой ничего не сразишь. Ах, ну ясно же, очевидно, это совершенно всем ясно, что стрелу нужно оформить, дать ей основу и материю, а это может только одно — Весть. Ажурная, светящаяся стрела переливалась и ждала, пока её зарядят Вестью; но у Мауны нету никакой Вести для Нэль, Мауна может её сейчас же придумать, чтонибудь триумфальное и язвительное одновременно, но нет-нет, сперва долг Ашаи Вестания Империи Сунгов, и Мауна побежала на юг, оглядываясь вокруг; она заметила вдалеке ещё флаги, но сообразила, что не у всякой добычи тут будет флаг, и вообще, тут много чего интересного, на этих Охотных Землях. Бежать можно быстро, даже перемещаться рывком, даже можно прыыыгнуть.

Вот же, это, вдалеке, вся светится, Ваалу-Ирама, главная в Тар-Сильйском менгире, и даже виден столб менгира; значит, недалеко Тария, и вот она, прямо в яме-берлоге, окружённая деревьями; она сидит, закрыв глаза, и очень напоминает львицу веды, рисунок которой Мауна

однажды видела в одной книжке, она вся в перьях на голове и каком-то невообразимом шмотье. «Нарушим идиллию, побьём тарелок», — весело подумалось ей. Выставила лук, тряхнула им; теперь же зарядим стрелу, и зарядим её Вестью, а она у нас есть!

От: Мауны, ученицы Амаи. Для: Тарии. Чрезвычайка. Кому: Шаррах, из Вал-Нарзаи, Хас. Шаррах, немедленно приезжай, с семьёй. Не принимай предложение из Эласси. Заедь к Варрасу и забери долг, не принимай отказа. Киритц. Печать: Ворон-Гора-Трава-один.

Мауна пустила стрелу, помня о всём, что нужно для хорошей стрельбы, даже о дыхании. Она попала точно в Тарию, прямо в голову в перьях, а Мауна выдохнула, опустив руки: если бы такой оргазм освобождения самки испытывали там, внизу, дома, то они бы царапали самцов за каждым углом, они б не давали им проходу, умоляя их оттрахать; интересно, что, такое вот чувствуют львицы, когда разродятся детьми? «Ваал, не щади, я буду здесь жить!», — простонала она, свалившись на землю на безвольных длиннющих лапах; взяла и пригладила себе уши, загревок, и с изумлением обнаружила, что у неё почему-то есть грива, но только не такая, как у львов, короткая и жёсткая, а длинная, мягкая, текучая, очень длинная, идёт аж до хвоста, она сейчас струится вот кругом неё, пока она сидит на этой превосходной земле.

Что там Тария? Она проснулась, но совершенно стоически выдержала это превосходное излияние юной Вестающей; без всякой спешки, она вытащила из головы стрелу, поглядела на неё, критически так, словно на ещё невиданную ранее рыбу, оглянулась, и даже заметила Мауну; глядя на неё и почесавшись, она, после некоторой заминки решения, просто съела стрелу, вот так.

«Так», — подумала Мауна. — «Она взяла Весть. Значит, принято. Значит, у неё свободна очередь. Или я прошла вне очереди. Нужен Ответ».

Она подошла к Тарие. Молчанка. Даже потрогала её лапой. Из озорства тронула луком, но ничего. Та смотрит, но молчит. Хм... Хоть кусай её, что ли. Да, кусать! Хм, как вежливо укусить почтенную Вестающую?

Мауна не нашлась ни с чем лучшим, как присесть на колено своей длинной лапы и укусила за левую ладонь, ну навряд ли поцелуя кольца, только вместо нежности — клыки; её грива мешалась кругом, щедро струилась. Во рту стало сладковато.

«Приняла. Печать: Ворон-Гора-Трава-один. Помню, ты была под Нэлю. Статус Амаи?», — это с трудом, но поняла Мауна.

Эм. Ну, они тут вместе. Ей сказать? Та ну. Что-то общее, нейтральное, даже наивное.

Мауна попробовала сказать так, ртом, но ничего не вышло, кроме рычания. Вообще ни слова, только рык. Ладно, зарядим стрелу, вот она, новая: «С Амаей всё хорошо». Чтоб не тратиться, то взяла и ткнула стрелой в неё так, рукой; но нет-нет, стрела прошла насквозь, без лука ничего не работает. Быстрый натяг, бац, попала ей в грудь в упор. Теперь всё по чину: стрела застряла; стрела вынулась, но уже никто её не осматривал с придиркой; стрела быстро скушалась.

О, всё, можно кусать снова. Тешась, как львёна, Мауна взяла и вообще решила откусить ей ухо. Ухо оказалось очень вкусным: как смешать самую лучшую кровь и самый лучший мёд.

«Поздравляю, Мауна, ещё не слыхала от тебя во Внутренней Империи», — понялось всё невероятно ясно, чётко, лучше даже, чем в домашнем мире. — «Ясно вестаешь. Ваал в мощь. Пусть полёт твой будет бесконечен».

Ваал в мощь, действительно. Радуюсь до дрожи, Мауна торопливо зарядила стрелу, выстрел в упор.

«И пусть ты достигнешь Ваала», — попрощалась тоже.

Всё, Тария с откушенным ухом уснула себе дальше.

Зачем утрачивать такую превосходную возможность? Мауна побежала дальше по своей Внутренней Империи. Чувство было такое: много-много лет, когда она ещё не была даже найси, когда её ещё даже не взяла Ванарамсая в ученицы, в одну из вилл её родителей приехала целая свора двоюродной-троюродных братьев и сестричек, какой-то там взрослый праздник, или свадьба, какие-то такие взрослые глупости, о них забыли и даже прислуга за ними не следила, они оказались предоставлены сами себе, и устроили дикую беготню по всей вилле с дракой подушками, прятками, её старший брат раскачивал на качели так, что оставалось только визжать и хотеть, чтобы это никогда не кончалось. Просто никогда.

Осваивалась она быстро и надёжно. Можно прыгать, в том числе хвостом вперёд (странно) и делая переворот в воздухе (ещё страннее), можно мгновенно перемещаться на большое расстояние, можно подкидывать лук и безошибочно его ловить, можно вылазить на скалы и видеть озёра и мелкие речушки, что примерно отвечали тому, как внастояще они текут в Империи, можно видеть всё местное население: вот Ваалу-Дайана (спящая самка фиррана, фирраса), вот Ваалу-Ньсь (здесь — натурально горная коза; а в мире теплокрови — юнианка, у них много любопытных и странных имён, Мауна знает, что все её зовут за глаза Ньськой); Ваалу-Амали (просто львица, трогательная); Ваалу-Зирара-Белсарра (почему-то печальная свинья); даже есть крошечные посёлки-города, пару домиков, похожих на хустрианские или мстваашские лачу-

ги; заглянула даже в Марну, и там оказалось их много, тут и Ваалу-Инлирамия, и Фрея, и Веста, и все-все-все. Над некоторыми извивались всякие-разные флаги личных девизов, над некоторыми — почему-то не, хотя у них тоже есть девизы, и Мауна не могла ещё внять в толк, почему так. В некоторых она из хулиганства и радости целилась незаряженными стрелами, не стреляя, но наверняка зная, что попадёт в любом случае.

Амаи почему-то нигде не видно, наверное, осталась там, дома, где должна быть северная Листигия; но, если честно, Мауна не очень интересовалась. Набегалась, успокоилась; заглянуть в Кафну и поглядеть на море решила в следующий раз, абсолютно зная, что следующий раз — будет. Пришла домой. Да, Амая тут, она распласталась на земле, она тоже спала, её копье не светилось и стояло воткнутое в землю. Спала она как-то не мирно, как остальные, и наруч продолжал сиять красным. Мауна зарядила стрелу:

«Я провстала! Амая, представь: тут есть все!».

Выстрелила и вспомнила, что надо-то было представиться. Кто «я»? Амая поймёт, наверное, так-то, но так не встают, надо сначала представляться.

Амая не проснулась и не ответила. Мауна вдруг увидела, что в неё воткнуто много-много стрел, и она методично их подсчитала — восемь. Ах, понятно, умница-Мауна, очередь. Захотелось помочь, и пришла идея — воткнуть в себя одну из её стрел. Есть такая непростая штука, как совместное Вестание, и наставницы всегда учили, что это воды, полные подводных камней и неожиданных (неприятных) сюрпризов, и хвостно трудных согласований. У них вот такое вот, можно сказать, это оно. Мауна взяла, вытащила одну стрелу и та жгла руку, и воткнула себе прямо в сердце. Больновато и противно, и тут — сюрприз: прямо с неба свалилась печальной неспящей свиньёй Зирара, и предстала по всей красе полусвиньи-полульвицы.

От: Зирары. Для: Амаи. Кому: Регулат Закона, Управление Северная Листигия. Дело восемь-пять-пять-три-пять: доказательств подмены печатей найдены, да. Дело восемь-восемь-три-пять-три: да. Дело восемь-семь-шесть-ноль-ноль: да. Дело семь-один-два-ноль-два: да. Палата Тюрем: просим помощи, двести мест. Прокуроры Йонуруру не успевают, задержка неизбежна, четыре луны. Список восемь-ноль НЕ утверждён, правки почтой. Регулат Закона, Управление Йонуруру. Печать: Весы-Ворон-Жезл-сто пять-десять.

Так, заволновалась Мауна. Это настоящая Весть, и серьёзная, и большая. Намотала пару жестов мнемоники, хоть запомнилось-вогналось вроде хорошо. Выстрелила в ответ:

«Приняла Мауна, ученица Амаи. Печать: Весы-Ворон-Жезл-сто пятьдесят».

Над Зирарой очень быстро появилась стрела и угрожающе зависла, вертясь круг оси. Не зная, что с нею делать, Мауна подманила её жестом, и этого оказалось достаточно — попала прямо меж глаз. Ай, снова больновато.

«Ну вы даёте, совместка. Ты ж у Нэли была. Ты постигнешь Луану-Сикстиму».

Ответ от Мауны, заряд стрелы и выстрел уже занимали мгновения:

«И пусть ты постигнешь Ваала».

Свинья смачно взорвалась и пропала.

Мауна ещё поняла критически важную вещь: надо обращать внимание на чужие стрелы. Надо оглянуться. Есть для неё ещё? Нет. В Амае стрелы есть? Есть, семь.

Заволновавшись, она, ответственная всю свою жизнь, решила выйти, чтобы отдать, разродиться не-её-Вестью дома. Это важно! Надо... надо *выйти*, не засыпать, немедленно, чтобы — не дай Ваал! — не потёрлась, не поблекла Весть. Нет, нельзя мирно засыпать (это если ляжешь на землю), надо устремиться вверх-вверх-вверх, а затем... Вверх-то она пошла, но затем — скоростной, срочный провал вниз.

Кажется, в последний момент она заметила, что к ней кто-то подбегал, и очень заинтересованно подбегал! Но поздно.

Быстро, свист в ушах, ветер перехода сейчас порвёт, всё так срочно; и проваливаться, оно куда быстрее, чем взбираться вверх. Почти вмиг обнаружила себя: в постели, в ночи, привязанной к Амае, со стуком в висках, в груди и вообще везде. Мауна резко поднялась, и от этого движения стало плоховато. Итак, надо развязаться, и с лентой она управилась быстро и осторожно, и не придумав ничего лучшего, намотала её на поясок (который не сняла, и спала прямо вот так, с сирной), а вот с тканью пришлось повозиться, и она опасалась, что тем самым выкинет-разбудит Амаю, но ничего. Сняла амулет Ваала наставницы, очень осторожно поставила на столик с её стороны.

Поставила лапы на пол и стала на колени у прикроватного столика (ах, Медиум, молодцы, здесь есть и чистая бумага, и графис, ну всё как по книжке), и под очень тусклым светлом лампы начала лихорадочно выводить, шепча под нос:

— От: Зирары. Для: Амаи. Кому: Регулат Закона, Управление Северная Листигия. Дело восемь-пять-пять-три-пять: доказательства подмены печатей найдены...

На бумагу упала капля с носа, нервно утёрла.

— Дело восемь-восемь-три-пять-три: да. Дело...

Подмотала жест.

— ...восемь-семь-шесть-ноль-ноль: да. Дело семь-один-два-ноль-два: да. Палата Тюрем: надо помощь, двести мест. Прокуроры Йонурру не... не успевают, задержка не... неизбежна, четыре луны. Список восемь-ноль не утверждён, — подчеркнула «не», — правки Имперской почтой, — зачеркнула «Имперской». — Регулат Закона, Управление Йонурру. Печать: Весы-Ворон-Жезл-сто пятьдесят.

Только теперь заметила, что на левой ладони — засохшая кровь, коей чуть попачкала бумагу.

Подумав, добавила дату сегоночи: «5-6 день 3-й Луны Вод 808 г. Э. И.». Подписала: «Ваалу-Мауна». Ещё подумав, почему-то дописала «полночь» (зачем? и разве полночь?). Ещё взяла бумаги, торопливо добавила «Печать: Ворон-Гора-Трава-один: свестано». Даже добавила внизу: «Судья». Будто от неё невесть сколько Вестей ушло, и можно запутаться. Но тоже подписала: «Ваалу-Мауна». И только отбросила графис, то стало... так легко. Так хорошо. Сидела прям на полу, прислонившись к кровати, хвост неприятно заломился, и началось невыносимое для неё — стала плакать, чего с нею не бывает никогда, никак и нигде.

— Я сделала это, я сделала это, — смотрела на левую ладонь в крови, и стало ясно, что не в своей. — Сделала это.

Кровь

Поплакавшись во всё удовольствие, Мауна залезла обратно в кровать и абы-как заснула сладчайшим сном.

Рано поутру проснулась, и их ждали даже не одна, а две служанки, очень тихо сидя возле кровати. С её стороны — её Реная, с левой, где Амая — её Хизая, хоть Амае всё нипочём и всё она имела в виду, как известно, и Встречающие ей не нужны. Но особая диспозиция сегоночи заставила Семью перестраховаться.

— Где Медиум? — первое, что спросила, и голос оказался громким в тишине спальни.

— Ваал в утро, Хозяйка, — зашептала Реная. — За дверьми.

— Иди, дай им это, — молвив уж тише, дала служанке две бумаги. — Стой, стой... А это — поставь у нас, — дала ей и ленту, которая связывала её с наставницей. — Спрячь в ту изумрудную шкатулку. Не потеряй.

На всё смолчав, Реная удалилась особой поступью, чтоб не цокали коготки. Мауна подумала, что надо было сохранить ленту на пояске, и самой всё поставить в шкатулку: дурацкая мысль, но забеспокоилась о ленте — а вдруг пропадёт?

Мауна встала, оглядела себя в зеркале — шемиза, кровь на ладони, совсем забыла снять на ночь подвески и так в них и вестала (вестала!), истёртая донельзя раскраска тентуши на мордахе от слёз, отчего стала напоминать то ли очень молодую вдову в трауре, то ли пленницу, что-то такое; прошлась, посмотрела немножко на спящую Амаю, стыдилась глядеть на её правую ладонь — даже отсюда видно, что есть кровь. Хизая вышивала; вот наставница Мьянфар, например, строго-настрого запрещала Встречающим делать что угодно, ожидая пробуждения Вестающей, им надо было сидеть, как идолюд; а наставница Нэль говорила, что это — большая глупость, и Встречающей куда лучше заниматься всяким спокойным делом: шить, вязать, читать; у Нэли так-то почти все служанки умеют хорошо читать.

Подумав, Мауна взяла и просто себе вышла, оставив всё в спальне Амаи, прямо вот так, в шемизе — чтоб не шуметь в спальне. Это совершенно непростительно для любой маасси и хаману, ходить по дому вот так, в нижнем; Ашаи-Китрах это простительно, всякое у них бывает; а Вестающая хоть голой может бегать, если требует дело. Медиум ждал за дверью, любопытные морды и насущные вопросы, и Мауна увлекла их за собой в свои покои и там церемонно, всё по чину, как и полагается, разродилась всем, даже не успев облачиться: одну Весть отвстала, свою; и одну Весть приняла, за Амаю, что немало удивило сира Мелима, ибо за много лет служения он о таком только слышал, но не видал лично. Всё смотрите на бумажках, не могла ждать до утра, записала сама. Всё, Вестающая вернулась, волей Ваала, Медиум ушёл, осталась только Реная.

— Хозяйка провстала и приняла Вести? Это ж хорошо, правда, Хозяйка? — с осторожным оптимизмом сразу начала та.

Осторожный оптимизм — неуместен. Уместен лишь триумф.

— Реная! Я сделала это!

— Выходит, хорошо, что мы приехали учиться к блистательной Ваалу-Ам... — и дальше осторожничала Реная, но уже заражалась радостью от ученицы.

— Реная! — потрясла Мауна свою служанку за плечи. — Шэ-шэ. Но это самый лучший день в моей жизни.

— Шэ-шэ, — закрыла Реная себе рот на мгновение. — Да, Хозяйка. Да. Наставница Нэль будет так рада, будет так рада!

Мауна застыла. Наставница Нэль. Будет. Так рада. Наставница. Нэль.

— Да. Конечно, — медленно ответила она; она задушила желание сказать яростное: «Не говори!». Не стоит портить прекрасный день.

И пошёл прекрасный, самый лучший день. Мауна и привелась в порядок, и позавтракала, пригласив весь Медиум и даже сира Нермая, и пошла поглядеть, что там с лошадьми в этой обители; а также она приказала Мшани глядеть, когда уберётся чёрный шнур с двери Амаи («Встающая встает»), и это случилось только после обеда. Всё бросив, пошла к ней, в полном облачении, торжественная, разрисованная в дистанцию на праздник какой, большой такой, навроде Дня Рождения Императора или Дня Героев.

Наверное, подумала Мауна, станет доброй традицией — удивляться каждый раз, когда заходишь в её спальню. Амая лежала в постели с перемотанной ладонью, и читала книгу с помощью служанки Мэринэ — та держала книгу перед ней, облокотившись о кроватный столик; Амая брала из большой тарелки, что прямо на постели, охапки удивительной смеси из сухофруктов, орехов и сушёного мяса. Эти охапки она грызла не столько сама, сколь всовывала их в Мэринэ; та, наверное, не смея перечить новой Хозяйке, покорно и упорно их ела. Но Амая кормила не только её, а ещё и — вот дела — львёнка, ещё безгривка, что сидел рядом с нею прямо на постели. Он и Амая глядели вместе в книжку, которую она читала урывками вслух, иногда водя когтем по странице. Амая махнула Мауне перемотанной рукой — садись возле нас, что Мауна и сделала.

— Это самое... Где оно... А, вот оно. «И львица веды Асгарда подошла к Аратте, и молвила: “Случится так, что сократишь ты свой путь преданности”», — Амая потянулась за орехом, и начала его громко грызть. — Это, бери, ешь, — постучала она по тарелке, глядя на Мауну.

— Она сказала Аратте есть? — несмело удивился львёнок, колукая коготь на лапе. — Что есть?

Львёнок косился на Мауну, она его явно засмутила, при всём своем декоруме, в дистанции, и в устрашающей раскраске.

Что делать: Мауна потянулась за орешком.

— Не, не-не-не, это я Ма... Ваалу-Мауне, блистательной ученице, лучшей сейчас в Империи. Ты знаком с Ваалу-Мауной? — поглядела Амая на львёнка, задирая голову на подушке.

— Видел, но издалека, — отметил он, снова покосившись на Мауну.

— Ну, это самое, вот она, прям тут.

— Арсай, что надо сказать? — затребовала от сына служанка.

— Спасибо, — повёл он ушами, и, сжавшись, поглядел на мать.

— Нет же, Арсай, надо сказать: «Очень приятно, превосходная Ваалу-Мауна, это большая честь для меня», — испугалась Мэринэ.

— Очень приятно, превосходная Ваалу-Мауна, это честь. Большая для меня, — повторил он торопливо, не глядя на Мауну, но на тот самый коготь на лапе.

— «Спасибо» тоже подходит, — отметила Амая. — Чего тут.

— Нет, Хозяйка, так нельзя... — живо заотрицала Мэринэ.

— Служанки говорят Вестающей, что можно и что нельзя. Ваал, куда катится эта целая Империя Сунгов! — взмахнула руками Амая, простираясь на кровати, чуть не перевернув и книгу, и тарелку. Книгу удержала служанка, а тарелку спас Арсай.

— Простится мне, Хозяйка... — и снова испугалась служанка; она хотела что-то пожестить, но не смела упустить книгу.

— Мне тоже очень приятно, Арсай, — ответила Мауна, приложив ладонь к груди. Тот поглядел на неё исподлобья, а потом на Амаю.

Амая забила перемотанной рукой по столику:

— Так, не отвлекаемся тут все. Тааак... Это самое. «Случится так, что сократишь ты свой путь преданности. Сокращу путь? — навострила уши Аратта. — Сократишь. Ты присмотришь ещё раз», — Амая вздохнула, и набрала себе в кулак кураги и всего такого. — «В последний миг она всё поняла, но было поздно: львица веды Асгарда зло и сильно», — Амая очень нажала на «зло» и «сильно», — «сбросила её со скалы».

Она упустила одну курагу на кровать, а остальное скушала.

— Это шамое... Аршай, фто тут написано?

— А-ра-та, — монотонно прочёл он.

— И што, какой иш этофо урок? Хишай, дай попить.

— Ну... Не знаю... Аратта умерла?

Амая попила и утёрлась.

— Ну сам-то как думаешь?

Подумав, Арсай довольно уверенно ответил:

— Если кого-то сбросить со скалы, то он умрёт. Хотя я слышал, что драаги на Востоке могут прыгать с деревьев, и им ничего не будет, — ему текло из носу, и он утирался предплечьем.

— Возьми себе платок, я ж говорила, — встревоженно и сдавленно заметила Мэринэ. — Веди себя хорошо.

— Где он тут... — он начал искать про кровати, оборачиваясь.

— На, — Амая залезла себе за шемизу, и от Мауны не ускользнуло, что он уставился ей на грудь, что-то там высмотрев. — Держи, — но не дала, а сама утёрла ему мордаху, и от Мауны не ускользнуло, что это был её платок, который она дала там, ещё раньше, вчера, у ритуала с тазиком. Львёнок ухватился за платок и удержал, ему стало любопытно, и он его рассматривал.

— Хозяйка, а я знаю ещё такое, — сказал, жмякая платок Мауны. — Мы пробовали сбрасывать кота с моста. Я, Матенрай и Мазару. Мазару услышал где-то, что котам ничего не будет, если они падают.

— И что вышло? — обратилась к нему Амая, глядя перед собой, на книгу, которую всё так же верно держала служанка.

— Мы поспорили. Мы кинули кота раз, и вроде ничего. Кинули второй, и ему пошла кровь из носа. Матенрай потом сказал, что он сдох.

— А на что поспорили?

— Да ни на что... — смутился он. И, видимо, зная, что Семье воспрещено врать Хозяйке, признался: — Ну, вообще-то, на пинки.

— Это как? — наострила уши Амая.

— Пинки под хвост. Мы отпинали Мазару.

Амая посмотрела на него.

— Он живой хоть?

— Кот? Нет, он сдох.

— Да нет же, Мазару.

— А, Мазару? Живой, живой.

— Вот видишь. Кот сдох, и ты заболел, а ещё ты отпинал Мазару, и потому пробил лапу, — сделала выводы Амая.

— Я его правой бил, а наступил на гвоздь левой.

— Нету совершенной справедливости, — подытожила она.

— А ещё, — вдруг добавил львёнок, — если кто приглашает к пропасти, то надо смотреть, хотят ли тебя сбросить.

— Вот это — превосходно. Лучше и не скажешь. Всё, потом ещё почитаем.

— Спасибо, Хозяйка. Арсай, отдай превосходной платок. Куда ты?! — зашипела, впала Мэринэ в ужас: её сын, вместо того чтобы слезть с другой стороны кровати, просто перелез через Хозяйку и Вестающую.

— Мама, я забыл. Прощу прощения, Хозяйка.

Мауна видела, что Мэринэ хотела взять его за ухо, ей дёрнулась рука.

— Поставь не-Вход, — потянулась Амая, и сладко зевнула.

— Да, Хозяйка, — поклонилась служанка, держа подмышкой книгу, а другой цепко держа сына за руку.

— Ваал в красивый день, Хозяйка, — жалко попрощался Арсай, зная, что расправа будет.

— Сильного дня, Сунг.

Вот они остались одни. Амая и дальше спрятала платок себе за шею, и теперь мирно глядела на Мауну. План чуть сбился чтением книжек, львятами и служанками, но остался нерушим и он таков: Мауна будет смотреть на неё; её спокойный, строгий, патрицианский и торжественный вид, вид рода; она не будет говорить «спасибо», Мауна всегда считала это слово ненадёжным и скользким, вместо него ей нравится или брутальный в своей явности поступок, или невыраженное, невыражаемое. Поступку в этом плане есть место, но чуть позже, а сейчас время невыражаемого: она просто смотрит на Амаю, даже не нужно быть Ашай-Китрах, чтобы прочесть всё на ней, на ученице, на Мауне — уже Вестающей, без дурацких «да, но...» и сочувственных вздохов. И всего делов — одна ночь.

Амая, подумала она, это та, кто доставляет то, что даже не обещает. Будем справедливы: Мауну наставницы много чему научили, Предвестки, учителя; иногда даже слишком многому, ну его. Но лентой связать Мауну с Ремеслом они оказались... Ваал, такая беспомощность, чья-то недоглядка, или что. А, какая разница. Амая не обещала, просто доставляла. Ты хотела Ремесла? Вот оно, на, на-на-на.

— Не больно? — пригладила Мауна её по руке.

Амая поглядела на ладонь, отмахнулась, дальше мирно заблестела глазами. Мауна взяла, с трогательной осторожностью размотала ей всё (это было долго), её цепкий взгляд и оценка: полосы её когтей по ладони Амаи, по пальцам; да, она таки изо всех сил пыталась не упустить руку наставницы посреди ветров перехода. Ничего не спрашивая, отдавая железной воле ученицы, Амая залезала левой, свободной рукой в свою тарелку за своими орехами-курагой-мясом.

— Как ты?

— Я? — Амая посмотрела по сторонам, небольшое удивление. — А что я. Я — вот, — показала свою расцарапанную ладошку, поиграла израненными пальцами. — Ты как?

Мауна не ответила, отчёт и гордость — потом. Сейчас пришло время жестов. Бережно оставив израненное в покое на постели, Мауна без спешки вынула сирну из ножен, церемонно примерилась (неудивительно, но в её обучение вошло и то, как правильно полоснуть себе руку и пустить крови) и резанула правую ладонь наискось, ну ту самой, коей цеплялась за Амаю, чтобы попасть туда. Амая всё так же лежала, будто оглушённая или под опиумом, пассивная; вещи, кажется, просто случаются с нею, жизнь ведёт свой полный карнавал круг неё, а она никак не успевает за всем, и ей остаётся только глядеть большими глазами на учениц, что режут себе руки и даже не думают объясняться.

Долг исполнен, и восстановив кровную справедливость, Мауна снова взяла её ладонь, и снова пальцы Амаи обагрились, только уже не своей, а чужой (или всё-таки родной?) кровью.

— Амая, я отвстала свою Весть. И я приняла одну Весть за тебя. Всё уже в Медиуме, — Мауна сказала всё так, словно читала смертный приговор очень старому, заклятому врагу, её патрицианские уши хищно полуприжались, а движения уст — даже надменны.

Амая подумала.

— Нескучно с тобой, Муня. За меня? — смешно возмутилась Амая, но быстро сдалась дурачиться, и любопытствовала, наострив уши: — От кого?

— От Зирары. Весы-Ворон-Жезл-сто пятьдесят, — добила врага Мауна.

Амая снова подумала. А затем расплавилась в хитрющей улыбке, аж закусала себя клыками за губу.

— Что, Муниш, наломали дровишек? — заелозила в постели, и снова шмякнула её хвостом, как тогда, и теперь уже по коленке.

— Ваал мой, родной Аламут, я снова хочу туда, — трагически серьёзный облик ученицы шёл в такой разрез с её стонущей радостью.

— Что, лисуня, нализалась крови? — подняла бровь Амая, ух ты, всё так же кусая себя клыками. — Так-то да, я ж тебе говорила, а ты кочевряжилась, — стукнула её по предплечью, но несильно.

— Хм... — не открылась Мауна о лизании крови, но сделала так, как это обычно кошкам, прижмурила глаза, стрельба взглядом. — Амая-наставница, вот что: я должна отметить, что Семье не стоит так потакать в переходе границ и дистанции; и самцы в постели Вестающей, даже львята, это... неверная вещь в этих обстоятельствах, хоть я вижу благородство мотивов; тем более, он болен носотечью, а она может перейти тебе, а ты — я это вижу — сильно ослабилась, отдав всю себя мне, проводя в Охотные Земли Внутренней Империи, в которых я никогда не была и никогда о них не знала, — показала на карту, важное уточнение о «никогда не знала», у Мауны есть насущные вопросы, — это может быть нехорошо для тебя, наше служение Ваал-Сунгам, — нажала на «наше», — оно тем самым падёт под угрозы болезней, слабостей. Амая, мы служим ещё и тем, что верно заботимся о Семье, но и заботимся о себе, а ты должна лучше заботиться, — приладила ей руку, — лучше помнишь о себе, пожалуйста...

Мауна перешла в эту заботливую (искренне) атаку, но с каждым словом её уверенность растворялась; и всё не потому, что чувствовала неправоту (она говорит совершенно правильные, разумные, воистину очевидные вещи). Всё шло оттого, что Амая с каждым её словом заряжалась ещё больше, как стрела Вестью, заряжалась скрытым довольством всякого, кто уличил кого-то в преступлении, и выслушивает все факты, обстоятельства, улики и доводы от ничего не подозревающего (ещё) собеседника.

Без всяких перебиваний Амая дала закончить Мауне; поняв, что всё, выдохнула:

— Ах да, я конченная преступница, это известно. Но сейчас мы поговоримся о твоих, куда более чёрных делах. Я забыла тебе сказать, совсем-совсем, — говорила Амая, сияюще-довольная, — что в сегоночь ты встала так, как это запрещено всем-всем сёстрам Внутримперии, и чему хорошие наставницы никогда не учат хороших учениц, — и засунула коготь себе в рот, царапая зубы. — Забыла предупредить. Ты ж не обижаешься, у?

Мауна определялась, поглядела вверх, не меняя положения головы, ничего. Одной рукой она всё так же связывалась с Амаей, второй же поцарапывала светло-серый пласис у груди. Затем взгляд обратно на наставницу.

— Я... — начала она.

— Ой, ты не знала о таком? — только и ждала любого звука Амая. — Так откуда ж тебе. Ты была хорошей ученицей у хороших наставниц, им бы и в голову не пришло такому учить. Не то что бы они об этом много знали, — Амая с удовольствием повела плечами, снова этот беспоконный хвост, — некоторые из них просто что-то там себе подозревают, подозреваки. И это хорошо, им это ни к чему. Но мы ж никому не скажем, правда? А то нам влетит, — и сильно подмигнула, как всегда, актёрствуя.

Хорошо. Мауна снова определялась, снова поглядела вверх.

— Ты передала мне то, чего не знают другие сёстры?

— Ну. Нью, — поиграла Амая пальцами в воздухе, прикинув вещи. — Знают ещё четыре. Называть не буду: сама их узнаешь, там, не волнуйся. Ты — шестая. Шестюня-лисуня, — тёрла Амая цепь амулета, который в эту ночь носила Мауна. Бесконечное удовольствие в её глазах. Она чего-то ждёт, наверно.

— И это должно быть шэ-шэ между нами? — поставила Мауна коготь на их всё ещё сцепленные ладони.

— Не просто шэ-шэ. Это должно быть шэ-шэ размером с саму Тарию. Прости Ваал. Или даже не так, не так, — хаотично замахала рукой Амая. — Шэ-шэ, оно для всех сестриц, и даже Семей, и ещё хвост пойми кого. Тайна — она для нас, для двоих, — показала два пальца. И легко, тихо добавила: — Это отдашь только той ученице, которой будешь полностью доверять, и которая не будет дурой, как я. Вот как ты. Если она у тебя будет. А вряд ли будет. Не всем так везёт, как мне, Мунь. Я ж везуча, тем и живу.

Мауна очень внимательно выслушала, всю наострившись, и даже чуть прильнув вперёд.

— И быть охотницей там — это способ обойтись без Книг, фетишей, портретов... и даже менгиров? — Мауна поглядела на дверь, назад, а ещё по сторонам.

Очень хорошо, Амае понравилась ясность Мауны.

— Как-то всё-то ты знаешь, Муниша, — выдохнула Амая, расслабившись, и снова потянувшись за едой.

Наверное, далее ожидалось рассуждения о разбитых представлениях, странном новом знании, о котором нигде и ничего от прежних наставниц, почти панические попытки выяснить «но как же...» или «но почему об этом никто...», и так далее.

Мауна осанилась, выпрямилась, и теперь смотрела выше Амаи, на совершенно голую стену.

— Изумительно.

Она поцеловала ладонь, на которой натекло немало так крови Мауны, которой доселе никто не озаботился, и оставила её в покое. Штрих

ко всему: всё это время Мауна не отдала себе отчёта, что не спрятала сирну в ножны, и всё делала вместе с нею — жестила, гладила ладонь Амаи. Убрала обратно. Затем осмотрела свою ладонь, с которой стало всё неудобно, потому что всё заляпаешь кровью. Теперь пришла очередь Амаи, и она осмотрела, что там к чему.

— Эй, а как же забота о себе? — смешливо отметила наставница, отбросив свою старую повязку, и та упала куда-то на пол.

— Надо б нам перемотаться. Нечем. Надо новую ткань, — оглянулась кругом Мауна.

Амая снова захрустела орехом, и Мауна стала подозревать, что для той есть риск снова повторить дурости с тазиками.

— Вот видишь. Нечем.

Письмо, тайна и Жертва

Моя превосходная наставница Ваалу-Нэль,

я спешу сообщить, что мои усилия, приказанные Ваалом и назначенные служению Империи и Сунгам, привели к прорыву. После прибытия в Луну Охотницы я всю отдалась намерению войти в сестросвязь и встание, всецело осознавая своё предыдущее несоответствие. Приложив все силы, я смогла найти наш, а также Тар-Сильйский менгиры, а также установить несколько успешных сестросвязей.

Сиятельная Ваалу-Амая, несмотря на свою великую занятость, а также прочие личные обстоятельства, всё же уделила мне некоторое внимание, и договорилась со сёстрами нашего менгира об обмене пустыми Вестями с ученицами оного (Ваалу-Ваалирой, Ваалу-Караной), а также связала меня ковенантом с безупречной Ваалу-Тарией для передачи отдельных Вестей. Я прошу прощения, что не обратилась для устройки сих текущих вещей напрямую к превосходной наставнице, а злоупотребила вниманием сиятельной Ваалу-Амаи — это было проделано для удобства; тем более, сиятельная благосклонно согласилась проделать это для меня, тем самым отдав «долг праксиса» и «долг сестринской помощи», согласно её словам.

Из-за некоторой загадочной нехватки в Луне Охотницы вспоможений, как-то сестрофетиши и сестропортреты, мне не хватает сил для вестания в полном объёме, но они достаточны для пустых Вестей и нескольких Вестей в неделю по ковенанту. И уверена, что имея всё необходимое в нужном количестве, я буду справляться куда лучше.

Сожалею, что мои возможности не проявились раньше, чем обычно для учениц, из-за чего наставница — допускаю — могла ощущать понятные беспокойство и разочарование. Но Ваал приводит нас тогда, когда мы готовы.

Продолжаю самостоятельный праксис согласно наставлениям превосходной наставницы. Прошу разрешения войти в сестросвязь с наставницей в любую ночь, что удобна для превосходной. С нетерпением жду нашей будущей въязной встречи, где смогу вполне поделиться достижениями и выслушать все замечания.

*Вечноверная ученица превосходной,
Ашаи Вестания,
Ваалу-Мауна*

Перед отправкой Мауна переписывала это письмо несколько раз; все наброски сжигались. С каждым разом ставало всё больше ложных троп, роль Амаи всё больше преуменьшалась (от «Сиятельная Ваалу-Амая дала мне неоценимые наставления в совместном вестании...» до «...всё же уделила мне некоторое внимание...»). В первом наброске Амая была всуе именована наставницей, дальше такой чудовищной ошибки не повторялось. С каждым разом щит, что прикрывал Амаю, ставал всё больше. Она же, Мауна, с каждым разом становилась всё обыкновенней и подбострастней. Маяки нарратива: была я плохой, а стала хорошей, поджатый хвост, Амая что-то там себе делает, ну её.

Письмо, которое Мауна не хотела писать (но твои хотелки на тропе Ашаи Вестания не имеют никакого значения), этот упреждающий ход, было крайне необходимо. Их с Амаей тайна должна укрыться в тумане будничности и обычности; её неожиданный успех превратиться в что-то хорошее, нужненькое и простенькое; никакая нить не должна вести к Амае, ничто не должно грозить ей, бросать тени, и так далее и тому подобное.

Мауна не показала его Амае, и не упоминала о нём; вдруг той будет обидно? Незачем — она чувствительна.

Тайну, поняла Мауна, нужно закопать глубоко, и рыть нужно без усталости, не лениться и не дать слабины. Тайна оказалась невероятной в

своей силе и кристальной в своей ясности. Они с Амаей больше не обсуждали нужду всё скрывать, не плодили планов, как им лучше молчать, они даже не трогали эту тему; между ними установилось полнейшее понимание в этом вопросе.

Тайна позволяла Мауне то, о чём доселе не мечталось: находить всех Вестающих без разбору и оглядки на те самые фетиши, Беседы и Взгляды и такое прочее; стрелять в них Вестями, если надо, или просто целиться, для азарта; кусать их как угодно (лучше всего откусывать голову) и вырывать Вести, если нужно (даже мнемоники особо не надо — Весть сразу шла импринтом в метанойю); без трудности входить в связь с ученицами её менгира и с садистским удовольствием расстреливать их Вестями-пустышками, а те пугались чётким Вестям Мауны, с которой они ещё недавно тихонько посмеивались при встрече в обители Ваалу-Нэли для сеансов Взгляда; Мауна поняла, почему Амая тогда, в первый раз, колоритно выразилась, что её сестра Шиала, как бы это лучше сказать... ну в общем, иногда ученицам не удавалось ничего ответить для Мауны, особо в Ответах на Весть: она вырывает от сестры-ученицы кусок, а там — хаос, такой противный на вкус, что фу. Казус: Мауна однажды укусила, а там — кусок внутреннего диалога: «Опять бить будет, не надо, аррр!». И делай с этим что хочешь, хоть плачь, хоть падай.

— Амай, а чем за это всё надо платить? — резонно осведомилась Мауна. Праздники дорого обходятся, это любит говаривать её отец.

— А хер его знает. Своей шкурой, если будешь дурой, — легко ответила Амая, опиваясь вином за обедом. — Самки, знаешь ли, не любят, если другие самки очень отличаются. Все должны быть вровеньку и знать свое место, как эти... как их... — растерялась Амая. Но нашлась: — Пенёчки.

— Пенёчки? — нахмурилась Мауна.

— Ну, ты видала, если лес рубят, то пеньки остаются. Они все одинаковые.

— А почему все так не встают? — ещё более резонный вопрос от Мауны.

Амая отставила кубок.

— А хер их знает, — снова простой ответ от Амаи. Но вопрос так-то её озадачил. Утёрлась, поглядела на Мауну. — Это. Так охотниц мало, а добычи много. Если наоборот, то что будет... хвостня какая-то будет. Да и не все так могут.

Ладно.

— Кто передал тебе эту традицию? — спросила самый главный вопрос Мауна, уловив хороший (по её мнению) момент.

Но не тут-то было. Амая всегда ей отвечала, как могла; а могла она только своеобразно: с заминками, профанацией, невероятными дигрессиями, разветвлениями и забавными метафорами. А тут засмеялась.

— Всё-то ты хочешь знать, Муня.

Чуткая, умная, ученица-Вестающая не стала настаивать. Всему своё время, даже если оно никогда не настанет.

Насколько Мауне стало огнеясно, тайну нельзя определить в вестании — метанойя сестёр просто показывала, что с ними просто входит в надёжную связь ученица Ваалу-Мауна, ясно вестает, и не занимается пустой болтовнёй — а чего же более нужно, чего ещё ожидать от ученицы такой прекрасной Вестающей, как Ваалу-Нэль?

Мысль Мауны: Ваал, спасибо тебе за метанойю; хорошо, что *там* у каждой — своя. В мире тёплой крови это не пройдёт, тут она у всех почти одинаковая, как тот самый пенёк.

После той судьбоносной ночи Амая не встала три дня и много валялась в постели, что-то вроде болезни. Кажется, набралась носотечи от того самого львёнка.

— Я ж говорила, — резонила Мауна.

— Вот же, даже поболеть нельзя, — не заботилась Амая.

С достоинством Амаи, благодаря зримому и незримому присутствию Мауны, стало куда лучше. В обжорстве и последующем ритуале больше её не уличали, и она клялась, что уже всё; курить стала вроде меньше, по настоянию и под бдением ученицы, хотя не прекратила. Приобщиться в этой привычке не предлагала, хотя Мауна почему-то думала, что попытки будут.

Бросила баловаться эмпатией. Сейчас дело поважнее. Постоянное чувство превосходства над всеми, вообще. Это так себя чувствуют Вестающие? О дааа.

Также вошла в рутину утренняя стрельба с дхааркой Тоей. Лук и стрелы обрели новые смыслы. Дхаарка Тоя молчала, отвечая лишь тогда, когда спрашивают, исправно таскала стрелы. Ваал мой, идеально. Однажды та немножко опоздала, и Мауна так и стояла с луком, но без стрел, — это к Тое пристал один из посыльных, что шёл в Медиум, и она не сразу догадалась избавиться от него фразой «я несу стрелы Вестающей, чтоб стрелять, если не донесу, то она будет тут, и будет зла-зла»; Мауна, пребывая в прекрасном настроении, не озаботилась, не выясняла, не наказывала.

Семье Мауна нравилась, даже очень, постоянно кем-то обронялось нечаянное «Хозяйка», а потом следовали извинения с оправданиями; в пустоте обители она быстро стала центром порядка, иерархии и всего определённого. Её ж служанки, будь то Реная, Мшани или даже немая Шэзи, молчаливо свидетельствовали и подтверждали это смещение власти. Мауна любила зайти в Медиум, посмотреть на текущий Граф, быть в курсе дел, чего вообще никогда не делала Амая; те не секретничали и вполне охотно шли на все обсуждения, даже ненужные. Они ей поведат-

ли, что в Гельсию действительно зашёл один из легионов Легаты, и зайдут — наверное — ещё. Смотрели на карту и рассуждали об этом.

— Бедные огнежрецы, — смеялся сир Мелим. — А ещё прямо в Насаре казнили пачку гельсианских повстанцев, или хальсидов, пёс их разберёт.

— Ваал не прощает, — одобрила Мауна.

Так-то Мауна и Амая не слишком обсуждали Ремесло, обсуждать оказалось особо нечего, и Мауна всецело практиковала всё сама, у себя. Амая спорадически раздавала забавные и не очень нужные советы, но однажды, случайно, подарила просто чудесный: заматывать уши хлопком на ночь, как при аумлане; Мауна сказала, что так неудобно лежать, но Амая ей показала, что хлопка надо всего чуть, не надо устраивать на голове хвосты-что, не надо ничего перематывать, как Мауне делают служанки. Но хлопок должен быть самый дорогой. Не веря, Мауна попробовала, и вход стал ещё лучше. Ещё неплохой совет от неё:

— В лунные дни вестать просто сам Ваал велел, всё лучше.

Так и оказалось.

Но так-то они больше любили побеседовать и побегать вместе там, в Охотных Землях.

Также Мауна узнала кое-что о себе:

— Ты там выглядишь, ну просто ух, просто отпад.

Не удержавшись, Мауна любопытствовала, прекрасно зная, что чужая метанойя, она, хм, на то и чужая, это всё видит только Амая; а ещё описания видений чужой может влиять на твою, из-за чего могут случаться всякие интерференции и казусы. Но всё равно:

— Как именно?

Амая закрыла глаза:

— У тебя есть грива, очень длинная, она за тобой развеивается, из неё сыплются искры, как из костра, если его знаешь... пошевелить поленом. И всех расстреливаешь из лука, что больше тебя, прости Ваал. И ты стройнее, не то что здесь. Короче, отлично выглядишь, лучше, чем тут.

«Ничего себе, как наши метанойи совпадают», — подумала Мауна. Она смотрела серьёзно, а затем — редкость — заулыбалась, отмахнулась, глядя в сторону:

— Амая, сама непосредственность. Люблю тебя.

— А я тебя — больше, — немедленно ответила та.

Однажды, после предужина, Амая расспрашивала Мауну о её прошлом, о родовом доме (Мауна уточнила, что их так-то три, если брать основные резиденции), почему-то очень заинтересовалась братьями (да, один — дренгир в Легате, с Востока не вылезит, и Мауна за ним скучает до смерти, другой — скучный и женатый Имперский бюрократ, полностью отказавшийся от наследства, а третий — непонятно, то ли повеса,

то ли скульптор, то с книгами закроется, и отец всё просит мать родить его обратно). И вдруг, ни с того ни с сего:

— Ты о Жертве говорила с наставницами?

— Естественно, — кивнула Мауна.

— Ты, это самое, сразу после Приятия займись вопросом. Чем раньше, тем лучше. Ремесло пойдёт просто как по маслу. Хирана этим занимается. Паскуда она, но в этом знает толк.

— Хирана? — удивилась Мауна. Этого она не знала, хоть провела с Хираной много времени (и о том, что паскуда, и о том, что занимается Жертвами).

— Да, она мастерица в этом. Всё тебе устроит.

— Вот не знала. Это она тебе устраивала?

— Она? Мне? Не... не. Не она, — задумчиво протянула Амая, и Мауна уже знала, когда она не хочет развивать мысль. Затем наставница с опаской спросила: — Лев тебя брал?

— Нет, — спокойно ответила Мауна. — Меня даже не сжимали в объятиях. Даже не лизали мне шеи.

— Мда. Судьба учениц Вестающих. Ужасно.

«Да не что бы», — спокойно подумала ученица. Львы вроде как её интересовали, но и не очень, и все кругом такие какие-то... фу. Ни рыба, ни мясо, ни даже пахлава. Невозможно представить что-то там с ними.

— Зато для дела такой расклад — самое то, — вздохнула Амая. — Тогда уж дотерпи до Жертвы. Жертва тогда будет ну просто взрыв, на всю жизнь хватит.

— Думаешь, примут меня, стану Вестающей?

Наставница рассмеялась, с удовольствием завертев трубкой.

— Примут, примут, уже примут, как миленькую.

— Амай, а на что оно похоже?

— Что, Приятие в Марне? Да ничего особ...

— Нет, — перебила Мауна. — Жертва.

— На... — снова закрыла та глаза. — Это похоже... Это как... Словно золотая, тёплая вода проникает в твою кровь. Смысл жизни, ца. Не знаю, как описать. Полнейший кайф. Потом плохо, потом снова кайф. Ну, кошмары ночные будут. Иногда будешь вспоминать не свои воспоминания, та ты знаешь, наверное, обычная ерунда. Они очень неинтересные, как правило. Но бывают и довольно прикольные. И яйца вырастут.

— Яйца? — наострила уши Мауна, внимая. Какие ещё яйца.

— Ваал, видела бы ты свою мордаху в зеркале. Возьми его, сними с пояса, полюбуйся, — тешилась Амая.

Ах да. Непонятный львина, с которым Мауна вошла в переплёт, оказался вот чем (по справке Медиума): криминальный авторитет, извест-

ный в Баше и во всей Листигии как «Куцый», и Круг его так и называется — Круг Куцого, и все под ним — куцые; специализация: бордели, гостдворы, таверны, азартные игры; неженат; в молодости кого-то убил прямо посреди Баша, осуждён, но был сразу помилован по загадочной причине (?!); не в ладах с каким-то иным Кругом, у них там целая война; с Башской Имперской властью в чрезвычайном взаимопонимании, да и в окружностях тоже его приветствуют.

Пару раз в неделю от него приходили в Медиум, и неизменно слали в соседнюю западную Андарию Вести, которые Мауна тут же, сегонощно, вестала Тарие, потому что никакие иные настоящие Вести через Мауну не шли; для этого Амая и заделала Мауне ковенант. Тария всегда принимала их, не ставя в очередь — стрела не застревала в ней, а сразу съедалась.

Глава, в которой Мауна упала в ярость

Оказалось вдруг, что у Амаи есть любовник, которого она скрывала. И удачно, ни слова, ни намёка! Вестающая, полностью отдавшаяся тоске за Семьёй и Ремеслу, а ещё своей неожиданной ученице, самой лучшей сейчас в Империи. Как бы не так. Всё работало, пока его не было поблизости. Но скрыть его, когда тот приехал в обитель на очень красивом фирране посреди бела дня, оказалось сложновато.

— Амая, тут приехал некий сир на фирране.

Мауна — в высоких кнемидах, выше колен, лапы обтянуты кожей, в руках — короткий хлыст. Шорты, рубаха, пояс, сирна, зеркальце в защите. Стамп в таких случаях можно не носить. Пояс вообще брутален, даже для Ашай-Китрах, что привычны к широким поясам.

— Да? Ничего себе! — так смешно и так фальшиво удивилась Амая. — Эм... а ты, Муниш, чего, кататься идёшь?

Ученица кивнула, хлопая хлыстом по лапе в коже.

— Удачно покататься! И, это, возьми с собой телоохрану, возьми четырёх, — суетилась Амая, — нет, пять-шесть морд! Возьми сира Уруза, возьми и его. А то неизвестно что бывает... Что за день!... Слушай, Муниш, я тебе о нём ещё не говорила, нет?

Нет, покачала головой Мауна. Вопрос излишен — Амая прекрасно помнит, что не.

— Слушай, — Амая начала трогать её за пуговицы рубашки, за рукава. — Слушай, Маун, это... Он... он тайник. Ты, в общем, должна знать, что он — тайник. Ты с ним особо не того... может, не говори с ним очень... так, если вдруг пересечётесь. Он любопытен бывает.

Мауна очень внимательно глядела на наставницу.

— Пересечёмся, если тут будет.

— Он приедет и уедет, — зажмурилась Амая, потирая висок. — В общем, не обращай на него внимания.

— Я постараюсь.

— Ладно. Стой, — Амая поцеловала её в щеку. — Всё. Катайся...

С ездой в обители Амаи так-то туговато. Во-первых, у неё оказалось необычайно мало ездовых лошадей, остальные назначались на повозки, дилижансы. Во-вторых, конюх так-то идиот, Мауна его невзлюбила, но сдерживалась, — хладнокровная, воспитанная. Сёдла для львиц? Не слышали: а зачем им сёдла, если им на колёсах кататься, а не верхом, не так ли. Вообще, здесь, в Листигии, Мауна ни разу не видала львицу верхом, даже на боковом седле. В-третьих, по темпераменту и породе все лошади были «не то». Из пяти Мауна выбрала флегматичную, медленную на команду кобылу: скучно, но глупостей не будет. Был ещё мерин, но Мауне не понравилась масть, а ещё он уже быстро свыкался с сиром Урузом, и Мауна решила не портить его (мерина, не сира Уруза, того вряд ли уже испортишь).

Да, сир Уруз, глава телоохраны, несмотря на торопливые советы Амаи, взят не был. Зачем, пусть хранит Хозяйку от этого... на фирране. Взялись: Таву, Хагал, Тайназ, Тай. Первые трое наездничали плохо, Мауне больно смотреть. Тай оказался отличным наездником, ездил по военному практично, качаясь как маятник и вообще не заботясь о презентации: всё ему нипочём, головорезу (если честно, это — за немногие годы — оказался первый лев, от которого у неё внизу что-то там ёкнуло); Мауна, естественно, наездничала стрункой.

«Тайник. Любопытен. Твоё страдальческое выражение, Амая. Поцелуй. Катайся», — размышляла Мауна. Где хорошее настроение любви, где страсть, где весёлость и азарт оттого, что приехал любовник? Стой. Слушай. Катайся.

Покатались подле Баша, раз спугнув каких-то хаману, подъезжая сзади, и одна из них упала на хвост в грязь. Мауна остановилась, но не извинилась, их вины никакой не было. Всё кончилось спокойным разговором, львицы утрашились Мауну, поняв, что это *очень* важная Ашаи-Китрах. Какой-то лвьёнок, совершеннейший наглец и подлец, посмел выстрелить в них из рогатки, видимо, полагая, что он в абсолютной безопасности, находясь на возвышенности и в окружении друзей. Как бы не так. Тай на лошади обходным манёвром легко настиг его, друзья рассыпались в стороны кто куда, а наглец совершил тактическую ошибку в отступлении и загнал сам себя в угол — то есть, залез на дерево.

Почему-то он подумал, что на него плюнут и за ним не полезут. Как бы не так. Хагал, самый маленький и лёгкий, худощавый и поджарый хустрианец, методично посбрасывал с себя нагривник, длинный меч,

мелкий арбалет, пластинку, то бишь броню, короткий гамбезончик (который — как Мауна уже знала — телохрана между собой звала «тюлькой», по загадочной причине). Делал он это, кажется, нарочито медленно. Все остальные собрались круг дерева на лошадях, Мауна упёрлась кулаком в бок и глядит вверх. Преступник сидит на ветви, лет так десять-двенадцать — грива ещё не пробивается.

— Слезай сам. Проще обойдёшься, — даже дружелюбно предложил Тай, скрываясь ладонью от солнца.

— Пошёл нахуй, мусор! — зарычал львёныш, рычок ему сломался из-за возраста на визг; он, верно, спутал телохрану Вестающей с гордской стражей.

Ого. Хагал полез, наглец стукнул его лапой по морде, за что и получил под дых. Взяв кое-как за одежду, Хагал потащил его вниз, под конец не удержал и преступник свалился наземь, разбив нос, где и был взят.

В общем, Хагал и Таву взяли его под руки, ну и дальше решать Мауне.

— Кто твои родители? — спросила она.

Всё по Кодексу, на самом деле. Даже это предусмотрено и в Кодексе, и в тот самый «Положении о преступлениях против Ашаи-Китрах...». За малолетнего отвечают родители, а ответить тут можно ого как.

Тот не ответил, и ему закрутили ухо:

— Отвечай, когда спрашивает Вестающая, — потребовал Таву.

— А? Что?

— Ты знаешь, кто такие Вестающие?

— Не.

— Кто такие Ашаи-Китрах знаешь, баран?

— Знаю. Хорош крутить ухо.

— Это — Ашаи-Китрах, — показал на Мауну Таву. — Только... очень важная. Ты такую почти нигде не увидишь, понял?

— На понял не бери, понял, — подросток оказался очень жёстким.

— Так кто твои родители? — снова спросила Мауна.

— Не знаю. Откуда я знаю, — затравленно посмотрел он направо, затем налево, на тех, кто его держит. Тратить эмпатию не надо — он действительно не знает.

Хм. В такой ситуации — всё на твоё усмотрение. Мауна слезла с лошади.

— Ты — Сунг? — спросила она.

— Да! — яростно ответил он.

— Ты ж не знаешь своего рода, — отметила Мауна, подходя.

— Всё равно Сунг! Я чё, на дхаара похож? — смелости ему значительно поубавилось, он уже понял, что всё так-то серьёзно.

— Посмотрим, — вынула сирну Мауна. — Выбирай: я тебе гриву сбрую и концевост укорочу. Или палец отрежу.

Тот молчал.

— Гриву, значит, — определила Мауна, хотя сбривать там, если честно, нечего.

— Не! Не надо гриву!

— Лучше палец?

— Да.

— Какой тебе отрезать?

Подумав, показал мизинец на левой руке.

Полдень, шипят цикады и дует этот противный северный ветер.

— Не хочу сирну марасть. Погодите. Где мой нож... — Мауна, спрятав сирну, начала смотреть себе по поясу, был у неё маленький, удобный ножик. Но запропастился — забыла в Луне Охотницы.

— Превосходная, вот, — протянул кинжал Тай.

— Он тебе ценен? — посмотрела на кинжал Мауна, повертев в руках. Ну нет, норрамаркская сталь. Потом поглядела на Тая. Тот проявил удивительную прозорливость, ухмыльнулся.

— Да, он с Легаты ещё. Тава, дай свой пырял. Тот, с обители, в пятнах. Есть, да?

Тот молча дал его Таю, а Тай дал его Мауне.

— Ставь руку, — приказала львёнку Мауна, указав на распластанный на траве гамбезон, что тот, с помощью железной хватки телоохраны, и сделал. — Давай палец.

Мауна села на лапы, зажала ему ладонь, устала кинжал, чтоб резать. Посмотрела на него, он — на неё. Ничего не говорил. Покосился вниз, на острое, потом снова на неё.

— Что у тебя с мордой? — вдруг изъясил любопытство, прищурившись.

— Неправильно обращаешься. Ты как с львицами старше обращаешься?

— Хаману. Наверное.

— Вот. Давай, пробуй снова.

— Что у хаману с мордой?

— Неправильно. Ты как к Ашаи обращаешься?

— Что у хаману Ашаи с мордой?

— Неправильно. Надо так: «Что у превосходной с мордой?».

— Что у превосходной с мордой?

— Это тентушь, узоры. Иногда Ашаи так делают, особенно мы, Ве-стающие.

— Это... а это то самое... почта через сны, верно?

— Да, именно то. А ты говорил, что не знаешь.

— Всё перепутал. И что, это серьёзно, во снах письма идут куда хочь?

— Куда хочешь.

— И сразу?

— Сразу.

— И много?

— Обеты не позволяют ответ.

— Много, значит, — сощурил преступник глаза, догадываясь обо всём. — А это... как так, как оно так... через сны... подумать только. Я думал, это вроде как сказка.

— Нет, не сказка, всё — правда. Ваал нам такое дарит. Игнимару ведь видал? Вот, не сказка. Ашаи никогда сказками не занимаются, и в тот день, когда они начнут это делать, сестринству придёт конец. А ты в жрицу Ваала из рогатки стреляешь.

— Я не знал, думал, это стража. Извиняй. Точнее, извиняет превосходная. Ну, режем, что ли.

Мауна дала ему кинжал.

— Держи. Ты уже взрослый, тебе не идёт с рогатками бегать. Дайте ножны.

Дали.

— Пустите его. Вгоняй, — держала она их.

Он вогнал кинжал в ножны, сильно так.

— Поехали, — огласила Мауна, махнув всем.

Прежде чем вскочить на лошадь, Тай посоветовал, взяв львёнка за шею:

— Спрячь, а то подумают, что украд, — и дал подзагривник. — Ты нормальный львяк, не занимайся хернёй.

А в остальном прогулка прошла без приключений, и через парутройку часов они уже вернулись в обитель. Мауна подъехала со стороны сада, вместе с Таем; слезла, сняла перчатку с правой руки, засунула руку под седло, осмотрела кобылу, посмотрела в зубы — та имела привычку очень грызть удила. Осмотрела копыта.

— Не очень вспотела. Но скажешь ему, чтоб накрыл, — дала поводья Таю.

— Есть, Хозяйка. Ой, превосходная.

— Тай. Ты уже ошибаешься раз так десятый.

— Я знаю, — вдруг дерзко ответил он, улыбаясь и отводя лошадь прочь.

Мауна подумала об этом, стуча хлыстом по лапе, а потом пошла к обители; к ней шла служанка Мшани. Но тут Мауна заметила, что на веранде кое-кто сидит в одиночестве, кажется — дремлет, расставив лапы.

— Я — туда. Иди, Мшани.

— Да, Хозяйка. Подавать?

— Подавай.

Служанка ушла, а Мауна направилась к дремлющему, прямо так, во всём ездовом. Села на диванчик, дремлющий (Тайник; любопытен; не говори с ним очень) зашевелился, жмурясь от солнца. Северняк, он доволен. Он уже побывал в Амае. Некоторое время глядел, молча знакомясь с незнакомкой.

— Ваалу-Мауна, ученица Ашаи Вестания, — представилась, сняв одинокую перчатку с левой руки, и отставив хлыст.

— Каррис, из Тайрамов, — привстал он, чтобы поцеловать её кольцо. — Амая рассказала мне о юн-безупречной.

Как всегда, им путается сталла и ученица после Совершеннолетия. Вдруг Мауне подумалось, что это — хорошо. Это даже отлично. Знак. Будь юн-безупречной. Будь наивной, будь открытой, смотри на мир большими глазами, можно даже ими похлопать, стесняйся, как приличествует андарианкам. Превосходное создание для любого любопытно-го из Тайной Службы. Будь, будь, будь, пошла, но!

— Ваал дал мне пройти Совершеннолетие, — улыбнулась она, но без зубов, ненужно переставляя хлыст на диване. Закинула лапу за лапу, ладони заложила под бёдра, уселась на них, вот так. — После него сама не могла привыкнуть, что уже не «юн-...». Всё так быстро, Ваал мой.

— О, тысяча извинений. Я — буду откровенен — ещё не имел чести встречаться с ученицей Вестающих.

Мауна кивнула, и, к счастью, пришла служанка, давая время помолчать, рассмотреть его — статный, красавец, из северных Сунгов, наверное Сунгкомнааса, серая белизна шерсти, серебро гривы без всяких стяжек, ничего; эмпатию она зачехлила с того времени, как начала вестать (стрелы, Внутренняя Империя, ты хотела Ремесла, на-на-на...), но сейчас самое время пожертвовать этим, возможно даже утопить пару-тройку ночей с бессилии.

От этого льва надо откусить кусочек.

Мауне налили лимонной воды, принесли плед, Реная предложила помыть здесь руки, от чего она скромно и трогательно отказалась.

— Как прогулка?

Мауна пустилась в описание. Баш «симпатичный городок». Мауна удивилась тому, что в нём нету театра, по крайней мере, она так слыхла. Глядя инсигнию на шее, описала, в тошных деталях, как они спугнули каких-то хаману, и она из них плюхнулась в грязь. У той хаману, что упала, было «бедное», но «красивое» платье. Добавилась уточка, которую несла одна из львиц, и Мауне больше всего было жалко уточку — та тоже запачкалась. Уточка чуть не убежала. Мауна отважно приказала её поймать, и всё увенчалось успехом. У неё был такой милый, желтый

клювик, Мауна обожает уточек и никогда не ест утятин. Потом они вернулись, и прогулка оказалась замечательной, и вот она здесь.

— Значит, Ваалу-Амая — наставница огнепламенной? — стойко выдержал всё это тайник.

— Хм, сир Каррис, вообще-то... Можно я кое-что спрошу сначала, мне очень неудобно, но...

— Конечно, обязательно. Любой вопрос.

— У вас с Ваалу-Амаей... Не знаю, как верно мне излить своё любопытство... Она мне ничего не говорила о сире.

— Да. Я люблю её. Мы — любовники. Будем открыты.

— О... — придыхание, удивление, что такое, оказывается, бывает, что в мире существуют любовники и любовницы. — Спасибо, — неловкое «спасибо». — Моё любопытство не праздное, сир Каррис, — чересчур многозначительная, юная задумчивость. — Я просто должна знать, что могу довериться льву, потому что Ваалу-Амая...

— Да?

Надо мило укутаться в плед. Надо мило блеснуть глазками. Ах да, ди-станция, разотри её и удивись своей беспомощности.

Мауна утёрлась ладонью под глазом.

— Ой, забыла, родной Аламут, — смешок. — Да что ж такое.

Каррис внимательно подал ей белую салфетку со стола, она утёрла ладонь, и старательно размазала себе тентушь по мордахе.

— Спасибо, — уселась, ужасенькая. — Ваалу-Амая — не моя наставница. Моя наставница — огнелунная Ваалу-Нэль, да... Я приехала не для наставничества, а для самостоятельного праксиса. В детали пускаться нету смысла, обеты запрещают, лев поймёт...

— Естественно, — немедленно согласился Каррис.

— Мне ещё приказали наблюдать за сиятельной, за Ваалу-Амаей. Ох, сир Каррис, сестринство беспокоится о ней. Эти ужасные последние события, Ваал мой, это так ужасно, это невероятно, я не знаю, что об этом думать, сир Каррис, — скрылась она в ладони.

— Да... С её Семьёй произошло непоправимое, — налил он себе что-то крепкое и зелёное в маленькую рюмку, кажется, полынная настойка. — Пусть их примет Нахейм, — хлопнул настойки.

— Представляю, что она пережила. И сир, верно, тоже взволновался об Амае, когда узнал. Их ведь поймают, их ведь осудят? Сир Каррис, кто-то может всё это расследовать, наказать? Это ж невозможно... какие-то дрянные гельсианцы! Сиру известно, что там такое произошло?

Он кивнул головой в сторону, неопределённо, отставив рюмку обратно.

— Благороднейшая, приглашаю.

— Ой нет, это напиток львам, мне будет слишком сильно. Спиртное Вестающим вредно.

— Право, она хороша, да как раз после прогулки. В самом деле, благороднейшая.

— Амая не смотрит? — поглядела Мауна по сторонам, даже назад.
— А то мне влетит. Сир Каррис, честное слово...

— Позволится мне...

— Нет-нет, я сама. Андария, — извинилась Мауна, ведь андарианки всё наливают сами — и себе, и львам; или им льют служанки. Она действительно налила себе настойки в кубок, из которого пила воду, и даже подлила ему, а ещё улыбнулась ему, снова со сжатыми устами. — Если из кубка, то никто не догадается. Я чуть-чуть... — повела ушами.

— Обманка, — заулыбался и сир Каррис.

— Да, — подтвердила Мауна, удерживая кубок. — И как же так, почему это случилось?

— Произошло всё просто, насколько я знаю: гельсианские повстанцы — скорее всего, хальсиды — атаковали кортеж Амаи, в котором её — к счастью — не было. Из-за плохой коммуникации и неверных решений, с кортежем не было Гвардии Палаты. Это случилось в предгорье, недалеко от Тенескала. Очень близко к Имперской границе, на самом деле. А ловить, сияющая, отдельных повстанцев смысла нету — их надо уничтожить всех, скопом. Чем сейчас Империя и займётся.

— Может, сир попросит кого угодно: стражу, Палату, Тайную Службу, прокураторов, чтобы они тоже как-то... переловили их? А не только Легата. Хотя уверена, — махнула ладонью, — что сир это уж сделал. Лев переживает за Амаю? — сочувственно спросила Мауна, выпила из кубка, и сделала огромные глаза, приставив ладонь ко рту.

Планировалось настойку выплюнуть наземь или в кубок, но Мауна отказалась от этого плана — он смотрит. Но так даже лучше. Проглотила, прикрыла глаза, прижала уши. Смешная фальшь: она может проглотить и не такое, ученица Вестающих, это тебе не сома. Он всё так же внимательно наблюдает за нею, молодец — самое время для её оружия. Выдыхая через рот, глядела на него, провал в монумент чужого существа, ещё, ещё, как с дхаарками, давай, на все деньги. Растворение, теперь в ней живёт лев, и ещё почему-то немного Амаи, и ещё какие-то две львицы, чтоб их. Нырнули, отбиваемся от дна (откуда постучали), выныриваем, в ушах шумит. Дура, есть риск сболтнуть что-нибудь, эмпатия заряжает тебя искренностью...

— Неужели такая крепкая? — улыбался сир Каррис.

Вaal мой. Дрянная фальшь. Ваал мой, Амая. Тысумасошла...

— Сир Каррис... Сир Каррис. Сир Каррис, — повторяла Мауна, как *энграмму*, чтобы рот не говорил ничего лишнего. — Я себе всё сожгла. Ой, родной Аламут... Можно воды?

— Прошу, — андарианское наследие нарушилось, и он всё-таки налил ей воды.

— Да. Спасибо. Хух.

— Можно закусить сыром, будет хорошо сейчас.

— Да, — что Мауна и сделала, когда он заботливо протянул ей поднос. — Благодарна. Стало понятнее... то бишь, лучше, — заулыбалась она с зубами, снова пригладив инсигнию.

Он довольно кивнул.

— А как вы встретились? Ох, сир Каррис, львицы падки на истории любви. Моё любовное чтение, оно меня съест.

— Совершенно простительно для такой прекрасной львицы, — пустил он дежурный комплимент. — Это долгая история. Давненько ещё, это было... лет пять назад. Ничего особенного, пришёл как клиент, по службе...

«Нажать, кто он по службе? Нажать, не нажать, нажать, не нажать», — металась Мауна.

— ...да и... да и, в общем, всё. Когда мы встречаем любимых, то это — чаще всего — простая проза жизни.

— Повезло ей, — а теперь, при улыбке, Мауна чуть показала клыки, ещё больше зарываясь в плед. Потом, серьёзная: — Я могу как-то помочь Амае, сир Каррис? Не знаю, как быть...

— Как тут поможешь. Пусть благороднейшая продолжает за нею наблюдать, как и говорили наставницы. Забота и поддержка. Более того, мы можем объединить наши усилия — мне она не сознаётся, ни в чём существенном. Иногда мы не можем быть искренни с любимыми, как ни парадоксально... А я должен знать.

— Верно. Я поделюсь, сир должен это знать, потому что Амая дорога нам обоим. Знает ли сир, что Амая очень много курит?

— Известное дело. Её давняя привычка. Сам люблю, виновен.

— Но ещё Амая обрела расстройства характера. Сир Каррис, это нешуточно, это меня пугает. Однажды я прихожу, и вижу... Это ужасно! Вижу — она извергает из себя еду. Я подумала, что она отравилась или что. Нет, это нервное.

— Вот как, — потёр он подбородок.

— Да. Ещё она, — Мауна посмотрела по сторонам, потом прильнула вперёд, и — удивительно — он сделал то же самое. — Она однажды грозилась себя убить, порезать руки в ванне. Сир Каррис, я думала, она шутит. Может, сир сможет остаться на пару-тройку дней у нас? Ей будет спокойней.

Он покачал головой.

— Сожалею, служба. Увы. Не могу, это точно.

— Понимаю, — кивнула Мауна. И с беспечностью юности добавила: — Но, в любом случае, всё наладится. Думаю, сёстры отправят Амаю на долгий отдых. Это против обычной практики... Но обстоятельства особенны. Я заменю её здесь, так мне обещали... точнее, так мне сказа-

ли, что так может быть, что так может быть. Чтобы Амая могла спокойно уехать. Сир сможет поехать с нею?

— Эм... Посмотрю, что можно сделать, блистательная. Спасибо, что львица поделилась, я не знал, — заинтересовался он, всерьёз.

— Только — умоляю — это только между нами.

— Естественно, безусловно. Значит, блистательная Ваалу-Мауна останется здесь, в обители? — рассматривал он её.

— Да, вполне возможно, пока Амая будет отдыхать. Это хороший выход. После моего Приятия, или даже до него.

— А когда оно будет? — и дальше рассматривал он её.

— Ой, это волнительно... Ещё точно не знаю. Думаю, скоро. Пусть сир... — Мауна хотела сказать, в канве разговора, «...обнимет Амаю», но не смогла. Ну же. Скажи это. Ладно, скажи «...поговорит с Амаей». Или... Или...

Замолчала. Сир Каррис не очень наблюдал за борьбой Мауны. Он прекратил на неё глядеть, тёр подбородок и думал.

— А вот и наша Амая, — чуть повеселел он. — Садись, любимая, — дал ей руку, не вставая, та покорно прошлась круг диванчика и села подле него. Они, после еле заметной неловкости, лизнулись.

Есть такое выражение, его любят в Андарии, Яамри, иных старых прайдах: «слишком зол, чтобы умереть». Мауна пришла в ярость. Было как бы ничего, но её привело в неистовство именно «любимая». Она теперь на всю жизнь возненавидела это слово. Чтоб скрыться и занять себя, держать кровь в холоде, молча налила себе ещё настойки и выпила — уже без разницы, и так эмпатия скушала силы на несколько ночей.

Её переполнил шум ненависти; как можно, Амаю, её, трогательную? Если у тебя есть жажда обладания львицей, то, наверное, должно же быть чувство защиты, желание оградить от всяких абсурдных обстоятельств и злых вещей, вроде всяких учениц что-де там «приехали следить», не так ли? Почему он прямо там не врезал Мауне по её наивно-наглой морде, не считаясь с последствиями и возможными смертями, как это и должно льву? Львы настолько сильнее львиц, что могут скрутить их в жалкий комок и делать, что вздумается, Мауна знает: однажды, когда она приехала к родителям в летнюю резиденцию, то был и самый старший брат (тот самый, в Легате), и дурачась, сделал это с нею, и именно тогда Мауна поняла, что если лев захочет — действительно захочет — что-то сделать с тобой, то он это сделает, и ничего тебе не поможет.

Вaal, какие у неё дурацкие вопросы, и ещё более дурацкие исходные.

— О, ничего себе, вы, вижу, беседуете. Я-то думаю... Ой, не-не, — сказала Амая, увидев, что Каррис пытается налить и ей. Закурила, отставив кисет на стол, луч взгляда то на любовника, то на ученицу, туда-

сюда. — Эм, это, Мауна, как проехала? Ты себе, — показала на свою мордашку, — всю тентушь растёрла.

— Ой.

И дальше, старательно утираясь многострадальной салфеткой, что стала вся черна, Мауна излила Амае историю с трансцендентной уточкой, глядя ей в глаза. Да, представляешь, хаману в грязи. У неё был такой клювик. Мауна улыбалась, много, и Амая никак не перебивала, лишь затягивалась, прижимая уши — она никогда не видела, чтобы Мауна столько улыбалась. Каррис искоса поглядывал на Амаю, или в сторону, но не на Мауну. Излившись всем этим, Мауна ушла под тем ясным предлогом, что ей нужно переоблачиться.

Вот зачем нужны львы?

Тайник, считай, наудил из неё кучу фальши вперемешку с голой правдой, сам ничего Мауне не сказал, но ей и не нужно. Она уже узнала достаточно, и это достаточно оказалось даже безрадостней, чем подозревалось.

Мауна читала у себя, приказав служанкам высматривать, когда Амая вернётся к себе в покои, или пойдёт на предужин (вдруг пойдёт сама, без неё), и вообще где-то осядет, избавившись от сира тайника. Любовное чтение, конечно, не имело шансов её съесть — она никогда ничего такого не читает. Вместо этого, в текущем читаемом цикле: Кодекс Ашаи-Китрах (как ни странно, ведь Мауна знает огромные куски наизусть); «Львица Ваала, дочь Сунгов, Встающая Империи», Ваалу-Анлиль (предательски откровенная книжка о Ремесле, в ходу только у Встающих и для Встающих; Ваалу-Анлиль-старшая, не путать с младшей, её дочерью, что само по себе уникально, ибо Встающей иметь дочь (!), что тоже стала Ашаи-Китрах (!) — это, знаете ли, достойно отдельного разговора; младшая трагически погибла в той же самой, уже ненавистной Гельсии, хоть гельсианцы сами по себе не вызывают у Мауны презрения, в массе своей неплохие, предприимчивые и даже культурные, явно желающие «быть как Сунги» и тайно желающие, собственно, приобщиться к Империи, но множество всяких подводных течений и политика всё суют палки во все колёса); и перенниальная литература, всё старое или инспирированное старым (от новых авторов тхнёт дуростью и претензией, ну кроме двух из них).

Первое, почему Кодекс? Да потому что зубодробительная ясность. Мауна презирала любого, кто говорил, что Кодекс непонятный и тём-

ный, и находится в постоянном бардаке. «Сами вы в бардаке», — думала Мауна.

Второе, почему Анлиль? Она была Легатной Вестающей, и всю жизнь отходила с Легатой, не засиживаясь в обителях. Это вам не в Марне на обеды к патрициям ходить и по дорогим лавкам шляться. Вся книга состояла из дельных советов и описания многих трудностей. Например: что делать, если почти вся Семья слегла от походных болезней? что делать, если легат — кретин с огромным самомнением? что делать, если Граф оказался безнадежно поврежден, сгорев в шатре, вместе с самим шатром? что делать, если нельзя набрать кучу портретов, Книга Душ намочила от плохо закрытой крышки на сундуке, а фетиши почему-то перестали толком работать (Мауна подумала о том, что эти проблемы для неё уже неактуальны)?

Третье, сейчас это было «Восстание против будущего мира», Юлая из рода Ивол. Жаль, умер сто лет назад. Мауну не привлекают самцы слова, но этого она заочно любила. Он был холоден, безжалостен, но предельно аккуратен и высок в выражениях, и просто предсказывал будущее: сейчас всё не очень, будет плохо, а ещё позже будет ещё хуже. Сомнительная претензия, но на самом деле она видела, что предсказанные им изменения в Империи имели место быть. Но его не интересовали сто будущих лет — его интересовали будущие тысячу; да и вообще, для него не существовало прямого времени, а только циклическое. Может Мауна и не обратила бы на него особого внимания, если бы не Ваалу-Ирмирана, Вестающая, что сейчас в Хольце. Тихоня, которая — ни много ни мало — видела будущее, буквально. Перед самым Совершеннолетием Мауна посетила её вместе с Нэлью, и та вдруг ей подарила это самое «Восстание...», стеснительно отметив, что Юлай прав, и всё именно так и будет: не очень, плохо, ещё хуже. Нэль тогда приехала обмениваться фетишами, связать посильнее сестросвязь. Мауна теперь понимала глубокую иронию, потому что Ваалу-Ирмирана — оказалось — тоже охотница. И ей всё равно на фетиши.

Да, конечно, стоит перечислить, каких иных охотниц Мауна встретила в Охотных Землях Внутренней Империи. Амая не обманула, их действительно оказалось шесть: Ваалу-Наамзира, личная Вестающая Императора (невероятная, какая-то аж сказочная ирония, видимая невооружённым глазом: родители то ли нарочно (это вряд ли, никто не обладает таким даром предвидения, кроме Ирмираны, но та — тихоня и молчунья, и не будет распространяться о судьбах мира зазря), то ли нечаянно назвали её в честь легендарной Ваалу-Наамзиры, что убила Императора Тастаса; дело конечно же, довольно давнее, четыреста лет назад, но всё же); Ваалу-Цвимая-Эвсуга, Айнансгард; Ваалу-Сэнзалли, Кафна; Ваалу-Ирмирана, Хольц; Ваалу-Амая, вон же она тут, рядом, совсем близко; и она сама — Ваалу-Мауна.

Все встретили её по-разному, но хорошо. Цвимая, например, не озаботилась пополнением вообще, и ни разу с ней не беседовала. От Наамзиры, однажды сразу после входа, Мауна получила стрелу: «Первое: никогда и ни с кем этого не обсуждай. Второе: не обсуждай это дома с любой из нас, тем более со мной, когда приедешь в Марну. Здесь можно». От Ваалу-Сэнзалли получила огненную стрелу, потому что та бросалась в жертвы огнём, что в конце полёта превращался в стрелы: «Привет, приезжай когда-нибудь в Кафну! Все львицы как львицы, а ты здесь — лиса!». От Ирмираны привесталось коротенькое: «Поздравляю». Она, кстати, вообще не бегала по Внутренней Империи, а просто сидела в аумлане в своём уголке, и стрелы от неё просто появлялись в тебе словно ниоткуда.

«Восстание...» играло новыми красками, в свете этого нового знания. Ирмирана-охотница-предвидица, Юлай, подаренная книга, «всё именно так и будет». Поэтому Мауна охотно перечитывала его.

...Мы, продолжая размышления о гегемониконе, также должны рассмотреть вопрос служения и долга, принимая изначальную аксиому: «Править — значит, служить». Вне зависимости от того или иного положения в иерархиях Империиума, которые не только включают в себя всю Имперскую власть, но и власть патрициев, землевладельцев и глав семейств Сунгов, а также все прочие иерархии, — уклонение, непоследовательность, легкомысленная безответственность и повседневная несправедливость, изъясляемая в каждодневных делах — всё это уничтожает волю, нужную для соблюдения долга и проведения воли, и ставит под вопрос любое служение и, поэтому, — власть; а следовательно, возможность с достоинством нести своё положение. Всё это тесно связано с тем, что любая власть — фальшива, любой закон — несправедлив, любой институт — ничтожен, если они только не берут своё начало сверху, от Империиума, что освещён огнём Ваала, и...

Дальше Мауна знала, что Империиуму придёт конец, потому что все безнадежно испортится под влиянием регрессий и дегенераций, как же иначе, и все будут считаться равными друг дружке (какой абсурд, думала Мауна, до такого дойти уж точно не может), и тут вдруг зашла служанка Реная, Мауна аж вздрогнула.

— Хозяйка, к нам идёт сиятельная Ва-Амая.

— Хорошо. Уходи.

Мауна закрыла книжку, но никто не заходил. Она постучала по ней кочотками, перевернула песочные часы. Нет, никого.

Снова Реная:

— Хозяйка, сиятельная шла, постояла в коридоре, а потом пошла к себе.

— Что она делала?

— В окно смотрела, — растерялась Реная.

Мауна пристукнула по столу, встала, погляделась в большое ростовое зеркало, и вышла сама. Пошла по коридору, это недалеко; навстречу шла немая Шэзи, дала дорогу.

Амая сидела у себя за столом, и по всему — вгоняла в себя сегодняшние Вести; вид деловой и невеселый, она очень хмурится, за ней такое Мауна наблюдала, если Амая занята — нахмурится так, сморщится переносица. На ней не было ни подвесок, ни венца, ни обруча, ещё с той поры, как Мауна увидела её после прогулки. Ещё она курила, а как же. А ещё читала себе под нос текст Вести.

— Разрешите, Амая.

— Чего тебе, заходи, — подманила её наставница, и стала водить когтем по Вести.

Мауна подошла, и ей всучилась Весть, Амая же встала, подойдя к окну:

— Ненавижу такое вестать. Голова взорвётся.

С. с. А. В. Ваалу-Амая, Медиум

Дата: 28-й д. 3-я Луна Вод 808 г.

Ср.: ординарная

Кто: Имперская Тайная Служба, управление Листигия.

Кому: Имперская Тайная Служба, главное Имперское управление, Марна

Приём: с. с. А. В. Ваалу-Фрея

Резерв: с. с. А. В. Ваалу-Инлирамия, с. с. А. В. Ваалу-Веста

Дубль: 0

От Амаи для Фрей/Инлирамии/Весты. От: Тайная Служба, Листигия. Для: Тайная Служба, Марна. Действо Синяя Волна — успешно. Действо Красная Волна — успешно. Действо Мудрецы Пещеры — успешно. Установить новое Колесо. Дуб-пять принял палку. Сундук Север-один — семьсот тысяч пять сотен. Сундук Север-два — ноль. Сундук Север-три — один миллион триста тысяч пять сотен, сроч-

ное пополнение. Печать: Ворон-Алмаз (Ф)/Звезда (И)/Флаг (В)-Тень-тридцать пять.

— Приятная Весть, на самом деле. Мне такое нравится, — вполне честно сказала Мауна.

— Я ж говорю: пройдёшь ты Приятие. Тебе такое даже нравится, — Амая стучала когтем по трубке, глядя в окно. Там ветер, и погода портится. — Слушай, ца, интересно: о чём вы таком беседовали?

Мауна подошла сзади, и тоже начала глядеть в северное окно. Стекло было неровным.

— Что он тебе говорил, когда я ушла?

— Мой Каруня? Мне-то? О... — повела Амая плечом. — Да ничего. Мы ещё посидели чуть-чуть, потом он уехал.

— Что он обо мне говорил?

Амая улыбнулась, не глядя на Мауну.

— Сказал, ты — приятная собеседница. Ничего такого... Забавная ты там была, Мунь. Вся в тентуши, и о каких-то уточках рассказывала. Хихикала много, за день больше, чем за эти три недели. Самочья мудрость — не оставляй льва с другой, а то начнётся! — засмеялась снова.

— Он предупредил тебя, что я приехала за тобой следить?

Амая посмотрела на неё, с застывшей улыбкой.

— Следить?... — эхом повторила она.

— Он говорил тебе, что меня прислали тебя заменить, а тебя надо отправить на долгий отдых?

Амаю легко растерять. Амая терялась. Как она вообще дожила до тридцати, да ещё будучи Вестающей?

— О...

— Он не спрашивал, почему ты блюешь в тазики, и зачем ты однажды решила вскрыть кровь в ванне?

— Ты ему сказала о моей херне с едой? — воистину запаниковала Амая. — Ой, блять...

— И не только. Главное: он вообще ни о чём тебя не спросил? Ни о мне, ни о тебе, ни с делом о Семье?

— Нет, — пожалала она плечами, и Мауна заметила, что трубка выдаёт её мелкий тремор.

— Он тебя не любит. Вообще. Он просто тебя, он просто тебя... — Мауна подбирала слово, не подобрала. — Амая, он опасен! Я его сожрала там, а потом выплюнула, потому что такое даже не жуётся!

Амая глубоко вдохнула, чтобы что-то сказать, или даже разразиться гневом, а потом выдохнула — что-то она поняла.

— Не надо было говорить ему о еде, — дальше смотрит в окно, тихий голос. — И о ванне не надо было придумывать. И уток не надо

было спасать. Я знаю, Муниш. Я знаю, что он меня не любит. Он меня использует, всюду, куда хочет.

— Но зачем? — изумилась Мауна.

Амая пожала плечами.

— Ты ему что-то рассказываешь? — крутилась Мауна за её хвостом, то справа, то слева. — Он лезет с вопросами, лезет в Вести, лезет в сестринское, куда он лезет?

— Кто? Он? Да. Да всюду он мне лезет. Рассказываю немножко. Бывает.

Вот так взяла и призналась. Вот... прямо вот так.

— Зачем? — положила Мауна руку на её плечо, та вздрогнула.

— Ну это, ну Маун... он такой настойчивый. Он нажмёт, я тресну. Он ещё раз, я сломаюсь. Мне нравится, когда меня жмякают.

— Ваал, Амая, я... Это... — схватилась за голову Мауна, подвески больно впились. — Это могут узнать сёстры!

— Они? Думаю, они уже, — отмахнулась Амая, да-да, они уже.

Мауна развернула наставницу.

— Зачем он тебе нужен, Амаи, что с тобой?

— Эй, а зачем нужны львы? Трахает он хорошо. Вестающих никто не хочет трахать, — Амая отстранилась, но неуверенно, подсунула лапой кресло и совершенно расплылась в нём, а Мауна немедленно села у её лап. — Или это только меня? Это, если я не буду ему что говорить, он перестанет меня любить, меня некому будет любить. Толку со всего этого... Меня никто не любит.

— Не смей этого говорить! — Мауна ударила её по плечу, и кажется, больно. — Не говори!

— А с отдыхом ты хорошо придумала. Я бы уехала. Но не смогу, обеты не дадут. Оставим всё, Муниш...

Мауна, она у лап Амаи, как хищница, что смотрит на добычу больше себя, снизу вверх. Она уцепилась когтями ей в пласис.

— Амая, ну какие обеты, если ты тайнику о Вестях говоришь?

— Именно поэтому я говорила: никогда не ломай клятв, — развела руками Амая. — Сломаешь раз — и всё покатится. Одно неверное решение тянет другое, и снова, и снова. Не надо... Давай не будем. Я не хочу этого знать... Лучше изобличи меня, отвестай сёстрам.

— Нет, будем. Нет, не изобличу тебя, — подлезла вверх, обняла её Мауна; неудобное положение, но Мауна терпела.

— Нет? Эй, это самое, ведь ты должна. Как же обеты? — ну как всегда, Амая пробует сказать что-то такое. Вроде хочет укусить, а лизнёт.

— Грррр, Амая, — отстранилась Мауна и зарычала на неё. — Так может, будем поступать так, чтобы не надо было нарушать обеты ни тебе, ни мне? Потому что я их нарушу ради тебя.

— Но зачем?

— Как «зачем»? Как это «зачем»? Потому что ты... Ты. Вот ты, — и дальше била её Мауна ладонью, но потом успокоилась, и снова села на лапы, на пол.

Амая бросила трубку, и слезла вниз, тоже села на лапы.

— Нам обоим это не понравится, — о чём-то смутно предупредила, и Мауна не смогла определить, чего она намеревается.

Она обняла Мауну за шею, робко так, своеобразно. Амая глядела на неё с сожалением, словно смотрит на далеко-надолго (или навсегда) уезжающую ученицу, подругу, её блестящие, беспокойные глаза. Потом Амая уцепилась ей в шею, даже сильнее, чем того требовало всё, словно Мауна имела риск к побегу; и затем случилось такое, что Мауне оказалось сложно сразу осознать и понять, потому что раньше она никогда не целовалась, ни с кем, а это не был поцелуй наставницы для ученицы, такое можно допустить, что наставница возьмёт и лизнёт в порыве чувства или радости твой рот, нет, это было не то, Мауну нарушили и в неё проникли; это было и хорошо, и плохо. Мауна запомнила её громкий выдох через нос, и что от Амаи очень чуялось табаком, и на вкус и на нюх, и ещё, что она сама закрыла глаза и прижала уши, хотя этому её никто не учил и этому ей негде было научиться. Но больше Мауна ничего с собой не делала, всё сделала Амая.

Это не продолжалось долго, это было быстро. Отпрянув, Амая оперлась о ножку стула, протянув лапы. Странно: она словно пробовала что-то новое на вкус, облизывалась, глядела вверх. На мордашке с невероятной быстротой шли преобразования: сначала сосредоточенное, занятое узнавание вкуса; затем — удивление; затем — застывшее оцепенение изумления.

— Ваал мой, ты... — её ладони пошли от лба к загривку, назад, сильно прижимая уши и нарушая её черты, она закрыла глаза. Амая с умиротворением, полнейшим, растеклась в улыбке.

Выдохнула ещё раз и медленно моргнула:

— Ты говоришь, надо с ним покончить? — даже уверенно спросила ученицу.

— Немедленно, — тут же ответила Мауна, и тоже облизалась.

— Хорошо. Хм... а это, а как? — Амая превратилась в себя прежнюю, обычную, только более мирную, радостную.

Мауна поразмыслила, и дальше облизываясь.

— Незачем выдумывать сложности, — показала ладонью: раз, два, три. — Ты — Встающая, ты занята, много дел, некогда тебе. Он отстанет сам, даже быстрее, чем ты думаешь. Будем надеяться, сёстры не узнали слишком многого о тебе и нём.

— Хм... Что ещё делать?

Непонятно, смеётся ли Амая или серьёзно.

— Что не делать: тазиками не баловаться, в ванны не лезть, и гулять со мной днём, а любовников искать без головы, но способных тебя... — Мауна подумала, — ...жмякать.

— Как-то ты много знаешь о любовниках, Мауна. И о ванне ты сама придумала, это фу, плавать в своей крови. А верхом я не умею, — сарказм от Амаи.

— Лапами будешь ходить, — показала два пальца Мауна.

— Я так быстро не побегу, разве меня привяжешь к коню, как пленницу, это будет феерично.

— Я буду медленно ехать, шагом. Или вообще тоже лапами ходить.

— О... Всё серьёзно. Вообще тоже лапами. Ладно, свяжешь, и шагом. Хорошо.

— Хорошо? — с подозрением спросила Мауна.

— Да.

Наставницы и наставница

На самом деле, Амая не обманывала; на самом деле, она ни разу не обманула Мауну, хоть ученица сначала очень подозревала, подозрительная. Её «да», несмотря на всю свою хаотичность, всё равно было «да». Прошло ещё две недели, Каррис однажды приехал, но получил очень спокойный от ворот поворот: сожалеем, Хозяйка занята, служение, приказы, пусть сир не ждёт. Сир Каррис не настаивал. Мауна проследила за тем, чтобы Семья знала, как его развернуть: спокойно, без скандала, очень дружелюбно.

Никаких приключений, дела шли на лад, пришла Пора Вод. Амая уже знала, что через луну должна уехать в Гельсию, в соединение из Третьего и Пятого Легионов, или в Тринадцатый, обычное ей дело. Мауна с этим смирилась, зная, что ей придётся вернуться к Нэль, а там видно будет. Они действительно гуляли вместе, Мауна пробовала её усадить на лошадь, но безуспешно. Амая любила держаться за руки, как львёна, или ходить с Мауной под руку.

О поцелуе Мауна порефлексировала, но немного; загадочное событие, но мало ли таких на свете. Амая к этому никогда не возвращалась. Ничего не случилось.

Да, от Нэль она получила сначала только одну Весть, кратенькую: «Мауна, превосходно, что ты обрела голос и начала вестать! Горжусь». Это успокаивало, хороший знак, дела вверх, всё хорошо. Но вот и вторая, свежая, что пришла ей в сегоночь 7-8 4-й Луны Вод 808 Э. И.:

ЛИЧНОВЕСТЬ. Твои успехи радуют Мандр-Фейнский менгир и всех сестёр. Я и Уми приедем к тебе тринадцатого четвёртой Луны Вод. Подготовь Луну Охотницы к нашему приезду.

Съев эту личную Весть-стрелу, что не назначалась Медиуму («личка», на языке Вестающих), Мауна поутру добросовестно записала её, и начала на неё смотреть, раскраивать Весть на слои смыслов.

Во-первых, личка. Гляди ж ты.

Во-вторых, успехи радуют менгир и всех сестёр. Тут всё понятно.

В-третьих, «я и Уми». Это вообще ничего себе. Не «Я и высочайшая Ваалу-Умалла», а Умалла — важная птица. Так с ученицами не беседуют, так беседуют уже с сёстрами после Приятия. Верно, и здесь Амая не обманула: таки да, примут как миленькую. Мауна не смогла удержаться и довольно похрустела пальцами. Самоубийство — отменяется; гордость родителей — бесконечна; её обет ученичества — полностью исполнен.

В-четвёртых, «подготовь обитель». Самое ожидаемое и самое правильное: «Предупреди Амаю о нашем прибытии». Тоже хороший вариант: «Подготовьтесь к нашему приезду». Знамо, Нэли не нравится Амая, тут не надо большого ума. Амаю мало кто любит — в этом Амая права; но среди этих «мало» всё ж находятся львицы рядом с нею. Одна точно есть.

Ещё посидев над этим, четвёртым, Мауна увидела примерно такое: Амая уезжает в Гельсию, и там застревает, надолго. Мауна же остаётся здесь, в обители, надолго. Чувствуется, что вскоре — Марна, Император, Приятие. Это даже очень хорошо: Амая уберётся в Гельсию, вестать для Легаты, там ей будет трудней, но безопасней, чем тут, там её трогать не будут, далеко и неудобно, она делает нужное служение и все довольны; наставницы и иже с ними, все кругом успокоятся, ибо рядом окажется надёжная Мауна, а не непонятная Амая.

Безусловно, со всем этим она пришла к наставнице, и они уселись дождливым утром на веранде, и Мауне понравилось, что сходу тропы их мыслей совпадали:

— Холодная сдержанность, — первой начала Амая, и с неё спала обычная утренняя сонливость, — вот как мы всё сделаем. Я буду сидеть на попке ровно. И ты, на своей, — тоже. Они приедут. Будет обед или предужин. Нэлька, она попроще, если разобраться, если бы не вся эта чепуха, мы бы даже с ней сошлись, — Амая показала вокруг на всю чепуху, имея в виду, наверное, вообще всё. — Умалла — она церемонна, ярких личностей не терпит, ты это знаешь, но всё равно предупрежу. Держи дистанцию, и будь такой правильной, как... как ты можешь быть, не пролети с этим.

— Мне это не грозит.

— Но-но, самоуверенность съела и не таких лисунь. Далее, это самое... — с удовольствием курила она. — Блин, этот мелко резанный табак, он такой вставляющий. Надо ведро его купить. Думаешь, как пять шулеров за столом. Далее. Нэль тебя в сторонку отведёт, или они обе, это почти точно. Поздравят, скажут, что скоро в Марну ехать. Ты ничему у меня не училась. Мы однажды пробовали совместку, и это было ужасно: я заболела, ты плевалась. Ты просила у меня советов, я угукала и кормила завтраками. Тебе не хватало фетишей и портретов.

«Именно так я написала в письме», — обрадовалась Мауна. — «Ах, Амая. Можешь, если хочешь».

— Семья. Семья может нас выдать. Мы много времени проводили вместе.

— Я ездила тебе по ушам всякими глупыми историями. Что я и делала, если разобраться, — развела руками Амая. — Ты это стойко терпела. Ты мне не нравилась, я тебе — ещё больше. Ты много читала, много сидела в аумлане, и просто взяла, и кааак напряглась, и очень вознамерилась, и очень вспомнила о Ваале, и кааак завестала. «Я верю в себя!», сказала хустр... ну, ты поняла.

— Да.

— Я не уверена, что тебя оставят тут. Думаю, Нэль сначала заберёт к себе. Не думаю, что из тебя Вестающую для Легаты сделают, больно уж ты непроста. Тебе надо шуры-муры и интриги плести, политикой развлекаться.

— Ещё я не буду называть тебя наставницей, — холодно и ясно определила Мауна. — Я буду говорить к тебе с предобращением. «Преподобная» как раз подойдёт.

— Именно. Фу, ты тоже не нравишься мне, Мяуниша. Надменная ты гадость, гадина.

Мауна ничего не придумала в ответ. Ей нравилось, что Амая всё понимает. Что не обижается, никакой подобной глупости. Мауне нравилось, что она свободно и чётко может скрыть и защитить Амаю, а та — полностью на борту, полностью согласна.

— Все дела с любовниками, или любые подобные темы — ты ничего не знаешь. Отдай всё мне, я покорчу из себя дуру, это для меня — раз плюнуть.

— Хорошо.

— Да, и скажи, что я омерзительно много курю, — выдохнула Амая дым, — тебе от этого только в носу стоит, и я тебе воняю. Ещё я проплеваться люблю, ты меня застучала и чуть в обморок не упала. Не при мне, конечно, а когда тебя уведут.

— Им это незачем.

— Как там ты любишь: не говори! Я те сказала, всё скажи, если придётся к слову.

— Хорошо, — согласилась Мауна, забирая всё в копилку, мало ли.

— Я думаю, они тебя сразу и заберут. Или скажут уехать в ближайшее время, что ты и сделаешь. Если честно, я им и под хвост не нужна, утратили они интерес, теперь ты — вкусный тортик. Так что береги себя, очень прошу, — настояла Амая.

Пришёл кто-то из служанок, и Амая очень интересовалась, что сегодня будет на предужин или ужин, и вопрос затруднил, возникла беготня туда-сюда, во время которой Мауна только то и делала, что пыталась найти где-то брешь в их намерениях, но бреши — даже если были — оказались мелкими. Всё выходит хорошо, если только никто не наделает глупостей.

— Они только утешатся, — продолжила Амая, как ни в чём ни бывало, хоть они даже успели хорошо так поесть, — что есть кому вестать льявкам в Гельсии, и что ты тут вся расцвела в Ремесле. Ты теперь будешь очень модный штрих к портрету.

— Нэль? — покрутила Мауна ложку в руке, и месмериновый чай капнул ей на пласис. Досадно.

— Угум. Даж не штрих. А как... очень крутой марнский пласис.

— Амай. Ты скажешь, что было в том письме?

— Каком письме? — Амая обожает играть дуру, но всегда переигрывает. — С тем, что ты вначале приехала? Да ничего важного. Хотели тебя Предвесткой сделать. Ну их.

Помолчали. Амая посидела, и вдруг оживилась:

— Так, а ну садись ровно. Это... — она взяла графин с водой и поставила на столе напротив Мауны. — Это будет Умалла. Вот это, — взяла куриную ногу и поставила слева от графина, — будет Нэль. Я буду по центру, хозяйка обители, все дела. Ты...

Так, что-то ей не сходилось, и Амая нахмурилась.

— Не, ни хера, — замахала трубкой, аж пепел посыпался. — Садись возле Нэли, слева. Умалла, Нэль, ты. Я — напротив. По центру никого не садим.

— Усади там Умаллу, — посоветовала Мауна.

— Так типа можно? Хозяйки обители по центру ж садятся.

— Не только. Ещё — очень важные гости, — уверенно сказала Мауна. Ей то, патрицианке, не знать о рассадке гостей. Дома, в Андари, этим скрупулёзно, до помрачения рассудка занималась её мать.

— Отлично.

Они пересели; куриная нога и графин заняли свои почётные места.

— Мяуня, — махая куриной ногой, запищала Амая, как обычно делают львицы, воплощая при пересудах других львиц. — Я так рада, что Ваал пробудил в тебе силы к Ремеслу!

Куриная нога усталилась на Мауну.

— Наставница, моя заслуга лишь в том, что я следовала наставлениям изумительной, и блистательных Ваалу-Мьянфар и Ваалу-Ванарамсаи. Ничто иное не могло меня привести, — Мауна чётко проговорила «ничто» и «иное».

Теперь нога обратилась к кувшину:

— Я знала, что так будет. Ваал выведет, Ваал не подведёт. Да и не могло быть иначе, — покривлялась Амая.

— Сёстры, как вы провели взаимовремя? — пробасил кувшин. Амая закашлялась, и даже пришлось сплюнуть.

Откинувшись за спинку стула, Амая заговорила обычным голосом:

— Очень хорошо. Мауна, сама прилежность, — отстранённый тон. — И такой энтузиазм в *регуляции*, не позавидую нерадивым в её Семье.

— Шею Семьи нужно держать всеми пальцами, — снова пробасил кувшин.

— Мауна, только не говори, что ты переходила границы *ординации* в Луне Охотницы, — радостно завизжала куриная нога. — Я читаю такие вещи, я тебя знаю.

— Я пыталась помочь преподобной Ваалу-Амае там, где это необходимо, — прижала уши Мауна, глядя на ногу. — Учтём же, наставница, что Семья — новая, и требует должного внимания, — теперь нажалось на «должного».

— Да, всё верно, она очень пыталась, — отставив куриную ножку, скрестила руки Амая. Очень. Пыталась.

— Ещё какие неудобства Мауна предоставила тебе, сестра? — нога была в экстазе, тыкая на Амаю. — Должна всё знать.

— Право, Нэли, не стоит смущать ученицу, тем более — после таких успехов, — застучал кувшин по столу.

Мауна засмотрелась на Амаю. Она сжала ладони в кулаки.

— Нет-нет-нет, не следует потакать своим ученицам на пороге Приятия, — тешилась ножка.

О нет, только не это. На тебе ведь тентушь, дистанция. Пальцы впились когтями в своё же тело.

— Я нахожу необычным, — капризно заговорила Амая, — сколь много внимания Мауна уделяет езде. Баш не очень безопасен, есть тут всякая шваль. А также она усердствует в *аумлане*, мне даже не с кем предужинать, да что ж такое, — фальшивый смех, но хорошо отточенный фальшивый смех. — И да, в конце-концов, надо озаботиться своими сестропортретами, а не жаловаться на их отсутствие в иных обителях. Раз уж пошли такие успехи, — Амая протянула это «такииие успеехи», чувствуется ресентимент. — И порог Приятия.

— Это верное, верное замечание, — трагически заметила ножка.

— Ты поедешь с нами или отправишься чуть позднее? — потребовал кувшин. — Надо бы оставить часть твоей телоохраны, Нэли, и поедем с моей.

Надо топнуть себя по лапе, должно помочь. Не помогло. Пришлось прибегнуть к старому, как мир, приёму: что-то попало в глаз, хоть и нет ветра, и так-то дождь.

Амая поглядела на Мауну.

— Мауна, цай, заснула, едешь-то когда?

Наверное, так и всё должно быть, и так и нужно жить, потому что иначе никак: сцепив зубы, вести свою волю к чему-то... к чему-то... И пока Мауна решала, к чему её вести, то лапы подняли её и понесли, а руки объяли Амаю, прижав её ухо и щеку где-то у своей груди, ладонь бережна с её подбородком, шеей. Она поцеловала её переносицу, а затем левую бровь, правую, и где-то ещё.

— Наставница Амая. Наставница. Амая.

— Ты всё испортила, Муниш, — обмякла Амая. — Охотницы проиграла.

Глава, в которой одна львица чуть не заплакала

Наставницы приехали вечером тринадцатого, удивительно налегке, и это зная привычку Нэли тащить за собой в кортеже вообще всё, что тащится. Приехали злые, жаловались, потому что в дороге случились заминки; но Мауну тепло объяли, полубезничали с ней, а затем ушли спать. Амая, конечно, тоже их встретила, но Мауна не видела, чтобы Умалла или Нэль с ней беседовали, не заметила; но не заметить — не значит, что ничего не было. Обе ушли спать, не вестать, у обоих — отдых; они не *развернулись*, как говорят Вестающие, не было обустройства всего под свой вкус и лад — значит, вскоре уедут, даже завтра.

«Будет завтрак-полдник-обед, потом — всё после него, потом — сразу прочь», — определила Мауна. Всё просто — приехали сказать Мауне, что вскоре Приятие, или даже сразу огласят, когда оно пройдёт. И по всему понятно, что вряд ли с собой заберут. Всё чётко, ясно и по делу.

В общем, у Мауны поднялось настроение.

Рассадка на завтраке случилась почти точно так, как определила Мауна, никаких сюрпризов: она подле Нэли, Умалла — по центру, напротив — одинокая Амая. Почти, потому что Мауна очутилась в окружении: Нэль — справа, Умалла — слева; это достиглось мягким-тихим «пересядем» от Нэли, и легоньким тормошением-пригладкой по плечу.

Мауна расслабилась, и ей всё даже понравилось. Наконец-то определённость: она взошла на корабль Внутренней Империи, что отчаливал в волнительное будущее.

— Эти листигийские дороги. С ума сойдёшь, пока доедешь, — флегматично пожаловалась Умалла.

— Та, — сказала Нэль, уплетая, — бывает и хуже.

— У меня есть клиент, Дорожное Управление. Говорит, в Листигии очень странная земля. Грунт глиняный, нужно какие-то сваи забивать. И почему-то каторжники тут очень мрут, болотный мор.

— Ненавижу, когда клиенты пускаются во всякое своё. Мне однажды прожужжали все уши о том, как всё сложно в Казначействе.

— А что там такого, наставница? — поинтересовалась Мауна.

— Та, я не поняла. Чем больше мусора в голове, тем хуже мнеонике.

— Согласна, — согласилась Мауна. Она со всем будет соглашаться.

— Ты ещё юна, у тебя ещё мало. Потом будет больше, только успевай убирать. Ты, Уми, как мусор убираешь?

— Встающая может приказать себе всё что угодно, — холодно, расплывчато ответила Умалла, ударяя пальцами по столу. Поднимет их, расслабит. Тыц. И ещё раз тыц.

Она пока глядела только в сторону Мауны и Нэль, или вниз. Но это «пока» прошло:

— Как полагаешь, Амая? Ты как справляешься со всем лишним?

— Не знаю. А надо? Мне ничего не мешает, никто не мешает.

— Сиятельная Ваалу-Амая вдыхает много табака. Она поделилась, что это помогает. Это — её секрет, как справиться, — доложила Мауна, с эдаким юморком.

— Нет, нет. Это всё... временные меры, — осудила такие практики Умалла, но спокойно, походя.

— Надеюсь, ты не нахваталась вредных привычек, — помахала ей пальцем Нэль, и поглядела на Амаю, а ещё похлопала Мауну по ладони. Скрупулёзно рассматривая яйцо на вилке, добавила: — Та, Уми, всё в этой жизни временно.

Интересная она, Ваалу-Нэль. Она тоже из патрицианского рода, как и Мауна, марнский нобилитет. Что-то северное: широко посаженные, рысьи глаза. Её манеры безупречны, но лишь тогда, когда она этого хочет; обычно она быстро расслаблялась в соответствующей обстановке, и её простота многих подкупала.

— Нет, не всё. Было бы всё временным, мы бы здесь не сидели, — почесала Умалла щеку, поглядев в окно. — Мауна, твоё мнение: что не временно? — спросила, всё так же глядя туда.

Умалла говорит медленно. Как-то когда-то кто-то проговорился о врождённых пороках, и что мастерица жизни чуть не удушила её по

требованию отца. Мастерница в последний момент отказалась и убедила отца, что дочь вырастет если не как надо, то хоть как-то. Она не высокородна. В молодости она была до мурашек красива, смерть всем львам; хрупкий подбородок, широкая мордаха; удивительно тёмная шерсть.

— *Гегемоникон*. Ваал. Империиум. Тиамат, — очень спокойно ответила Мауна, без всяких сомнений.

— Поэтому я люблю, когда Вестающая — из патрициев, из старокрови, — почесала Умалла хрупкий, легендарный подбородок. — В этом всегда есть что-то... правильное, — поглядела на всех, ещё раз пристукнув пальцами-коготками. Тыц.

— Все сёстры — патрицианки, так или иначе. Кодекс, — беседа не мешала Нэли споро кушать. Мауна подсчитала, что та съела уж шесть яиц. Нэль очень их любит.

— Вот именно. Так или иначе, — вздохнула Умалла. — Что ж... Сёстры, — взгляд на Мауну (прямой), на Амаю (с наклоном головы), — как вы провели время? Сколько это... Две луны?

— Полторы. Шесть недель, — мгновенно ответила Нэль, взяв звонок; передумав, отставила.

Они были одни — всем не-Вход.

— Итак, Мауна. Ты первая. Ваалу-Амая тебя поправит, если будут неточности, — зауправляла Умалла.

Когда предыдущая Вестающая, перед Умаллой, ушла на Возвышение, то ни у кого даже сомнений не возникло, кто будет главной сестрой Мастр-Фейнского менгира.

— Да, я первейше хочу услышать, — заулыбалась Нэль, поглядев на Мауну; у Нэли обычаем сидеть очень близко к кому-то, особенно к ученицам, Мауна чувствует, как её тело жмёт бедро. — Как ты себя вела, как шёл твой праксис? — снова хлопала по ладони, которую Мауна предусмотрительно не убирала со стола, зная тягу Нэли к кинестетике — она будет тебя трогать, так и сяк, жаться к тебе, очень близкая.

Мауна выдержала паузу, поглядела на Нэль, улыбнулась ей, очень аккуратно (Мауна же), затем взгляд на Умаллу; это ничего, ничего, ученице идёт немного поробеть, посерьёзничать, бояться градиента статуса.

«Не делай этого, не делай этого, не делай», — приказывала себе Мауна. Ай, тщетно. Поглядела на Амаю.

Несколько вдохов-выдохов. Хорошо, что никто не может увидеть её хвоста. Можно увидеть, что расширились зрачки, но это такое, мало ли почему и зачем они расширяются. В отличие от Мауны, по которой (уже!) пошли трещины (юность...), у Амаи превосходный фасад — индифферентность, лёгкая усталость, нечто вроде скуки. Никакой явной неприязни, только подземная. Она наблюдает за ней, мол, давай, брякни своё, что-нибудь округло-нейтральное, проплыви между камушками, Мяунишка, на мою бедную голову тут.

Мауна не может видеть, что её зрачки ещё больше расширились.

Вдруг Амая зашипела, очень классно и убедительно злобно. А затем очень одиноко рассмеялась, ударив по столу, неслабо так. Мауна вздрогнула, это ощутила Нэль, естественно. Умалла почесала нос, поглядела на Нэль. Та перебирала коготком большого пальца остальные четыре.

Амая показала на Мауну:

— А мы не сидели сложа руки. У нас даже был кой-какой праксис. Между нами даже шутка совместная родилась. Расскажу: захожу я однажды к ней, та читает, я спрашиваю что да как, и вообще, как Ремесло-то идёт, или не идёт, она робко говорит: «Преподобная, испытываю сложности, волнуюсь перед клиентами». Или что-такое... — помахала рукой Амая, прищурился глаз. — Ну я так и говорю: «Чего тебе, бери да принимай». А та берёт и признаётся, говорит: «Иногда у меня страх, что не смогу всё идеально», как-то так, идеально, и всё тут. А я шшшш, и зашипела. Говорю: «Ну, клиенты на тебя шипеть не будут, чего бояться-то?». Мы так посмеялись.

Умалла оказалась нерушима, Нэль внимательно выслушала с очень широкой улыбкой: превосходная шутка, изумительная сестринская помощь; потом поглядела на Мауну, с той же улыбкой, вот какие интересные вещи рассказывает Ваалу-Амая, ты только послушай, и кивнула, снова прихлопнув её по ладошке.

— Я потом ещё так делала, и вот же, смотрите, дела пошли, — добавила Амая и отпила виносока, поболтав кубком. Ей икнулось, она прикрыла рот: — Ой, ца.

— Ты принимала клиентов? — бережно спросила Нэль Мауну, поняв, что уж всё.

Мауна не только смогла зарядиться холодом и этой незримой высокородной надменностью, она ещё и вспомнила походя, как Амая наступила ей на хвост (шла сзади, Мауна сидела на полу), случился однажды такой ужас. Вроде ж нечаянно, но кто знает её, эту Амаю. И история с шипением, она имела место, безусловно, не сомневайтесь.

— Да, принимала клиентов, в присутствии преподобной, естественно. Ваалу-Амая очень занята, и редко их принимает, — небольшая заминка, — поэтому я решила, что это хороший предлог помочь. И благодаря этому шипящему наставлению, которое я очень хорошо помню, я смогла их принять без излишних волнений.

— И как всё прошло? — Нэль смотрела только на Мауну, как и Умалла.

— Думаю, хорошо. Я делала это три раза, — Мауна глядела в глаза близкой Нэли. — В первый раз — обязана при этом случае поведать наставнице — я вошла в переплёт с местным львом дела. От него регулярно идут Вести для сноходной Ваалу-Тарии.

— Зачем? — спросила Умалла.
— Инсайт, — ответила правду Мауна.
Это нашло понимание и у Нэль, и — кажется — Умаллы тоже.
— Как его зовут? — спросила главсестра менгира.
— Сир Сатарин, с местным прозвищем «Куцый». Его дело сомнительно, но... — засмушалась Мауна.
— Хм... Это разве не... — прищурилась, припоминала что-то Умалла.
— Очень хорошо, Мауна, — сразу прокомментировала Нэль. — Инсайт, так инсайт. Мы должны ловить инсайты. Итак, что ещё?
— Аумлан, наставница, всё как мы делали. Каюсь, я пристрастилась к езде ещё больше...
— Да, — перебила Амая, грубо. — Я нахожу необычным, как много внимания Мауна уделяет езде. Баш не очень безопасен, есть тут всякая шваль. А также она усердствует в *аумлане*, мне даже не с кем предупредить, да что ж такое, — смех Амаи. — И, в конце-концов, надо озаботиться своими сестропортретами, а не жаловаться на их отсутствие в иных обителях, — показала пальцем на Мауну. — Раз уж пошли такие успехи.
— Простится мне, преподобная. Я почувствовала, что я должна... — Мауна закрыла глаза, её исказило напряжение. — Мне здесь, в Луне Охотницы, хорошая обитель сама по себе, хорошо пошло намерение, очень хорошо. Как наставница Нэль учила, так я и входила, и как-то сразу... само получилось. Было так. Как я взяла переплёт у сира Сатарина, этот инсайт, оттуда всё и пошло. Ваал вывел. Его срочная Весть... точнее, Весть судьбы, с которым он пришёл... эта Весть не входила толком в Граф преподобной Ваалу-Амаи, ему пришлось бы долго ждать, и я взяла... и застамповала её сама... — Мауна виновато поглядела на Нэль, на Умаллу, но не поглядела на Амаю.
— Да, это было нехорошо, — закивала Амая.
— Да, Мауна, так делать нельзя, — сияюще глядела на неё Нэль, только на неё.
— И в ту же ночь я смогла взять сестросвязь с превосходной Ваалу-Тарией. И после этого плотина, — Мауна совершила жест почтения, *анлиль-гастау*, прижатые уши, — разрушилась. Наш менгир, Тар-Сильский менгир нашлись, и... Дары Ваала непостижимы, почтённые ими пусть не имеют сомнений.
— Это прекрасно, Мауна, — обняла её Нэль. — Умница.
— Что ещё? — вполне дружелюбно спросила Умалла.
А что ещё, подумала Мауна. Ах, вот что ещё.
— А ещё я открыла Дар эмпатии.
— Это как? — Нэль удивилась по-настоящему.

— Не знаю. Ваал дал очень поздно. Но... нам даруется, когда мы готовы, так ведь, наставница?

Нэль свойски и привычно взяла её за мордаху, высмотреть, по своему обычаю.

— Не волнуйся ты так. Ты вся такая взволнованная... Ну, ну. Вся закрытая, ну.

— Как же не волноваться, наставница, — как всегда, серьёзная Мауна.

— Уми, а ну глянь, ты лучше высматриваешь, да и эмпатия у тебя есть.

— Да какая там, что есть, что нет. А ну, дайте сюда...

Пришла очередь Умаллы глядеть в глаза Мауны, наклонять так, эдак.

— Свечка есть? А ну дайте.

Нашлась — её дала Нэль. Умалла заодно взяла своё зеркальце, и так, с помощью него и свечки, смотрела в глаза Мауне. Амая с капризным видом принялась за своё любимое, за пахлаву, и наблюдала всё, отставив руку с этой самой пахлавой, подложив ладонь под локоть.

— Ого. Ну Нэль, у неё ж была эмпатия и раньше, — засомневалась во всей истории Умалла.

— Да не было! — даже разозлилась Нэль. — Точно.

— Не было, говоришь?... Ну, теперь есть. Увесистая такая.

Умалла оставила Мауну в покое.

— Вот так новости! — ещё раз обрадовалась Нэль. День приятных сюрпризов. Она пригладила Мауну по шее, плечам, дотронулась к носу. — Моя ученица.

Все успокоились, Мауна потёрла ладошки.

— Что ещё мне привнести в ответ... Больше нечего сказать, если по честному. Надеюсь, я не была обузой, сиятельная Ваалу-Амая?

Та, жуя, поглядела на Мауну. Откусила от пахлавы.

— Нет, — пожала плечом, поглядела в сторону.

Та-тыц — это пристукнула Умалла. И показала Нэли на звонок, а то он подле неё стоял.

— Позвони, мне руки помыть надо.

Всё, пришли служанки, суета, Амая огласила, что ей надо выйти, что и сделала. И сразу после этого Умалла предложила выйти на воздух, чего внутри сидеть.

— Проведи нас вокруг Луны Охотницы, — попросила-потребовала Нэль, провела Мауне по спине.

Мауна их повела. Показала: вот тут я стреляю, тут небольшой садик. За ними пробовала уплестись телохрана, Умалла отогнала их жестом. Она молчала, Нэль расспрашивала всякие мелкие детали, что-то заговорила о кустах — она очень любит сады, растения, цветы. Обошли обитель, вернулись туда, где Мауна стреляет, прямо возле двух мишеней,

которые приказала сделать. Почему-то Нэль и их рассматривала, даже обошла; а затем встала сзади, положила руки на одну из них. Умалла оперлась рукой о дерево, порастягивала себе плечо, зевнула, расчесала себе сильно загривок. И, без предисловий:

— Мауна, твоё Приятие будет через луну.

— Бесконечно благодарна за эту весть от сестринства, — чуть поклонилась Мауна, прижав уши. — Не смела мечтать, что так быстро. Моя ёмкость на весть и приём ещё не совсем достаточна...

— Всё — наживное, быстро пойдёт. Любишь ты поскромничать. Расскажи нам, как тебе здесь было, — Нэль положила подбородок на руки.

— Расскажи нам о ней, — уточнила всё нужное Умалла.

— Многое уже было услышано. Преподобная Ваалу-Амая злоупотребляет табаком...

— Амая, Амая. Так уже говори, ты скоро будешь Вестающей, — тут же поправила Нэль.

— Амая, по моему мнению, не уделяет должного внимания регуляции Семьи. Она, безусловно, пыталась дать мне несколько советов, и некоторые оказались даже хорошими, — сказала Мауна, и Нэль усмехнулась, а Умалла беззвучно хмыкнула. — Я следовала праксису сама, как меня учила наставница Ваалу-Нэль, и...

— Учила ты меня, Нэль, — снова поправили её.

— Простится... Как ты учила, наставница Нэль. Наставница я не уберу, позвольно?

— Хорошо, Мауни, — зажмурила та глаза, и поглядела на Умаллу.

Нэль всё трогала вогнанную в мишень стрелу, любопытствуя, как львёна. Она попыталась её вытащить, но наконечник хорошо так застрял.

— Однажды мы попробовали совместку, в самом начале. Это была её идея. Идея оказалась неважной. Амая заболела на три дня, а я... я выражусь экспрессивно... плевалась.

Нэль засмеялась вслух, Умалла — беззвучно.

— А так: мне не мешали, я никому не мешала, и — признаю — вмешивалась в регуляцию и захаживала в Медиум.

— Это ты любишь, в Медиуме покрутиться, — заметила Нэль.

— Кто-то к ней приезжал? — спросила Умалла.

— Клиенты? Да, но все три раза клиентов принимала только я. Это удивительно, на самом деле.

— Нет, кто-то другой.

«Так», — подумала Мауна. — «Амая говорила, что уладит это сама. Но не выбирать... Припрут».

— Приезжал. Её любовник, я узнала, что он — тайник.

— Верно, — угрожающе подтвердила Умалла.

— Приезжал, правда, только раз. Я имела с ним небольшую беседу, случайно.

— И что? — поинтересовалась Нэль, всё также покоя мордашу сверху мишени, и оставив стрелу в покое.

— Недостойный Вестающей тип, мне не понравился. Но, полагаю, это не единственная её проблема, — Мауна попробовала увлечь от этой темы.

— О нет, Маун. Не единственная, — с готовностью согласилась Нэль.

— Её непоследовательность и глупость, плохой раппорт с сёстрами, аномия в делах сестринства, да и самим сёстрам, — раскладывала Умалла. — Смертельная халатность с её прежней Семьёй. И последовательное саморазрушение. Она ведётся чрезвычайно неподобающе во Внутренней Империи.

Они замолчали. Мауне не понравился поворот разговора. Их тайна закопана и спрятана, это ясно, улики сожжены. Но тут... тут что-то всё идёт куда-то... переходит куда-то прямо на неё, на Амаю; а как её саму закопать, куда спрятать?

— Кстати, Нэль, почему ты мне не сказала об убийстве Семьи? — ещё одна развилка от Мауны, вполне логичная. Она уже, считай, сестра? Так и ответы давайте, как сестре.

— Ты должна была приехать чистой, взглянуть на всё чистым взглядом. Не хотела ещё больше портить тебе это испытание. Я долго думала, правильный ли это ход... Думаю теперь, он был неправильным, — обезоружила Нэль Мауну, опытная.

— Она — большая проблема, Мауна. Всё бы ещё ничего, но с этим своим тайником она давно и вконец перешла все границы, — скрестила руки Умалла.

— Что же с ним? — выдохнула Мауна, тоже скрестив руки.

— Она протекает, как сито. Из неё тайник вытягивает всё, что хочет. Она разбалтывает ему многие вещи, вопреки обету, сестринству, да и даже здравому смыслу. Это уже наделало нам много неприятностей, Мауна. И одну серьёзную такую проблему.

Что ж, поставим огромную мишень, очевидное решение.

— Тогда нужно решить с ним вопрос. Избавим её от него, — резко, злобно сказала Мауна.

— Он — не болезнь. Он — её признак. Не в нём дело, — меланхолично заметила Нэль.

— Именно. Решать вопрос нужно с самой Амаей, — Умалла, много более прямая, ходила напролом.

— В таком случае... — подумала Мауна, прошлась два шага. — Уберём её из Луны Охотницы, отправим на долгий отдых. Это вопреки нашим практикам, её Ремесло пострадает, но...

- Это ничего не даст, — жест отрицания от Умаллы.
- Не бывает бывших Вестающих, Мауна. Бывшей Ашаи можно стать. Вестающей — никогда, и ты это знаешь, — сказала Нэль.
- Но ты начала верно. Её надо убрать.
- Мауна глядела то на Умаллу, то на Нэль. Погладила свою инсигнию.
- Это то, что я думаю?
- Да, — сразу сказала Умалла.
- «Амая!», — молния в метанойе Мауны.
- Только сестра Внутренней Империи может разделаться с другой сестрой. Только так, Мауна, — молвила Нэль, и показала на неё.
- Они не стали продолжать, они наблюдали за Мауной. Это было странно: она волновалась куда больше там, за столом, но смогла переволить себя, всё сыграло хорошо; теперь же она даже не волновалась, потому что нету смысла тут волноваться, здесь вообще нету никакого смысла, здесь нужно решать. Пути два: взяться за это; отказаться. Иного не дано. Откажешься: Амаю всё равно убьют, ну точно попытаются, да хоть сами и прямо сегодня, и никакого контроля над этим у неё, Мауны, не будет. согласишься: можно выкручиваться, купить время, что-то придумать, есть контроль.
- Подойди ко мне, — наконец, Умалла подозвала её жестом.
- Она подошла, и Умалла отработанным движением всучила ей флакончик, маленький такой, из поясной сумки. Прямо в ладонь. Мауна спрятала всё за пласис, не глядя.
- Сделав дело, Умалла отошла, встав ко всем хвостом, и глядела на юг и вверх.
- Я должна спросить... Я должна уяснить для себя несколько вещей.
- Твоё сомнение, твой страх — естественны. Не думай, что мы делаем это легко, — вздохнула Нэль, глядя на обитель.
- У нас есть на это... санкция... сестринства?
- Высокая Мать знает. Ваалу-Веста. Полагаю, этого тебе достаточно. Но это только между нами, — мордашка Нэли снова на мишени, голова набок, её рысьи глаза. С неё сейчас можно нарисовать хороший портрет.
- Только, — подтвердила Умалла, не оборачиваясь.
- Что она наделала?
- Много чего, благодаря своему тайнику. Нэль тебе потом расскажет, что случилось с Кетирой из-за этого, — теперь Умалла начала обходить Мауну кругом, разглядывая.
- Ты, главное, сделай всё аккуратно, выжди момент, и только сама. Только. Сама, — советовала Нэль.
- Не попадись. Хорошо спрятала? — осматривала её главсестра.

Мауна постучала по пласису, но Умалла не доверилась, и заглянула ей за шиворот.

— Нэль, смотри, — заинтересовалась, — карманы внутри пласиса. Ничего себе, удобно. Надо сказать моим портным.

— У тебя что, в пласисах карманов нет изнутри? — со смешком спросила Нэль.

— Нет.

«Надо что-то сделать. Надо сделать что-то ледяное, омерзительное», — пыталась спастись Мауна. Она не должна переживать, плакать, падать в обмороки, мякнуть, волноваться, пытаться всё дотошно выяснять и складывать в успокаивающую кучу все причины — это всё бессмысленно. Блеск превосходной идеи: взять и прямо тут выпить яд самой, без лишней болтовни и прочего. Вообще шикарный жест, безупречный. Она даже заложила руку за пласис, но стало страшно. Очень страшно. Одно дело: думать об этом, воображать себе, воображуле, можно всё; иное: тянуть руку и уже нащупать флакон. Оставила, потянулась за зеркальцем: побудем сукой, если не можем быть Ашаи высокого андарианского происхождения, Ваал-Сунгой старой крови, и посмотримся в него.

— Это не вызовет вопросов у Палаты, Империи? — спросила Мауна, глядя на следы усов в зеркальце.

— Все вопросы, если вдруг даже у кого-то возникнут, очень быстро исчезнут. Но не возникнут, — одобрительно, с облегчением глядела на неё Нэль, с гордостью.

— Это разбивает мне сердце, — подняв голову, Мауна тщательно рассматривала, что у неё там с точками дистанции под глазами.

Нэль глядела на неё туманно и бесконечно трогательно, вот как мать смотрит на дочь, что выходит замуж. Кажется, она сейчас заплачет.

— Мауна, ты умрёшь с разбитым сердцем, это я тебе обещаю. Как и все мы, — закрыла дело Умалла.

Лунный мир

Мауна спала очень плохо в эту ночь. Ни о каком Ремесле и речи идти не могло.

Она всё отложила на утро. Наставницы не стали ничего откладывать, и убрались восвояси тотчас, совершив все дела. Невыспанная, в ужасном настроении, Мауна поехала кататься, взяв свою привычную четвёрку: Таву, Хагал, Тайназ, Тай. Флакон у неё при себе; она часто проверя-

ла, на месте ли. Стукнет по рубашке — есть. Пройдёт мгновение — ещё раз.

С каждым льеном расстояния становилось не легче и яснее, а только хуже. Её тошнило, болела голова, появились неясные боли в правом боку, доселе неведомые. «Надо было там отравиться, при них», — думала она. Она была зла на них. Она была зла на Амаю: так-то никто не встаёт поутру и не решает: «Отравлю-ка я сегодня свою сестру»; Нэль и Умалла, как ни ужасно, имели причины; Мауна знала, что Вестающие не делегируют кару и расправу над своими, это вопреки неписанным законам. Сама Высокая Мать всё знает, Ваал мой...

Вконец Мауне всё очень надоело, даже она сама себе надоела, и у неё началось то, что обычно случается у львиц — истерика. Ну, не просто себе истерика, Ашаи-Китрах не подобает падать в обычные самоочи истерики, а тем более таким, как она.

— Стойте, — приказала она в поле.

Это прервало полумистическую историю Тайназа о том, как он однажды заблудился в лесу, которую никто не воспринимал всерьёз, а он раздражался.

— Слезайте, — соскочила она.

Слезли.

— Тай, иди сюда.

Нет проблем, тот подошёл.

— Обнажи меч.

Он не спросил «зачем?», а обнажил. Ваал, как же с самцами всё просто.

Самочий, лунный, влажный, душный мир душил её; начало самки не уравновешивалось львом. Мауна отчаянно нуждалась в присутствии льва, любого; ему должно взять, залезть в её жизнь и устроить там зверский погром, а ещё зажечь солнце в её лунной Внутренней Империи. Нет, ложь! Не любого. А вот такого, чтоб взял и всё разорвал, и её всю тоже, со всей чепухой.

— Теперь я приказываю: отруби мне голову.

— Что? — ухмыльнулся тот, поглядел на остальных. Таву почесал гриву, Хагал развёл руками. Тайназ ничего не сделал: держал двух лошадей. — Превосходная, это как?

— Что случилось, превосходная? — задал неплохой вопрос Таву.

— Руби и всё! Делай.

Тай посмотрел вниз, подкинул меч в руке, и подошёл ближе.

— Мне кажется, голова ещё пригодится Хозяйке, — он щурился, с этой иронией, словно опять всё раскусил, мерзавец. — Я отрублю, Хозяйка передумает, а её потом назад не прикрутим.

— Перестань меня называть Хозяйкой! Амая — твоя Хозяйка! А я для неё — смертельная опасность, я должна её убить. Всё? Всё. Защищай её. Давай, Вклятва.

Мауне стало аж легко, сладко, и голова вмиг перестала болеть. Берёшь — и переключиваешь всё на льва. Он думает, он решает, а тебе — сплошное блаженство плавания по течению. Убил? Виноват, мерзавец. Не убил? Виноват, мерзавец.

Помолчали.

— Амая нам не Хозяйка. Она не брала у нас Вклятву, — сказал Таву. Хагал кивнул. Тай щурился и крутил меч.

— Прошло уже две луны. Почему? — очень озадачилась Мауна.

— Хороший вопрос. Мы все здесь, — показал Тай мечом на остальных львов, — служим Амае только из-под Вклятв наших прежних Хозяек.

Вклятва даётся одной Вестающей, но её сила разливается на всех Вестающих. Но पहले всех — Хозяйка; кто вклял, тот и Хозяйка. Передали тебя иной Вестающей надолго? Новая Вклятва, как можно быстрее; но, видимо, и здесь с Амаей всё не так.

— А остальные?

— Вся Семья так. Все — под старыми Вклятвами.

— Ваал мой, — только и сказала Мауна. А потом села прямо на дорогу, прям вот так, путив хвост меж лап, цепко не упуская хлыст.

— Так, Хозяйка, идём посидим у обочины, — перевёл её Тай на траву, почти безвольную. Под зад ей подкинули большой моток толстой верёвки; Мауна не противилась.

Телохрана собралась вокруг неё на корточках, кроме Тайназа — всё-таки кому-то надо присмотреть за лошадьми.

— Вчера приказали её убрать? — тихо спросил Тай.

— Да, — тяжело согласилась Мауна.

— Ну и всё, — очень просто сказал он, сделав интересное движение кулаком, словно бил невидимую львицу. — Вестающие знают, что делают. Она стофетила свою старую Семью, и эту стофетит, если ничего не изменить. Её не будет, а... — Тай не договорил, а показал на Мауну. — А её место займёт та, кто понимает, что к чему. Передача места.

— Откуда ты всё знаешь?

— Да тут всё как два когтя ясно.

Мауне дали попить из фляги.

— Я не буду этого делать. Тай, лучше убей меня, — капризничала, жаловалась она.

— Ум, Хозяйка, дурное дело — нехитрое, — цыкнул Тай, — но надо и о Семье подумать. Ладно, приказ есть приказ, я вот рублю голову, ставлю вот тут, прям на дороге. Потом мы приезжаем в Луну Охотницы, нас спрашивают: «Где превосходная Ваалу-Мауна?». А мы отвечаем:

«Да мы снесли ей голову, чё тут, с кем не бывает, у Хозяйки плохой день».

Мауна посмеялась с абсурдности всего этого.

— Мне-то всё равно, но вот Таву, у его жены брюхо снова — вот такое. Дети без отца расти будут, беда и горе.

— Поздравляю, — взглянула на мир Мауна, избавившись от укрытия рук.

— Спасибо. Поскорее бы родила. А то такая вредная стала, терпения нет.

— Львята, значит, будут спокойные. Поехали. Стойте. Шэ-шэ. Всё шэ-шэ. Всего этого не было. Вы ничего не видели, ничего не слышали. Забудьте, — указывала на них хлыстом.

— Само собой, Хозяйка, — ответили все.

Она уже перестала их исправлять — бесполезно.

Эх, чудесно. Теперь ко всему ещё и добавился великий стыд, позор ужасной слабости и недалёковидности, и совершенно убийственное знание у четырёх голов Семьи Амаи (её Семьи? чьей Семьи? О, Ваал...). Хорошо хоть голова перестала болеть, устранившись, что её-де и впрямь снесут.

— Ни с кем об этом не говорите, — еще раз ненужно предупредила.

— О чём? — невинно спросил Тай.

Приехали, и тут — о чудо! — Мауна заметила, что Амая гуляет по садику сама, вокруг обители. Она подъехала к ней.

— Ваал в утро, Амай. Ты что здесь делаешь?

— Эм, ну как что, мы в это время гуляем. Ты уехала, а я вот сама решила, не буду предавать традицию. Традиции надо соблюдать, вот это вот всё.

— Это хорошо... Это хорошо... — заклинала себя Мауна.

Она не видела, как львы слапились, собрались в кучку.

— Я, гривы, балдею от неё, — Тай, злая и весёлая морда. — Ну мордодейка. Разомнула, подогрела для событий, чтоб нам шерсть дыбом не ставала. Прощупала что как, — показал он, как щупают. — Это ещё уметь так надо. Просто самой сучьей ковки, надрессированная.

— Хозяйка будет что надо, всех скрутит в рог, — хлопотал возле лошади Таву.

— Тавка, я тут подумал: ей надо было приказать тебе яйки отрубить, было бы повеселее, — Хагал встал возле него, на голову ниже.

— Не тебе же, у тебя чё рубить, — отмахнулся Таву.

— Ах ты падла, — стукнул Хагал того по плечу.

Вылез конюх, ему сказали:

— Иди, забери у превосходной кобылу.

Что тот молча и пошёл исполнять.

Лошадь щипала жухлую траву, Мауна молча осматривала её, Амая молча ходила рядом и собирала те самые жухлые травинки, потому что цветочков уже нет — пора не та.

— Я венки умею делать. Хочешь, тебе сделаю? Куклы. Всякое.

— Амая... — устало сказала Мауна, заметила конюха. — Иди сюда, быстрее. Уведи. Накрой. Не давай сразу много пить. Уходи.

— Чего же сиятельная там не остановилась, я бы сразу забрал.

Снова потеряла хладнокровие. Но теперь — не истерика, теперь — ярокровие.

— Что ты сказал?

— Я...

Мауна размашисто вlepила ему плеткой по морде. Амая ойкнула и упустила травинки. Всего оказалось недостаточно:

— Телхрана! Телхрана! — заорала Мауна, как резанная.

Побросав всё, к ней побежала та самая четвёрка. Из обители очень споро выскочило ещё двое.

— Ой, Маун, что случилось? — испугалась Амая.

— Взять его! На колени!

Тот не сразу сообразил, и ему подбили сзади лапы: с одной стороны Хагал, с другой стороны — Мауна, но сделала это неумело и неудачно, и больше сама ударилась.

— Его надо отхлестать!

Небольшое мгновение, решение от Хагала:

— Тайназ, сгоняй за кнутом.

— Стоять! Снимите с него, плёткой пойдёт!

— Маун, Маун, ну всё, всё... Ну будет тебе, будет, будет... — заласкала, отгораживала её Амая. — Ну чего ты...

Мауна вынула сирну, и угрожала конюху, который молчал.

— В следующий раз это окажется в твоей глотке! Уберите его! — неуверенная рука Амаи держала её запястье.

Что ж, забрали и конюха, и кобылу, а Мауна с Амаей — остались.

— Со мной дурные манеры придётся оставить в конюшне! — ворчала Мауна, вгоняя сирну в ножны, и та ещё вздумала не сразу вгоняться.

— Конечно, хочется кому-то врезать. Но он — не тот, кому ты хочешь врезать.

— Сволочь. Не держит Вклятву и дистанцию, — схватилась Мауна за уши, пройдясь взад-вперёд. Остыла, быстро.

— Я еще не брала у них Вклятву.

Мауна, помолчав, притворилась удивлённой:

— Что? Почему?

— Не знаю, — Амая, как всегда, Амая. — Я тут подумала...

— Идём в обитель, нам очень нужно поговорить.

— Идём... — даже с облегчением молвила наставница.

Ушли. Покои не Амаи, но Мауны. Камин, уселись возле него на полу, на шкуры, набрав себе подушек. Мауне дали месмериновый чай, Амая сначала отказалась, но потом брала чашку у Мауны и так крала её чай, и всё грызла пустую трубку, растянув лапы; Мауна, сняв ездовое и бросив рядом и запретив его трогать служанкам, сидела просто в шемизе, сидела прямо, обняв колени руками. Разговор оттягивался, не начинался: Мауна ещё не могла, Амая не настаивала.

— Нэль и Умалла сказали мне убить тебя, — чётко, ясно сказала Мауна, глядя на огонь. Потом на неё. Потом потрясла ездовую рубашку, небрежно выпал флакон. Она кинула его Амае, та не поймала, и неуклюже стала выискивать его в шкурах-подушках. — Я должна тебя отравить, затем — Приятие, через луну. Займу твоё место. Об этом знает Веста и Высокая Мать.

Большие глаза Амаи, растерянный взгляд. Она зажала флакон в руках.

— Это плохо, ой бля, я должна нажраться...

— Стой, — прихлопнула ей хвост Мауна, хотя та никуда не уходила. — Вот как будет. Мы не будем обжираться пахлавой. Мы не будем нюхать арру, пить вино, сому, рамзану и курить до обморока. Мы будем думать, — она забрала у неё флакон из безвольных ладоней.

Затем Мауна вылила из флакона в камин, обжигаясь; тот зашипел. Потом бросила туда же флакон.

— Я уже подумала. Это ужасно, Мауна!

— Это ужасно, — подтвердила ученица. — Согласна. Давай думать дальше.

— Что с тобой будет? — совсем разлеглась Амая, растирая мордаху.

— Что со мной? Тебя убить хотят, Амай.

— Сучки, они тебя в это втянули! Что с тобой будет, как тебя спасти?

— Амая, тебя надо спасти! — затормошила её Мауна.

— Меня? — очень удивилась Амая. — О... Ну что меня спасти. Ты ж меня не отравила.

— Аааррр, Амая! — разозлилась Мауна, её клыки.

Не испугавшись, Амая вздохнула и посмотрела в огонь.

— Послушай, Амай, скажи, как есть: почему? За что?

— Я уже не знаю... Есть за что. За всё. Трудно быть дурой, Муниш. Всегда в конце-концов будешь сидеть зарёванная и блевать в разбитое корыто.

Вдруг Амая привсталала, вот как прислушиваются к подозрительным и пугающим звукам, поглядела кругом. Мауна и себе наострила уши, проводила ими, но нигде и ничего.

— У меня есть мысли, я знаю, что делать, аж самой уже страшно, — глядела она по комнате, но уверенно, необычайно уверенно для неё. — Слушай, не перебивай. Ты завтра возьмёшь Вклятву у моей Семьи. Сра-

зу после этого я как можно быстрее уеду в Гельсию, взяв немного голов из твоей Семьи, ты останешься здесь. В Гельсии у меня есть много старых связей, есть там одни хорошие друзья. Я исчезну в Гельсии, не объясняясь, и часть Семьи вернётся оттуда, к тебе. Ибо что ещё им останется-то.

Мауна выслушала. В целом, это не звучало плохо. Нечто вроде этого она и видела, смутно, в своих рассуждениях — что ещё можно Амае сделать, как не исчезнуть; на этом, пожалуй, все и успокоится; она понимала, что нависнет сложноразрешимая сложность: из Вестающих нельзя уйти. Но Амая как-то выпадала из всего этого. Никому нельзя, ей — Мауне — нельзя (тем более), она даже не вздумала бы такое. Но Амае... Амае можно. Она хорошая...

Некоторые существенные детали требовали полировки:

— Вклятва? Ладно, Амай, смотри: я, ещё ученица, возьму её у твоей Семьи? При тебе? Будут вопросы у них, и — возможно — не только у них.

— Да всё будет нормально.

— Вполне возможно, они не захотят, или засомневаются.

— Неа, — весело отрицала Амая. — Не.

— Завтра?

— Завтра.

— Допустим. Допустим... — думала Мауна. — Так...

— Да всё будет нормально. Это, доверься мне. Помнишь, как ты мне доверилась тогда, и всё вышло? Дай я тебя снова возьму за руку, и всё покажу. Можешь даже снова расцарапать её. Полежи, расслабься.

— Что с тобой будет там, в Гельсии?

— Да всё будет нормально со мной. Буду гельсианкой, буду носить хвостовободные платья, — подмигнула она Мауне.

Мауне стало спокойно, она действительно разлеглась. Кажется, Амае легче. Ей так будет легче, её тяготит это всё, хочет сбросить. Ей уже легко, это ж видно. Амая гладила её по предплечью, плечу. Мауна знает одну вещь, ей самой очень нравится, она так делает, если никого нет и никто не смотрит — когтями чесать себе шею; она так сейчас чесала Амаю; продолжение ещё предполагает чесать ниже, по груди, но Мауна не решилась.

— Скажешь, Семья восстала против меня, захотела к тебе... — жмурилась Амая, мурлыча. — Скажешь, не успела меня травануть, а я смылась. И исчезла в Гельсии, ну смехота, Вестающая превратилась в гельсианку или там жену кузнеца, позорище, все просто откажутся дальше иметь с этим дело. Хотя какая из меня жена, я ничего не рожу и не смогу там суп сварить, или что там жёны делают. Слушай, я похожа на гельсианку?

— Но ведь Амай, Ваал мой, такая всё это ложь, это просто отвратительно...

— Ну-ну, ну-ну, не злись. Ложь, правда, ну чего ты, в самом деле. Всё будет в порядке. Мир — ужасное место, там хвосты-что за дверью толпятся, но если проводишь время вместе, то это помогает держать дверь закрытой.

— Но ведь...

— Ты меня спасти хочешь, или как? — Амая поцеловала её в нос. — Если ты не надеешься на лучшее, то у тебя проблемы. Так или не так? Так или не так? — тёрла ей носик.

— Да. Наставница Амая, я... Я вот такая...

— Ну-ну, всё. Ну! Лисуня. Цепляйся когтями мне в ладонь, я всё покажу.

Они сплели ладони, и обе испугались, им дёрнулись хвосты — флакон в камине громко треснул.

Глава, в которой Мауна ошибается

Вот те на: поутру Семье объявилось, что сегодня будет Вклятва, и всё тут.

Что ж, лучше поздно чем никогда, для этого все и собрались в зале обители. Для Вклятвы вообще ничего такого не требуется: нужна Вестающая, нужен тот или та, кто хочет в неё войти. Всё. Итак: новый распорядитель, завместо сира Нермая — сир Таар; как уже оказалось — очень непростой тип, лев сильной воли, практического ума, без единой эмоции (сир Нермай, несмотря на обещания, не смог найти никого, вилюсы на дороге не валяются, но Мауна сама, вместо Амаи, обратилась к главсестре Тар-Сильйского менгира за помощью, и та вмиг прислала этого Таара); здесь есть Медиум (одна львица Мизури — приятнейшая особа, три льва, мастер Графа Мелим); счетовод, забавный и непристойно застенчивый молодой львина, которого где-то успел в последний момент выискать уже исчезнувший сир Нермай; пять служанок Амаи, одна из них умеет с одеждами всё, вообще всё, она досталась ей от Ваалу-Тарии; ещё три служанки Мауны, они пришли просто посмотреть, потому что уже вкляты Мауной; мастерица фармации, она же — лекарь, что училась у какой-то львицы веды в Норрамарке, и сама она норрамарси, угрюмая и с повязкой на глазу и выбитыми зубами (в молодости оказалась в лагере, на который напали северняки), и Мауна знала, что она делает самую лучшую сому, хотя простым львицам не одобряется её делать, согласно Кодексу; садовник; конюх и его помощник; четыре

дхаарки, для всяких грязных дел: мыть полы, свиней кормить, птицу резать.

Есть все, собрались все. Мауна в пласисе на торжество, вся в дистанции, как надо, всё при ней. Нету одного — нету самой Амаи. Сказала «сейчас приду», и исчезла.

Все стоят, ждут. Мауна сидит, ждёт, всех осматривает. Многие отвечают взглядом в ответ, но выдерживают недолго. Мауна гладит зеркальце с тылу. В общем, неловкая такая тишина.

«И как она им это скажет?», — подумала она. — «Дайте Вклятву Мауне, мне не надо? Как объяснит?».

Ну, чего сидеть.

— Об ожидании и прыжках вперёд. Часто перед рекой мы остановимся и думаем — плыть или не плыть, метаясь по берегу, — Мауна разглядывала зеркальце, — мочим лапы и рушим покой камней; дикий зверь, прежде чем прыгнуть на добычу, весь изнервничается, он дрожит.

— Пусть огнелунная продолжит, прошу, — распорядитель Таар узнал пассаж. Он ходил туда-сюда, взад-вперёд.

— Напряжение растёт, змея мысли всё сильнее кусает свой хвост, вода воли творит узоры трещин на плотине надеяния, — инсигния Мауны скрыта высоким и плотным воротом рубашки под пласисом, она гладит по ткани, глядит в окно, — и в некое мгновение мы уже не можем отказаться от своих планов. Поэтому дурные мысли и недостойные намерения нужно душить в самом рождении, а достойным и хорошим требуется просто не мешать расти. Но тяжесть жизни, — крутанула зеркало кругом оси, так не очень одобряется, но что уж, — ординарной души, которую не ведёт вера Ваал-Сунгов и принципы, в том, что сложно отличить дурное от хорошего. Поэтому: знаешь простые, вероверные максимы — и вещи становятся солнечно ясны и кристально просты.

— Все вы знаете: Вестающие владеют искусством запоминания. Это отрывок из Канона, а именно: «О всём, что выше нас», — прокомментировал сир Таар, и дальше прохаживаясь.

— Это так здорово, сиятельная! — одиноко восхитилась львица. Это служанка Атрисса. Она — молода, и она — подлиза. Но она ничего, как оценила Мауна. Из неё выйдет хорошая Встречающая. На неё слышно так шикнули, Хизая шикнула, главная среди них.

Мауна встала, взяла себе кубок, подбежала её Шэзи и налила разбавленного виносока.

— Пока превосходная Ваалу-Амая готовится к прыжку Вклятвы, а вы томитесь за плотиной, я совершу практичное: проверим, все ли здесь.

Дхаарка Тоя на ухо спросила дхаарку, тётю Селестину, она же — Селе, на мрамрийском:

— *Тётя Селе, а что за прыжки?*

— *Тоя, как-как я тебе говорила? Молчи, слушай и делай как все, это высокоречи Сунгов.*

Итак, считаем.

— Сир Таар, — показала на него зеркальцем Мауна; предусмотрительный, осторожный, расчётлив. Пошла дальше, по Медиуму: — Сир Мелим, Мастер Графа, — Мауна уже ценила: просто лучший, — сир Марх. Сир Мейран. Сир Ахас. Хаману Мизури.

Далее пошли служанки:

— Хаману Хизая, хаману Тайра, маасси Атрисса, хаману Мэринэ, — львица, умеющая невероятно быстро приводить всё в сверхльвиный порядок, что для служанки, очевидно, хорошо, а ещё, поговаривают, имеет очень странные привычки, например, крутиться три раза противосолонь перед тем как лечь спать, — хаману Кара, — этой хустрианке постоянно холодно в Гельсии, — хаману Ан-Вейссь, фармация, — это Ан-Вейсса, или просто Анвейса в обиходе, и Мауна узнала, что правильно Ан-Вейссь, ведь в Норрамарке всё не как у всех. — Сир Мейрос, — это садовник, уютный и безобидный. — Сир Саррон и юнсир Тиррас, — это конюх, вчера получивший от Мауны по морде и по лапе, и его помощник, который — видно по нему — уже наслышан об инциденте, — сир Стан, — это молодой счетовод с крохотными глазками и целой кучей страхов, одержимостей, фетишей и странных наклонностей. Служанки говорили о нём, что склонен к изврату, и неумело лез к ним с какими-то совершенно идиотскими намёками.

Далее пошла телохрана:

— Сир Уруз, сир Ваннарен, — Мауна знала, что за глаза сира Ваннарена называли Ванькой, но только-только за глаза, это очень правильный лев хорошего происхождения, примерный до тошноты, этот заместитель сира Уруза. — Сир Таву, сир Хагал, сир Манару, сир Тайназ, сир Тай, — тот сияюще заулыбался, и Мауна просто не смогла удержаться и усмехнулась в ответ, — сир Харг, сир Терион, сир Ар-Дарраз, сир Синай, — у него нет куска хвоста, знает Мауна, о чём никогда не надо заводить речь, о чём тоже знает Мауна, — сир Марран-Рризай, сир Ахмай, сир Арад, сир Талмар, — этот львище почти такой же большой, как Таву, и Мауна слыхала, что в Легате он мастерски наезжал фирранов, — сир Нарзиммай, — этот староват для телохраны, ему пятый десяток, весь в проседи, но он заведовал всем оружием и мог хоть меч выковать, если надо, — сир Астар, сир Листиг, — листигиец, и родители так и назвали его в честь прайда, не заморачиваясь, видимо, много было дел, — сир Тамалу, — одноименец Мастера Графа Нэль, — сир Алмарр, сир Тейр-Марнис, — самый странный лев, из разорившегося и опозо-

ренного патрицианского рода, какая-то ужасная трагедия, — сир... эм..., — Мауна покрутила жестознграмму мнемоники, зеркальцем за-прещая ей помогать, — сир Сагвар, — не ошиблась она, — сир Детр, сир Сиигр, — из Сунгкомнаасы, очень интересный северняк.

Остались дхаарки-мрамрийки, они чуть в сторонке:

— Селестина, Бастиана, Адальхейда, — Мауна знала, что перекрутила имена, по-мрамрийски правильно Сунге всё равно не вымолвить. И показала на Тою, зная, что у неё есть полное имя, но... проклятье... покрутила жест мнемоники снова, но тщетно.

— Тоя, — помогла Мауне Селестина, не желая обременять Мауну полным именем. Тоя, ну и Тоя.

— Тоя, — сдалась Мауна. — Кстати, сколько тебе лет?

— Шесть и десять. Десятьшесть.

— Шестнадцать, — снова подсказала Селестина, внимательно наблюдая за юной дхааркой.

— Шестнадцать, — зажмурилась Тоя.

— Ты у прежней Хозяйки принимала Вклятву? — полюбопытствовала Мауна, просто так, оттягивая время.

Где Амая, ну что это с ней?

— Нет-нет, — испугалась Тоя.

— О, единственная, кому Вклятва впервой, значит... — сказала Мауна.

— Вся Семья польщена таким точным вниманием, — завернул распорядитель Таар. — Я очень надеюсь, что благородная найдёт уместным поделиться знанием о себе?

Просьба застала Мауну врасплох; но, в целом, это ведь несложно.

— Ваалу-Мауна, из рода Нахт-Сераи, андарианская старокровь, — прохаживалась она кружками, скрестив руки, покоя зеркальце на предплечье, — ученица блистательных Ваалу-Ванарамсаи, Ваалу-Мьянфар и Ваалу-Нэль. Моё Приятие случится через луну...

— Чудесные новости, — немедленно прокомментировал Таар и поглядел на всех, мол, больше энтузиазма, на это надо реагировать, не стесняйтесь; получилось смешно — все оживились, кто-то захлопал, его осадили.

Мауна подумала: что ещё им сказать? Ну не скажешь им, что она тут, у Амаи, пристрастилась собирать маленькие, остренькие штучки, любые, которых особо боится после входа, в межмирье; их там так-то нет, но она боится, что они появятся. Она ещё боится, что такие штучки однажды ворвутся в Охотные Земли её Внутренней Империи, ловушки для охотницы, и будет плохо; штучки эти она складывала у себя в покоях, возле кровати, и служанки их не трогают (знают: не знаешь, что за вещь там у Вестающей — не трогай). Не скажешь же им, что в Охотных Землях, если посмотреть в море или иные воды, можно себя увидеть, и

на ней видно её инсигнии на шее и возле хвоста, и они светятся да ещё почему-то крутятся. Не скажешь, что ненавидишь скрипящие звуки, вроде железа по стеклу. Не скажешь, что в любой комнате она первым делом ищет выходы. Ещё не скажешь, что она любит вытирать, чистить, полировать сирну, и это всегда особый ритуал, который придумала сама, ничем не предписанный.

— Здесь, в Луне Охотницы... — продолжила Мауна, но перестала, потому что вошла Амая.

Оп. Эффект лишнего: вход той, кто всем неприятен; разговоры и общая расслабленность, естественность — исчезли. В одной руке она держит кубок, во второй — закрытую чашку с аррой.

— Что же я... та-та-та... — напевала себе под нос. — Па-па... переплыла... — плюхнулась в кресло. — Начнём, что ли, или как.

И действительно начала: отпила из кубка, поставила прямо на пол, а потом открыла чашку с аррой и вдохнула с неё. Мауна еле сдержалась, чтоб не затереть переносицу, закрыв глаза. Это было такое излишество. Если отпила из кубка вина или чего такого, а затем — арра, то будет только одно — Амая прямо тут и заснёт. Как бы да, план в том, что Мауна примет Вклятву, но ожидалось совсем не такое. Думалось: Амая зайдёт, всем спокойно объяснит, что надо-де Мауне взять Вклятву, а она прям завтра уедет в Гельсию, и там у неё будет новая Семья, какая-то вот такая ложь.

— Что вы делали, пока я дуростями маялась?

— Мы проверяли, все ли тут, сиятельная, — ответила Мауна.

— Садись, что ли... И как, все тут? — у Амаи совсем масляные глаза, она глядит на Мауну, склонив голову набок. Мауна совету не последовала, стояла дальше.

— Да.

— Мрррям. Вот так бы всегда, — кивнула Амая, и вдохнула дыма арры ещё, а потом откинула голову, закрыв глаза. — ...делала-переплыла... — продолжила свою песню.

Мауна подумала о том, что Нэль и Умалла в чём-то правы: саморазрушения у Амаи столько, хоть всем лопатой раскидывай. Она даже заинтересованно глядела за падением, и вся Семья — тоже. Арра входит быстро, сейчас её совсем унесёт. Она может, побредит, может, сразу заснёт. Затем Мауна поглядела на Семью, и все, сразу, как сговорились — на неё.

— Хм, — не утратил невозмутимости Таар. — Что же делать, превосходная Ваалу-Мауна?

— Встаньте все у стены, — показала зеркальцем Мауна.

Понятный, ясный приказ от власти сверху, и все так и сделали.

— Мы можем сидеть и ждать, когда станет лучше, — показала она зеркальцем на Амаю. И повела плечами, словно пытаюсь скинуть неви-

димый плащ. — Но лучше не станет. Или вы можете принести Вклятву мне, — она думала ещё что-то сказать о причинах и обстоятельствах, но решила не.

Просто возьмите и принесите, если поняли, что хотите.

Тишина такая, что Мауна услышала кровь в ушах, шее, висках. Она сейчас точно взорвётся, эта тишина, но Мауна не дала:

— Кто желает — переходите к солнцу окон.

Первое движение сделал Тай: он хлопнул себя по груди, раскинул руки, как танцуют на свадьбах, и так перешёл на иную сторону, довольный, как самая последняя скотина. После него плотина исчезла, и все, кто быстро, кто медленно, очутились у окон. Остались только дхаарки, неуверенные.

— Безупречная, а нам можно-можно?

— Можно, — пригласила Мауна. — Дхааров признаю, запрета нет.

Тоя на всякий случай была схвачена за руку, и дхаарки торопливо перешли.

Теперь дело ритуала, он несложен. Пару незаметных знаков от Таара к Мелиму. Мелим встал рядом с Мауной; та вынула сирну; не волновалась. Телохрана собралась в стороне; с ними всё — чуть потом, с ними всё отдельно; они радовались, тёрли ладони, посмеивались.

Первым пошёл Таар, и Мелим дал ему тоненький, очень острый ножичек.

— Я буду вам служить, Хозяйки. Выслушайте меня, — стал на колени Таар.

— Мы слушаем, Ваал видит, Сунги свидетельствуют, — Мауна, приготовив сирну у ладони.

— Я, Таар из рода Ходниан-Сирь, истинный Сунг прайда Андари, клянусь быть во всём верным блистательной Ваалу-Мауне, лучшей из лучших дочерей Сунгов, которая служит, как Ашай-Китрах, Даром Востающей, и всем её сёстрам по Дару. Я буду хранить тайны. Я буду хранить твою жизнь и проводить твою волю. Я вошёл в эту Вклятву, и не выйду, пока моя кровь не остынет.

— Твоя Вклятва услышана Ваалом и мною, Таар. Я буду беречь твою жизнь и вести верные намерения. Во славу Сунгов, Волей Ваала.

Мауна полоснула ладонь, Таар проколол палец. Он дотронулся кровью к её щеке, она — к его.

Дело пошло. Амая спала, на неё никто не обращал внимания.

Прошли все львы, кроме телохраны. Прошли все львицы-Сунги, ставая на колени и принимая чуть иную Вклятву — они не клялись хранить жизнь, они клялись хранить покой. Мелим монотонно помогал, чтобы кто чего не забыл, в чём и как клясться, а забывали многие. Некоторым не удавалось сразу уколоться, как надо, но ничего. Дошло до

дхаарок. Первой те выставили Тою. Та, на удивление, помнила всю Вклятву наизусть:

— Я, Тоамлиана, дхаари породы Мрамри, клянусь быть во всём верной блистательной Ваалу-Мауне, лучшей из лучших дочерей Сунгов, которая служит, как Ашаи-Китрах, Даром Востающей, и всем её сёстрам по Дару. Я буду хранить тайны. Я буду хранить твой покой и проводить твою волю. Я вошла в эту Вклятву, и не выйду, пока моя кровь не остынет.

Тут Мауна сделала ошибку. Требовалось сказать лишь это: «Твоя Вклятва услышана Ваалом и мною, Тоамлиана». Всё. Но Мауна забылась.

— Твоя Вклятва услышана Ваалом и мною, Тоамлиана. Я буду беречь твою жизнь и вести верные намерения. Во славу Сунгов, Волей Ваала.

Мелим мелко закивал головой, «нет-нет», и не сразу дал Тое ножа. Никто не клянётся дхаарам беречь жизнь и во всём остальном; им достаточно быть услышанными. Но пока он кивал, Мауна уже дотронулась к её щеке своей кровью, чего тоже не надо было делать.

— Кхм, Хозяйка...

Мауна осознала свою ошибку, но было поздно:

— Обеты нельзя развернуть. Если б так делались вещи, мы бы здесь не были. Дай ей нож.

— Выхода нет: выйдет замуж, станет Сунгой, — нашёлся Уруз, льявки посмеялись.

— Тай, ты всё жену ищешь, вот те, — сразу началось, зная убеждённость Тая: иметь львиц как жён — дурацкая идея.

— Я тоже тебя люблю, брат, — подбил тот советчика локтем.

Тоя дотянулась с колен, провела по щеке Мауны, внимательно и тщательно.

Три остальные дхаарки, и всё. Теперь очередь телоохраны, и это немножко другое — иным нужно выйти. Мауна показала на пьяно-арропсющую Амаю:

— Семья, помогите превосходной и уложите, ей нужно отдохнуть от жизненных потрясений.

Дело не пошло. Амая вяло отбивалась от попыток её увести, ставила руку на подлокотник, локоть съезжал, она проваливалась — её совсем развезло.

— Таву, возьми превосходную на руки, унеси. Потом иди сюда, — приказала Мауна.

Теперь дело пошло, и Амаю забрали, как не пригодившийся в ритуале элемент. И принесли новый — кубок с вином. Мауна взяла его и чуть попила с него, удерживая вино во рту, а ещё она гляделась в зеркальце; обрела занятой вид.

Тем временем сир Уруз ещё раз напомнил повеселевшим львам:

— Так, без излишеств. Тай, Арад, Сиигр — это особо к вам.

— Обожаю эту работу, — потянулся Тай, захрустев пальцами.

Начинается всё чинно: лев подходит, стаёт на колено, полоснув своим кинжалом руку и вынув меч:

— Я, такой-то из рода такого-то, истинный (принятый) Сунг прайда такого-то, клянусь быть во всём верным блистательной Ваалу-Мауне, лучшей из лучших дочерей Сунгов, которая служит, как Ашай-Китрах, Даром Вестающей, и всем её сёстрам по Дару. Я буду хранить тайны. Мой меч будет хранить твою жизнь и проводить твою волю. Я вошёл в эту Вклятву, и не выйду, пока моя кровь не остынет.

— Твоя Вклятва услышана Ваалом и мною, такой-то. Я буду беречь твою жизнь, направлять тебя против врага и вести верные намерения. Во славу Сунгов, Волей Ваала.

Раз-два, обменялись кровью; Мауне смывать эту кровь нельзя, у неё уже обе щеки, скулы багровые. Да и никому нельзя — все так и будут ходить, пока не иссохнет и изотрётся. Кстати, в югах это очень неудобно, мухам такое нравится похлеще мёда. И за этим бы и всё, но нет — дальше идёт более азартная львам часть.

Теперь Вестающую надо обнять и поцеловать. Нет, не просто дружеский поцелуй или что-то вот эдакое, слабенькое, надо целовать как любовницу или твою первую подружку по Игре. В таких случаях старшие всегда предупреждают, мол, ничего лишнего, всё должно быть благоразумно, но все кто поумнее, могут открыть Кодекс и радостно понять, что натворить можно много чего, и возможные наказания за это прямо запрещены. Её разоблачать нельзя разве что, бить и насиловать. Можно Хозяйку потискать, можно её помучить, можно на руки взять, можно закинуть её руки себе на плечи, можно попробовать куда-то ей там залезть, хотя из-за пласиса ничего не выйдет, не докопаешься, удачи. Поставь руки на хвост, лизни ей шею, прижми к себе.

Всё было во славу Сунгов: челюсть стала болеть эдак после десятого самца; ей зализали обе стороны шеи, что-то им там нравится вынюхивать; кое-кто добавлял трогательные поцелуи возле глаз, под ними, некоторые были очень бережны; некоторые выявили тягу к ушам, один из них укусил, Мауна решила забыть, кто; чесался нос, да много что чесалось; запомнилось, как мастерски её поцеловал сир Сиигр, это было даже хорошо; инсигнию возле хвоста, конечно же, размяли как надо; а один так сжал талию, что Мауна думала не выдержит и врзычит; одному всё-таки удалось очень хитрым манёвром подлезть в межлапье, хотя Мауна стояла ровнейше, сжав бёдра — взял палец, вниз по подолу пласиса, а затем вверх, и вон уже где-то под хвостом, и даже через ткань всё чувствуется. Она снова таки решила забыть, кто это (нет, это всё-таки был Тай, мерзавец, сволочь, негодяй). Бедная андарианка.

Вклявшись, телохрана беззаботно ушла, предоставив её самой себе, как оно и бывает в таких случаях.

Она погляделась в зеркальце. Лучше б она этого не делала.

— Оооо Ва-ал... — простонала Мауна. Так ужасно она не выглядела никогда, это точно — в отражении её встретила львица-катастрофа.

Спрятала зеркальце, подошла к окну. Амая. Да что ж такое? Нет чтобы придти, и степенно сказать Семейным... Ай, что там говорить! Вместо этого — нанюхалась, напилась, ничего не засвидетельствовала, её унесли, как мешок, Ваал мой, какое самоунижение, никакой дистанции, честь Ашаи — да зачем и кому это надо. Как она вообще стала Ашаи-Китрах, кто к ней ощутил *хламай*, Ваал, да как она стала Вестающей?

«Ей уже всё равно», — хмыкнула Мауна. — «В Гельсию уедет, там исчезнет. Хоть со мной так попрощайся, выяви сестринское, ведь ты там скоро окна мыть будешь, или полы, супы варить, или что там простые львицы делают...».

— Фу, — выдохнула она, снова глядя в зеркальце.

Дом и море

Без «красивого утра» (а это — следующее утро) и прочих любезностей (ничего себе), Мелим — именно он — просто вошёл в покои Мауны и сел абы куда, на маленький стульчик, который так-то для лап, когда сидишь на обычном стуле, или кресле, или диване, или чём угодно тебе сидеть. Мауна там тоже нашлась: она купалась в ванне с помощью Шэзи, часто ванна ставилась у окна, и так можно смотреть, что творится снаружи; Мауна любит купаться с Шэзи, потому что всегда очень тихо: Мауна привыкла с ней общаться жестами, хотя та не глухая, а только немая. Она и вчера вечером мылась, и вот сегодня, и всё самой себе жаловалась, что-де «чуюсь грязной». Кровь с Вклятвы как бы неплохо смывать, но пришлось — Мауна так не может.

Ремесла в сегоночь не было. Да и не особо надо — настоящих Вестей вчера-нынче нет (скоро будут!), расстреливать до смерти пустышками несчастных учениц Мастр-Фейнского и Тар-Сильйского менгира, право, поднадоело. Избиение львён.

— Хозяйка должна на это посмотреть, — сидел он так, как сидят после тяжкой работы или сражения.

— На что? — спокойно спросила Мауна, внимая ему и растирая плечо в мыльной пене белой тканью; на самом деле, ей очень не хватало губок, которые есть в обители Нэли, ну а у Амаи — нету.

Вместо ответа он вытащил какой-то конверт, покрутил его в руках, и почему-то снова спрятал.

— Ваалу-Амая мертва.

Мауна поглядела на Шэзи: ты это слышала, мои уши не предали? Шэзи мяла в руках ещё белую ткань и смотрела вниз, будто это она повинна, что...

Она встала, голая, раскинув брызги.

— Но почему?!

— Очень похоже, отравилась. Пусть Хозяйка посмотрит лично, — медленно потёр гриву Мелим.

— Шэзи, иди, там, Мшани, Реная, дай. Дай мне всё.

Служанка буквально убежала. Мауна вылезла с ванны и так и встала, вся в пене, а на пол с неё щедро лилась вода, она взмахнула хвостом, и брызги полетели на комод, а облачко пены очень красиво и медленно спустилось на пол.

— Я подожду за дверью, — он встал.

— Стой, ну куда ты пошёл? — сказала Мауна, он сел. — Я же... мне ж спросить тебя надо.

— Что спросить, Хозяйка?

Она чуть подумала.

— Не знаю, — развела руками голая Мауна.

Кивнув чему-то своему, он снова вытащил конверт и протянул Мауне.

— Она сказала это передать Хозяйке, когда уедет. Говорила, скоро в Гельсию. Сегодня. Или завтра. Но сегодня б не вышло... Это ж собираться надо...

— Я знаю! Вот именно! Гельсия! Так и должно быть! — протянула она руку за конвертом, но опомнилась, и начала судорожно вытирать ладони о полусухую ткань, что Шэзи оставила в ведре.

В самочьей панике прибежали все её три служанки, набрав всё шмотье и весь декорум, до которого им дотянулись руки; Реная решила, что собой надо закрыть Хозяйку от Мелима, что и сделала. Мауна дала себя вытереть и одеть в шемизу, но потом отмахнулась, и подошла к окну. Где тут сирна... Вон, на полу — Мауна всегда её держит рядом, это тоже школа Нэль, да и ей самой так в привычку. Напоминает обычный такой пакет из Медиума, сургуч по краям, по центру, и есть её стамп.

*СОЖГИ КОГДА ПРОЧИТАЕШЬ НЕ ОСТАВЛЯЙ СЛЕДОВ
СОЖГИ*

Муниша,

море мы нарисовали, но утону в нём только я. Ты непременно живи в доме. И ещё.

Не разбивай клятв. Не разбивай клятв.

вечно твоя амая

— Когда Амая дала тебе его? — потребовала Мауна у Мелима, чтобы занять метанойю словами, делами, суматохой.

— Вчера вечером.

Письмо сразу скрыла в конверт. Одеда пласис, спрятала внутри него.

— Идём, — сказала, только надев пояс и прихватив сирну прямо в руке.

Неимоверно уверенная, вышла; неимоверно уверенная, пошла по коридору; но недолго — уверенность начала таять с каждым шагом, и кончилась у двери к спальням Амаи; тут же собралась половина телоохраны, словно остался смысл что-то здесь охранять и можно разумно разрешить данность смерти.

— Зачем ты ей это всё принёс? — требовал у Манару Уруз.

— Она приказала, командир. Говорит, принеси. Я пошёл, принёс. Удивился. Но принёс.

— Зачем? — снова повторял свой дурацкий вопрос Уруз.

Пришла Мауна, и все замолчали: теперь есть кому определять, что и как, потому что Хозяйка, она может. Мауна взялась за ручку двери, закрыла глаза, не в силах её открыть.

— Что я там увижу? — спросила она, с закрытыми глазами.

Лев Уруз, глава телоохраны, военный ум, воспринял это по-своему — нужно доложить обстановку:

— Превосходная Ваалу-Амая лежит на кровати, она мертва. В её руке — бутылка от яда. Она зачем-то привязала бутылку к руке. Она лежит на кровати справа, если смотреть с входа. Также...

Мауна дала жест молчания, вздохнула, и вошла.

Всё оказалось именно так. Здесь ещё была и Тайра, она сидела на кровати очень близко от Амаи, и, кажется, очень хотела дотронуться к ней, весь язык тела говорил об этом, но не смела; а ещё сир Таар, он задумчиво глядел на неё с почтительного расстояния. Ещё Мауна обнаружила... копьё? Копьё возле Амаи. А с другой стороны кровати — лук. Анвейса тоже рядом, стоит, придирчиво рассматривает единственным глазом бутылку на свету.

За Мауной вошёл и Уруз, доложил:

— Она сказала телоохране принести лук и копьё. Зачем — неизвестно. На ней не обнаружены кровь и раны.

Мауна подошла, села на кровать. Анвейса показала на привязанную к ладони бутылку, не бутылёк, а именно бутылку, добрую такую.

— Она выпила яду достаточно, чтобы убить целую обитель. Это плохо, принимать надо достаточно, а не вообще всё. В экзане есть дорожные виалы, чего она такой не взяла? — Анвейса показала на себя, на шею. — Тогда всё будет легко: сон, смерть. Это добрый яд, — покачала она бутылку. — А если всё сразу выпить, то — вот так... — и Анвейса показала как, да и тут ясно, это видно: ужас смерти от отравления — вообще по всей кровати, по полу.

— Телохрана ничего не слышала? Такое тихо не пройдёт, — Мауна взяла ладонь Амаи, и освободила от бремени пустой бутылки, размотав ткань.

— Она настрого запретила её тревожить, ни в коем случае. Кроме того, сйятельная Ва-Амая имела привычку... — Анвейса помотала рукой в воздухе, — ...извергать еду, об этом телохрана тоже знала.

Мауна дала сосуд Анвейсе. Теперь у неё оказалось две бутылки.

— А что во второй?

— Ещё яд, до него она уже не добралась, — та снова поболтала полную на свету.

Мауна разлеглась по Амае, обняла её, она знала, что будет холод, но не ожидала, что такой... холодный. Она полежала так, и всё, что видела, это подол платья Анвейсы, что стояла рядом, не отходила. Захотелось пригладить её: пригладила ей уши обоими ладонями, и Амая оказалась непослушной, твёрдой; подумалось: стоило чаще так гладить, пока была жива, вот ещё вчера надо было, и каждый день надо было, наверное, например, утром и вечером, а можно ещё и среди дня.

Мауна поцеловала её в нос, а затем перейдём нале...

— Нет-нет, Хозяйка, — рука на плече, — это не надо. Это плохо.

— Да как же не надо.

— В ней полно яда.

— Втай ничего, это ничего... Я тоже не сладка.

Она бездумно обнажила Амае зубы. Эх, какие, не ахти.

— Дай я её утру.

Анвейса похлопотала, что-то нашла, и Мауна утёрла Амае скулу, нос. Из носу пошла пена, утёрла. Ещё пошла. Ещё раз.

— Это не кончится, этого там полно.

Обнаружилось, что такое это «что-то»: в руке Мауна держит свой же андарианский платок, что подарила Амае. Взяла её ладонь, попробовала сцепиться с ней; раньше это было легко, теперь это — очень трудно; надо быть честным — невозможно.

— Не могу сцепить ладони, Анвейсь. Раньше было просто. Знаешь, мы однажды так взяли друг друга, так сильно, что я её всю расцарапала,

— рассказывала Мауна, глядя на стенку. — Знаешь, она была очень хорошей Вестающей.

Та внимательно наблюдала за Мауной, держа ёмкости перед собой на груди. Тайра, забывшись, обнимала колонну кровати.

— Хозяйка, — очень аккуратно, тихо спросил Таар. — Приступить к приготовлениям?

— Да... да.

Он вышел.

— Как же теперь? — спросила Мауна, вообще.

— Я могу её завернуть в ткань сама, — поставила бутылки Анвейса, — да вообще всё могу, но в нашем случае куда вернее, если всё сделает Ашаи-Китрах. В Баше должна быть Ашаи по траурным делам, — нахмурилась она, задумавшись.

Уруз показал на лук и копье:

— С этим что, Хозяйка? Непонятно, что здесь с оружием, — смотрел он на них, почёсывая загривок.

— Я знаю. Я всё знаю. Я всё понимаю. Забери, забери.

— Что ж. Хозяйка, тогда мы сйятльную Вал-Амаю... Мы всё тут приведём, как надо. Поможешь, — Анвейса сказала Тайре. — Иди ещё кого позови, Хизаю позови.

— Я помогу, — сказала Мауна.

— Нет-нет, не стоит, безупречная, — уверенно закивала Анвейса. — Мы сами, это дело... такое...

— Нет, я останусь. Что делать, Анвейсь?

Та посмотрела на Хозяйку, деловито почесала руку.

— Пласису рукава подвязать.

Что Мауна и начала делать, вытаскивая шлейфы из-под рукавов, чтоб подвязаться крест-накрест через грудь, чего — тут ей подумалось — не делала много лет: Вестающие предплечья-плечи не обнажают и игни-мару практически никогда не жгут — большинство так вообще толком не умеют, а многие — полностью разучились. То, что у обычных Ашаи вызывает мгновения, у неё заняло минуты. Она повернулась, злясь на себя, перед ней очутилась карта Империи, и Мауна кое-что заметила.

Флажки: в центре Империи скучковались почти все, полностью нарушив настоящее расположение Вестающих (шестьдесят один). Вверху, на севере, даже за Империей, четыре флажка сделали одинокий квадрат. Внизу было ещё два: у берега Южного моря — один из них, и почему-то чёрный, не красный. Мауна взяла его, рассмотрела — его обмакнули в чёрное, похоже, в тентушь. Ещё один, последний, находился прямо посреди Южного моря.

— Тайра, иди сюда.

— Да, Хозяйка?

— Скажи Хизае, скажи Медиуму... Сиру Мелиму, вот всем скажи: флажки не трогать.

Вы бы видели

Ваалу-Нэль, несмотря на все неудобства далёких путешествий, занятость и робкие намёки её Мастера Графа о том, что «немножечко уплотняется очередь» (в Марну из Листигии ехать пять дней!), безусловно — это вне обсуждений — поехала со своей ученицей Ваалу-Мауной на Приятие.

Поездка оказалась очень приятной, несмотря на ветреное начало Поры Всрода. Они вместе ехали в огромном дилижансе Нэли, внушительная кавалькада. У наставницы — превосходное настроение, у Мауны — волнительно-приятное. На ночь останавливались то в обителях, то в городах. Нэль кое-как ухитрялась вестать, и, несмотря на её начальные возражения, Мауна помогла Нэли разгрести всю очередь Вестей.

Особенно Нэль понравилось, когда Мауна — пришлось к разговору, после расспросов, где Мауне пришлось натянуть паруса и ловко лавировать между рифами — рассказала о Вклятве для уже своей Семьи.

— На-на-на, погоди, ты вкляла их до *того*, а не после *того*? — тешилась Нэль.

— За день до.

— Как ты это провернула, вечный Ваал?

— Так получилось, наставница, — ограничилась Мауна. Также «так получилось» и со смертью Амаи — идеальное (само)убийство, вообще не придрёшься.

— Ай да снова тебе так получилось, — мечтательно посмотрела на неё Нэль. Остепенилась, зачем влезать в подробности: — Семья, они, знаешь, они как зверь — сказать не могут, а всё понимают, что к чему. Презирают слабость. Дашь слабину — всё, расползаются. И как они?

— Хорошая Семья, — искренне сказала Мауна.

— Огнеясно. Ей Семью второпях набрали сёстры, не она сама. Она бы набрала, она бы такое набрала...

Мауна кивнула и взяла себе кураги, изюму. Она обрела эту привычку — есть сухофрукты, грызть орешки. От Анвейсы однажды узнала, что львицам полезно есть орехи, от них даже проще лунные дни идут. Заботясь, предложила Нэли, та отказалась:

— Нет, кушай, ты сама кушай. Моя умница... — взяла она бумаги и принялась дальнозорко читать.

Мауна рассматривала курагу, съела, закрыла глаза. Тофет. Ясная погода. Тогда никто из Вестающих не приехал, потому что Мауна приказала не медлить; её, Мауны, оказалось всем вполне достаточно. Траурная Ашаи-Китрах, немолодая северянка, дала ей факел, с лёгкостью мастерства зажжённый от игнимары; она понравилась Мауне, но кажется, Мауна не очень понравилась ей. Были все Башские верхи, был даже сир Сатарин. Карриса не было. Были из Палаты Дел Ашаи-Китрах и Охранения Веры, куда уж без них. Почему-то приехали фискалы из соседнего Стая. Были некие Амаины друзья, которых Мауна никогда не видела до того, и никогда не видела после того. У Амаи была какая-то смутная родня в сложнейших отношениях, но так далеко и враскидку по Империи, что без шансов. Мауна не послушала Амаю: письмо она спрятала вместе с лентой в шкатулке, шкатулка в ящике, а ящик — в надёжном месте. Надёжное место — в надёжном месте.

Преступление — вероборческое, аж пахнет мерзостью, воровством: Мауна забрала себе сирну Амаи («С. с. Ваалу-Амая, Ашаи Вестания, во Славу и Кровь»). На тофете при ней оказался подлог. Мауна ненавидела себя, но не могла не. И завела привычку носить с собой, скрытно, ведь Ашаи-Китрах обычно не носят двух сирн, а только одну.

Трагедия: маску лисы никто так и не смог найти в обители. Мауна приказала служанкам перевернуть всё в обители. Перевернули всё. Не нашли.

— Марнский мост, — огласили из верхнего окошка, и задвинули.

— Всё. Марна, мост Понс-Аурес. Стой, останови! Ну! — потребовала Нэль, резко рванув задвижку обратно. — Маун, выходи, покажу.

Нэль, она ведь урождённая марнская, столицу обожает, всё тут знает, тут у неё полно родни. Ну ты погляди только, как красиво, вон там — видишь — даже кусок Императорских Садов можно увидеть, а там вот холм Сакрамонтум и невероятный шпиль Дома Сестёр, и там мы тоже заглянем, смотри, отсюда не увидишь, правда, знаменитый Сафский мост, ну ничего, я тебе покажу после Приятия, мы ещё два дня тут побудем. Мауна кивала, да-да, да-да, довольно равнодушная к пейзажам и вообще внешним впечатлениям.

Надо раскласть все карты снова, хоть Мауна и делала это много раз. Она рада, что едет на Приятие? О, да. Нэль учила её? Да, ещё как. Нэль научила её? Да много чему. Искренность радости Нэли? Да. Амая навредила сестринству? Оказалось, да. Особенно Кетире? Особенно ей. Нэль, Мьянфар, Ванарамсая, они передавали традицию? Да! Мауна смогла взять всё переданное, причём ладно бы всё — главное, Ремесло Внутренней Империи? Нет! Чья вина? Неинтересный вопрос. Амая сделала ей Ремесло, с одного пинка втянув её за руку в *иную* (какую?) традицию? Да! Это тайна? О, да, тут нельзя ошибиться. Амая хорошая? Да. Амаи нет? Нет. Что делать? Служить, как Ашаи Вестания. Нет, се-

рьёзно, что делать? Не предавать клятв. Каких именно? А что, можно выбирать?

Приятие пошло сходу, сразу взяло вихрем. Обычным Ашай-Китрах, да особенно дисциплирам, приходится на нём несладко: испытания, игнмиару зажечь, сидеть в аумлане и хранить *миеин*, а потом ещё выпить жёсткую сому. С Вестающими так нельзя, их нужно беречь, слишком ценный инструмент, потому ты спокойненько идёшь в спальни Марнского Дома Сестёр, где у тебя вообще будет всё, что захочет каприз, пьёшь чуть-чуть сомы, ложишься вестать на ночь и просто вбиваешь во все шесть менгиров стрелу: «Ваалу-Мауна, ученица Нэль, не имеет сомнений и видит Ваала». Ой, ну то бишь не вбиваешь стрелу, конечно, а оставляешь Весть. Ей предусмотрительно дали все шесть камушков от всех менгиров, чтобы Мауна нашла все, а то это сложновато бывает ученицам; бывает, им надобно пару-тройку ночей. Пф. Пфффф. Можно завалить её тележкой камней, можно вообще не давать — да ради Ваала, да всё равно. Ой, ну естественно, Мауна уделила камушкам внимание, очень поволновалась, засомневавшись, достаточно ли хороший получила кусочек от Нар-Хейского менгира, и все очень забеспокоились, упала в ажитацию одна старшая сестра; ну, похлопотали, понадеялись на лучшее; уверили, что кусочек рабочий, навестанный, Мауна успокоилась и даже шуточки пошутила.

Лиса!

Львицолиса расстреляла все шесть менгиров; в один из них, забавляясь, выстрелила дугой с огромного расстояния (попала). Забавная вещь: если в Охотных Землях выстрелить строго вверх, то стрела прилетит в тебя обратно, будет эхо-эффект для мнемоники: то, чем стреляла, запомнится ещё лучше. В саму себя Вестями можно стрелять, мой Ваал, это уморительно.

Шерсть не вся гладка. Амая непредусмотрительно не предупредила её, но предусмотрительность и Амая, как известно, немножко в разные стороны разъезжаются, как те самые лапы на льду. Мауна начинала понимать, что ей придётся жить и служить с непростой задачей, а именно: все любят курочку; курочку можно зарезать, ощипать и зажарить, а потом съесть, её можно полить андарианским клюквенным соусом; всё просто, курочка — добыча, затем — еда; но здесь, в мире теплокрови, у курочек есть портреты и фетиши; курочки ходят, говорят, они вступают с тобой в разговоры, иногда они хотят с тобой если не Беседы, то хотя бы обмен Взглядами, чтоб ладить сестросвязь; курочек иногда нужно усаживать напротив себя, глядеть им глаза и говорить своё «ко» на их «ко-ко»; важно при этом не прыснуть, наверное; или прямо там не зажарить их, с клюквенным соусом. А, и да, да, в других охотниц стрелять оказалось сложнее, куда сложнее, чем в курочек, свиней, фиррас, симпатичных горных коз и оборванческого вида львиц веды. Стреловести

иных охотниц били куда более мягких стрел добычи, от них можно и проблеваться поутру (и снова здравствуй, Амая).

Как и положено, Мауна поутру разродилась своему Медиуму: все шесть менгиров получили Вести; а кто уж там из сестёр когда примет — их дело, Вестающие — занятые львицы. Нэль, естественно, съела стрелу в ту же ночь:

— Все менгиры всё получили.

— Я её сразу взяла! — Нэль в восторге.

Амая никогда не обманывала — Мауна стала куда более изысканной штучкой, чем красивый марнский пласис. Нэль не отходила от неё, показывая всему миру: «Вот что будет, если ученица выходит от Ваалу-Нэль, добрые Сунги». Мауна не мешала этому индальгированию, скрыто и явно потакая всему. Они побывали и там, и там, и сям.

Теперь — Дом Сестёр, и прибыл сам Император Акаш Второй с супругой, никак иначе. Мауна стоит в центре зала; колонны; здесь есть Круг Семи сестёр, здесь абсолютно декоративный, назначенный всему говорить «да», потому что простым Ашаи-Китрах невозможно оценить Ремесло Вестающей. Высокой Матери нету — дела, далеко, не смогла. Есть Ваалу-Веста, главсестра марнского менгира (Марн-Каарский), первая среди равных, есть Ваалу-Инлирамия, из него же. Есть Ваалу-Наамзира, личная Вестающая Императора. Каким-то чудом приехали мать и отец, двое братьев, двоюродный брат отца, две сестры матери. Много остальных, которых Мауна вообще не знает, есть сенаторы, и ещё кто-то.

И хорошенько.

— Зачем ты пришла, ученица? — спрашивает старшая сестра из Круга Семи, у неё даже есть имя, ай какая разница, какое.

— Ваал указал мне дорогу к Приятию.

— Назови свой номен, ученица.

— Ваалу-Мауна.

— Велики те, кто подходят к концу испытаний, — вторая сестра Круга.

— Ведь Ваал поощряет смелость идущих, — третья.

Наамзира очень близко. Она сразу возле сестёр Круга.

— У кого ты училась тропам Ашаи?

— У блистательных...

Ой.

— ...Ванарамсаи...

Ой-ой.

— ...Мьянфар и...

Наамзира. Она здесь самая опасная львица. Она всё знает. Они, все остальные, они ничего не знают. Она всё знает. Она знает, почему Мау-

не снова начала растекаться тентушь и дистанция, и утереться здесь не выйдет, неа.

— ...Нэль я... я имела честь обучаться.

Акаш Второй обменялся регальной улыбкой с супругой. Милый штрих, красящий день: очаровательная искренность слёз молодой Вестающей, что пришла к назначению.

— Аамсуна, Мауна, — вдруг добавила Наамзира. Это вне церемонии. Это она подбадривает (так выглядит для всех), императорской Вестающей можно такие возмутительности.

Да-да. Я, Мауна-охотница, здесь так же опасна для тебя, как и ты для меня, Наамзира-охотница. Но не беспокойся. Предать можно тебя, себя и ещё Нэль, но не её (ещё раз).

Теперь последний штрих, только в Приятии Вестающих. Она знала, что ударят в огромный барабан, но чтобы так громко — вздрогнула. Теперь никто не смеет даже шелохнуться, нужна полная тишина. Император дотронулся к солнечному символу Империи на монументально высоком, тёмном штандарте; его наклонили четыре воина Императорской Гвардии (Безмолвные); теперь — вверх, и затем — в иную сторону, к Мауне.

— Империиум Ваал-Сунгов принимает Ашаи Вестания, — единственные слова, для которых Император сюда пожаловал.

Когда львицы глубоко кланяются, то им должно встать на колени, не на одно. Сделано. Теперь подняться на лапы и поцеловать соляр, но не сразу — его держат, а потом все четверо львин рывком подают прямо под нос. Так разбили нос не одной Вестающей, но не выбирать. На этот раз всё мастерски — соляр у неё прямо под дыханием. Есть.

— Власти Империиума — служить, Даром Ваала — вестать, славу Сунгов — хранить, — проговорила Мауна.

И любимая часть всех львов — теперь можно шуметь, рычать, стучать оружием по броне, по щитам или по соседу. Акашу Второму предусмотрительно прикрыли уши подушечками — он не выносит шума. Сёстры надели на неё амулет Ваала. Сёстры её выводили... Ещё что-то было...

Этот шум стоял Мауне в ушах аж до ужина. Вообще-то, даже ожидалось, что будет ужин у Императора, но у Руки Ваала не получилось, планы изменились. Получилось интимно: она, Нэль, Инлирамия и Наамзира.

Мауна не привыкла к амулету, его хотелось трогать.

— Это была долгая дорога, сёстры, — блаженно сказала Нэль.

— Ты о дороге в Марну, или, — Наамзира показала на Мауну учтивым жестом, ладонью вверх, — о Мауне?

— Да о всём, — посмотрела Нэль вверх. — Ваал выведет, Ваал не подведёт.

— Кстати. Я, Мауна, тебе сестропортрет привезла. И фетиш, — заметила Инлирамия.

— Я тоже, — кивнула Наамзира.

— Очень благодарна, сёстры.

Позвали прислугу, и действительно, от Наамзиры Мауна получила и портрет, и фетиш — искусный веер. Но с Инлиражией случился конфуз:

— Фетиш где? Я ж говорила взять!

— Огнелунная, мы... Мы не взяли. Мы...

Инлирагия беспомощно развела руками, еле сдерживаясь. С извинениями огласилось, что Мауне завтра же его привезут.

— Портреты, портреты, портрет, — пристукнула Нэль по креслу. — Мауна, стой, тебе ж надо сделать! Вылетело из головы... — схватилась за переносицу. — Пойдём завтра же, в Марне надо делать. Только так.

— Но фетиши у меня есть, — спокойно отметила Мауна. — Сёстры. Наставница.

Внесли три больших лука, очень длинных, куда выше роста львицы. Из таких стрелять, считай, очень непрактично (здесь, в мире тёплой крови), тем более, они обтянуты белой лентой.

— Таааких больших фетишей я ещё не видала, — удивилась Инлирагия.

— Мауни отлично стреляет из лука, — сказала Нэль; разглядывая лук, чуть не поразбивала всё на столе. — Йах, вы бы видели, ты бы видела, Наамзира.

— В самом деле? Вот как. Любопытно, — это Наамзира. Она поглядела на Мауну, а Мауна — на неё. — Спасибо, Мауна, — непроницаемо поблагодарила.

— Такой фетиш в кровать не возьмёшь, — засмеялась Инлирагия.

Что ж, Нэль подёрнула его даже за тетиву:

— Бедные мои пальцы... И как это тянуть?

— Не надо, не надо, Нэли, оставь дело мастерицам, — похлопала её по руке Инлирагия. И посерьёзна: — Да... Мауна, не хочу омрачать этот день, но всё же: как же так получилось с Амаей?

— Ой, Инлирами... — снова схватилась за переносицу Нэль.

— Я знаю, знаю. Это ужасно. Тем более, Мауна была с ней, такое пережить... Но как она вела себя перед этим, неужели не было заметно, что с ней что не так?

Все замолчали, смотрят на неё. Нэль. Инлирагия. Наамзира. Мауна тёрла левую ладонь пальцами правой, провела когтем вокруг запястья, там, где когда-то давно была лента.

— Конечно, это было заметно, сёстры. Её привычки... Каждый день, что я с нею была, я свидетельствовала медленное самоубийство. Перед той ночью она напилась вина и надышалась аррой, её унесли на руках спать. Я предупредила её, я пыталась защитить её. Я не смогла.

— Инлирами, Ваал мой, пожалуйста... — застонала Нэль.
— О, нет. Моя глупость. Зачем я только... Мауна, прости.
— Давайте о хорошем. Вот, оцените: у Мауны ещё совсем недавно, лишь две... или три... луны назад открылась эмпатия. Каково? — всё хвалилась Нэль. Она всем об этом рассказывала уже раз десять, где бы они ни были.
— Это, наверное, у Амаи научилась, — не бросила тему Амаи Наамзира.
— У Амаи не было эмпатии, — ревниво заотрицала Нэль.
Вообще-то, и у Нэли нет эмпатии.
— Не было, — подтвердила Мауна.
— Была, — без сантимента, с простой ясностью факта ответила на это Наамзира. — Необычная очень, через поцелуй только работала.
— О, я не знала, — удивилась Нэль.
— Хм, я о такой эмпатии слыхала, бывает, редкость большая... — задумалась Инлирамия.
Мауна долго потирала запястье, прежде чем поднять взгляд. На неё смотрела Наамзира, неотрывно, легко покачивая длинный-длинный лук, покоя тот на полу.

И снова батоны

— Нет. Это не по понятиям.
В Луне Охотницы собрались: Куцый, он же сир Сатарин; Вестающая Ваалу-Мауна, две недели как вернувшаяся из Гельсии (туда-сюда, туда-сюда, на четыре луны, и так уже полтора года от самого Приятя); Предвестающая Ваалу-Хирана. Сир Куцый расползся в кресле, без изысков попивая пиво. Хирана морщится от боли, потирая колени, они у неё болят на погоду. Мауна тарабанит когтями по креслу.
— Слушай, Сати, ну что ты ерепенишься? — заворчала Хирана, скорчив гримасу ещё сильнее. — Ваал мой великий, да что ж такое... Ливень будет, что ли.
Оказалось, Хирана и сир Сатарина прекрасно себе знакомы, о чём Мауна не знала. Она даже опасалась устраивать эту встречу, но дело застряло, и дело требовало продвижения. Но Хирана, оказалось, называет его «Сатом», а он — по-свойски её обнимает.
— У меня с крючка три льва сошли, — страдальчески продолжала Хирана, — просто кошмар. Я не могу без конца ездить по Империи и выискивать, устала уже. Помогай делу, не нервируй меня.

— Нет, своих льявк на эту тему я не подпишу. Не делаются так дела, — сир Сатарин ел рыбу с тарелки, расположив ту на животе. — Но я так понял, вам же всё равно, какой он, верно?

— Не всё равно, Сати, — вразумляла Хирана. — Здоровый, молодой, без семьи, без родственников, преступник какой-нибудь, кого не жалко. Таких же у тебя полно!

— Кто сказал, что я должен своих давать? Вот такие и есть у Быка.

— Кто это, Бык? — поинтересовалась Мауна.

Она, вообще-то знала, слыхала это прозвище.

— Конкурент... — махнула рукой Хирана, мельком поглядев на Мауну. — Так что мне, к Быку идти? — с вызовом спросила она у сира Куцого.

Он посмотрел на Хирану.

— Не, к нему не иди, — покачал головой, закачались стяжки на гриве.

— А как? А как ты прикажешь его гривам, ты сам ему скажешь? — львица не давала спокойно пожить льву, ну вечное.

— Не надо ничё казать, — сосредоточенно жевал рыбу сир Сатарин. — Я наведу, что у тебя есть то, что ему задолжал один баран, который теперь подо мной ходит, и что ты всё отдашь без это... без это самое... без пыли. Бык пришлёт своих хвостов к тебе, это к гадалке не ходи.

— А что у меня есть? — нахмурилась Хирана.

— Пара батонов, мелочи. Бык очень жадный, он эту тему не упустит.

— Ага. Угу. Они приходят ко мне, и...

— ...и ты берёшь какого-нибудь, остальным отдай батоны, всё честно. Всё, можешь его жмурить. Или что там тебе надо.

— Ага.

Сир Сатарин потянулся, чуть не уронив тарелку. Вздохнул, отставил её на стол.

— Они приходят, — степенно говорил, глядя в сторону и вниз, — к тебе некстати приезжает превосходная, — кивнул на Мауну, — кто-то что-то не то сказал или косо посмотрел, его хватают. Увозят. Бык не станет с этим связываться. Тем более, получит свои батоны.

— Хм, — задумчиво закивала Хирана, глядя на Мауну — Слушай, ну это хоть что-что.

— Да канеш что-то. Сноходная, можно ещё пива? — тоже поглядел Куцый на Мауну.

— Конечно можно, сир Сатарин.

В гостях у Ашаи-Китрах

Бык позвал их к себе.

— Лапа, дело такое, есть одна ашайка, понял? Она не вернула кое-что одному хвосту. Хвост — никто, но за него поговорили правильные Сунги. Ашайка сидит в Баше, зовут Вэ-это... Вэ-Хирана, понял? Её найдёшь и попросишь вернуть кое-что, понял? Пиздеть — это у нас к тебе, ашайам уши лизать — к тебе. С ней аккуратно, не души, топтать не надо — говорят, к ней деловые заглядывают, Куцый. Она, может, к нему сразу юркнет. Но попробуй её уломать, без большой пыли — у нас с башскими ровных дел нет, сложно будет базарить.

— Она старая? — Арзис тёр непослушную рыжую гриву, болела голова.

— Да Ваал её знает. Не молодая.

— Что вернуть?

— Два батона.

— Каких, обычных?

— Обычные, имперские батоны. Всё, Лапа, езжайте, Ваал в мощь.

И поехали. Сначала в Баше дела не пошли — тут никто не знал эту Вэ-Хирану, но Ваал велик, и они вышли на неё.

— Вэ-Хирана, Вэ-Херяна, Вэ-Хирана, Вэ-Херяна, — приговаривал Бех, когда подходили к дому.

Постучали. Арзис ухмылялся, глядя на Яцыну и Бега, водил челюстью — разминал перед болтовней. Идёшь к львицам — будь готов.

Ашаи оказалась действительно старой. С вязальными спицами в руках, она глядела на всех трёх как на мелкое недоразумение. Разочарование, досада в её в облике.

— Вы ж не те, кого я ждала, — обвинила она, указав спицей. — Но они... так-то... сейчас будут, — протянула, потеряв щеку, совсем отрешённый взгляд в сторону. — Ой, Ваа-Ваал... — махнула рукой, и так равнодушно начала (продолжила?) вязать. — Вдохновляй нашу явь, стереги наши сны.

Арзис смотрел на её пальцы, когти. Осмотрелся по комнате. Так себе убранство, и беспорядок изрядный.

— Красивого дня, огнепревосходная, — любезно сказал ей, всё еще осматриваясь.

— Хорошего, — согласилась Ашаи. — Ты со мной беседы хочешь, требовать там, я всё поняла, но! — приходи позже. Уходите, добрые Сунги. Некогда, совсем некогда.

Арзис поглядел на напарников, выразительно так, чтобы молчали; но те молчали: Яцына равнодушно оперся о стенку, Бех заложил руки за пояс.

— Это совершенно верно, огнепревосходная, времени нет. Быстро оглашу: мы попросим возвратить два слитка, что...

— Не ходите по ножу, идите, всё решим. Но потом.

— Пусть с небольшим делом решится сейчас, оно быстрое. Мы проделали путь.

— Потом, позже. Очень прошу, добрые Сунги. Не могу вам сейчас прислужиться.

— Но когда же, сияющая?

— Не знаю. Через часик, мой алмазный, или через день. Ну идите, ну, прошу.

— Я так понимаю, потребуется беседа не с превосходной, а с её... — тут Арзис воистину обнаглел, и решил чуть её поприжать: — ...партнёрами?

Ваалу-Хирана со вздохом положила спицы на стол, потерла глаза, простонала от тяжести жизни, встала и подошла к Арзису. Он ощутил запах престарелой львицы.

— Смотри сюда... — сказала она, легко дотронувшись к носу.

Конечно же, Арзис проследовал за этим движением, без всякой мысли, конечно же, встретился с нею взглядом, и тут в ушах прозвенело:

— Уведись прочь!

Голос её матери смешался с ветром, взрывом, смертью мира. Мать приказывала: забери их, уберись сам, вон отсюда. Указ матери не обсуждают. Слёзы матери не обходят стороной. Да... Да как она... Снова эти приказы! Снова эти слёзы! Снова эта вина! Снова это послушание без всякой тебе отдачи!

Мать — Ашаи.

И эта тоже — Ашаи. Наверное, значит — тоже ему мать. В каком-то смысле.

Арзис знает, что есть *страйя*. Он знает больше, чем обычно должен знать самец. Поэтому вместо ожидаемого исполнения приказа самки и Ашаи-Китрах, Арзис, оглушённый, сел, прямо на то место, где сидела Ваалу-Хирана.

— Такие у нас дела, — пространно, забито, но держась на обрыве когтями, не поддаваясь, не желая снова покориться, блуждая взглядом, молвил Арзис, — мы от Быка, который за клиентом Тану, и Тану ждёт возврата золота. Время истекло. Если надо поговорить с деловыми, которые кроют сиятельную — мы готовы. Но дело того не требует: возврат положен, потому что Ашаи-Китрах... хранят... собственность. Им так положено. Им так положено. Им. Так. Велено! Хранить и отдавать!

Он не отдавал себе отчёта, что стучал изо всей силы кулаком по столу при последних словах. Спицы и клубки падали на пол, в комнате стоял стук и звон тарелок на полке, дребезг утвари. Он вообще не замечал себя, её, и всё остальное, и говорил бессознательно. Мысль только одна: «Сука. Сука. Не послушаться. Не послушать её. Не поддаться...».

Ваалу-Хирана кусала клыками палец, потёрла нос. Друзья уже стояли не расслаблено, но настороженно.

— Уходите, — как-то даже безнадежно молвила она, даже просясь. — Чуть позже придёте.

— Нет. Слитки. Два, — отрезал Арзис. — Иначе дело не пойдёт.

Стук в дверь, очень громкий, и уши Ваалу-Хираны наострились под накидкой.

— Видящая Ваала, мы здесь, — послышался бодрый, уверенный, заливчатый львиный голос.

Львы переглянулись. Яцына повёл плечом, и с недоверием уставился в сторону дверей. Ашаи, после мгновенной задержки, заторопилась к двери. Вдруг остановилась, посмотрела на них:

— Молчите, дураки. И ничего не делайте.

Стук повторился, старая Ашаи открыла.

— А вот и партнёры, — ухмыльнулся Арзис, яростно потирая уши. — Заявились.

— Так сразу? Дело серое, — сказал Бех, поправил пояс.

— Ты решил её поприжать? — пригляделся к нему Яцына, пытаясь понять поведение Арзиса. — Что это ты так?... Нормально всё?

Бех старался высмотреть, кто там пришёл, через полуприкрытую дверь. Но долго высматривать ему не пришлось.

В комнату по-хозяйски вошло пять львов в доспехах, молча; один выглянул в окно, завесил его. Завесил второе. Яцына, опытный, окинул взглядом комнату, пригладил усы, очень медленно, шмыгнув носом. Бех царапал когтями ладонь и смотрел на Арзиса. Зашло ещё двое, стало тесно.

— Не вздумайте прикасаться к оружию. Держите руки на виду.

— Охотных дел. Вы что, из Палаты? — спросил Арзис.

Те промолчали.

— Вон оно что. Вот с кем дело... Раз вы палатные, так послушайте. Один добрый Сунг оставил этой Ашаи-Китрах два бато... то есть, два имперских зол...

Вдруг Арзис увидел, как за спинами этих львов, этих палатных стражей, этих непонятно кого в дорогущих доспехах, проходит львица в ещё более невообразимом пласисе; виден её профиль; это тоже Ашаи-Китрах! Её венец, чистое золото, её удивительно, неразумно длинные серьги, мгновенный блеск зеркала в левой руке; она не смотрит на него, нет встречи взглядов, но ему и не нужно, чтобы знать, кто это та-

кая — а он знает, он знает неприлично много об Ашаи как для льва, сын львицы сестринства и... и ещё кого-то, он не знает, кого, какого-то доброго Сунга, наверное.

— Ничего себе! — с удивлением охотника, что обнаружил крупнейшую добычу, возгласил Арзис, для своих друзей. Невольно. И невольно показал на неё рукой, не пальцем — целой ладонью. Да ещё встал со своего места.

Она повернулась. Остановилась.

Что-то он, видимо, сказал нехорошее. И встал как-то неправильно, ибо вмиг у живота и у правого плеча очутились кончики мечей.

— Наглость может стоить жизни.

— Эй, всё-всё, — Арзис назначил это лвам-хранителям этой львицы. Теперь сразу ей (она возле Ваалу-Хираны, вполоборота к нему, всего в четырёх шагах, почти рядом, смотрит): — Ашаи — Вестающая?

— Не говори с Хозяйкой без её позволения, — так, как говорят с безнадежно неразумным, сказал ему ближайший телохранитель, тот самый, что держал меч у живота.

— Да, — ответила она. — Я — Вестающая. Чего хотел добрый Сунг?

— Да ничего. Никогда не видел Вестающую.

— У тебя есть несколько мгновений. Смотри, — её спокойный, ровный голос.

Арзис не стал утрачивать шанса.

Она молода, она даже очень. На ней — золотой венец, это отличие Вестающих. Амулет Ваала, с красным рубином, доминантно большой для её маленькой груди. Она невысокая. Она — андарианка, в этом Арзис не мог ошибиться, ценитель и определитель львиц; у любой, с которой мало-мальски имел дело, всегда выводывал её прайд; некоторые смеялись, и даже почему-то старались скрытничать, и всё отвечали «А тебе зачем?». Но он добивался ответа, на то он и Арзис. Тут ничего узнавать не надо, вся Андария — в ней, совсем чистая. Круглые уши, и...

Хватит, посмотрел, будет.

— Хм... — хмыкнула Ваалу-Хирана, глядя на Арзиса, глядя с подозрением, оценкой. Потом сказала ему: — Присядь.

Ваала-Хирана кивнула, и она с Вестающей тут же ушли в другую комнату, прямо исчезли.

— Ты слышал хозяйку дома. Сядь, — сказал один из стражи.

— А ты, стало быть, помощник хозяйки дома? — ухмыльнулся Арзис.

Глава стражи показал ему кулак в кожаной перчатке, близко; Арзис разглядел нём шипы, заклёпки, царапину.

— У нас нет проблем — вдруг отозвался Яцына. — Мы сейчас уйдём. Так ведь, Арзис?

— Вывести этих. А этот остаётся. Ему указано сидеть, — распорядился главный стражи.

— Мы... — начал Яцына, но Арзис упредил:

— Подождите меня на улице.

— Руки на виду. Руки на виду, — непрерывно повторял Яцыне и Беху кто-то, и они вышли, с вяло поднятыми руками. Они оба бросали обеспокоенные взгляды на Арзиса, Бех выглядел так, словно съел что-то очень горькое.

Остался Арзис и пять львов. Потекли мгновения. Он побарабанил по столу. Все проследили за движением. Трое из них были без нагривников — видно, как встали уши, слушая звук.

— Руки на виду. Руки на виду, — повторил и себе Арзис, ритмично, и цыкнул. — Ту, ту-ту-ту-ту.

Пригляделся к его стерегушим. Каждый, кроме одного, держал левую ладонь у ножен меча; но они все были на более-менее почтительном расстоянии. Арзис видел и чувствовал их готовность, их чувство расстояния друг от друга. Тот последний — ближе всех — держал на плече хорошую, короткую шипастую палицу, держал недвусмысленно.

И сзади был ещё один. Что он держал, что делал, и что уготовил ему в случае глупостей — Арзис не знал и не мог знать.

— Что это? — показал мордой, кивнул Арзис на нагрудник главного со стальной пластиной. Вверху на ней писалось: «С. с. А. В. Ваалу-Мауна». Ещё выгравирован огонь Ваала. И ещё было место внизу, много. Пустое и гладкое, оно должно было содержать что-то, наверное, какую-то надпись, но не содержало ничего.

Ему никто не ответил.

— С вами, льяки, только сжигать к Ваалу.

— Эт точно, — вдруг ответил львина с палицей, и удостоился явно неодобрительного взгляда от главы.

За спинами львов пробежала стайка львиц, торопливых, занятых, белые цвета в одежде, покрытые уши, очевидно — прислужницы, хвоста четыре. Одна удивлённо поглазела на Арзиса, он улыбнулся ей. Она резко отвела взгляд.

Скрипнула дверь, негромкие перешёптывания. Арзис снова побарабанил по столу, и тут подошла хозяйка, Ваалу-Хирана.

— Подойди к ней, — это она сказала льву, который (вроде как) главный в охране Вестающей.

Тот незамедлительно и быстро ушёл, а Ваалу-Хирана спокойно взяла себе старенький стул, взяла спицы в руки, и села прямо подле Арзиса. И продолжила вязать, как ни в чём ни бывало.

Глава стражи быстро вернулся:

— Почистить, — распорядился он, тихо.

— Только не делай ничего глупого, они лишь тебя проверят, — сразу предупредила Ваалу-Хирана, дотронувшись к Арзисовой руке.

— Зачем? Лучше я просто пойду. Сегодня дела, вижу, вовсю, — Арзис ощущал, как рука сзади (немилосердная, львиная) прошлась ушам, загривку, гриве.

— Раньше-то чего не шёл? — улыбнулась Ваалу-Харана. — Ну говорила же.

— Льва разоружат, — всё-таки огласил-предупредил их главный, и сзади ловко сняли ремни ножен с его пояса. В ножнах — короткий меч, который Арзис не очень жалуется, и называет ножиком.

— Эх ты какой... Говорил не уйду, не уйду — тут вот-те на, дайте уйти, — тем временем говорила Ваалу-Хирана, будто вообще ничего не происходило с её гостем.

— Со слитками, конечно, — сказал, как самую очевидность, Арзис.

— Ну так подожди! — с истым возмущением молвила Ваалу-Харана, чужие руки тем временем прохаживались ему по бокам. — Сейчас поднесут. Я их дома не держу. А чтобы здесь ждать, то вон — тебя проверить нужно. Мало ли ты на себе носишь. Ко мне разные жалуют, что же: я виновата, что и ты, и они зашли? — очень возмущалась Ваалу-Хирана, как только могут старые львицы.

— Бывает. Я не сам зашёл, кстати, — намекнул Арзис.

Он не то что бы беспокоился о напарниках. Если бы хотели им всем чего сделать, так сделали. Но всё же.

— Так они на улице ждут, чего им! — смотрела Ашаи ему прямо в глаза.

— Кнемидный нож, — огласили находку.

— Только не приделайте лапы, он хороший, — сразу предупредил Арзис.

Находку поставили на стол. Ещё поставили: худоватый, староватый кошелёк; ключ; безнадёжный кусок бумаги; маленький кожаный ремешок. И фигурку львицы из кости размером в пол-пальца, в старой тряпке, довольно искусную и кошмарно неприличную (львица на четвереньках наставляла смотревшему, так сказать, задранный донельзя хвост, щекой прильнув к земле).

— Хех, — оценили находку.

— Пошлота какая, — вынесла вердикт Ваалу-Хирана, критически глядя, брезгливо потрогав её спицей.

Арзис потёр нос, медленно и осторожно, дабы не подумали чего о его движении неправильного.

— Я с дохлого шамхата её упёр.

— Ты что, на Востоке был? — спросил его главный.

— На Востоке не бывают, — ответил Арзис, и кто-то даже в унисон повторил эту старую поговорку. — Она счастливая, не приделайте ей лап.

— Мы храним Вестающую. Мы не приделываем вещам лапы.

— Хоть на кого-то можно положиться, — улыбнулся с оскалом Арзис, сияя сарказмом.

Несмотря на низкую оценку от старой Ашаи-Китрах, один из телохранителей Вестающей не удержался и взял рассмотреть фигурку львицы. Арзис поделился советом:

— Ей можно потереть на счастье.

— Им должно тебя осмотреть, — вдруг объяснилась Ваалу-Хирана, вдруг забирая у смотрящего фигурку и небрежно накрывая её тряпкой. — Вдруг и ты, и твои... кхм... друзья — опасны. Всем ведь ясно, каких вы дел львицы. А у меня — важные гости.

— Да зачем мне гости огненной. Дел к ним нет. А вот слитки всё-таки нужны.

— Чист, — тихо огласили вердикт насчёт Арзиса.

— Ну ты заладил! — возгласила Ваалу-Хирана, принимая поднос от служанки, которая тем временем терпела оценивающий взгляд Арзиса. — Ты помирать будешь с рычалкой о слитках? На, кушай, гостем будешь.

На подносе оказались длинные штуки, завёрнутые в тонкую солонину. Арзис не отказался от угощения, взял одну и смотрел, как из комнаты выходят телохранители Вестающей; один остался, и встал в углу. Вещей Арзису не оставили, всё забрали с собой. Фигурку львицы хотели тоже забрать, но Ваалу-Хирана мягко отвадила ладонь забирающего.

— Если буду помирать сейчас, — начал задумчиво жевать. — То придётся помирать с такой... как сиятельная сказала... рычалкой.

Нечто в солонине — кажется, сыр, только с чем-то — оказалось совершенно, потрясающе вкусным. Арзис мгновенно взял ещё.

— Хорошо он платит, видать, что ты такой настойчивый.

Арзис ничего не ответил на это, но отметил:

— Хорошая штука, Яцыне и Беху бы попробовать.

— Как скажешь. Им вынесут, — кивнула Ваалу-Хирана и махнула ладонью, не глядя.

Арзис ухмыльнулся. Ага, вынесут. Но он увидел, как заторопилась служанка Вестающей, и сразу унесла угощение на улицу.

— Как тебя зовут?

— Арзис.

— Добро пожаловать в мой дом, Арзис, — сощурилась старая Ашаи.

— Спасибо. На, попробуй, не пожалеешь — протянул Арзис третий кусок телохранителю, который ловко успел взять перед тем, как слу-

жанка ушла; тот, тёмный лев среднего возраста, со совсем разбитым носом, не отреагировал. Не подошёл, не взял, ничего.

— Ты женат, Арзис? — постучала спицами Ваалу-Харана, обращая на себя внимание.

— Нет. Зачем.

— Как зачем? Детей на рынке не купишь.

— Я слышал, что запросто можно купить, не на рынке. Зачем превосходная спрашивает?

— Надо же занять себя разговором, пока ждём.

— А на что ждём?

— На слитки, Арзис. На слиточки твои драгоценные. Золотце.

— Кстати, действительно, почему они не здесь?

— Это, по-твоему, было бы разумно?

— Нет, вообще-то.

Ваалу-Хирана хмыкнула. То-то.

— Вот что я спрошу: расскажи о себе.

Она делала необычные, долгие заминки меж некоторыми словами, в голосе звучала драма. Это оживило внимание Арзиса. Вспомнилось детство, выступления в ярмарочном театре.

— Да нечего рассказывать.

— Имя рода скажи, представься.

— Да зачем, — усмехнулся Арзис. — Делу не поможет.

— Что тебе нравится? — не обиделась отказу Хирана; прижав уши, чуть улыбалась.

— Деньги. Мясо, вот это, что только что давали. Бой на копьях, я хорош с копьём. А что нравится сиятельной?

— Да что мне может нравиться, я уже старая, — удивительно, но она закатила глаза, прям как молодая львица, услышавшая комплимент.

— Ну-ну, зачем так. До Возвышения ещё очень далеко. И вообще, будь я чуть старше, а сиятельная чуть моложе... Превосходная — юнианка?

— Ой, ну ты... — засмеялась она, постучала спицами о стол. — Не юнианка я, Йонурру прайд я. Как все вы говорите, нуррианка, хотя мы этого терпеть не терпим. И, надо же, даже знаешь, что такое Возвышение?

— Ну. Слыхал. Крутился подле Ашаи немного, — пожал плечами Арзис, развалился получше в кресле, закинул лапу на колено.

— Экий ты, крутила. Расскажи о родне, братьях, сёстрах, — снова стучит спицами.

— Да их нет, — иронично улыбался Арзис, словно она говорила что смешное или глупое.

— У тебя никакой родни?

— Мой Круг — моя родня, — собрал он кулак перед собой, потом расслабленно опустил его и подумал, что сделал очень опрометчивый ход.

— Только свои, деловые? — старая Ашаи без труда уловила, о чём он.

— Они, — бессмысленно было уж отрицать очевидное.

Хоть она и так знала, кто они такие, с первых мгновений.

— Ни сестёр, ни братьев, ни отца, ни...

— Нет.

Помедлил.

— Пусть превосходная не расспрашивает. Нехорошо это. Ашайам верю, но к чему оно.

— Я львица, — благодушно улыбнулась Ваалу-Хирана, — мне протитительно в такое соваться.

— Сиятельная не только львица. Она ещё и Ашаи-Китрах, — выразительно посмотрел он.

Старая Ашаи вздохнула. Потом встала, бросила вязку, как ненужное, закатала рукав и без всякой трудности, видимой или невидимой, зажгла игнимарой толстую свечку на столе. Обыденно и просто. Такого Арзис ещё не видал. «Надо же. Встающую увидел. И такую игнимару увидел. Денёк». Он знал, что это должна быть Ашаи *чрезвычайно* сильной игнимары. Мало кто из них может вот так, без всяких прелюдий зажечь огонь Ваала прямо на ладони и поджечь им свечу или чего ещё.

Посерьёзней, немного.

— А самок любишь? — костяную фигурку, накрытую тряпкой, поставила к свечке, прямо под неё.

— Всех, — смотрел на свечу. — А что?

— Красиво горит, да? — показала на свечку, и поставила ближе к нему. И львицу не забыла — вместе со свечой подсунула. И даже сняла с неё покров, и та в профиль продолжила бесстыдничать.

— Да, ничего так.

— Ты посмотри, посмотри... Оно полезно, Арзис, на огонь Ваала поглядеть.

— Что там со слитками? — немного очнулся он.

— Несут, несут. Сегодня получишь в руки, или твои друзья, обещаю.

Обещание Ашаи-Китрах — не пустая вещь, это Арзис знает. Обещание львицы, конечно, это всегда такое себе, но Ашаи-Китрах *положено* следовать обещаниям, положено Кодексом и аамсуной. Успокоился. Поглядел на свечу, ещё.

«Интересно, чего это к ней вся эта компания приехала. Странно, что не вышвырнули. А, ну я ж настаиваю вернуть слитки, а ей давно положено. Ей должно. Она знает, я знаю, и она знает, что я знаю. Вот бы кунуть шею той служанке, экая северяночка», — подумал Арзис. По-

чему-то вспомнилась первая подруга по Игре, львёна недостижимой красоты, нынче львицы ей не чета: — «Интересно, как там дела у Майси. Её бы сейчас сюда. Посмотрела бы на меня. Хехех».

Ваалу-Хирана не мешала думать.

«Вышла замуж, наверное. И хорошо вышла. Такой нельзя не иметь детей. Какие дочки будут».

Он вдруг заметил, что Ашай с ним нет. Снова ушла. Оглянулся, может кругом какая самка попадётся на глаз. Нет, попрятались. Захотелось что-то с ними сотворить, аж невтерпёж. «Зря я в Баше шлюху на ночь не взял, как Яцын».

Ваалу-Хирана вышла из-за двери, где было скрылась Вестающая. Тихо подошла, то ли встревоженная, то ли опечаленная. Махнула тому последнему, что сторожил Арзиса — и он, как ни странно, ушёл, небрежно откинув занавесь.

— Есть одна просьба к тебе, Арзис, — села, трагично сложив руки на столе. — Деликатной природы.

Говорила она внятно, но чрезвычайно тихо.

— Не очень умею что-то деликатное делать, — так же тихо ответил он, наклонившись.

— Такое точно умеешь. Как начать... — глубокий вздох, печальные глаза глядят на свечу. — Да так и скажу. Вестающая, которая ко мне зашла, приехала не просто так. Ты лев честный, я это вижу, можно довериться. Ездит по Империи — ищет способа излечиться. Вот, — в бессилии развела руками, прижатые уши, — приехала и ко мне...

— Что с ней? — без особого сочувствия спросил Арзис.

Ему тут одно закрутилось в голове и пошёл жар по крови, а тут о болезнях и бедах кто-то начал жаловаться. Старая, ну нашла время.

— Забеременеть ей нужно, — резко, уверенно молвила она, как цель, как смысл. — Львицы дурные болезни обретают, если не беременеют молодыми.

— И в чём проблема?

— Не может она, Арзис. Не выходит.

Очевидный ответ:

— Простыла ещё львёной, наверное. Или не справляются, видать, её захажёры, — сразу Арзис сказал всё, что знал о зачатии и здоровье самок.

— Видать. Ей — и мне, и не только мне — думается: они не справляются.

— Тоже мне. Пойдите на ближайший Круг и выберите трёх-четырёх...

Она перебила, схватив его ладонь:

— А ты — справишься.

И в самом деле. Это же очевидно. Это очевидно любому и любой.

— Сам Ваал послал тебя сегодня. Такой день. Такая случайность!
«И действительно. Ваал. Случайность. Такой день», — озарило Арзиса.

— Но как... ну... — Арзис, заволновавшись (волна по телу), старался разумно определить порядок вещей, что за чем, а то ведь так не бывает, чтобы тебе раз — и прямо дали, и вообще.

— Да вот прямо сейчас, — всё разрешила Ваалу-Харана.

«И действительно», — всё складывалось в уме Арзиса. — «Когда, как не сейчас?».

— Хорошо. Но, погодим, итак: я просто зашёл, сделал её, вышел. И всё? — определил он все нужные шаги и подводные камни.

— Точно так. Денег, прости, не предложим, — потёрла она стол ладошью. И строго добавила: — За такое не положено.

— Да мне и не надо.

Ваалу-Хирана замолчала, замолчал и Арзис. Почесал шею, подёргался за гривой.

— Я ей что, понравился? — не сомневаясь, даже уже и не тихо, спросил Арзис.

— Да, — Ваалу-Хирана совершила жест, мол, тише-тише. — Она чувствует: ты то, что надо.

— Правильно чувствует, — зло сказал он. — Правильная Ашаи. Чует, что правильно.

Ваалу-Хирана широко улыбнулась, молча закивав, прижались ей уши. Да-да.

— Значит так, — совсем обычно сказала она. — Сейчас тебя вымоют, приведут в порядок. Она — чистая, и дело — чистое. Ты сиди. Я тебе пока налью.

— Много не надо, а то буду, как те захажёры.

— Много не будет.

Принеслось вино.

— На. Не болеешь ничем?

— Ничего мне известного.

— Ну, пей, я тебе расскажу, что к чему, как будешь чист.

— Да я знаю, что там к чему.

Арзис пил вино, смотрел на свечку, ветер в сердце, пыль в голове.

— Я её не рассмотрел.

Кажется, Ваалу-Хирана аж обиделась.

— Там насмотришься. Двадцатка ей. Чего тебе ещё? Лучшая из лучших дочерей Сунгов.

Заметив его довольную морду, толкнула его в плечо.

— Ожил? Вам только дай.

— А то.

Ты не промахнёшься

— Весело живёте. Часто эта... ваша Вестающая... львов с улицы берёт в кровать?

Не ответила.

— Как её зовут хоть? Я забыл.

Не ответила.

— Ваал, а тебя-то хоть как?

Показала на рот, скрестила пальцы. Немая.

Она прошла мимо, и Арзис не удержался — щипнул её под хвостом, причём сильно. Львица подпрыгнула, а потом он получил мокрым полотенцем по морде.

— Я проверить хотел. Подумал: если рыкнешь или пискнешь, то всё. Раскусил.

Снова полотенцем по морде.

— Интересно, а мурлыкать ты можешь?

Конечно же, не ответит.

— Я так скажу, я даже согласен: хорошо немую жену иметь. Ты, вижу, замужем. Повезло ведь львяке, а.

Махнула на него рукой, глядела иногда быстрым взглядом, выступили слёзы.

— Ну чего ты, в самом деле? Тебе львы хвост не мучили? Да полно, ты — красавица. Я без зла.

Оттолкнула, вырвалась.

— Упрямица. Ты тоже на андарианку похожа, как и твоя Вестающая. Твоя госпожа. Или как вы зовёте, хозяйка. Андарианки, верные жёны. Оно и к лучшему.

Закивала головой, мол, «нет».

— Ашнарййка? Нет. Найсагрййка. Аааа.

Вылез из балинеи.

— А Вестающая тоже андарианка, да? Ну дела. А ещё говорят об их скромном нраве.

Подмигнул ей.

— Врут.

Она яростно показала на рот: «Замолчи уже!».

— Ну всё-всё. Поговорили. Не обижайся, хорошая, — примирялся он, пока ему приятные руки львицы вытирали гриву. Она вздрогнула, прикрыла рот рукой, отвернулась, помахала ему из-за плеча: иди, иди.

«Уж эти самки», — подумал себе Арзис, выходя. — «Пустяк, а столько переживаний».

Когда он вышел, прямо так, в балинейной ткани, то обнаружил: двух телохранителей у той самой двери, за которой андарианка-Вестающая; и Ваалу-Хирану.

— Так, — подбодрился Арзис, похрустев ладонями.

— Всё, пошли, — засуетилась подле него старая Ашаи, взялась ему под руку. — Вон туда иди. Тебя ждут. Ни на кого не обращай внимания, только на неё.

— Там что, много их, желающих?

— Иди-иди, не дурачься.

Поглядел на телохранителей. Стоят возле двери, хоть бы что, не смотрят на него. Подумал: «Худшая работа в жизни: стеречь дверь, за которой трахаются».

— Согласен дать силу в дело? — спросила Ваалу-Хирана.

Он кивнул.

— Вполне, согласен.

— Пообещай: никому ни слова: ни что увидишь, ни что услышишь, ни что случилось, — тихо шепталось ему возле уха.

— Обещаю.

— Отымей её, как никого, чтоб знала.

Кивнул, выдохнув. Да хватит уже болтовни. Всё будет.

— Ты не промахнёшься.

Снова смерть мира.

Арзисуля

Ему было десять. Может одиннадцать. Уже сбился, какой это дом по счёту — они с матерью часто меняли жильё, переезжали, мать беспокойно металась по Империи. И снова она пришла пьяной домой. Нет, она не валилась с лап, никогда, но от неё несло; от самок несёт иначе, чем от самцов, когда выпьют — страшнее. Первое, что она делала — с шумом сбрасывала кнемиды с лап, где попало. Второе: садилась за стол. И третье: крайне весело звала его:

— Арзисуууля!

Он по голосу уже всё подозревал, убеждался по странной, широкой улыбке, так похожей на оскал, маслянистым глазам. Садился напротив, винный запах самки, перебивающий всё.

— Арзиси, как твои дела, сладкий? — подставляла она ладонь для щеки. И обязательно широким жестом сметала стол, на котором всегда валялись крошки.

Отвечать надо было осторожно, но не слишком. Уверенно, но не слишком. Буднично, но не слишком. Это была целая тактическая игра: с уловками, ловушками, картой территории, хитростью — мать могла миг сменить сахар на немилость. Или — того хуже — *страйю*.

— Поймал много рыб, мама, — надо было чем-то похвалиться, в первую очередь.

Где-то внизу болталась её лапа, бился хвост.

Обычно похвальба чем-то, хорошие новости — работали. Но не в тот день.

— Нашшшёл занятие... — мама, красивая Ашаи-Китрах в красном пласисе, смотрела на него, как на разочарование всей жизни. Но перемены наставляли быстро: — Ты скажи: ты уже *играл*?

Новый вопрос, такого ещё не было, ответы ещё не готовы. Обычно она спрашивает: «Ну что, уже есть подружки?». Пока ум метался в поисках верного ответа, она наклонилась вперёд, локоть съехал по столу:

— Ты целовал львёну?

— Нет, мам.

Врать в мелочах он уже научился. В большом было пока невозможно — мать раскусывала, как кроличью косточку.

— Почему? — удивилась она.

— Ещё не вышло, мам, — оправдывал он слабость.

— Угу, — что-то себе надумала мама, и засмотрелась в стену. — Знаешь, что я тебе скажу?

Это не предвещало ничего доброго. Опытный, Арзис было попробовал прижать уши, и быстро считать в уме до десяти.

— Навострись.

Поднял уши. Заметила. Сейчас будет её голос, сейчас будет *страйя*, и...

— Никогда, Арзис, не спи с Ашаи-Китрах, — обычным, но очень печальным голосом сказала мама.

— Не спать?

— А знаешь, с Ашаи — можешь. Но не с Вестающими! — очень зло предупредила, невероятно зло.

Арзис уже всё знал: и что такое «Игра», и что такое «спать», и даже примерно знал, кто такие Вестающие. Это такие Ашаи-Китрах, жрицы Ваала, лучшие дочери Сунгов, только особенные; Ашаи, они вообще все особенные, ну вот как мама, а Вестающие — совсем-совсем особенные, они умеют общаться на расстоянии. *Вестать*. И их — очень-очень мало.

— Не имей с нами... дел... — прошептала она, и скатилась слеза по щеке.

Арзис знал — если мама плачет, надо сразу к ней. Будучи поменьше, он лез ей на лапы и тоже начинал плакать, за компанию; мать обнимала,

и вдвоём плакать было хорошо. Теперь он уже большой. Теперь он защитник и послушный исполнитель, добрый сын. Теперь он пытается утешить. Наверное, в этот раз, помимо всех прочих паскудных хвостов, её обидели Вестающие. Да как они смели! Интересно, да откуда они взялись тут, в их городке...

— Мама, тебя снова на служении обидели?

Маму постоянно кто-то обижал. В её жизни каждый день кто-то её предавал, бросал, смел ругать, отчитывать, подставлять, бить в спину, крутить хвост. И раз её даже изнасиловали, или даже два. Так говорила мама. Вот так было.

Она посмотрела на него.

— Не то промахнёшься! — это в сознании заиграло эхо, как в огромной пещере. Страйя от матери, в который уже раз. «Промахнёшься, промахнёшься, промахнёшься...», — идея разрослась в сознании огромной волной, заняла всё, стала метамыслью и фоном, стала другим «Я» и утихала несколько дней, во время которых он промахивался всюду и буквально: не мог одеть сандалии и кнемиды, ложкой попадал в нос, и ни разу не попал острой палкой по рыбёшкам в речке, и ни разу не попал из настоящего лука в цель, в которую даже самочка, львёна Майси (!) попала со второго раза, наученная его другом — впоследствии соперником и врагом — Тасаем. Это и стало последней каплей, Арзис так не мог, такой позор, и он, набравшись невиданной наглости и храбрости, просто пошёл к бывшему любовнику матери, у которого они жили некоторое время, и которого мать уже ненавидела и обвиняла во всём, и попросил его, полжизни отдавшего Легате, только одно: научить стрелять из лука и бросать копье. Не промахиваться.

— Арзис, ты чего, из лука — это к юнианским охотницам и подхвостникам из Хустру, — смеялся с кружкой пива в руке бывший любовник матери. — Я чтобы арбалет задом наперёд не зарядил — то будет Ваалу день.

Отпил пива.

— Да зачем оно мне. Ты мне не сын. Мать твоя... — покрутил рукой возле гривы. — Беги, в общем.

— Сир Кррес, мать меня не научит.

Он рассмеялся.

— Что тебе вдруг зачесалось-то?

Арзис не ответил, и уже внутренне сдался.

Поставил лев кружку на пенёк; голый по пояс, со скомканной гривой на груди, и Арзис помнит как сегодня, как она упала и пролилась, но тот не обратил внимания. Взял рядом стоящую жердь для мытья окон.

— Копье... Пожалуй... — взвесил он эту жердь в руке. — Покажу сегодня кое-что, и бросать, и не бросать, — побил ею о землю зачем-то, будто пытаясь сломать, и так, и сяк. — Только своей мамке-дуре не го-

вори, — и со страшным рыком, оскалом встал перед ним в стойку, одну из нескольких, что он выучит потом, и Арзис почему-то понял, что сир Кррес — серьёзно, а не в шутку. Кончик жерди очутился возле носа, Арзис даже этого не понял.

Он к нему ходил, несколько лет, почти каждый день, бесплатно и совсем даром; он был с ним и на охоте, в других посёлках и городках, в странных местах и забегаловках, и в бесчисленных тренировочных поединках, и несколько раз они провернули пару грязных дел; мать об этом, конечно же, всё узнала и сначала пыталась разгрызть эти львиные отношения, но ничего не вышло — они длились, они невероятно затянулись, пока Арзис не убежал в шестнадцать лет в Легату.

Убей меня (его, её)

Ваалу-Хирана подтолкнула его, и он — без особой сознательности — вошёл в дверь. За ним её закрыли, быстро, словно запечатали.

Арзис враз понял, сколь странно его положение, и в сколь странном месте очутился. Туман в сознании развеивался, быстро, и стоя в этой полутёмной спальне, с совсем заставленными окнами и свечами повсюду, Арзис чувствовал себя глупо, нехищно и в тревоге. В углу сидела львица возрастом ему в матери, в глухом платье, просто сложив руки на коленях и глядя на него без выражения. Прошёл испуг по спине, и он уник, когда повернул голову налево — там на кровати, полной подушек, самых разных и причудливых, сидела ровно на лапах она, Вестающая, и Арзис узнал её по изгибу рта и подбородку, потому что глаза её были закрыты повязкой, а уши ею же обмотаны. На полу подле неё, подобострастно, сидела львица, как раз Арзису подходящая по годам — и северянка — и ждала чего-то, поставив ладони на края кровати. Ладони же Вестающей соединились лодкой у живота.

И хоть Арзис ничего не говорил, да и не собирался говорить, служанка-северянка повернулась к нему и моляще приложила палец ко рту: молчи, пожалуйста.

«Ты не промахнёшься». «А то промахнёшься». Чужая воля, так старательно вложенная старой Ваалу-Хираной в его душу через *страйю*, оказалась насмерть разбита детским воспоминанием о матери. Два потока намерения, одно — из настоящего, другое — из далёкого прошлого, столкнулись в его сознании и рассыпались на тысячу частей, уничтожили друг друга, оставив его в смятении, тревоге и полнейшей, ясной трезвости.

Арзис потёр уши изо всей силы, как когда-то, сражаясь с материнской силой и её сестринским умением влиять на душу (а он наловчился сквозь года и понимал, что происходит), и бездумно подошёл к столику. Балинейная ткань мешалась, и он сбросил её прямо на пол, даже не заметив, оставшись совсем голый. Взяв с него жгучего сушёного имбиря, стал задумчиво жевать, определяя дальнейшие поступки.

Его влиянием и тёплыми уговорами завлекли сюда. Зачем? Разве будет Вестающая спать с первым встречным и рожать его детей? Даже если так, зачем Хирана окутала сетями да припечатала в конце, чтоб на-верняка? Старая охотница, промахнулась ты с жертвой. Чего им надо? О, опасность, снова ты, старая сволочь...

Вестающая всё ещё сидит, не шелохнувшись, и северянка всё так же подобострастно за нею наблюдает.

Жуя имбирь и обжигаясь, Арзис подумал, что ему решили выпить кровь. Дурно, смешно, посмеялся сам себе, так не бывает. Всё же лучшие дочери Сунгов не...

— Он тут, Хозяйка, — в нужный, правильный момент сказала дочь севера, в струящемся бежевом хитоне для спален и интимных моментов, уже держа ладонь Вестающей в своих. И вряд ли слова назначались ей, скорее — для него, это Арзис понял сам не зная как.

Та, через мгновение, начала снимать повязку, и служанка незамедлительно пришла на помощь. Вторая, старая, всё так сидела в углу, ничего не делая. Арзису вдруг подумалось — вот снимется повязка, а у неё пустота вместо глаз; и тут ему и смерть, подумал он, детский кошмар станет явью. Но нет, кошмар не превратился в явь, её спокойные глаза взглянули на служанку, а потом и на него.

Северянка торопливо поклонилась и незамедлительно ушла, убрал повязку и вату из ушей с собой, всё очень тихо; задела плечом и хвостом Арзиса, видно так спешила; и не глядела на него никак. Тем временем старая служанка под села ближе, переставив стул, прямо напротив кровати. И накинула капюшон с белой вуалью, оградившись от мира и превратившись в смерть из детских сказок.

Арзис подошёл, сел на край её кровати, близко к львице, которая предлагалась ему сегодня — и молча показал куском имбиря на служанку. Вестающая повернула голову, повинувшись указанию Арзиса, её тень на стене с андарианскими ушами.

— Не сомневайся. Её присутствие растает, — её очень гладкий, тихий, спокойнейший голос. «Таким нежным голосом можно зазывать в *Нахейм*», — выдумал себе Арзис.

Арзис ухмыльнулся, посмотрел ей в глаза. Потом сразу ниже — на шею. Инсигния на шее, со стороны сердца — клеймо патрицианского рода. Всю жизнь было интересно хотя бы взглянуть, и он дотронулся, пригладил её по шее, осторожнее, чем обычно обращается с львицами;

невероятно — она подняла шею для него. Снова ухмыльнулся. Пропасть. Она, наверное, может войти к Императору без лишних приглашений. Его, наверное, не пустят даже в Магистрат этого городка. Между прочим, прикосание к Вестающей без её позволения карается смертью. Знают все Сунги.

Отпрянул от неё, сел на лапы на кровати, как хозяин. Умные, спокойные, тёмные глаза, и без намёка на хищность. Бесподобные андарианские уши, такие обычные и такие красивые одновременно. Тонкий нос, хрупкий подбородок, приятного сложения, не худая и не широкая, среднерослая и очень янтарная. Она всё так же сидит на лапах, в длинной белой ночнушке, очень простой. Где-то спрятался её хвост. Правду говорила Ваалу-Хирана — двадцать лет, не больше.

Арзис смотрел Вестающей в глаза; она была в полном ожидании и совершенно не желала, не смела или не задумывала начинать первой, хотя бы движение, любое. Он пока даже не знал, что ещё делать. Он знал, понимал, что должен уйти отсюда. Он ещё не знал, как. Надо что-то придумать... Надо с собой справиться. Её мерное дыхание, грудь, её хрупкость и его сила, это всё так напрашивается, это всё так просто. Бери и делай что хочешь... Схватил когтями простыню.

Любое, любая ложь. Сейчас, даже самая дурацкая. Иначе пропадёшь. Её глаза и есть страйя, дурак. Нельзя. Нельзя.

Она закрыла глаза, подняла голову, приоткрыла рот — приглашение к поцелую. Экая скромница. Ничего не смеет сама, всё ждёт. Арзис начал на себя злиться и хотеть её одновременно. Собственно, почему нельзя? Что за... да зачем себя ограничивать? Что за остановка в постели с самкой? Надо быть безумцем, чтобы сейчас отказываться.

Что угодно, скажи любое.

— Я всё знаю, — молвил он, и с изумлением обнаружил, что сказал именно это.

Она открыла глаза.

— Я знаю. Я всё вспомнил.

— Что ты знаешь?

— Будет всё. Наверное, она меня убьёт, — показал на служанку в углу. — У неё холодное есть. Или ты. Не знаю, что вы тут задумали. Что-то весёлое.

— Кто дал тебе такое знание?

— Никто. Просто знаю. Тебе не нужны дети от меня.

Мгновение они смотрели друг на друга. С неё оочень быстро спадала пелена ждущей доступности, воздух желания развеивался, комната задыхалась холодом.

— Угадал? — ухмыльнулся он.

— Не говори, — встала она на лапы, ловко и быстро. — Ты потратил много времени.

— Ца, извиняй. Не выйдет ничего, у меня не стоит. Я пошёл.

— Подожди, — поставила ему перед носом ладонь. — Позови сестру, — это служанке, похожей на смерть.

Та незамедлительно вышла.

— Почему согласился? — теперь Вестающая стояла ровно, руки в бока. — Ты вошёл сюда.

— Не знаю, — слез Арзис с постели и встал перед ней, её уши — не выше его шеи, взгляд сверху-вниз. — Перед этим как-то... забыл. Как зашёл, то вспомнил.

— Вспомнил?

Да, спокойствие то ещё. Очень скупые жесты, точные движения, сдержанность, прямота взгляда (сложно оторваться). Но оторваться пришлось — в комнату ворвалась Ваалу-Хирана, и первым делом впустила в комнату побольше света, сорвав тяжёлую занавесь. Затем:

— Что это такое? Арзис, ты чего подводишь? Негоден, что ли?

— Он *знает*, — обвинила Вестающая, и отвернулась от него, тоже взяв себе жгучего имбиря.

— Знает? Зачем ты согласился? — набросилась на него Хирана, как обчитанная торговка. — Он согласился, я видела!

— Я вспомнил, — Арзису вдруг взбрело, и он тоже (и снова) полез за имбирём, и удостоился удивлённого взгляда Вестающей (их пальцы мимолётно коснулись), — что мне не надо этого делать. Понял просто. Бывает. Невеста у меня, совесть загрызла, мы с ней поженимся, вот прямо через две недели, — жевал он и морщился от жгучести. — Нехорошо как-то будет.

— Не ври, весь светишься, — стукнула Ваалу-Хирана его по плечу ладонью, как ковёр палкой. — Откуда ты знаешь?

— Знаю что?

— Кто она, кто поведала? — Ваалу-Хирана абсолютно не церемонясь взяла его за подбородок, потом за уши, при этом страшно вся потянулась, попробуй тут львице потянись за ушами немалого льва Арзиса; но своё дело Ашай знала туго, заставила смотреть на неё (захотелось ей врезать, но что-то не...). — У тебя есть знакомые Ашай? Сестра? Мать? Ах, Ваал, — мгновенно подобралась Ваалу-Хирана, старая охотница, опытная мастерица. — У него мать — Ашай-Китрах.

— Была, — только и добавил Арзис.

— Что случилось? Покинула сестринство?

— Умерла, — спокойно объяснил он. — Я пошёл.

Вестающая покачала головой, нет-нет:

— Ты не можешь отсюда уйти просто так.

— Ну, тогда я уйду не просто так.

— Есть только один способ уйти живым: поклясться мне в служении и преданности.

Если бы Арзис смотрел на Ваалу-Хирану в этот момент, то заметил, как она дёрнулась и нахмурилась, глядя на Ваалу-Мауну.

— Чего, предлагаешь работать на тебя?

— Не говори ей на «ты», Арзис, — это Ваалу-Хирана сказала ему. Потом ей, уже в открытую: — Всё, завал делу. Давай позовём твоих...

Ваалу-Мауна махнула рукой. Нет ещё.

— Не, не хочу. Я никогда не буду слугой львице, и вообще кому-либо. Я пошёл.

— Не выходи.

Быстро определившись, атаковала и Ваалу-Хирана:

— Служить Вестающей — угодно Ваалу. Предложение, от которого не отказываются. Ты что, что тебе не так?

— Ну, буду первым.

— Тогда ты умрёшь, — заключила Вестающая.

— Да? — переспросил Арзис.

Обе Ашаи смотрели на него. Он осмысливал, а потом показал пальцем на Вестающую, для Ваалу-Хираны:

— Она такая спокойная, словно говорит об утке на ужин, — сарказм Арзиса исписал ему хищную, весёлую морду. — Не буду.

— Он — дурак, — махнула на него старая Ашаи-Китрах, пошла к выходу. — Он не Сунг. Сунги служат Ваалу. В жизни таких не видала.

Она вышла, и зашли львы. Арзис вмиг оказался в окружении.

— Свяжите его, — приказала Мауна. — Свяжите его друзей.

Телохранители знали своё дело: палицами заломили ему руки; кто-то уже неправдоподобно быстро и ловко вязал ему плечи, ладони.

— Эй. Эй! Они тут причём?! — зарычал Арзис в равнодушный пол. Он не видел, как Ваалу-Хирана закрыла уши и оскалилась, а Вестающая наморщилась и закрыла глаза. Потекли мгновения, во время которых его сосредоточенно и мастерски вязали; он мог оценить, потому что сам умеет вязать львиный род. Связанного по лапам и рукам, усадили на пол. Заломился хвост, чтоб его.

— Придётся их казнить вместе с тобою, — присев возле него, вровень, только теперь объяснила Ваалу-Мауна, Вестающая, спокойный взгляд. Арзис увидел, как подол её ночнушки укрыл ему часть лапы. Она совсем рядом.

— Ты серьёзно? Зачем их?

— Да, Хозяйка, — три телохранителя удалилось, остальные три остались в комнате.

Ошалев от быстроты событий, Арзис всё же попытался рассуждать и взывать:

— Они ничего не сделали тебе, Вестающая! Ты же это, Ашаи-Китрах! Как-бы сестра понимания! — говорил он Ваалу-Мауне с наставлением и очевидностью.

— Да, — очень просто и очень безмятежно согласилась она. Чуть склонив голову набок, она всё так же сидела на лапах рядом с ним. Кто-то из её грив предложил руку, чтобы встать; мягко отмахнула.

— Это полная хвостня: требовать служить тебе вот таким... способом. Я же сбегу! — пытался слепить из этого хоть что-то внятное Арзис, глядя ей в глаза.

— Не говори на «ты», — стукнул его плечу один из стражей.

— Сбегать невозможно, — покачала головой Вестающая, закрыв глаза. — Чтобы служить мне, надо брать Вклятву. От Вклятвы не сбегают.

— Обещания разбиваются, как стекло! Клятвы каждый день ломают, направо и налево. Очевидно! Что, мать твою, происходит?

Она пожала плечами. И жестом приказала его поднять.

— Выслушает превосходная, я передумал. Вестающая Ваалу-Мауна, слушай, есть предложение.

— Вот как.

— Я ничего никому не скажу. О том, что видел. О том, что знаю. Я клянусь кровью матери и отца!

— Хорошо.

— Ну так отпустишь Яцыну с Бехой, отпустит благородная? Убей меня! Или дайте умереть в поединке! Так дела не делаются!

Арзиса, тяжёлого, высокого, крепкого льва перенесли в соседнюю комнату и усадили на стул. На тот самый, где он болтал с Ваалу-Хираной, будь она неладна, и глядел на свечку.

Хозяйка

— Хозяйка, почему сюда?

— Мне понравились эти руины, когда ехали сюда, то заметила. Помню, вроде слева. Красивое место.

— Да, Хозяйка.

Связанный Арзис осматривал крытую повозку, в которой они очутились среди всякого барахла. Яцына с Бехом смотрели на него. Говорить никто не мог — рты им замотали тряпками.

Их вывели наружу, посреди руин старой мельницы, снимали тряпки.

— Ёб твою мать, Лапа! Что ты сделал, что ты там наговорил?! Какого хера нас всех повязали?! — это Бех.

— Заткнись.

— Мы приехали забрать золото, только и всего! Мы ничего не делали сияющей старой Ашаи! Какого хуя нас казнят! — орал Бех, стараясь

привлечь внимание, хотя куда там — Баш далеко. — Лапа, ты придурок, что ты наделал?!

Поскольку Бех оказался экспрессивным львом, ему снова замотали рот. Яцына молчал, плевался и кряхтел. Их вывели, поставили в рядок у стенки мельницы.

— Сегодня, Сунг с именем Арзис, судьба поставила нас перед выбором, — встала перед ними Мауна. — Твой ещё не сделан: ты можешь умереть сейчас по причинам, которые мне невозможно раскрыть обетами Вестающих, но Ваал видит, что они есть, и друзья разделят твою преждевременную и ненужную смерть. Либо, — сделала она многозначительную паузу, — ты можешь вклясться мне в верности и служении, пока кровь твоя не остынет.

— Отпусти их, они ни при чём, — заотрицал всё Арзис. — Казни меня, не знаю за что там, а их — отпусти. И хорошо кончится денёк.

— Ашай, эээ... эээ... не казни его. Он много может наговорить, да, смолоду и сгоряча, он любит дурацкие шутки, — пытался вразумить её Яцына.

— Отпустит наш хаману Ашай, а? — запросился Бех, пытаясь выжать всё из замотанного рта.

— Арзис, ты отвергаешь моё предложение? — не обращала внимания Мауна.

— Чего тебе надо? Ты не будешь доверять мне, я не буду доверять тебе. Нож в спину при первой возможности. Такое хочешь?

— Если ты не согласишься служить мне, то умрут твои друзья. И ты тоже.

— Это всё какая-то полная хвостня.

— Наш башшкие шдали! — сделал выводы Бех.

— Подготовьтесь их казнить, — сказала Мауна и отошла.

Сир Уруз огласил:

— Казнь по велению хозяйки. Что у нас есть для головы?

— Ничего, — ответил Харг.

— Ничего не брали, — подтвердил Тайназ.

— Та мечом, нормально будет, я снесу, — предложил Тай.

— Больших топоров мы не брали. Короткая поездка, налегке, — задумался Нарзиммай.

— Хм...

Помолчали.

— Фальх должен быть, я его купил недавно, — нашёл решение Нарзиммай. — Им не так, как топором... но сойдёт.

— Где он?

— В повозке должен быть. Сейчас...

— Пусть его простит сиятельная, — пытался донести Мауне Яцына, что уже отошла, просил её спину и хвост, скрытый пласисом. — Их пусть простит. Я уже пожил, они ещё нет.

— Почему ты так претишься служить мне? Это угодно Ваалу и Сунгам, это честное служение, — развернулась Мауна, снова всё — только Арзису, словно остальные не существуют.

— Ваалу не угодно, чтобы Ашаи-Китрах казнила трёх львов, даже не объяснив, за что. И угрозой смерти требовала служить ей, — объяснил очевидное Арзис.

— Обеты воспрещают объяснять причины. Мне вольно или казнить тебя, или взять к себе. Иного выбора нет. Мы не выбираем.

— А я выбираю: мне не пресмыкаться под лапой безгривой. И если причина во мне — отпусти их, казни меня. Делу конец. В чём их вина?

— Их смерть будет на твоей совести, — обвинила Мауна.

— Неужели? — ухмыльнулся Арзис, посмотрел вокруг, на всех. — В чём их вина?

Наступило молчание.

— Лапа, не ломайся, соглашайся, — просился Бех.

— Я думал, что Ашаи-Китрах значит «сёстры понимания». А тут выходит «сёстры хер-знает-чего» или «сёстры порубим-всех-на-куски» или «сёстры заберём-чужие-батоньки-и-не-отдадим», — давал определения Арзис, и все внимательно слушали, как он себе наговаривает на смертную казнь, хотя что тут наговаривать — вроде уже приговорён.

Странно, но Ваалу-Мауна улыбнулась, в первый раз за всё время.

— Отпустить этих двоих.

Тем временем принесли фальх.

— Вот, отпустила, — показала Мауна, и таки да, Яцыну с Бехой отпустили, правда, не отдав оружие. — Так что, примешь Вклятву?

— Неа. Надоела! Иди сюда, руби, — сказал Нарзиммаю. — Надеюсь, с первого раза попадёшь.

— Неслыханно, — сказала Ваалу-Мауна, и поглядела вокруг. Кивнула сиру Урузу.

— Зря ты такой упёртый, — кто-то начал говорить ему сбоку, отводя к старой, разрушенной почти до основания стене. — Ваалу-Мауна — превосходная Вестающая. Такая слава Сунгов... Лучшая Вестающая-хозяйка. А ты — баран.

— В поединке решается, кто баран. Хотя толку сражаться со львом, у которого есть хозяйка.

— Толку сражаться со львом, у которого нет мозгов, — дёрнул его глава телоохраны, поставив у стены.

— Давай, руби, затянул тут песни. Наломаем дров, а, лиса!?

Мауна наворчала, оживилась.

— Давай, преклоняйся, — сказал ему Тай, это был он. — Ставь голову на это, на стенку... Хозяйка?

Мауна, резко спрятав зеркальце на поясе, подошла к Арзису, который не преклонился и стоял ровно; из ножен, что все в драгоценных камнях, в руку перекочевал большой такой кинжал-сирна — всевечное оружие сестринства.

— Отойдите. Никто не подходит и не помогает мне, что бы ни случилось. Я сама. Все слышали? Я — сама.

— О, обещали зарубить. А зарежут.

Сирной Мауна начала разрезать верёвки на руках и плечах Арзиса.

— Как ты там говорил? Ты не будешь доверять мне, я не буду доверять тебе... Ножи в спину... Прочие неприятности...

Это давалось трудно: шнуров было много, кинжал не слушался; всё шло медленно. Наконец, получилось, и первым делом Арзис потёр запястья, и покосился на сира Уруза, который — растерянный — занёс фальшион двумя руками для быстрого удара, но больше ни на что не решался. Затем Мауна со всей силой всучила Арзису в ладонь кинжал, и не без труда его же тяжёлую руку приставила к своей шее. Острие оказалось прямо возле инсигнии.

Всеобщее изумление чувствовалось даже хвостом.

— Это ужасная идея. Тебе пиздец, — сказал Арзис.

— Всё так. Не нож в спину потом, а кинжал в шею, сейчас. Заберёшь за собой в Нахейм, Арзис. Ваалу неуютны Вестающие, которым не хотят служить Сунги.

Они смотрели друг другу в глаза.

Арзису пропал мир — трава, ветер в гриву, лучи заката, все остальные — вдруг осталась только она. Мельчайшие детали, асимметрии, несовершенства её мордахи. Он взял в левую, ещё онемевшую от верёвок ладонь, кончик длинной подвески с её уха, потрогал. Потом перешёл на амулет Ваала на её груди, точно как лвьёнок, погладил красный рубин.

— Неуютны, — медленно согласился он.

Отвёл сирну от шеи Мауны, зажал в ладони клинок, сильно и очень больно.левой рукой он держал её уже почти безвольную кисть и чувствовал на ней биение крови львицы-Вестающей.

— Согласен. Я буду на тебя работать.

Она закрыла глаза и глубоко вздохнула.

— Ахас?

— Да, Хозяйка? — торопливо подошёл тот, опасно глядя на Арзиса. Тот тем временем отдал Мауне сирну, всю в потёках его крови.

— Этот Сунг имеет волю произнести Вклятву для Ваалу-Мауны и Вестающих, — сказала сама же Мауна.

Все подошли, живо, в том числе и освобождённые друзья Арзиса, и совершили вокруг них нетесный, нестройный круг.

— Я думал кровоклятвы и «буду работать» достаточно, — отметил Арзис, показав на сирну Мауны, которую она продолжала бездумно держать в ладони. Он потряхивал ладонью, забрызгивая кровью траву.

— Нет, надо произнести Вклятву, если ты идёшь на служение к Вестающей, — буднично ответила, покачала головой, и спрятала кинжал в ножнах. — Это — на всю жизнь.

— Эх, — почесал гриву Арзис.

Ахас продиктовал ему, как в школе:

— Ты должен встать на одно колено перед Хозяйкой. Эм... львам, если они своим главным делом считают битву, можно брать в руки оружие. Например, меч.

— Или ложку, да, толстячок? — засмеялся Арзис. — Ладно, ладно, какой лев не считает битву своим делом, — оглянулся он. И обратился к главному телоохраны: — Я, понял, выберу у твоих копьё.

— Хозяйка?

— Что такое? — спросила Ваалу-Мауна, как всегда — спокойно.

— Дать ему копьё?

— Иди бери, Арзис, — разрешила она Арзису напрямую.

Первым делом Арзис потянулся, потом медленно прошёлся по кругу. Копья были у четырёх.

— Хорошие у вас шмотки, — одобрил он.

Взял одно, посмотрел на размер, отдал. Взял второе, побольше. Побил древком о землю, постучал. Встал в стойку и с рычанием направил его к заходящему солнцу. Потом вернулся обратно, воткнул копьё в землю, встал на колено.

Кашлянув, Ахас указал:

— Говори: «Я буду вам служить, Хозяйки».

— Я буду вам служить, хозяйки, — громко и монотонно повторил Арзис, и тут же выстрелил: — Всё?

— Мы слушаем, Ваал видит, Сунги свидетельствуют, — «всё» Арзиса смешалось с ответом Мауны.

Ахас вздохнул, почесал нос, посмотрел на Ваалу-Мауну, которая застыла с протянутой рукой над его гривой, потом на него.

— Нет. Я уведомя Арзиса, когда всё, — терпеливо сказал Ахас.

— А почему «хозяйки»? — видимо задумался Арзис, глядя Мауне прямо в живот, на её тёмно-тёмно-синий пояс, очень широкий.

Кто-то выдохнул, хмыкнул в охране Вестающей.

— Ты клянёшься не только мне, но и всем Вестающим, — мягко объясняла Мауна, и Арзис вдруг заметил, как у неё слегка дрожит ладонь, и вообще всю её вроде как была мелкая дрожь. — Но мне — в первую очередь. Если меня не станет — будешь служить иной из сестёр.

— Понял, — Арзис потёр кулаком нос. — Что теперь?

— Тебе подскажут, — снова выставила она ладонь к его гриве.

Да. Есть чуть мелкая дрожь в её руке.

— Смотри на превосходную Хозяйку, — продолжил Ахас. — Сейчас ты произнесёшь Вклятву личной верности нашей сияющей Вестающей Ваалу-Мауне и всем сёстрам-Вестающим, согласно Всевечному Соглашению. Повторяй за мной, смотри на неё.

— Я смотрю, — что уже Арзис и делал, глядя на львицу снизу вверх.

— Я, Арзис из рода...

— Я, Арзис из рода Галлен-Мвашских, истинный Сунг прайда Яамри... — творчествовал Арзис.

— ...клянусь быть во всём верным сияющей Ваалу-Мауне, лучшей из лучших дочерей Сунгов...

— ...клянусь быть во всём верным безупречной Ваалу-Мауне, лучшей из лучших дочерей Сунгов...

— ...которая служит, как Ашаи-Китрах, даром Вестающей...

— ...которая служит, как львица Ваала, даром Вестающей...

Ахас чуть дёрнул головой в сторону.

— ...и, затем, всем её сёстрам по дару.

— ...и, затем, всем её сёстрам по дару.

— Я буду хранить тайны.

— Я буду хранить. Тайны.

— Моё копьё будет хранить её жизнь и проводить её волю.

— Моё копьё будет хранить её жизнь, — весьма оживился Арзис, и стукнул им о землю. — И проводить её волю.

— Я вошёл в эту Вклятву, и не выйду, пока моя кровь не остынет, — молвил Ахас, и потёр переносицу ажурным платочком, который так-то обычно львицы носят.

— Я вошёл в эту клятву... Вклятву. И не выйду. Пока кровь моя не остынет, — тем временем Арзис вгонял слова в уши Мауны, глядя в глаза.

Она спокойно принимала вгонения и взгляд, отвечая ровностью, покоем. Дрожать вроде как перестала.

— Твоя Вклятва услышана Ваалом и мною, Арзис, — так ответила. — Я буду беречь твою жизнь, направлять тебя против врага и вести верные намерения. Во славу Сунгов, Волей Ваала.

Сир Уруз переглянулся со своей телоохраной. Ахас замешкался, но продолжил:

— Теперь... теперь режь руку... а, ты уже. Вставай, дотронься к щеке Хозяйки.

Что Арзис и сделал. Неожиданность: Мауна снова вынула сирну, тоже рассекла себе руку и дотронулась к его подбородку.

— Хозяйка... «против врага»... Ему Вклятва для телоохраны? — неуверенно спросил Ахас.

— Да.

— Нет вина, — нашёл причину Ахас, чтобы не брать Вклятву для Арзиса, как для телоохраны. Хоть поздно-то уже.

— Ничего. Вино — символ крови, — Мауна облизала себе ладонь.

Нет эрзаца, значит, будет настоящее.

— Теперь, Арзис, тебе надо поцеловать Хозяйку, — трагично огласил Ахас.

Дальше предполагались его объяснения и предосторожности, как наилучше проверить такую ответственную операцию. Но тщетно, потому что Арзис:

— Опасное дело. Люблю такие.

Оглянулся кругом, даже назад. Задумчиво осмотрел Мауну, от ушей до лап, и та не удержалась, и тоже погляделась вниз — чтой он там посмотрел? Но быстро остепенилась, кажется, даже слишком быстро.

Взял её за руку, неслабо потянул к разрушенной стенке у мельницы; ну, в одиночестве не остались — телоохрана зашепила за украденной Хозяйкой.

— Куда мы идём? — в голосе Мауны смесь любопытства, удивления, встревоженности, требования, патрицианского холода, упрямства воли Вестающей, каприз львицы, и что-то ещё.

— Делаем, что можем, — определил всё Арзис, как есть.

И вот перед ними кусочек стены, поросший травой. Опасный! Узкий, и крошится.

— Надо сюда встать, Хозяйка, — показал Арзис.

— Зачем? — немедленно потребовала Мауна.

Да, болтовня с львицами никогда не приводит к добру. Он взял Мауну за талию, за пояс (вот что хорошо с Ашаи-Китрах, так что это их можно брать за пояса и переставлять как вздумается, бояться не нужно, ничего никому нигде не порвётся) и водрузил, куда надо.

— Ты не можешь так делать! — переставал терпеть эти издевательства сир Уруз; кажется, издевательства переставал терпеть и сир Нарзиммай; Тай, кажется, издевательства терпел, и ухмылялся.

— Почему? Вот, — снова показал Арзис, что может. При этом львицы любят биться или дёргать лапами, если их поднять; но Мауне, будучи Вестающей, видимо, не пристало такое вытворять. — Эй, это моя Вклятва. Вы уже поимели своё веселье.

— Мда, не очень идея от Хозяйки, — тихо заметил Хагал, рядом с Таем.

— Чё? — переспросил Тай, не глядя на него.

— Идея у Хозяйки не очень, говорю.

Тай не ответил.

Итак. Теперь она вровень с ним, даже чуть выше. Перестарались, ца! Закинул её руки себе на плечи, взял мордашку в ладони, и просто поцеловал; чтоб не случилось недопониманий, неуклюжих встреч, — нахло-

нил ей голову чуть набок; ещё пригладил, примял пальцами за ушами — они такое любят. Он давно это обнаружил, ещё на первой своей львёнке, Майси, простые вещи работают, не надо усложнять. Ничего, вкусная (не самая вкусная из всех, что целовал), нравится (сойдёт), хорошо пахнет, вся зажата и вполне стеснительна; много можно о львице узнать, если поцеловать. Потом, при разлуке, его кольцо на правой руке зацепилось за длинные струи ушных подвесок Востающей.

Удивительно, но Мауна не пискнула, и не рыкнула, и не ойкнула. Она просто молча потянулась вслед за болью, и свалилась с постамента разрушенной стенки на Арзиса; он, само собой, поймал её, это было неизбежно. Извинений, выводов и прочих излишеств не последовало, и он просто, взяв ещё раз за руку, провёл её пару-тройку шагов и отпустил в мир.

Она развернулась. Она, наверное, возмущена, ну или непонятно там.

— Теперь ты, Арзис, лично предан нашей Хозяйке, сияющей Ваалу-Мауне, — обречённо заключил Ахас.

— Ну дела, — подытожил всё Арзис. — Во славу Сунгов.

— Слава навсегда, — сказала Мауна, как ни в чём ни бывало, поправляя себе что-то подле уха. — Уезжаем. Арзис, зачем ты с друзьями приходил к Ваалу-Хиране?

— Мы из Стая. Там я работал на делового с прозвищем Бык. Он дал нам задание забрать у неё два золотых слитка, которые ей сдал на хранение этот... как его... забыл. Ваалу-Хирана слитков дома не имела. А потом вот пришл... Ахас, как правильно?

— Говори ему «сир Ахас», Арзис, — поправила Мауна.

— Сир Ахас, как правильно говорить? «Хозяйка»?

— «Хозяйка», да. И можешь использовать любые предобращения, если знаешь достойные.

— А потом пришла огнесмелая хозяйка. И случилось то, что случилось.

Ваалу-Мауна жестом подозвала Яцыну и Беха, их подвели.

— Ахас, выдай четыре подобных слитка этим добрым Сунгам. Сестринство творит реальность выше ожиданий.

— Да, Хозяйка, — чуть поклонился тот. — Пройдите со мной.

Мауна обернулась и заметила, что Арзис очень даже успел отойти.

— Ну что, зверюги, разбавлю вашу пресную банду? — весело говорил он, подходя к владельцу копья. Тот стоял подле командира телохраны с фальшионом, который не пригодился. Все они смотрели на Арзиса, скажем так, со скептической осторожностью. С чем-то таким, да.

— Арзис, — негромко позвала Мауна.

— Что? Эм... хозяйка, — обернулся он, бросив копьё владельцу (тот — не ожидая — еле поймал).

— Попрощайся с друзьями. Они удалятся с тем, за чем пришли, не беспокойся. А потом обратись к сиру Ахасу.

— Да. Хозяйка.

— Сир Ахас внесёт первую ясность в твои ближайшие действия и наш уклад. Соблюдай его наставления.

— Да. Хозяйка, — сказал Арзис, и вернулся к своим поделщикам.

— Быстро освоился, Лапа, — похвалил Бех, радостный, что живой.

— Всё так. Не знаю, что о всей это херне думать, — почесал Арзис загривок.

— Ты, Арзис, осторожней. Хвост поймёшь чё ей надо и чё делается, — предупредил Яцына.

Арзис подумал об этом, глядя на разрушенную мельницу, дорогу и прочие сумеречные вещи вокруг.

— Скажешь Быку, как было. Передай ему уважение.

— Мы ещё нормально так прибарахлились, — нравился денёк Беху.

— Надо тебе один батон отдать, — решил Яцына. — Два — Быку. И один поделим межд...

— Оставьте себе. Похоже, я тут ещё смогу батонов настрогать, — отмахнулся Арзис.

— Ну ты Арзис, ну ты бэ-даёшь. Захомячим по батону, — не унимался Бех, простое счастье.

— Короче, слушайте: один батон поделите, два — Быку, а последний отдайте нашим на дела, — дал последние советы Арзис. — Позакрывать можно многое, особо вон то с Фараем, его хвосткой и его вонючим флисом. Ну, удачи, львины. Ровных дел.

— Давай, Арзис, Ваал в силу.

Азартные игры, проститутки, убийства, бандитизм, дезертирство, повешения и тому подобное

— Сир Таар, прошу.

Вилиус сел, закинул лапу за лапу; по своей манере подложил под локоть ладонь, и начал перебирать чётками; хустрианцы любят эту вещь.

— Ты ввёл Арзиса в наш уклад?

— Да, Хозяйка. Эм... это невозможно сделать сразу, естественно. Не плохо то, что он, в целом, грамотен. И владеет элементарными знаниями об Ашаи-Китрах, как ни странно.

— Где он сейчас?

— Уехал в Стай, забирать вещи и свою родометрику. К вечеру должен вернуться.

— Что ты можешь о нём сказать?

— Бандит, убийца. Даже вешал кого-то. Дезертир из Легаты. Имел дело с азартными играми, проститутками и тому подобным. Яамриец. Ему двадцать четыре года. Хитёр, до определённой степени, в границах своего развития. Даже... весьма разумен и может проявлять некоторую меру учтивости, если захочет. Любит глупые, странные шутки, и невспыльчив, провокации сглаживает. Несколько раз спрашивал меня, какова его роль и что ему делать.

— Что ты ответил?

— Я не знаю, моя Хозяйка, не было указаний, — сдержанно ответил Таар. — Вряд ли его Уруз захочет видеть среди своих грив. Мне сложно на данном этапе оценить, где он может быть полезен. Ам... что же мне Арзису указать?

— Ничего. Если надо, я вызову и укажу сама. Запиши его пока «слушающий особых поручений».

Таар кивнул, и по всему.

Далее вызвался сир Уруз.

— Прекрасного дня, превосходная Хозяйка, разрешите?

— Сильного дня. Садись. Выпей со мною чаю.

— Почтён. Спасибо.

— Сладкое. Как ты любишь.

— Благодарен, Хозяйка.

— Ты беседовал с Арзисом?

— С тем новым львом? Нет. Он в прислуге, а значит, — отпил Уруз чаю, с удовольствием зажмурился, — отвечает Таару.

— Ты не интересовался его способностями, умением?

— Если Хозяйка прикажет, я могу с ним побеседовать, и всё остальное.

— Я хочу, чтобы ты побеседовал с ним, проверил. И проверил, на что он способен как... что он умеет в с оружием, в борьбе, военный опыт и прочее подобное. Всё подобное.

— Да, Хозяйка. Желается присоединить к телохране? Должен предупредить, что это не самая лучшая идея.

— Почему?

— Я открыт для разных голов в телохране, но его прошлое слишком проблематично, насколько мне известно.

— Что ты о нём думаешь?

— Пока ничего определённого. Рано делать выводы, — увлечённо кушал сир Уруз сладкое. А потом кое-какие выводы сделал: — Похоже, он позёр, и самоуверен.

— Хорошо. Я не буду его назначать в телоохрану. Я полностью полагаюсь на тебя: ты решаешь.

— Спасибо, моя Хозяйка.

Хозяйку не...

Уже неделю его, считай, никто не трогал, ничем не занимал, ничем не надоедал, ничто не заставлял. Полнейшая свобода, и Арзису всё нравилось. Ваалу-Мауну он не видел, Хозяйку, о ней вообще можно было легко забыть, о Хозяйке.

Служанки. Оказалось, все они староваты. Кроме одной, Атриссы.

Таар — всегда задумчивый, неторопливый, занятой — поинтересовался, умеет ли он читать. На кивок всунул ему книжку, которая называлась «В служении Вестающей: пять десятков лет во славу Сунгов». Приказал её выучить. Всё было просто — в этой книге какой-то старик, всю жизнь слепо отдавший служению одной Вестающей, поучал молодёжь, как делать то же самое. Арзис её ответственно пролистал, целую минуту, и понял, что не в силах это прочесть. Подошёл творчески: взял гуашь и жирно выписал кистью для краски посуды, которую ему со страхом дали служанки (они вообще его убоялись, с первого же дня в Луне Охотницы), названия глав на огромные бумаги для уличных объявлений, немного подправив по своему вкусу эти самые названия. И обвешал ими комнатку, которую ему выделили в подвале, рядом со складом и погребом. Там не было ничего, кроме наспех притащенной кровати, стойки для свечек и очень квадратной тумбочки. Отлично, в эту пору он мог так-то спать хоть в саду и не испытывать неудобств.

Что, кстати, и хотел сегодня сделать.

Но сначала ждали весёлые упражнения на заднем дворе, которые происходили прямо сейчас, и которые он тут уже ввёл в рутину; потом ждало безделье, потом купание в реке, потом случайные вечерние дела.

— Пойти в город, — бросил дротик Арзис, и сморщился от неудачного броска, — вечером. Зайти в «Пивной Нахейм». Выпить, — взял следующий. — Снять ту самую, дорогую хустрианку. Она берёт очень много... Продам меч. Возьму завтра новый у дуболомов, обещались меня обуть-одеть, и всё никак... Обуют, оденут, нахлобучат.

Дуболомами Арзис про себя называл охрану хозяйки; без особой причины, там были хорошие львы, а так, из озорства. Его ж не брали в круг, не свой он, так чего с ними цацкаться. Ну и, это самое, хвост с ними.

А вот и они, лёгки на помину. Полдень, и с конной прогулки возвращалась Хозяйка, с нею — пять их, тех самых. Обычно Ваалу-Мауна сразу слापивалась возле входа в дом, и охрана немного сумбурно-скандально выкрикивала-искала конюха (он был пропавший совсем, и Арзису казалось, что вот его не помешало бы казнить), но нет — поехала в его сторону; да нет же, прям явно к нему. Арзис утёр морду, нос, осанился, и воткнул новый дротик в землю.

— Сильного дня, — поприветствовала она. Затем для них: — Хорошо проехались, моя телхрана — вы свободны.

Как всегда — такой спокойный голос.

Ваннарен кивнул за всех, тихо приказал:

— Периметр, — и окинул взором всего Арзиса и всё его незатейливое хозяйство с мешками, дротиками, мишенями и прочей дурью. Слапившись, все они молча увели лошадей прочь.

— Хозяйка, Ваал бережёт, — кратко ответил Арзис.

— Как ты? — просто спросила она, легко соскочив наземь со седла для самок; потрогала кобылу по боку, и она сама зарыскала к остальным, уведённым. Видно хорошую наездницу. Хлыст в двух руках, перед собой, осанка; нет, такое только у патрицианок возможно. Удивительно видеть её в этих чёрных ездовых штанах, высоких кнемидах, серые ленты на хвосте, простая белая рубаша. Никакой самочьей громоздкости и витиеватости, всё приталено. Причём пояс, сирна, венец, зеркало, амулет, даже серьги — всё при ней.

— Мне всё нравится.

— Извиняюсь, — вернулся Ваннарен, и обвиняюще показал на Арзиса. — Хозяйка простит, но важный вопрос.

— Говори, — разрешила Мауна, глядя вдаль, всё так же: в двух руках хлыст, перед собой, горизонтально земле. И лапы, лапы — не вместе. А как самец — по ширине плеч. Узкие у неё плечи, самочьи. Но лапы не вместе.

— Арзис, ты дротики брал с твёрдыми концами, надеюсь?

— У меня конец — всегда молодец, — засмеялся Арзис, и повертел его в руках, дротик.

— Моё внимание? — с презрением переспросил Ваннарен, глядя на хозяйку; верно, ей следовало хлыстом вмазать Арзису. Или приказать его наказать за дерзости. И вообще, надо было тогда его казнить. И вообще. Но Ваалу-Мауна, Вестающая и Хозяйка, продолжала безмятежно и вневременно созерцать восток.

— Да с твёрдыми, с твёрдыми, сир Ахас. Боевые не буду брать, не буду.

— Хорошо. Смотри, — Ваннарен кивнул, хотел вроде ещё что-то добавить, но ушёл.

Арзис смотрел ему вслед, продолжая вертеть дротик. Потом осмотрел его, от земли до острия наконечника. Потом плюнул на него, на удачу.

— Ну, во славу Сунгов. Хозяйка, — и бросил в мишень из песка.

Никаких шуток — расстояние в сорок шагов, попасть непросто.

Ваалу-Мауна молчала, продолжая нерушимо стоять. Шевелился только её хвост.

— Попал? — спросила, чуть погодя.

— Вгон! — довольно поднял кулак Арзис.

— Слава навсегда.

Пришла служанка вместе с двумя львами из телоохраны, принесла стол и красивый стул для львиц, полукруглый, поставила под дерево; на всё это, видно, и ждала Ваалу-Мауна, потому что из изваяния превратилась в спокойную живость, села. Похлопоталось, появился чайник, холодная лимонная вода, всякое-вкусное. Ваалу-Мауна показала рукой, мол, спасибо, уходите; с обычным полупоклоном и с остальными любезностями, служанка и её помощники ушли.

Интересно вот что: они, Арзис и Ваалу-Мауна, со времени казни-Вклятвы ещё не говорили, и не виделись толком. Ни разу.

Оказывается, Ваалу-Мауна (Хозяйка), перед тем как сесть, сбросила наземь кожаную, твёрдую поясную сумку, носимую сзади. Теперь она рылась в ней, держа в одной руке чашку, и ей было неудобно, и она даже закусилась уста от усердия. Но, наконец, вытащила свёрнутые бумаги и бросила на стол:

— Мне служанки доложили, — начала, наливая себе красного-красного чаю. — Нашли в твоей комнате. Сразу скажу: не беспокойся, взяли по моему приказу. Сами они твои вещи не сводились бы брать.

Арзис подошёл, взял бумаги. Так это ж они — краткие содержания глав из книги про служение Вестающей, что он писал да ещё иллюстрировал гуашью. Он вот обвешал ими свою комнату (не чужую), а служанки — тут как тут — взяли и пообдирали. И ещё донесли.

— Три? Там их четырнадцать должно быть.

— Они взяли не все, а только три.

Она расставила их по столу, и большие листы заняли внушительное, важное пространство.

Первый. Надпись: «*Х-йку и барахло не трогать*». Нарисовано, забавно, но не так уж плохо: львица в профиль (в платье, но хвостосвободном) в компании витающих вещей — ручного зеркальца, бумаг и раскрытой книги. К хвосту львицы тянется смешная, толстая рука в наруче. Рука перечёркнута.

Второй лист. Надпись: «*Х-йке почтуха, как Ваалу*». Большая, злая морда льва с огромной огненной гривой смотрит на тебя, он оскалится. От него стрелка (волнистая) вниз-влево к львице в профиль (в платье,

не хвостосвободном), у неё в руке штука, похожая на зеркальце. С другой стороны — лев в плаще и воздетым к небу мечом; он абсурдно широкоплеч и крепок. К нему тоже стрелка, ото вышнего льва (прямая). Между нижними львицей и львом тоже обмен стрелками: от неё — волнистая; от него — прямая. Внизу криво дописано, и довольно мелко: «Во славу Сунгов!».

Третий. Надпись: «Х-йка смотрит, а я честно голый». Львица в профиль, сидит на лапах, её пристанище — символическая, штрихованная поверхность, хвост свободен. Её ладони прикрыли мордашку. И стоит лев, руки в стороны, и действительно голый, со всеми необходимыми подробностями.

Ваалу-Мауна выразительно глядела на Арзиса и отпила чаю. Когти вразной стучали по голубому блюдцу.

— Это из книги, что дал Таар, — показал он на своё творчество, прям как на чужое. — Сир Таар. Я всё решил не читать, а просто нарисовать такие вот, краткие... чтобы запомнить, что там как. Это главы из книги. Я их нарисовал. Потом развесил по комнате. Так запомнится. Надо поскорее выезжать, мне впервой работать на Вестающую, — пожал он плечами и пошёл взять себе мешок, чтобы сидеть.

— Ты не работаешь на меня. Ты служишь мне, — сказала ему Ваалу-Мауна, прямо вдогонку, в спину.

— Н-да. Да. Пусть принесут книгу, там всё так и написано, — он уже возвращался с мешком песка.

— Всё так и написано? Втай, уже крайне любопытно, что за книги рекомендует сир Таар.

— Называется, как бы, «Служу Вестающей...», — поставил он мешок подле столика, но не сел, а поставил лапу. — Э... «Правила...», — наморщился он. — На тумбочке лежит, у меня в комнате.

Ваалу-Мауна нацепила ленту звоночка, который стоял на столе, на хлыст, и принялась им так звенеть, вертя ручкой хлыста. Звонок выполнил задачу полностью — громко прозвенел, но потом — раскрутился, соскочил, и улетел в Арзиса. Тот увернулся, прижав уши, звоночек продолжил полёт и жалобно брякнул где-то в траве.

— Извини, я без умысла. Ох, родной Аламут... — встала она с кресла.

«Аламут? Андарианка», — подумал Арзис.

Крайне задумчиво и серьёзно он созерцал, как Ваалу-Мауна и подопевшая служанка ищут звоночек в траве: Реная — на четвереньках, Ваалу-Мауна — упёршись ладонями в колени и заткнув хлыст за пояс. Её высокие кнемиды сзади, её лапы сзади, серые ленты её хвоста.

Солнце Поры Взохода благословляло полдень.

— Есть, моя Хозяйка, нашёлся! — радостно огласила служанка.

— Фух, — выпрямилась Ваалу-Мауна. — Реная, иди в его комнату, — показала вновь обретенным колокольчиком на Арзиса, — и сними там все бумаги со стен, какие найдёшь. И книгу с тумбы возьми. Всё это принеси сюда.

Устрашено покосившись на Арзиса, который от такого взгляда отвернулся, Реная что-то зашептала хозяйке на ухо, прижав уши. Та слушала, кивала, наострив уши. Арзис ещё раз посмотрел на них. Снова отвернулся.

Тем временем Ваалу-Мауна вернулась обратно в кресло, причём отбросив небрежным жестом хвост. Арзис продолжал сидеть на своём мешке, потирая гриву и глядя в сторону.

— Забыла сказать Ренае, чтоб и тебе взяла чашку, — бросила хлыст на стол Мауна.

— Воды? Хозяйка? — показал он на хрустальный кувшин. В воде плавал лёд.

— Нет. После прогулки — только тёплое. От холодного простыну, а мне невольно болеть.

Арзис взял кувшин и начал пить прямо из него ледяную воду. Ему немного протекло, и грива намочилась. Выпив всю, съел кусок льда и сожрал все дольки лимона, вот так, с кожурой; лёд, что остался, втёр себе в загривок. Кувшин вернулся на место. Как ни в чём ни бывало, Арзис продолжил сидеть, вот так вот, голый по пояс, задумчиво потирая и подёргивая гриву на груди.

Встретился с нею взглядом. Нет, всё-таки это львица самого безмятежного взгляда из всех, с коими он смотрелся глаза в глаза, а таких было немало. Так удивительно... Вот словно они заговорщики, только не против кого-то, а так, против всего мира. Они вдвоём что-то знают, чего не знает никто. В самом-то деле: им надо сейчас обсуждать дела; точнее, она, Вестающая и Хозяйка, должна определить его задачи и роль, дать поручение. А вместо этого свет совершает путь с неба и отражается в её сереньких, спокойных глазах. Она спокойно пьёт чай. Она что-то знает, поэтому — молчит.

«Ей нельзя доверять», — сделал неминуемый вывод Арзис.

Он тоже что-то знает. Всё просто, простая игра: помнишь о себе и своей выгоде. Всё-таки лучше быть живым и толочь тысячу империа-лов в луну (так ему сказал счетовод, Арзис забыл его имя), чем мёртвым и без головы.

Вернулась Реная, с книжкой и кипой его самодеятельности. Она осторожно всё передала Хозяйке, поклонилась, и без слов ушла. Мауна протянула его плакаты-листы:

— Держи.

Открыла книжку, поставила себе на колени, нахмурилась, снова взяла чашечку и поболтала ею в руке, мешая чай.

— «В служении Вестающей: пять десятков лет во славу Сунгов», — прочла она, задумчиво.

— Да, — дакнул Арзис. Он видел, как, закинув лапу за лапу, она свободно болтает оной под столом.

— Я с этим не знакома, хотя слыхала лестный отзыв Таара. Значит, твои листы — краткое содержание книжки? — откинулась Ваалу-Мауна в кресле.

— Да. Как карта, — почти бросил он листы на стол, ветер чуть их не унёс, и Арзис не пробовал спасти свою работу, но Мауна быстренько придавила всё кувшином. — Эту книжку можно на одной странице уместить, если убрать лишнее.

— Как и многие. Показывай, — потребовала она, показав на листы хлыстом.

Арзис потёр нос, затем сгрёб все листы со стола.

— Они не по порядку, — цыкнул он. — Там глава первая, вторая... Перемешалось всё.

— Это неважно, — её спокойный голос, непередаваемый (чуть знакомый уж) тон: немного надменности с почти церемониальной монотонностью.

— Мне книжка нужна. Буду главы читать, — протянул он руку, и получил желанное. — Так...

Арзис встал, с книжкой в руке, прямо чтец или оглашатель.

— Глава десятая, — пролистал он. — «Принимай недовольство Хозяйки как нужный урок, не как досадное наказание». Прошу, — продемонстрировал он миру, словно здесь было полно зрителей, затем протянул ей лист.

— Хозяйка. Может. Отшлёпать, — прочла на листе Ваалу-Мауна. Внимательно рассматривала, ибо надпись немножко не соответствовала картинке: там лев, расположив себе львицу на коленях, шлёпал её, причём штучкой, очень похожей на ручное зеркальце Вестающих.

Она медленно поставила чашку.

— Арзис, — посмотрела на него, — есть пугающие неточности.

— Пусть хозяйка не пугается. Немного бардака не помешает, — взмахнул книжкой Арзис и потянулся за следующим листом. — Глава тринадцатая... «Умножай честь и славу Хозяйки, выметай слухи и пересуды о Ней».

— Честь. Слава. Я. Она, — прочла Ваалу-Мауна, получив лист от него. Нарисовано: солнце со Знамени Войны Империи Сунгов. Солнце с лучами-стрелами. Под ним — слова «Вестающая» и «Ашай-Китрах». Всё — высшим алфавитом.

Он дал ей посмотреть; чуть сощурившись и скривившись, глядел по сторонам.

— Ты даже используешь высший алфавит, — нашлась она с комментарием.

— Да, — дакнул он. — Глава третья: «Делай всё возможное, чтобы Хозяйка могла служить Сунгам Даром Вестания», — и отмахнулся книгой от мухи.

Встающая и Хозяйка, такая молодая, резвенько взяла следующий лист.

— Невозможное, — прочла одинокое название. Рисунок: яростно перечёркнутое «Не».

Расположив лист на коленях тесно скрещённых лап, Мауна пригладила ухо, взяла чашку; так и осталась с нею сидеть, держа чашечку в воздухе и задумавшись. Она почему-то засмотрелась на именно этот лист, и Арзис не дал отдыха:

— Глава вторая, — огласил Арзис, и почесался. — «Защищай Хозяйку ценой своей жизни и жизнью других».

Протянул ей лист, и Ваалу-Мауна взяла как-то не сразу, с заминкой. На него не глядела — глядела ещё на прежнее.

Надпись, название: отсутствуют. Изображено: копьё на фоне солнца, пронзающее насквозь волчью голову прямо через оскаленную пасть. Вокруг неё крестики с толстыми концами — сунгские символы смерти. На тофетах такие рисуют, на погребальной ткани.

— Ваал мой, — приложила ладонь к груди, но всё сдержанно: и восклицание, и жест, аккуратный. Блеснуло серебряное кольцо сестринства.

Арзис не обратил внимания, продолжил:

— Глава восьмая: «Не прикасаться к Хозяйке или её вещам без её позволения». Это мы уже видели.

— Это когда? — вдруг очень ожила Мауна и поглядела на него.

— Ну то, где «Хозяйку и барахло не трогать». Я ж говорил — не по порядку всё.

— Пошли дальше, — потребовала, поставив просмотренные листы под кувшин. Взяла себе хлыст, поставила у живота, откинулась.

— Глава одиннадцать. «Находи общее со всеми, кто служит твоей Хозяйке, чтобы вместе служить ей лучше». Какие-то кривые у него слова, правда?

Ваалу-Мауна тянула руку за листом, пришлось дать.

— Выпей с её гривами, — медленно прочла. — И отба... тара... барабань... оттарабань её безгривых. Я теряюсь... в значениях, попрошу помощи.

— Выпить пивка со львинами, поиграть на барабане служанкам, повеселиться.

Ваалу-Мауна помолчала.

— Ты искусен в барабанной игре?

— Да, — Арзис не то что бы соврал, он мог кой-что сыграть.

Она повернула к нему лист. А, да, знакомый рисунок: летают кружки пива. Рука в наруче держит львицу за мордочку, подкравшись сзади. У львицы закрыты глаза; глазки, кстати, симпатичные, получились удачно, с такими залихватскими уголками.

— Здесь кружки с напитками. Но вот здесь — почему насилие молчания для львицы? Глаза её закрыты...

— Ну чтобы не пела, не мешала играть. Хозяйка, идём дальше? — спросил. И сам же решил: — Идём.

— Допущу: стоило просто барабан нарисовать, а не *миеин* львице. Ментальная цепь слишком длинна, ты её потеряешь.

— Надо было, — вдохнул Арзис посильнее, — и барабан, и миненин, — и пошёл дальше: — Глава девятая...

— Арзис, не «миненин», это неверное произношение. А «миеин». Повтори за мной: миеин.

— Миеин, — повторил Арзис, не так плавно и приглушённо как она, конечно.

Он без понятия, что такое миеин. Решил, что узнает потом. Если не забудет. А забудет — к гадалке не ходи. Так что не узнает.

— Прими это, как поправку, не как оценку образованию. Смею уверить — вижу твою неизменную образованность, не глядя на жёсткость манер.

— Ладно. Продолжим?

— Да, прошу. Только помни: миеин — тихая тайна, — вдруг потемнела Ваалу-Мауна, и добавила тем самым, ровным, холодным голосом: — Не говори.

— Ясное дело. Идём дальше?

— Прошу, продолжи.

— Девять: «Будь подле Хозяйки во все времена — ты можешь быть нужным. Будь умелым и мастерским в том, для чего тебя вкляла Хозяйка».

Потянулось неловкое молчание. Арзис протянул ей лист, погодя. На листе надпись: «Х-йка вкляла, потому что». И огромный знак вопроса.

— Хозяйка вкляла, потому что... — прочла Мауна. Пригласила себе краешек рта, поглядела на него, потом на усадьбу, обернувшись. Затем молвила ему, показав на него хлыстом: — Я определю твоё служение в самое ближайшее время.

— Само собой. Хозяйка. Всё определится.

Рука с листом ей опустилась, прямо упала, она поглядела в сторону. Арзис заметил её белые зубы в коротком миге оскала, и как она несколько раз моргнула.

— Дальше, — молвила, не глядя.

— Глава двенадцатая. «Беспощадно раскрывай любые заговоры и замыслы против Хозяйки, особо в стане тех, кто ей служит».

— Там даже такое есть, — как-то необычно иронически протянула Мауна. — Дай глянуть. Мммм... Не оплещись, и Хозяйке не дай.

Иллюстрация: безмянные, безмордые улыбки с оскалом. Много.

— Оплещиться — значит, попасться в ловушку?

— Вроде того, — ответил Арзис. — Глава первая: «Поклоняться Хозяйке, как воплощению силы и величия Ваала и его Огня». Уже было, самый первый листок, где уважение, и так далее. Глава седьмая: «Не вредить Хозяйке помыслом и делом». Эээ... вот.

На нём Ваалу-Мауна прочла:

— Сдуру Хозяйку не порви, — плавно прочла она, будто сказку на ночь.

Нарисованным обнаружилось следующее: погребальный костёр — тофет, огонь и лев дурачки разводит руками в стороны, мол, ну бывает.

— На тофете — хозяйка, — прокомментировал Арзис. — Глава пятая: «Храни самую малую тайну Хозяйки лучше, чем свою самую великую». Вот.

Ваалу-Мауна увидела такое: ШШ. И вокруг этого: каракули, кляксы, полный хаос.

— Это неплохо, — вдруг отметила она.

— И последняя. Шестая, — продолжил Арзис. — «Следуй полностью приказам Хозяйки и её сосестёр».

— Хозяйка сказала, и ты всё понял, — Ваалу-Мауна чуть нахмурилась. На изображении нечто вроде насилия молчания лев совершал уже над собой: закрыл морду ладонями, словно в стыде или горе. — Хм.

Дочь Андари посмотрела на него, львину-ямрийца. Нет, она не закатывала глаз, и не вздыхала. Тем временем он сел обратно на мешок, представление закончено. Она потрогала нос когтем и молвила:

— Я заметила, что у тебя есть ещё один лист.

— Да он пустой, я не успел на нём нарисовать. Да и не надо — глав тринадцать, и листов тринадцать.

Ах, увидел Арзис, как чуть сощурились её глаза, иронически и с превосходством дёрнулся краешек уст. Пффф. Смешной. Попытка обмануть Вестающую. Ну-ну.

— Не говори. Его принесли с остальными. Дай его.

— Да не надо, — почесался он. — Неудачный набросок.

— Арзис. Не говори, — указала на него пальцем. Потом перевернула ладонь: — Дай.

Он молча повертел лист в ладони, сложенный надвое. Встал, протянул ей, отошёл в сторону. Подошёл к копыю, прислонённому к вишне, рядом, толкнул его легко когтем, и оно упало наземь в траву, скрылось.

Тем временем Мауна раскрывала четырнадцатое правило, которое Арзис счёл нужным придумать. Оно гласило: «Хозяйку не трахать». Изображение смачно иллюстрировало то, что запрещалось делать с Хозяйкой.

Молчание затянулось и не предвещало хорошего. В конце-концов, перестав созерцать копьё в траве, он поднял его и вернулся с ним к столу.

Ваалу-Мауна сидела, держа двумя пальцами лист, как грязь. Потом встала, взмахнув хвостом, и остановилась перед ним. Эта разница в росте, на голову выше, ей даже не помогают кнемиды с толстой подошвой. Ваалу-Мауна медленно и торжественно порвала лист, потом ещё раз, потом ещё, пока не дошла до мелких кусочков. И выбросила их в сторону, в траву, и ветер разнёс их.

— Ты меня оскорбил, — Ваалу-Мауна цепко держит хлыст.

— Говорил: не надо его смотреть, — скрестил он руки, древко копья приложил к шее.

— И всё это висело у тебя по стенам, — утвердила она.

— Да, — просто ответил он, и взял с её плеча-шеи медленную, сонную и почему-то очень толстую пчелу; Арзис заметил, как Хозяйка чуть вздрогнула (ушами, хвостом) от резкого движения самца. — Какая здоровая.

— Это не пчела, это шершень, Арзис, — сделала она шагок назад.

— Да? — не очень удивился он. — То-то, думаю, жирная пчела, как старая гельсианка.

— Они жалят куда больней, — Мауна с отвращением глядела на злое и жужжащее в руке Арзиса, питая перед всем, что летает и кусается, большой страх (всё маленькое и острое), который не *прорабатывала*, ибо такие страхи Вестающим прорабатывать незачем. Всё не проработаешь, жизни не хватит.

— Эт да, — сказал Арзис, и без церемоний отошёл от Ваалу-Мауны и бросил шершня в пустой хрустальный кувшин, и прикрыл блюдцем. — Кстати, служанка пришла.

Ваалу-Мауна повернулась к нему хвостом, и как раз вовремя, ибо:

— Хозяйка, — на почтительном расстоянии остановилась Реная, — пришло время клиентов.

— Когда?

— Уже. Всё готово, Хозяйка. Ожидают.

— Я скоро буду.

Служанка поклонилась, а молодая Вестающая повернулась. Вздыхнув, Ваалу-Мауна забрала со стола остальные листы; свернув в трубочку, указала ими на него, и снова села в кресло.

— Садись.

Арзис не спеша вернулся на свой мешок.

— Я вижу, ты уже вполне знаешь, что такое тихая тайна, правда? — продолжила она, как ни в чём ни бывало.

— Да. Шэшэ. Шашан.

— Шаан шаан.

— Он самый, — показал он на неё пальцем и приспособил мешок с песком получше; копьё расположил на плече, оно съехало, поправил.

— Весь наш разговор попадает под этот покров. И все прошлые. И все будущие разговоры.

— Ясно, — пожал он плечами.

— Твои ментальные карты я заберу, — помахала она трубочкой из листов. — Их нельзя вешать на стены.

— Лучше порвать. Я уже всё запомнил.

— Лучше сжечь. Как ты освоился?

— Отлично.

— А что сир Таар? И сир Уруз?

Арзис развёл руками, не совсем находясь с ответом на такой вопрос.

— Я сиру Таару не нужен. Сиру Урузу и его гривам — тоже.

— Ты с ними в трудных отношениях?

— Не. Просто не вписываюсь. У Уруза там есть нормальные клыки. Я с троими даже пивка дёрнул. С двоими в Кругу повалялись, крепкие львяки.

— Я имею в виду с Тааром и Урузом.

— Нет. С чего хозяйка взяла? Новый я, не знают они меня, и скалят зуб. Правильно поступают, я бы то же самое делал, — насмешливо смотрел он на её.

— Ты себе выбрал одежду, обмундирование, оружие? Коня?

— Я не особо умею с конями, сиятельная хозяйка. С доспехами вопрос, считаем, решён.

Разговор иссяк. Он растекался по маленьким ручейкам в тупички.

— У меня есть для тебя задание, — вдруг сказала она, словно сдавшись.

— Слушаю, сиятельная. Хозяйка, — кивнул он, и пристукнул копьём. Вот, наконец-то о деле.

— Мне нужно, чтобы ты нашёл себе замену.

— Надо было сразу это четырнадцатое правило порвать, — засмеялся Арзис, взмахнув хвостом. — Думал, ещё поживу. Пусть львяки теперь не забудут топор, — с преувеличенной серьёзностью отметил важное.

— Замену не в своём служении, — заотрицала она жестом, совершенно не уделяя внимание его штукам. — Внимай: ты ведь помнишь тот день, восемь дней назад? Ваалу-Хирана сказала тебе войти в мою постель.

— Ну, скорее, войти в Хозяйку, чтобы дети появились, — поправил Арзис, шмыгнув носом. Потёр его. — Сказала, мол, детей надо и всё тут.

— Это фигура речи. Так говорят: если лев спит с львицей, то «он вошёл в её постель».

Арзис почесал гриву, повертел копьё.

— Ты должен найти того, кто согласится войти в мою постель.

— Я думаю, это будет очень просто, Хозяйка.

— Как видишь, с тобой не вышло просто. Вышло посложней.

— Дурак, да не дурак, да? — всё улыбался он. А потом вроде как по-серьёзней: — Нет проблем. Я найду.

— Ты должен знать несколько вещей, — смотрела перед собой, на чашечку, Ваалу-Мауна. — Он не должен что-то подозревать, как ты. Он должен быть молод, здоров и силен, ничем не болеть. Он должен быть невысокого происхождения, в идеале — без семьи и родных. Ты понимаешь.

— Его после убьют, или во время? Как всё будет? — любопытствовал Арзис, не надеясь на ответ, даже нечестный.

Но она ответила:

— Нет, он — скорее всего — на протяжении недели умрёт без боли, во сне, от ноющей, бесконечной усталости. Будет как странная, неясная болезнь. Растворение в покое.

Арзис посмотрел в сторону. Там снова служанка, Реная, и ещё один из графописцов. Ждут Хозяйку. Арзис показал на них, мол, гляди, заставляем ждать. Хозяйка обернулась и показала тем пять пальцев.

— Зачем это нужно? Я никогда не слышал, чтобы Ашаи-Китрах чем-то таким занимались.

Она, не глядя на него, взяла себе хорошенькую такую курагу со стола, один кусочек. Чуть погодя, взял и он, весь кулак.

— Обеты запрещают ответ, — ответила, и откусила от небольшого кусочка кусочек поменьше; ровенькую половинку.

— Я так понимаю, — жевал Арзис, запихая в рот побольше и шумно выдыхая, — остальные Вестающие тоже так делают?

Ваалу-Мауна не отвечала, поэтому Арзис ответил за неё:

— Ца! Обеты запрещают ответ, — развёл руками, курага разлетелась ему из ладони, копьё снова чуть не убежало с плеча, и то пришлось воткнуть в землю.

— Не говори. Это не вещь для насмешки, — задумчиво ответила Ваалу-Мауна. — Да, делают. Хотя бы раз в жизни.

— А некоторые и не раз? — залихватски кивнул головой, ну дают, а.

— И не два, — смотрела она ему прямо в глаза.

— Отлично, — довольно подтвердил он. — Я так понял, моя работа будет искать этих... как их назвать... входителей. И сколько их нужно в год там, в луну?

— Мне пока нужен только один, — показала одинокий мизинец. — Надеюсь...

Арзис возрадовался, как хозяин в таверне — богатому забулдыге.

— А. Нет проблем, — снова раскрыл объятия рук, зацепил копыё и то, многострадальное, из воткнутого в землю снова сделалось лежащим.

Ваалу-Мауна следила за его весельем плавно и спокойно. Аккуратно облизалась, да незаметно считай; сглотнула, чуть кивнула.

— Когда ты это успешно выполнишь, то перейдёшь к другим поручениям, — показала на него хлыстом.

— Хорошо. Мне главное всё повеселее давать, что-нибудь такое... Весёлое, рычащее, — весело и зло посмотрел он на неё, даже мелькнул оскал.

— Главное — он не должен ничего знать о том, что его ждёт смерть. И подозревать — тоже.

Арзис поднял обе ладони, мол, сделаем.

— Не имей сомнений. Это во славу Сунгов и в моё служение.

— Я не имею, — сощурился Арзис в сарказме. — Надо так надо. Бывает смерть куда хуже.

— Иногда они даже выживают, но это бывает редко, — попыталась объяснить ему она, но бессмысленно, ибо он утвердил своё:

— Я найду Хозяйке хорошего львину, сильного, как фирран. Будет лучший.

Ваалу-Мауна кивнула и похлопала в ладоши, глядя на него. К ней быстро подошла Реная, графописец, и, наверное, кто-то ещё, и они ушли принимать клиентов, ну или что там ещё Вестающие делают.

Выход и вход

Всё это кончается — и становится понятно, что кончилось — когда тебя посещает знакомое, тяжёлое чувство собственного тела. Ты ещё не шевелишься, ещё в страхе дрогнуть хотя бы кончиком хвоста, но уже знаешь: вот живот, вот твоя рука, другая, лапы, нос, сухое, тёплое дыхание, закрытые глаза, укрытые полной темнотой нескольких слоёв чернейшей повязки. Когда училась у Мьянфар, то это заняло несколько лет, это умение надёжно понять, что ты уже не там, а здесь; ты тратила целые луны жизни и проливала горячие, безысходные слёзы ради этого, и не

только их. Ты уже знаешь, когда тебя выкинуло, ты уже знаешь о себе, ты возвратилась обратно, домой, в мир тёплой крови, и теперь ждёт последнее сражение, окончательный подвиг; и с ним нужно поспешить, пока твоя память ещё не стёрта красками мира; когда ещё когтем ты цепляешься за Охотные Земли Внутренней Империи.

Ты, в сем мире знамая как Мауна, протягиваешь руку в никуда, и удивительно — её подхватывает кто-то, некто удивительно заботливый и нежный, сцепляя пальцы так, словно встречая путешественницу из дороги в тысячу лет. Ты ничего не видишь, ты ничего не слышишь, ты только чувствуешь прикосновение, но ты знала, что прикосновение будет, и теперь знаешь — ты слышима, тебя слышат, тебе внимают. Бесконечная благодарность этому прикосновению, знаку того, что ты можешь освободиться от бремени вестей:

— Первая. От Ныси для Мауны. Кто: Регулат Фискального, Восточная Андария. Кому: циркуляр Регулатам Фискального. Немедленно прекратить прием векселей печати А-Эм-Семь. Подтверждено множество фальшивых бумаг. При обнаружении векселей печати А-Эм-Семь немедленно известить Регулат Закона. Печать: Вода-Стрела-Золото-восемь.

— Шестая...

Выдох. Сжать ласковую ладонь до боли, впиться когтями. Она терпит. Это поможет вспомнить. Должно.

— Седьмая...

— Во славу Сунгов, силой Ваала, наша Хозяйка, — так остро слышит Ваалу-Мауна, как только убрали вату из ушей. Затем повязка с глаз, и вот, доброе утро, новый день. Сегодня с нею: Атрисса — встречает; сам Мелим — графописец; и с ним — её уже любимая Мизури.

— Доброе утро, — сонно щурясь, села Мауна на кровати, и ей тут же Атрисса наложила подушек под спину, коих было по кровати и прямо на полу чудовищно много, всяких и разных — от огромных до крошечных.

— Красивого утра, наша Хозяйка, — ответила Мизури, встретившись с ней взглядами.

— Красивого утра, — повторим Мелим, быстро переписывая свою стенографию начисто.

— Мелим, сделай ещё заметку: Ваалу-Ванарамся замолчала на грядущие три ночи.

— Да, Хозяйка.

— Почему фискалы Андарии посылают что-то через Нысь? — медленно протянула Мауна.

Ни Мизури, ни Мелим не знали, но Мизури сделала предположение:

— Наверное, какой-то андарианский служащий в Юниане оказался.

— Мелим, — зевнула Мауна, тяжело почесав ухо, — объясни по-львиному, что такое вексель.

Мелим думал, что умное ответить; он известен тем, что как-бы может объяснить всё (враки, часто привирает на лету, ну любит свою репутацию). Но снова ответила Мизури:

— Изумительная, вексель — это, как бы, долговая расписка, но не простая. Это бумага, где один обещает заплатить другому определённую сумму в определённый срок. Но отличие от простой расписки в том, что вексель можно передавать — как монеты. Их дают в гильдиях, торговых домах там, банках...

— Хм. О да, безопаснее передавать бумагу, чем возить обозы с золотом. Или возить мешки почты вместо Вестающих, туда-сюда. И почему ещё до такого не додумались, — пробует шутить Мауна, и Медиум очень улыбается шутке Хозяйки. — Пусть Стан посмотрит, есть ли у нас какие-то такие... векселя... А-Эм-Семь. Да, Атрисса, скажи...

Со стороны главных ворот послышался грубейший рык, а потом — взрыв самцового смеха. Потом почему-то пение петуха, хотя рядом не было никаких петухов, ибо шумные создания не живут там, где Вестающие. Это невозможно.

Все переглянулись, и Ваалу-Мауна — тоже.

— Сколько время? — удивлённо спросила Хозяйка.

— Пол-восьмого утра.

До девяти — никакого шума. А обычно Мауна возвращается в восемь. Это ж знает в Семье каждый. Что за... Атрисса подбежала к окну, быстро и тревожно.

— Я люблю тебя жизнь, и хочуууу, чтобы лучше ты сстала! — проорало что-то огромное.

— Это сир Арзис, — докладывала Атрисса, держа занавесь. — И какой-то лев, я его не знаю. К ним подошёл сир Уруз. И кто-то ещё, он хвостом ко мне, не вижу. Ой... — вздохнула служанка.

— Что там? — нахмурилась Ваалу-Мауна, поставив лапы на пол и управляясь с шёлковым поясом шемизы.

— Кажется, они спорят.

— Беги к Таару и передай, что я приказала принять вхожего, которого привёл Арзис, — торопливо молвила Ваалу-Мауна.

— Ах, ага, это вхожий? — всё поняла Атрисса. — Эм, его готовить, его готовить к постели?

— Да, да. Стой! Помни, о вхожем: не напоить, не дать переест. Я сначала гляну на него. Потом укажу, готовить ли. Беги.

Атрисса исчезла, а Мауна чуть растерянно села на кровать; так же растерянно на неё глядел Мелим.

— Ваал мой, так быстро, — прошептала себе под нос Вестающая. — Так внезапно...

...Таар, заснувший поздно и плохо, проснувшийся рано и плохо, быстрым шагом подошёл к Арзису и незнакомцу, окруженные уж четырьмя из телхраны Вестающей на бульжной дороге к главному входу.

— Что здесь происходит? — осведомился.

— Сир Таар, оцени — есть гости, — показал Арзис гостя, о Ваал мой, что это. — Мы тут чуть-чуть пошумели, бардак, бывает, мы уже всё.

— Прошу сира представиться, с каким делом...

Стоя чуть сзади, Арзис яростно показывал следующее: неслышно говорил «хозяйка» и пальцем тыкал в кружок из пальцев левой руки, да ещё подмигивал.

— ...точнее, разрешится мне поправка — как имя сира?

— Моё? Ману.

Тут же подбежала Реная и ласково заговорила к Таару: велели гостя принимать, ему вхожая дорога, он вхожий, прошу-прошу. Улыбка гостю, улыбка Таару, улыбка всем.

— О, во, это она, что ли? — показал на неё пальцем огромный львина.

— Обижает, брат, — по-свойски толкнул его Арзис. — Эта старая. Сейчас всё будет.

— Я бы и её отъёб, — засмеялся Ману.

— Я бы тоже! — тоже засмеялся Арзис. — Ну, Ренаи, показывай, куда идти, чего кушать, и всё остальное. Ну. Ну мы пошутили, добрые Сунги понимают шутки. Ну идём, брат, идём, это всё ерунда. Реная! Идём, Реная, устраивай нам приёмчик, туда-сюда, — и Арзис взял под локоть огромного льва, прямо как львичка, и пошёл с ним к усадьбе, вообще не обращая внимания на настороженную телоохрану и прочую бутафорию.

Таар показал телохранителям, мол, успокойтесь, и степенно пошёл за Арзисом.

— Сир Арзис, на два слова? — позвал Таар.

— Да-да, конечно, — весело ответил тот, и доверительно заговорил к Ману, еле обняв его за плечи: — Иди с этой, потерпи, все такие серьёзные тут все. Не пыли, видишь, морщат попу.

— Понял, брат, — хлопнул Ману его по плечу.

— Я счас, — сказал Арзис, и отошёл в сторону, подманив управляющего жестом.

Таар спросил, держа кулак у рта:

— Плохой расчёт. Зачем ты его сюда привёл? — еле слышно сказал.

— А куда? — спокойно, тихо и зло спросил Арзис, наклонившись.

— Нам надо спросить Хозяйку, составить расписание, впихнуть его в день, — громко шептал Таар. — Определить место. В обитель, это...

— Так упихай, уже. Дело вроде важное.

Таар потёр глаза большим и указательным пальцем. Потом палец указал на Арзиса:

— Что он знает?

— Что должен, эээ, войти в постель какой-то очень красивой и богатой львицы, ведь та обожает львов размеров с корову. Я ему проиграл нашу хозяйку в Круге.

— Как это? — беспомощно удивился Таар, хотя это вообще не в его стиле.

— Это как в карты, только надо повалиться. Сир Таар, не бери в голову, иди скажи хозяйке, что всё в когтях. Помойте его там, дайте того самого вина, ну вы знаете, обычные дела. И осторожней, он — дурак.

— Что значит — «дурак»?

— Дурак, сир Таар, дурак. Ду-рак. Противоположность тебе, — ухидил Арзис вверх по лестнице, глядя на него.

И потом не отходил от Ману. Двое телохранителей при входе указали Ману встать, чтобы его осмотрели; но Арзис потребовал, чтобы его обыскали первого, что те и сделали. Приговаривая, что красивое любит чистоту, Арзис смотрел на Ману и скалил зубы. То же самое он делал, когда осматривали Ману. Они вместе сели за стол (прямо в главной столовой, и туда привёл Арзис, хотя изначально Реная вела в маленький атриум — то ли от испуга, то ли не сообразила), который служанки — к их чести — чрезвычайно быстро и ловко накрыли, и Ману хвалил их, что они «соображают». Арзис вылил вино на пол, когда увидел, что им принесли «дерьмо» (служанки от спешки не подумали, что надо подать не дорогого кафнского вина, а нагреть того самого, с мёдом), и это очень понравилось Ману. Арзис говорил, что сейчас вот они закусят в дорожку, а потом отмоются и пойдут «развлекаться». Рассказывал байки и пошлые шутки.

Потом — внезапно — зашла Ваалу-Мауна, в сопровождении четырёх из телохраны. Арзис очень просто, как подружке, помахал ей ладонью, и показал на неё Ману, но с неким особым жестом, ибо тот не совершал уж никаких похабных выпадов и не делал комментариев, а только кивнул с усмешкой, уплетая куриную ногу целиком. Арзис довольно и с признанием отметил, что Хозяйка была безо всяких отличий сестринства, и даже платье у неё не сестринское, только со серебряным кольцом.

Она, жестом указав своей охране покоиться, подошла к Ману, совсем близко. Арзис видел, как она глядит на него, одна рука вдоль, а вторая — на бедре. Он видел его великое изумление, ему открылся рот и он шумно дышал. Видел напряжённую морду Уруза, который не выдержал и встал сбоку, а не сзади. Но это ничего не испортило.

— Желание льва — жизнь львиц, — сказала ему Ваалу-Мауна, и ушла.

Ману изменился. Он перестал смеяться и отвечать. Выпив до дна и вино, и воду, потребовал идти мыться. Арзис пошёл с ним, буквально изгнав из балинеи полуголых Мэринэ с Карой и прорычав им не заходить, а идти к Хозяйке или там куда угодно. Там Ману стал выражаться только ругательными междометиями и чрезвычайными, страстными, яростными угрозами, самой приличной из которых была... никакая из них не была приличной.

— Я первый! — вылезая из бочки, грозно предупредил он Арзиса.

— Конечно, брат, гостем будешь, — без труда согласился Арзис. — Сушись. Я скажу хвосткам жратвы наготовить.

В одной балинейной ткани он вышел и очень-очень кстати застал служанок Атриссу и Тайру под дверью. Те обе там сидели и явно их ждали.

Атрисса бросилась к Арзису:

— А ты чего моешься? — зашипела.

— Ты что-ли хочешь с ним там сидеть? Заткнись и слушай сюда: беги к хозяйке и скажи, чтобы прогнала меня, когда зайду.

— Что?

— Когда. Я. Зайду, — взял он её за плечо, — с этим львом к хозяйке, она должна меня прогнать. Самым хреновым и унижительным способом. Пусть скажет мне что-нибудь вроде «пошёл вон». Давай, шевели хвостом.

— Зачем мной кидаешь! — вдруг стукнула Атрисса его по груди, северольвица. — Цанна!

Э нет, бесплатно стучать по нему нельзя.

— А ну шшшш, — обнял да схватил он её за мордашку. — Не дерись. Где хозяйка?

— Ммм...

Он отпустил ей мордашку, предварительно помучив, поведив на нос, поиздевавшись, как над львёнами в детстве, а потом подростком. Шанса у неё освободиться не было, разве что страшно царапаясь.

Но сейчас некогда страшно царапаться — надо служить Хозяйке!

— В гостевом крыле, есть там спальни, — вдохнула Атрисса. А потом снова за своё: — Ты меня душил. Я пожалуюсь.

Не обеспокоившись трагичным обвинением и неотвратимыми последствиями, Арзис зло сказал ей:

— Беги туда! — и потрянул её за плечо, неслабо так. Подействовало: убежала не только она, но и Тайра, живая свидетельница мучений.

Проводив их взглядом, Арзис пошёл обратно в балинею, но не дошёл, потому что из неё вышел Ману — всё ещё мокрый, звериный и серьёзный.

— Куда идти?

— Идём, — повёл его Арзис.

И повёл его сложно, не напрямую, покупая время для Атриссы.

Так они и прошли, полуголые, по всей обители, а потом по главной лестнице наверх. Арзис, когда подходили к спальне и увидев телохранителей Мауны у двери, вдруг понял, что не учёл детали: этого Ману могут пропустить, а его — нет. Ещё важным было то, готова ли Мауна или нет.

Он вспомнил свой заход. Тогда она не была готова. Она сидела с завязанными глазами. Или так и должно быть?...

Тут же вышла Атрисса, и с какой-то издевательски лучезарной улыбкой молвила им:

— Сюда, добрые Сунги, — и показала жестом на дверь, достойным театра.

И без всяких трудностей и преград они оба оказались в спальне.

Точнее, Арзис знал, что это не её настоящая спальня — та в совсем другом конце обители. В её настоящую спальню так просто не зайдёшь. Наверное, туда вообще не зайдёшь.

Всё было иначе: света больше; служанка — которую Арзис уж знал, это Хизая, самая опытная — сидела теперь в лапах кровати, прямо на полу, на подушке, бесстрастная, и Арзис просто определил, что в её широких рукавах и соединённых ладонях прячется нечто холодное и стремительное; и, самое главное, Ваалу-Мауна — стояла, плечом прислонившись к столбу балдахина; левая лапа нашла приют прямо на правой, словно от истомы, это даже фривольно. На ней длинное, до когтей лап, ночное одеяние, но видно хвост. Оно почему-то тёмно-серое, а не белое.

Показав на Арзиса пальцем, совершенно прямая рука, Мауна молвила:

— Ты? Ты — нет. Пошёл вон.

Её холодный взгляд и надменный жест были так уничтожающи, что Арзис даже хмыкнул. На него посмотрел Ману, но мгновенно, не задерживаясь, не интересуясь.

Миг — и Арзис вышел, тихо закрыв за собой дверь. Вдохнул, выдохнул, начал задёргивать портьеру при двери, чтобы запечатать и закрыть успешно сделанное дело, но его остановила рука в блестяще-заклёпочной перчатке.

— Не закрывай, — прошептал охранитель при двери, Тай, хустрианец и большой любитель ножей, и вообще непростой тип, как уже понял Арзис. Телохранитель с другой стороны — Арзис ещё не помнил его имени — показал на ухо. Мол, слышать всё надо.

Арзис понимающе кивнул и тихо сказал:

— Ну, понеслась, — и поднял перед дверью прощальный кулак победы.

Тай отвернулся от него, хмыкнув с улыбкой.

Встав посреди коридора, Арзис оглянулся кругом, обёрнутый лишь белой тканью, зато уставив руки в бока. Он глядел на телохрану Хозяйки, а тут, кроме ещё четырёх грив, был ещё и Уруз, но те оказались безучастны к его триумфу хорошо провернутого дела. Только Тай изображал нечто вроде улыбки, но та могла значить вообще что угодно.

— Иди. Не мешай хранить Хозяйку, — выцедил ему Уруз, и кивнул головой в сторону лестницы вниз. Проскрипели пластины доспеха, когда он скрестил руки.

Потерев щеку и поводя плечами, Арзис молча ушёл. Хоть бы «спасибо» сказали. И сел прямо так, как был, в столовой, где они недавно ели. Взял кубок, непонятно чей, и выпил что там было. Оказалось — вино на дне, то самое, с мёдом, и не простым. Оно ему понравилось. На столе была ещё настойка, ещё одна. Налил, выпил и то, и второе. Хорошо.

Мимо прошмыгнула одна служанка, другая — убирала со стола. Подошла и Атрисса, тоже что-то взяла. Посмотрела, оставила что взяла и набросилась на него (загада!):

— Ты чего тут сидишь, да ещё голый?

— Я не голый, — ответил Арзис, осушая капли с доньшка кубка. Ему ещё хотелось этого вина, но уже не было.

— Ох, ты бы при иной Хозяйке был бы десять раз наказан. Или казнён.

— При этой раз хотели казнить. Ещё девять в запасе, — взял он себе куриную ногу; он грыз её (ногу), задумчиво, чувствуя усталость — он практически не спал эту ночь.

Продолжая убираться по столу, Атрисса негромко приговаривала:

— Хозяйка, благороднейшая, смелейшая, добрейшая... Сама к тебе бросилась... Ахлиа! Ты ничего о ней не знаешь, дурачина. Родился в падающую звезду ты. Устыдился Ваала, одумался в последнюю минуту.

— Слушай, иди принеси что-нибудь одеться. Из моей комнаты, любое.

— Вот пойдёшь и возьми себе, — отказала ему Атрисса и взяла со стола, что надо, да унесла прочь.

Вздохнув, Арзис продолжил лениво грызть ногу, блуждая взглядом по столовой. Ничего не думалось, не хотелось. Устал. Пошарил ещё по столу, в тщетных поисках найти ещё такого вина. Есть вот ещё бутылка, выпил вот с неё, много. Закрыв глаза, посидел, облокотившись о стол.

— Ты где такого кабана нашёл? — явилась откуда-то сзади Атрисса.

— Да их полно кругом. Надеюсь, этот хозяйке подойдёт, — медленно сказал он.

Решительная, светлошерстая рука вручила ему нечто большое и мягкое из-за плеча.

— Не говори об этом, шэшэ, — торопливо прошептала она.

— Сама ж начала. Что это?

Не управившись, Арзис упустил это нечто, и оно растеклось бежевой тканью по полу.

— Тога.

— У меня нет тоги. Ты где её взяла?

— У нас всё есть, Арзис. Давай.

— Я не умею тоги одевать. И пасны, — сказал он почти правду.

Она с укором посмотрела на него:

— А что за лев, что не умеет облачиться в тогу? Встань.

Арзису было настолько всё лень, что он просто встал и расставил руки в стороны. Балинейная ткань ему спала, и он остался без всего.

Никак не отреагировав на такое, Атрисса ловко завернула его. Потом, нажав на плечи, усадила обратно; небольшой расчёской, которой обычно чешутся львицы, она начала безжалостно расчёсывать ему гриву. Откровенно говоря, Арзис бы с удовольствием взял и прямо здесь заснул, за столом; но, как всегда, не получалось — то шамхаты тебя среди ночи своим рычанием будят, то в борделе дебош, то северянки чешут.

Пришла немолодая уж дхаарка, убрала скатерть со стола, постелила иную.

— Сир-господин будет пить ещё-ещё?

Арзис знал: в этой семье, с этой Хозяйкой, дхаарам позволялось подавать пить-есть, кроме серьёзных и торжественных случаев. Дхаары тут позволялись и обитали где-то в подвале, где и он.

— Нет.

Кубок перед Арзисом исчез. Атрисса не преминула воспользоваться иерархией и положением, и фыркнула дхаарке, чтоб побыстрее, да чтоб не мешалась.

— Спасибо, сир-господин.

Безмолвно, очень тихо ушла.

— Я на тебя пожалуюсь. Таару. И Хозяйке.

— Почему? — без интереса спросил Арзис.

— Я ж говорила! Ты меня схватил и душил. Ты меня убить хотел.

Арзис цыкнул.

— Расскажи новости, пока меня не было.

— Тебя два дня не было, какие тут новости, — Атрисса стала чесать его помягче. Потом он почувствовал нечто иное, вроде как ему стяжки на гриву приделывают.

— Стяжки что-ли?

— Да. А, ну разве что дхаарку нашу укусил то ли шмель, то ли шершень. Говорит, в кувшине был, когда мыла. Вруниха, хочет меньше тарелки мыть, и далась укуситься.

— В кувшине, говоришь? — оживился Арзис. — И что с ней?

— Ничего, рука ей болела.

— А какую дхаарку?

— Далась она тебе. Да наша, мелочь, её мать тоже Вестающим служит. Тойка её зовут.

— Тойка?

— Угу. Имя так-то длиннее, язык заплетёшь, но мы Тоей зовём, — приятно чесала его Атрисса, коготками прохаживаясь по гриве.

— А что за порода?

— Из Мрамри. У нас все — мрамрийки, неплохая, позволенная порода. Покладистые.

— Где она?

— Откуда я знаю. На кухне или в подвале. Или в курятнике. Где же ещё.

— Я думал, что у нас все дхаарки старые. Вот дела.

— Не-т, — молвила Атрисса и вздохнула, управляясь с его гривой.

Он не мог представить, о ком она говорит. Хоть дхаарки и жили недалеко от него в подвале, но он их практически не видел, они ютились, скрывались и не смели глядеть в глаза; все вроде как немолодые, им четвёртый-пятый десяток.

— Она чья-то дочь, из наших дхаарок? Или пра-дочь?

— Нет, я же сказала: её мать служит одной Вестающей, сейчас она в Дэнэнаи. Что тебе с дхаарок, будто нет больше разговоров.

Встала напротив, с иной стороны стола.

— Уставший ты, иди проспись.

Внезапно послышался приглушённый рык со второго этажа: одержимый и победный.

— Ахлиа! Ваал... — сжала руки на груди Атрисса. — Ох, Хозяйка... Ваал бережёт. Ваал не допускает.

Арзис зевнул и утёр нос:

— Ваал в охоту. Ваал покрыл дело, — встал и, как был, пошёл из столовой. — Пойду спать.

— Не за что, — обвиняюще бросила вдогонку Атрисса.

Спустившись по лестнице на цокольный этаж, потёр нос. Надо бы себе воды набрать в большой кувшин, ведь будет пить, просыпаясь, он так любит.

— Твою мать.

Арзис развернулся и, покачиваясь, пошёл в столовую, но Атрисса уж исчезла. Хотел её позвать, передумал. Пошёл на кухни, но там было до странного тихо и никого: ни служанок, ни дхаарок. Прошёл дальше, к западному чёрному выходу — там есть на улице колодец. Но надо ёмкость. А где её брать?

Где этих самок носит, когда нужны, чтобы дать кувшин?

И где они всё только прячут?

Дхаарка, которая не знала очень многих важных вещей, но знала одну — самую важную

Делать нечего, пнул дверь в склад — там, верно, что-нибудь найдётся. Нашлись: мешки, бутылки, корзины, висящие с потолка свиные ноги и чеснок, а также — львица. Львица нашлась к нему хвостом, только хвоста не видно из-за длинного, в пол, платья, серого и перелатанного; на ней почему-то два передника: один — спереди, а второй — повёрнут назад, и грязный. Большая, толстая накидка на плечах, её длинные концы запахнуты за пояс, такую львицы-Сунги разве что в непогоду носят или холод. По три железных кольца на серых ушах, что выглядывают из рваных прорезей. Это — одна из дхаарок.

Сидя на лапах, она что-то доставала подле самого пола из-под длинной полки.

— Эй, там, — постучал по дереву двери, — дай мне кувшин.

Дхаарка торопливо поднялась, что-то ей там перевернулось.

— Сильного дня, господин-сир Арзис, — полупоклон от неё, и тут же поправила накидку на голове, уши встали получше в прорези, прижались.

Да-да, Арзис теперь понял, о ком Атрисса говорила; и точно, не врага — худощавая, тонкий юный голос. Эта ж та самая, как её... хвост дери, забыл. Ну молодая, короче говоря. Её ужалил шершень, да. Но не рассмотришь толком — скрылась, только мордочка да глаза, но и те смотрят долу.

— Ца, ты меня знаешь по имени? — потёр гриву, опираясь локтем о дверь.

— Должна всех-всех в Семье знать, господин-сир Арзис. Кувшин пустой или полный?

Она хорошо говорила по-сунгски, почти без акцентов.

— Пустой давай.

— Кувшины не здесь, сир-господин идёт за мной.

Осторожно и быстро прошла мимо него, вошла во дверь по коридору, прямо напротив. За ней же в склад посуды — а это он — зашёл и Арзис, осматриваясь.

— Прошу, сир-господин, — Арзису предложили большой, симпатичный красный кувшин. Поскольку он не торопился брать, пошло совершенствование: дхаарка быстро протёрла его снаружи тканью, которую достала из передника.

— Это тебя недавно шершень укусил? — взял Арзис кувшин и поставил на полку подле двери, не глядя.

— Да, сир-господин. Мыла посуду. Укусил, — всё подтвердила дхаарка, уши прижаты, смотрит вниз, ну только серый носик видно.

— Куда?

Молча показала на предплечье, побила по нему, и сложила руки перед собой.

— Я об укусах всё знаю. Всё. А ну, покажи мне, — присел Арзис на стол из грубо сколоченных досок, тот жалобно заскрипел. — И сними накидку, а то не вижу толком.

Чуть поторопев, она сначала начала развязывать завязки на правом рукаве, но потом решила, что снять накидку всё ж первее; свершила дхаарка это виновато, подняв на него взгляд, на самый краткий миг, а потом — сразу опустив.

Зря так виновато. Какая, однако... интересная с себя. Так, погоди.

— Как тебя зовут? — потыкал он когтем в переносицу, глядя в небольшое окно под потолком. — Эм... Э...

— Тоамлиана, обычно — Тоя, — ответила она, и протянула вперёд правую руку. Потрогала предплечье, изнутри. Какая серенькая. Идеальная серость, у Сунг такого не увидишь, ни в Норрамарке, ни в Сунгкомнаасе, даже в Мствааше. — Надлежу к дхаари, порода — Мрамри, — заученно, чётко сказала она.

— Сумеречная, — сказал он ей, намекая на серый окрас, но, кажется, Тоя совершенно не поняла, что это ей. — Тут ужалил? — взял Арзис её руку. И даже повернулся, чтобы разглядеть на лучшем свету.

Он ощутил, как она вздрогнула от прикосновения, вся.

— Да, сир-господин, — неуверенно молвила она.

— Врёшь, — уверенно сказал он.

Её глаза, полные ужаса.

— Нет, я правда-правда, сир-господин Арзис, — быстро и тихо заговорила Тоя, никак не смея забрать руку, которую он продолжал держать. — Я правда. В кувшине был шершень, я мыла, шершень вылез и ужалил. Хаману Кара говорила тоже-тоже, что я меньше хочу мыть посуды и ужалилась, но это не так, не так...

— Он тебя не в руку ужалил, — многозначительно-задумчиво протянул Арзис, потом поглядел на неё, оценивая обстановку.

Обстановка была панической и полной страха, который можно резать кусками в воздухе. Кажется, дхаарке не хватало дыхания, чтобы совладать со всем. Её тёмно-серый нос стал мокрым. Какая, однако, хорошая мордашка.

— Того шершня поставил в хрустальный кувшин — я. Значит, я виноват во всём, и надо загладить вину.

— Да, хрустальный кувшин. Я такое очень-очень осторожно мою, с вкусом. Да. Сир господин нигде не виноват. Нет. Я молю о прощении.

Арзис не очень слушал:

— А он мог только в одно место укусить. Вот сюда, — показал он ей на уголок рта.

— Нет, было тут, господин сир Арзис, — показала она левой рукой на правую, беспомощно. — Тут.

— Не обманешь, я всё вижу. Исцелить укус, загладить вину, — внимательно смотрел ей в серые глаза, — можно только одним путём.

— Я молю о прощении, сир-господин Арзис.

— Я тоже, — сказал он ей и потянул её руку на себя. Она оказалась неподатливой — не от непокорности, а от великого, сковывающего страха. Правая рука от мимолётной ласки её уст перешла к плечу шеи и загривку; левая не давала воли её плечу. Он забрал Тою к себе, спокойно и без лишних движений.

Арзис ощутил необычное — ничего не произошло; прямо вообще ничего. С таким же успехом он мог поцеловать в уста статую хорошей, юной львицы; та, даже если бы очень хотела, не смогла ответить. Единственный жест воли от Тои оказался один — она закрыла глаза; всё-таки нечто таки подсказало ей, что хотя бы это надо сделать, по многим причинам. Или даже не это, а чернейший стыд, или страх.

— Ты целовалась когда-нибудь?

Она открыла глаза и мелко-мелко покачала головой — «нет». Ужас в глазах стал чистым, животным. Подумав чуть, Арзис обнял её за талию обоими руками, ухватил за пояс.

— Так, давай ещё раз, ты всё поймёшь по ходу наших дел.

— Сир-господин... — очень тихо сказала Тоя, оказав нечто вроде сопротивления руками (уперлась ему в плечи ладонями). Нечто вроде, совсем ничего. Скорее — воистину мольба. — Я молю.

— Что? — просто спросил Арзис, глядя на неё и впиваясь когтями в её пояс.

— Сир-господин Арзис, нельзя мне бремениться. Нельзя львят... Кто захочет взять меня замуж нечестной? Нечестная львица не нужна хорошим львам. Сир-господин не заберёт честь... Или...

— Да мы только начали.

— Нельзя. Не заберётся честь. Или...

Он качнулся, и они чуть не упали, оба.

— Ну, ну. Лизаться поучимся, пригодится. Хоть то.

— Нет. Нет. Умоляю.

— Нет?

— Нет. Я беременна стану. Бремениться вот так — просто — нельзя. Великий стыд и грех.

— Ну, от поцелуев не будешь беременной.

— Буду. Львица беременеет, если её хочет лев, вот как сир-господин сейчас... Я знаю...

— Пстой, Тоя, да не будешь, — нахмурился он, чуть потряс её, эй.
— От поцелуев не беременеют.

— Беременеют всегда, если лев владеет и хочет. От всего, от его желания, — убеждённо, веруя, молвила Тоя.

Арзис почесал за ухом, удивляясь.

— Нет же, ну я тебе сказал! Что ты как львёна! Ты забеременеешь только если... слушай, иди сюда, всё тебе объясню. Руку давай.

Тоя, недвижимая, как неживая, не шла и не давалась движению. Разве что тащить её за руку, или там хвост, или просто взять на плечо.

— Да верь ты мне, Тоюня, — потряс Арзис её снова. — Никому нельзя! Мне — можно.

— Тоюня? Ох, — вдруг вздохнула она, действительно ожив. — Ахей...

Арзис пошёл с нею подальше, в самый дальний угол склада, и она почему-то не очень сопротивлялась. Пришлись кстати мешки с чем-то очень мягким, их он побросал на пол, много. Прямо вата.

— Хлопок, — несмело отметила Тоя. — Приказано хранить...

— Вот и садись на него.

Она действительно села, только не так, как он думал, а на лапы, прямо на мешке, старательно распустив себе платье по кругу и спрятав хвост. Ну а он сел подле, замазав всю тогу грязью с мешков и пола.

Так и посидели: Тоя, глядя перед собой; Арзис, развалившись на мешках и опираясь локтем, ритмично стучал бронзовым кольцом по колену, и задумчиво-хищно осматривал помещение.

— Тебе никогда не рассказывали об этом?

— О чём? — спросила Тоя, всё так же глядя перед собой.

Арзис заметил, что она сложила ладони на груди в странном жесте: плотно соединила их вместе, прямые.

— О любви.

Арзис хотел сказать намного пошлее, но в какой-то самый последний миг передумал.

Она сначала никак не отреагировала. Показалось, даже не поняла. Её профиль в пыльном свете подвала. Качнула головой, даже с достоинством: «Нет».

— О львах и львицах, — посмотрел он на неё, Тоя чуть нахмурилась, мерцнуло ушко. — И что может между ними произойти. А тебе надо знать, да всем надо знать, — посмотрел он на неё в который раз, но всё то же: она сидит на лапах на мешках, глядит перед собой, ладони в жесте, прямо как у Ашаи-Китрах, он подобные видел, и от матери — в том числе (та так-то знала толк в жестах, мать вообще была интересная Ашаи-Китрах, но совершенно беспутная львица). Подумал, добавил: — Ты, это, замуж хочешь?

— Да. Да. Хочу, — наконец-то она поглядела на него, превратив прямые ладони на груди в сцепленные вместе.

— За Сунга, небось? — подмигнул ей, довольный, что хоть как-то разговор покатился.

— За доброго Сунга, если даруется, — подтвердила Тоя, чуть склонив голову.

— Когда хочешь выйти?

— Когда возьмёт, — ещё раз кивнула она.

— А тебе сколько лет?

— Ахей даровал восемнадцать.

— Ахей? Это твой отец?

— Это отец для всех Мрамри, — уверенно молвила она, — для всех нас, — более скромно, — для всего живого и неживого, — неуверенно закончила, поглядывая на Арзиса искоса.

Он чуть подумал.

— А. Ты эта, а ну... я понял, дхаарская, как это... верование. Так. Нам вина бы, без него учёба пойдёт туго. Где тут вино?

— Там, там, — показала куда-то в стену Тоя, и ещё вниз. — Тут тоже есть, сладкие хустрианские.

— Иди, возьми два.

Тоя резво поднялась, словно только и ждала просьбы (приказа), и споро вернулась с двумя бутылками — большой и маленькой. Маленькая имела весёлые узоры сургучом, большая выглядела строго.

— Слушай, какая между ними разница? — подкинул он обе бутылки в руках.

— Не знаю, — послушно возвратилась на своё место Тоя, снова сев на лапы. — Это Хозяйкины хаману знают. Я не сведуща в винах, мне нельзя их пить.

— Это почему ещё нельзя?

— Нет-нет. Львицы Мрамри не пьют вина, ничего, что ведёт к... к...

Она, верно, пыталась перевести со своего урождённого, родного языка, на сунгский. Но Арзис не дал ей поупражняться в переводе:

— А ты представь, что уже Сунга. Замуж выйдешь — будешь Сунгой, и можно будет хоть упиться. Даже нужно. Так, где мой ножик?

Арзис вспомнил, что всё своё оставил в балинее, когда мылся с фирраном в обличье льва, уготовленном для Жертвы Хозяйке, и теперь на нём — только тога, да стяжки на гриве.

— Нож есть у тебя? — поглядел на неё исподлобья, снизу вверх, развалившись на боку.

Тоя, глядя в низкий потолок, тщательно искала в своём бездонном переднике (переднем, а есть ещё задний), и нашла на нём нечто похожее на стёртый огрызок ножа с разваливающейся рукоятью.

— Только такой-такой.

— Пойдёт. Так. Ну, давай большое откроем, что ли. Не маленькое же, — улыбался ей.

Она ему не улыбалась, а только еле заметно грызла нижнюю губу.

— Что мне делать, сир-господин? — спросилась.

— Быть со мной, — определил Арзис.

На удивление, её забавным огрызком ножа сургуч убрался очень хорошо и быстро. С пробкой чуть пришлось повозиться. Арзис понюхал горлышко, отхлебнул и крикнул.

— Ага, сладкое. Теперь ты, — протянул ей бутылку.

Пыльная, бутылка интересно отливала зелёным в свете окна.

— Мне нельзя, — Тоя положила ладони на грудь подле шеи, расставив широко пальцы. — Грех.

Всё говорила тихо и в отчаянии.

— Тоенька. Не упрямься, — он подсел к ней ближе, обнял за плечо и показал, как брать бутылку в руки — раз, два (взяв её кисти в свои ладони). — Ты не всё пей, а чуть, и этот грех будет маленький. Давай.

Он слышал слово «грех», но не знал толком, что это.

Она, с его поддержкой, отхлебнула из бутылки. Кажется, подавила кашель. Так всё и было: львица-дхаари Тоя, глядя перед собой на бутылку и сидя на лапах на мешках с хлопком, пила вино с помощью яамрийца Арзиса, который развалился сбоку и выше.

— Ещё, ага.

Она послушалась, и отпила ещё, держа бутылку обоими руками, очень прямо, как на церемонии.

— Да, пока всё, — забрал от неё вино, сделал ещё глоток, и поставил куда-то на полку, не глядя.

Тоя пооблизывалась, поутиралась рукавом. Фыркнула.

— Сладко-сладкое. Как варенье, — осторожно прокомментировала опыт. Прошептала: — *Вергиб мир май шульд...*

— Да, — дакнул Арзис, глядя на её уши, загривок. — Теперь ждём.

— Ждём? — несмело спросила она.

— Да.

Переключал туда, где был ранее, сбоку-слева от неё. Взял её руку, ладонь, побаловался ей, позагигбал ей пальцы, потрогал когти. Потом понюхал её, даже чуть покусал. Тоя не удержалась, и покосилась на него, хоть рука и оставалась совершенно безвольной. А потом — отвернулась.

Он отпил ещё себе вина.

— Как дела? — спросил у неё.

— Мне такой стыд.

— Очень хорошо.

Легко взял её за плечи и под хвост, со знанием дела. Ой, лёгкая. Непривычная, Тоя не додумалась и не посмела ухватиться ему за шею. Но всё это — не кража, это лишь чтобы усадить её себе на лапы.

И снова повторение пройденного, осторожно. Ближе, ближе, к её мокрому носу, к её тёплому дыханию. Но, неожиданно и снова:

— Сир господин... Ну я прошу. Обременюсь, льята... Не буду нужна... Львицам Мрамри нельзя так... Только если замуж, только надо брать... — закрылась рот ладонью, отвернулась.

Задумался, покачал её немного на коленях.

— Тоя, слушай, — нахмурился Арзис, цепко взяв себе ещё вина, но в последний миг оставив, — от поцелуев никто не беременеет. Вот, смотри, — взял он её жалкий нож с полки, — я те кровью клянусь. Вот, — и он смог расцедь себе основание ладони даже такой тупой вещью.

— Фус! — Тоя приложила ладонь ко рту.

— Да. Кровь, она не очень приятна, а мы её вот так... — вылил себе на ладонь и запястье вина. — Присластим. Смешаем. Клянусь тебе, смотри, — смесь из крови и вина растёр ей по левой щеке, подбородку, шее, да по мордахе. — Это не хвостня, Тоя, я тебе предками клянусь. Теперь послушай правду: если будут тебя целовать тут, — подержал её за подбородок, — или тут, — ловко потрогал её через платье там, за хвостом, — или ещё где, то не будет тебе льят. А будут льята, только если, это самое... Сейчас объясню, как будут. И не будет нынче беременностей, клянусь, я уже всё, — вязко, уже пьяно и устало говорил он, а Тоя слушала, внимательно, как откровение. — Замуж, говоришь? Если нынче вдруг отяжелеешь, то можешь сразу ко мне бежать и быть, поняла, моей женой, сколько хочешь. Видишь, ставлю всё на кон, голову пихаю в шнур! За слова — в ответе, поняла? Так... Сейчас ты всё будешь знать, что надо. Готовую, когтистую выдадим тебя за доброго Сунга.

— Да, — сказала Тоя, неожиданно. И она снова что-то искала в переднике, глядя в тот же потолок.

— Вот, да, видишь, — молвил Арзис, и отпил вина, маслянисто наблюдая за нею.

— Согласна, — что-то подтвердила Тоя, вытащив шило, обмотанное в тряпку.

Арзис посмеялся:

— Знал бы, что есть шило, кололся бы им. О, — удивился он. — Дела.

Тоя уколола себе палец, и так-то сильно, яро. Пошла и её кровь. Взяла у него бутылку, посмотрев ему в глаза, как бы испрашивая разрешения, и Арзис, чуть помедлив, отдал.

— Во, это подход. Вошла в дело.

Но она не пила вина, а — как он — полила себе, только на палец. Потом приложила палец к его правой щеке, легко и очень осторожно. И вся вздохнула и сжалась.

Арзис, чрезвычайно уставший и навеселе, со всем согласился:

— Всё правильно, Тоюня, так победим. Повторение — мать этого самого... чего-то там. В кровь победы... — говоря, помахал бутылкой. — На. Чуть, — дал ей.

Подержала Тоя бутылку в руках, а затем, вздохнув и уже без его помощи, отпила, а потом отставила вино прочь.

Пошло хорошо: она ещё не отвечала, не умела, но пошла податливость. Стукнулись зубами, такое с Арзисом было лишь много лет назад. Тоя училась. Арзису было всё лень и бессильно, он ничего бы не смог, даже если бы очень захотел; но очень хорошо, прямо как тогда, как тогда, не как сейчас. Потянул её за уши, и она потянулась, воткнулся ей носом в шею, за ворот платья. Как много запахов: Тоя, его кровь, хустрианское вино, кухня, мыло, конюшня, курятник, почему-то чеснок.

Ну, отлично.

— Смотри, львиц нужно нюхать. Ну, ты поняла... Тебя он будет нюхать. А вы нас вроде не очень, вам вроде не интересно. Или интересно?... — рассказывал ей, держа-глядя её за шею; они оба глядели на стеллаж с тарелками и кувшинами перед ними, и Арзис описывал большие, щедрые жесты в воздухе, а Тоя следила за ними. — Тоя, тебе интересно меня нюхать?

Она проверила — очень осторожно понюхала ему нос, и даже гриву. Поделилась с ним опытом:

— Это как... знакомство.

Простучали когти шагов, кто-то прошёл мимо двери, такой далёкой от них. Тоя и Арзис затихли; он продолжал держать её за шею. И только он описал новый жест в воздухе, чтобы продолжить важный рассказ, как...

— *Тоийа!* — позвал её недовольный голос львицы, с коридора.

— Шшшш, — закрыл он ей рот.

Снова шаги.

— *Тоийа! Во штект ди-ди...* — сказали на дхаарском.

Открыли дверь склада, где они разлеглись на Хозяйкиных мешках с ватой; стеллажи скрыли всю праздничную картину; двери закрылись. — *Сум тоифель...*

Арзис тем временем глядел на неё сверху вниз, давясь смехом, и глядел ей мокрый носик. Она моргала.

Вроде ушли.

— Слушай, что говорили? — отпустил её от плена молчания.

Тоя всё объяснила, наострив к нему уши, словно ища ответа, или поддержки, или наставления, или приказа:

— Меня искали.

— Тебя ищут, — показал он на весь дом, продолжая гладить по зашивке. — А мы тут с тобой, это... так...

Невероятно, как быстро можно чему-то научиться, если попасть в нужное время и нужное место. Тоя поняла, что ответ — возможен; Тоя поняла, что язык — важен; Тоя поняла, что можно поворачивать голову; Тоя приловчилась дышать; Тоя поняла, что биться зубами — обязательно; в конце-концов Тоя поняла, что можно (очень легко, совсем невесомо!) поставить ему ладонь на плечо, очень несмело, но всё же. Но Арзис этого не заметил: последние пару дней измотали, а вино — добило.

Отпрянул, Тоя мгновенно забрала руку ему с плеча.

— Как те вино? — посмотрел на бутылку, всё так же держа её на коленях в сумасбродно-развалистой позе. — Гребёт уже?

Тоя, взявшись за мешок, чтобы не упасть, мелко закачала головой — «нет». А потом, вдохнув, — «да». И вовремя взялась за мешок — ему поехала по полу лапа, и Тоя чуть не упала; но не издала ни звука, даже испуганного вздоха, а ловко уцепилась в него, дёрнулся ей хвост, затем только получше расположилась на нём, поправив себе страшное, очень простое и перешитое платье.

— Всё. Как целоваться — знаешь, — загнул он (её) палец, нахмурившись. — Как пахнуть — знаешь. Лучшая школа этого... Арзиса... магистра Арзиса. Ты, поняла, в школу ходила?

Тоя закивала головой «нет», глядя вниз и раздирая когтем мешок. Поглядела вверх, к окнам. На него.

— Читать умеешь?

— Мало-мало.

— А ну... — показал он ей бронзовое кольцо на левой руке, снял. — Читай, что там.

Она повертела его так, сяк, аккуратно и бережно.

— Не. Не ве-ри, — хмурилась Тоя, уши прижались. — Не ве-рю. Сло. Сло-вам. Не верю словам.

— Прекрасно, — Арзис возвратил кольцо на палец. — Теперь, как я и говорил... О том, как стать мамой. Показываю.

Тоя притихла и сжалась, сглотнула.

— Не бойся, я ж обещал. Сегодня у нас... всё... честно, — он задел хвостом маленькую, закрытую бутылку вина, которая всё это время успешно пряталась на полу, и та покатила. — Останешься самой честной. Дай руку. Вот. У львов есть такая вещь, вот здесь, — поставил он её ладонь туда, куда и положено.

Тоя другой ладонью закрыла себе глаза, да ещё зажмурилась.

— О, Ваал. Ну ты даёшь, — посмеялся он. — Вот, эта штука если попадёт сюда, — закрыл он ей мордочку рукой, — то детей не будет. Поняла?

Как ни странно, Тоя кивнула, полностью закрытая от мира и его рукой, и своей. «Да».

— Теперь, — плюнул он на два пальца, задумался. Даже почесал грибу в раздумье. — Это, знаешь, что такое олеамор?

— Нет, — честно ответила она, открывшись миру вновь.

— И правильно, тоже его не уважаю. Тогда иди масла принеси.

— Ммм... Сир госпо...

— Не говори мне «сир господин», а то я тебя сожру.

— Ммм... А... Арзис?

— Умница... — мечтательно протянул Арзис, с выдохом уставившись в потолок.

— Арзис, коровьего масла? — привстала она.

Вдруг заметила непорядок — бутылку на полу. Поставила на полочку, рядом.

— Не. Оливковое или льняное. Какое-то такое.

— Выходить отсюда надо, — предосторожно заметила Тоя. — Тут масел нет.

— Это правильно ты подумала. Выходить отсюда ещё рано. А, может, и вообще не нужно. Будем тут жить.

Арзис глубоко вздохнул. Он совершенно забыл, что хотел сказать. Или сделать.

— Будем тут жить... Что я говорил?

— Что нужно масло.

— А, да. Не нужно, и так пойдёт, — кивнул он, и вылил себе остатки вина на левые пальцы. Затем разлёгся на спине и сказал ей: — Ложись на меня.

Арзис ожидал робких протестов, уstraшенных оправданий и подобного, но Тоя — очень медленно и осторожно, постоянно глядя то ему в глаза, то на своё положение в пространстве-времени — скромно и стрункой улеглась на нём; её голова со серыми ушами в железных кольцах очутилась где-то очень далеко, на его левом локте. Арзис всё поправил: её голову — себе под шею, всё остальное — хорошо на себе.

— Масел нам не надо. Ты сама теперь расплавься, как масло в сковородке. Доверься.

Тоя ничего не ответила, но пряталась где-то у него там, в гриве.

— Смотри мне в глаза. Только на меня, — вытащил её из этого укрытия Арзис; Тоя, такая серьёзная, моргая, засмотрела ему в глаза, с выражением тяжкой самоchей доли. Она чувствовала, что его рука, после некоторых расправ с платьем, да ещё неожиданной нижней юбкой, начала путешествие вверх.

— Щекотки боишься? — погулял он ей возле колена когтями: спереди, сзади, всё как положено.

Тоя молча заотрицала эту слабость, но так, неуверенно. Несмотря на приказ глядеть в глаза, она иногда быстро косилась вниз, где творилось неминуемое путешествие. Вдруг он заелозила лапами, издав несколько задущенных, недозволенных смешков; Арзис ухмыльнулся — ну само собой, повыше колен меж лапами у львиц можно найти смешки.

— Дело веселее идёт, нет же, Тоюня?

Она не смогла ответить — уткнулась ему в грудь носом, понятия не имея, как деться от щекотных мучений и стыда. Арзису показалось, что она его укусила за ткань тоги (громко сказано — укусила): то ли нечаянно, то ли действительно показалось, то ли что.

— Так, что там у нас дальше... — трагично посерьёзнул Арзис. — Хвост. Всё, идём по нему. Длинный. Какой длинный, Тоя, ну ты что, — шёл он ладонью по хвосту. — Как дорога до Марны. Ты меня слушаешь?

Она закивала головой, утыкаясь мордашкой ему в грудь, с закрытыми глазами. Слушаю.

— Так гляди же на меня, — молвил ей, она подняла для него взгляд, но Арзис уж всё переиначил: — Аааа. Ты не это... ой... не хочешь на меня глядеть. Тогда ближе, буду рассказывать. И прячься сколько хочешь. Поход в ночи.

Вот, после маленького промедления (как всегда), прошу, её левое ухо — прямо ко рту; дхаарские кольца заохлодили ему нос.

— Что у нас здесь?

— Кисть моему хвосту, — вдруг сказала Тоя, очень тихо, где-то там внизу; видно, говорить легче, если не смотреть ему в глаза.

— Концехвост, — подтвердил Арзис. — Это надо отпраздновать, мы приехали в Марну. Давай, поцелуй меня, сама.

Подняв взгляд, после промедления (подольше, чем остальные), Тоя поглядела так, словно её приговорили к... ну, к чему-то приговорили. Ужасному.

Вроде даже потянулась. Ой, остановилась.

— А куда? — спросила шепотом.

— Куда хочешь, — пожал Арзис плечом.

Сделав выдох и обдав тёплым воздухом Арзиса, Тоя потянулась к его правой щеке (хотя волей случая левая ближе и куда доступней) и лизнула. Почти невесомая острота её зубов. Совершив такое сумасбродство, Тоя обессилела и разлеглась.

Ничего не ответив, Арзис быстро вернулся к основе хвоста. Разведав обстановку, понял — лапы сжаты вместе. Надо сделать это неудобным, невозможным, и Арзис согнул свою лапу к колене; она коварно расположилась между её лап. А свободной рукой ухватил её ладонь и вернул,

куда требуется; потом, раздумав, даже откинул тунику и вручил ей в ладонь всё своё. И прижал сверху своей ладонью, а то безволие оказалось полным.

— Если этим, — потряс её несмеющую руку на своём, — попасть сюда, — залез он ей под хвост, несильно и неглубоко, но Тоя вся дёрнулась от испуга и нарушения, — то льят не будет.

Арзис вспомнил, что лил вино не на те пальцы, которыми сейчас лез.

— Вот, — подождал он отзывов от Тои, но их не последовало. — А вот если сюда — то будут. Много.

Он-то знал, ещё на полпути, что его встретит жар. Много влажного жара, но реальность разлилась шире ожиданий.

— Да, Тоюнь, олеамора тебе точно не надо, — меланхолично отметил Арзис. — У нас тут потоп, надо спастись. Утонем в подвале.

Она нервно вздохнула, волна по ней прошла, и так Арзис понял, что она всё-то поняла; и всё незнающая вроде как, а всё поняла.

— Но попасть мало, — взял он второе вино, рассмотрел. Там он Тою не отпускал, нет, но ничего и не делал. — Нужно ещё закончить. Когда лев кончит тебе сюда — тогда ты забеременеешь.

— А что он кончит? — вдруг спросила она, и даже не очень так-то и шёпотом.

Казалось бы, Тоя. Нет. Знакомое придыхание в голосе, тщательно, но так безуспешно подавляемое. Как же они все похожи, когда ты очутишься не где-нибудь, а там.

— Он сделает... — разбил он горлышко бутылке о полку, и это резчайшее движение её почему-то не испугало. — Лев сделает вот так в тебя, — полил он вино на пол. — Он в тебя прольётся, только тут красное, тут вино, поняла. А то будет как молоко, — перестал лить на пол, полил на неё, сверху прямо меж ушей.

Тоя вынесла это мучение чрезвычайно цепко и стойко. Ей прижались уши, закрылись глаза, она стала вся грязной и тёмно-красной, струи текли ей по шее и за ворот, по платью, по загривку и спине; самые удачливые стекали по носу, рту, и заканчивали свой путь, падая с её подбородка ему на гриву.

Потом открыла глаза, даже не отряхнувшись и не утершись, и поглядела на него, кровавая.

— Не покажу, Тоя, как по-настоящему львы кончают и проливаются, — закрыл он глаза, откинув голову на мешке. — Потому что очень устал и какой-то весёлый, совсем... Кроме того, вчера были шлюхи, пришлось мне по делу, понимаешь.

Всё это время он держал её, но тут палец прошёл глубже; Арзис не видел, как она полуприкрыла глаза, ей показались клыки; не видел, но ощутил знакомое движение бёдрами.

— Да и мы договаривались, я честный, не поругана ты у меня, — освободил он её тайну от плена. — Дурацки честный. Да других в деле не держат.

— Дурацки честный, — задумчиво-вопросительным эхом повторила она, и совершила нечто слабой улыбки.

Рука успешно вернулась в мир из-под её подола, и Арзис приложил её к морде и носу; лапы ей сошлись снова вместе, Тоя наблюдала за ним, совершенно темно-красная. Только теперь то ли опомнилась, то ли решилась, и утёрлась рукавом.

— Не, Тоя, ты ничего такого не подумай, всё будет... как надо, — сказал Арзис, и сам подумал. — И вообще. Если тебя кто-то обидит — сразу мне говори, поняла? Я его убью.

Кажется, она попыталась встать, но Арзис не пустил. Сначала. А потом передумал, и Тоя споро уселась на лапы. Приятно: её тяжесть чувствуется ему на левой лапе, и ещё где-то там, в этом хаосе, струится её хвост.

— Потом пойдёшь со мной в Баш, покажу, что где как... А то, сидя на кухне, замуж не выйдешь, львов там нет. Обязательно пойдёшь, ты ещё со мной прогуляешься. Я раньше что, раньше я... был какой... без хозяйки, у нас были весёлые львяки, мы, это, работали, то да сё, — открыл он глаза.

— Что работали? — утиралась она передником, и превратилась во что-то ужасное и чрезвычайно привлекательное одновременно.

— Спокойная, деловая обстава. Шлюходома крыли. И там... Ты знаешь, что такое шлюха? — глядел он в потолок.

— Плохое слово, — смотрела Тоя на сочные следы вина на переднике. — Так ругают нечестных львиц.

— Ругают во все места, нечестных. Это ты хорошо сказанула.

Она, совсем пересев на пол, сняла с себя оба передника и сложила их. Вид у неё стал занятой, даже будничной, если не считать всё то грязное искусство, которым она была покрыта.

Поглядела на него.

— Арзис... Что теперь? — спросила. И вдруг добавила: — Делать.

— Идём отсюда.

И встал первый; вместе с его движением встала и Тоя. Зацепил хвостом тарелки с полки, на полу разбились две или три.

— Блять.

Тоя посмотрела в сторону двери, Арзис осмотрел всё побоище, которое они устроили. Кажется, несколько мешков с ватой испортили вином. Осколки.

— Ну, — взял он её за руку.

— Я уберу, пожалуйста.

— Смахни, идём, — не отпустил её Арзис.

Арзис просто взял и вышел из склада; Тоя же закрыла за ними дверь. На кухне уже шумели, и, кажется, вечерело; сложно было определиться с пространством и временем. Арзиса шатало. Тоя вдруг прислонилась к стенке, задув ближайшую свечу в подсвечнике, словно так её не могли заметить, будто спряталась; со страхом осматривала его от гривы до когтей лап, в испорченном подобии тоги; он с интересом рассматривал её — грязную, тревожную, с плотно закрытым ртом, с нетронутыми винными потёками по шее, с растопыренными пальцами, что когтями впились в стенку. Вторая рука сжимала снятые передники.

— Ахей... — вдруг тихо, но так отчаянно воскликнула Тоя. — Арзис. Я ушла.

И заторопилась прочь, сложив руки на груди, к цокольным комнатам львиц-дхаари.

— Пока, — вдруг быстро бросила ему влоборота, почти скрывшись за углом.

— Давай, — вяло поднял Арзис руку, и потёр шею.

Затем отправился к себе, с мыслью только завалиться в своё лежбище; да вот же оно, рядом, слава Ваалу и всем предкам. Как-нибудь разделся и лёг голый, укрывшись чем-то там.

Львица-катастрофа

— Фус, боже... не «пока». Почему «пока»? — ошалело спросила себя Тоя, забежав по коридору угла дхаарок (как его тут называют, ну обычно такой — у дхааров всегда угол; никогда не дом, никогда не комната, или жилище, или обитель, или что) к себе в комнатку.

Да, у неё даже есть своя комната. Надо ценить прислужение у Вестающей.

Закрыла всем телом дверь. Погляделась в большое зеркало, которое ей недавно подарили тётушки Селестина (все Сунги обычно звали её «Селе» или «Сели») да Бастиана (Басти) — две Семейные львицы-дхаари; дорогушая вещь. В подаренном зеркале обнаружилась львица-катастрофа.

Надумавшись, побежала в коридор, чтобы хоть как-то отмыться из кадки, но не тут-то было. Она успела лишь раз сплеснуть мордашку водой; услышав шаги, Тоя юркнула обратно к себе в комнатку. Нет, это точно тётя Селе.

— Тоя! По всему хозяйству ловлю!

Она сейчас зайдёт. Возрастосильная дхаарка услышала её суетню. Как некстати! Как всё ужасно некстати!

Селе действительно открыла дверь, и обнаружила смиренную юную львицу (дочь ветреного, холодного, сырого, приморного Мрамри) на коленях подле символа Ахея.

— *Тоя! Не время молитве. Идём, работа есть.*

Торопливые кивки головой, мол, сейчас-сейчас. Но Селе не понравилась, что Тоя как-то отворачивается к окну, поправляя накидку на голове. И вообще, что за странности?

Дальше всё было быстро и страшно. Несколько шагов от тётки Селе:

— *Что ты грязная такая вся?*

Потом ещё два шага:

— *Что у тебя вином так воняет?*

Потом:

— *Где это ты пропала?*

После ещё нескольких вопросов, которые перешли от требовательных до испуганных, тётка Селе сама сняла ей накидку и увидела буровзъерошенную львицу-катастрофу.

На причитания сразу явилась тётка Басти.

— *Ты пила вино? Как возможно?* — обескуражились они.

— *Тебя побили?* — Басти осторожно трогала ей уши, загривок, шею, скулы.

— *Я не пила,* — жалко солгала Тоя, уже стоя перед ними.

— *Ты вся им воняешь. Ты вся грязна,* — обвинила тётка Селе, и так двусмысленно: чем «им»? кем «им»?

— *Я... Я...* — уселась она на кровать, сцепив руки перед собой.

Повидавшие жизнь, львицы-дхаари начали подозревать, откуда дует ветер.

— *А если тот, новый...* — посмотрела Басти на Селе.

— *Да, вернулся сегодня...* — посмотрела Селе на Басти. — *Тоиа. Тамлианна. Он взял силой?*

Они сели подле неё, по обе стороны.

— *Нет,* — заотрицала Тоя головой, сильно.

— *Ты сама сдалась льву?* — нажала тётка Селе. — *Или он тебя бил и поил, а потом взял?*

Это был такой сложный вопрос, что Тоя аж зажмурилась:

— *Я не сдалась. Я не сама. Мы... Я... Не бил,* — прижались её уши, когти царапали ладони. — *Мы немножко пили вино.*

— *Если не сдалась, так взял силой, Тоя,* — разумно заключила тётка Басти, погладив её по лапе.

— *Как его имя-то...* — нахмурилась Селе.

— *И я забыла,* — махнула рукой Басти.

— *Он меня не бил,* — сказала правду Тоя.

Но старшие дхаари не особо слушали. Толку-то.

— *Тоя, это он, новый?* — утверждающе спросила Селе.

— Да, — помедлила юная львица. — Но он меня не обесчестил, — подумала. — Нет. Всё хорошо. Я грешна, я очень согрешила, — утёрла она тылом ладони влажные глаза. — Но Всевидящий видел, почему. Он взял вино, и кровь, и...

Тоя говорила, держась за левую щеку.

— Фус-фус-фус... Ляг на спину, — нажала на её грудь тётя Селе.

— Я выпила вина, но я честна, — начала ложиться Тоя. — Ахей, помилуй меня.

— Нет, погодь, — возразила Басти, — пусть снимет платье.

Делать нечего, Тоя долго и мучительно снимала его через голову; их взору предстало прежде светло-серое исподнее (юбка, рубаха) — всё в винных потёках, пятнах и Ахей ещё знает в чём. Со знанием дела тётя Селе залезла Тое вниз, прошлась где надо и всюду, и со вздохом поглядела на тётю Басти.

— Что? — спрашивает тётя Басти.

— Да что. Да всё.

— Тетя Селе, я честна. Была с ним, но не насиловал.

— Ох, Ахей, смилуйся, — тётя Басти тоже залезла и тоже уверилась, что как бы и да.

— Тоя, я тоже отнекивалась, когда мне впервой грех совершили. Все так делают, — вздохнула тётя Селе.

— Он мне не... он меня не брал, — растерянно сказала Тоя.

— Не обманывай, не обманывай, — строго сказала тётя Басти. — Ты там вся грязна и горяча, так только со львом бывает. А особо если насилуют.

— Правда, правда, — подтвердила тётя Селе. — А крови нет?

— А ну.

Поглядели. Нет. Хотя непонятно, всё красное от вина.

— Я не обманываю. Я честна. Так случилось, — смотрела Тоя в потолок, лёжа на спине. — Я грешна, я... Он просто... Я только...

— Если крови нет, значит... — почесала за ухом Басти, не договорила.

— Дерёшься — будет кровь. Смиришься — не будет, — поделилась опытом тётя Селе.

— Это все знают.

— Это да-да.

Тоя замолчала. Она теребила себе ворот. Глаза блестят от влаги, но всё спокойно. Даже мирно.

— Ну-ну. Всяко бывает. Со всеми бывает. И со мной было, и с тётёй Басти было. Сними всё, приведись в чистоту. А потом помолись, а затем полежи, полежи, — заключила тётя Селе.

Посмотрев на Тою и заключив, что её можно предоставить самой себе — не плачет, не проклинает, а тихонько переживает свои дела — тётя Селе и тётя Басти вышли в коридор, закрыв дверь.

— *Что делать будем?* — начала Селе.

— *Да что тут поделаешь.*

— *Не насиловал, говорит,* — тщательно определяла вещи Селе — Дала, значит.

— *Не может быть, честная она. Оправдывает его, увязалась. Такое бывает по юности, особо если впервой.*

— *Может быть.*

Подумали.

— *Да поди разбери, дала или взял. Крови ж нет. И хвост не грызёт,* — приходила к выводу Басти.

— *Давала,* — вынесла вердикт Селе.

Хмыкнув, махнула рукой и Басти:

— *Давала.*

— *Вином напоил, ну и...*

— *Чего ж не убежала, не рычала, не царапалась?*

— *Ну ты его видела?* — многозначительно спросила Селе.

— *Это да,* — ещё многозначительнее ответила Басти.

— *А чего же вся-вся в вине? Чего он с ней делал? Всякое видала, такого не видала.*

Обе пожали плечами.

Тоя вышла из комнаты, осторожно:

— *Тётя Басти, тётя Селе. Простите мне. Пусть никто не узн...*

— *Мойся иди, чистой будь,* — указали ей, и та ушла всё выполнять — становиться чистой.

Селе подождала, а потом задумчиво сказала:

— *Надо хаману Хизае сказать.*

— *Кабы нам не влетело. И все знать будут. Слушай, Селе, не говори.*

— *А если она обременится?*

— *Ну что ж... доля её такая. Тогда замуж уже ни-ни.*

— *Не возьмут. Но, может, пронесёт-пронесёт* — вздохнула Селе.

Кажется, пришли к выводу. Но нет. Всё не так просто в принятии выводов и решений, если за них берутся львицы:

— *Но если не сказать, он будет к ней вхож. Что тогда?* — нашла Селе слабинку.

— *Это да, обнаглеет. А ей тогда не прикажешь запретиться. Не послушает.*

— *Сдастся.*

— *Этой будет думать...* — постучала себя по передку Басти.

— *Вот что тогда? Тогда точно забеременеет, и точно замуж не выдадим.*

Пришлось думать дальше.

— Будет как мы, — смирилась Селе. — А что. Нас тоже никто не спрашивал.

— Не спрашивал.

— И ничего, прожили.

— Прожили. И львят вырастили.

Казалось, дело решено. Но тут:

— Давай скажем, — предложила Басти. — Пусть хаману Реная пойдёт куда надо, и они там решают. Или сама с этим... как его... поговорит.

— Ты его видала? — зачем-то спросила Селе.

— Я таких страшно боюсь, помилуй Ахей, — закрылась ладонями Басти.

— Да, надо сказать. А то будет ходить к Тое, как домой.

Обе кивнули.

— Именно. Порядку не будет никакого, обесчестит её совсем, бояться мы будем, да ещё с нас спросят, чего молчали.

— Именно. Хотя им, наверное, всё равно.

— Наверное.

Чудный денёк

В чудный последующий денёк Арзис, как всегда, искупавшись в речке, что ему очень помогало от похмелья и усталостей, бросал за домом прислуги дротики.

Но особо ни о чём не думал, и тем более много о чём не знал.

Первое, о чём он не знал: Тоя не спала почти всю ночь, она молилась или лежала на кровати, подложив ладони под щеку (или и то, и другое — одновременно); натревожившись, она под утро решила — надо пойти к Арзису и рассказать ему, что о их случае знают, и наверное, кто-то кого-то будет ругать, и будет какой-то скандал, и будут какие-то обвинения (ему? ей? обоим?) и хотелось знать, что делать. Встав под его дверь, она обнялась руками и сползла по стенке; в итоге не решилась, ибо это так немислимо и неслыханно, чтобы львица заходила ночью ко льву; результатом оказалась лишь сломанная дорогая, белая, ночная свеча, потому что Тоя в суете и сомнениях — обычно расторопная и ловкая — свалила её на пол. Так она и свалилась в кровати на расвете, уставшая донельзя.

Второе, о чём он не знал: когда он вылез утром из своей берлоги, то сонная Тоя — разбуженная на работы дхаарками — увидела его, хотела было за ним побежать и что-то сказать, но не вышло.

Третье, о чём он не знал: большой льяка Ману благополучно ушёл прочь и без его помощи, хотя Арзис обещал, что они оба уйдут вместе. Не видел он также, что Мауна не выехала на свою обычную прогулку, и вообще в обители необычайно тихо-спокойно. Да он не очень-то и интересовался. Вот что его интересовало, так это когда пройдёт боль в растянутой кисти, что мешало метанию.

— В жопу, — заключил Арзис, поняв, что кисть не даст нормально метать ни дротики, ничего. Пошёл, взял одно из копий, которые без спросу брал в оружейной, и начал наматывать на него шнур для переноски. Он хотел сходить в Баш к кузнецу, чтобы тот сменил наконечник, ему вообще не очень нравились наконечники всех копий в оружейной; а всё остальное Арзису очень нравилось. Древка, например, высочайшего качества, а чего ещё желать в жизни, как не хорошее древко для копья.

И четвёртое, что Арзис не знал: определив его местонахождение с помощью всезнающих служанок, к нему уже спешил сир Таар в компании четырёх львов из телохраны Хозяйки: Ваннарена (ещё раз о нём: опытный, был главой охранителей иной Вестающей, рассудительный, принципиальный, правильный, с легатным опытом, о котором никогда не говорит, женат), Хагала (он вспыльчивый, с каким-то невообразимо трудным прошлым, свободен от всяких родовых уз), Тайназа (большой молчун, тоже с легатным опытом, тоже безбрачен) и Таву (за хвостом его зовут Тюряга, попал в телохранители Вестающей из столичной стражи по удивительному стечению обстоятельств, любитель самок; ещё очень ему нравится возиться с льятами, особо башским запомнилось то, как он бросал их в реку за лапы, раскручивая, те возвращались, он снова бросает, и так без конца; женат). Уруз, главный щит хозяйки и глава всему, знал об этой карательной экспедиции, но решил, что участие в этом балаганном паскудстве ниже его достоинства.

О чем впоследствии очень пожалел.

— Сир Арзис! — окликнул Таар, когда они подошли к нему из-за дома прислуги, и встали в пяти шагах от корявого бревна, на котором, собственно, расселся Арзис.

Тот поднял голову, поднял им руку в приветствии, и продолжил мотать шнур-переноску на копье.

— Ваал в день, сир Таар. Как дела? — всё так же сидел он на бревне.

— Спасибо, дела в порядке. Прощу, поднимись.

Арзис снова поднял голову, но теперь уже сощурившись. Его глаза быстро пробежались по всем пятерым, затем он обернулся по всем сторонам с наостренными ушами, и даже принохался. Только затем он

поднялся, воткнув к землю копьё и так с ним встав, поставив на бревно лапу.

— Мне доложили, что ты изнасиловал одну из львиц Хозяйки, — степенно начал Таар.

Арзис помолчал.

— Кто доложил?

— Это неважно. Я также был на месте, где всё произошло, — солгал Таар. Он там не был. Он полагался на слова служанки Хизаи.

— Кого изнасиловал?

— Тою, молодую дхаарку.

— Она что, так сказала? — сощурил он кислую, недоверчивую мину.

— Как видишь, всё стало известно, — бесстрастно заключил Таар.

Арзис почесал подбородок.

— Нет, я её не трахал. Мы с ней выпили и подурачились. Давайте её сюда, она подтвердит.

Вдруг хвост Хагала дёрнулся, словно его хлестанули по спине.

— Тебе не отвертеться! Ты посягнул на дхаарку, которая служит Хозяйке, — чётко, обвинительно произнёс он, — и поиздевался с неё. Послушай, что я тебе скажу, Арзис. Посягательство на собственность и семью Хозяйки, это...

Таар покосился на Хагала.

Арзис поднял ладони вверх и зажмурился, не в силах терпеть вот это вот всё:

— Мы разбили пару тарелок и выпили, хорошо провели время. Всё. Вы или не поняли, — показал Арзис на них, — или Тоя лжёт, — показал Арзис на дом. — Надо её сюда, чтобы сказала.

— Ты её запугаешь! — рявкнул Хагал, он же — тайный романтик, защитник всего прекрасного, он же...

Ваннарен тоже недовольно покосился на него.

— Так, Хагал, я говорю. Что я тебе скажу, — продолжил Таар, уставившись в небо за Арзисом, где плыло облачко, — знаешь, эта дхаарка Тоя — она львица земель Мрамри. Мрамрийка. Всем мрамрийкам положено веровать в ихнего бога — Ахея. Кхм, — кашлянул он. — И она тоже верует. И, что я тебе скажу, в их вере есть вещь: львице нельзя знать льва до замужества. Иначе она считается испорченной, негодной к роду. Ты испортил ей жизнь и запретил радость... сочетания в браке.

Молча слушая его, Арзис царапал клык когтем. Дышал он так, словно собирался застонать, и кажется, выговорил неслышно какое-то короткое слово, непонятно какое.

— Испортил и запретил, — сказал он. — Как и должно быть с самками.

— Пошли с нами, — даже мягко пригласил сир Таар. — Тебе приказано принять десять ударов кнутом.

Таар неглуп. Он понимает, что Хозяйка взяла этого льва для чего-то. Тем не менее, бардака в Семье терпеть нельзя. Он нашёл — с его точки зрения — крайне рациональный компромисс. Что-то сделано? Сделано. Десять ударов? Так это можно выдержать.

— Не-не, всё, — Арзис выдернул копьё из земли, — давайте-ка лучше казните меня прям тут все четверо, не считая Таара. Хотя, вы уже раз пробовали, чёт не пошло.

— Тебя спасла Хозяйка, — насмешливо сказал Таву. — Шутник.

— А я причём? Пойдите и спросите у неё, зачем ей это.

— Значит, ты отказыв... — начал Таар.

— Так, бля, заткнись! — вдруг взъярился Хагал. — Ты, ты! — показал он на Арзиса. — Не сир Таар! — показал он на Таара, и Арзис рассмеялся. — А он! Именно такие, как ты: насилуют, а потом даже не вспомнят, что совершили, сломав жизнь! Так у меня было с сестрой! И праматерь у меня — тоже дхааркой была!

— Так, чё вам всем от меня бэ-надо?

— Я попрошу без выражений. Ты совершил проступок против Хозя... Хагал, помолчи! Хагал!

— Что «помолчи», его давно надо убить, скотину, урку среди нас! — неистовствовал Хагал.

— Так, я давно понял: вы меня в круг брать не хотите, но тогда давайте положим друг на друга. Всё, давай, остынь. И я не урка, я дело-во...

— Сейчас остынешь, положу и тебя, и всё! Закрой пасть и наставляй жопу для кнутов!

— Пошёл нахуй!

— Сам пошёл нахуй! Я тебя убью, скотина! Ты мне ответишь за всё!

— Всё, Ваал видит: я тебя вызываю на поединок, — показал Арзис на него копьём, вытащив его из земли.

— Вот на нём и казню! Ваал видит! — вытащил Хагал меч.

— Отлично. Давай завтра с утра.

— Так, давайте, давайте без всей этой ерунды... — страдальчески застонал Таву, удерживая Хагала.

— Завтра с утра, ну, чего ты, гриву остригли? — подначивал Арзис.

— Да, завтра с утра!

— На копьях. И без доспехов. Давай, без доспеха быстрее будет, ну же, ну... — ещё больше подначивал Арзис.

— Да как угодно! Хоть на ножах!

— Так, прекращайте, всё-всё. Давай, — вмешался Таву. — Всё, никто никого не порет, никто никого не вызывает. Мы что, будем из-за дхаарки...

— Дело не в ней, а в нём. Он меня оскорбил не по делу. Он хотел, чтобы я ответил — я отвечаю, — показал на Хагала Арзис.

— Вот и всё, — подтвердил Хагал.

— Погорячились, и хватит, — мирил всех Таву-Тюряга.

— Не, замнуть не выйдет. Два Сунга договорились о поединке, все слышали. Копья, без доспехов. Всё, — определился Арзис.

— Поединки внутри Семьи запрещены, — сказал доселе молчащий Ваннарен.

— Так я вроде вам не в жилу, в Семью не вписываюсь, не?

— Мне плевать. Я его завтра утром убью и приму наказание от Хозяйки, — сказал Хагал, развернулся, и ушёл.

— Хагал! Стой! — приказал ему Ваннарен.

Но тот даже не обернулся; и за ним быстро пошёл Таву, оглянув всех с тревожным видом, и затем — Тайназ, медленно, с хмуро-озадаченным. Ваннарен поглядел на Таара, потом — на Арзиса, и тоже ушёл.

Села птичка на ближайшую ветку и начала громко верещать. Не петь, а именно верещать, и управляющий Ваалу-Мауны засмотрелся на неё. Так и стоял, с опущенными руками, и ветер дёргал ему полы красного халата.

Наматывание переноски на копьё продолжилось. Засунув руки в карманы, сир Таар прошёлся туда-сюда, глядя в траву. Пнул ветку лапой, кусок её застрял в кнемиде.

— Это не входило в мои планы.

— Это точно, — сидя на брёвнышке, мотал Арзис шнурок. — Родился плохой, умру хуже. Что, сир Таар, хотелось отпороть, но что-то пошло не так?

Закончив мотать переноску, Арзис растянул лапы, потянулся и зевнул. Сполз с бревна на траву. Сир Таар всё не уходил.

— Очевидно, некоторые факторы я не просчитал.

— Я те расскажу одну математику, ты любишь. За раз со шлюхой, которой двадцать пять лет, у нас брали так-то две сотни, в среднем. За той, кой семнадцать — шесть-восемь сотен. Как видишь, меньше циферки там — больше циферки сям.

— Спрос и предложение определяет цены, — подтвердил Таар.

Арзис смотрел на него, сощурившись.

— Кровью предков, твоё здоровье, сир Таар, — выпил он из фляги воды и кинул её в траву.

— Это всё неразумно, очень неразумно, — приложил Таар коготь к подбородку. — Нам не нужен этот поединок. Но, — обнадёживающий тон льва, что нашёл решение, — я вижу хороший вариант: просто уходи, прямо сейчас. Искать за тобой никто не станет.

Арзис посмотрел на него (непонимающе, глумливо), а потом расслабленно посмеялся, скрывшись ладонью от мира, и его рыжевато-серая грива свалилась космами на морду.

Всё надо делать правильно

Столовая дома стражи обители Вестающей «Луна Охотницы», Северная Листигия (тут же, в этом строении — оружейка, спальное, балинейная на голов шесть, внутренний колодец), дом стражи по привычке и старинке называют казармой. Здесь же живут две семьи (временно, неудобно, жёны ворчат и рычат, а львьятам — нравится). И, что более важно — прекрасный точильный круг, из кафнского камня.

Вечер. В столовой сидят и стоят двенадцать львов, кто где как, и держат совет.

— Его надо просто убрать, — изрёк Манару.

— Как ты его просто уберёшь, а как же Хозяйка?

Уруз поднял руку, сидя за столом, и шум поутих:

— Хозяйка, из-за своего превосходного патрицианского происхождения, не понимает, сколь опасен для благополучия Семьи и сколь непрочен этот лев. Если не решить с ним вопрос — так или иначе — он ещё не раз навлечёт на нас позор и беды. Кроме того, я не могу рисковать жизнью Хагала из-за этого придурка. Это очевидно.

— Ничем никто не рискует, — крутился в центре всего Хагал, — я его убью, и все довольны!

— Предлагаю сказать Хозяйке, — предложил Тайназ.

— Она отдыхает после вчерашнего.

— Никто. Ничего. Хозяйке. Не говорит. Понятно, что она скажет. И это не решит нашей проблемы, — определил Уруз.

— Но если рассказать ей всё: об изнасилованной дхаарке, о... его вызове Хагалу, то... возможно...

— Этот умник Таар со своими вшивыми дхаарками просто всё перепортил, всё, — злился Ваннарен.

Непростого рода, он очень не любит дхааров и дхаарок, любых пород, даже тех, что считаются хорошими.

— Таар играет в ту же игру, — заметил Тай. — Просто своими средствами.

— Какою?

— Он тоже хочет его убрать.

— Нет, нет, да он просто хотел Арзиса наказать, поставить его в стойло, — заметил Тайназ. — Простой львина. Не вышло ему. Так и не понял, с кем имеет дело.

— А с кем, с кем мы имеем дело?

— Его можно уважать, я с ним говорил, и в Круге постоял, и пиво мы пили. Он неплох.

— Да, да, Тайназ, неплох, очень неплох.

— Хагал, ты тогда зря вскипел — всё пошло неправильно, — сказал Таву.

— Почему зря? Что, бля, зря?

— Ты начал Арзиса жать к угол оскорблениями, не оставив выбора, — добавил Тайназ. — И должен был говорить не ты, а Таар.

— Он же львицу нашей семьи изнасиловал! Сегодня — дхаарку, а завтра кого? Твою жену?

— Куда мою жену насиловать? У меня нет жены, — пожал плечами Тайназ.

— Я вообще говорю! У Таву есть! У Манару есть! Есть дочери, есть...

— Ну, изнасиловал, трахнул, кто знает. Плохо, но послушай, обычно так и бывает с дхаарками. Они подставляются. Это все знают, кто со мной у Ваалу-Майнуны служил. Ну, гривы, помните, что там творилось?

Некоторые закивали. Помнят.

— У меня праматерь была дхаари. А сестру — изнасиловали.

— Ай, Хагал... — засмеялся Тай, махнув обоими руками.

— Так, давайте о деле. Раз такая колбаса, то это — отличный шанс его завалить, почему нет? — говорил Манару. — Хагал его убьёт.

— Конечно, убью, — всё подтвердил Хагал.

— А если дела пойдут не по плану, мы чуть поможем. Кроме нас там никого не будет.

В столовой настало молчание.

— Я с этим не согласен, — Ваннарен поднял палец на скрещенных руках. — Сунг вызвал Сунга. И дело не в дхаарках, а в оскорблениях.

— Да-да. Всё верно, — вдруг поддержал Уруз. — Всё по чести.

— Но вообще, я считаю этот поединок крайне неразумным, и всё это следует запретить. Поединки в Семье запрещены, — веско добавил Ваннарен.

— Что Хагал ему говорил? — поинтересовался кто-то.

— «Наставляй жопу для кнотов» мне понравилось больше всего, — иронично заметил Таву.

— Всё будет хвостато, не волнуйтесь, — уверил Хагал, усевшись прямо на полу посреде столовой.

Поглядев на него, Уруз встал и подошёл к нему. Поставил руку подчинённому на плечо, вторая — на мече:

— Так, внимание. Ваннарен прав — всё это неразумно. Завтра поутру, — хлопнул он Хагала по плечу, два раза, — выдвигаются: я, Хагал, Таву, Тай и... — забегал он глазами по столовой — Манару. Мы уладим дело и сообщим, — ударил Хагала ещё раз, — что поединок под запретом. Всем остальным быть в обители, и — Ваннарен — ты командуешь, пока мы не вернёмся.

Тот встал ровно и кивнул.

— Да, командир, — ответили все.

Все уселись, утихомирились, наступила тишина.

— Расходитесь.

Все разошлись. Ну почти все.

— Ванька ушёл. На чём будете драться? — спросил Тай в этой тишине, глядя ножом когти.

— Договорились на копьях. Без доспехов, — ответил Хагал, сидя на полу и стуча по нему кулаком, медленно и задумчиво.

— Со щитами или без?

— Хм. Выясним на месте.

— С мечом он не очень, если что, — сказал Тай. — Я его тогда испытывал. Помнишь, командир?

— Да, — кивнул Уруз.

— И зря без доспехов.

— У него их нет. Я ему не выдал, — начал выходить Уруз. — И не выдам. Они ему не понадобятся. Хозяйку я беру на себя, я всё ей расскажу. После того, как всё случится. А всё случится так, как надо. Хагалище у нас льяк не промах.

Нож

Тоя рано утром, помолившись, умывшись и одевшись (всё — быстро), уже торопилась в курятник: надо поймать пять кур, зарезать и ощипать. С легкомысленно заткнутым за пояс ножом, большим и немилосердно тупым, она уж было отправилась, но вспомнила, что забыла шейный символ Ахея в комнате.

Это, вообще-то, для неё невысказано. Тоя заторопилась в комнату тотчас, волнуясь.

Их цокольный дхаарский угол, он подле комнатухи Арзиса, которая, как известно, бывший склад чего-то там, и вообще неприглядность и дыра. И тут — внезапно — открывается дверь и выходит сам он.

Что-то рано для него. Тоя знает, когда ему не рано.

— О, Тоюша, ты уже не спишь, — не очень удивился он, проходя мимо.

— Нет. Сильное утро, госпо... Арзис. Арзис, — провожала она его взглядом и движением.

— Арзис-Арзис. Сильное, это да. Не то слово.

— А... А куда так рано-рано? Бросать копья? — вспыхнула она неожиданным вопросом.

Арзис остановился, повернулся к ней и оперся о стенку, глядя вверх.

— Бросают дротики. Можно бросить и копьё... но недалеко... — задумчиво ответил он. — Можно и львицу. В сено. Есть такая сказка о львице и сене. Слыхала?

Тоя всматривалась в него, уши наострились.

— Нет, совсем нет. Арзис.

— Ничего, когда-нибудь расскажу.

Уловив движение (начал уходить), молвила:

— Удачи... тебе... во всём здесь... точнее, там. Куда ты будешь. Где.

— Благодарен, — отказался он от движения, чтоб её выслушать.

— Хорошо. Это хорошо, — стояла она. — То есть, спасибо.

Вспомнив, что трогать самок перед поединком — плохая примета, Арзис развернулся и пошёл к выходу. Потом махнул рукой. Пока мы читали приметы — жизнь закончилась.

— А, хвост с ним, — громко сказал. — Тоенька, а ну иди сюда.

Затем и сам пошёл к ней, и они встретились где-то посередке. Он её обнял, и она, не ожидая, уткнулась носом ему прямо в грудь. Потом повернула голову, чтобы удобней. Освободила руки, ей из-за пояса выпал нож на пол, обняла его. Больше ничего они не делали, а просто стояли; Тоя лишь ощущала, что он её душит в объятии, но не признавалась и терпела.

— Я была измаранной в вине, — молвила с задушенным отчаянием, — они подумали не то...

Он закрыл ей рот ладонью, мягко. Поводил Тою за мордашку, так помучил. Отбиваться никто не стал, убежать никто не стал, смеяться никто не стал, возмущаться никто не стал, а только появилась тайна, которую он так и не смог разгадать: кажется, она только что лизнула ему ладонь, пленённая; то ли лизнула, то ли чуть укусила, то ли кажется? Даже забрал, уставился на свою ладонь, озадаченный, пытаюсь разгадать. Но недолго. Показал ей кольцо («Не верю словам»), чётко показал, вот.

— Завтра отдашь. Сегодня мешать будет.

Взял ей руки, попробовал надеть ей кольцо на большой палец. Ну серьёзно? Слишком большое. Попробовал все остальные пальцы, на обеих руках, неспешно и нарочито, но куда там — её тонкие пальцы не могли сохранить Арзисово кольцо.

— Вот дела. Не подходит. Знаешь, что в таких случаях делают?

Забавный план был таков: Тоя отвечает «нет», Арзис говорит ей приблизиться, чтобы услышать секрет, и просто целует в ушко. Но снова всё пошло не так. Она полезла себе за ворот, сняла знак Ахея на шнуре с шеи, без спросу (!) достала его кнемидный нож из его же кнемиды (это ещё знать о нём надо, и увидеть его надо!), разрешила шнур, продевала кольцо, вернула нож, и очень ловко завязала шнур наново. Всё, одела всё обратно на шею, и послушно поглядела на Арзиса.

— Лучше не бывает, — похвалил Арзис, и воздел руки в стороны, чтобы показать — действительно не бывает.

Взял её мордашку в руки и лизнул в нос. Обычно, если лизать львиц в нос, то они фыркают, смеются, вырываются, говорят прочие глупости и показывают всякое. Тоя облизалась.

Тётя Селе шла по коридору, как обычно, и застала их. Развернулась и пошла назад. Тётя Басти шла вослед за ней, но тётя Селе не дала ей дороги, жестом приказывая молчать и не шевелиться, и всё-всё слушать.

Арзис отпустил Тою, подмигнул, и начал уходить.

— Арзис, ты далеко, да? — решила на вопрос вдогонку Тоя; хотя, верно, ей полагалось молчать и думать, что всё это значит.

— Не знаю. Посмотрим, — кинул он через плечо, непринуждённо.

Тоя постояла. Потом поглядела через цокольное окно, вылезши грязными лапами на мойный стол (ужас), как он уходит в сторону конюшен. Вообще ничего на нём, только пояс, туника и штаны; кто так отправляется в дорогу? Чуткая к нюансам, эмоции, ощущению — львица — Тоя определила, что Арзис какой-то не такой. Она, вообще-то, не знает, какой он (ну не скажи), и не должна знать как бы (это ещё как посмотреть). Нет. Ну вот не такой он ей сегодня, и всё тут.

Позабыв напрочь об упавшем ноже, Тоя пошла вослед за Арзисом. Точнее, не за ним, а куда-то в сторону, куда он пошёл, к конюшням и дому стражи, смутнейше представляя, что дальше и как быть.

Ей почему-то казалось, что он собрался уйти насовсем. Наверное. Это плохо. Это, наверное, худшее, что может быть вообще. Но этого Тоя никому не скажет. Себе тоже. И тётям не скажет. И Хозяйке не скажет, хотя так нельзя, ибо Хозяйке говорят всё; она точно это знает, ибо выросла с матерью и сестрой, что служили Вестающим. И не скажет жрецу Ахея, хотя, как всем очень известно, им можно доверить очень даже всё.

Прошла мимо окон дома стражи, подле стенки, трогая стенку когтями...

...Уруз вылез на коня, посмотрел на своих бойцов.

— Ну, готовы?

— Хагал уже поехал?

— Да.

— Тот наш урка хоть знает, куда ехать?

— Знает.

Поглядели друг на друга, все на лошадях; у Тая лошадь волновалась и не слушалась, он гладил её по шее.

— Как договаривались, — сказал Уруз-глава. — Если всё пойдёт правильно — ты включаешься, — показал на Тая. — И ты. И я. Бить только копьём, чтоб раны только от копья.

Тай кивнул, поправил полуторное копьё, лежащее на седле наперевес.

— Как кабана. Бля, — плюнул за землю Манару, опасно держа копьё подле наконечника, а древко упирая в землю. Так первейше учат не вестись с копьём, сидя верхом на лошади (не говоря уж о фирране), но Манару, видимо, любит что-то опасное.

Что-то они стоят, медлят, всё не отправляются в дорогу, хотя вроде пора.

— Наше дело — Хозяйку защищать, — развеял сомнения Уруз. — Вот мы и защищаем. От него будут позор и проблемы. Нельзя не замараться в крови, если по-настоящему защищаешь.

— И в говне, — добавил Тай с усмешкой.

— Почему в говне? — спросил Манару. — Сам ты в говне.

— Э, ты чего, не с той лапы встал? — удивился Тай.

— Всё, отставить. Поехали.

...Тоя недолго шла вослед Арзису, точнее, в ту сторону, куда он ушёл. Она поняла, что это — бессмысленно. Зачем? Как можно, как ей не стыдно? Надо идти к курятнику, работу делать, утро ведь уж вовсю. Пошла.

Схватила за пояс. Но ведь нож!

— *Только утро, а уже глуплю!*

Делать нечего, надо возвращаться за ним в обитель. Валяется, наверное, прямо там, на полу. Хотя... В конюшне вроде есть ещё ножи, там есть большая такая кладовка с барахлом. Курятник там рядом.

А, ну его. Кто-то уже подобрал ножик с пола, это точно, нет смысла за ним идти.

И пошла в кладовку, но не с обычного входа, ибо там слышно какую-то возню и голос конюха, а Тоя его боится и не любит; пошла она с иной стороны, там, где гной выбрасывают. Заляпала лапы, ну ничего, отмоются потом.

Так, вот и кладовка, зашла с уличного входа. Всеблагий Ахей, где же здесь ножи? Всё перевёрнутое, всё не на прежних местах. Вот старый точильный круг, сейчас... Полезла по сену, чтоб не обходить, тут слышался шаг лошади, её ведёт кто-то за поводья. Ой, это же Арзис, через неплотные да дырявые доски стен всё видно. Ой, он прямо тут остановился, у стены. Великий Ахей, он зевнул. Тоя присмирела, утихла, вжалась в сено. Захотелось, чтобы её вжали в сено. Что-то так некстати остренько впилося ей ниже живота, травинка защекотала нос. Захотелось, чтобы он тут её обнаружил, поймал с поличным, всё сам и всё случайно, или чтобы каким-то чудовищным, сверхъльвиным пониманием догадался, что она очутилась в поисках ножа — да именно тут.

Ахей, как же стыдно. Надо чихнуть. Надо. Так хорошие, вероверные, скромные львицы — не делают! Нет, делают! Надо чихнуть, как можно громче. Вот же, нос чешется.

Тоя начала молиться. То ли чтобы отвадиться от греха, то ли чтобы ей простилось и чихнулось погромче. «Ахей, милосердный, прости меня, грешную. Направь меня на...»

Но прекратила. К Арзису подъехали, да резво, ещё трое львов.

— Готов? — это сир-господин Уруз.

— Ну. Куда едем-то? — это Арзис.

— Увидишь, — ответил сир-господин Уруз.

— Не, вы скажите, — потребовал Арзис.

Сир-господин Манару вразвалочку сказал:

— На юге есть разваленные дома. Башские зовут то место Чудь.

— А чё так? — удивился Арзис.

— А хер его знает, — вяло ответил сир-господин Манару.

— Не передумал? — внезапно, с нападением спросил сир господин Уруз.

— Да что передумывать, — спокойно ответил Арзиссс...

— Слушай, — серьёзно начал сир-господин Уруз, — бери вот коня и отправляйся в мир. Империя большая, ты цел, Хагал цел, все довольны.

«Я так и знала! Уходит прочь!».

— Блять, как вы меня уже заебали, — выругался Арзиссс, и Тоя закрыла глаза от стыда; но не уши.

«Я так и знала... Он не уйдёт...».

— Ну ты ещё скажи, что ты Вклятву дал и всё, жопу ради неё разорвёшь, — насмешливо сказал сир-господин Тай.

— Ну не свою же.

Сир-господин Тай посмеялся. Потом добавил:

— Ты нормальный льяка, Арзис, мне нравишься. Давай. Езжай в свободу. Всем проще. Нахера оно тебе? — как-то слишком серьёзно (для него) говорил сир-господин Тай.

— А нахера оно Хагалу? — хмыкнул Арзис. — И нахера оно вам? Вот тебе, Тай?

Тот всерьёз озадачился вопросом, и отрешённо ответил:

— Да сам не знаю иногда...

— Это поединок, Арзис. Всякое бывает, — сказал Уруз.

Тоя оцепенела, и сжалась. Ей показалось, что сир-господин Уруз смотрит прямо на неё. Какое-то страшное слово — «поединок». Неправильное слово. Они что, будут драться? А... А кто? А как? Кулаками? С когтями? Или возиться, как в этом своём песчаном круге возятся самцы-Сунги, пытаясь повалить друг друга на землю? Арзис и все они? Или Арзис и сир-господин Хагал? Или... или они так, чтобы совсем, чтобы убивать-умирать?

— Как любит говорить хозяйка — «не говори», — так весело сказал Арзис, аж не верится.

— Хорошо, — подытожил сир-господин Уруз. — Поехали, добрые Сунги. Но!

Тоя сползла с сена. Посидела так немножко. Потом быстро вышла из каморки, потом ещё быстрее пошла к обители. Нет, ходьба не подходит, лучше побежать. Её окликнули тётушки, что тоже шли к курятнику, но Тоя не послушалась. Всеблагий Ахей, прости меня за это.

— Осторожней, дура! — зло сказал ей злой сир-господин Ваннарен, когда она столкнулась с ним у входа на кухню. И чего он только пошёл через кухню?

Вбежала в дом, вышла на первый этаж, хотя ей без надобности там появляться нельзя, только при прислужении и работе, и в определённой одежде. Надо всё сказать, надо всё сказать, но кому-кому? Хозяйке надо. Она главная. К ней дхаарам нельзя. Но надо рассказать именно ей. Хозяйка понимает. Хозяйка — Ашаи-Китрах. Тоя знает, это значит — «сестра понимания». Сёстры понимания.

Побежала на второй этаж (ей нельзя), прямо по парадной лестнице (ей нельзя), чтобы там... как-то... найти, где спит (!) Хозяйка (ей совсем нельзя).

По лестнице начала спускаться Атрисса, и тут ей чуть кровь из носу не пошла от удивления (ну так говорят в Сунгкомнаасе, всё им кровь и всюду им кровь).

— Цанна, стой! Стой, Тойка, ты сдурела, что ли? — поймала её за рукав.

— Госпожа-маасси Атрисса, там случилось...

— А ну стой, стой. Знаю я уже о твоих развратах, хвостка. Я...

— Госпожа Атрисса, надо-надо сказать Хозяйке, очень надо...

— Что сказать?

— Арзис, сир-господин Арзис, и сир-господин Уруз, они уехали, чтобы драться, там ещё будет сир-господин Хагал, и ещё... и ещё...

— Драться? Кто, куда? Арзис и Уруз?

— Я не знаю, сир-господин Арзис с кем-то.

— И Хагал?

— Да, там он будет, может с ним, может с кем.

— С ним поединок? Сир Арзис и сир Хагал, да? У них поединок, да? — быстро догадывалась Атрисса, даже слишком быстро.

— Да, да. Да. Поединок. Да!

— Куда они поехали?

— На юг, на Чудь, там есть разваленные дома.

— Кто тебе это сказал? Откуда ты...

— На конюшнях случайно выслушала.

— Подслушала?

- Да, подслушала.
- Беги вниз. Я всё сама скажу Хозяйке.
- Да? Спасибо, госпожа Атрисса.
- Исчезни! Вон! Нельзя тут!
- Госпожа Атрисса скажет-скажет?
- Да скажет-скажет, — перекинула дхаарский говор служанка. — Брысь уже!

Тоя послушно сбежала вниз по лестнице, Атрисса же постояла мгновение, затем заспешила в спальню к Хозяйке. Подошла к двери, сняла белый шнур с двери (значит «Хозяйка спит», если чёрный — «Хозяйка встает»); телохранители у входа в спальню внимательно смотрели на неё.

— Срочно? — переспросили, хотя что тут спрашивать — никто не осмелится просто так будить Встающую, даже за белой дверью, не говоря уж о чёрной. Встающих так-то нельзя будить.

— А вы как думаете? — зашипела, и тихо прикрыла за собой дверь...

...Арзис и Хагал встали друг напротив друга, почтительное расстояние. Вокруг них — четыре льва: Уруз и Манару — в доспехах, Тай и Таву — налегке. У всех — копья. Сбоку, к сёдлам лошадей Таву и Хагала, привязаны круглые северные щиты.

— Тебе наблюдатель нужен, Арзис, — цинично заметил Уруз. — Где твой наблюдатель?

— Хотел вчера найти в Баше, да не успел. Спать хотелось... Не усложняем — кто-то из вас будет. Тай, давай ты, я тебе нравлюсь.

— Как скажешь, родной.

— Что, как там условились — насмерть, или до сдачи. Копья, полторные. Одинаковые. Без доспехов, без всего. Туники можно. Щиты.

— Эй, без щитов, — капризно возразил Арзис. — О них базара не было.

— Хагал?

— С ними долго будет, ну их, — снова возразил Арзис.

— Какая разница. Бери, — кивнул Хагал на своё копьё, молвив то ли действительно охрипшим, то ли нарочно низким полрычем.

Арзис пожал плечами и протянул руку к копьё Тая, но тот ему своё не отдал, а вместо этого взял иное, приложенное к стене дома. Придирчиво осмотрев, Арзис побил древком землю, и замахнулся вокруг себя; наконечник опасно мелькнул возле Манару и Уруза, и те отшатнулись. Затем Арзис внимательно осмотрел всех, по кругу; он задержал взгляд на каждом, но особенно — на Тае.

Вдруг он криво улыбнулся:

— Твою ж мать, вот я оплешился. Вижу, вы определились со мной.

— Раз так считаешь, то есть ещё шанс: просто возьми да уйди отсюда, — показал на свободу Тай. — В любую сторону. Кроме севера.

— У него нет такого шанса! Ты пришёл на поединок! — не унимался Хагал.

— Не горячись, Хагал. Давай решим всё сухо. Ты уходишь. Мы остаёмся. От нас — никаких сюрпризов, — предложил Тай.

— Если не уйду, то что так, что так — я холодный, да?

Тай развёл руками, мол, ну да.

— Ну и хуй с ним.

— Уруз! — обвиняюще зарычал Ваннарен, издалека.

Все повернули головы.

— Сюда едет Хозяйка. Прекратите всё, немедленно!

— Откуда она... — растерялся Уруз.

— Атрисса, — Ваннарен вмиг слез с лошади. — Она знала всё: куда, кто, зачем.

— Атрисса?! А, сука! — стукнул Хагал древком о землю. — Принимай бой!

— Хагал, это безумие! — заторопился к нему Ваннарен.

Хагал совершил выпад в сторону Арзиса. Тот оказался готов. И сделал встречный выпад. Попал ему возле сердца, тут же вынул. Наконечник копья Арзиса — в крови. Левая рука отказала Хагалу, его копьё свалилось на землю, он не смог удержать его только правой. Арзис увидел, что противник ранен, и совершил ещё выпад — в живот противнику, чтобы больно и чтобы добить — но Ваннарен рукой, бронёй и телом сорвал это движение, и копьё Арзиса пронзило землю с травой.

— Стой! Хозяйка едет сюда! — закрыл он Хагала, тщетно пытающегося одновременно удержать оружие и закрыть рану у плеча, подмышкой (вот везучий: не в грудь, а в бок, касательно).

— Самый смешной поединок в моей жизни, — подытожил Арзис, выдернув копьё из-под власти Ваннарена и поставив его древком на землю.

Подъехала Хозяйка, со свитой из растерянной телоохраны, стремительная, тёмная; очень легко смахнула с лошади и ей предстало следующее: раненый Хагал, держащий копьё и пытающийся закрыть рану ладонью одновременно; Арзис, ну понятно, вечно наглая морда, чтоб ему; серьёзный Уруз; злой Ваннарен; удивлённый Тай; и остальное.

— Что здесь происходит? — спросила она, необычайно спокойно как для ситуации.

— Поединок, — простецки ответил Арзис. — Был.

Мауна сдержанно, ясно молвила, приглаживая свою (уже любимую) кобылу, переводя взгляд на каждого:

— Я чрезвычайно разочарована. Причина поединка?

Никто ничего не ответил, невзирая на прямой вопрос Хозяйки; только Арзис пожал плечами, развёл руками, и копьё блеснуло на солнце.

Дрянь

— Дрянь. Дрянь. Стой тут. Дрянь.

Атрисса дерзко поймала Тою в цоколе, и зажала в самый дальний угол, с торможением за одежды. Она, перепуганная до смерти, стояла смиренно.

— Да, госпожа-маасси Атрисса... — обречённо ответила.

— Стой тут. И слушай. Ты понимаешь, что ты натворила? Кивни, если понимаешь. Видишь?

Кивнула. А куда деваться.

— Цанна, твоё хвостокрутство довело до этого! Сир Арзис мог убить сира Хагала, или наоборот. Какая свара, и — Хозяйка, Хозяйка вовлеклась! И всё из-за тебя! Показала хвост, покрутила? — била её Атрисса по ушам.

— Грех мне, госпожа Атрисса, — призналась Тоя.

— Выкинем тебя вон! И чтобы ты не подходила к сиру Арзису! И к сиру Хагалу! И вообще ко всем львам тут, в Семье! Ты, ты, Тоя, ты забыла, как нас вместе призвали служить сиятельной Ваалу-Мауне? Такая Хозяйка... Я твоей матери напишу, если только прослышу, что ты дальше блядствуешь. И сестре твоей. То-то они узнают о Тойке; они служат Вестающим, как подобает, а ты!

Погрозила пальцем с когтем.

— Смотри мне. Не подходить к ним, не крутить, — хлопнула её возле хвоста, прямо как самец, — не давать. То потом думают неведомо что, и скандал. Да?

— Да...

Глава, в которой есть рассуждения о конечности всего

Столик, у которого возлежит Мауна, необычно мал. За ним можно, наверное, усадить головы четыре, но им надо будет при этом тесно сдружаться и не бояться чужих касаний. Ещё столик почему-то в тёмном углу; и в самом этот углу затаилась Вестающая под балдахином, как хищная фирраса.

Он пришёл, они очутились вдвоём, и всё.

— Привет, Арзис, — негромко сказала ему, взяв себе с со столика.

— Привет, хозяйка, — уселся Арзис, потирая ладони, голодный как пёс.

Она изменилась. Не то что бы сильно, но: её движения медленны, даже ленивы; вокруг неё тишина, а сама она потемнела, и не оттенком шёрстки, нет, а как то вся, внешним видом, внешним чувством; глаза её стали давить, не давать покоя; зная об этом, она бросает взгляды мельком, смотря то долу, то в сторону-вниз. Она эстетична. Она аккуратно ест со стола холодную дичь, ест рукой и очень маленькими частями.

В тот же день, день утреннего поединка (который закончился менее кроваво, чем многим хотелось), Арзиса переселили из цоколя на первый этаж, в одной из гостевых комнат. Это было слишком, Арзису было отлично в его подвальной берлоге, но таково было указание Хозяйки, и служанки добросовестно его переселили, несмотря на его вялый протест. И к закату его пригласили на то, что Мауна назвала «предужин»; он явился без опозданий.

И, к своему удивлению, обнаружил, что они — одни и в полутьме.

— Когда в доме набирается самцов, то начинаются войны, — сказала Мауна, когда он уселся и тут же принялся к еде, без предисловий.

— Да, — наложил он себе мяса. — Эта война оказалась глупее прочих.

Арзису предужин оказался очень кстати.

— Обожраться можно. Очень вкусно.

— Не обращай внимания. Они — хорошая Семья. Они заботятся обо мне, и могут перестараться в своей заботе.

— Я тоже так думаю. Когда слишком стараешься — ничего не выходит.

Андарианка, она сама налила ему в кубок. Он кивнул. Она наблюдала, как он ест.

— Ну, за... — не успевая жевать, поторопился за кубком.

— За то, — перехватила Мауна, — что ты мне очень помог. С этим львом всё прошло превосходно. Волей Ваала, ты отлично справился.

— Волей Ваала, — не впечатлённый Арзис запрокинул голову, чтобы выпить всё. — Как же иначе.

Мауна отпила чуть-чуть.

— Гривяке не повезло. Ну, за него.

— Все мы — плоды жертвы. Затем ты должна быть хорошей жертвенницей. А затем — принестись в достойную жертву. Каждая сущность — плод жертвы. Все деяния — жертва. И все мы становимся жертвами, рано или поздно.

— И свинья вот, тоже в жертву идёт, — жевал он свинину.

— Ты всё устроил быстро, — отставила она зеркальце, что держала в руке. — Это было суматошно и сумасбродно. Не так, как я знаю, или

слыхала, как у других. Но во всю славу. Ты всё сделал правильно — снова похвалила она. Помедлила: — Почему ты мне не доложил?

Арзис пожал плечами и наткнул на вилку ещё кусок мяса.

— О поединке? Та ну. Это было бы смешно. Мне вот что интересно: как с ним будет?

— Со львом Ману, с Жертвой?

— Ага, их так называют, этих ё... этих самых? Да, с ним.

— Я говорила: он умрёт. Потом ты наведаешься к его семье, родным, и передашь денег. Это, конечно, не утешение, но лишним не будет. Разузнай. Он, верно, съездет дома, затем начнёт уходить в сон, из которого не просыпаются. Да уже начал, — обрела Ваалу-Мауна, махнув рукой.

— Сделаем, — спокойно принял всё Арзис, макая мясо в ореховый соус.

Мауна наблюдала за ним, прикрыв ладонью рот.

— Думаю, мне Жертва больше никогда не понадобится. Великое достижение.

Наверное, это было некое серьёзное, интимное признание; но Арзис весело спросил, наливая ей, и себе:

— Значит, моя служба уже всё?

— Есть ещё другие Вестающие, кроме меня.

— А. Ага. Нет проблем. Так что это, я вскоре иной Вестающей буду служить?

— Нет, мне. Только мне.

— Так Вклятва, она ж вроде как для всех.

— Когда я умру, тогда и подумаешь об этом. Кстати, о моих сёстрах. К нам на днях приедет моя сестра по вестанию, Ваалу-Шиала. Она ближе всего к нам, совсем рядом.

Мауна поглядела в сторону.

— Гедонистка до самых ушей. Она любит всё и всех, что приносит развлечение и негу. Родилась, выросла, служила в Кафне. Знаешь, личные рабы и рабыни. Увидишь — поймёшь.

— Она приедет с рабами? Ух ты.

— Нет, без, она оставила их в Кафне. И у неё появился любовник. Очень занятная личность, я тебе его покажу.

— Не, Хозяйка, я больше по львицам. Интересно, зачем Хозяйка мне рассказывает о любовниках сестёр?

— Ну не Таару же, — засмеялась Ваалу-Мауна.

Засмеялся и Арзис, и даже прекратил есть.

Они что-то вместе знали. Был у них негласный сговор, витающий в воздухе.

— За понимание, — протянул к ней кубок.

— За понимание, — согласилась Ваалу-Мауна, полностью.

Нет, она точно изменилась.

— Арзис, я хочу, чтобы ты... чтобы ты — в нужный момент — оказался рядом. Ты должен быть недалеко, не уходить из обители, когда она будет тут.

— Что надо делать?

— Ещё не знаю. Мне нужно, аммм, так нужно, мне нужно, чтобы ты с этой личностью... вступил в...

Арзис задумчиво грыз кость, глядя ей прямо в глаза. Сильный её взгляд, интересный, может согнуть в бараний рог. Такую львицу хорошо в банде иметь, подумал Арзис. Вгоняла бы в сумятицу нужных тебе львов (и львиц, конечно) своим взглядом, вот прям посреди рынка, а ты их за это время обворовываешь, или ещё что. Так подумал Арзис. Да сколько возможностей! Была бы разбойница Мауна, ух.

— ...чтобы ты взаимодействовал с ним.

От дурной шутки Арзиса удержала только вся эстетика Вестающей-андарианки, и только их взаимоположение в пространстве, времени и ситуации.

— Ясно, — ответил Арзис. Хотя всё было совершенно неясно.

Мауна улыбнулась.

Всё это было так странно. Вестающая, и он.

— Так всё-таки, что это у вас за штука с поединком, что это было? — поинтересовалась.

— Хозяйка ж сама сказала: где самцы — там война.

— Расскажешь мне о ходе боёв?

— Таар пришёл ко мне со львяками. Обвинил в изнасиловании дхарки из нашей Семьи, хотел отпороть. Я этого не делал, здесь это глупо делать, — показал кругом, на обитель. — А потом на меня набросился Хагал. Я его вызвал на поединок, мы пошли драться, я ткнул ему в грудь, но он увернулся, и не умер.

Развёл руками, но Мауна давала понять, что этого недостаточно.

— Потом он ко мне подходил. Договорились выпить пивка. И всё, теперь мы лучшие друзья, водой не разольёшь. Ещё, ещё он очень просил вот что: чтобы я не трогал Атриссу. Чтобы даже когтем не трогал. Я вообще не понимаю, зачем он мне это сказал.

— Думаю, придётся вышвырнуть Хагала из Семьи.

— Нет, нет, хозяйка, не надо. Дело улажено, всё пойдёт как нож в масло. Это, то есть, как по маслу.

— Обещаешь?

— Ещё бы. Всё будет отлично.

— Ты это чувствуешь?

— Я тоже это чувствую.

— Ты умеешь общаться с Ашаи-Китрах.

— Я — дитя Ашаи-Китрах. С льячества рос среди этого... — подумал Арзис. — Этого самого. Всего.

Подумал.

— Кроме того, если выгонять, то Хагалу придётся Атриссу в качестве отступного придать, а то ещё чего учудит.

— Это точно. Учудит. Учудят... Нет, Атриссу не отдам, у меня и так служанок мало. И все хорошие.

— Свет зажжём?

— Не надо. Меня уже пару дней раздражает свет. Это пройдёт.

— Как Хозяйка скажет.

— А ещё твоими услугами, скорее всего, заинтересуется моя сестра-подруга. К этому тоже будь готов.

— Сестра-подруга... — немного презрительно повторил Арзис, но так, очень-очень немного, очень-очень легко. — Ей что, тоже в первый раз?

— Жертва? Нет.

— Во второй? Третий? Десятый?

— Не знаю. Точно не десятый. Так много нельзя.

— Почему?

— Тебя разорвёт, и ты перестанешь быть собой, — молвила Мауна, не обратив внимания, что Арзис рассмеялся при слове «разорвёт». — Сил может быть как слишком мало, так и слишком много. Большой урок, который усваивает каждая Вестающая, Арзис: сам мир — бесконечен, но мы — конечны. Потому всякий из нас живёт в своём, конечном мире, Арзис. Наши возможности — конечны.

— Да. Я вот вижу, что съесть могу не всё. Конечен.

Ничего не случилось

Через несколько дней Арзису стало жаль Хозяйку.

Нет, не так.

Через несколько дней Арзису стало неудобно, что Ваалу-Мауна живёт вот так, а вот иные Вестающие...

...а вот иные Вестающие — с размахом, достойным львицы, что вестает во славу Империи Сунгов.

Размах оказался на славу. Раньше Арзис всё удивлялся — обитель такая большая, всё огромное, эти дома для прислуги, это несметное количество комнат и комнаток, всё не обойдёшь (и это, как он услышал, ещё «небольшая» обитель!). Ощущалось, словно они там не совсем званые гости или львята, что забрели поиграть в заброшенный, но очень красивый дом.

Когда приехала Ваалу-Шиала, всё встало на свои места. Приехала десятка дилижансов с повозками. Отдельно удивил отдельный экипаж для питомца Ваалу-Шиалы — кошки с кличкой Кафи. Телохрана — тридцать шесть голов, ну пустяк, только в полтора раза больше, чем у Ваалу-Мауны, в блестящих доспехах, таких Арзис никогда не видел. Служанки всяких родов? Пффф, какие там восемь (причём Арзис слышал, что пять из них Мауне достались «по трагичному наследству», и он так и не понял, что это значит)? Пятнадцать. Из них пять — немые. Конечно же, личный повар с помощниками-помощницами. Отдельно — мастер Графа с Медиумом, графописцы — четыре штуки. Внушительный управляющий. Никаких дхааров! Два фиррана, с мастерами. Мастер масел и всяких пахучих штук. И любовник.

Надо учесть — это то, что приехало. В её обители, в обители Ваалу-Шиалы, осталось много чего и много кого ещё. По сравнению со всем этим блеском, Ваалу-Мауна представала воистинной аскеткой.

Сестра по столь нужному Империи Ремеслу оказалась постарше — Арзис метко определил (раньше-то приходилось постоянно, в сутенёрские будни) её возраст в лет тридцать-тридцать три. Верно, нажила добра, и, справедливости ради, надо тоже дать Ваалу-Мауне время, ведь лишь полтора года прошло — как полная Вестающая, как сестра Ашаи-Китрах, как видящая Ваала.

Да уж, Хозяйка выглядит неважнецки по сравнению с этим нагрывшим, нахлынувшим блеском, с этой волной величия Вестающей Империи Сунгов. И, к тому же — никаких любовников.

Ну, это не его дело. Его дело — возлегать на диванчике в атриуме тёплой поры. Такое вот служение, такая вот работа. Нет, это не шутка: сама Хозяйка приказала тут лежать, пить-есть что желает, «думать ни о чём» (именно так и сказала) и ждать приказа, будь-то от неё лично либо через прислугу. Арзис даже задумался о том, что вся эта работа-служение у Вестающей — какая-то большая подстава, то ли от кого-то, то ли от самой судьбы; вот откормят его, как уточку, и зарежут. Добыча сама в рот не прыгает, целая тысяча за ничегонеделание днями напролёт — звучит слишком хорошо. Хотя... Бывает, что везёт. Почему нет. Ему не раз говорил Бык:

— Всё херня, Арзис. Кому повезло — тому и праздник.

Шёл второй день визита Ваалу-Шиалы. Хозяйка и гостя со своим любовником расположились где-то в саду, ясный послеполдень. Служанкам Хозяйки трудно, это заметно: сбиваются с лап, заплетаются им хвосты, молчаливые стали, нервные. На любовника Арзис успел пару раз поглядеть: высокий, бело-север, скользковат, учтив и приятен, одет дорого и богато; как и все северные, одевался легко, здесь, даже в Северной Листигии, им тепло.

Глядя вверх, в маленький застеклённый квадрат в потолке, Арзис задремал, как тут услышал тяжёлую походку.

Это сир Ваннарен. В руке, подкидывая, он нёс копьё. Подошёл к Арзису, смерил его возлежание взглядом (Арзис не поднялся, не встал — приказ есть приказ, валяться так валяться), и молча протянул оружие, держа его параллельно земле. Это удивило, Арзис помедлил, и сир Ваннарен тряханул рукой и бряцнул доспехом, мол, бери.

— Зачем? — спросил Арзис.

— Держи. Приказ Хозяйки — дать тебе.

— А дальше что?

— Не знаю.

Арзис уселся, взял копьё, сразу заметил, что оно — со странностями. Сир Ваннарен молча ушёл, но этому Арзис внимания не уделил, а вот копьё начал рассматривать. Во-первых, это его, личное; у него уже есть два своих, и одно он держит в оружейной стойке на втором этаже, второе — в оружейке. Все это знают, там всюду порядок, перепутать нельзя. Это — из оружейки. Во-вторых, странность оказалась в том, что на нём были небольшие ленты возле наконечника: одна синяя, одна красная. На синей — непонятный символ, потом буква «М» (высший алфавит), потом имперский символ солнца, потом почему-то «А» (тоже высший), потом ещё один неясный символ. На красной — золотые символы высшего алфавита, означающие «Мощью Ваала» или «Силой Ваала» — кому как нравится и кто на что учился.

Втянув воздух и крикнув, Арзис взял ещё винного желе (он только на служении у Вестающей узнал, что есть такая хорошая штука) и снова улёгся, теперь уже вместе с копьём сверху, как с любимой львицей. Убойная штука, на самом деле, вроде мелочь, а объешься — встать не сможешь (Арзис пробовал). Поэтому Арзис ел его аккуратно.

В-третьих, обнимки копья обнаружили ещё одну странность. Оно пахло, и не чем-нибудь, а какими-то дорогими ароматами. Арзис быстро определил, что виновницы — ленты. Они напоминали запахи от самой Хозяйки, но тут уверенность предавала, он не мог сказать наверняка.

Арзис снял тунику и остался голый по пояс — стало жарковато, даже несмотря на прохладу и живую зелень атриума. Накинул себе на глаза и продолжил извечное львиное дело — дрему. Ленты касаются гривы, запах, далёкие звуки... Какая разница. Он наёмник, и всегда им был. Даже своё детство он, если разобрать всё, провёл как наёмник. У наёмника своё сознание, собственное, сознание анарха; его не касаются идеи, его касаются только вещи. Флаги имеют значение для него, но не смысл. Даже вот как: он Сунг, потому что Сунгом быть выгодно. И Вестающей служит, потому что выгодно. Дхаарки, выйдя замуж, мгновенно становятся принятыми Сунгами. Почему? Та потому что так выгодней.

Ты работаешь, тебе платят; ладно, ты служишь, раз уж работодатели так хотят, чтобы ты именно «служил», а не работал; твоя работа включает в себя то, что ты называешь работу «служением». Да ради Ваала, и ради всех варварских богов, хоть служением, хоть лежанием. Если работа — лежать на патрицианском, низком диванчике в шикарном атриуме для тёплой поры, то нет проблем. Вредно для здоровья задаваться многими вопросами, а тем более — их кому-то (или чему-то) задавать.

Удивительно, как точно можно узнать по походке. Арзис пошевелил ушами — это шла служанка Атрисса, шаги её приближались.

— Арзис, хватит лежать, — разрезал тишину, развеял всякую неопределённость её голос (укоряющий и игривый одновременно), — Хозяйка говорит тебе подойти.

— Эх, только начал работать.

— Что работать?

— Спать здесь, таковы были приказы.

— Вставай, я серьёзно. Значит так, велено передать точно: ты должен подойти к Хозяйке с оружием, встать за три шага от них и ничего не говорить, пока к тебе не обратятся. — сказала, и добавила шёпотом: — Они в саду, их трое.

— А кто ко мне обратится?

— Не знаю. Хозяйка, наверное.

— Понял.

Арзис встал, потянулся; Атрисса наблюдала за этим, и он прошёл мимо неё.

Далее картина ему представилась такова: солнечный, тёплый полдень, такая хорошая Пора Огня; под тенью очень красивой, ухоженной яблони, прямо на траве и не пользуясь беседкой, нашлись трое: Ваалу-Мауна, Ваалу-Шиала, и тот самый любовник, имени у которого пока нет; наверно, беседка оказалась слишком большой и малоинтимной для такой маленькой компании; конечно же, был низкий столик, и всё на нём, и возлежали они на всяких подушках; Ваалу-Шиала расположила лапы на подставке, и — безвкусный пустяк — её лапы прямо у столика. У Ваалу-Мауны никаких безвкусных пустяков не было, как и вообще безвкусного, как и пустяков. Подмышкой у неё оказалась большая, очень яркая красная подушка, а сама она — в необычном, светло-оранжевом пласисе, множество складок, очень пастельно, красиво. Любовник просто развалился в дорогой одежде, и ему хорошо.

К этой всей красивой обстановке и подошёл Арзис, и воткнул (вопреки правилу, которое ему всё вдалбливал Кррес) в землю копьё. От этого концы копий ржавеют, но какая тебе разница, если ты служишь Вестающей, и деньги — не проблема. Вдруг он вспомнил забавную вещь, что

— в общем-то — забыл натянуть тунику, и пришёл к ним голый по пояс.

Его появление вызвало вполне себе интерес со стороны гостей, но Хозяйка Мауна вообще никакого внимания на него не обратила; поэтому несколько мгновений Арзис как бы и был, а вроде как и нет:

— Муниша, янтарная моя, тебе ещё многое надо понять, — смеялась гостья.

Интересные детали у гостьи: широкое переносье, южная внешность, но лишь вполовину, что всегда не очень: ты или полностью южная львица, либо какая иная, а то будут подобные странные вещи вроде широкой переносицы при южных чертах; обкусанные когти, но может похвастаться тем, что называют хорошей фигурой. У неё не пласис, у неё что-то домашнее, очень необязательное и неформальное, белое фривольное платьице, но очень достойное количество золота в разных местах: в ушах, на шее, на запястьях, на левой лапе, что-то виднеется на хвосте, и вроде как на поясе. У неё на лбу — узор тентушью, раскраска Ашай, теперь такое редко увидишь, только что разве у Вестающих и у тех сестёр, что на Востоке. Однажды Арзис видал такую: небрежная, яростная чернота, устрашающе и чарующе одновременно. Очень запомнилось, иногда она ему снится.

Хозяйка очень-очень сдержанно улыбалась. Гость-любовник кушал с безразличным видом; несколько раз бросил взгляд на Арзиса, и покопался в зубах.

— Гельсия, янтарная моя Мауни, это как Кафна, только без жары. Там можно всё, не то, что здесь, в Империи. Делай, что хочешь! И что не хочешь.

— Съездить бы разок ещё на родину. А потом — хоть куда, — меланхоличичала Мауна.

— Перестань, Империя — твоя родина. Это... — показала Шиала на Арзиса. — Это что, развлечение? Акробат? Он похож на акробата.

— Это Арзис, он тот мастер. Тот, что я тебе рассказывала.

— Ах, ты... Ах ты! Что же ты своего Ар... как ты сказала?

— Арзис, — подсказала Мауна.

— Арзиса чего к нам раньше не звала? Главное дело-то к нему. Ну, Муниша, ну Маун, так нечестно.

Хозяйка пожала плечами и улыбнулась.

— Ах! Так. Арзис! Эй, ты, Арзис! Иди сюда! Садись, садись прямо к Хозяйке, не медли, ну.

— Ну Шиали, ну прекрати, — томно запротестовала Мауна.

— Стесняшка. Ха-ха. Обманщица! Наговорила мне тут. Вижу, всё-таки без любви ты не остаёшься!

— Ты что. Нет, между нами ничего подобного, — капризно запротестовала Мауна.

— Ахаха. Ты всегда была такой серьёзной, Маун. Такой смешной, — Шиала нашла несмелого Арзиса, которой просто себе стоял, смешным. — Вон, ревнует тебя, наверное. Пусть садится.

— Нет-нет. Он мне служит, — посмотрела на Арзиса Мауна, склонив голову, исподлобья. Арзис заметил этот её взгляд.

— Мвааах... — по-канфски простонала Ваалу-Шиала. — Эх, жаль, Кари, что ты такого не умеешь. Всё умеешь — но этого не можешь.

— Чего именно, любимая?

— Ну это большой-большой секрет, ну ты же знаешь.

— А, тот самый большой-большой секрет.

— Тот самый, да-да-да.

— И что, всё, ты меня уже не любишь? — тронул тот Шиалу за нос.

— Я? Я? Это ты меня должен любить, ты! Ты ж меня любишь? Фу, тебе только говорить.

Они поцеловались.

— Плохой.

Ваалу-Шиала поглядела на Арзиса:

— Так это ты — тот самый мастер?

— Мастер, само собой, — кивнул Арзис.

— Ладно, — заинтриговано молвила Ваалу-Шиала. — Так, а чего тогда пришёл? Садиться к Хозяйке боишься, мастерство твоё, оно, знаешь ли, не здесь и не сейчас. Ревнуешь меня? Ревнуешь?

— Очень, — вяло ответил любовник.

— Что нам покажешь? Не будь скучным, — потребовала Шиала у Арзиса зрелищ. — Отвлеклась: — Ай, Кари...

Мауна искала взгляд Арзиса, не обращая на возню справа от себя. Он ответил ей — чрезвычайно неожиданно для себя — чуть подмигнул.

— Скука развеется, — мгновенно сказала Мауна после этого, всё ещё глядя на Арзиса. — Сейчас кое-что будет. Арзис — талантливый чтец, особенно книг, и лаконичный рассказчик. Его талант пригодится для прочтения... вот этого.

Хозяйка протянула ему большой лист красивой бумаги, вытащив его словно ниоткуда, или даже прямо из-под себя (сидела на нём, что ли?). Арзис не медлил, и взял его, сделав четыре уверенных шага, а затем на те же четыре шага отошёл назад, не оборачиваясь к ним хвостом, будто с их стороны таились не две Вестающие и сибарит, а противник.

— Арзис, прочти, — сказала Мауна. И добавила: — Пожалуйста.

Тряханув лист и сощурившись от яркой белизны, Арзис казённо начал:

— *«Моя бесценная Мауна, достояние и верная сестра Ма... Матр-Фейнского мегги... мен...»* — споткнулся о незнакомое слово Арзис, и шмыгнув носом, — *«...менгира, ученица таких превосходных сестёр, как Вана... рам... сая, Мьянфар и Нэль...»*

Конечно же, Хозяйка всё перепутала, или наврала, или решила пошутить (это вряд ли — Мауна не смеётся). Чтец из него издевательский и равнодушный. Ему бы читать смертные приговоры либо похабные анекдоты.

— *«Предвижу, огненная, что к Тебе придет в гости Шиала, столь родная... эээ... добрая, достойная сестра нашего прекрасного менгира. Мне известно, что Ты с нею хорошо знакома ещё со времён учёбы у наставницы Мьянфар... эээ... наставницы Мьянфар. Безусловно, пригласи её, соблюдая все формы... эээ... формальности. Безусловно, все наши сёстры только... эээ... возрадуются, что вы обе получите ещё одну возможность связаться как можно глубже, и...»* — тут Арзис сделал паузу, — *«...и как можно сильнее».*

Поглядел на аудиторию. У гостя оказалось напряжённое, настроенное выражение. У гостя — очень задумчивое. Хозяйка, она же Мауна — гладила себе складки пласиса и смотрела вниз.

— *«К сожалению, я беспокоюсь о Шиале и боюсь за неё, и не только. Ты должна знать, что она попала в капкан, в который не должна попадать Ашаи-Китрах, а тем более — Вестающая. Она находится в возмутительной зависимости от самца по имени Каррис, сына Сунгкомнаасы невысокого происхождения...».*

Появились нахальные интонации.

— *«Он, как тебе хорошо известно, весь служит Тайной Службе Императора, пусть Его направляет Ваал. Это всё, что ты должна знать. Прошу тебя, сослужи Сунгам и помоги Шиале развеять чрезмерные иллюзии и любым способом восстановить равновесие Всевечного Согласия. Также воспользуйся этим случаем для послания справедливого укора Тайной Службе. Помни, хотя ты знаешь не понаслышке: даруя нам Дар Вестания, Ваал иногда отбирает у нас чистоту рассудка и острое чувство с эмпатией, столь обычные для остальных Ашаи-Китрах».*

Арзис поглядел на них. Ошеломлённая Ваалу-Шиала пожирала взглядом Ваалу-Мауну, которая продолжала гладить себе складки пласиса. Он прочёл что-то катастрофически опасное и недозволенное непосвященным; тем более таким случайным льявкам, как он. Смертельно опасное. Арзис это понял.

— *«Твоя старшая подруга и хозяйка твоего менгира — Ваалу-Умалла»,* — закончил Арзис. Он не прочёл самого последнего: *«Пусть Ваал и покровительство Матери вдохновят тебя на решительность».*

— Мауна? Мауна? Мауна? — тон Шиалы карабкался вверх с каждым воззванием. — Как это пон... мы должны поговорить. Пойдём.

— Мы потом поговорим, конечно, сестра, — всё подтвердила Мауна.

— Ты с ума сошла, ты... Как ты могла?! Он! — показала Шиала на Арзиса.

— Мы должны определить, как восстановить нарушенное равновесие Согласия.

— Он не мог этого читать! А... Кошмар! Но он не мог его читать!

— Я его накажу за это, и поделом, но прежде — восстановим равновесие. Сир работает на Тайную Службу, желаю спросить?

Каррис всё слушал с расслабленным, даже скучающим видом. С него спало изначальное напряжение, то ли он его скинул — тренированной, сильной волей. Арзис ухмыльнулся. Назревало что-то... весёлое. Сложив письмо вдвое, он просто заткнул его за штаны и взялся правой рукой за копьё.

— Да. Безусловно, я служил, но полгода как освобождён. Сначала я этого не говорил моему котёнку, но потом пришлось к слову. Да и её предупредили сёстры-Вестающие, сомнений нет. Видит ли сиятельная Ваалу-Мауна, любовь может придти к нам всюду и всегда, и мы оба об этом знаем не понаслышке. И с этим поделаться нельзя ничего...

Он поставил кубок на столик, утёрся. Её жесты излучают уверенность, даже скрытую угрозу.

— Да и что блистательная может с этим сделать? Никто ничего с этим сделать не может. Как ни блистательная, ни я не могли ничего сделать два года назад, — непонятно, кто в этом случае «блистательная»: Мауна ли, Шиала ли. — Но время идёт вперёд. Я и Шиала — мы вместе, и вместе нам хорошо. Любви невозможно сказать «нет»; я не могу и не хочу.

Мауна всё слушала, а затем выдохнула с закрытыми глазами. Каррис тёр нос, ус, прищуривая глаз, словно пытаясь подобрать доступные слова для несмышлёной львёны.

— Сунги едины. Вы служите Империи. Мы служим Империи, — хорошо, чётко, поставленно сказал он. — Этим многие интересовались, сколько пересудов, обвинений, но... С этим поделаться нельзя ничего. Что блистательная Ваалу-Мауна предложит? Убедить её? — показал на Шиалу. — Нет. Убедить меня, льва чести? — улыбнулся он, показав на себя. — Невозможно. Я устал бороться с чувствами.

Он говорил, но всё это приглушилось, затуманилось. Мауна отвернулась от него и поглядела на Арзиса так, как на него однажды глядела одна хвостка. Он знает такой львицын взгляд. Тогда та хвостка больше всего на свете хотела, чтобы он её трахнул прямо там и тогда. Ваал, это же *страйя* или *эмпатия* или что-то вот это, она не скрывается, она даже хочет, чтобы он знал, что это страйя, она так хочет провести через него свою волю, но! — удивительно, она спрашивает у него разрешения на это, нет, она просто умоляет его об этом, вцепившись в него когтями и уповая, как на единственную силу в мире, как на самого Ваала. Взгляд исподлобья, и уголки её влажных, блестящих глаз стали такие же залихватские, как у той, нарисованной львицы. Она приглашала его к чему-то

отчаянному, озорному и злому; а, может, просилась об этом весёлом и злом, прекрасно зная, что только он на него способен...

— Убей его! — торжественно пронёсся её голос в сознании, как огонь.

Арзис не размышлял зазря, зрение стало узким, мир укрылся в тёмном тумане и обострился одновременно. То, что запрещено — стало разрешённым. Такое, оно действует, к этому... привыкаешь. Много всякого запрещено, но кое-что разрешается, если единожды в году наступил День Героев (и Ночь Героев). Почти всё разрешается, если ты попал на Восток. Наверное, всё разрешается, если ты служишь Вестающей, и твоя воля меняется её волей; твоя мораль, будь такова — на её, будь такова. Тело знало само, как быстро изготовить копьё, и как мгновенно, сильно проткнуть ему живот (именно туда, а то с грудью могут быть неприятные сюрпризы да застрявшие наконечники в рёбрах). От внезапного противника: сначала изумление, затем — неверие, затем — страх. Удар хороший, почти насквозь. Как и все, он тщетно схватился за чужое, что вторглось в его тело, руками. Его рык заставил уши прижаться ещё больше. Но дело так бросать нельзя, делу ещё не конец, и Арзис добросовестно упёрся о противника лапой, отбросив стол прочь пинком, вытащил из него уже совсем красное копьё, и добил новым ударом в горло, точно рассчитав как бить по заваливающейся вниз и вправо (прямо к Шиале) цели. На этот раз копьё прошло полностью и пригвоздило противника к яблоне.

Убийство оказалось настолько грязным, насколько они могут быть только на поле боя. Но не подле обители Вестающей, среди львиц, когда один из львов — без оружия и застигнут врасплох.

Арзис, всё исполнив, сделал два шага назад, вытащив копьё. Последовало неминуемое: рык крика Ваалу-Шиалы, отчаяния и ужаса. Ваалу-Мауна, Хозяйка, поднялась. На ней тоже рисовался ужас, но и сдавленный восторг одновременно, сложное сочетание; Арзис понял, что она впервые видит убийство иного из львиного рода. В её руке оказалось маленькое золотое зеркальце, второй она взялась за пояс. На её пласисе оказались капли крови. Она встала боком к Арзису. Она растерялась от вида чужой смерти, но внешняя растерянность не помешала ей волить дальше, и быстро умерла.

— Шиала! Сестра! — неожиданно уверенно молвила Мауна.

Арзис видел, что гостя схватила за его живот, измаравшись в ярко красной крови. Тщетно приложила руку к его шее, ладонь её видимо, сильно дрожала. Он умирал, уже потерял сознание, и ничто ни в этом, ни в иных мирах не могло этого изменить.

— Тварь! Ваал, сука! — Шиала внезапно потеряла голос, и прошипела это, хотя усилие свидетельствовало о крике. Это слышала она, Мауна и он. Больше никто.

— Шиала, помни о нас, — проигнорировала Мауна, совершенно. — Помни о вере. Помни о *Самой Яркой Звезде*.

С ладонями в крови, полуобняв его, Шиала вдруг поглядела на Мауну, потом — на Арзиса. Что-то такое ей Мауна сказала, что-то напомнила.

К ним уже панически спешила телохрана — и Мауны (пятеро), и Шиалы (двое, один их них — глава). Мауна жестила им, показывала им ладонями вниз-вниз, и жест оказался до того убедителен, что они даже перестали бежать, но только быстро идти.

Арзис закрыл глаза, потёр переносье. Затем открыл, и встретился взглядами с Вестающей Ваалу-Шиалой. Она вмиг похудела и постарела на лет десять; кажется, у неё на ушах появились белые шерстинки; она внимательно глядела на него, не забирая ладоней с тела своего льва. У неё не было ни немого вопроса, ни обвинения в глазах. Она сообщала ему нечто напрямую в сознание, встала, если угодно. Арзис не мог понять, что, но это не могло быть хорошим. Затем она подняла левую ладонь, в крови, и показала ему.

Он пожал плечами, даже слегка развёл руками, и эти жесты не видел никто, кроме неё.

Резко обернувшись, словно укушенная, Шиала увидела главу своей телохраны:

— Убей его! — показала она окровавленной рукой на Арзиса.

Это был такой жалкий, истерический симулякр, весь в плаче и бессилии, что всё, на что сподобился предполагаемый убийца — поставить руку на рукоять меча и чисто символически обнажить его на полкогтя, посмотреть на Арзиса то ли с отвращением, то ли даже острасткой.

— Всё верно, сестра, — Ваалу-Мауна неспешно, незамедлительно и недвусмысленно заняла место между чужим главой охраны и Арзисом. — Ты эхом повторила приговор сестринства для него, — показала на Карриса, у которого, между прочим, агония ещё не кончилась.

Ваалу-Шиала скрыла мордашку в ладонях, забыв о крови на них. Ваалу-Мауна показала своей телохране, мол, немедленно заберите беспорядок. Беспорядок очень быстро убрался, с помощью двух копий и ткани между ними, старый легатный способ переноски тех, кто уже сам ходить не может. Телохранители не показались Арзису слишком удивлёнными; среди них оказался сир Ваннарен, который сначала посмотрел на Арзиса, потом на убитого, кивнул себе молча, мол, всё понятно, и ушёл, вместе с остальными.

Теперь взгляд Мауны явно давил на телохрану Шиалы, которой тут стало ещё на пять больше, и глава помялся подле своей Хозяйки, отпустив меч. Они все тоже не показались Арзису чересчур удивлёнными, только провожали взглядами носилки с уже мёртвым любовником Хозяйки; мало того, один из них показал Арзису кулак, мол, так держать.

— Хозяйка? Новые приказы? — подали они голос.

— Уйди. Уйдите, — не убрав ладоней с глаз и скул, простонала Шиала.

— Периметр, — с облегчением приказал глава её стражи, и они вполне бодро ушли.

Наступила тишина.

— Ты знала, что он совершал, — утвердительно сказала Мауна.

Арзис — такой неуместный момент — вдруг начал восторгаться ею. Он даже не понимал, почему. Эти руки на поясе, с кинжалом-сирной. Эти полуприжатые уши. Это платье-пласис. Вес на одной лапе, вторая — вперёд. Её решимость. Её преданность какому-то ещё неясному делу. Её воля.

С мокрого носа Шиалы капало.

— И я скрою от сестёр, что ты знала об этом. В знак моего понимания и безграничной сестринской любви.

Всё это Мауна говорила прямо здесь, при нём, Арзисе. Он не знал, что с собой делать. Оглядел себя — ни капли крови на нём, ничего.

— Спасибо, — такое неожиданное слово от Шиалы.

Мауна села подле неё, взяла её ладонь.

— Ты была в опасности. Сестринство огорчалось, — твёрдо говорила она, несмотря на мягкость, с которой брала её ладонь. — Я помогла тебе избавиться, я освободила тебя.

— Ты... ты... ты.

Шиала мучительно, чрезвычайно мучительно подбирала слова.

— Ты могла сделать это иначе, — сказала она совершенно не то, что думала.

Это даже Арзис понял.

— Вряд ли, — ответила Мауна; да, такой же тон слышится при её отличительном: «Не говори». Спокойный. Немного надменный. Чуть обвиняющий. Очень ясный.

Всё, Шиала сдалась.

— Прости. Пусть меня простят сёстры. Меня простят? Что теперь будет? Что случилось? — её слова скатывались во всё большую безнадегу и отрешённость с каждым словом.

Ваалу-Мауна обняла Ваалу-Шиалу, свою сестру-Вестающую. Они сидели вместе, у края дивана. Рядом была кровь на плоских подушках и валялся вверх ножками откинутый Арзисом стол.

— Ничего не случилось. Всё позади, сестра... Арзис, — кивнула ему Хозяйка, и он развернулся и ушёл, всё оставив так, как есть.

Зверь

Через день Арзис получил от сира Стана, который избегал смотреть ему в глаза, избегал слов (кроме самых необходимых), двадцать тысяч имперялов золотом, причём не слитками (было бы два батона), а удобными монетами (двести приятных плюшек). Он даже не знал, для каких целей Арзису выдавалась такая сумма из кошельков молодой Хозяйки, и это угнетало его ещё больше.

Зато Арзис знал прекрасно: половину отдаст родне этого Ману, или как его там, им любые деньги будут впору, они и так ничего не ждут; а остальное — заберёт себе. Разумно и предприимчиво, риск — крошечный, доход — почти годичный.

Всё, что оставалось — уйти из обители в Баш и разузнать, где, как и с кем Ману жил.

Вышел из главного входа, посмотрел на знакомые, стройные два тополя при входе, потянулся вверх. Поправил тунику, топнул кнемидами. Надумалось: надо бы тугой красивый кошелек чем-то скрыть с пояса, а то стащат.

У парадного входа в обитель Вестающей вряд ли можно найти много грязных мешков, и Арзис отправился в цоколь. И снова таки у чёрного входа столкнулся — мощно, внезапно и с шумом — с Тоей, которая несла перед собой (не видя дороги) большую корзину, доверху полную гусиным пухом (с тканью наверху).

Пух зрелищно, красиво, как прекрасный снег на севере, разлетелся по коридору, часть охотно улетела за дверь; корзина стукнулась о стенку; Тоя упала на Арзиса.

— Фус! — она.

— Твою мать! — он.

Он не видел её некоторое время. Не разговаривал — давно уже. Кажется, с дня поединка. Вроде как пару дней назад завязалась беседа у чёрного входа после обычного «Привет, Тоя — Сильного дня, сир Арзис» (Тоя снова обращалась «сир», и всё тут; правда, уже без «господин»), но вмиг прервалась, ибо служанки, дхаарки, кухарки — кто там поймёт — куда-то заспешили, и уторопили Тою за собой.

Естественно, Арзису от столкновения ничего не было. Тоя же уткнулась мордахой ему в грудь, и даже пришлось схватиться за его пояс, чтобы не упасть; вряд ли бы это случилось, ибо он поймал её, лёгкую, за плечо. Но как только она совладала, выяснилось, что амулет с символом Ахея (и кольцом Арзиса тоже) зацепился шнуром за фибулу на его тунике.

— Что там такое? — уже недовольно спрашивали из мойной рядом.

— Извинить меня, — сделала Тоя осторожный рывок с бесконечно виноватой улыбкой и такими виноватыми ушами. Не получилось — всё ещё больше запуталось.

— Носик цел? — поинтересовался Арзис, пригладив по плечу, за которое поймал.

— Нет. То есть, да, — ловкими пальцами львицы она пыталась освободить свой нашейный символ из плена фибулы Арзиса. Не получалось, пришлось быстро снять его с шеи и высвободить вот так, трагично глядя на рассыпавшийся кругом пух. — Извинит сир-господин Арзис, — освобождённая, спрятала символ с кольцом за воротом, и отошла на шагок.

Она очень нажала на «сир-господин», но немудрено: две служанки вылезли из мойной и уже с любопытством глядели на представление. Наверное, потом ещё полагалась взбучка за много утраченного пуха.

— Сильндень, сир Арзис, — сказали ему.

— Так, хаману Реная есть? — мгновенно он принял угрожающий, деловой вид.

Те сникли, даже уши им чуть прижались:

— Нет, не тут.

Тоя умолкла, чуть в сторонку, к стеночке.

— Тоя пойдёт со мной по важному делу. Дело определила Хозяйка. Скажете Ренае, дхааркам, и всем остальным, — угрожающе сказал Арзис. Теперь для Тои: — Бери корзину, вытрусил из неё, вытрусил всё. Прямо сюда, на пол. Так. На, поставь это, — дал ей кошелек, — накрой вот тряпкой. Вон той, белой. Пошли.

Кивнул ей, и она, растерянная, послушно юркнула в дверь на белый свет, вместе с корзиной, в которой ютились деньги в кошельке.

Арзис хлопнул дверью, снова кивнул ей и они куда-то пошли.

— Куда мы идём, сир Арзис? — она сзади и слева.

— Ты как, забыла насчёт «сира»?

— Нет-нет. Но я при иных Семейных не могу так говор... — тихо сказала она.

— Можешь.

— Аааам, так будет нехорошо, — пожаловалась Тоя, причём убеждённо; она вообще могла говорить убеждённо и веруя, это уж Арзис подметил. — Сложно. Подумают не то-то. Они и так... — не договорила.

— Мы в Баш идём, решим вопрос. И вообще, как раньше я сказал: выйдем в город, вместе, здесь в подвале сидеть нечего.

Хотел добавить «пусть на тебя добрые Сунги взглянут», но не добавил.

— Арзис, погоди, пожалуйста, — остановилась она. — Но...

— Что? Идём, у нас дело есть.

— Нельзя идти так, в рабочем платье я, — указала на себя, потрепала передник. — Грязное оно. Переодеться на выход надо, непорядно. А там ещё работа...

— Работа постоит. Нет времени, пойдёшь так.

Тоя, кажется, немного подумала; поглядела на обитель, немного мученически, немного с решимостью, потом сняла головную накидку, обмотанную вокруг пояса, и надела себе. Уши с железными кольцами встали в прорези. Они шли к чёрному выходу, чёрным воротам (восточным). На выходе Арзис усмехнулся привратным стражам, один из них — Тай — поднял ему руку в приветствие.

— Зачем тебе дхаарка? — смешливо спросил, упираясь о холодный камень стражной башенки. Провожал взглядом, бросал монетку, один империял.

— Нужна.

Снова таки, Арзис хотел пошутить, но не пошутил. Подумал только, что Тай — самый опасный тип среди всей охраны Востающей. Самый такой... в головорезы. С таким можно натворить дел. Идеально бы так: он, Тай и Мауна. Был бы хороший костяк деловому кружку; конечно, самки в деловых всегда очень-очень многое усложняют, но если всё делать правильно, то сложности преодолимы; а их таланты порой незаменимы. Арзис замечтался, добавил себе в банду ещё Хагала. Это ничего, что он дурак, особо в вопросах самок. Дурак и отчаянный, такие тоже полезны. За выпивкой он бы Хагалу в два пальца объяснил, что делать с такими, как Атрисса. И не делать.

Он, конечно, враг, и должен был быть убитым, везучий; но сегодняшние враги — завтрашние друзья.

Они пошли дорогой от обители к Башу. Это полльена (пять сотен широченных шагов), потом направо по улице. Тоя несла немаленькую корзину, обняв её двумя руками, не жалуясь. Она молчала, и шла слева и сзади. Арзис шёл впереди; по манере вояк, что бывали на Востоке, он абы как заткнул длинный нож за пояс сзади вместо короткого меча. Навстречу прошли два стражника, и Арзис немало удивился этому (тут совсем пустая дорога!), а потом понял, что Башский магистрат ещё как опекается обителью Востающей, ну естественно, должен. Конечно же, Арзис показался им подозрительным, и они уже было направились к ним обоим, но Арзис вынул небрежно из-за пояса (тоже сзади) бронзовую табличку с именем Хозяйки и совсем пустым местом для личного девиза. Такие имелись у всех в Семье; по дому их не носят, но вот если куда идти — то берут. Особо вот Арзису полезно её брать. Стражники вмиг перестали интересоваться, Арзис высморкался набок (вправо, потому что слева — Тоя) и ещё плюнул.

Вдруг он остановился, осмотрел Тою от когтей лап (не очень-то скрытых подолом платья в половину голени) до кончиков ушей (по три

железных кольца в каждом). Влажный нос, блестящие глаза, еле видно белизну зубов.

— Стой, а кнемид у тебя что, нет?

— Нет, я ж по дому и подле ходила.

— То-то я слышу шаги твои, это самое, цокают, и это... — задумчиво не закончил Арзис.

— Дхаарам позволено во львиных местах без кнемид, могу и босой идти, — с готовностью молвила Тоя.

— Так лапы могут устать, побиться, — сощурившись, посмотрел на обитель Арзис. Отошли уж на шагов триста. Красивые тополя скрывали забор во львиный рост.

— Нееет. Сойдётся будет, с... Арзис.

— Как будет? — позабавило его наречное слово.

— Будет хорошо, обычно, — поторопилась поправиться Тоя.

— Ладно. Возвращаться — не дело, — шмыгнул носом Арзис, подумав о служанках-кухарках-дхаарках, которые могут завернуть-задержать сбжавшую с ним Тою, — примета плохая. Придумаем что-нибудь. Тебе с корзиной неудобно, — оценил он её снова. — Оставь на обочине, только не кошелёк, да, а корзину. Заверни его в тряпку. Всё, не упусти. Идём.

Тоя всё так и сделала, обняв кошелёк как львёнка, и они пошли дальше. Никого не было. Пару раз он посмотрел на неё, обернувшись влево и чуть назад. Она каждый раз смотрела на Арзиса, а потом — прямо, вперёд, поняв, что он глядит просто так, ну или не просто так, но без намерения: поговорить, отругать, остановить, наказать, рассмотреть, схват...

— Сунгам тоже можно, — с расстановкой начал он, — без кнемид в львиных местах. Даже без штанов. Некоторым — даже без головы.

— Сунгам можно всё, — просто ответила она.

— Хорошо тыхватила, Тоюля. Всё. Мёд бы лизать твоим языком.

Он пару раз слышал такой оборот от одной старой шлюхи с прозвищем Качанка. Даже не стоит спрашивать, как она получила такое прозвище. И да, даже спиной и хвостом, гривой и загривком, он ощутил, что Тое немножечко неудобно. Лизать. Подвал. Она, вся в вине, в тёмно-красных потёках, мокрая. Мысли так у всех поразбредаться могут, что потом не загонишь обратно.

А они по делу-то идут, а не шутики шутить.

— С молоком, — добавил он.

— Я люблю молоко, — вдруг сказала она, после мига раздумий. — А ты, Арзис?

Понялось, что это быстрое «А ты, Арзис?» далось ей не просто так, не без усилия, не без обдумывания. Встречный вопрос, усилие, поддержка разговора. Ты. Арзис. Вопрос. Это много всего.

— В Нахейме я только то и делать буду, что обпиваться молоком. А ты, Тоенька, что в Нахейме делать будешь?

— Ничего. Я там не буду.

— Чего ж не будешь. Ты за Сунга замуж выйдешь, ты будешь Сунгой, и попадёшь, — указал он на неё на ходу, это слева и чуть сзади.

— Для Нахейма праведницей надо быть-быть, наверное, — подумав, ответила Тоя, глядя себе накидку.

— Куда уж тебя праведней-то... Направо.

— Нет, иногда я делаю плохое. И думаю плохое.

— Рассказывай, всё.

Она неуверенно заулыбалась, заходили уши, она странно повела плечом.

— Да обычно, как все. Ленивая бываю. Могу там... унывать. Или... такое. Нельзя о грехах рассказывать. О плохом.

Подумав о плохом, Арзис решил сейчас о нём не думать.

— В общем, не беспокойся: станешь Сунгой, можно будет думать и рассказать что хочь, можно будет всё. А то теперь прям всё нельзя.

— Ну да-да, дхаари много чего нельзя. Все главные правила Сожительства с Сунгами я помню.

Есть такой Имперский закон: «Приказы для дхааров, или Сожительство с Сунгами». Старый-старый, как вечно дополняемый и сменяемый Кодекс Ашаи-Китрах; как и Кодекс, закон этот терпит причудливые приключения.

— А что там за правила?

Начали входить в Баш. Вот колодец с ходящим по кругу волом, что качает воду. Здесь влажно, болото, Арзису запачкались лапы (с отличными легатными кнемидами), а тем более — Тое (без кнемид).

— Мрррааам... — всерьёз задумалась Тоя.

Арзис спросил просто так, чтоб поболтать. Он знаком со многими из этих правил, ну как не знать их, если в Империи живёшь. Если ещё добавить местные обычаи насчёт дхааров, то сам Ваал лапу сломит.

Тоя быстро начала, обходя лужу:

— Уши на виду в львиных местах, если только не мороз. Не писать высоким алфавитом...

«Высшим», — поправил в уме Арзис.

— ...стоять ко всему в отдельной очереди. При всех не говорить громко, не рычать и не кричать, не петь на своих наречиях, если только не разрешили. Оглашать имя, породу и место где живёшь, и кто тебя отвечает, за тебя. Нельзя при Сунгах говорить на своём наречии, если только не разрешили. Нельзя праздновать Сунговые праздники...

«Сунгские», — поправил в уме Арзис.

— ...но можно их обслужить, не веселясь, — скороговоркой говорила Тоя, сбиваясь с дыхания. — Соблюдать обычаи Сунгов, хозяев Империи...

Посмотрела на него, потому что её голос начал перебиваться уличным:

— ...всё охотное! Зверь!...

— Не снимать кольца с ушей, — поймав миг тишины, добавила и умолкла.

— ...луки, стрелы, наконцы!... — воистину рычала некая уличная львица.

— Если только спать идёшь, наверно. Но я сплю с кольцами...

Говорить стало неудобно из-за всего этого шума, потому он подобрал Тую поближе к себе за локоть, совсем рядом, слева.

— Ты спишь с кольцами? — поинтересовался Арзис, выбирая путь в толпе.

— Я, я... Арзис, я что-что-что, я не услышала? — как-то очень обеспокоилась Тоя, даже прижалась к нему, и он приобнял её на короткое мгновение, оберегая от столкновения с ручной повозкой.

— С кольцами спишь, говорю? — сказал он ей, ближе.

— Да, мне так обычно, — Тоя и себе потянулась к его наострённому уху. — Я всегда привыкла.

Прошли пару шагов, прошли мимо таверны, она вдруг добавила, снова потянувшись к его уху:

— Я легко сплю.

— Луки, стрелы, наконцы! Проводы на хорошие места! Всё в путь! Всё охотное! Зверь! — редела рядом львица, рассевшись на табурете, как идолъд у восточных варваров, после каждого восклица бряцая звонком.

Арзис остановился подле этой львицы. Предлагалось войти в лавку: видно, что старую; деревянную; сверху была надпись, но она давно стёрлась.

— Кнемиды есть? — спросил он у львицы.

Она не ответила, только махнула звонком, мол, заходи, там всё узнаешь, и снова:

— Луки, стрелы...

Арзис так и сделал, и вошёл в темноту первый; ударился о потолочную балку. Лавка точно старая — в ней царил бардак и обилие, типичные только для старых, набитых торговых мест. За столом сидела хама-ну возраста силы, очевидно сестра крикуньи у входа, и плела сеть.

— Хорошего дня, добрые...ый Сунг, — помахала им рукой, заметив, что Сунг только один, а к нему впридачу — просто дхаарка.

Этот обычай в Листигии, особо здесь, на её севере, не переставал удивлять Арзиса. Сунги-листиги всем подряд махали рукой, и по любо-

му поводу. Когда он решал вопросы в весёлом доме, то постоянно видел, как его подопечные львицы манят львов, махая рукой и бряцая при этом браслетом с громкими бряцалками.

Открытый, торговый прайд. Чем-то на хустрианцев этим похожи.

— Хорошего дня госпоже-хаману, — чуть поклонилась Тоя, как и принято.

— Красивого, — подошёл Арзис, оглянулся, заткнул ладони за пояс. — Шумно тут у вас.

— Ой, льстец. Красивого. Что, так хорошо выгляжу сегодня? — засмеялась торговка, и пригладила-разгладила уши, держа в ладони крюк для сети.

— Уже подозреваю красоту дочерей львицы.

Довольная таким во многом хитрым комплиментом, львица бросила крюк с сеткой и встала:

— И, что ищешь, алмазный? — вышла. — Ты временем не найсагриец? — спросила внезапно, броском.

Тоя стоит сзади и слева Арзиса, сложив руки перед собой и глядит вниз: дхаарские манеры знает хорошо — всё-таки на служении у Вестающей.

— Лучше. Яамриец, — осанился Арзис с усмешкой, и подёргал буросерую гриву.

Тоя подняла на него взгляд на миг, потом снова опустила.

— А, сила Империи, страсть Империи. Слушай, ну легатных кнемид у меня нет, — придиричиво смотрела она на его лапы в коротких, до начала голени штанах.

Арзис показал на Тою пальцем, потряс ладонью:

— Не мне. На неё.

Удивилась торговка, удивилась и Тоя. Нет, та даже испугалась и растерялась одновременно.

— Гм. Ну это делать надо на неё, обмерять.

— Готовых нет?

— Есть пару самочьих готовых, но много дороже будут, — немедленное предупреждение.

— А ну.

Она просто, без сантиментов приподняла Тое подол, чтобы осмотреть лапы.

— Экая лапистая твоя дхаарка, ей побольше нужны. А сама вроде тощая. Но у неё лапы в грязище, мерять не дам.

— Надо помыть, где можно лапы помыть?

— Ну там разве что, дальше... Да зачем мерять, много церемоний. На, купи, подгонит себе и пойдёт.

Торговка предлагала дешёвый вариант, ни туда, ни сюда, с такими разве что подле дома только ходить, да и всё.

— Не, эти не, — медленно сказал Арзис, хмурясь, устрашающий. — Ничего лучше нет?

Тоя посмотрела на него снова в краткий миг. Так угрожающе, наверное, спрашивают что-то, если перехватили по дороге. Ничего лучше нет? А ну, выворачивай карманы, показывай, всё показывай, раздавайся.

— Лучше? — удивилась торговка. И с вызовом: — Есть.

Вынесла. Ремни из мягкой воловьей кожи. Основа, подбитая железными гвоздями. Полностью закрывают когти. Действительно в путь, дорожные.

— Иди, помой лапы, — сказал Арзис для Тои.

Торговка, вздохнув и глядя себя по груди, молвила:

— Туда вон, за угол, есть корыто, там сольёшь себе.

— Да, госпожа-хаману, — кивнула та, и пошла прямо так, со свёртком из двадцати тысяч империалов. На полдороге остановилась, возвратилась и протянула кошелёк в свёртке ткани Арзису.

— Пожалуйста, сир-господин Арзис возьмёт-возьмёт.

— Тоя, говорили же о сирах и господинах. Вот же накажу.

— Да, — сразу согласилась она, и пошла.

Торговка хмыкнула, посмеявшись с этого хождения туда-сюда и болтовни. Арзис же подумал о том, что его юная, украденная львица-дхаари всё-таки нащупала, что там монеты, и мудро не решилась с ними оставаться сама хоть на миг. Сообразительна.

— Ты чего, ей эти кнемиды решил купить? — насмешливо спросила торговка.

— Да. Но пусть померяет.

— Зачем такие кнемиды дхаарке? Купи ей ошейник лучше, без ошейника ходит, — смерила его хитрым взглядом хаману, облокотясь о стол. — Порядок будет.

— Не. Неа, — с чем-то медленно не соглашался Арзис, разглядывая интересную сумку для охоты, похода; своё вялое несогласие он не закончил, ибо тут вернулась Тоя.

Она уселась на пень, который правил за стул, его подсунула хаману (лапой). Шустро надевала кнемиды, и Арзис, глядя на её лапы, удивился Тоиной будничной ловкости.

— ...всё охотное! Зверь! — снова послышалось с улицы.

— Тоя, тебе зверь нужен? — спросил Арзис с ухмылкой, перестав трогать шкуры ежей.

Совлада с последним ремнём, она поглядела на него исподлобья, наклонённая к лапе. Серьёзная такая, взгляд из-под накидки, лапа вытянута вперёд, смотрит. Ей походили уши — не спешит с ответом; она размышляет, подбирает слова.

Подобрала, и:

— Арзис...

— Не сиди, вставай, — прервала все нюансы торговка-хаману, жестила Тое: поднимайся на лапы.

— Ну как, хорошо сидят? — потянулся вверх Арзис и зевнул. Свёртком с кошельком нечаянно ударил о снова-таки потолочную балку, монеты приятно похрустели.

— Очень хорошо, — сразу сказала Тоя.

— Походи, — посоветовала торговка.

Тоя прошлась, сцепив ладони под грудью. Она стала чуть выше. «Её накидка — сзади аж до начала хвоста», — отметил Арзис. Длинная, тёмно-бурая. На все погоды и случаи.

— Хорошо, хорошие, — доложила Арзису после кружка. — На такую львицу, как я, подойдут. С лапой такой, — приподняла лапу перед собой, показывая ему. — С такой.

— Отлично. Берём.

— Девять сотен, — вкрадчиво молвила торговка, прямо как в отместку; уверенная, что такая оглушительная цена заставит этого устрашающе-симпатичного львину (её бы дочери подошёл, но надо знать, кто таков и чем занимается) задуматься, надо ли дхаарке такие кнемиды.

— Какой вопрос, — Арзис вытащил девять золотых из того самого кошелька и поставил на стол.

Торговка взяла деньги с подозрением, покусала.

— Кстати, львица знает, где здесь сир Ману жил? Большой такой, он ещё в Круг любил ходить.

— Мда, слыхала, слёг и умер на днях. Иди в Новосёл, он оттуда.

— Он что, не в Баше жил? — чуть оскалился Арзис. Это предполагало лишние усилия, дорогу и трудности.

Спрятав в сундучке золотые, она ответила:

— Это часть Баша, на север. Я точно не знаю, там о нём спроси. Там знают. У него жена осталась и трое сыновей. И мать больная, его, — загибала пальцы хаману, хмурясь. — Отец его на охоте пропал, давно... Чего ещё надо, добрый сир? — во все зубы (сломанный клык) улыбнулась ему, вернувшись к делу.

— Хорош. Пошли, Тоенька, — тронул он за плечо подопечную и украденную из обители львицу-дхаари.

— Ты ещё заходи, если что! — поторопились сказать Арзису в спину и хвост.

Они и пошли дальше, на север Баша. Тое снова передался свёртком с кошельком, и она снова его бережно понесла.

Важно прошёл фирран в наморднике с молодым наездником, разгоня толпу по узковатой улочке. Прижались и они поближе к стенам, делать нечего; Тоя непривычна к фирранам, львиным сородичам размером, считай, лошадь, и явно боялась. Отходила задом к стенке, забыла

что в кнемидах, споткнулась, но и Арзис её схватил, и она схватилась за Арзиса. С извинением поглядела на него.

Он же позвал фиррана, издав цоканье языком — так их подзывают, особо чтобы поласкать или для кормёжки. Фирран отозвался, и остановился возле Арзиса, принохиваясь, но хозяин заставил пойти дальше, и добавил:

— Придурок.

— Но-но! — предупредил его Арзис, но наездник не отреагировал. Арзис проводил эту парочку взглядом, затем они с Тоей пошли дальше.

— Арзис?

— Да?

— Снимать их? — показала на кнемиды Тоя. — Мы уже... всё? Сделали?

— Что? — ничего не понял Арзис. — Почему снимать? Тебе что, в них неудобно?

— Удобно.

Арзис сказал раздражённо:

— Носи, раз удобно. Не ходить же по Башкскому говну простолапой.

— Значится это, они мне-мне? — удивилась Тоя.

— А кому ещё?

— Я вот подумала, — быстро заговорила она, обходя лужу, из-за чего они ненадолго расстались, — что это мы пошли покупать кнемиды львице, у которой лапа, как у меня. Работа такая — подобрать кнемиды, для неё я нужна.

— Какой львице, например? — любопытствовал Арзис, следуя этой забавной мысли Тои.

— Не знаю. Какой-то твоей львице, или там... не знаю... какой-то, — жестила она с естественной растерянностью.

— Нет. Они тебе. И наострись: мы как раз продолжаем путь по нашей работе. И там ты должна выглядеть хорошо.

— Куда мы идём? Вех, выгляжу я плохо-плохо, — у Тои было нечто вроде хорошо придушенной паники.

— Что, хочешь чтоб мы ещё шмотья накупили?

— Нет-нет-нет, — ужаснулась Тоя. — Милосердный Ахей, что мне теперь делать?

— Идти за мной, что ещё, — с суровым оттенком сказал ей, не оборачиваясь (она — сзади).

— Я знаю. Но... что-то теперь делать? — воистину сокрушённо молвила она. — Так... нельзя.

Арзис махнул рукой, мол, идём и хватит ерундой заниматься. Тоя притихла, и некоторое время они шли совсем молча. Но затем кое-что случилось, как только они остановились на перекрёстке — Арзис ощутил, что его царапают коготками по предплечью: ласково, осторожно, и

длинно, долго. Момент улучен хороший: и внезапно, и в покое (а не движении), и точно — он вздрогнул, прошла колючая волна по телу.

За моментом охотились, его высматривали.

— Арзис, — встала Тоя вроде и сбоку, но вроде и перед ним. — Я не знаю, что мне делать. Я вся благодарна, что ты мне подарил. Спасибо, — она присела, и даже склонила голову, и вся она очень переживала. — Не знаю, что делать.

Он сощурился с улыбкой. Определённо, так много этих «не знаю, что делать» оглашалось неспроста, и он внял почему, сведущий в обходных тропах львиц. Тут мимо пробежала стайка львят, и задела Тою, та аж пошатнулась; один из них бросил «Извинит маасси», второй ему сказал «Дурак, это дхаарка».

— Что, Тоюня, боишься быть мне должна? — говорил Арзис, глядя ей в глаза, а Тоя потирала ладонь о платье и сжимая свёрток. — Не знаешь, за что и почему?

Она совершенно честно призналась:

— Да, ну да. Не знаю, чем должна взамен.

— Правильно боишься. Бойся! Грррр. Заделал себе должницу, — причал он на неё. Потом, задумчиво: — Кто знает, к чему всё это приведёт. Опрометчивое решение — примерить эти кнемиды.

Тоя тоже задумалась над перспективами и ловушками, закусала клыком губу. Он дотронулся к её носу, от неожиданности она моргнула, а потом не удержался, и перешёл к любимой вещи, уже с нею однажды проделанной — закрывать львицам мордашку: берёшь ладонь и просто закрываешь им рот, ещё водишь по сторонам; прошли мимо две хаману, обсудили происходящее: «Гляди, этот дхаарке заткнуться велит».

— Не кусайся, — навёл на неё напраслину, и повернул такую, с закрытым ртом, к себе хвостом, обнимая за плечо и показывая когтем куда-то на север, и так они вместе смотрели туда, куда-то на север. — Чтобы выполнить задание, которое нам поручили, тебе нужны кнемиды, чтобы ходить как надо и лучше выглядеть. Всё. Теперь в них тебе ходить за мной — таково твоё дело.

Тоя, когда он отпустил, первым делом оглянулась по сторонам. Совсем растерянная от всех движений и проделанных над нею вещей, она продолжила кусать себе клыком губу и начала приглаживать накидку, уши. Подумала: это всё ей за «сира-господина». Говорил же, что накажет.

— Арзис, что теперь, как мне делать?

Она имела в виду задание, которое им поручили. Но Арзис, наверное, понял что-то своё:

— Не капризничай, Тоюля. Ты крутишь мне голову, не слушаешься?

— Нет. Не слушаюсь, кручу. Фус! Не кручу, слушаюсь. Ой... Ахей, что я...

— Ты хитрее, чем я думал. Так, слушай сюда, — снова взял он её за плечо. — Давай мне наш груз. Вот так, — получил от Тои кошелёк. — Походи тут по улице и поспрашивай, где живёт Ману, который умер. Спросят, зачем — нужно для хозяйки. Точнее, хозяина. Хозяина. Всё, давай.

— Ману, который умер. Хорошо, — кивнула Тоя, пригладила накидку, проверила, спрятан ли символ Ахея (при Сунгах как бы можно, но не одобряется открыто носить), повернулась и посмотрелась на себя, прошлась сзади ладонью по платью, оглядела кнемиды, и пошла.

Всякий проходимец знает, что львица в твоей компании добавляет доверия, а особо — юная. Лев, который шляется по окрестностям и спрашивает о том, кто где живёт — подозрителен. Особо такой, как он. Прикинуться можно много кем, но очень сложно будет прикинуться безобидным. Но лев, который ходит со львицей и спрашивает, кто где живёт — это куда миролюбивее. А ещё лучше — юная львица без всяких львов с мордами убийц. Конечно, возможны затруднения либо недоразумения из-за того, что львица — дхаари, служанка в мире Сунгов, но это частности. Или, это даже может оказаться на руку в её поиске.

Конечно, сначала Тою он забрал просто потому, что так захотелось — львицы добавляют красок, и видят их куда больше. Вместо нудятины одиночного задания предстояло нечто странно-весёлое, с неожиданными поворотами и неизменным, тайным напряжением между лапами. Но теперь Тоя действительно могла немного помочь. Наверное, она способна и много помешать, как это завсегда бывает с самками.

Обо всём этом думал Арзис, опершись о столб и скрестив руки. Нож неприятно давил в спину, основание хвоста.

Она вернулась довольно быстро, можно сказать — неожиданно быстро. И сама она шла быстро, но в последний миг подождала, пока перед нею пройдёт львица с вереницей лвьят, очень много, не меньше десяти; они держались друг за друга (львёны — за руки, парочками, лвьята — за жердь, которую несли вместе). Тоя провожала их взглядом, и Арзис наблюдал за этим.

Она подошла, и начала поправлять накидку, которую развевал неожиданный ветер:

— Ману, который умер, живёт на улице туда. Надо идти туда прямо, — жестила Тоя, показывая — первый поворот налево не идти, второй поворот налево — идти-идти. Четвёртый-пятый дом слева — его. У его дома недостроенный забор из камней.

— Отлично, Тоюша. Ты — умница, — ему действительно понравилось. — Идём.

Улыбнулась, вздохнула:

— Там попался добрый старый лев, он такой добрый, — полуприжались её уши.

Снова они шли, и она всё что-то приглядывалась к нему, поравнявшись с ним слева, словно искала взгляда. Арзис это заметил, но не подавал виду.

— А что у тебя такое? — показала на его левую щеку.

— Где?

— Кто тебя ударил? — более определённо спросила Тоя; осторожно так.

— Это недавно было. Шёл я по городку, никого не трогал, и вдруг столкнулся с какой-то львицей. Она была молодой. Кажется, богатой. Кажется, красивой. К ней пристал какой-то бедолага, хотел выведать её львицины тайны и смеялся с неё, и я отогнал его палкой. Вот так, ткнул в живот. Львица поблагодарила и сказала, что я ей помог. Я спросил, где её охрана, ибо она молода, красива и богата. Она сказала, что у неё плохая охрана. Она вытащила письмо из-за пояса и начала им обмахиваться, как веером. Я решил с ней попрощаться, и при прощании сказал «Пусть Ваал возьмёт тебя на руки, львица». А она меня ударила когтями, потому что хотела, чтобы я поцеловал ей руку. И говорил ей уважительно, а не «ты». И извинился. И смел только слушаться. И в ответ... словами не передать, что я сделал с ней в ответ. Но ты уже сама знаешь, — Арзис выразительно потёр себе нос, намекнув на мучение мордашек.

Всё было немножечко не так. После убийства льва в садике и после отъезда Шиалы на следующий день, Хозяйка пригласила к себе. Похвалила и поблагодарила. Не объяснилась и не объяснила. Он был немного пьян. Всё чинно. При прощании Арзис полюбопытствовал, часто ли придётся протыкать почтенных гостей, и будут ли дополнительные деньги за такие проделки. Ответа не получил. Потом Арзис полюбопытствовал, она ли украсила копьё лентами и надушила его духами. Мауна сказала, что да. Лично? Лично. Арзис предложил, что духи это ничего, пусть будут, а вот ленты, раз уж такая свадьба, надо делать повеселее — например, писать на них стихи; она заинтересовалась и потребовала, чтобы он огласил эти варианты, и он предоставил; один из них кончался: "...на хую орёл сидел". Мауна заехала ему когтями по морде и выгнала из покоев.

Задумавшись, Тоя осмысливала эту, в высшей степени любопытную историю. Думала она и тогда, когда он предупредительно спас её от столкновения с четвёркой нахальных молодых львов (и здесь красочный конфликт Арзис посчитал невыгодным, мгновенно определив, что они — силовое крыло местных львов дела), и завернул за угол, мимо грубо сколоченного указателя, на котором кто-то выжег: «Аша — шлюха».

— Плохая львица, — вдруг фыркнула Тоя.

— Согласен. Надо было ещё прямо там её отшлёпать. Зеркальцем.

— Отшлёпать... зеркальцем? — осторожно спросила Тоя.

— Да, — дакнул Арзис, оглядываясь. — Непослушных маленьких левичек шлёпают зеркальцами, ручными такими, знаешь.

— Аааа... Не знала, — пожала плечами Тоя, глядя на него. — Такой обычай, — нашла объяснение, поняла. — Наверное, для богатых. Зеркальца ручные — дорогие, это хорошая вещь-вещь. Лучше тонким ремнём. Или веткой. Такой меня мама была.

— Нравится мне ход твоих мыслей, Тоюша. Так, а ну-ка иди сюда, — он внезапно завёл её к одинокой, покосившейся скамейке, которая так удачно стояла на этой густой, зелёной, хаотичной, окраинной улице среди кустов, и никого подле неё не было.

Они и встали подле кустов.

— Так, Тоюша. Время кой-что сделать.

Она смотрела на него, серьёзная, снизу вверх.

— Тут ходят, — зачем-то отметила такое обстоятельство.

— Мы быстро. Давай кошелёк. И давай передник, что там в его кармане?

Тоя с готовностью порылась в нём, словно только этого и ждала.

— Нитки, ножик в тряпке. Ты им уколол палец, помнишь? — показала.

— Ладно, неважно. Надо наше добро распилить. Раз, два, три, четыре... ай, короче, — взял он на глаз охапку монет из кошелька, и поставил в свёрток. Потом ещё одну. Затем свёрток шустро пошёл в Тоин передник, а кошелёк похудел примерно наполовину.

Арзис не мог завязать шнур кошелька, что-то ему не выходило, и Тоя пришла на помощь, и всё мгновенно получилось.

— Так много, и как золотые, — просто заметила Тоя, показав на кошелёк. — Я когда несла, то поняла, что там монетки. Не думала, что такие.

— Девятнадцать тысяч сто империалов, — подмигнул ей.

Это дурацкий поступок — из озорства и гонора говорить ей сумму. Даже пилить при ней сумму — дурацкий поступок.

— Девятнадцать и сто. Ох, ещё тысяча. Это, наверное, очень много-много.

— Наверное. Эти, что у тебя, — потрогал он её за передник, — мы понесём обратно, домой. А вот эти, — потряс кошельком, — мы отдадим родным Ману, дом которого ты искала. Такое вот дело. Поняла?

— Да. Но зачем прятать в передник? — посмотрела она вниз, на себя. — Так неудобно, не пойдёт. Порваться может. Я в руках понесу, — предложила очевидность.

— Надо спрятать, Тоенька, — зачем-то настоял он: тоном голоса, жестом, касанием к её плечу.

В этом не было никакой необходимости. Свёрток выглядел самым обычным: просто нечто в грязноватой белой ткани, а не невесть что. Но вот настоял.

Дурацкий поступок — вообще её брать сегодня с собою, в это всё дело передачи денег за умершего льва, жизненную силу которого съела блистательная молодая Вестающая величайшей Империи Сунгов. Деньги любят тишину, поменьше глаз, поменьше суеты и движений. Тоя не понимала ничего из того, что они делали; но, наученная служением у Вестающей, не задавала никаких вопросов. Арзис не понимал тоже, зачем проделывает все эти странные, никому не нужные экзерсисы, зачем втягивает её, придумывая для них слабенькие разумные предлоги («Пусть дхаарка идёт с деньгами, никто не подумает, что у неё сумма и не стащит», «Пусть дхаарка ищет дом, не так подозрительно», «Пусть львица ходит со мной — мирнее выгляжу», «Пусть Тоя будет со мной, когда передам деньги, чтобы... чтобы что?»). Он просто этого хотел. Просто хотел, чтобы она шла за ним в этот чудный день поздней Поры Выхода и делала всё, что он скажет. С этим Тоя пока справлялась безупречно. Хотел, чтобы она составила ему пару, ну точнее, компанию, компанию; чтобы их что-то связало, ну вот хотя бы это безусловно нечестное деяние, жадный денежный проворот; хотелось заляпаться в грязи, затащить туда ещё Тою, и ляпаться с ней вместе. Хищно, весело. У них должно быть больше общего. Так ему хочется. Есть примечательный (в некотором роде) случай на складе посуды, который должен был быть их общей тайной, связью, но тут много любопытных носов уже влезло, наделали шум, даже поединок из этого заколотили, они немного испортили эту связь (или наоборот?).

Ну да ладно.

— Надо-надо? Давай сюда спрячу, — и Тоя показала, что всё можно упрятать за пазуху, а не в переднике, который стал странно большим.

— Блестяще. Давай.

Но. Платье у Тои — глухое, не расстегнёшь, у шеи — драпировка, складки, которыми можно и шею прикрыть в случай непогоды. Практичное, повседневное, рабочее, обычное платье Сунг умеренных земель. Возле шеи ничего не пройдёт, ворот не распахнёшь. Казалось, задача неразрешима, и казалась таковой вроде для всех, ибо Тоя беспомощно оглядывалась вокруг, даже зачем-то встала на коготки, словно желая увидеть, не идёт ли кто там, за кустами или по дороге. Поглядела на него, выразительно так, тревожно и просяще:

— Что? — почесал он гриву.

— Арзис. Обычно я такого не делаю. Извини меня. Пожалуйста, распрясай меня.

Ему нравится раздевать львиц, поэтому всё сделалось, как и было прошено, без всяких вопросов. Цель, простая и прагматичная, стала

ясна — если вещь не идёт под одежды сверху, то можно засунуть её снизу, не так ли? Намотав немного Тоиного пояса на кулак, Арзис рассмотрел его — тот оказался интересным; неширокий, он имел действительно красивую застёжку из бронзы, и на ней выбит треугольник с лучами из каждой стороны. Три вершины — три луча.

Пока он рассматривал пояс, Тоя увела под подол свёрток, напряжённо глядя то вверх, то за спину Арзису, выглядывая, не идёт ли кто. Зажала его высоко меж лапами, поправила что-то, и провела аж под грудь; в итоге удерживала его через ткань платья, и вопросительно поглядела на Арзиса.

— Интересный пояс. Что это значит? — показал на треугольник.

— Каждая мрамрийка носит такой. Обычайно его нельзя снимать, особо — на улице. И при львах, — ответила Тоя, ничего не рассказав о значении.

— Ничего, сегодня можно.

— Я не снимала, ты снял, — объявила она убеждённо, даже с претензией. Это было важно, важное уточнение.

Твёрдость убеждений соединялась с гибкостью, если требовалось. Арзису понравилось.

— А. Значит, львам снимать можно.

— Не всем, — ещё одно важное уточнение после мига раздумий.

Она нетерпеливо топталась, определённо ожидая чего-то.

— Это само собой, — Арзис кивнул, растянув пояс во всю длину и повесив себе на шею.

Так они и постояли. Сзади явно кто-то прошёл и явно обратил внимание на них, но Арзис не обернулся, и только смотрел на Тою, улыбаясь и щурясь от солнца.

— Пожалуйста, закрой меня. Надень пояс, — объяснила.

— Я понял.

Он сделал это осторожно, даже уважительно. Встал на одно колено, чтобы получше застегнуть и не пережать; и ему вспомнилось, как подобным образом они застегивали друг другу доспех в Легате. Тоя одной рукой придерживала свёрток у груди и под платьем, и ждала, пока он ровно посередке расположит застёжку с неизвестным ему символом. Он щурился и несколько раз делал маленькие поправки с совершенно излишней точностью.

— Спасибо, — молвила, как только поднялся.

Он увидел, что свёртка спереди уже нет, и понял о маленькой хитрости — он уже сзади, за спиной, за одеждой. Ну Тоя, ну спрятала — на все деньги. Потрогал (обнял) её за талию, сзади, чтобы увериться. Оно.

— Пошли.

Долго идти не пришлось, шагов двести от силы.

— Этот дом?

— Должен этот-этот быть, да.

Арзис постучал и они начали ждать. Он увидел, как соседи напротив выглянули и начали неприкрыто их разглядывать.

— Вроде кто-то есть, — определил Арзис. — Заходим.

— А я что, тоже буду заходить-заходить? — обеспокоенно спросила Тоя.

Предыдущий план и элементарный рассудок говорили, что нет — ей надо, естественно, подождать на улице; ей делать внутри совсем нечего. Тем более, бывают Сунги, которые у себя дома дхааров не принимают.

— Всегда будешь заходить-заходить, Тоюня.

Это её испугало. Она тихо заговорила:

— Арзис, тебе надо было, наверное, брать не меня. А брать служанок Хозяйки, не меня. Им, наверное, лучше подойдёт сопровождать... тебя... для... вот этого... Мы же заходим... в чей-то дом... А я вся-вся очень... Я нехорошо одета, Арзис, это великий стыд...

— Страдай, — обычным голосом сказал Арзис. — Некстати одета, но у тебя красивые кнемиды на красивых лапах. У тебя хвостатые лапы. Я купил им кнемиды, чтобы их не кусать. Знаешь, мы тут сейчас зайдём и будем говорить, а я бы вместо разговора жрал твои лапы. Вот это был бы...

Двери открылись.

— ...великий стыд, — договорил Арзис.

— Да? — явилась львица в дверях. Она носила траур. Она точно исхудала. Светлая, кровь посевнее; рассечённое ухо, наверное Менаи или Таллалу по прайду. Её мгновенно становилось жаль.

— Хорошего дня, хаману. Здесь жил сир Ману?

— Здесь, — львица посмотрела долу, а потом — без всяких излишних объяснений, представлений и всего прочего — просто кивком пригласила их вовнутрь.

Они вошли, и она закрыла за ними.

— Чем могу помочь? — услышал Арзис от неё мягкий тон, и стало аж неудобно. — Я — его жена.

— А я — партнёр его партнёра.

— Аааа, — перебила львица. — Ещё долги. Заходите, мойте лапы, оглашайте, — сказала она, и дала Тое кадку для воды.

Тоя мыла лапы очень тщательно и уделила миг, чтобы их рассмотреть; Арзис не стал ждать и пошёл туда, куда пошла вдова-хозяйка, и попал просто на кухню, что здесь правила и за столовую. Сел на указанное ему место, хозяйка села напротив. Пришла Тоя, и ей — к удивлению Арзиса, и изумлению Тои — был предложен стул у третьей стороны стола, где она осторожно, скромно села, и очутилась посередине между ними.

— Я сейчас одна. Сыновья работают, будут вечером. Их трое. Шестнадцать, шестнадцать и четырнадцать. Была ещё дочка, но умерла от лихорадки маленькой. Давно. Старший сын взял дела отца. Если лев хочет, то может говорить с ним, но надо ждать. Но можно и со мной.

— Что с ним случилось? — спросил Арзис.

Львица пожала плечами, развела руками:

— Не знаю.

Вдруг заплакала. Тою это очень беспокоило, и она смотрела на Арзиса, словно он мог что-то сделать. Она даже показывала на неё, но он не мог внять, что она хочет. Тоя всё оставила и подседа к львице, и странная вещь — та уткнулась ей в плечо, как только Тоя дотронулась; Тоя обняла её. Тоя не плакала, но выразительными, влажными глазами глядела то на него, то на потолок, то на жёлтые стрелы солнца в окнах.

Арзис вздохнул, почесал за ухом и потрогал керамического петушка на столе.

— Он был здоров. А потом слёг. Он был очень сонный. Постоянно спал... У него вот дело начиналось — лес. Денег позанимал... Перед вами один приходил, — утираясь Тоиной же накидкой, говорила львица, — Ману ему дом в залог оставлял, оказывается. Серьёзный делок, я его знаю.

— Мы деньги возратить пришли, мы не за долгами, — примирительно сказал Арзис, выставив ладони. — Мы оставим и пойдём, — поставил он кошелёк на стол.

— О... О. Слава Ваалу. Поможет, спасибо. А от кого вы?

— У него есть один... партнёр, Арзис. Он знал.

— Арзис. Ладно, — развела руками львица, прижав уши. — Ну, слушайте, делок приходил. Ему надо вернуть девятнадцать тысяч сто империялов. Точный! Даже не двадцать, — хрипло засмеялась львица. — Где ж такие деньги соберёшь? Заберёт дом, что ли... Не знаю.

Не то что бы веря во знаки и совпадения, Арзис всё же уделял им должное внимание. Он их не искал, но вот иногда они находили его.

— Девятнадцать тысяч и сотня? — переспросил Арзис.

— Да. Много, — подтвердили ему.

Это ровно столько, сколько у них вообще есть. Дали двадцать тысяч. Минус Тоины кнемиды. Эм... из всех сумм мира — именно эта. Как так?

Тоя поставила ладони на край стола, очень оживившись:

— Как зовут хаману, посмею спросить? — очень уважительно обратилась она.

— Асадзи.

— Госпожа-хаману Асадзи, я плохо-плохо считаю, — вздохнула Тоя, потирая ладони. — Но я запомнила, — сжала ладони у груди, и поглядела на Арзиса, — что там девятнадцать. Тысячей. Сто.

Империалов. Денег. Там, — показала на кошелёк. — Это ведь поможет Арзис, правда? — аж поднялись ей уши, она снова глядела на него, ища одобрения.

Нет сомнений, что произошло: Тоя не только сочувствовала; она желала доказать свою пользу, свою способность участвовать в беседе; раз уж её взяли внутрь дома, усадили за стол, и здесь она сидит, считай, почти наравне со всеми и рядом с ним, она ведь его сопровождает (и пусть в рабочей одежде, ну что поделать, не дал переодеться!), он ж не просто так взял её с собой, он посчитал её хорошей компанией, он даже подарил ей кнемиды (она запомнила, она обязательно отдарится, при первой же возможности), то всем следовало увидеть, а особо кое-кому, что она может понимать вещи, беседовать, и даже называть большие числа. Даром, что она так много считать не умеет — но может запоминать. Даром, что рискует, ведь вмешивается в денежные дела, и вообще его дела...

...Арзис смотрел на Тою — та выглядела почти счастливой; вздохнул, потёр морду. Всё как-то сходилось. Никогда в жизни у него ничего так не сходилось (всегда чего-то не хватало). А тут — с Тоей, с деньгами, со всем — сходилось. Снова львицы всё перепортили — эти деньги от него уходили. Вместо них, наверное, обреталось что-то другое.

— Нет, Тоя. Там меньше.

Он заметил, как ей прижались уши. Она всё поняла. Оплешность. Возможно, роковая и непростительная. Не зря же что-то пряталось за пазуху...

— Ох, да и это в помощь, слава Ваалу, сколько бы ни было, — воздела руки к потолку хозяйка.

— Там половина, — Арзис показал на одинокий кошелёк на столе. — Не хватает второй. А вторая половина... — он медленно указал когтем на Тою. — Хаману Асадзи, есть ведро?

— Моё внимание? — не поняла та.

— Ведро побольше. Без этого будет золотой бардак.

— Что?... Сейчас принесу, — удивлённая Асадзи пошла за столом.

И действительно — миру явилось не ведро, но немалый деревянный таз с потертым обручем. Арзис подошёл к нему, жестом попросил Асадзи присесть обратно, и затем поманил — снова-таки жестом — Тою. Та пошла к нему сразу, виноватая, и — как оно часто бывало в этот день — растерянная.

— Встань в тазик. Лапы пошире. Ещё шире, — приказал он ей.

Всё равно широко не получилось — каждый раз Тоя ставала лишь чуть-чуть шире; всё недостаточно. Пойдёт, львица стоит в тазу. Арзис встал подле неё, как фокусник на ярмарке, представляя, излучая такую уверенность, что львицы замерли, как заговорённые.

— Хаману Асадзи, у меня есть такая львица. Вполовину не будет. Будет, как надо. Она сделает всё полным.

Он вытащил из-за спины нож.

— Ваал, не дай!... — воскликнула от страха хозяйка дома.

— Тихо, — пригрозил Арзис.

Удивительно, но Тоя не шелохнулась и ничего не сказала, только покосилась на Арзиса; ладони её сложены на животе в затейливом сплетении. Он повернулся к ней, встретил её взгляд (там столько всего), и аж чуть пожалел. Зашёл ей за спину, и если бы мог видеть её мордашку после этого, то увидел — закрыла глаза, вздохнула и умиротворилась.

— Старый тост: «Пусть самки будут обильны!».

И проткнул ей сзади платье ножом, там, где свёрток с деньгами. Он сделал это осторожно, куда осторожнее, чем казалось со стороны.

— Что ты с ней делаешь?! — ужаснулась хозяйка дома.

В таз посыпались первые золотые империалы.

— Гляди. Видишь, с неё сыпятся деньги, — тряс он Тоин пояс, подол, хвост через ткань. Тоя, открыв глаза, грызла когти, всё принимала и ничего не делала.

— Зачем ты так плохо её обходишь? — встала хаману. Тем не менее, она с интересом глядела, как в таз действительно сыпятся настоящие золотые.

— Да хорошо же! Глядим: эта львица точно обильна, — даже с гордостью сказал Арзис, потому что лязг монеток ещё не прекращался.

— Хах, — нервный смешок от Асадзи. Она села обратно и успокоилась. Представление в итоге оказалось невероятно странным, но не кровавым, не плохим, и — кажется — вполне прибыльным.

— Это хорошо, — внезапно сказала Тоя, вроде как для хаману Асадзи, но если задуматься — и непонятно, кому. — Мне ничего. Это мне за вину.

Арзис натряс ещё с неё денег, до последнего. Затем золотые монеты с профилями разных Императоров из таза перекочевали в кулаках на стол, образовалась такая себе кучка.

— Вот как. Ца. Считаем, — хлопнул в ладоши он.

Высыпались монеты из кошелька, и пошёл подсчёт, к которому не только приник Арзис, но и хозяйка дома, несмотря на все престранные приключения и очевидную необычайность (мягко сказать) этих гостей; Тоя вернулась обратно на своё место, и только наблюдала. Одну монетку взяла посмотреть, из интереса, но осторожно вернула обратно.

Вышло ровно девятнадцать тысяч сто.

— Если это какая-то шутка либо... даже не знаю, что об этом мыслить, — задумалась Асадзи. — Теперь дом не заберут. Как сир говорил, от Арзиса? Ар-зи-са?

— Да, — дакнул Арзис.

— Он знает сира Смона? — пыталась она понять такое огромное совпадение. Именно Смону она должна деньги.

— Может быть, — ничего не отрицал Арзис, оставляя все возможности открытыми («Хорошая комната имеет много выходов», как любил говорить Бык).

— Пусть сир Арзису передастся самая высокая благодарность, кто бы он ни был.

— Несомненно, — равнодушно сказал Арзис.

— Съесть? Выпить?

— Выпьем, почему нет.

Он получил хвостато холодного пива. Хозяйка и Тоя сели за месмеринный чай. Не без приключений:

— Госпожа-хаману должна знать, что я — львица-дхаари, порода Мрамри, — замялась Тоя, увидев, что ей льют в чашку.

— Очень приятно.

Уж точно не это она ждала услышать. У Тои заелозили коготки по столу, непокрытому скатертью, из-за чего прошёл звук царапки. Арзис глядел на её ладони, потом на Тою (в профиль), потом снова на ладони.

— Не совсем мне позволен месмеринный. Это — для львиц-Сунг, для дхаари его не продают.

— Никогда о таком не слышала, — повела ухом хозяйка и долила Тое доверху. — Да я львице и не продаю, а подаю. Кстати, как имя доброго сира? — спохватилась Асадзи.

— Спасибо, госпожа-хаману Асадзи, спасибо, — заторопилась Тоя с благодарностью.

— Моё? — махнул кружкой Арзис. — Да я, это, Хагал.

Немного помолчали, и тут:

— Его зовут Арзис, госпожа-хаману, — убеждённо, твёрдо сказала Тоя, держа чашку у рта. — Это его имя. Не Хагал, это ему неверное имя.

— Так, Тоя, какого... — поставил Арзис кружку на стол, нахмурившись. Немыслимо: и непослушание, и отрицание его слов. — Вот я тебе дам!

Сегодня его предавали направо и налево. Предательница, глядя на Арзиса, отпила чаю, вдохнув его запах; ей блеснул взгляд; она первый раз в жизни его пила. Её глаза аж закрылись. Известно, что львицам нравится месмеринный чай. Очень нравится. Львы-то его не пьют, никогда, нигде. В детстве Арзис, как и все, твёрдо знал — если отпить этого напитка самок, то грива никогда не вырастет, а та, что есть — осыпется; и ещё случится множество унижительных изменений и станешь слабым.

— Вот оно что, — протянула Асадзи, поглядев на Арзиса с первой за этот день улыбкой. — Незачем скромничать.

Тоя глядела на него со скрытым блаженством, словно пьяненькая. Ну любят они его. Странно, что месмериновый чай дхааркам не разрешён — этого Арзис тоже не знал. Вот глупости, они ж только послушнее будут, и работать лучше. Он чуть подмигнул Тоюне и поднял вверх кружку, мол, будем; Тоя даже сделала движение — стукнуться с ним чашкой — но мгновенно поняла, что доме, где траур, это будет так неуместно. Ей прижались уши, она продолжила блестеть глазками из-за чашки. И продолжала глядеть на Арзиса — выглядывать, что скажет, и продолжит ли ругать. Продолжит, наверное. Как же ещё.

Слава Ваалу, хозяйка не заметила всего этого. Что-то она себе задумалась, глядя в окно и тоже отпивая чая.

— Пусть сир не злится на Тою. Она хорошая молодая львица, — так и сказала, продолжая глядеть в окно.

— Тоюля, будет у нас серьёзный разговор, — помахал он пальцем.

— Пусть сир хорошо подумает, — добавила Асадзи.

Арзис почесал гриву у груди, не поняв, о чём ему думать.

— Какое дело сир вёл в моим мужем? — поинтересовалась Асадзи.

— Грязное, — неохотно сказал Арзис.

Тоя, слушая его чрезвычайно внимательно, мило утёрлась ладошкой.

— А зачем было представление с тазиком? — махом выпила Асадзи чай, вполне горячий; Тоя покосилась на неё, хм, как так. И вдруг забрала у неё пустую чашку, на что на неё с удивлением поглядела хозяйка. Мгновенно учуяв оплошность, Тоя прижала уши и вернула чашечку на место:

— Хаману сильно простит. Привычка... Виновна...

Арзис, глядя на всё это, думал.

— Всегда хотел быть актёром и показывать чудеса, — придумал. И встал, хлопнув себя по коленям (Тоя чуть вздрогнула): — Спасибо, хаману Асадзи. Сочувствуем утрате. Пусть Ману не бьёт сильно, когда встретит в Нахейме. И хаману пусть не забудет заплатить деловому за дом, — показал на деньги на столе, которые никто не додумался убрать побезопаснее.

Львицы! Об безопасности не думают, о деньгах тоже.

Они быстро попрощались, вдова что-то благодарила Арзиса, от чего он отмахивался; Асадзи сказала пару слов Тое, но Арзис не слышал, что именно.

— Мы очень-очень сочувствуем утрате. Арзис, и я рядом с ним, — так, наконец, сказала Тоя.

Она набросила накидку (уши в прорези), ловко надела свои новые кнемиды (в некоторых практических, черновых вещах он удивлялся её бойкости), увидел её нечаянный хвост из-под платья (во второй раз за весь день, первый был в лавке). Они очутились за порогом, отошли шагов десять. Потом пять десятков. Потом сто.

Тоя совершенно явно пыталась несколько раз заговорить. Это слышно, её вдохи. Но каждый раз всё передумывала, отсекалась.

— Арзис, ты пожалел эту вдову, пусть ей во всём поможет Ахей... — осторожно начала она, и добавила что-то на своём, мрамрийском языке.

Он потёр нос, зажмурился и цыкнул. Где-то десяток тысяч империа-лов. Целый батон. Аааа...

— Ты отдал ей всё. И её часть, и своё, — мягко добавила она.

Он потянулся вверх, недобро поглядел на двух львов, что стояли подле телеги и недобро глядели на них, направил её налево, они повернули на оживлённую улицу.

— Я её не жалел. Ты её жалела. Ну и разболтала всю сумму, — негромко сказал, когда рядом не было хвостов. — А в кошельке была только половина. И ни-кто этого не знал, кро-ме нас дво-их.

Слева (уже не сзади, а так, рядышком — Тоя незаметно-незаметно, но сократила расстояние за всё сегодня) долго не отвечалось. Арзис поглядел туда с усмешкой: ровный, отсутствующий взгляд вперёд; прижатые уши; ладонь у шеи.

— Я виновна. Надо было молчать, — воистину грустно сказала она. — Я... Утратил ты много-много денег, да?

Он хотел что-то сказать, там, конечно много, теперь тебе придётся всё отдать, и такое, в том же духе, расплатишься по самые уши, да ещё с накруткой; но Арзис вдруг рассмеялся, аж расплевавшись, и махнул рукой:

— Эх, плакали денежки, Тоюша. Да не утратил. Все деньги были для неё, — и снова потянулся вверх, зевнув. — Все.

И снова спас невнимательную (от всех этих трагедий с деньгами) Тою от столкновения с молодым льявкой, чиновником там или львом книги; что-то Тоя забывалась, что надо давать дорогу Сунгам, а тут в Баше попадалось много принципиальных по дхаарскому вопросу хвостов, как заметил Арзис. После спасения он на время обнял её, как обычно обнимают подопечных или там младших сестёр — впол-оборота, одной рукой, не полностью, то прижимая к себе, то отпуская.

— Ох. Фус. Ох, Арзис, — молвила она, терзаемая его неровными обнимками. — А зачем ты спрятал во мне вторую половину? — положила руку ему на плечо, ненадолго, чтобы продержаться (наверное). — Помещалось всё в кошелёк. Такой красивый. Я его могу ещё узорами обшить, — очень предложила она. — Если ты хочешь...

— Какая любопытная, — шли они по торговой улице, и Арзис вы-сматривал путь получше, и ещё всё осматривался по сторонам и назад, по неистраивимой привычке. — Зачем, и почему, и зачем. Считаю, я по-шутил так.

Всё. Тоя начала думать. Так у неё есть. Он скажет — она всё, обду-мывает. Взвешивает слова.

— Нет, ты не пошутил. Я знаю, когда ты шутишь, — определила она, и он обратил внимание на это «я знаю». — Ты просто решил... отдать всё, ей нужнее. И так совпало, одинаковые деньги. Ты всё знал, сколько ей надо. Ты всегда всё знаешь. Ты хороший, Арзис! — сказала она последнее как-то даже яростно.

Он хмыкнул, а потом снова рассмеялся. Она не смеялась, даже не улыбалась. Тоя вообще очень мало улыбалась, серьёзная в своём роде львица, даже очень. На Мауну этим похожа — как-то так об этом подумал Арзис, вскользь.

— Хороший... — потёр глаз, поиграл челюстью, пожевав что-то невидимое. — Ты, Тоюша, тоже пошутить не промах.

Если она и уловила все иронии и сарказмы, то совершенно пропустила меж ушей, либо смахнула прочь хвостом.

— Накрутили мы хвостов-делов сегодня, на все деньги, — подытожил.

Кричали сверчки, что-то рано. Хвостов кругом хватало, что-то сегодня оживлённо в Баше. Они уже шли по дороге, с двух сторон стеснённой каменными стенами в пол-льва высотой. Арзис вроде помнил-определил, что так будет короче к той самой дороге, ограждённой тополями (с десяток львов высотой), к обители их Вестающей (и Хозяйки, куда уж без этого).

Впереди каменный арочный мост через маленькую, болотную речушку.

— Ой, Арзис, туда нельзя.

— Куда нельзя? — ничего не понял Арзис.

— Туда нельзя, мне нельзя.

Тоя показывала на покосившийся столб, на котором деревянная дощечка истёрто хранила один-единственный символ — линия прямо, диагональ, снова линия прямо. Как она только его увидела?

— Я не знаю, я никогда-никогда не видела, чтобы *запрет* был на мосте. В магазины — да. Таверны — да. В имперскую власть — да. В дома. Но не на мосте. Не видала, нет-нет.

— А, эта штука, — он и себе вспомнил. — Да не, тут, видишь ли, дом есть справа, дальше. Это для него. Идём.

— Нет-нет, это на мост, — убеждённо, безошибочно ответила Тоя.

— Дхаарка права, — заметил львина, держащий баул с кучей кроличьих шкур. — Это *запрет* на мост. Дхаарам там слева по бревну можно перейти.

Второй лев подле него курил. Оба уж возраста силы и зачем-то стояли подле моста.

— Там же бэ-выше есть, это самое, ещё мост. Там все ходят, — показал на восток Арзис.

Они ж там шли, ранее днём.

— А тут нельзя. Или идите туда.

— Кто придумал эту херню? — даже не возмутился, а удивился Арзис.

— Там живёт Смон, — показали трубкой на неплохой дом вдалеке, — ему надлежит тут кусок земли. Вместе с мостом, старая башская история. А вы откуда?

— Да вот оттуда, — с издевкой показал Арзис назад, и потащил Тою за руку, потому что ему уже надоело. — Лад, пошли, Тоюнька.

— Арзис, нельзя, давай я налево, я вижу там путь, — даже упёрлась Тоя обоими лапами, по брусчатке заелозили кнемиды. — Нельзя. Позволь. Меня накажут.

Слева было болото. Похоже, там действительно ходили дхаары.

— Со мной не накажут.

Он взял её на плечо, и это была первая львица в жизни, которая от такого обращения — всегда внезапного, как водится — не царапалась, не хохотала, не рычала, кусалась и возмущалась, а просто вздохнула (он ощутил напряжение её бедра и то, как она как-то исключительно осторожно дотронулась ему ладошками к спине).

Посредине моста, наверху, он её поставил обратно на лапы (легко, без неуклюжестей, словно они тренировались и им не впервой). Нет, чтобы перенести полностью — поставил ровно посередке.

— Ну как?

— Ахей, Арзис. Страшно. Что будет? — осмотрелась Тоя по сторонам, и лапы в кнемидах нетерпеливо топтали недозволенный мост.

— Ничего не будет.

Они пошли дальше. Тоя заметила, как на неё смотрели те два льва. Оуждают наверное. Навстречу шли ещё несколько львов и львиц. Они покосились, никто ничего не сказал. Шла бы она тут сама... Ох, было бы. Может, даже бы ударили. Маму однажды ударили, потому что не заметила *запрет* на двери дома; да, ещё было, что её ударили на входе в термы. А с Арзисом не ударят. Он, наверное, сам кого хочешь... стукнет. Тоя слыхала, всё-всё, как он чуть не убил сира Хагала. Тетя Селе и тетя Басти от него в ужасе. Служанки опасаются. Сама Хозяйка его на второй этаж переселила, и как-то к нему странновато относится. Телохрана как-то стороной его обходит. А он её вот, даже в Баш забрал. Деньги огромные с нею считал. Ещё он на плече её носит. Ахей, он уже два подарка подарил, а я — дура — ещё ничего, дурацкая дура.

Тоя укусила клыками руку.

А ещё эта складская история, о Ахей. Из-за неё столько всего случилось. Какой кошмар. А затем, он тогда утром шёл на поединок, и хоть бы слово сказал. Всё шутки шутил о львицах на сене... Мог умереть! Или убить... Лучше убить. Милосердный Ахей, какой же грех. Да, она понимает, что вряд ли всё из-за неё заварилось, там ещё что-то было.

Кому какое дело до дхаарок, которых на складе посуды немного... немножко... или немало, немало, да... помучили, и проделали всякое такое... ужасное и неправильное... такое... всякое... Но не беда, ужасно, но она ж умеет прощать, и вообще. Она его простила, совсем-совсем. Если бы не тетя Селе и тетя Басти, то никакого бы и шуму не было. Она бы снова пошла на склад по своим делам, в следующий день. И ещё. И ещё. Да. О возмутительном, совершенно развратнейшем поступке — попытке входа в его комнату и о сползании по стене в нерешительности — вспоминать совершенно не надо. Его надо забыть.

Ох, Ахей, что со всем этим делать, как мне ему...

— Как тебе день, всё сделали? Давай считать. Кнемиды — есть. Денег — нет. Что ещё? — он загибал её же пальцы.

— Хороший день, Арзис, мне нравится.

Арзис оставил её ладошку в покое.

— Да я не о «нравится». Я о «считать» и «дела». Мы всё сделали?

Они вышли на дорогу к обители. Тоя — всегда хорошо помнящая о всём — уже искала взглядом корзину, которую они оставили где-то здесь давно, так давно.

— Наверное. Ты что-то ещё хочешь? — посмотрела на него.

— «Хочу что-то ещё» — лучший мне девиз. Придётся нам, Тоюля, кое-что ещё доделать.

Она не спросила, что именно им ещё осталось доделать. Вместо этого взяла в ладонь ключ из внутреннего кармана платья (хитрое оно, это её платье, много всего сегодня сохранило, хоть он в нём и дырку сделал ножом, которую она скрыла складкой и поясом). Вот он ей подарил кнемиды, дал своё кольцо, чего только не было. Ха, а вот она даст ему ключ. Просто ключ. Она не скажет зачем, она не скажет, от чего он. Точнее, он сам его заберёт — так должно получиться.

— У меня твоё колечко.

— Пусть будет. Ему у тебя уютно.

— Хорошо, — согласилась со всем Тоя.

Вот если он что-то сделает, если снова её прижмёт, или возьмёт в руку ладонь, то она его... как-нибудь... в общем, ключ переключает в его руку. Или упадёт на землю. Что-то с ним произойдёт. Очень страшно, риск велик, грех чудовищен, достоинство мрамрийской львицы на кону, но всё так сходится. И такие знаки! Надо решиться.

— Корзина, Арзис. Надо забрать, — метко, издали заметила её Тоя.

— Давай, — легко согласился он.

Арзис встал у края, а она пошла её забирать с обочины (всего пара шагов по траве). Скрестив руки, Арзис наблюдал за нею, как во сне. Все было так медленно, солнечно, в воздухе играли пятна света и золото, как в детстве. Он такое знает, такого света было очень много в его детстве, в Южном Яамри; его мать, сама будучи хустрианкой, всё жалова-

лась, что ей всюду холодно, но Арзис помнил, как в земле Яамри тепло, светло, можно трогать свет руками. Здесь, в Северной Листигии, иначе, здесь такого нет. Но это неважно, а важно то, что Тоя сейчас присела, чтобы забрать корзину.

Арзис знает, что можно определять натуру по мордахам. Это всем известная штука. Можно ещё по многому: по манере речи; по походке (он знает одну Ашаи-Китрах, которая недурно этим владеет); по глазам; эмпатией вообще («С этой эмпатией рехнуться можно», — однажды подслушано от матери); ну, всем хорошо известная мантика на крови; на картах, мать так умела; юнианские охотницы гадают по попаданию стрел; те же Правдовидицы, которым, наверно, вообще ничего не нужно, они саму натуру смотрят, без посредничества. Арзис уверен, что натуру львицы можно определить по тому, как она сделает, чтоб поднять вещь с земли. Важен даже не способ, а все движения всецелом, нужные и лишние. Например, все шлюхи делают это одинаково. Арзис это знает точно, он проверял, даже бросал монеты на пол вместе львякой по кличке Драк и говорил им поднять. За исключением, конечно же, тех Ашаи-Китрах, которые заодно и шлюхи; они будут делать это, как Ашаи. Это потому, что почти все Ашаи-Китрах, которые шлюхи (называют таких куда более приличными словами, но неважно) — из дисциплириев. А там учат вообще всему, в том числе — как приседать и как брать вещи с пола (и как быть шлюхой — тоже). А свободные Ашаи практически никогда шлюхами не становятся (любопытно, кстати, почему).

Тоя присела, поставив колено на траву, и взялась за корзину.

— Тоя, ты сиди. Мне нравится, как ты сидишь, — показал ей рукой.

Она застыла, присев, и с зажатым ключом в левой ладони (придерживает подол), и правой ладонью — на корзине. Арзису захотелось, чтобы кто-то с неё нарисовал картину, идеальную, и подарил ему. Смотрите, Тоя не самая красивая львица из всех, которых он видел. Красивая — словно банальное, так-то; всегда при словах “красивая львица” представляется кто-то... не та; в этом легко увидеть что-то капризное. Во-первых, она почти идеально сера. Эти мрамрийские львицы хранят совсем серый окрас, без всяких переходов, ярких полутонов; создатель мира не очень старался, когда творил мрамриек, он просто окунул этих львиц в их же серое, северное море. Во-вторых, у неё прекрасные зубы. Вряд ли это от мрамрийских львиц, а просто вот её такая заслуга. Хорошо кормили в детстве, давали грызть кости. В-третьих, всякий, кто бывал на Востоке, помнит, что в лунные ночи поля имеют свойство странно блестеть, словно воды. То же самое с её серыми глазами — они спокойно поблёскивают. У неё правильный, темно-серый нос, чуть заметные усы, с которыми она явно ничего не делает и не собирается делать, как в обычае почти всех львиц-Сунг. Наверное, подумал Арзис, у неё

всё и всюду вот такое же — совершенно естественное. Ой, как удачно, нашёлся — львица-естественность. У неё нет впалых скул, слишком тонкого подбородка. Он наощупь уже смог получить много доказательств, что она худоцава, но вовсе не субтильна (да с чего бы дхаарке, что всю жизнь с теми, кто служит Вестающим, быть малотощей и слабой). У неё мягкая шёрстка, не короткий хвост. Арзис, конечно, тогда красочно преувеличил его длину, соврав, что он длинен, как дорога до Марны. Нормальный хвост. Просто хвост. Кончик без странных изъёнов, как у некоторых. У Тои, безусловно, есть запах. Передать его нельзя. Достаточно сказать, что он — всецело хороший. Да, он ещё отметил тогда, ранее, что Тоя зажатая, но гибкая. Странное сочетание.

Накидка чуть сползла ей на лбу, драпировка её бросала тень на взгляд, уберегая хозяйку. Она никуда не уходила, ничего не спрашивала, не двигалась, а только смотрела на него, присев за корзиной, хотя уже прошло время, довольно много, обычно никто такой задержки в беседе не выдерживает, уже прозвучало бы несколько вопросов, и сакраментальное: «Что с тобой?» или там «Что это значит?».

Арзис уже вдохнул, чтобы кое-что сказать:

— Тоя...

И тут так некстати вспомнилась Шиала, её тяжкий взгляд, она будто сидела напротив Тои, тенью отображая всю её; словно этого мало, он ещё как услышал сзади:

— Эээ! — причём с рыком в конце.

И заодно звук бега в кнемидах.

Арзис вздохнул, цыкнул и совершенно, брутального выругался, причём даже не себе под нос. Затем обернулся.

— Вы двое, ищут вас повсюду! Ехать надо! — это Манару.

Ваал, изо всех голов из телохраны — именно этот хвост: идеальное оружие уничтожения всего солнечно-лунно-золотого-серебряно-тёмно-светлого.

— Куда ещё ехать? — скривился Арзис и сильно почесал гриву, впившись когтями в шею.

— В Гельсию едем, пакуемся!

— Когда?

— Сейчас!

— Так ночь сейчас будет.

— Вот именно, бэ, давайте! Пакуемся ночью, утром едем!

Арзис обернулся к Тое, но она уже встала.

Пусть Ваал возьмёт нас на руки

Всё оказалось правдой — обитель действительно готовилась к отъезду в это сумеречное время. Арзис и Тоя вмиг разлучились, и были только быстрый кивок (от неё) и поцелованный с улыбкой кулак (от него).

Сначала Арзис понаблюдал за всем этим, даже с увеселением, и за несколько мгновений собрал своё барахло. Потом помог немного перетаскать кой-что из оружейки. Проникся. Потаскал со льявками кое-что ещё, заодно зрелищно уронил один из сундуков вместе с сиром Ваннареном, из-за чего тот обескураженно встал и закурил, и они поговорили о листигийской погоде и Гельсии (в которой Арзис ни разу не был).

— Любая гельсианка выглядит как блядь, — раздражённо поделился впечатлениями Ваннарен. — Не скрывают хвоста!

Под утро все чуть поспали. Наутро приехали стражи из Баша и кто-то из местного легиона Легаты, не совсем понятно откуда. Местный легион оказался «пёсорылым», как называли такие, что состоят преимущественно из дхааров и гельсианцев (которые многолетней службой в Имперской Легате достигали достоинство зваться принятыми Сунгами), и Арзис потешался над ними. Выглянула Сама, и она показалась Арзису то ли встревоженной, то ли что, если вообще можно говорить, что на спокойствии Ваалу-Мауны может отражаться встревоженность.

Невероятно, но завтракали прямо у повозок и дилижансов, и Арзису это понравилось. Постояли с Таем, наливая втихую ещё холодное пиво прямо из маленького бочонка, посмеялись, поговорили об убийстве тайника в саду (Таю эта история пришлась по вкусу, он очень жалел, что в тот день имел отгул), погоде и все более никчёмном качестве железа доспехов. Прямо перед отправкой Арзис позакидывал старым дхааркам, которые неуклюже возились, баулы в повозку; Тоя, уж освободившись, тоже явилась и пожелала доброго утра, и не успел Арзис открыть рта, как послышалось над кавалькадой:

— Арзис! К Хозяйке! — где-то проорал Уруз.

— Да, привет, Тоюнь. Иди сюда, — и протянул руку.

Но она очень виновато улыбнулась, приложила ладонь высоко к груди, и показала — вон, рядом тётя Селе и тётя Басти. То ли по старшинству, то ли по некоему дхаарскому этикету, то ли почему — но им предполагалось сесть первыми. Ничего, Арзис этих обоих легко затянул за руку в повозку, причём посильнее так, а затем и лёгкую, ловкую Тою, эта аж взлетела. Львицы-дхаари быстро уселись на баулы и засмотрелись на него. Он соскочил вниз и сказал им:

— Так...

— Арзис! К Хо-зя-йке!

Что делать, сразу пошёл, зачем-то хлопнув по борту повозки с баулами и дхаарками.

— Куда едем? — тихо просил он Уруза у дилижанса Мауны.

— Увидишь, шэшэ, — краткий ответ, и краткий указ пальцем с когтем (мизинцем) на дилижанс. — Прошу.

Арзис без церемоний открыл дверь и залез внутрь, даже не осматриваясь. Внутри оказалась Мауна и Мелим; нечаянно наступив тому на лапу, Арзис развалился напротив, побросав себе подушек повсюду (он уже заметил, что где Вестающая — там много подушек).

— Извиняюсь, — это для Мелима. — Красивое утро, хозяйка.

Мауна показала в окно для главы телоохраны, мол, поехали, и затем поглядела на Арзиса:

— Доброе утро, Арзис.

Мелим и Мауна говорили о Графе, много. Они оба что-то очень переживали за этот самый Граф, что-то им не сходилось. Но на первой же остановке, при первой возможности, Мелим их оставил вдвоём.

— Ты огнёс деньги вдове? — спросила Мауна.

— Да. Ей они пришлись кстати. Будут новые приказы, хозяйка?

— Держи, — дала ему этого восхитительного апельсинового чая.

— Спасибо. Вот что значит хорошая хозяйка. Что ещё надо в жизни, как не хорошую хозяйку.

— Вот как ты говоришь.

— Все говорят. Вся Семья.

— Говорить — это очень просто. Не зря ж у тебя кольцо «Не верю словам».

Вот это да. Арзис никогда не показывал Мауне этого кольца, и вроде как не рассказывал о нём.

— Кстати, где оно?

— На шее, — обжигался он чаем.

— Покажешь?

— Не на моей.

— Хм. Любопытно: на чьей?

Арзис очень хорошо знает, что с львицей, а тем более Ашаи, а тем более — Вестающей — в эту игру не выиграть. Никак. Это невозможно. Слово за слово — она распутает тебя, она выведет, она сузит круг, пока не поймает. Есть только один способ, один: молчать.

После долгой молчанки Мауна усмехнулась:

— Чуется, я доверяю тебе больше, чем ты — мне.

— Почему Хозяйка мне доверяет? — мгновенно он уцепился за возможность уйти от темы. — Я б не стал.

Сузила глаза, поглядела на медленнодвигающийся пейзаж за окном (жёлтое поле). В игру молчанок можно играть вдвоём — она не ответила; вместо этого упала в *аумлан*, прямо при нём. И так было долго.

Дилижанс остановился.

— Завтра доедем до приграничного форта Шатт, — вышла она. — Там держи уши наостро.

Так и ехали по этому приграничному форту, где нужно держаться наостро. Иногда Мауна ехала верхом, но для этого выбирались места и времена. На привалах велела давать лук со стрелами и стреляла в ближайшие деревья. Арзис имел возможность насмотреться на неё в эти моменты; стреляла она хорошо, видно, что с детства.

Атрисса пыталась привлечь внимание. Она крутилась, ухитрялась всюду быть, стреляла взглядом, ударила его подносом, впадала в неловкую смешливость. Арзис воспользовался этим и улучил возможность утащить её ночью в тёмный угол в обители хозяйкиной подруги-Вестающей с изумительным именем «Сокрытая в листве» (имя обители, не Вестающей; у той имя — Ваалу-Масмари), но там она начала показывать какие-то совсем северные штуки и играть, и там Арзис получил кучу чепухи: очень серьёзный упрёк, что-де он считает её легкомысленной, и насколько ужасно его обращение, и что ему нужно измениться. Ей не помогло — отымел. Она его немного поцарапала, но северянки царапаются всегда, вообще всегда; это надо учесть, если хотите иметь с ними дело. После этого оставил Атриссу в покое, и пошёл спать, а утром решил, что пойдёт смотреть фирранов, потому что в обители был фиррарий.

Приехали в этот форт (выехав рано поутру, они приехали в него глубокой ночью, измученные). Форт был большим и добротным, с необычно глубоким рвом — Арзису сказали, что там четыре львиных роста глубины. Приезд Ваалу-Мауны учинил тут изрядный переполох; в Гельсию по этому пути Вестающие не ездят, как Арзис узнал из всевозможных бесед, и ближайшая из них была отсюда льенов за сто, в большом городе; это была та самая Вестающая, у которой они ночевали в прошлую ночь, Ваалу-Масмари.

Взяли отдых на день. На предужин (Арзис изучил вопрос: Вестающие обычно не ужинают, а предужинают — ужин это дело к ночи, а когда дело к ночи, то у Вестающей есть дела поважнее) командир форта пригласил Ваалу-Мауну, а она с собой привела: сира Таара, сира Уруза, сира Мелима и Арзиса.

Ваалу-Мауна села напротив командира форта за необычно малым столом. Сюрпризов при рассадке не предполагалось: она указала Таару сидеть сразу справа от себя, далее — Урузу, далее — Мелиму, далее — Арзису (далее всех от неё). Очевидно, что о количестве голов всё оговорено заранее: компанию командиру составили два легатных льва, видимо, заместители-помощники-доверенные-лучшие у командира форта, один из них — без глаза, и с повязкой, и с перекошенным ртом (напротив него и сидел Арзис), второй — холёный и высокий, без сомнения,

патриций. Он с диким, невозможным сокрытию интересом смотрел на Мауну. Наверняка он бы предпочёл сидеть к ней ближе всех по левую сторону, но место занимала львица. Львица оказалась старой, и львица оказалась Ашаи-Китрах. По всему Арзис понял, что львица была уже *слишком* старой — прошла Церемонию Возвышения; сестринство, после её шестидесяти шести, уже не считало её годной; любая после шестидесяти шести считалась слишком старой. Но это была лишь его догадка, на это указывали лишь намёки. Он, сын Ашаи-Китрах, знал, какой страх имеют многие старшие сёстры, что их посчитают Возвышенными раньше времени. Но не будем об этом.

Командир форта, по имени Сигас, оказался весельчаком.

— Безупречная Ваалу-Мауна, есть многое, что я люблю, и в это входит компания Востающей.

— Польщена и притихша, грива Сигаса, — очень по-андариански ответила Мауна.

— Что за день! Не только Востающая, но и прайд Андари. Эх... Восемь лет назад. Я и Ваалу-Сария. Много мы наворотили. Без неё пропал бы Третий Легион.

— Львогриве будет интересно узнать, что сейчас она в Мистфальне. Море! — вдруг даже оживилась Мауна.

Арзис подумал о том, что никогда не видел моря.

— Под Мистфальном, двадцать льенов на запад, — вдруг вклинился в разговор Мелим, так любящий точность во всём и осведомленный о *точном* положении каждой Востающей; и это было так нелепо, что даже Арзис почесал нос и потянулся за ножом, чтоб отрезать от поросёнка.

— О. Ага. Как у неё там? Дальше употребляет? — подмигнул Сигас.

— Нет, — соврала Мауна.

Арзис молчал, ел и пил. То же самое делал и львице с подранной мордой напротив. Мауна что-то очень перешёптывалась со старой Ашаи; этикет и Кодекс позволяли им это — перешёптываться на ухо при остальных, Ашаи-Китрах такое можно.

Видимо, этого не знал хозяин форта:

— Больше двух говорят вслух!

На что старая Ашаи ему ответила, чрезвычайно прямо:

— Тайны.

— О. Тайны. У меня-то в форте. Эхе-хе, — сказал Сигас и посмотрел на Арзиса. — А у нас секретов нет. Да, молодой?

— Да, Сунг-ортус Сигас.

— Экий ты, по званию обращаешься, всё знаешь, это самое... Ты смотри, я бы тебя взял в Легатку, — сказал хозяин форта. — Мне такие нужны, что знают.

— Да зачем снова брать.

— Экий ты. Снова. А что с первым разом?

— Лапы натёр, Сунг-ортус Сигас.

— Дезертир! Ха!

Мауна поглядела на Арзиса, потом на Сигаса. Пошевелила ухом.

— Преподобная, кто служит Вестающей, тот служит Сунгам. Вопросов нет, — поднял руки Сигас, сдаваясь.

Патриций пытался заговорить с Тааром и Урузом, но что-то разговор вяз в молчаливости львов Вестающей.

— Прозорливость — это если прыгаешь в стог, чтоб найти иголку, а находишь дочь соседа, — веселил всё Сигас.

— Это моя любимая быль о львице и сене, Сунг-ортус.

— Слушай, ты вроде свой львяк. Попросишь превосходную послать одну Весть в столицу? Там у меня дочка! Шикарно будет, вот она обрадуется.

— Да не вопрос, всё провестаем, Сунг-ортус, — легко распорядился Арзис. — В лучшем виде.

— Слово и дело! — довольно сжал кулак Сигас.

Мелим повернул голову и посмотрел на Арзиса, открыв рот, как на сумасшедшего. Мауна сидела, глядя кубок за ножку, и когтем неслышно стучала по столу.

— Ну, давай, дезертир, чтоб на Востоке... — обрадовался командир форга.

— ...хорошо входилось.

— Аааа, — стукнул кубком по столу Сигас. — Точно свой львяк!

— Грива Сигас, а что значит тост «Чтоб на Востоке хорошо входилось?», — очень вдруг заинтересовалась Ваалу-Мауна, и дальше глядя стол.

— Ээээrrr... — крикнул Сигас. — Ну. Чтобы Сунгское оружие, это самое, входило во врагов, — и поднял кулак.

— Сир Сигас мне неправду говорит, — с усмешкой молвила Мауна, постучав коготком по кубку. — Уруз, может, ты знаешь?

— Да, Хозяйка, — спокойно сказал тот, аккуратно уплетая угощения.

— И? — подняла она бровь и подняла ухо одновременно, и Арзис с интересом проследил за этой (явно отработанной) мимикой.

— Это непристойно, Хозяйка. Не смею среди добрых Сунгов, Хозяйка.

— Скажи, я хочу услышать.

— Это об насилии над львицами. Обычно, если Легата разбивает какое-нибудь поселение варваров, то насилие над их самками — обычное дело. На Востоке это вообще обычное дело. Затем и говорят: “Чтоб хорошо входилось”.

— Арзис, ты насилывал львиц, в своё легатное время? — спросила Мауна.

- Это сложная история, Хозяйка.
- Примерно такая же сложная, как с моей дхааркой в моей обители?
- Точно так.
- И примерно такая же сложная, как с одной из моих служанок?
- “Ничего себе”, — подумал Арзис. — “Эй, Атрисса”.
- Ну там всё проще.
- Понятно.
- Дезертир! Ха! — тешился Сигас.

Непонятно, зачем она всё вывела на поверхность. Непонятно, откуда она знает.

Наступил миг, когда Сигас определил:

- Итак, давайте взглянем, — и с выражением так поглядел на всех.

Патриций и старая Ашаи тут же поднялись, и распрощались. Ваалу-Мауна кивнула Мелиму — тот удалился тоже. Остался сир Уруз и лев со шрамами, и они вопросительно глядели на Арзиса.

- Он? — спросил Сигас у Мауны, кивнув на Арзиса.

Мауна — и Арзис это видел, даже чувствовал — явно колебалась. Причём сомнение крылось чём-то серьёзном, не в пустяке.

- Он остаётся. Вне сомнений.

«Вне сомнений, ага», — саркастично подумал Арзис.

- Хозяйка, нет, — вдруг запротестовал Уруз, даже встал.

— Что? Не говори, — смерила его взглядом Мауна, чрезвычайно уничтожающе. — Давайте взглянем, — поглядела на Сигаса.

И они все подошли к столу напротив окна, на котором гирьками в форме кабанов припечаталась карта. Последним подошёл Арзис.

— Отсюда надо попасть в Тринадцатый. Тринадцатый расположен вот здесь, здесь, здесь. Сиятельной надо вот сюда. Если быстро, то есть два пути: через Тенескал, и так, по менее накатанной дороге. Две этих дороги разделяются рекой Крати воот тут. В обоих случаях — шестьдесят льенов, с перепадами высот, пятьдесят из них — по Гельсии, если по второй дороге. Если через Тенескал — то сорок. Проезжать надо за один день. Проезд предложен и спланирован через вторую дорогу, не через Тенескал.

- Почему? — спросила Мауна.

— Через Тенескал сложнее. Очень уж торговый путь. Придётся ехать и через сам городок, и через границу с таможней. Там страшный бардак, и превосходной это будет неудобно. Не надо туда.

- А второй путь как, там нет границы?

— Есть конечно. Но там через форпост проходит только Легата, либо всякий по разрешению Легаты.

— Надеюсь, у нас разрешение будет? — задал иронично-глупый вопрос глава телохраны.

- Уруз, — укорила Мауна.

— Нам нужно усиление, — сказал Уруз, посерьёзнев. — Существенное. Авангард, арьергард. Пятьдесят льенов по Гельсии.

— У вас будет всё, — уверенно сказал Сунг-ортус Сигас. — Наверху оказались крайне информированы и заинтересованны в скорейшем и безопаснейшем приезде сиятельной в Тринадцатый. Да как же иначе. Маршрут необычный, но и это учтено.

— И что, Тринадцатый прислал когорту? Или усиление будет... от гарнизона форта? — не очень-то доверчиво нахмурился Уруз.

— Нет. Будет Гвардия Палаты.

— Вот как. Когда они будут?

— Они уже тут. Сто двадцать голов. Прибыли вчера из Норрамарка, очень быстро. Толковые. Дело знают туго, я такой Палатной Гвардии ещё не видал. Ну... Вам не нужны легатные, вам нужны те, кто выполняет именно такие задачи.

— Хорошие новости, — с облегчением вздохнул Уруз.

— У кого ещё какие мысли? — поглядел на всех Сигас, по очереди.

Арзис обратил на это внимание. Это хороший командир. Он знает, что делает. Спрашивает мнения.

— Перепады высот, — задумчиво протянула Мауна, и это был даже не вопрос, а так, нечто непонятное. Мысль вслух.

Мысль, верно, вообще не связанная с чем здешним.

— Там не горы, а крутые холмы. Предгорье, — успокоил Сигас.

— Тихо вот тут? — тыкнул в карту Уруз, по дороге.

— Ничего. Да тихо. Вся шушваль трётся за Тенескалом со стороны Гельсии, им интересны только торговые караваны, а не вооружённая до хвоста охрана Вестающей. Но, вообще... Есть ещё третий вариант. Поехать по обычному пути, в обход. Ещё три дня.

— Нет времени, — мгновенно отрезала Мауна. — Исключено.

— Можно неожиданно заболеть, — вдруг сказал Сигас Мауне.

— Сунг Сигас ведь говорил, что там тихо, — обвиняюще постучал по карте Уруз.

— Говорил. Говорю. Но Вестающих мы там ещё не возили. Всё, если не спешить, идёт через Южно-Гельсианскую Имперскую Дорогу. Я люблю, когда всё по накатанной. А через Тенескал возили пару раз... Полное... Полный бардак.

Он почесался.

— С другой стороны, я не представляю, что там может грозить с такой охраной, — передвинул гирыку Сигас. — Передок, задок — всё как надо. Тут, считайте, наши тылы, в них никакие серьёзные силы не спрячешь.

Все замолчали.

— Дезертир, что думаешь? — подмигнул ему Сигас.

— Командир палатных поел бы с нами сейчас, что ли, — пожал плечами Арзис. — А то всё вкусно.
— И действительно, — сказала Мауна. — Где он?
— Занят. Поехал ощупывать маршрут.
— Мммм. Хорошо, — протянула Мауна. — Пусть Ваал возьмёт нас на руки.
Арзис повёл ухом. Надо же. Бывают же совпадения.

Всё сложно

Тою волновали несколько вопросов.

— Хаману-госпожа Реная, а что значит, если львице говорится: «Пусть Ваал возьмёт тебя на руки»? — спросила Тоя, добросовестно справившись с переноской всех дорогих Хозяйкиных ночных сорочек в форт, по несносно крутым ступенькам.

Сильно щурясь и тщетно отдаляясь от свитка, в котором писала и вычёркивала, Реная монотонно ответила:

— Не слышала такого. Кто так говорил?

— Сир-господин Арзис, — молвила Тоя, честно, и тут же закусилась клыкком, в своём обычае. Желание угодить быстрым ответом, оно такое, оно коварно...

— Кому? — поглядела на неё Реная. — Впрочем, знаешь, неважно, — неожиданно утратила она интерес и махнула графисом в знак того, насколько ей всё равно.

Реная, как и все юнианки, становилась с возрастом очень дальнотзоркой.

Вопрос второй: собственно, почему её лапы хвостатые и почему Арзис пригрозил их сожрать. Ростового зеркала нет и не предвидится, поэтому Тоя рассматривала их так и сяк, просто глядя вниз. Также нашлась и рассматривала лапы, улегшись на кровати хвостом к стенке и распрямив их по ней же. Занятие показалось ей вызывающим, а это — греховно; под конец её врасплох застала тётя Селе, и Тоя смогла отовратиться, что вдруг всё затекло-заболело и пришлось спасаться таким удивительным образом. Тётя Селе обмотала ей на ночь лапы тканью с мёдом и причитала что-то о лунных днях, нерожавших львицах и юности.

Вопрос следующий: куда и как они приедут, и будет ли у неё свой угол, и вообще где расположатся, и не уедет ли куда-то Арзис; в общем, будет ли он поблизости, и... и что со всем этим делать. Куда и как приедут — тайна: об этом дхаарки, естественно, совершенно ничего не зна-

ют. Хозяйка едет — они едут. Хозяйка в обители — они в ней. Но что, куда, как, когда — им знать нельзя. Она лишь краем уха слышала, что в какую-то Гельсию. Но эта Гельсия, наверное, так же велика, как и Мрамри, не говоря уже об Империи.

Вопрос четвёртый, самый важный: что он хотел сказать?

Ну *что он хотел* ей сказать, тогда, когда она присела за корзиной?

Об этом Тоя много передумала. Она даже помолилась Ахею, чтобы понять. Она помнила каждую фразу того дня. Она запоминает мордахи и слова. Ему просто нравилось, как она присела, и чтоб сидела, не двигалась? Это всё? Нет. Нет-нет. Но тогда почему так долго молчал? Это последний лев в мире, который будет робеть перед... вообще всем, чем угодно. Может-может он действительно хотел, чтобы она сидела — что-то ему в этом понравилось; и да, она всё сделала, как сказал, она не двигалась.

Можно повывдумывать, что он такого мог сказать. Этим Тоя и занималась, ложась спать.

Она старалась быть на виду, и как-то задерживаться в местах, где они могли бы пересечься, но — если честно — надежды были тщетны, обстоятельства злобны. Они сейчас крутились в слишком разных мирах; путешествие Хозяйки их разделило на очень разные этажи и расстояния. А ещё помощник коменданта форта, который ясно определил, где им ходить можно, а где нельзя. Делал он это уважительно (всё-таки они не кто-нибудь, а дхаарки Вестающей), но двусмысленностей не допустил.

Безусловно, её спросили о кнемидах, ещё там, в повозке, как только отправились — конечно же, тётя Селе и тётя Басти.

— *Сир-господин Арзис подарил*, — так им Тоя сказала. А потом исключительно добавила: — *Арзис*.

Это было, считай, дерзко — назвать его просто по имени. Тётя Селе и тётя Басти переглянулись, затем вмиг обсели её с двух сторон.

— *Подарки дарит*.

— *Задабривается*.

— *Снова хочет. Нет, Тоя, это всё не к добру. С таким иметь дело страшно*.

— *Очень страшно*.

— *И неуверенно*.

Тоя подумала, и сказала:

— *Мне с ним страшно. Но не страшно. И ещё уверенно. Очень-очень*.

— *Ох, Тоя, видишь: раз он тебя взял, так теперь ты уже вся за ним*.

— *Да, взял-взял, всё взял. Ну, ты знаешь — мы никому не скажем*.

Тоя подумала. Поняла, о чём всё.

— Я честна. Я нетронута. Он не добрался. Он не мог, потому что был пьяный и устал. Ничего у нас не было, — убеждённо, веруя молвила она.

— Так а что было тогда? — последовал чрезвычайно резонный вопрос.

— Трогал, всюду. Вином поил. И мы говорили. Он меня лизал. И я...

В мрамрийском языке «лизать» и «целовать» — одно и то же. Тоя чуть не проболталась «И я его — тоже».

— И очень хорошо, — кивнула Селе. — Ахей, ты бережёшь нас, слабых.

— Значит, не считается, — отрезала тётя Басти. — Проблемой меньше!

Итак, уточнение их обрадовало. Но радость быстро угасла. Очень быстро:

— Тоя, а разбираться никто не будет. Было дело, подумают, значит, что ты уже тронута.

— Да, разбираться не будут.

— Так что никому ничего никогда не говори.

— Никогда. Честь хрупка, миг можно утратить, а вернуть нельзя.

— Всё отрицай. Или отмалчивайся. Это тебе не должно испортить надежды.

«Надежда» у дхаарок только одна — выйти замуж за Сунга. Всё. Простой жизненный план, никаких мучений выбора.

Тоя подумала, и ничего не ответила. Перешли к насущным, а не прошлым проблемам:

— Тоя, львы просто так подарки не дарят, внимание не дают. Им известное надо, ничего не подделаешь. Но честная мрамрийка должна выбрать, за кого замуж, ничто иное ей не подходит. Во имя рода, во имя детей, — Селе.

— Ему вряд ли такое интересно, — Басти.

— Но, если продолжит на тебя идти, то дай знать: выбирая мрамрийку, он выбирает совершенную верность. А верность не возьмешь просто так, ей надо пообещаться. Да, верность, это не так уж много, но как есть, — развела руками Селе.

— Но не так уж и мало, — потрогала себе дхаарские кольца Басти.

— Потому ты должна быть уверена в нём.

— Да, уверена. На уверенность нужно немножко время, нужно приглядеться.

— Честно хочет тебя взять — пусть честно огласит намерение. Так и скажи.

— Что мне ему сказать? — испугалась Тоя.

— Не говори ничего! — ужаснулась Селе.

— Не говори прямо.

Так и скажи. Не говори ничего. Вот так.

— Не говори, что замуж хочешь. Умный догадается. Глупых нам не надо.

— Умный догадается. Глупых нам не надо.

— Если задабривается, чтобы в постель прижать, так тебе незачем. Сама знаешь. Мрамрийка замуж продаётся чистой. В этом её цена.

— Но замуж за такого... Если вдруг он вздумал серьёзно... Ой, нет. С таким дело иметь страшно.

— Очень страшно.

— Тётя Селестина, тётя Бастиана, — воззвала к ним Тоя по полным именам, что делала очень редко, лишь в серьёзнейших случаях. — Арзис — хороший-хороший. Я с ним походила, я поняла.

— Тоя, не хороший он.

— Опасный он.

— И вряд ли ему интересно... родовое... с мрамрийками... ему больше по вкусу... не такие спокойные, вечные вещи.

— Говорят, что это он убил того льва, — прошептала Селе, прижав уши.

— Какого льва? — удивилась (внешне), ужаснулась (внешне) и заинтересовалась (там, внутри) Тоя.

— Того-того, что к Хозяйке вместе с другой Вестающей приезжал. Ты этого не знала?

— Мы ей не рассказывали?

— Недавно, помнишь, в гости к Хозяйке приезжала сестра по их священному Сунгам делу. Пусть Ахей их простит... И с ней был лев. Ты же помнишь его, ты видала его издали, я точно знаю.

— Да. А потом куда-то делся, — подтвердила Тоя.

— Он был убит-убит днём, в саду обители.

— Говорят, Арзис его убил, — еле слышным шёпотом молвила тётя Селе.

— Он-он. И Хозяйка там была, и её подруга.

Если совсем честно — Тоя совершенно не удивилась. Хотя изобразила удивление, недоверие. Да она это и сама знает — он может.

— Как же так, прости Ахей... Но, значит, ему сказали это сделать. Иначе Хозяйка бы очень разозлилась, — разумно заметила она.

— Так не в том дело, Тоюша. А в том, для чего его Хозяйка держит.

— Я точно знаю, для чего, — убеждённо сказала Тоя.

Тётя Селе и тётя Басти застыли, наострив уши в струну.

— Он её защищает. Он её защитил, наверное. Тот лев, наверное, обидел Хозяйку.

Очевидно.

— *И я так думаю, что обидел. Хозяйка добра, но высокородна, дурусти не терпит*, — согласилась тётя Басти. — *Но убийца он, Тоя*, — серьёзно заключила.

— *Арзис, он защитник*, — не согласилась Тоя. — *Ему так положено, ему пришлось. Он кого хочешь, если надо... стукнет*, — даже с гордостью молвила она. А потом вынула из колоды непререкаемый, тайный, гордый, убийственный козырь: — *Он меня-меня через мост с запретом провёл-провёл*.

— *Пропала ты, Тоюша, охо*, — махнула обоими руками Селе и повернулась в сторону.

— *Фус, пропала-пропала. Увязалась*.

— *Но мы не дадим пропасть! Помолись. И осторожничай. Мы за тобой присмотрим, но... смотри хорошо*.

— *Смотри нам!*

После этого они вдруг взяли и рассказали ей об очень практических сторонах отношений между полами. Тётя Селе и тётя Басти без особых сантиментов развеяли обычные страшилки для юных львиц (чтоб те не рисковались), столь тщательно ранее вогнанные в сознание ими же. Рассказали о всяких подробностях, очень даже подробных подробностях. Пошли даже советы. Тое было очень стыдно, её хвост бился, уши не знали, куда деться, она с тётей Селе и тётей Басти никогда о таком не говорила; но! — многие вещи она уже знала от Арзиса, ха. Последняя ударилась во тёмные дебри, тётя Селе её осаждала, но тётя Басти поведала всё, что знала (испытав сама, видимо). Несмотря на весь стыд и грешную тяжесть услышанного, Тоя всё запомнила.

Но. Опосле, Тоя очень расстроилась от всего этого разговора. Конечно, ночью она помолилась. Убийство — грех, и... Да, надо быть осторожнее. Да. И плохо, что Арзис убил этого несчастного льва. Что поделывать! Он у Хозяйки для защиты и убийства, как же ему ещё-то... Бедный. Бедненький. Он после этого страдал совестью — всё-таки убил, не что иное.

Засыпая на боку (в эту ночь приключилась редкость — ей плохо пошёл сон), вспоминала, как ей ощущалось с ним. Ой, иногда так страшно, фус. Но защищенно. Тоя боится вещей и иных львов, да и многих львиц — тоже, опасается, выросла в страхе и осторожности. А тут вдруг идёшь — и в полной безопасности. Ровно идёшь, мордашка прямо. Она знает, что он может взять и сцапать ей мордаху, ну вот как тогда, или — да всякое с ней может сделать, это уже по складским приключениям понятно. Ай ладно. Ну и пусть. Зато! Если кто-то к ней пристанет, вот легко представить себе, пока засыпаешь: идут они через тот самый мост, к ней пристаёт какой-то ужасный, грязный львина, а она идёт, причём красиво одета (ой, тут много всяких вариантов, во что да как, например в узорчатую юбку с волнистыми подолами в несколько

слоёв, такую недавно видала; и не будем вспоминать об опыте с платьем сиятельной Ваалу-Амаи, Ахей, *руэ ир зееле*, было дело, было), и она этому грязному львине просто говорит: «Видишь, я — со львом. Я — его... жена» (когти впились в постель). Он наверное, сразу отстанет, но если вдруг посмеет, то Арзис как... зарычит. И всё. И всё...

На следующее утро, переспав со всем этим и увидев сон, о котором не стоит говорить, Тоя снова призадумалась, но с новым настроем. Всё-таки очарование момента прошло, надо смотреть на вещи правдиво. Вряд ли он захочет с ней, дхааркой, идти на любые серьёзные шаги, какие бы она только не воображала. Но не всё так просто. Всё-таки: его кольцо на её груди; он с ней добр, и не только добр, он даже бывает к ней суров, и вообще как-то всё так делает, что просто уже не знаешь, что думать; он её обнял, и не раз; он из-за неё (да! из-за неё!) дрался на поединке и потом ни в чём не обвинял и ничего не говорил; всё Башское приключение, каждый его миг; и тогда, в те их совместные мгновения на мешках с хлопком для Хозяйки, он этого не знал, но там был великий знак, там была священная стрела, которую она увидела, знак от Ахея; Ахей очень ясно указал ей там (и Арзису, он просто этого не знает), что к чему; и она со всем согласилась, ибо никто не претит воле Ахея.

Эх, вех, всё это может оказаться лишь чудовищным совпадением. Жизнь немилостива, страдания велики. В конце-концов, оставив эти глупости (всё равно будет, как будет), решила Арзису отдариться — это в любом случае надо сделать.

Львам подарки дарить сложно, львицу можно порадовать очень многим (тарелкой, тканью, лентой), а чем радовать львов? Непонятно. Нет, точнее, так-то понятно, чем — мама ей говорила когда-то, что львы любят «поесть и поспать»; дай им одно, дай другое, и будет тебе. Но такое ж не подаришь вот так, просто. Наверное. И тем более такое всякое, что вчера осмелились наговорить тётя Селе с Басти; кто бы мог подумать, что они такое знают. В общем, снова-таки непонятно. Тое ещё сложнее: у неё ничего-то и нет, кроме самой себя и своих нехитрых вещей. Есть ещё ровно сто сорок шесть империалов, что для дхааров, в общем-то, приличный капитал. Деньги она хранит в шкатулке, шкатулку когда-то подарила мама, она мамина, вообще-то. Сложно...

В конце-концов, она задумала купить небольшой нож-клык (надо хороший!), и сделать ножу темляк из плетённых нитей, и узор плетения будет нести большой смысл; ему ещё и ножны нужны. Темляк будет большим, можно будет вешать на шею — так делают в Мрамри.

Но всё это требовало времени. Сложно. Сложно...

Семья, Семья, Семья

— Садись в дилижанс.

В дилижанс Хозяйки? Это очень странно. Невероятно странно, Тоя даже никогда не убирала в нём, только Хозяйкины служанки, а тут... Тоя замешкалась.

— Перестановка сегодня такая. Давай, давай, — ещё раз потребовала Реная.

— Хорошо-хорошо.

Хорошо-хорошо всё было у Тои, но на самом деле утро началось отвратительно. Нет, всё даже началось с ночи. Телоохране Ваалу-Мауны стало плохо: из двадцати трёх шестнадцать голов стали слабы на живот — полное расстройство. И не только им, а ещё пятерым легатным гривам из форта. Все они вместе ели вечером одно и то же.

Командир форта Сигас упал в неистовство, и начал искать виновных. Уродливое зрелище. На кухнях работали местные дхаарки и случайные гельсианки, их выпороли сразу же, не разбираясь; одна от порки почему-то умерла.

Эта новость, конечно же, была плоха и сама по себе претила всякие перемещения Хозяйки из защищённого форта. Сир Уруз прямо сказал:

— Хозяйка. Не едем.

На что получил загадочный ответ от Хозяйки:

— Нет, Уруз, наоборот. Едем, и как можно скорее.

На его немой вопрос добавила:

— Сёстры кое-что провесли мне сегодня.

— Могу узнать, что именно?

— Нет. Но всё срочно.

— Хозяйка. Не едем. Нас будет только семь, включая меня.

— И ещё сто двадцать грив Палатной Гвардии. Уруз, давай, не спорь, я устала... Надо ехать. Мы должны быть сегодня вечером в Тринадцатом Легионе. Не завтра, послезавтра, а сегодня. Я должна.

К Мауне заявился командир отряда Палатной Гвардии — ну совершенно изумительный лев, обморок для львиц, хоть уже сам в позднем возрасте силы; но с одной особенностью — *запечатанный* он. Запечатать могут многие Ашаи, но Правдовидицы делают это лучше всего. Мауна давно бросила баловаться эмпатией — некогда, все силы на Ремесло идут (правда, после Жертвы золотой воды в крови с каждым днём становилось всё больше, сильнейшая вещь, всё правда; и эти дурацкие сны! И ощущение серого облака над головой, тяжко получать удовольствия, всё не радуется). Решила вот его прощупать. А щупать не-

чего — наглухо закрыт. Видно, серьёзных палатных запечатывают; ну и не странно, если подумать.

Они немножко побеседовали, он протянул ей что-то, очень важного вида бумагу, Мауна пробежалась по ней. Многословие скрывало простое: «Доставим в лучшем виде». Посмотрев на него, чуть улыбнулась:

— Ну что, довезёте меня? А то я волнуюсь. Мне осталась треть телхраны из-за нерадивости на кухнях... — тихо сказала ему.

— Я сделаю всё, чтобы выполнить приказ. Ещё чуть-чуть, безупречная, лишь денёк.

— Хорошо. Я доверяюсь гриве, — молвила Мауна, смотря ему в глаза. И протянула руку с кольцом сестринства. Он тут же пал на колено, поцеловал её ладонь.

Но ничего этого Арзис не видел: ни того что Тоя очутилась в дилижансе Хозяйки (?); ни того, что сама Хозяйка очутилась в повозке дхарок (!?); он просто уселся на повозке с всем барахлом, ближе к концу кортежа, и уснул на ней, зарывшись в плащ. Иногда он просыпался от кочек, глядел вокруг; наверное, виды были красивы в эту Пору Огня, но Арзис не придавал значения.

В очередной раз проснулся оттого, что остановились. Посмотрел по сторонам — стоят на маленьком, каменном арочном мосту, в самом его начале. Лошадям неудобно удерживать на уклоне, они сдают назад. Поглядел назад — Тай, который управлял последней повозкой, привстал, но не в полный рост. Впереди что-то происходило. Мимо них промчались головы с десятков Гвардии.

— Уруз! Уруз! — звал его Тай, не обычным голосом, а полрычем: это напоминало «Угуг, угуг». Одновременно он подначивал свою двойку лошадей сдать назад, что всегда трудно — лошади этого не любят. Арзис напялил нагривник, забросил своё копьё с переноской за спину и подбежал, чтобы подвести лошадей назад; вспомнил, как однажды намучился на Востоке, застряв с одними в болоте дороги, и чем это всё кончилось (плохо кончилось).

— Чё там, Тай?

Тай не отвечал; он ещё пожевал свой табак, а потом выплюнул. Теперь он глядел направо, на склон крутого холма или пологой горы, как угодно.

— Куда они уехали?

— ...что-то сказали?

Такое услышал Арзис от головы кортежа.

Тай ещё раз привстал, теперь уже в полный рост. Что-то он понял, в отличие от многих и Арзиса, и детально, полно и понятно описал ситуацию Арзису:

— Блять.

Арзис и себе уцепился в повозку, рядом с Таем. Тот решительно подвёл лошадей влево, что странно: там крутоватый съезд вниз, под мост, к речушке с каменными берегами. Серая галька. А потом как вмажет им кнутом, ещё, и ещё. Лошади не захотели, одна встала на дыбы, ещё больше пугая вторую.

— Коли клячу! — зарычал ему Тай.

Что, сняв копьё, Арзис и сделал — уколол ближайшую под зад. Подействовало, лошади упали в страх и понесли вперёд; из-под моста кто-то выбежал (в смысле? кто?), то ли трое, то ли пять, то ли восемь, и как же им не повезло — повозка прямо на них, вниз по склону. Кто-то разбежался вроссыпь, кого-то глухо переехали. Арзис чуть не свалился, как и Тай. Лошади ломали ноги о гальку с песком. Тащить им стало трудно, и под конец они зашли в воду и завязли в ней, отказываясь от всего. Не перевернулись, и на том спасибо.

— Возьми там!... — что-то непонятное прорычал ему Тай, спрыгивая.

«Линять», — подумал Арзис. В любой непонятной ситуации надо линять. Не думать, не осматриваться, не прикидывать, не надеяться на лучшее, не пытаться понять; расстояние — безопасность, чем дальше — тем лучше. Мельком посмотрел на мост — там происходило что-то очень нехорошее, возле дилижанса Хозяйки и остального кортежа.

Но сперва — кое-кого забрать отсюда.

Отбросив занавесь повозки, вот что он увидел: Мауна (что?), большие глаза, сидящая прямо на немногих вещах и мешках, в них — трагедия и страх; одета — удивительно — в свире, походной одежде Ашаи, которая и сидит-то на ней невпопад, вольновато, совсем не по-ашайски, не по-сестрински, словно одолжила её у старшей подруги-сестрицы; напротив неё — Атрисса, с длинным, омерзительно тонким кинжалом. Атрисса держит кинжал у сердца Хозяйки и, естественно, ревёт.

Он не ожидал этого увидеть, вот их, вот именно их, да ещё обоих. Совсем не ожидал — тут не их место. В эту повозку он закидывал пару дней назад совсем других львиц. Они не на своём месте. Тут ведь должна быть...

— Какого вы здесь делаете?! — зарычал Арзис в отчаянии, непонимании, удивлении.

— Арзис, я, я не могу, я не могу! — нашла время истерично пожаловаться Атрисса, поняв, что спасена, по крайней мере, от решения — колоть или не колоть Хозяйку, превосходную, в само сердце.

— Надо меня убить, — очень неуверенно сказала Мауна, и непонятно даже, кому. Она даже не глядела ни на Арзиса, ни на свою молодую служанку, изо всей силы что-то сжимая в кулаке (да знамо что — яд).

Вместо ответа Арзис, оскаленный, с копьём подмышкой, ухватил Атриссу и вытащил её из повозки прочь, как вещь (за руку). Та же участь

постигла и Ваалу-Мауну (сначала за руку, потом за талию). От силы Арзиса служанка не удержалась и свалилась на воду да камни с песком, чуть сама не уколотившись длинным, смертельным кинжалом. От силы Арзиса Мауна царапнулась о край повозки лапой, ей вогналась заноза, и улетел из ладони далеко-далеко бутылёк с ядом (строфант со снотворным, классика), но она наземь не свалилась, потому её-то как раз Арзис и удержал.

Что делает Тай? Тай занят делом: выстрелил в кого-то из тяжёлого и дорогого арбалета.

— Хорош! — кажется, Тай попал, и отбросил уже бесполезный арбалет: второй раз его накрутить никто не даст.

Противников оказалось четыре. Нет, три — один уже получил. Два оказались поумнее и осторожнее. А первый (одинокий) — в дешёвой броне, в легатном нагивнике подороже (выторговал когда-то), и с алебардой и со щитом на спине (очевидно — под чем-то совсем дурным и весёлым), и первое, что ему пришло в голову — пнуть кнемидой с железными набойками Атриссу, что пыталась подняться. Из всех многих возможностей в жизни — именно это. Идиотское решение нашло мгновенную расплату: Арзис проткнул ему лапу выше колена, тот сделал шаг, лапа ему подвернулась, упал (тоже классика); он успел сделать неловкий и плохой выпад своей алебардой, но толку, если Арзис проткнул его уж сбоку своим копьём, под рёбра (больно, наверное), а потом ткнул ему пару раз, не разбираясь, в морду тем самым отвратительно тонким кинжалом, что так удобно и совсем выпал из ладони Амаи на грязь земли. Потом отбросил его в сторону, а то ещё сам им уколешься. Неудобный. Негде вогнать, ножен нет. Бесполезный. А вот алебарду у противника забрал (тяжеловата, сука), и сразу отбросил. Короткая и тоже бесполезная. Вынул копьё из противника, сильно надеясь, что наконечник ещё хорош, а то непонятно, попал ли ему в броню или как.

Арзис очень быстро выпрямился, очень быстро оглянулся, определяясь со своей диспозицией, с положением союзников, с положением противников, дальнейшими возможностями, со всем. Мауна — рядом, просто стоит, сложив сжатые кулачки под шеей, и смотрит на него (что ей ещё делать). Атрисса — на земле, перевернулась на спину, вся мордаха в крови, закрытые глаза, хрип, рычание и стон одновременно, и Арзис мгновенно определил, что с нею надо распрощаться (не дотащишь, не спасёшь, нет, ничего). Непонятно, есть Палатная Гвардия, нет. Да вообще ничего не понятно.

Тай тоже с копьём, очень длинным — вытащил его из повозки.

— Арзис, ёбнем их! — он стоял на шаг возле Атриссы.

Арзис принял единственное решение, ухватил Мауну за руку и побежал вниз по течению. Там не было противника (пока). Сейчас будет. Он сейчас всюду будет. Линять, линять и линять, никакого топтания на ме-

сте, никаких героических сражений и последних оборон; нет, Тай, изви-
няй, как-нибудь тут сам. Слева — обрывистый берег, в львиный рост
высотой; делать нечего — сначала копьё, затем вылез сам, затащил
Мауну без всяких церемоний, как попало; та молчала, совсем (кажется,
лишь что-то то ли тихо говорила, то ли шептала под нос — непонятно),
даже вздохи её самочьи были тихи (известно, если с силой тащишь, да-
вишь, дёргаешь и такое прочее делаешь с самками — они не могут не
вздыхать). Отметил — Мауна в ездовых кнемидах, слава Ваалу, слава
кому угодно, без них лапам будет она, она самая. Побежали по обрыви-
стому берегу, кусты, затем слезли снова, пришлось залезть в воду, заля-
пываясь грязью, петляя, и проваливаясь на скользких камнях, отчаянно
пытаясь определить, стоит ли пересечь речушку вброд или даже вплавь.
Обрывистый берег рван, надо дальше петлять. Мауна взвизгнула и рык-
нула, сильно поскользнувшись, прям действительно сильно.

— Заткнись! Тихо! — зашипел на неё Арзис.

Прижал её и себя к стенке берега. Посыпались камушки. Он заткнул
ей рот, чтобы не вздумала, наострил и стал слушать. Чей-то страш-
ный, далёкий рык смерти и боли. Арзис шмыгнул носом, слушал даль-
ше. Какой-то странный глухой звук, потом треск. Ржали лошади. Рыко-
крики на незнакомом языке. Далёкое сунгское ругательство. Да, всё
вроде далеко, сравнительно далеко.

Повёл её и себя дальше по берегу.

— Арзис, куда мы...

— Заткнись, — снова зашипел он на неё. И для верности приложил
ладонь к её мордахе, чтоб поняла. — Не шуми.

Прошли ещё; подумав, Арзис решил вскарабкаться вверх по размы-
тому, каменистому склону, очень осторожно. Хорошо, вроде тихо. Сно-
ва поставил копьё наверх, вылез сам, снова вытащил Мауну наверх (не-
уклюже всё). Его план прост — вылезти и скрыться в глубине леса. А
там как будет.

Но план оказался под серьёзной угрозой, причём сразу. Кажется, во-
обще всем планам пришёл конец. В шагах десяти стоял молодой, даже
совсем юный лев, странновато-чужого, аж жёлтого окраса, и справлял
малую нужду прямо в кусты, за которыми, собственно, изначально и
вылез Арзис. Так они и встретились взглядами и застыли. Нагривник у
него был легатный, но ниже шла эклектичная сборка из самых разных
кожаных доспехов, с гамбезоном. И только левая перчатка; а, да, правой
он держал известно что.

Арзис на кратчайший миг дёрнулся назад, даже не телом, а лишь на-
пряжением, намерением, и сразу, чутьём, понял, сколь это глупо (нет
времени даже объяснить, почему). И бросился к уязвимому противнику.
Молодой лев сделал непозволительное — растерялся, сделал несколько
шагов назад, стукнулся о дерево сзади. Потом потянулся за алебардой,

приложенной к тому самому дереву, она упала в траву. Всё это время он странно мычал — именно мычал, как корова, а не рычал или там кричал о помощи.

Арзис рискнул и всадил ему копьё прямо в морду, не надеясь, что наконецник справится с гамбезоном, в котором запросто может быть вшита пластина, так часто делают. Повезло — противник оказался совсем плохой, и даже не подумал увернуться. Копьё прошло насовсем, и вышло аж там, сзади, ниже ушей. Как и многие, он попытался ухватить древко копья, но тут смерть оказалась слишком быстра, и он даже не успел сделать и этого. Повалился камнем вниз, обезображенный, и Арзису даже особо не пришлось вытаскивать копьё, вполне просто вышло само от рывка. Ещё, увидев у него нож на поясе, Арзис воткнул ему в шею, чтобы повернее, раз пять-десять; поскольку устал и задышался, то всё медленно, даже спокойно со стороны.

— Как со свиньи, — тихо отметил, вставая, весь заляпавшись в крови и отряхивая руки. Навострил уши, поосматривался.

Тем временем Мауна уцепилась за единственно понятное, знакомое — взяла неважнецкого вида лук, приставленный к дереву, и даже взяла стрелу из колчана (тоже приложен к дереву).

— Семья. Семья. Семья... — повторяла она, держа лук в руке. Глядела туда, на север, откуда убежали.

Арзис всё прислушивался, потом, согнувшись, пошарил вокруг. Возле этого льва раскидано кой-какое добро; непонятно, кто такой, что здесь делал, и почему сам. Нашёл на нём ещё нож, и только теперь заметил, что свой пояс с мечом оставил далеко там, в повозке — снял, потому что мешал спать. Забрал с этого пояс, но у него меча нигде не оказалось и не валялось.

Посмотрел на Мауну. Проехался ей по ушам, растёр, чтобы очнулась. Той больно, серьги ведь. «Золотые», — подумал. — «Продать можно».

— На, держи, — нахлобучил на неё колчан. Потом вырвал лук из руки, тоже надел на неё. — Говори тихо. Сядь.

Села. Пошёл шарить дальше. Снял с того, молодого, нагривник, узковат, пойдёт. Кожаная фляга, в ней какое-то кислое дерьмо, прекрасно. Нашёл кремь в сумке на поясе, там ещё что-то есть, не стал разбираться. Мешок, в нём — какие-то лохмотья, кусок сала, наконецники стрелам. Отдал это Мауне, она взяла и даже тоже начала в нём рыться, не спеша. Снял с него плохие наручи, надел себе (свои-то тоже оставил в повозке). Хорошо-то Арзис хоть голову не снял с гамбезоном, чтобы спалось лучше. Стащил с него, не без такой-то матери, штаны. Ему будут малы, а вот Мауне пойдут, надо попробовать. Что-то ещё? Нет? Может и да, но надо линять дальше.

— Еда, — всё верно определила Мауна, держа сало, как артефакт, двумя руками. Она, присев подле, рассматривала ещё вроде даже чуть-чуть живого выгровка.

— На, — засунул штаны и флягу в мешок. — На. Одень. Обмотайся, жми уши, обмотай себе голову, — сказав так, сам завязал ей на голове длинную, серую, шерстяную ткань, обмотал шею, — ну! Всё, умотали.

Как перестать быть Вестающей

— Ох, Арзис.

Это Мауна неграциозно и тяжело прислонилась к дереву.

Он запретил ей говорить слова «ужасно» и «тяжело», и она ни разу их не сказала.

— Отойдём ещё, — и снова сказал он. — Мало.

— А потом найдём ночлег, — тут же продолжила она, сползая по стволу. — Уснём. Утром встанем и снова пойдём по реке на юг.

— Именно, — похвалил её Арзис за то, что всё запомнила.

— Семья... Как ты думаешь, они всех убили? — сказала она, запрокинув голову.

Выглядела она, конечно, интересно. В львиных штанах, великоватых, затянутых ашайским ремнём потуже (слава Ваалу, что даже самая балованная Вестающая носит ремни, какие положены всем Ашайам), под ними — высокие кнемиды, дальше ашайская свира (плохо так-то, выдаёт), сверху — накидка, подвязанная на голове ремешком от сумки.

— Наверное, — пожал плечами Арзис, оставив копьё, которым пользовался как палкой для ходьбы. — Хвост с ним, чуть посидим.

— Ваал мой... Может, Гвардия поубивала нападающих? Может, нас ищут? — с безнадёгой посмотрела Мауна.

— Ну да, идём ещё проверим. Смылись наши гвардейцы, Хозяйка.

— Это невозможно, — ещё безнадёжнее молвила она.

Вообще-то, Арзису не очень-то и хотелось на неё жаловаться. В их блуждании Мауна не ныла, больших дуростей от неё не было, а только так, мелкие непрактичности.

— Чё невозможно, да смылись они, — чуть посмеялся он.

— Ваал мой, Арзис, что всё это значит?

Оба задумались: Арзис — о дурацкости вопроса; Мауна — вообще.

— Это, наверное, хальсидские повстанцы, они ненавидят всех Ашаи-Китрах. Они считают нас посланниками зла в мире, связано с их верой, — Мауна начала рассматривать что у них там есть, в мешке.

— Не гельсианцы? Мы уже в Гельсии вроде. Вот сраная Гельсия, только заехали, а тут уже полный карнавал.

— Хальсиды — гельсианцы, только радикальные. Хальсидство — это вера. Кровожадные, глупые.

— Мы глупее и кровожаднее, ца, пусть не думают много, — плюнул он. — Другой вопрос: почему смылась Палатная Гвардия? — развёл он руками. — Я думал, с них будет толк.

— Это хороший вопрос, — медленно закивала она, вытащив их сало.

— И третье: что ты делала в повозке для дхаарок? — показал на неё когтем.

Вздыхнула, помялась.

— Я предчувствовала, предложила Урузу, он согласился. Я никогда так не делала, но... Мне было очень беспокойно. Я не знала куда деваться. Я хотела спрятаться, очень не хотела ехать, но должна. Я не знаю. А как ты узнал, что я там?

Никак. Это была случайность. Арзис не узнавал, что Мауна там. Там ожидалась немножко иная львица.

— Увидел, — соврал он.

— Но как? А мы так скрывались, так скрывались, это знали только я, Уруз, Тай. И ещё кто-то...

— Ещё кто-то. Ну вы даёте. Глаза у меня есть, — показал двумя пальцами. — А куда делись Бастиана, Тоя, Селестина?

— Дхаарки, что-ли?

— Да, дхаарки, что-ли! — вдруг разозлился он.

— Не кричи на меня. Нельзя тебе на меня кричать. Ехали в моём ди-лижансе.

Арзис задумался. Кажется, Мауна впервые увидела, чтобы он задумался всерьёз и надолго.

— Слушай сюда. Противник не достиг целей. Противник не выполнил задачу, задачей была ты, это не налёт, так дела не делаются. Теперь надо идти дальше. И всё будет путём, если ты будешь послушна. А не будешь — брошу саму. Но перед этим хорошо отлуплю. Вот здесь. Зеркальцем.

Она посмотрела на него, сняла себе накидку, повела ушами. Вспомнил о матери — так иногда могла смотреть; взгляд задерживается, цепляется за тебя.

— Как скажешь. Но извини, зеркальца нет.

— Ну и отлично. А что у тебя есть?

— Ничего, кроме кольца, — показала сереброкольцо сестринства на пальце.

— Снимай.

— Я не могу. Не снимается, — подёргала она.

— Ладно, заматаем пока. А сирна где?

— Тоже в дилижансе оставила. Вообще всё оставила.

— Ничего себе, — сказал он. Подумал, и: — Ладно. Это хорошо.

— Это плохо. Так Ашаи-Китрах не делают. Им всегда должно всё при себе иметь.

— А что ж в этот раз случилось? — иронично спросил Арзис.

— Инсайт.

— Что?

— Безмолвное знание. Не хотела брать, и всё. Всё в дилижансе развешала, сама, на стеночке. Сирну, стамп, амулет. Даже сидела, поправляла. Теперь вот, у тебя Хозяйка без декораума.

— Но с головой, — успокоил Арзис.

— С головой. Моя Семья... Амая... Моя Семья... Амая... Амаенька, почему я тебя никогда не называла Амаенькой, почему я такая дура? — что-то себе уплыла Мауна, а потом заплакала; эх, сколько держалась, но всё равно, куда без этого.

— Какая ещё Амая? — забрал он у неё сало, пока та растирала себе всё по мордахе; ей стыдно плакать, она не привычна, прям позор.

— Это долгая история, Арзис.

— Ну и хвост с ней. На, поешь, — отрезал кусок, не без труда.

— Не хочу.

— Хочешь-хочешь, жрякай.

— Жрякай, — почему-то заулыбалась она. — Жрякай, говоришь... И принялась, неохотно.

— Это. Значит, идём в Тенескал, — говорил Арзис с забитым ртом, — оттуда — к нашим. Завтра там будем. Значит, ты помнишь, что эта река ведёт к Тенескалу?

— Так должно быть, — припоминала она карту, помотала перед собой рукой, затейливо, Арзис пронюхивал это. — Если это первый мост. Если второй, то я не знаю. Но кажется, это был первый.

— Ладно, — отмахнулся. — Да завтра там будем. Недалеко. Главное, чтобы подле реки можно было идти.

Но Арзис уверен, что подле реки можно будет идти, здесь шли тропы; главное, чтоб на тропах ещё кто не попался. Растянулся, жуя. Сало оказалось вкусным.

— Да расслабься. Живы-здоровы.

— Моя Семья... — и дальше уууу, слёзы, из носу течёт.

— Ну что ты заладила. Не вся же. Там в форте ещё целая куча осталась. Ну прям знали, когда понос получить, просто молодцы. Надо было и нам тоже, сейчас бы срали и в карты резались. Ну а ты бы пасьянсы раскладывала. Умеешь?

— Арзис, не ругайся столько. Я уже однажды слышалась ругани, знаешь, и всё... и всё кончилось... так неправильно.

Ох уж эти нюансы и подводные течения с Ашай-Китрах. Всё кончилось. Так неправильно.

— Главное — ты жива, всё равно, — поуспокаивал он её, это львицам нужно, поездить по ушам чепухой.

— Это не главное, всё не в порядке — всё ужасно.

— Я ж те говорил, Хозяйка: никаких «ужасно». Эти хальсиды пролетели: они за тобой охотились, и чё получили? — и показал ей красочный жест.

Мауна сквозь слёзы посмотрела на его уверенное и беззаботное движение. Захотелось, чтобы он сделал это ещё. Хорошо, что он убил Карриса. Хорошо, что он убил какого-то уroda-хальсида. А потом какого-то глупого подростка. Хорошо, что он есть...

— Слушай, а ты сможешь провезать, что у нас проблемы? — пришла ему в голову идея, даже жевать перестал.

Она уже думала об этом; но это — очень непростая задача, с множеством неясностей.

— Я попытаюсь, но мне ночь нужна, — честно ответила Мауна.

— Вот, другое дело, — всё упростил он. — Всё путём.

Отпил немного кислющего вина из фляги; в отличие от сала, оно оказалось ужасным. Надо будет слить и набрать из реки воды.

— Всё нормально будет, Хозяйка, — сказал, вспомнил о Тое, настроение сразу упало. — Не у всех, конечно. Твою мать... и действительно, Семья, — подумал о том, как её могли убить: быстро, медленно, с издевательствами, без?

Это было быстро, решил он.

— Если б не Тай, мы бы сдохли, — отметил, и поднял флягу в его честь. — Самый ровный львяк.

Тоя даже ничего не поняла, решил он. Болт в голову. «Что-что происходит?», — вылезла из дилижанса, испуганная. И всё.

— Хотя нет: думаю, им за тебя, Хозяйка, выкуп рисовался. Я бы выкуп брал, зачем выбрасывать тачку золота. Слышал, ходит байка одна: за какую-то Вестающую на Востоке дали тачку золота. Это правда?

— Правда, но золото было не в тачке, а сундуке, и не за какую-то, а за Ваалу-Сирьяру. Но здесь не выкуп — меня хотели убить.

— Вот суки, — пригрозил Арзис, всё-таки выливая кислющее вино. — Невозможно это пить, воды наберём.

Ей понравилась угроза. Почти все угрозы, что слыхала, оказывались ничем, или жалким подобием. У Арзиса — простые и настоящие. Он способен взять и прекратить жизнь, если решит — какой невероятный Дар. Зря сказала ему не ругаться. Мало кому идёт, а ему — идёт. Было бы неплохо, если б он и её назвал сукой. Она бы обиделась.

— Слушай, ну как так? Я всегда думал, — оглянулся кругом, и даже тише заговорил, — что Вестающих так охраняют — палец не всунешь,

— Арзис внял просьбам Мауны и деликатно подменил слово. — А Гвардия хоп! — и сделала лапы. Слушай, Хозяйка, дело дрянь, подстава это всё.

Поразмышлял.

— Наверное, из-за того, что мы тайника замочили, — очевидная причина.

Ещё прикинул варианты.

— Или тебя сестрицы решили завалить, — ещё одна.

— Ты с ума сошёл. Это невозможно, — с презрением Вестающей ответила Мауна.

— Ну видишь как всё вышло, — показал он вокруг пустой флягой.

— Нет. Ты об этом ничего не знаешь. Сёстры не убивают своих... просто так. Тем более, таким идиотским способом. Это хальсиды, Арзис!

Ай, пустое это всё.

— Слушай, Мауна. Надо так: в Тенескал, затем в Империю, а потом перекрасимся, да и всё.

— Что значит «перекрасимся»? — не понравилось ей слово.

— Растворимся. Исчезнуть тебе нужно, а то вообще не пойми что такое. Не нравится мне это дело, гнилое всё.

— Куда я исчезну, Арзис, я — Вестающая.

— Ну, перестанешь ею быть на времечко, а то непонятно, кто на тебя клык наточил. Кто-то серьёзный.

— Это невозможно, — *нйах-гастау* от неё.

— Слушай, ну понос у наших — раз, — загнул палец. — Гвардия — два. И ты сюда спешила, тебе в форте главный сам же говорил: сюда ещё не ездили. Не, за тебя взяли серьёзные хвосты, Хозяйка, которые Гвардию рылами подмазали, — под «рылом» Арзис имеет в виду империал — на нём профиль Императора, пусть Ваал направит его решения. — Надо делать лапы и ложиться на дно.

Он говорил настолько глупые вещи, что Мауна аж зажмурилась.

— Арзис, ты просто не представляешь, о чём говоришь, — она даже не знала, с чего начать.

«Сёстры решили убить»? Ваал мой, прости. «Подкуп Гвардии»? Это тебе не мелкий чинуш в портовой таможенной конторке. «Убийство Карриса»? Мауна знала, что делает; и не только она знала, что она делает. Обеты Вестающей: Ваалу, сёстрам, Империи, Сунгам.

Арзис закивал, мол, ну ладно-ладно, допустим.

— Ну ты-то сама что думаешь? Что это всё, по-твоему?

Мауна не нашлась, гладила себя там, где инсигния, уже скрытая тканью.

— Ладно, поживём-увидим, — отмахнулся.

Захотелось покрутить кольцо, взялся — а его нет. Покрутить кольцо не выйдет — оно на шее, не его.

Глава, в которой Мауна упала в ещё большую ярость

Тенескал действительно оказался близко, его они увидели с высоты, и идти к нему оказалось легко, вниз-вниз-вниз подле реки по тропкам и берегу. Залезли в сено на окраине, на лугу, зарывшись вовсю. Ничего Мауна не провстала, не могло быть и речи — спали вместе, завернувшись во всё, что было; со львом рядом встать невозможно, никакой Вестающей, присутствие самца разрушает любое встание. Арзису было жарко спать с Мауной, как и все львицы, она ютилась к нему и так, и сяк, надоедала, ну невозможные дела.

— Сойдётся за полоумную, — поутру решил Арзис, разглядывая её наряд. Штаны пришлось стащить и соорудить нечто вроде юбки из шерстяной ткани, и затянуть её очень высоко, чтоб пояс скрыть, а узоры свирь затереть грязью. Снялись и попрятались золотые серьги; тщательно перемотали шею, чтоб — не дай Ваал — увидалась инсигния. Забрал у неё лук со стрелами (Мауна отметила, что лук плохой, слабый натяг, а стрелы так вообще ужасны); подумав, выбросил его прочь. Арзису не нравились её кнемиды — дорого выглядят; пообматывать б их тряпьем, но у них не осталось. Всё бы ничего, но Мауна ходила, смотрела, стояла, двигалась вообще не так, как это делает обычная львица. Сам выглядел ничего, пойдёт — какой-то непонятный бандюган и проходимец, как раз для Тенескала.

Утро вечера мудренее, и Мауна холодно поутру решила:

— Тайная Служба. Это всё они. Только так.

— Мда, я ж говорю — не надо было этого убивать, толсто получилось, — согласился Арзис.

— Арзис, нужно вот что: любой ценой добраться к моим сёстрам.

У реки четыре львицы стирали всякое, Арзису пришла в голову идея украсть у них что придётся, но не вышло. А так, всё шло как по маслу, они зашли в Тенескал, и вроде как всем было плевать на них. Тенескал Арзису сразу понравился — в таких приграничных селениях легко раствориться, тут всех подряд увидеть можно.

Как-то и называлась эта то ли таверна, то ли харчевня, то ли что, но непонятно — надпись по-гельсиански; если по-мрамрийски Арзис уже знал на слух два слова, то по-гельсиански — неа, ни на слух, ни на читать.

— Идём, — сказал Мауне.

— Давай снаружи сядем.

— Нет. Нечего светиться.

— Там душно, Арзис, — закапризничала Мауна, внезапно вот так.

— Нормально там. Иди сюда. Давай, заходи, — вёл он её.

Хорошо, зашли.

— Доброго вам дня. Вы сунгские или гельсаи? — пошёл акцент от львицы.

— Сунги мы, а что? — осматривал Арзис то, куда вошли.

— Первый раз? Очень просим. Для Сунгов всегда можно и положено: львам — война настойка, львицам — месмерин, — у прислужницы сего заведения оказался невероятно хитрый тон, будто каждое слово просто прыгало от нетерпения тебя обмануть.

Мауна попыталась нырнуть в неё эмпатией, но не вышло; та крутилась, взгляд не давался, да и вообще.

— Да, это всё будет кстати, — сразу освоился Арзис и сел.

— Можно метрику, торговый, имперское отличие?

— Что? Не, не взяли с собой.

— Как же вы кордон проехали?

— Границу, что ли? Проехали. Ладно, что можно поесть?

Немного погодив, львица ответила, приморгнув Арзису, и это разозлило Мауну:

— Всё есть.

Вот бы плеть — она бы паскуду высекла.

— Отлично, львица даёт всё.

Всё принесли.

— Видишь, всё хвостато. Рада, что всё кончилось? — пожирал всё Арзис, мгновенно подобрев.

— Ещё не кончилось. Я должна знать, что там произошло.

— Узнаем. Это, у нас в Кругу был такой Драк, он когда-то в Легате дренгиром был, так он всё любил... — Арзис зажевал медленнее, и Мауна увидела, как он весь выхищился, собрался, учуял опасное. — ... говорить... — Арзис жевать перестал, и сильно почесал переносицу.

В то же время слышалось, как сзади входила добрая такая толпа, со смехом и гельсианским слогом. Мауна их не видела, но Арзис — видел.

— *Хо-хой, старый друг, заходи, заходи.*

— *Принимай, Маэсту, принимай...*

Арзис продолжил жевать. Естественно, Мауна захотела обернуться, но Арзис всё упредил: он пнул её под столом, и так больно, что она тихо взрычала. Он покачал головой. Не оборачивайся. Улучив момент, приклонился ближе, она наострила уши.

— Нам надо... — сказал. И всё.

Он так и застыл, закрыв глаза. Потом открыл. Глядел на неё, дыша через рот, потом посмотрел в окно, справа (ему — слева).

— Что? — обречённо спросила Мауна, очень тихо; в то же время съела с ложки, даже не поняв вкуса, дабы притвориться, что просто себе ест.

Арзис молчал, и это молчание — этого не узнает никто и никогда — ввергло её в страх, как ничто иное. Арзис молчал. Это было плохо...

...это действительно было плохо.

Вот в чём штука. Первое, что ему пришло в голову: дать ей знать, что они-де здесь; но, к счастью, Арзис быстр на мысль, и сразу отсек эту нить. Кому ей, о ком речь? Да кто бы мог подумать — невероятно, но Арзис увидел Тою. Она среди эти львов, и с ошейником.

Он думал быстро, и очень быстро чернело понимание, что дело дрянь. Вытащить Тою. Сей же миг. Но реальность. Как её взять, как её забрать, как её спасти? Никак. Силы слишком неравны, всё не в пользу. Всё против. Невозможность хорошего решения. На миг — признаться — ему захотелось встать и просто уйти отсюда. Он Мауне всё сделал, пусть сидит и дожидается своих спасителей, что должны спешить, сбиваясь с лап (пропала Вестающая Империи!). Тоя... а что, а как? Да, всё верно: вытащить, спасти, забрать себе; он прекрасно знал, что этого и хочет, но Арзис — лев реальности, он всегда видит её огромную крепостную стену перед собой — и понимал безнадёгу этого желания. Силы слишком неравны, время слишком коротко, возможности слишком малы, нет пространства и времени ни на что. Кроме того...

Ах да, здесь ещё есть Мауна.

Дхааром или дхааркой стать просто. Нужно просто приехать в Империю, не будучи Сунгом (или гельсианцем), и сказать, что ты хочешь тут жить и служить Сунгам (кому ж ещё). Всё. Если ты львица, тебе сделают большие такие кольца в уши, железные, по две-три штуки в ухо, иногда четыре, иногда аж пять; похожие ещё носят мастерицы жизни (только на левом), но о них не будем, они нам неинтересны, совсем неинтересны, с ними не происходит ничего интересного. Если ты лев — тебе точно остригут гриву, очень тщательно (и потом ты сам её стриги, так же тщательно), и тоже засуют кольца в уши, или в нос, или и туда, и туда, или не будут особо настаивать на кольцах и куда-то их совать; но всё это зависит от прайда Империи.

Есть такой закон в Империи Сунгов, называется просто: «О дхаарах». Он старый. Наверное, он такой же старый, как и Кодекс Ашаи-Китрах. И меняется он так же часто и бессистемно, как и Кодекс Ашаи-Китрах (ну нет, тут преувеличение, не так часто и не так бессистемно). Есть много вещей, которые дхаарам запрещены; есть много вещей, которые с ними позволено делать. Есть даже некоторые вещи, что им позволено делать; можно, например, купить ведро, если вдруг потребовалось ведро (только не дом, это нельзя).

Да, любая совершеннолетняя Ашаи-Китрах может убить любого дхаара или дхаарку без особых церемоний, разбирательств, судов и прочих таких излишеств. Патриций тоже.

Ну ладно, зачем же сразу к таким жестокостям. О шерсть дхааров можно вытирать руки, так и прописано. Но вот торговать дхаарами в Империи нельзя, и уже давно, и многие из Сунгов морщились на такое — хорошее дело пропадает; вот раньше-то были времена (все, кто их помнит, умерли — времена были лет сто назад). В Империи вообще львинородом торговать нельзя; учёные Сунги считают, что это мудро, имеет смысл; на улицах Хустру считают, что это глупо.

А в Гельсии — можно. И гельсианцы, протекторат Империи («почти Сунги», как они себя считают; «почти дхаары», как их считают Сунги), вполне себе приторговывают. А вот убивать дхааров просто так нельзя вроде никому, в отличие от Империи, даже жрецам Огня (удивительная гельсианская вера, невероятная смесь из всего вокруг: жрецы Огня почитают богиню-мать, богиню плодородия): товар же, кто товары просто так портит. И казалось бы, лучше быть живым товаром, а не мёртвой жертвой какой-нибудь Ашаи-Китрах, алчной к крови и злобе. Но нет: все дхаары в Империи (да и вне её) боялись и ненавидели Гельсию, и вполне себе неплохо уживались в гостях у Сунгов. Но почему? Да потому что Ашаи и патриции практически никогда не убивают дхааров, это исключительнейшая редкость, картинная экзотика; они о дхаарах просто даже не думают, у них дела поважнее. А вот если попасть в Гельсию с дхаарскими кольцами или остриженной гривой, то стать вдруг живым товаром — вполне себе простая штука.

Ваалу-Мауна. Она тоже ведь не думает о дхаарах, она даже ведь не просто Ашаи, она ведь Вестающая; ей думать о дхаарке — как думать о сломанном колесе телеги, что валяется у обочины. Мауна всё усложнит. Она всё усложняет. Она не даст спасти Тою; и не со зла, а просто потому что в этом — никакого смысла. А если даже вдруг и даст, что будет потом? Тогда Мауна снова в опасности, а это разве в планах? О, нет. Они неизбежно и снова упадут в великую опасность, если Арзис что-то сделает для Тои, хоть ничтожно малое.

Да-да, тут тоже всё ясно. Да, сейчас он скажет Мауне: я увидел Тою. Деваться некуда, эту правду жизни надо донести; или даже можно не доносить, а просто так выйти, не объясняя, не давая Мауне обернуться, просто выйти и всё... Но если он скажет, то ясно, что будет. Кристально ясно. После мига изумления, и возможного вспльчивого (дурацкого) решения, любого, единственное, что Мауна может верное сделать, так это тихо прошептать: «Забирай меня отсюда». Очевидно, какой же риск; несмотря на ещё неизвестные интриги, живой интерес Империи в том, чтобы Мауна жила, довольна и здорова, вестая, а не вздумывала хоть на полхвоста рисковать собою ради дхаарки, что ей служила на кухнях и

где-то там, в подвале, и засиживаться в одной таверне со львами, что вполне возможно, позавчера её чуть-чуть не убили. Так или иначе, им надо уйти, думал Арзис, иного разумного пути нет; Тою надо оставить, Тою надо отдать, Тою надо продать, все они, вся «Семья» (какое дурацкое слово, подумал вдруг Арзис) — все они умерли ради жизни Ваалу-Мауны, так и Тое должно... Ну, кроме тех, что остались в форте, тех неудачников в расчёт не берём. Арзис не хотел этого, он очень-очень сильно не хотел этого, он очень-очень сильно хотел выхватить Тою из пасти жизни; но этой самой жизни всё равно, что именно мы хотим.

Арзис возненавидел всё вот это, эти садистские прихоти судьбы, поэтому даже на миг решил, что просто исчезнет. Иногда просто хочется уйти от всяких решений. Хвост с ними. С Мауной. Да, с Мауной. И с Т... То... А, ладно. Сделал, что смог. Да и что ему? У него всё своё, чужого нет, жизнь своя, делаешь, что хочешь. Нечего ему делать, только львицам решать проблемы, та ну их, да сколько можно.

Мауна моргнула, глядя на него, медленно, не замечая, что сама-то пробует есть ложкой вверх тормашками.

Он вздохнул. Нет, хотя бы эту львицу, Вестающую, сокровище Империи Сунгов, надо довести до конца; может, даже разбогатеет, его наградят или что-то такое. Надо закончить дело, Арзис ненавидит незаконченные дела. И он к ней привык, даже привязался, Мауна ему даже нравится, во многом, она славная. Хозяйка как бы, в конце-концов... Вкляла же, в конце-концов! Нравится, да сейчас чуть разонравится, ибо будет испуганное, правильное: «Забери меня отсюда, не думай о ней, уходим, уходим, нам снова повезло, уходим». Ещё такое, слёзное: «Как можешь думать о дхаарке, если моя жизнь на кону?». Или не слёзное. А холодное, и разумное. Возможно ещё бессмысленное обещание: «Мы найдём её, спасём, потом. Обязательно, конечно». Да, больше вот это. Мауна очень разумна, она хорошо считает вещи.

И он Тою оставит здесь. Ибо Мауна, и ибо реальность. Нельзя драться против меча ложкой. Тоя его не видит. Тоя их не видит. И слава Ваалу.

О, нет, не слава! Он встретился с Тоей взглядами. Быстрая рука ко рту, мол, молчи, молчи, только молчи, не выдавайся и не выдавай. Её изумлённо-испуганно-тоскливый взгляд, такой не забудешь до конца жизни.

Он понял, что не простит себя, если оставит её здесь. Он (наверное) надумается, как её попытаться спасти; точнее, он придумает, какую саможертвенную глупость можно сделать (Арзис такие ненавидит). Да, ага, он что-то сделает. И это что-то, верно, кончится плачевно.

Мауне показалась, что Арзис думал вечность, застыв, воткнувшись взглядом куда-то в её шею.

— Только не оборачивайся, — напомнил, очень тихо. — Там... Тоя. Мрамрийка. Дхаарка, — напоминая почти всё известное ему о Тое (так мало, на самом деле!), посмотрел вниз, воткнул ложку в еду, — из Семьи. В ошейнике с цепями. Там те самые, что нас стопнули. Или не те самые. Но, кажись, те самые. Она сидит с одним. Старым. Левшой.

И посмотрел на неё, с грустной ухмылкой, мол, такие дела. Мауна впервые видела в его облике нечто вроде растерянности, даже отчаяния.

Но в то же время кое-что увидел и он. Арзис, вообще-то, ни разу не застал её в злобе за эти пару дней. А теперь Мауна становилась всё... злее. И злее. И злее. Устремлённее и злее, и перемена оказалось столь ужасающей, что Арзис засмотрелся. Показались её зубы, клыки, задрожали её крошечные усы, которые она — даже в их положении — утром старательно старалась удалить, он заметил это. Её глаза превратились две яростные звезды, и Арзис пожалел, что однажды привёл ей этого Манару (Жертва), честное слово: если Манару видел эти две звезды перед смертью, то не позавидуешь; и одновременно — восхитился, что может свидетельствовать такое, эту древнюю ярость Сунги. Сунги яростны, они могут: это знают все вокруг, и всегда знали, потому и есть Империя Сунгов, а не что-то иное. Всё, что он мог делать, так это смотреть, любоваться, и — кажется, даже — влюбляться, быстро, очень быстро.

С одной стороны, он совершенного такого не ожидал, это было неразумно, непоследовательно и невозможно. С другой — он только этого и ждал, очень втайне, очень скрыто.

— Арзис, — слушал он её тайное, такое тихое заклинание, медленное, — прошуь Аламутом: освободи её. Это львица нашей Семьи, она выжила, она всё видела. Ты можешь. Никто не может. Ты можешь. Я помогу, я сделаю, ты скажи.

Арзис заметался, внутренне и взглядом. Так, так, планы изменились, продумать новые, продумать хорошо и быстро, чтобы выжить, а не абы как, чтобы просто сдохнуть на потеху. Есть большая разница: сделать, чтобы просто сделать, чтобы отметитья «я попробовал, не вышло, извиняйте»; и *сделать*, достичь цели.

— Мы заберём её. Что я должна? Направь меня, направь нас, — умоляла Мауна, даже просила разрешения. — Давай же. Ты, никто другой.

— Не дёргайся... — приказал ей, очень тихо и очень зло. — Надо... Надо, чтобы она вышла отсюда. Сама, или хотя бы с одним, а там... я не знаю, увидим...

— Хорошо, — даже спокойно согласилась со всем Ваалу-Мауна. Лев сказал, что делать; значит, львице спокойно. Посидела мгновение, отвела уши. — Говорят, чтобы Тое есть нанесли, и побольше, — еле заметно кивнула туда, назад. — Что её надо откормить, а то тощая. Тощих доро-

го не продашь, — такая изумительная злоба в её ухмылке-оскале. — И львят плохо сносят.

— Ты знаешь гельсианский? — бросил Арзис ложку в тарелку.

— Немного. Её, наверное, хотят продать, — очень деловито и обыденно отметила она, нахмурившись; что-то считала в уме, чуть прижались уши. — На продажу её пленили, да?

Не ответил. Хотел лишь разозлиться вслух на то, что раньше не сказала о столь важной вещи, как знание гельсианского. Ваал! Что за дура! Но не было времени.

Она закрыла глаза, вздохнула, уши её чуть поникли.

— Я её выведу, — взглянула на него, аж торжественная.

Остановить её не хватило мгновения: Мауна сразу поднялась. Осмотрелась до лап, почему-то пожалала плечами.

Арзис бессильно и беззвучно прихлопнул по столу. «Так... Надо... Надо... Надо будет...», — крутились такие полезные мысли. Он утирался ладонью, всю морду утирал, как всегда делал в большом волнении. Резких, внезапных вещей он боялся; только ему можно делать резкое, от остальных это ни к чему. Итак, Ваалу-Мауна, этот тонкий инструмент, вот она уже подходит к их столу. Как-то он сразу понял, что у неё на уме (сказалось сутенёрское прошлое): Мауна решила войти в роль случайной проститутки. Да. Прекрасно. Превосходно. Она ведь не представляет, как это делается. Она, верно, даже вживую шлюх не видела, никогда. Чудесно. Она ведь не для этого, она не может охмурить, как Ашаи сильной *страйи*, тем более эдакую толпу из семи голов. Она — просто Вестающая.

Арзис тёр мордашу, поводил плечами, и думал.

Отметил: ей не хватало тентуши и прочих дешёвых приёмов, её одежда ужасно не подходила. Например, у неё полностью закрыта шея (инсигния!), а никакая лёгкая львица не закрывает шеи. Все проститутки любят дешёвые приёмы, их глупо не использовать, они работают.

Мауна бесцеремонно схватила с соседнего стола цимлатин, что валялся там всё это время. Все обратили внимание, Арзис смотрел на неё. Выглядела она грустно и меланхолично, и подумалось, что плохая бы из неё получилась хвостка: грустная и меланхоличная (хотя и на такую будет свой клиент). С таким видом, верно, играют на цимлатине в высшем обществе. Мауна совершила гамму на струнах, и, хотя Арзис не знал, что и как там в высшем обществе играется, но его ухо поняло: играет она ничего. Тоя бы сказала: «Сойдётся».

Но местное общество не могло оценить такое наглое музыкальное вмешательство (да и кто его любит, по правде говоря?).

— Развлечения для добрых сиров, желания львов — жизнь львиц — так сказала Мауна на (чудовищно изломанном) гельсианском. Точнее,

это то, что она намеревалась сказать. Вышло где-то так: — *Развлекать приятных старейшин. Лев желать — львица жить.*

— *Не-не-не,* — замахали ей руками.

— *Уйди, дура, некогда.*

Мауна пыталась.

— *Это что? Сунга-шлюха, на нашей стороне? Давно не видал!*

— *Пусть побрякает, ладно вам, посмеёмся. Ну, Сунга, ставь попку вот сюда, подле меня, тяпнем! Я Сунгских шлюх ещё не щупал!*

Мауна и дальше пыталась.

— *Не. Не Сегодня. Уходи.*

— Цай, дхаарка? Сунгский знаешь? — спросила Мауна Тою.

Мауна, идиотски-весело-фальшивая, актёрничала плохо, в какой-то мере ужасно; она была бы настолько плохой мордодейкой, что это было бы даже хорошо. Зачем она, андарианка, вставила северо-Сунгское «цай»? Ваал мой!

Тоя закивала, мелко-мелко, знаю-знаю. Она глядела только на Мауну.

Прислужница забрала у Мауны инструмент, просто и по-хозяйски, с усталым видом.

— *Давай, уходи.*

— *Оставляй старейшин. Только сказать дхаарке старую тайну, как рубить львов,* — Мауна не обратила внимания, что её уже раз попытались отпихнуть.

— *Что?* — все засмеялись.

— *Она, наверное, «любить» хотела сказать, дура.*

— *Это просто нечто,* — кого-то воистину рассмешил этот фонетический конфуз.

Мауна помахала Тое, мол, наклонись поближе; Мауне пришлось облокотиться о стол, растянуться, ибо Тоя не сидела у края. Кто-то хлопнул Мауну под хвостом (удивительно, но не дрогнула; Арзис побоялся, что она изумится, а проститутки уж чему не изумляются, так это шлепкам под зад); за столом даже стало тихо, даже прислушивались, что она там скажет.

— Выйди по нужде. Выйди любой ценой, — жарко, яростно и влажно услышала Тоя в левом ухе.

Полный провал, ибо Тоя очень даже слышно ответила, глядя на Мауну:

— Да, Хозяйка... — глядя с таким благоговением, которого Арзис не видал никогда.

Невидимо, но некая сила берегла Тою, ибо никто их гельсианцев не обратил внимания на это провальное, начисто разоблачающее «Хозяйка»: все посчитали это неким учтивым сунгским обращением, да ещё положенным для дхааров: пёс разберёт всех этих Сунгов с дхаарами, у них всё там сложно.

Видимо, Тоя поняла, что наделала, потому что посерела ещё больше (хотя куда мрамрийке больше уж!), она стала тёмно-чёрно-серой от страха и нечаянного предательства, её уши мгновенно прижались, а задышала она часто и видимо. Уставилась вперёд.

И, еле видимо, но Арзис заметил — Мауне дёрнулось плечо.

— *Эй, Сунга, скажи «любить».*

— *Льюрубить,* — заулыбалась Мауна, с преувеличением вне всякий приличий; такой улыбчивый оскал!

— *Скажи «рубить»!*

— *Рубить!* — а вот хорошо повторила.

— *Ха-ха-ха. Ладно, давай, шуруй.*

— *Шуруй!* — победно вторила Мауна, с той улыбкой.

Редкогивый, разноглазый и косой, почти без зубов, с бельмом на глазу — это хозяин подошёл к Арзису.

— Это, это что за дело? — застучал он по столу, часто, как дятел. — Договор надо! Сорок частей. Сорок сточастей с деньги.

Небрежно, как у себя дома, Арзис взмахнул рукой:

— Да она всегда как видит кого, так набрасывается. Работу любит, хвостка. Говоришь сорок со ста, да? — подмигнул хозяину места.

— Сорок со ста, да-да, у нас хорошее место! — всё гневался он, праведно, словно ему наступили на хвост.

— Какой вопрос, главный, держи, это за всё, платим вперёд, ровные дела, — Арзис дал ему золотую серьгу.

Он не мог сейчас считать. Просто не мог.

— *Вох, вох. О,* — рассматривал тот золото. — С той сторона дявно сунгских не было, — даже уважительно молвил хозяин. — Дявно очень. Много денег ваши, сунгские! — обвинительно глянул на Арзиса, но так, незлобно, а довольноно.

— Да, да, — вяло согласился Арзис. — И то, я те скажу: подшевели в последнее время. Ну, чё там? — сказал Мауне, что вернулась, и поднялся.

«Резковато двигаешься, спокойней», — подумал.

Мауна кивнула, мол, идём. На ней: страннейшая смесь эмоций. Арзис даже не стал разгадывать.

— Мне наружу надо. Сир подскажет, где отойти можно? — спросила у хозяина, глядя куда-то сквозь Арзиса.

— Что? — не понял тот. — Что ийти?

— Она хочет ссать, — показал на себе Арзис.

— Вон тудья, двор иди, — указал небрежно хозяин, очень быстро считая империялы по столу.

Арзис быстро забрал плащ, копьё с той самой тряпкой на конце (заметил, как покосились те самые гельсианцы, или показалось?), положил

Мауне руку на талию. Вышли. Внутренний двор, выщипанная дочиста земля, куры.

— Что ты ей сказала? — тихо, торопливо, зло спросил.

— Чтобы вышла в отхожее, любой ценой, — глядела она вперёд. Потом — резко! — на него. — Она выйдет. И мы её заберём!

Она радовалась! Она триумфальничала!

«Эх, Арзисуля», — смешливо сощурился он, потирая шею, гриву, уткнув копьё в землю. — «Вспомни, как она тебя вкляла. Только вспомни это. Она дурацки отважна. Она такая дура... Она такая фантазёрка...».

— Так. Делаем вот что: она выходит одна — смываемся все вместе, вот тут, через забор; выходит с кем-то одним... — зашагал он к нужнику, и её потащил.

— Давай убьём всех, Арзис!

Мауна, понял он, идиотически отважна. Конечно, само собой. Любая из Сунг, что выбралась быть Вестающей, да ещё и выжила при этом, должна быть идиотически отважной (другие, наверное, просто сдохнут по дороге).

— Вытащи нож. Спрячь в рукав. Если с Тоей будет больше, чем один — уходим. Поняла? Поняла? Уходим. Один — убиваем. Два — уходим. Блять... Ты сможешь его в горло, сюда, сюда пырнуть? Не сюда, — постучал по груди и животу. — Там броня будет, ткань, рёбра, всё это. Сюда, сюда, в рыло. Только меня не порежь. Я его начинаю душить, ты — пырай. Он рычать будет, бля, всё под хвост пойдёт. Под гриву, под гриву, сюда-сюда, часто-часто.

Мауна вообще на всё говорила односложным «да». Но вот что: у него нет хорошей верёвки, чтобы душить. Можно снять верёвку-переноску с копыя, но... долго!

— Прячься в нужник. Тоя придёт — ты выйдешь. Я душу, — не верил он в свой план. — Ты ножом работаешь. Раз-раз-раз-раз. Шея-шея-шея. И тут, снизу, челюсть, вот тут.

— Да.

— Только я сначала свалю его! Я свалю его. Иначе он пнёт тебя. Пнёт — улетишь. Как звезда с неба. Давай, лезь в нужник. Сиди.

— Это отхожее, да? — критически отметила она.

— Давай, всё. Сиди. Ножик в рукаве. Держи крепко. Бей верно, не бойся. Будет кровь, кровь тёплая, не бойся.

— Я никогда не была в таких местах, — закрылась она.

— Часто-часто, шея, подбородок.

— Да. Здесь такая вонь.

— Мауна, мать твою, не подведи.

— Не говори. Я не подведу, Ваал не даст. Разве что пнёт. Как звёздочку...

— Не пнёт, сука, я его свалю. Сбоку заходи. Меня не порежь.

— Да.

— Если нас спалят, и набегут хвосты, то беги.

— Нет. Не говори.

— Что «нет», я что тебе... тихо. Выходят. Двое. Она и он.

— Вижу. Мне тут видно.

— Всё. Работаем. Начинай только когда я начну. Только когда я.

Надо было ей ещё много чего сказать, да поздно. Арзис зло уставился в глухую стенку напротив, встав вполоборота и притворился, что когтем копается в зубах.

«Сейчас ещё кто выйдет. И всё, понеслась», — подумал он, даже не разозлившись толком от этого.

— Быгыгы, — посмеялся он вслух этой мысли.

Белый день. Неизвестно, что там справа, слева, даже сзади. И заборчик. Их план был скандально глуп.

«Уходим после этого к границе, в Империю. Как-то так».

— Ты туда?

— А? — не понял вопроса Арзис.

В иных языках, как и подавляющее большинство Сунгов, он беспросветно темён и туп.

— Сир идёт туда? — спросил его львина, на очень хорошем сунгском.

— Не, там это... моя сидит. Вылезай уже! — постучал он по нужнику. — Тут очередь собралась.

Тоя неотрывно глядела на Арзиса. Он поглядел на неё; продолжая глядеть ей в глаза, презрительно и легко плюнул и продолжил копаться в зубах, показывая, как ему всё равно, что тут какая-то юная, серая, тощеватая и бесконечно грустная дхаарка-мрамрийка с ошейником. Странно, но одежды (высокая юбка, рубашка, почему-то передник и те самые, легендарные кнемиды) у неё оказались вполне приличны и даже не очень грязны, но кой-где были бурые пятна; всё, конечно, портили тонкие железные оковы (браслеты на запястьях, ошейник у шеи, и всё соединено цепями); с пленницей, видать, обращались не враздрай плохо.

Гельсианец (или, может, даже Сунг?) снял нагривник, отбросил назад и поерошил гриву. Арзис заметил это. А Мауна, чуть помешкав, вылезла, с лучезарной, солнечной улыбкой, которая вообще ей не шла.

— Иди, — приказал Тое гельсианец-Сунг.

Естественно, Тоя замешкалась, и теперь начала жрать взглядом Мауну.

— Дхаарочка, иди. Ну, ну. Дхаарунь, ходь, не стой, — со смехом сказала ей Мауна, подначивая, давай-давай, не стесняйся, твоя очередь.

Тоя так и сделала. Даже скрипучую дверь за собой захлопнула.

Противник — среднего возраста. Так выглядят занятые, всё усталые и ухлопотанные главы семейства, где есть вот это: жена, львят пятеро-шестеро, полно хлопот, обязательно охота и неплохой отцовский дом. У него — добрые глаза, добряк. Арзис встал ровно сзади льва с добрыми глазами, что-то надумался, и спокойно, методично размотал наконечник копьё от тряпки; оно до этого опиралось о заборчик, брошенное настолько небрежно, что оказалось сложно представить, что оно оживёт. Потом встал сзади в стойку, прицелился, закрыв один глаз; а второй у него был не очень добрый.

— Ха-ха-х, дхаарки, — засмеялась Мауна, преувеличенно жестикулируя, аж кривляясь. Как в плохом уличном балагане, честное слово. — Тупые!

Мауна — ровно с западной стороны. Арзис — ровно с восточной. Противник — ровно между ними.

— Ты тоже дура, — незлобно отметил львина.

— *Старейшина, вкусный, я тебя льюрубить. Ахгrrr*, — вздохнула Мауна, когда вместо ответа из его рта мгновенной молнией явился миру наконечник копьё, и запоздало отпрыгнула в сторону, помня о звёздах и пинках. В руке — нож, и она честно набросилась на него: неуклюже, но яростно. Тот быстро, надёжно свалился наземь, Арзис наступил ему на ухо.

— Хорош, хорош, всё, спёкся. Не марайся, — цыкнул он, — вся в крови будешь. Той, вылазь, — стукнул он по двери нужника, одна доска не выдержала и сломалась; второй рукой он пытался вытащить копьё из гельсианца.

Тоя вылезла, и первое, что сделала — бросилась на помощь Хозяйке, и заткнула кровавый рот гельсианцу грязнящей тряпкой, что нашла в нужнике; всё было лишнее, тот даже и особо и не хрипел.

— Эй, о конец порежетесь, копьё... мать его... застряло, — наконец-то, Арзису удалось освободить оружие. — Вставайте.

Мауна застыла, с ножом в руке (очень кровавая), и посмотрела на Арзиса снизу вверх:

— Хотела сказать... «сладкий», и забыла слово! Ай, Ваал... выведи, не дай пропасть... — встала она, часто дыша, с клинком в ладони и взглядом — к таверне. Резкий оборот — к Арзису. И сразу — к Тое. Потом — снова к Арзису. — Ты сказал, что будешь душить, — укорила ему, всё ещё задыхаясь.

— Эээррр, говорил и говорил, — Арзис обыскивал гельсианца. — Говорил одно, делал другое.

Кругом было очень тихо, как на заказ.

— Не надо так со мной делать.

— Как скажешь, хозяйка, — издевательски ответил Арзис.

Он снял с него: нагривник, сдвинутый на спину (будет два!); кошелёк (непонятно, что в нём); короткий меч, самый обычный легатный короткий меч, с ножнами и поясом, что обрадовало, и Арзис с достойной ловкостью прицепил на себя нужную вещь; снял кольцо, вроде серебряное, но поймётся потом; снял короткий плащ-лацерну, бросил Тое, молча показал, мол, укройся им, а то ошейник видно. Тоя замешкалась, Мауна помогла, укрыла её капюшоном этой самой лацерны (а кругом тепло, погода хорошая), отчего Тоя превратилась то ли в воровайку, то ли в дикуню, то ли в львицу из лесу, то ли в монахиню-огнепоклонницу (в Гельсии есть такие, Ашаям зачастую смешно, если их завидят), то ли в Юнианскую охотницу (жаль, вы не видали, то ещё зрелище). Затем Арзис торопливо осмотрелся, и делать нечего: переселил гельсианца в тот самый нужник, уже набравший недоброй Сунгской славы. Арзису пришлось тяжело, но не впервой — дотащил, усадил, и со всем справился, двери закрыл.

Крови многовато, это проблема. Старый приём: перемешал кровь на руках с грязью и вымыл, как мог, в бочонке для дождевой воды, сказал это же сделать Мауне. Спугнул бесстрашную курицу. Посмотрел на себя, на пятна кое-где, махнул рукой — сойдёт за охотную кровь, наверное.

— Уходим.

Заборчик небольшой, но ещё помог тот самый бочонок. Арзис перемахнул так, Тоя без проблем и помощью бочонка тоже оказалась по иную сторону, а вот Мауна бочонок перевернула, хотя и тоже оказалась где надо.

И хоть бы кого кругом, хоть бы кто вышел, что ли. Ни хвоста. Удивительно. Ваал таки помогает, видимо.

Они быстро пошли по боковой улочке, вдаль от входа в таверну. Арзис шёл даже спокойно, и заодно перематывал наконечник копья всё той же красной тряпкой, которую действительно не забыл на месте преступления. Никто не гнался, никто им вослед не рычал.

Свернули налево; показался, наконец-то, впереди львинород, на оживлённой центральной улице. У стенки валялся кто-то, наверное, пьянчуга (то ли до таверны не дошёл, то ли как раз наоборот).

— Итак, банда, — разбил молчание Арзис, ибо львицы ничего не говорили. — Сейчас мы...

Тоя вдруг остановилась, беспомощно махнула рукой, и её обильно смутило на твёрдый, сухой грунт улицы. Арзис и Мауна свидетельствовали.

— *Ей, кажись, хватит*, — заметил на гельсианском тот самый кто-то, валяющийся у стенки. Он всё-таки не спал. Арзис поглядел и слегка замахнулся на него, небрежным жестом, мол, что бы ты там не говорил — заткнись.

Тоя взглянула на них, и эта смесь безбрежной благодарности, вины, стыда, остатков большого страха, тяжелейшей тоски и готовности на что угодно — всё это не оставило Арзиса спокойным, он перекинул копьё на другое плечо, чтобы обнять Тою левой рукой и очень сильно прижать, но тут Мауна опередила: подошла, положила руку на Тоино плечо и утёрла (сама) своим же (единственным) платком, куском какой-то дорогой ткани, что прятала за пазухой всё это время, с самого начала.

— Ничего. И со мной бывало, — с большим значением заметила Вестающая.

— Простите, — отчаялась Тоя, и снова то же самое.

— Будь здорова, То... ооопаем дальше, идёмте, — Арзис успел пойматься на слове. Нельзя им имена светить.

— Не говори, — отмахнулась от него Мауна, и сказала Тое: — Гляди на меня.

Взяла её за уши под капюшоном, начала тереть. Мешали дхаарские кольца; Мауна не выказала этого.

— Смотри в глаза. Дыши со мной, — вдохнула она носом.

Тоя, безусловно, всё делала, предельно внимала Хозяйке. Мауна что-то шептала под нос, они вместе выдохнули, а потом стукнула ей по ушам.

— Лучше, — утвердительно молвила она.

Кажись, тут Мауна знает, что делает.

— Очень лучше, Хо... ммм... — Тоя тоже осеклась, и Арзису понравилось, чтобы она быстро всё поняла насчёт имён, и вообще. — Намного, очень-очень, — Арзис впервые в жизни увидел слёзы радости, он всегда думал, что это глуповатое преувеличение, и так не бывает. — Я... Я... Я, — сказала она на смеси языков, а потом двумя руками схватила ладонь Ваалу-Мауны и лизнула её, и это была даже не благодарность, а изумление, что всё это — возможно, реально, и происходит с нею.

Идиллию безжалостно прервал Арзис; схватив Тою в объятие, а Мауне — яростно кивнув, он повёл своих львиц. Он не мог объять обоих, потому что кому-то всё-таки должно держать копьё.

Разговоры в очереди

Удивительно, но ни Мауна, ни Тоя не спрашивали Арзиса, куда они идут и что дальше. И хорошо, что не спрашивали. Он всё думал, ступая вперёд, и ничего путного не придумывалось. Всё сводилось к одному:

отказаться от начальных планов повариться в Тенескале, сразу рискнуть и сходу перейти границу, на Сунгскую сторону.

— Так, вот оно. Сейчас границу перейдём. Хорошо бы притвориться торговцами, к ним привязаться, договориться... но некогда, красивые. Идём так; даст Ваал, наши не съедят.

Смутно представлялось, почему их должны съесть. С другой стороны, смутно представлялось, почему их не должны съесть. Всё было непонятным и в тумане. У них ни метрик, ни родокниг, никаких бумаг, ничего. У Ваалу-Мауны патрицианская инсигния у шеи и кой-где ещё; она — Вестающая, но у неё есть только колечко, и то вдруг подумают, что краденное. Тоя — с ошейником, и дхаарка-мрамрийка, ну чудесно. Арзис выглядит как... Арзис. Ещё чудеснее. Ещё Мауна гордовита, и дурачки бесстрашна. Опасное сочетание. Ещё Мауна полагает, что за нею охотится Тайная Служба, а все знают, что она — ого-го. Гвардии Палаты Дел Ашаи-Китрах и Охранения Веры как-то не очень доверяется: веру Ваала, может, она и охраняет, только вот с Вестающими у них, видать, плоховато выходит. Значит, и самой Палате доверия нет. Значит, и на Имперские власти ложится тень. Значит, и на границе могут что-то знать, и непонятно, что именно они могут знать (да всё что угодно!). Хвосты-что, полный хаос, как оно всегда и бывает.

Очередь к границе. Они встали за какой-то повозкой, и остановились, впервые со времени Тоиных злоклучений на тихой улочке. С того времени Арзис ни разу не обернулся: он знал, что львицы за ним идут. С того времени никто не проронил ни слова, потому что кругом сонм чужих ушей.

— А что они ждут? Чего не идут? — спросила Мауна.

— Ну как что, очередь же, — показал на очевидность Арзис.

— Их не пропускают?

— Пропускают, только как-бы, не сразу. Ждать надо.

— А нам что, тоже ждать? — удивилась Мауна такой странной вещи, как очередь в мире тёплой крови. Удивительно, что бывает.

— Да. Напрямую пойдём — по ушам получим. Хватит с нас.

— А, это как *очередь Вестей*, — всё поняла Мауна.

Тоя встала перед ними, обоими, но толку от этого оказалось мало, ибо:

— Потом расскажешь, как всё прошло, всё потом, — жестом останавливал её Арзис, дабы чего не сказала. — Обязательно расскажешь, как съездила к дядьке.

Ваалу-Мауна поглядела на Арзиса, и вздохнула от этого самцового чувства юмора.

Тоя молча кивнула. Она бросала быстрые взгляды Арзису, но их же и боялась, словно глядеть на него — предательство и постыдство, которые все заметят. Из неё рвались чувства, но выход им был строжайше

запрещён, по сонму причин; она совершенно не знала, что с ними делать. Тоя усвоила своё чудовищное предательство в таверне, это ею молвленное, зачарованное: «Да, Хозяйка...». Её задела пожилая львица с орущим в клетке гусем. Не зная, что с собой делать, она с виноватой, юной улыбкой оперлась о снасть повозки, что стояла перед ними, но повозка тронулась, и Тоя чуть не упала. Арзис смешливо хмыкнул и протянул ей руку, хоть и не требовалось, она вполне спаслась сама; но Тоя живо, очень охотно приняла спасение, и он ощутил, как цепко ухватилась она за предплечье.

— Что нам говорить на границе? — спросила Мауна, осматриваясь.

— Да ничего, если не спросят. Может, так проскочим.

— Нет, надо подготовиться, что спросят.

Разумно.

— Правду, — склонился Арзис к ней. — Сейчас ничего путного не приврём.

Мауна не спорила. Ему нравилось. Мауна вообще не спорила, не уточняла, не пыталась выискать, и найти ещё тысячу причин, почему его решение — не такое, как надо; а вот какое надо, она бы — как и всякая львица — не знала, само собой. Нет, ничего такого. Она лишь внимательно осматривалась кругом, и вот это Арзису не очень нравилось, ибо делала она это с вниманием, не присущим просто себе львицам. Если задержать на такой взгляд, то быстро поймёшь, что с нею что-то не то, и что она не такая, какими обычно положено быть львицам мира.

— Надо сматываться из Тенескала, без вариантов, — склонился к ней ещё ближе, но не глядя. — И, раз уж так, лучше на нашу сторону.

Но Тоя тоже склонилась к ним. Точнее, к Мауне, она ей ровня ростом; кажись, Встающая даже чуть ниже. А они обе — Арзису по плечо, уж точно не выше, даже с ушами, и даже встать на коготки им не поможет. Что-то прошептала Мауне на ухо; та согласно кивнула. Тоя попросила Арзиса пригнуться, жестом.

— Арзис, мы тут ехали, — взволнованно зашептала она.

— Тут? Вы с дядькой, да?

— С ними, да. Через вон то, через этих... воинов, — показала на приграничников, — в Гельсию. Сюда. Из Империи в Гельсию, да. Так они говорили.

— Ты что, тоже гельсианский знаешь?

— Гельсианский похож на мой-мой. Можно много слов узнать, — почему-то решила оправдываться Тоя, словно знать язык — вина.

Арзис, поправив нагривник, привлёк и Мауну в их близость, и теперь они втроем стали похожи на львят-заговорщиков.

— Тоя говорит, эти гельсианцы или хальсиды, хер разберёшь, со стороны Империи пришли. Кстати, — спросил Тою, — это именно они тебя и пленили? Те самые, что в таверну зашли?

Надо всё с Тоей выяснить, понял Арзис. Хотя бы главное. Сил ждать нет, да и большого смысла — тоже.

— Они. Да. Они. Жестокие. Мучители. Я всё видела. Тот, что меня вёл, убил госпожу Атриссу, он притащил её откуда-то из речки, мокрую-мокрую... Она в него плюнула. Я всё видела, — Тоя подумала, пытаясь отбросить много (не)нужных подробностей, а они были. — Мы пришли оттуда, — указала на сторону Империи. — И зашли сюда, в Скалу-что-даёт-тень, так они назвали это место, я так поняла.

— Тенескал, — поправила Мауна. — Так значит, они и убили мою Семью, — обернулась она, глядя на запад, на Тенескал, откуда пришли и откуда уходили.

Арзис задумался. Есть о чём. Отвадил жестом Мауну оборачиваться; та знай себе — снова. Он снова развернул её, жёстче.

— Не понял. Почему со стороны Империи? Как так? Если они — гельсианские веропритурки, то как они спокойно проходят границу?

Мауна велела Тое отодвинуться.

— Слыхал. Они убили Атриссу, — зло молвила она.

— Потом всё расспросим. Всё потом.

— Я так и знала. Это действительно они. Если всё непонятно, то это — они. Гельсианские повстанцы — просто их оружие.

— Кто «они»? Тайники?

— Да. Здесь всё так нечисто.

— Это ещё просто сказано. В говнеце мы, Маун. Так...

Но Тоя вернулась, влезла к ним:

— Мои мучители — местные. Они живут в этой Скалотени, в этом... этом Тенескале. Я слышала. Они бандиты, Арзис. Убивают. Мучители и продают львинород.

— Понял. Всё равно идём к нашим, — сказал им троим. — Выбора нет. Посмотрим.

Подумали.

— Думаешь, местные эти... погранцы, они замешаны? — спросил Арзис.

— Они ж пропустили убийц моей Семьи, — с какой-то простейшей очевидностью ответила Мауна.

Снова подумали.

— Несознательно. Или сознательно. Пропустили. Почти вся моя Семья... почти вся, — бессильно развела она руками, и Арзис понял, сколь это серьёзно для неё. — Не знаю, Арзис. Ничего не знаю, — с отчаянием поглядела на него.

Арзис подумал о том, что им бы смыться отсюда, и как-то перейти границу тайком, но очередь уже поджимала и приграничники их уже видят.

Ваал, Тиамат, Нахейм

Тот, кому самые разные львы дали подходящую кличку «Худой», глядел на эту троицу и дёргал себя за гриву, справа. Такого у него ещё не было, и он не знал, что об этом думать.

Пограничный пост, стол, два стула. Один занимает он. Второй, напротив — именуемая себя Ваалу-Мауной, Вестающая (так представилась, и так записали). Сидит гордо, даже с превосходством, без обычной скованности, которую он видит во львицах, кои входят во всякие служебно-воинско-суровые здания. Возле неё стоит именуемый себя Арзисом (так представился, и так записали), без копья. Копьё и меч, даже вполне вежливо, попросили оставить на входе в пост, не сам Худой, а его подчинённые. Подле Арзиса стоит именуемая себя Тоамлианой, дхаарка породы Мрамри (так представилась, но Ваалу-Мауна одновременно представила её «Тоя», и так записали — «Тоя»). Тоамлиана, она же Тоя, стоит чуть позади Арзиса и прямо за Мауной, и руки у неё спрятаны за спиной (стесняется цепей). Стоит она ровно, прям в строю.

Всё дальше есть плод скорее чутья, нежели размышления: Тоя раздражает Худого и сеет в нём больше всех смутных сомнений, тем более, на ней обнаружены доселе скрытые цепи и ошейник; о Ваалу-Мауне он даже не знает, что думать, она не даёт отнестись к этому делу просто; Арзис — с ним всё просто, у него на морде отпечатано лихое, таких сразу за решётку до выяснения; он сразу решил, что троицу стоит опасаться и ждать от неё неприятностей, эти трое оказались градом на голову, комком проблем, которые невозможно было просто взять и выкинуть в мусор, спихнуть на завтра или перевалить соседям.

Он доверял чутью, потому и прожил пять десятков лет, это много.

Они ещё даже и единым словом не обменялись. Подчинённые лишь растерянно представили Худому этих троих, и с облегчением удалились — за сложное и непонятное дело взялся командир. Всё, что он знал о них, состояло из мозаики слов, среди которых с угрозой щетинились «нападение», «Вестающая», «срочно», а на куске бумажки было записано три имени: Арзис, Ваалу-Мауна, Тоя.

— С кем имею честь? — вежливо начал он.

Сидящая перед ним начала говорить, потом что-то надумалась и поглядела на своего льва (или кто он ей там? кто он вообще такой, этот Арзис?). Тот поглядел на неё, сверху вниз. Львица резко вернула взгляд к Худому и, неотрывно глядя, заговорила:

— Ваалу-Мауна, из рода Нахт-Сераи, Ашаи Вестания, дочь Дагаза, старокровь Андариин. По просьбе моих блистательных сестёр и по зову Империи, я отправилась к Тринадцатому Легиону из форта Шатт. Меня

сопровождали моя телхрана, моя прислуга и помощники, и Гвардия Палаты. Вчера в полдень, по дороге между Шаттом и гельсианским городом, — нахмурившись, сделала странный жест: будто гладила на руках невидимую кошку, — Ивер-Савени, на нас напали неизвестные; предположительно — хальсиды. Я и один из моих телохранителей, — кивнула на Арзиса, — смогли спастись. Остальные, похоже, погибли; я не знаю их судьбы. За ночь я и мой телохранитель пробрались к Тенескалу, вниз по реке. Здесь, в Тенескале, обнаружили одну из моих служанок, дхаарку Тою. Нам пришлось прибегнуть к насилию, чтобы отобрать её у неизвестных гельсианцев, которые, скорее всего, замешаны в нападении на мой кортеж. На неё надели рабский ошейник и цепи, которые надо побыстрее снять.

— Побыстрее? — уцепился приграничник.

— Именно.

Она молча показала ему инсигнию, показала кольцо. Приграничник внимательно поглядел на всё.

— И Гвардия Палаты охраняла... эм... огненную?

— Да, — кивнула Мауна.

— Сколько же голов Палаты?

— Сто двадцать голов. Но вся Гвардия сбежала ровно перед тем, как появились нападающие, или при виде нападающих. За меня сражались только мои телохранители, которых было — к сожалению — семь. Остальные шестнадцать ранее слегли с болезнью в форте Шатт.

Вот эти две цифры Худой и записал: «7» и «16».

— Почему Гвардия сбежала?

— Я тоже очень желаю это узнать, — повела она бровью, ухом, неотрывно глядя на него.

— Это... очень... грустная история, — почесал командир загривок, крайне осторожно подбирая слова.

— Я понимаю сомнение и даже прощаю иронию. Мне нужно только три вещи: чтобы лев огласил совершенно всех, что я здесь: Легату, Магистрат, Палату Дел Ашаи-Китрах, — Мауна загибала пальцы), — безопасное пребывание, пока ко мне не подойдёт помощь; встреча с любой местной Ашаи-Китрах, а ещё лучше — с несколькими.

— Можно же, наверное, в качестве Вестающей... связаться с другими Вестающими, и сообщить о своей, так сказать... непростой ситуации.

— Для этого мне нужны прекрасные условия для сна, которых, увы, я была лишена в эту ночь. Ибо пыталась выжить.

Арзис сильно потёр нос, а потом и всю морду.

— Хм, — задумался Худой, глядя на Мауну и не боясь её очень внимательного взгляда. Засмотрелся, даже замечтался. Вспомнился один эпизод из детства-львячества, так некстати.

Так, ладно, дело надо делать.

— Итак. Ошейник с оковами я прикажу кузнецу снять, — показал на Тою. — Вам будут поданы пища и еда. Магистрат, Палата сейчас будут уведомлены. Также я попытаюсь привести к вам местную Ашаи, для... — задумался он, забыв, как правильно эта хрень у сестринства называется, — ...для... опознания. Ввиду особой важности вопроса... — стучал он графисом по лбу, — ...мне надобно некоторое время, чтобы определить все обстоятельства и дальнейшие действия. Превосходная должна некоторое время подождать здесь, под нашей охраной.

— Превосходно, — кивнула Мауна, — спасибо большое. Славой Сунгов.

— Слава навсегда, — удалился командир, хлопнув дверью.

Как только тот вышел, Арзис заходил по казённой комнатке этого поста.

— Он взвешен, осторожен. Не дурак. Всё хорошо, — сказала Мауна, глядя перед собой. — Мы в руках Имперской власти.

— Имперской власти. Да, — дакнул Арзис, выглядывая в окно: так-сяк, вверх, вниз, по сторонам, даже прислоняясь к стенке. Заглянул под стол. Даже вылез на стол, очень тихо, и потрогал деревянный потолок, балку на нём.

— Успокойся, не ведись подозрительно.

— Да, — дакнул Арзис, продолжая шариться.

Позвенец цепями, чуть походила Тоя. Она страшно, невероятно терпела, ей очень хотелось в одно место, но надо терпеть, потому что кругом такие дела, а Ахей приказывает мрамрийкам терпеть вообще всё...

Командир не стал выдумывать, и послал за местной Ашаи, а сам лично направился в Палату. Здесь, в Тенескале, на Сунгской стороне, даже была Палата Дел Ашаи-Китрах и Охранения Веры, представляемая единственным львом — полнейшая синекура: дел у Ашаи-Китрах здесь мало как собственно, и самих Ашаи — лишь одна. Вот и Магистрат. Оживлённо здесь, какие-то служивые в нешуточных доспехах. Пригляделся — ну вроде Палатная Гвардия; обрадовался — что надо! Может даже, временем, та самая, о которой рассказывала Ваалу-Мауна?

— Служим Империи. Кто ваш командир?

На него посмотрели эдак интересно. Без презрения, но интересно.

— Сунг-миллис Кар, — ответили, кажется, неохотно, — в Магистрате.

Зашёл, нашёл. Его попробуй не найти. Доспехи дороже его дома с женой и всем добром впридачу (он знает, что покорная Сунга на чёрном гельсианском рынке стоит довольно много).

— Служим Империи, Сунг-миллис Кар. Сунг-прим-триг Сэтиру, командир Имперского пограничья Тенескал.

— Во славу Сунгов. Сунг-миллис Кар, Палата, — поправлял тот перчатки. — Чем обязан?

— На границе была остановлена львица, называющая себя Вестающей, Ваалу-Мауна, с телохранителем и служанкой. Она утверждает, что вчера на её кортеж напали, и она спаслась бегством. При расспросе сообщила сомнительные детали, её история — невероятна. Но, в то же время, у неё есть инсигния и кольцо сестринства, а ещё она действительно очень похожа на Ашаи-Китрах. Ведётся дружелюбно, отвечает на вопросы, — доложил, и замолчал.

Перчатки перестали поправляться, а затем — снялись.

— Она под охраной?

— Да, она у нас на посту.

Сунг-миллис Кар, он же, в иной реальности — ярл Кайрис-Тарраз, Гвардия Руки Ваала (личная Гвардия Императора, они же — Безмолвные), поглядел на покусанного жизнью приграничника, потом — на дождевой бочонок.

— Сэтиру подождёт здесь.

Пошёл. Коридорчики этого захолустного магистрата. Второй этаж, портик, скрипучий деревянный пол. Его заместитель и помощник, кровобрат, отчитывает в хвост и гриву несчастного служителя Магистрата за ненапоенных коней, и далее по списку. Заместитель отведён в сторону. Нет. На улицу.

— Объект жив.

Безмолвным не пристало выдавать эмоций, но всё же выдалось удивление.

— Они нас обманули.

Удивление пропало, появилась злобная насмешка.

— Есть сирна, стамп, амулет, зеркало, — всё же привёл хилейший аргумент заместитель.

— Всё есть. Головы нет. Надо было голову.

— Надо исполнить Волю, — очевидность от помощника.

— Ненавижу, когда тайники планируют операции. Сложность — мать провала.

— Приказы?

Тут без вариантов:

— Вводная: объект — ловкая мошенница и самозванка, искомая по всей Империи. Готовимся к выезду на место — приграничный пост. Захватываем объект, сами производим ликвидацию в безопасном месте.

Оба хмыкнули. Все, кто любит чистенькие ручки, получают грязенькое кой-что ещё. Так бы сразу, так — честнее. Но операцию планировали не они. Они оба, всем сердцем, ненавидели и не понимали эту Волю. Но никто из них даже и не подумает об этом намекнуть. Если бу-

дет Воля убить кровобрата во сне — они это сделают. Если будет Воля убить тысячу львят — они это сделают.

Кар, он же Кайриз-Тарраз, вернулся к приграничнику, который не сошёл с места ни на шаг.

— Кто об этом знает?

— Я пришёл уведомить Магистрат и нашего представителя Палаты. Также приказал сообщить местной Ашаи-Китрах, её имя...

— Отставить. Отменить распоряжение о сообщении Ашаи-Китрах. Никого не уведомлять. Эта львица — мошенница и самозванка, разыскиваемая по всей Империи. Мы немедленно отправимся на пост и возьмём её. Сэтиру отправляется на пост вместе с... — сказал он, и потёр живот; угрожающая обстановка всё-таки потребовала корректировки плана: — Точнее, Сэтиру немедленно отправляется на пост сам. Палатная Гвардия сейчас прибудет к посту, вы нам её передадите. До этого: не спугнуть львицу, не вызвать подозрений, во избежание осложнений.

Обстановка действительно перерастала в угрожающую. От плохой местной пищи, в которую, по гельсианской манере, бросали всё самое жирное, что только может быть в мире жирного, у ярла Кайриса-Тарраза, Безмолвного Руки Ваала, беспощадно крутило живот. Обгадиться фигурально он уже успел, а сейчас есть риск обгадиться реально.

Залез в толчок, на заднем дворе Магистрата, который делил его с местными фискалами, управлением стражи и свечно-писчей лавкой (очень выгодное дело в приграничном Тенескале). Задача: сделать всё как можно скорее, даже с ущербом для эстетики. Средства: исписанные ошмётки черновики фискальных ведомостей, которые здесь кто-то заботливо обеспечил. Обстановка: мухи. Неожиданность: какая ещё, твою мать, неожиданность, в такой ответственный момент?

И всё-таки, операции всегда несут в себе неожиданности. Кар (Кайрис) не ругнулся, потому что ни у кого нету такого строгого обета: ни у Ашаи-Китрах, ни даже у Вестающих, ни даже у Правдовидиц. Бескровным запрещено ругаться. Почему? Сложная метафизика, есть несколько трактатов, интересующихся отсылаем к ним. Дело вот в чём: в своём священном служении, ему приходилось перевоплощаться в: обычного дренгира Легаты (на поверхности — просто, но есть нюансы); учёного натурфилософии Мистфальнского университета (просто); криминального элемента (самое сложное); и дренгира Гвардии Палаты Дел Ашаи-Китрах и Охранения Веры. Доселе вроде тоже было просто, только одно: он никак не мог привыкнуть к элементу снаряжения, палатные зовут его ташкой, что висит и болтается на поясе, вышитый значок, с карманчиком, в него даже пару импералов влезет. На нём вышито высшим алфавитом, Триада: «Тиамат, Ваал, Нахейм». Подвязывается двумя-тремя ремешками. Хорошо? Нет, плохо. Ремешки у него попались какие-то бракованные, и эта ташка ему всё держалась паскудно. Надо

бы обменяться с каким-то рядовым кровобратом, но Кайрис не хотел так поступать — перекладывать свои трудности на подчинённого.

Так вот, Тиамат, вместе с Ваалом и Нахеймом, свалился в говно, при завершении манёвров. По долгу служения, пришлось нырять туда, заляпываться, и прочие необходимые действия...

...Тоя уже царапалась по стенкам; торможения от снятия ошейника с оковами ещё более усилили страдания (кузнец не понадобился, просто перекусили клещами). Она прижала хвост, как только можно. Сейчас с ней произойдёт большой стыд. Но не до неё, она понимает: только что пришла Ашаи-Китрах, и она вступила в беседу с Хозяйкой и Арзиссом.

Старшая сестра Ваалу-Лиара-Мирантэ, в довольно далёком прошлом — Айнансарда дисциплинара, прайд Амастилаари (мастийка, по-простому), села напротив Ваалу-Мауны. И практически сразу всё поняла, глядя на Вестающую. Это ж огнеясно — взгляд, движения, чувство, сновидица. Для чистойшей проформы сделала лишь первый шаг, посмотрела на кольцо Мауны, а та — на её.

— Церемония Признания, сестра? — спросила Мауна.

— Признания не нужны тем, кто понимает вещи, сестра.

— Аамсуна не требует слов.

— Понимание взгляда, понимание крови, понимание духа.

— Понимание — вода: поймать нельзя, только направить.

Лиара развела руками.

— Я как раз шла, мне бегут навстречу, повезло, что вышла... — сказала, и не стала продолжать. Взаправду обеспокоилась: — Вестающая? Здесь? Мауна, что случилось, Ваал мой? Как... как?

— Это трагичная история. Но сестринство обязательно выяснит, что как и почему.

— Только так. Тебе что-то нужно? Как с тобой тут... — Лиара с презрением похлопала по столу... — обращаются? Надо ли...

Тоя поняла, что так невозможно. Честь мрамрийской львицы очень скоро посрамится, и Арзис — увидев такое! — больше никогда к ней... не притронется. Вот он, сидит прямо на столе, боком. Ахей!

— Хозяйка, молю прощение.

— Что, Тоя? — обернулась Мауна.

— Мне нужно-нужно. Мне очень нужно, — прислонилась дхаари к стенке. — Я больше не могу терпеть-терпеть.

Вдруг решительно открылась дверь, и вошёл командир приграничников. Завидев местную Ашаи, которую хорошо знал, поубавил пыл, решительность разъелась: приказ об неуведомлении — неисполнен. Да и вообще, всякие с ней, с Лиарой, у него дела были, в том числе одно, деликатное.

— Что ты творишь, Сэтиру? Освободи эту Ашаи, немедленно, — накинулась с требованием Ваалу-Лиара.

— Пока не могу, выясняем.

— Ты что, это — Вестающая! — показала на Мауну она, жестом.

— Всё устанавливаем, преподобная Ва-Лиара.

— Я тебе сейчас установлю тут! Ты что?!

— Сестра, покой делам, — спокойно вмешалась Мауна. — Пусть Империя натягивает стрелу не спеша. Так что ты хотела, Тоя? — снова обернулась.

— Выйти ей надо, — показал на Тою Арзис, но разглядывал он только приграничника.

— погоди, погоди, Сэтиру, — подошла к нему Лиара, схватила за плечо, — куда это ты? Иди сюда. Иди. Посмотри.

— Что?

— Смотри, — показала на Мауну.

Он посмотрел. Поглядела и Мауна. Ей разгладились черты, чуть открылся рот, чуть прикрылись глаза. Она выдохнула, как выдыхают больные, отходя от боли.

— Ну? — неуверенно спросил.

— Это — Вес-та-ю-щая. Это — Ашаи-Китрах, — показывала очевидное Лиара. Потом махнула рукой — эти тупые самцы, Ваал им не дал.

— Ты уверена? — по-настоящему обеспокоено спросил он.

Ваалу-Лиара с презрением прыснула, посмотрев в сторону. Скрестила руки.

— Знала бы я, что ты такой, то не... — не договорила. И даже пригрозила ему, неожиданно: — Смотри мне, сестринство хранит память.

— Мне тоже необходимо выйти, — вдруг заявила Мауна. И поглядела на Арзиса, её глаза на миг сощурились: — Арзис, а тебе ведь тоже нужно, правда?

— Само собой, — с готовностью кивнул он. — Не могу уже.

— Выходите, конечно, — сказала Ваалу-Лиара.

— Преподобная, им пока необходима стража, — зачесался Сэтиру, затиснутый в тиски.

— Ну я пойду с ними, ла, стража? — с издевкой сказала Лиара. — Дай нам ещё одного своего, чтобы всё было, как устав пишет. Ла?

— Да. Да. Конечно.

Выходят. Вышли. Вон, в стойке стоит его копьё; Арзис с сожалением смотрит. Брать, не брать? Не брать. Риск... Меч хвост пойми где, забрали. Есть кнемидный ножик. А ещё у Мауны есть...

Она почти прижалась к нему:

— Он хочет нас убить. В нём — смерть, через него — смерть. Арзис. Он изменился, когда пришёл. Он опасен, Арзис. Он — опасен, он — весь чёрный! — с убеждённой, задушенной яростью прошептала она. — Нам надо уйти отсюда, тут плохое место.

Понял. У львиц — новые требования. Вылезут на тебя и начнут прыгать лапами: сделай, сделай, сделай. Но, вообще, знает он, требования самок, они штука такая: плохая самка — дурные требования; хорошая — хорошие, хоть и зачастую трудные, иногда — нельвино невозможные.

— Внимай мне, не смей ослушаться, — только и сказал.

А тем временем они же направлялись на юг, к речке, к сарайчику (Арзис удивился, что построили именно тут, видимо, чтобы проще поились лошади). Тут лошадям место, но их самих — нет. Сопровождают: Ашаи-Китрах Ваалу-Лиара-Мирантэ (никто из присутствующих не знает, что *амарах* дисциплина оценивала её как лучшую, пророчила занятное метропольное будущее, но в итоге та осела здесь, в приграничном Тенескале; сёстры иногда её жалели, но Лиаре здесь, на самом деле, очень хорошо) и приградец-юнец, здоровый на самом деле, хорошо откормили. Вооружен протазаном, любимая вещь стражи, ну ещё коротким легатным мечиком. Ну и прочие стражные шмотки на нём.

Придётся привлечь возможное подозрение, но не выбирать:

— Тоя, иди сюда! У тебя есть моя трубка?

— Что-что, Арзис? — подошла она, аж прыжком.

Обнял её.

— Видишь, Тоюнька, а ты переживала, всё хорошо кончилось, — сказал, а теперь — приказ ей в ухо: — Я буду первый. Мауна — вторая. Ты — третья. Встанешь перед погранцом. Перед ним. Задерёшь юбку до морды. Сядешь и сразу начнёшь ссать. Ты — дура-дхаарка.

Она молчала.

— Третья. Дура. Села перед ним. Юбки вверх, до морды. Ссышь. Не подведи, — и показал перед ней кулак, мол, попробуй так не сделать. Громко спросил: — Нашла трубку? Ну?

— Нет-нет, Арзис, потерялась мне, — грустно ответила Тоя.

— Ай, ца. Эй, служивый, куришь?

— Нет, — равнодушно отказал юнец.

Мауна уже успела взяться под руку с Ашаи. Что-то даже перешептываются.

— Так, извиняйте, я — первый, — заспешил Арзис к сараю.

— А как же львицы вперёд? Как брутально! — серьёзно укорила Лиара.

— Пусть идёт. Львы не умеют терпеть, — заметила Мауна, остановившись.

— И то правда.

— Да он не просто так — привычка. Пошёл первый, проверить.
Арзис вошёл в сарай. Юнец встал подле всех, оставив протазан на землю. Подмёл им сено на земле, как метлой.

— Ах, ясно. Телохранитель, верно? — кивнула на сарай Лиара.
— Да, — подтвердила Мауна. — Единственный, кто выжил.
— Ваал, направь нас к отмищению. Это могли быть только хальсиды.
— Всё верно, сестра. Только они.
— Здесь, в Тенескале, полно гельсианской дряни. Просто полно, Мауна.

— И хальсиды есть?
— Ты не отличишь гельсианского разбойника от хальсида. И здесь они днём — просто не пойми кто; по ночам — хальсиды. Одно и то же... И наши здесь совсем с ними снюханы. Всё одним мазано...

Арзис осматривал сарайчик, справляясь. Сено. Кормушки, корыта, гной и сток для него. Куча верёвок обмотаны вокруг деревянной перегородки, ну это просто подарок. Лопата. Нет... Почему-то мотыга. Нет... Ржавый железный шар на цепи, Арзис не знает, что это такое, но эта штука — идеальна. Но большая! Ещё молотилка. Нет, этот в нагривнике, не пойдёт, молотилка слишком лёгкая. Сейчас бы нормальную боевую палицу.

Разочарованный, вышел наружу.
— Теперь Хозяйка, прошу, — показал на сарай.
Валяется старый точильный круг; он, падла, слишком тяжёлый. Всё может пойти не так. Арзис потянулся, зевнул.
— После всего этого просто напьюсь в хлам, — озвучил свои планы.
Никто не нашёлся с ответом, и Арзис прошёлся туда-сюда, весело по-свистев.

— Погода будет хорошая.
Хозяйка вышла.

«Давай, Тоя, не подведи», — взмолился внутри Арзис. Ему не нравился план, ему вообще всё не нравилось, но ничего лучше придумать не смог.

Тоя не подвела. Медленно она пошла к сараю, развернулась ко всем; она так боялась за честь мрамрийской львицы, но в жизни всегда случается именно то, чего боимся, причём в худшем виде; очень старательно она задрала юбки (верхняя, нижняя), и Арзис успел отметить, что у неё грязно-бурые потёки на лапах; села, и дело обильно пошло.

— Ваал мой, — прокомментировала Лиара.
— Тоя, что за *анасурма*, почему внутрь не пошла? — укорила Мауна.
Приграничник ничего не сказал, но предсказать несложно, что с ним будет — засмотрелся на весь этот юный дхаарский эксгибиционизм. Затем он получил в загривок (по нагривнику) точильным кругом.

Сначала Арзис хотел всё сделать как-то не так радикально, пытаясь придать всему флёр порядочности, благородства и всего такого, хорошего. Рядом ведь Хозяйка ещё. Юнец вырубается, Ашаи как-нибудь связывается, и делаются лапы; это если всё пойдёт идеально. Да, кстати, он присмотрелся, куда и как сделаются лапы. Вроде ничего: приграничник упал мордой вперёд, но посмел зашевелиться, переворачиваясь, и уже всё, Арзис перестал думать: круг второй раз опустился ему на морду. Вынул кнемидный нож, всадился в горло несколько раз, схватился выпавший из руки протазан. Далее протазан наставился на Лиару, он даже надавил ей в живот, в пояс.

— Мяукнешь, сука — убью.

Та не промах, даже успела вынуть сирну. Арзису понравилось вот что: умная попалась; а шаги умных легче предугадать, чем шаги глупых. Развела руки, держа своё оружие двумя пальцами. Мало того, стала смотреть не на него, вот умная, а на Мауну и Тою, на львиц. Разумный ход, расчёт на сестринство самок (очевидно, сестринство Ашаи-Китрах уже не работает; по крайней мере, он бы на её месте мгновенно пришёл к такому выводу). На самом деле, сестринство львиц работает в некоторых случаях удивительно хорошо: они грызутся и плюются друг в друга каждый Ваалу день, но способны иногда собраться против самцов так, что мама не горной.

— Не убивайте, — важный выбор слова, вместо «не убивай», — у меня дети, и сироты. Сироты Тенескала. Не надо.

Ваалу-Лиара даже не врала.

Всё сработало даже на Мауну, она даже приблизилась к Ашаи:

— Арзис, не убивай её...

— Не подходи к ней. Внутри пошла, быстро. Брось хуйню. Сирну брось.

Мауна послушалась. Послушалась и Лиара — бросила.

Арзис затащил погранца в сарай, бросил в угол, в сено. Мауна на ватных лапах пошла за ним. Тоя осталась снаружи, даже ещё не встав.

— Стань к столбу.

Стала. Набрал верёвок, всяких-разных, начал её привязывать; Лиара не сопротивлялась. Привязал лапы, талию, плечи, руки, запихнул шнур в зубы, завязал всё. Мауна стояла, опираясь на иной столб, и закрывала ладонями мордашу. Арзис обыскивал Лиару, высматривая, чего есть полезного.

Попыталась зайти и Тоя.

— Стой у входа, паси.

Забрал немного денег. Забрал кремень, отлично. Что-то в железной баночке.

— Что это?

— Маф кили.

— Что? — наставил ухо к ней.

— Мафь кили.

— Мазь кири, — помогла Мауна.

Спрятал и это. Начал снимать ножны сирны.

— Арзис, оставь ей сирну, — затребовала Мауна, вмешиваясь уже руками.

— Мауна, блять, не мешай.

— Оставь ей сирну, её на Совершеннолетия дадут!

Посмотрел на Хозяйку.

— Хуй с ним.

Залез Лиаре за ворот, пазуху, порыскал там. Какой-то конверт; скомкав, небрежно всунул назад. Что ещё... Куча кусков ваты, почему-то в ткани.

— Оставь это, — и снова потребовала Мауна. — Ваал мой, сестра, прости, как всё сложно, что присходит...

Не оставил, взял и это.

Пошёл к погранцу. Судорожное дыхание, всё очень уродливо. Стянул с него стражный плащ, надел себе. Стянул меч, подцепил, даже неспешно. Карты. Табак, а говорил, что не курит...

Мауна глядела на Лиару, та — то на неё, то на Арзиса, что обчищал ещё такого молодого приграничника, попеременно.

— Прости меня, сестра, — Мауна сказала такие глупые слова, дотронувшись к руке, плечу Ашаи-Китрах. Та поглядела на это касание, потом — снова на неё. Ага. Да. Простила. Даже не пыталась ничего сказать; львица Ваала может сказать всё взглядом. — Однажды я к тебе приеду и всё объясню.

Лиара покачала головой, насколько могла.

— Не приедеф, — прокляла.

Напялив нагривник погранца и приладив себе его сумку (не смотрел, что в ней), Арзис сказал:

— Всё, уходим.

Вышел наружу, взял Тою за руку, и все они очень быстро пошли, куда направил Арзис — вдоль реки; от поста их выгодно прикрыл рельеф. Издалека он вполне похож на стражника или приграничника.

— Арзис, там я видела по дороге тех, блестящих. Ехали на конях. Далеко, там-там, — доложила Тоя.

— Каких ещё блестящих? — не посмотрел, куда она показывала.

— Блестящую стражу. Она с нами была вчера.

— Это точно они?

— Очень похожие, я далеко вижу, я хорошо-хорошо вижу.

Мало кто знает и то, что мрамрийцы видят в темноте лучше остального львинорода, а не только острозорки.

— Арзис, а тот лев умер? — спросила Тоя.

Не ответив, повёл их через луг, на перехват к дороге. Очень кстати. Успеть бы... Не успеет с ними.

— Догоняйте, — и побежал.

Резво ехала одинокая одноконка, двуколочка, на ней — седой старик. Арзис бежал на перехват, вспомнился Восток и эта идиотская вылазка на шамхатов, откуда еле лапы унёс (он и мелкий, юркий хустрианец Соска, у которого фигурка была как у львочки, остальные сдохли; Соска, на самом деле, был тот ещё).

Заградил путь, выставив перед собой протазан двумя руками, прям как стражники толпы разгоняют.

— Стой! Стоять! Приказом Империи!

«Или “именем”?» — подумал Арзис.

— Что такое? — недовольно раскричался старик. — Я с нашей стороны, границу сегодня...

Арзис стащил старика с двуколки, лошадь захрапела. Столкнул его в придорожную канаву.

— Залезайте! — сказал своим львицам, те залезли. Скинул ящик сзади, отстегнув, ещё какое-то нехитрое добро, покатился котелок по дороге. Тоя и Мауна залезли вперёд.

— Встань сзади, сильно держись! — сказал Тое.

Старик кряхтел в канаве, мокрый, он пытался встать. Бич он не упустил.

— Но! — стукнул Арзис лошадь протазаном, еле достав к крупу; потряхнул вожжи. Дела пошли, лошадь взяла рысь. Обернулся, что там сзади. Вроде ничего, кроме ругающегося листигийца.

Ваал, жди в Нахейме отважную дочь

Арзис чуял хвостом, что им хотят на него наступить. Поэтому в ближайшем лесу съехал по лесорубной дороге, завёл лошадь в сам лесок, не заботясь, чтоб потом выехать. Привязал её к дереву.

— Куда ведёт эта дорога? — спросила Мауна, будто львы всё всегда знают.

— От границы. В Империю. Откуда я знаю.

И повёл их в лес. И ввремя. Послышался шум; Арзис не стал думать:

— Ложитесь.

И по дороге — даже через деревья видно — прошли галопом блестящие, голов десять, может двадцать.

— Они-они, они, — запричитала Тоя, уверенная. — *Ахей, вергиб мир мей шульд.*

Те прошли дальше, оставив пыль.

— Арзис, а они плохие? — спросила она.

— Все плохие, Тоя, только мы — хорошие. Пошли, хорошие, пошли.

— Мир хочет меня убить! — сделала вывод со всего Мауна; верно, решила, что сейчас самое время начать жаловаться.

— Цыц! Потом. Тихо.

Пошли по редкому лесочку, Арзис держал дорогу на виду. Затем — маленькое поле. Тихо. Акведук, пошли под опору, возле неё укрылись.

— Огонь нельзя разводить. Да и нечем.

— Ваал мой, что происходит? Арзис, что с этими приграничниками? Что Гвардия хочет сделать?

Он отмахнулся.

Ручеёк под акведуком, потому что с него капает, с акведука, и они присели попить.

— Умница, Тоенька. Яркая твоя звезда, — похвалил он Тою. — Всё сделала, всё как сказал.

— Ахей бережёт нас, Арзис, — показала она символ Ахей, который вытянула из-за платья, несмело и одновременно — с несгибаемой уверенностью в истинности слов. Деталь: он не висел у неё на шее, где-то она на себе его спрятала. В темноте под акведуком, в сумерках, Мауна углядела, что вместе с символом Ахей на шнуре тускло блестит кольцо.

— Странно, что у тебя это всё не отобрали, — Арзис быстро протянул руку и спрятал ей амулет с кольцом за её ворот. — Береги, — нажал на её, посмотрел ей в глаза.

— Я сберегла-сберегла, Арзис. Я прятала.

Показал ей жест одобрения и тронул Мауна за лапу, просто чтобы ей стало веселее. Но та дальше заботилась всем:

— Он, этот пограниц, наверное, узнал, что Тоя проезжала через границу. Он узнал. Это его обеспокоило. Что-то с этим связано. Что-то тут не то. Всё тут не то. Ваал!

— Ага. Думаю, он даже знал, с кем Тоя проезжала через границу.

— И Гвардия здесь! — схватилась Мауна за уши. — Как я могу служить Империи, если она меня предаёт? Гвардия сбегает. Приграничный страж решил меня... убить... продать... сдать? И эта Лиара... эта Ашаи! Может, она тоже здесь замешана? — начала подозревать всё и всех Мауна.

— Наверное, сдать тем самым гельсианцам, которые тебя хотели убить. Или Гвардии.

— Тем самым, которые меня хотели убить. И которые пленили Тою! Он узнал о Тое, увидел её, но ещё он понял, что я — действительно Вестающая, взаправду, втай честно, настоящей! Лиара же ему сказала! Сво-

лочь! И он меня хотел сдать обратно! Приграничники, и вместе с гелсианской швалью! Гвардия! Палата! Все хотят моей смерти! Арзис, скажи мне, что происходит?! — ну как же без эмоций, даже от Мауны.

— Нам, Хозяйка, — крикнул Арзис, взмахивая хвостом (падает на лапу Мауны), — надо было аккуратней с тем милым тайником твоей подруги. Тайники обиделись.

— Император казнит их всех, клянусь кровью, — пообещала Мауна опоре акведука.

— Ага. Казнит, ессно, всё будет. Только завтра. Спать будем, — показал львицам, где им с ним спать. — Спать надо вприжимку, не стесняйтесь. Той, ты слева. Маун, ты справа, — решил обложиться львицами, раз уж такое дело. — Огня делать не будем, палево.

— Нет. Я посередине буду, — запротестовала Мауна. — Теплее будет. Может удастся провестать. Шансов почти нет, но вдруг.

— Маун, не вестай, бросай это дело, может тебя и сеструни хотят замочить.

— Арзис, просто перестань, — показала на него.

— Нам надо согреть Хозяйку, Арзис, — попросилась Тоя.

— Согреем.

Уложились кое-как, укрылись всем подряд, что имели. Полежали, поглядели на акведук сверху; в нём очень странно журчала вода, волнами — то журчит, то нет. Тоя обняла Мауну, Арзис же просто валялся, закинув руки за голову.

— Спасибо, что спас нас, — сказала Мауна, потирая нос о край плаща, которым они с Тоей укрылись.

— Навсегда твоя, навсегда твоя должница, Арзис. Навечно служу, Хозяйка. Спасибо вам. Вечновверная служница.

— Ваал, Тоя, где ты так научилась выпренне говорить? — чуть повернула к ней голову Мауна.

— Так есть в одной из наших молитв, пусть Хозяйка простит мне ответ.

— Что прощать-то, втай? — Мауна начала кусать край плаща.

— Нельзя-нельзя много говорить о нашей вере, только разве Сунги спрашивают. Нехорошо, против Правил, — Тоя всё пыталась укрыть Хозяйку получше, и не выходило, потому что та всё грызла грязный плащ, как маленькая.

— Да говори, чего тебе... Я ж спрашивала, — Мауна посмотрела, что нагрызла, и мокрые следы от этого.

— Да, Хозяйка...

Арзис повернулся на бок, прочь от них, и уставился на лес. Пощупал, где оружие, уже в который раз. Подумал: сейчас из лесу как выскочат палатные, и повяжут их.

— Той, что такое молитва? — облизывалась Мауна, словно только что поела; она пыталась поуютнее разместить голову на мешке.

— Это когда говоришь с Ахеем. Можешь заученно. Можно и самой. Только искренне; просто так, в забаву — нельзя, — Тоя глядит то на Хозяйку, то так, в никуда.

— Он что, отвечает? — деловито спросила Мауна.

— Да. Но не так, как... не словом. А что-то происходит. Или ты успокаиваешься. Ты чувствуешь, что Он присутствует.

Мауна шмыгнула, потёрла нос.

— Через него можно что-то передать другой мрамрийке? Скажи ему, что мы тут в беде. Пусть Ахей передаст это другим мрамрийкам, а они — скажут Сунгам. Только истинным Сунгам, а не всей этой Гвардейско-Палатной швали.

Тоя озадачилась, как попросить Ахея.

— У вас есть мрамрийки, что могут с ним общаться, прям действительно общаться, в диалоге, а не просто рычать в безответную пропасть?

— Я уже Ему сказала, что Хозяйка в беде, и Арзис, и я. Да Он и так видит.

— Так что, он сообщит? — прагматично нажала Мауна.

— Мне не знать. Наверное, нет, Хозяйка. Простится мне. Но что-то сделается. Что-то будет, — неуверенно молвила Тоя.

— Что-то будет... Это точно... Зельно жаль. А то я не смогу ночью связаться ни с одной сестрой. Ничего не выйдет. Вся метанойя растряслась. С такой не посновидишь. Я, как и Ахей, ничего не смогу и бесполезна, как бревно...

— Вечно служу, Хозяйка. Вечно... Священно... — пряталась Тоя возле Мауны.

— Вечно... — повторила Хозяйка.

Арзис уже сопел.

Прохладное, серое утро не принесло им ничего выдающегося, как и тяжёлый, мокроносый и голодный полдень. Арзис вёл их то по кромке леса, то у речушки, то по дороге, вёл по местным тропам (один раз пришлось развернуться). Арзис — сбитый, плотный, упорный, с оружием, привычный к трудности, грязный, тёмный и опасный. Мауне пришлось тяжело, она старалась, старание давалось нелегко. Легче всего, кажись, Тое: ей всё даже как-то нипочём, лёгкая, ловкая, выносливая; верно, тоже привычная к трудности, ни одного плохого слова об их судьбе и положении, молчаливое следование.

Ненужным будет пересказ, как Арзис решил «кого-то стопануть и выпотрошить», как Мауна допытывалась, что это значит и как это будет и нет ли другого выхода, как Тоя осторожно интересовалась, можно ли всё сделать «как-то по-другому», и как они ждали в засаде у дороги,

обученные Арзисом молчать, помогать ему и делать всё, что скажет. Они пропустили какой-то дилижанс. Трое всадников на лошадях. Один всадник на прекрасном фирране, Арзис плюнул ему вослед в знак восхищения. Торговый караван, невозможная для них цель. Арзис злился — всё не то, а время поджидает — скоро полдень, а потом снова вечер, жрать хочется неимоверно, а охоту в их положении он объявил делом бессмысленным, даже вредным. Тоя предложила, что может поймать рыбу, она умеет; Арзис сказал, что это уж если ничего не выгорит, но это вряд ли сегодня успеется. Он много ругался, и Тоя иногда давала ему корни, которые «можно грызть, если надо-надо» и от которых «будет живот, надо потерпеть»; корни эти она ловко выкопала под кустом, а потом ещё ловчее стругала ножом Арзиса. Корень Арзису не нравился, но он его подъедал; Мауна тоже попробовала кусочек, и он совсем ей не пришёлся.

Тоя вообще, оказалось, умела делать кучу всяких мелких, но очень нужных вещей.

Дорога, лесочек, снова лесорубная отвилка, они ждут.

— Так... Клиенты. Ну, кто ворует, тот рискует. Погнали.

— Арзис, не убивай их. Не смей, — ещё раз напомнила Мауна. — Хватит, я прошу тебя.

— Это как пойдёт, — ответил он, хоть раньше вроде как обещал, что «да всё будет нормально». — Когда начну, держите львицу, пугайте ножом. Если что, навалитесь. Не дайте случиться хвостне.

Тоя нервно вздохнула, Мауна медленно моргнула.

— Тоя, пошли, — сказала Мауна.

Две львицы вышли на дорогу, и началось актёрство.

— Помогите, добрые Сунги! — Мауна играла уже куда лучше, чем в таверне.

— Что случилось? — остановилась немалая повозка, но с одной лошастью.

— Нашего льва укусила змея! Мы... там... — хваталась за голову Мауна.

— Змея! Ла! Змея. Ой-дела. Чем тут поможешь? — несмотря на вопрос, львица уже слезала.

— Надо его довести, хотя бы... хотя бы куда-то. Мы его не унесём.

— Идём, глянем. Я гляну.

Подумав, слез с неё и лев, и начал искать, куда привязать лошадь. Особо сразу негде, поэтому предложил подержать Тое:

— Подержишь?

Тоя, вместо ответа, просто убежала за Мауной, как дикая. Тот почесал голову, бросил повозку, так и вразвалку пошёл.

— Откуда-то вы? — тем временем спрашивала львица, в дорожном платье спокойного серо-коричневого цвета, без излишеств, но доброт-

ное и хорошо сшитое. Одежда выдавала в ней львицу из вполне благополучной семьи.

— Андария, — честно ответила Мауна, и вела незнакомку к Арзису.

— Что? Андария? Добрый Ваал, аж Андария! Что вы делаете здесь?

— Да отошли, вон... ну, по нужде, и вот. Змея, — вязала неправдоподобную историю Мауна.

— В Тенескал надо, там есть хорошие врачеватели, есть одна там ведунья, они от змей лечат.

— Может, там есть Ашай-Китрах? — даже спросила Мауна.

— Есть, одна. Эх, как же так, змей расплодилось в этом году... Где его укусило? — присела возле Арзиса львица, попыталась посмотреть ему зрачки.

Подошёл и лев, посмотрел на всё это безобразие, скептически.

— Аааа... — застонал Арзис, закрыв глаза. — Всё, приехал, — он даже слабо улыбнулся. — Жить мне не осталось... Брат... — протянул он руку, очень слабо и очень подлинно. — Подойди сюда... Просьба будет, умираю...

— Что? Что он говорит? — спросил лев львицу.

— Ла... Говорит, просьба к тебе, — она приложила ладонь к Арзисовому боку.

— Да? Кто таков? — присел и он.

Вместо ответа Арзис протянул руку, показывая куда-то в небо. Пара, лев и львица — вместе повернули головы, не сговариваясь, наострили уши.

Шнурок на шею льву, его краткий сдавленный рык: Арзис начал душиить, да ещё обхватил лапами. Мауне вспомнилось: когда-то, давно, ещё даже не начались её лунные дни и она ещё была ученицей-найси у наставницы (сейчас навернутся слёзы, наставница Ванарамсая, наставница Ванарамсая!), она видала, как львы душат друг друга в Круге, именно вот так. Только душили они руками, а тут Арзис душиит шнуром, и это, наверное, нечестно... Снова всё нечестно...

— Держите сучку! — приказал он своим львицам.

Мауна так и застыла, глядя на всё это; она даже заметила, как Арзис что-то шепчет себе под нос; а потом даже поняла, что он считает: «... три-четыре-пять...».

Так же застыла и незнакомка, которой сегодня улыбнулось несчастье.

Но Тоя бросилась держать её; она же, уж точно супруга, в свою очередь бросилась на помощь мужу и попыталась вырвать из объятий Арзиса — совершенно тщетное предприятие. Так тому пришлось даже хуже. Тоя толкнула львицу, та устояла, и мало того — и себе толкнула Тою, да куда сильнее и с куда большей яростью, и мрамрийка хорошо так отлетела. Потом яростная супруга догадалась, и Мауна увидела, что она лихорадочно пытается что-то вынуть из маленькой поясной сумки.

Мауна не знала, что делать: навыка борьбы и драки с себе подобными — никакого. Она может проткнуть стрелой, это да. Но остальное? Она не понимала, как это: кто-то рядом и пытается сделать что-то с твоим телом: бросить, ударить, разрубить. Потому просто схватила за руку. И всё. Но львица уже кое-что достала — маленький то ли нож, то ли нечто вроде шила, не пойми что; этим она решила порешить Мауну, причём всерьёз — и замахнулась то ли Вестающей в голову, то ли шею; но тщетно — трое это ведь больше, чем два, и снова к очередной трагедии присоединилась Тоя. Присоединилась куда основательней и бесповоротней: она камнем вмазала львице по мордахе, и той брызнула кровь и попала Мауне в глаз (тёплая). Это было жёстко, львица свалилась на спину, как при обмороках, и зарычала столь резким, настоящим рыком боли.

Меткая и ловкая, Тоя ничего не забыла и кнемидой топнула той по руке, что-то воззвав на своём, мрамрийском, очень отчаянно. Что бы львица ни держала в той руке, оно выпало на желтоватую, мягкую траву, и это что-то Тоя вышвырнула прочь, как жаркий уголь.

Мауна удивлённо потрогала себе подбородок — там кровь. Львица её царапнула своим оружием. Её никогда ничем не резали, не царапали, никто никогда, к ней даже дотронуться просто так нельзя. Это было так... странно. Даже не больно. Ничего не поняла.

— Хозяйка! Держать её! — так же, очень отчаянно, воззвала её служанка-дхаари.

Верно. Мауна просто взяла и уселась львице на правую руку. Тоя — слева. Так они и держали, глядя на несчастную, та — в полусознании. Тоя выбила ей левый клык, наломала ей зубов, кровь из носу, всё кроваво.

— *Ахей, май шульд, май шульд...* — говорила Тоя, не стесняясь. Потом поглядела на Мауну, та — на неё. Задержали взгляды, дольше, куда дольше, чем ожидали, чем обычно.

Арзис тем временем связал льва (тот приходил в себя, вырваться не спешил), и Тоиным поясом-шнуром, и ещё верёвками, что надёргал себе в Тенескале, обезоружил, руки под лапы, всё как надо, усадил под дерево, и теперь неспешно, даже лениво подошёл к ним.

Поглядел на всё.

— Ну вы хороши.

Они вместе поглядели на него. Он не беспокоился разгадывать смесь эмоций в глазах его львиц, поэтому просто махнул рукой:

— Вставайте.

Теперь он уселся на пленницу, на её лапы, на бёдра; та не сопротивлялась, понимая бессмысленность такой затеи, только глядела на него в тумане ненависти и боли. Арзис спокойно вязал ей кисти кожаным пояском для ножен, забранных у её же льва.

Она изрекла:

— Ла, знала, что здесь нечисто. Чуюла. Сволочи, — говоря, глядела на Арзиса. Потом на них, на обоих: Тою и Мауну.

— Госпожа, моя-моя вина, госпожа. Делаю, как... как должна, — Тоя сдерживалась, а теперь заплакала, ей прижались уши.

— Арзис, не делай ей плохого, — только и сказала Мауна.

— Поздно, — изрёк правду Арзис.

Встал с неё, почесал гриву. Взмахнул руками, мол, ну и дела, как лапы-то связать, не бегать же кругом ещё шнурок искать. Передумал, развязал её, потом связал ей кисти под коленями, также как и мужа, ну и усадил подле мужа. Львица не пыталась сделать ничего. Понимала.

— Откуда и куда ехали? — кивнул Арзис, мол, говори, львица.

— Из Тенескала в Верин.

— Верин — это туда? — уточнил Арзис, махнув на восток.

— Туда.

Удостоверившись, что всё как надо, Арзис пошёл к дороге:

— Так. Шикарно. Будьте тут, я коляску прикачу.

Львица смотрела, как они идёт, а потом оскалилась и откинулась к дереву — видно, от боли. Поглядела на своего льва; тот без слов сидел, уже в сознании, и немигающе воткнулся во что-то тёмное и страшное за тысячу льенов от всех них.

Мауна с Тоей так и стояли. Тоя сжимала в кулаке подол платья, раз-два, раз-два. Мауна отметила, что держит ладони в *аратта-гастау*.

— Ваал не прощает такого слома доверы, обмана в помощи!

— Прости нас, добрая Сунга, — присела возле неё Вестающая. — Наши обстояте...

В Мауну плюнули, слюной и кровью. Сделав это, львица выжидающе наблюдала, как Мауна утирается тем своим, тем самым андарианским платком; затем Тоя, молчаливо испросив согласия, помогла ей утереться, вытереть всё; кажется, львица ждала отмщения. Тоя затем потянулась к ней, и львица зажмурилась — вот оно, отмщение. Но нет, Тоя просто приложила ткань к её разбитому рту, очень нежно; хотя куда там: струйки давным-давно ушли вниз по шее, и жест не имел ничего практического, только символическое.

— Кто такие и чего вам надо? — спросила та с закрытыми глазами.

Ответа не следовало. Тоя смотрела на Хозяйку, ей на такое отвечать. Но Ваалу-Мауна лишь покачала головой, развела руками, и начала мять, мучить себе пальцы.

— Я уже не знаю.

После такого ответа львица только вздохнула. Плохо, когда тебя грабят. Вдвойне плохо, когда тебя грабят сумасшедшие.

Возвратился Арзис, прикатив повозку с лошадьё, и та оказалась неспокойной, очень неспокойной. Но он не стал её вязать, а дал Тое нож,

который нашёл в повозке; другой дал Мауне, теперь у неё должно быть целых два ножа; разбойница-Мауна, всё как мечталось! Пленница подобралась, ещё больше прижалась к дереву: ножи настораживали, но львицы вроде более-менее смирные, а вот этого львищи можно ждать чего хочешь — опасный, паскуда. Положила голову на плечо мужу, он впервые ожил и поглядел на неё. Затем поцеловал её ухо.

— Не убивай его, — попросилась львица у Арзиса.

— Да зачем мне, — очень просто и буднично ответил Арзис. — Ты кузнец?

Лев не ответил, но львица решила не играть в молчанки:

— Да. Кузнец. У нас четверо львят. Я — его жена.

— Вижу, что кузнец. Свезло так свезло. Тоюш, иди сюда, помогай, — хозяйствовал Арзис, методично и в порядке раскладывая вещи этой семьи на земле. — А ну, помогай тут... Сыр, целый круг! Давай его в свёрток, шикарно. Одежды... Держи одеяло. Слушай, да ты мастер! Хорошие у тебя концы у копий. О! — нашёл он ещё тканей.

Взял найденную шемизу, ночную сорочку, порвал, и куском перемотал рот льву, чтоб не рычал. Поглядел на львицу, на её окровавленный рот, почесал за ухом — тут рот без боли не замотаешь.

— Ей будет больно. Не делай, — сказала Мауна.

— Как-нибудь, это, перевяжи её, — Арзис дал Мауне оставшийся кусок шемизы. — Не рычи, не кричи, всё испортишь, — это он обратился ко львице. — Мы вас отпустим. Не шумите, будете целы. Кузнец просто мастер — а лошадь стара, как мир. Куда катится Империя? Нам бы лошадь получше пригодилась.

— Арзис, это надо? — показала Тоя, поставив маленький сундучок на землю.

— Что там? — спросил.

Тоя пожала плечами, а супруги напряжённо смолчали.

— Там деньги и ювелирка, — понял Арзис. — Ладно, оставь. А вот эти ножики возьми. Побольше ножииков.

— Я взяла-взяла.

Арзис пошёл ещё хозяйничать с таким щедрым уловом, радуясь, что грабёж получился очень удачный, и теперь у них будет много годных вещей. Тоя тоже просто и бесхитростно копалась, без сантиментов оценивая все попавшееся добро. Ваалу-Мауна наблюдала за своей служанкой и Арзисом, потом присела на лапы прямо подле связанной и пленённой пары. В руках она мяла тот самый белый отрез шемизы, которым предполагалось помочь раненой львице.

Львица велась чуть странно: что-то шептала себе под нос, закрывала глаза, и пробовала потирать связанные руки. Мауна не глядела на неё, не смотрела в глаза.

— Простите меня, добрые Сунги. И не злитесь на них. Я — вина всему. Но я должна вернуться, чтобы выполнять своё служение. Для этого мне нужны ваши вещи. Простите ещё раз.

Лев глядел без эмоции, больше сквозь неё; львица бросила свои странные занятия, повнимала Мауне, даже нахмурилась, смерила Мауну взглядом.

— Скажите ваши имена, род, и откуда вы. Сейчас мне нечем заплакать, но потом я верну всё стократ.

— Ты — Ашай? — не спросила, даже потребовала львица; повела плечами, чтобы усесться поудобней — связанные руки затекали.

— Я — Вестающая, — Мауна поглядела в глаза львице, потом поглядела на её рану на мордашке. Инсигнию показывать не стала. Кольцо показывать не стала. Странное дело — львица показалась ей то ли знакомой, то ли что. Но у неё память на мордахи довольно неважная, её мнемоника — только на текст.

Супруги переглянулись. Лев что-то сказал сквозь ткань, не пойми что. Долгое молчание. Львица подумала, и вдруг, сощурив глаза, молвила:

— Ах, Вестающие, изумруды духа Сунгов...

— ...изумруды духа Сунгов, величайшие из величайших, знающие недоступное и творящие беспредельное. Лучшие вы среди львиц Ваала, ибо не знаете предела слову, и расстояния тленного мира вас не заботят, когда вы творите беседу Вестающих... — Мауна аккуратно складывала белую ткань на колене, разглаживала её, не глядела ни на кого, лишь вниз.

А теперь показала инсигнию на шее. И показала кольцо.

— Осенит день Ваал, ты действительно Ашай? — наострила уши львица, и выдохнула в удивлении.

— Ваалу-Мауна, дочь рода Нахт-Сераи, Ашай Вестания. Жена кузнеца знакома с прозаическими опытами Боэция? Удивительно, — улыбнулась она. — Они не столь удачны, как его поэзия, правда?...

— Я — Приближённая. Сталла Айнансгарда, в прошлой жизни.

— Не посмею спрашивать.

— Ваал повелел.

Мауна поняла, что львица когда-то тоже была Ашай-Китрах. Взаправду. Львица поняла, что Мауна — Вестающая. Взаправду.

С повозки упал какой-то котелок, Арзис ругнулся, да ещё зацепился за что-то, и зазвенело ещё больше железной посуды.

— Тогда мой вопрос не покажется странным: что всё это значит?

— На мой кортеж напали хальсиды. Они убили всех, кроме моей служанки-дхаарки и моего... лучшего телохранителя, — Мауна ножом разрезала несвободу львицы (та охотно помогала, подворачивалась). — Долго рассказывать, но кажется, за мной ещё охотится Тайная Служба и

Палата, потому что в Тенескале они пытались нас убить. Потому я вынуждена скрываться, ожидая помощи от сестринства. Я — в опасности, и мне нужны вещи, чтобы выжить. Припасы. Всё, чтобы... — пожалала плечами, не договорила.

Поставила нож подле, перед ними.

— Невероятно, — только и сказала львица. Она, внимательно наблюдая за Мауной, что продолжила раскладывать-складывать белую ткань, осторожно взяла нож и без промедлений начала освобождать своего льва.

— Не рисковала довериться. Моя вина.

— Как теперь? — спросила львица. — Ла, ты как, Хайди?

— Пойдёт, — очень тихо ответил лев.

— Для начала будем знакомы, добрые Сунги. Ваалу-Мауна, Вестающая, — жест Ашай от неё, жест знакомства.

У льва ж на вопрос «как теперь?» нашлось более дельное видение. Освободившись, первым делом он быстро размял руки, что затекли. Очень тихо ответил на вопрос жены. А потом заехал кулаком Мауне в ухо (рука не совсем ещё отошла, хотел в челюсть и промахнулся).

— Будем.

В Легате такой голос называют «полрыч»: наполовину говоришь, наполовину рычишь. «Бууемррр». Если ухо привычно, то все слова поймёшь без труда.

— Ваал, Хайди! Хайдарр! Стой! Она действ... — зашипела львица, вставая за ним, но упала: неудачно засидела лапу, подвернула. — Не надо! Это сестра!

«За ним», потому что Хайдарр ловко, мягко, пригибаясь побежал к повозке, хвост ему стелился низко. На Мауну он больше ценного времени не тратил: та как сидела на коленях, так и надёжно свалилась на правый бок.

Сейчас надо уделить время льву поважнее.

Диспозиция такова: лев поважнее, Арзис, оказался не там, где надо (как всегда). Он отошёл и от пленных с Мауной, и от повозки с беспокойной, старой лошастью в яблочках, по обычной себе нужде, и глядел на жёлтую листву и серое небо, чему-то посмеиваясь. Толя хозяйничала на повозке, ничего не зная, что произошло с Хозяйкой, ничего не услышав и не заподозрив, она сидела ко всему этому хвостом; но каким-то чудом её никак не застало врасплох хищное приближение.

— Арзис! Арзис! Арзис!

Её вмиг не стало на повозке, и мало того — она схватила из неё копьё; мало того, она не оцепенела, не упала в обморок, не попыталась кого-то увещевать, а совершила единственно правильное — побежала к Арзису.

— Что?! — Арзису враз истёрлось хорошее настроение, а ещё намочились штаны, потому что пришлось очень даже спешить.

— Убить-убить хочет! — всё правильно определила Тоя, забежав за него.

А ещё тут выяснилось, что вместо копья у неё в руках оказалось просто древко без всякого конца, отчего Тоя в фыркнула в удивлённом отчаянии.

— Что с Мауной?

Тоя не знала, но узнавать некогда: кузнец уже подле них, три прыжка. Обманный манёвр от Арзиса: притворился, что он — рискованный дурак, и бросает своё копье. Прыжок в сторону от противника, выжидая замера, в стойке (хорошей, как отметил Арзис). Арзис не видел (а если бы увидел, то немало удивился), что Тоя заходит сбоку, и с оскалом шипит, да таким натуральным. Арзис не знал, что этот оскал осадил противника, и повлиял на его решение сразу броситься на Арзиса с выпадом; противник считал себя способным выиграть в этой схватке (он тоже кой-что умеет: кузнец, давнее Легатное прошлое, отец-дренгир, праотец-дренгир, прапраотец-дренгир, и даже мелкий криминал за хвостом, ошибки юности); противник заподозрил, что львица эта вполне решительна, да ещё пытается зайти сбоку, а не прячется за льва (!), что не к добру, и некогда ему присматриваться, как неумело, совсем по-самочьи держит Тоя копье, точнее, древко от него без всякого наконца, и какой страх у неё в глазах.

— Тоя, не подходи! — осадил её Арзис.

Противник оценил, что Арзис стоит хорошо. Так стоят те, кто стоит с копьем не первый раз. И не второй.

— Зайди в хвост! — приказал Тое Арзис.

Краем глаза заметно, что к полю боя приближается ещё одна сторона: бывшая пленница, львица кузнеца.

— Намарси, совна! — прорычал ей лев.

— Да! — с отчаянной решимостью отозвалась львица. Она что-то себе решила. Увидев, как далеко зашло дело, она сожгла надежды всех замирить и всё уладить, хотя такая мысль миг назад ещё тлела.

Совна. Арзису очень не понравилось это слово. Итак, думал он с быстротой молнии: Мауну точно убили (что ещё с ней делать-то), значит, они с Тоей остались вдвоём; и противников — два. Главный противник — с копьем, без меча, без брони, но с крепким широким поясом, это надо учесть. А у противницы сейчас будет совна. А совна — оружие самок, и в первой очередь — оружие Ашаи-Китрах; древковое оружие, длинное, эдакий добрый тесачок на длинной палке, им отлично можно кромсать на куски таких львиц в грязных платьях, как Тоя; бывают совны подлиннее многих копий. Простая львица очень редко умеет с совной, а вот многие Ашаи, особенно если из дисциплинария — будь здо-

ров. Даже не так. Если Ашаи из дисциплинария, то она обязана уметь с совной.

Это плохо, что лев говорит взять львице совну.

Арзис попробовал утратить, подторопить события, попробовал противника на вкус, вошёл в зону его наконечника (опасно!). Тот среагировал, отбил, Арзис отступил.

— Ваал, всё в кровь! — львица действительно нашла совну в повозке, и сильно её дернула, но её чем-то придавило, и она не смогла полностью вытянуть.

Это ещё больше не понравилось Арзису. Невероятно, но эта львица, кажись, Ашаи (или когда-то ею была). «Всё в кровь победы!» простые львицы просто так не восклицают.

Что делала Тоя? А что она могла сделать. Скалилась, не подходила, и не решалась напасть со своей палкой на льва. Зайти ей сзади не получалось: лев встал хвостом к повозке, тыл более-менее прикрыт. Потом она, медленно двигаясь бочком, наступила на муравейник, аж споткнулась.

А затем всё пошло быстро. Без промедления, внезапно даже для готового ко всему Арзиса, Тоя размахнулась древком, как огромной шваброй, и бросила его во льва. Бестолково, неприцельно, никакого вреда, ему даже уклоняться особо не пришлось. Но Тоя и не добивалась этим ничего выдающегося, она припасла кое-что иное: набрав в кулаки горсти земли с огромными лесными муравьями, она бросила их в морду льву, сделав отчаянный подскок к противнику, и бросила не раз, а два раза.

Этот грязный подарок Арзис использовал сполна. Противник отвернулся, потянулся в глазам, попробовал ответить на Арзисов выпад, но неудачно (почти — Арзису рассекло левое предплечье, несмотря на наруч), и в левый бок ему вонзился наконечник копья, который он сам же отлил десять дней назад; Арзис успел отметить, что он хотел прикрыться левой рукой, словно в ней есть щит, только — злая судьба — никакого щита не оказалось. Давняя мудрость: если вошло хорошо, то не вынимай, дожимай, и Арзис вжимал копьё дальше, из-за чего рычащий противник неуклюже сделал пару-тройку шагов (с копьём в боку под сердцем и с Арзисом, безжалостно и зло дожимающим), и столкнулся со своей львицей, которая четвёртым по счёту рывком — слишком поздно — как раз вытащила совну; теперь вес льва впечатал её ребром в край повозки. Мало того, они оба получили ещё и от Тои: она обоих, без разбору, влупила тем самым древком, и эта худощавая мрамрийка выдала такой удар, что послышался хруст.

У Арзисового копья крыльев не оказалось и наконечник был не для брони, острый листок; он прошел противника насквозь. Рык и ор от льва, оглушительные, стали мокрыми — верная весть близкой смерти.

Упор лапой, сила обеих рук, и Арзис выдернул оружие; добил его ещё, раз пять. Он не знал, сколь ещё боеспособна львица противника, упавшая подле повозки и коей лапа придавилась телом её льва, и молча оттолкнул Тою, которая слишком приблизилась (мешается, опасно для неё!).

Совну, несмотря на падение и остальное, противница не упустила.

— Бросай, дура! — зарычал Арзис.

Вместо того львица совершила очень двусмысленное, непонятное движение, одновременно пытаясь встать: то ли она пыталась сбоку замахнуться совной, но только одной рукой (невозможно), то ли пыталась закрыться, забыв, что у неё в руке оружие, то ли... Выражение её мордахи невозможно описать. То ли одно, то ли другое, то ли третье; бесконечное море возможностей, как всегда оно в жизни. Одни возможности, развилки и случайности.

Арзис не стал разгадывать, что всё это значит, да и навык ему не дал. Навык знал одно: противника добивают. Он просто вогнал ей копьё прямо в середину тела, надёжно; а потом, наступив лапой на руку, забрал совну да и отбросил куда-то в Тоину сторону. С оскалом обернулся кругом, высматривая ещё противников: с кем ещё сразиться, кому ещё вогнать, кому ещё пустить кровь?!

Обернулся ещё раз. Всё. Только Тоя, часто дыша и опираясь ладонью о повозку, глядит на умирающую львицу. Он всё ещё стоял на руке этой львицы. Арзис не видит, что видит Тоя, потому что не смотрит: львица держится ладонью за копьё, столь чужое в её теле, и страшно, тихо стонет.

Тоя сглотнула, приложила ладонь к рту, поглядела на Арзиса.

— Ай Тоенька, хороша! — яростно похвалил он её, подняв кулак. А потом стукнул несчастную повозку.

Тоя покачала головой, отрицая, «нет, Арзис, не хороша», а потом:

— Хозяйка... — и, словно опомнившись, убежала. — Хозяйка!

Арзис проводил её, убегающую к Мауне, взглядом. Да что Хозяйка. Поздно хозяйкать. Конец Хозяйке. Начинало доходить. Убили они Мауну, убили они её, убили они ту, что стала ему близка, к которой он привык, с которой прочувствовал странный слад, с которой была невидимая связь, которую он боялся трогать, которую и по сей день считал для себя смертельно опасной, и запретной, и нужной ему, и даже нужной Сунгам, будь они неладны, и Империи, будь она неладна... Он верил её делу. Не уберёт.

Всё неплохо вроде шло, а теперь — конец.

Посмотрел на левое предплечье. Не прошло ему всё даром, получил и он!

Потом слез с руки львицы, отступил в сторону, поглядел вниз. Махнул: безнадежно всё это. Поглядел на всё, пожал плечами, развёл рука-

ми, ему нервно забился хвост; затем ощупал себе пояс, вытащил новенький нож, совсем недавно заграбастанный с повозки. У него уже этих ножей, как у дурака вшей. Поглядел на львицу и её страдание; странно, но она была ещё в сознании и тоже туманно глядела на него.

— Да ёб твою мать! — снова взмахнул он руками и спрятал нож.

Нож не пойдёт, видит она всё. Трудная смерть, и ему, и ей. Пошёл к повозке, и сразу удача, как на подбор: валяется там фальх, Ваал, сколько ж у этого кузнеца оружия, целый арсенал. Взял его, подошёл ко львице, положил подле неё, чтобы не видела.

Арзис вздохнул; развёл руками, будто даже и не он тут всё это натворил, а кто другой; утёрся, перевернул львицу на живот.

— Ваал, жди в Нахейме отважную дочь!...

Тоя подбежала у Мауне.

— Хозяйка? Хозяйка!

Сквозь пелену Мауна увидала, поднявшись и держась за голову, как Арзис заносит то ли топор, то ли что, и что-то рубит на земле подле повозки. Ей подумалось, что у них привал, и он рубит дрова. Наверное, для огня; значит, можно будет что-то пожарить, погреться. Можно будет поесть. Наверное, их уже спасли. Или что-то такое.

Где я? Где мы?

— Хозяйка, — Тоя была рядом. Она гладила её, как маленькую львёнку.

Мауна заметила большое беспокойство, страх в глазах служанки. Подобный видела однажды у подруги-ученицы, будучи сталлой, та проснулась от ночного кошмара; Вестающие довольно часто спят в одной комнате в таком возрасте, бывает; Мауна помнила, как ужаснулась её облику, и подумала, что верно, выглядит так же, если срывается в постели от своих кошмаров. А они — обычное дело для учениц Вестающих.

Потом проходят, по большей части. Ну, это долгая история.

Она села, потёрла щеку, ухо, загривок.

— Тоя, а... что происходит?

— Теперь всё-всё, Хозяйка, — очень изранено, вымученно молвила мрамри, изобразила улыбку. — Арзис...

Арзис быстрым шагом теперь шёл к ним, и Тоя замолчала, подседа рядышком, и Мауна отметила непосредственность, с какой Тоя прижалась к ней. Если подле тебя садятся, то это, как правило, еле ощутимое касание, тем более в случае, если ты — Вестающая, это знамо; Тоя же прижалась плотно, тепло, давление её тела; прямо как Нэль! Мало того, Мауна только теперь заметила, что держит её ладонь, их пальцы сцепились в связи львиц. Мауна поглядела на это и подумала: «очень странно»; наверное, Вестающая и её служанка-дхаарка не должны так делать, роли не предполагают, разве можно, разве так бывает?

— Хозяйка, эй, ты что, живая? — требовательно встал Арзис перед ними, копьё в руке, в обратном хвате, большой, от него падала странная тень, хоть день и облачный. Мауна отметила: нос его очень мокрый, копьё всё кроваво, и его левое предплечье — то же самое. Весь он какой-то... кошмарный. Как Ваал в кошмарах. Если к юной-юной, ещё маленькой Вестающей в её первых сновидениях придёт Ваал (а он придёт), и если он будет страшен, а не полон добра и света, как бывает у некоторых душ попроще, то будет выглядеть он именно вот так.

— Он меня ударил, — пожаловалась Мауна. — Что произошло?

Вместо ответа Арзис присел на корточки подле них, а потом и вовсе завалился на зад, скрестив лапы перед собой. Копьё откинул, ухмыльнулся чему-то внутреннему. Потёр нос, потрогал Мауну за плечо, ладонь его сначала сильно сжала, а потом отпустила, и он пригладил её по руке; ну право, убеждался, что она — настоящая, а не подделка; и сказал:

— Отличные новости! Без тебя стало бы... — он не договорил, как стало бы. — Нас без когтей не возьмёшь. Со мной не пропадёте, — засмеялся он, смотря им с глазу в глаз.

Они внимали, уши наостро.

Взглянул мельком, как они держатся за руки. И хорошо, подумал он. Плохо, когда между самками вздор. Усложняет все дела. А у него с ними всё в порядке, не вздорят. Так проще жить.

— Хорошая работа, Тоенька, — покачался он из стороны в сторону, глядя в серые глаза мрамрийки, почесал подрезанное предплечье, осмотрел его. — Хороша.

Мауна, от всего этого, закрыла глаза и взялась за мордашку, а потом и вообще склонила голову, потирая виски и уши. Тоя взглянула на Хозяйку, а потом — неожиданно — без слов вытащила свой символ Ахея вместе с кольцом Арзиса глубоко из-под ворота, и зажала, глядя на него; она так и держала руку у шеи, подбородка, с её зажатыми в кулаке самыми важными вещами («всё что было моим — уместилось в руке», вспомнил песню Арзис), и глядела на него, всё — молча; в глазах у неё аж отчаяние, но не грустного толка, нет; это символ, это что-то значит, понял Арзис. Безграничная вера во что-то. Во что? Во что-то хорошее, подумал Арзис — это ж Тоя.

Схватил ей ладонь сверху, всё упрятал ей назад, за ворот. Так подержал там, мол, спрячь-спрячь. Тоя поняла. Он подержал ещё, дольше, чем надо. И она положила ладонь на его руку, быстро, решившись. А он, погода — ладонь сверху.

Вот так и оказалось, что их руки заняты лишь друг другом.

Мауна рядом зашевелилась.

— Я тебе замочу, — мгновенно ухватила Тоя его за предплечье, рассматривая, миг изменив всё положение с непонятного, заряженного, очень-очень многосмысленного на деловое и объяснимое.

— Не надо.

Тоя подумала, и всё равно перемотала. Всё молча. Арзис не протестовал. Тоже всё молча. Посидел, почесал лапу, ещё помолчал. Мауна задумчиво тёрла пальцы перед собой, её глубокая задумчивость. Закончив с Арзисом, Тоя рассматривала Мауне ухо, щеку, пытаясь найти изъян и сколь плох оказался удар.

— Извиняй, Хозяйка, — развёл руками Арзис, не понимая. — Натёрли мне хвост, впредь буду лучше вязать клиентов. А то вон... развязались. Не знаю, как так, — поглядел он вниз, на траву, ему упали космы гривы вниз.

Мауна не ответила, шевелился кончик её хвоста у лапы. Она всё так же тёрла руки и глядела на них. Она-то знает, как так.

— Чудо, что тебя не убили, — обыденно сказал он. — Повезло. Ваал уберёт.

Мауна перестала тереть руки.

— Этот дрался хорошо, — обернулся, поглядел назад, на повозку, где на земле смутно темнело, угадывалось всё побоище. — И эта дралась хорошо. Оба хороши.

И, взяв копьё, поднялся на лапы.

— Но бесполезно — всё равно мы лучше.

Ушёл.

Мауна проводила его взглядом, зачем-то слабо скалясь ему вослед. Глядела, как он продолжил хозяйничать с повозкой и небрежно выбрасывает вещи из неё. Лошадь стала ещё беспокойнее, и он соскочил её отвязывать от дерева.

— Тоя.

— Да-да, сиятельная Хозяйка? — подобралась та, поправила себе хвост.

— Той, рассказывай, что произошло.

Мрамрийка поглядела вослед Арзису, на Хозяйку, сглотнула, и уши ей прижались:

— Мы оставили Хозяйку здесь, с ними. Арзис сказал осматривать их вещи и брать нужное. Я так и делала-делала, — кивнула она, в её голосе — извинение и вина. — Я брала. Арзис куда-то отошёл, а я всё-всё делала. А потом я почуяла, что за хвостом что-то есть.

— За хвостом что-то есть? — наострилась Мауна.

— Да-да, Хозяйка. Я почуяла.

— Услышала?

— Не знаю, — пожалала Тоя плечами. — Я почуяла. Я обернулась, а там этот... лев. Он крался, он был злой, он хотел меня совсем убить. И

Арзиса тоже. Хозяйку почему-то не убил, — с непосредственностью удивилась Тоя. — Я соскочила, позвала Арзиса. Эм... я... Арзис мне сказал... и... подбежала та хаману, та львица. А... а потом Арзис убил льва, вот так, — показала с усилием Тоя, как вонзают копьё внутрь врага, — а я ещё взяла-взяла и... стукнула их обоих палкой, от этого... от оружия. Я изо всей-всей силы стукнула, Хозяйка. А потом я побежала к Хозяйке. А в то время Арзис убил ту госпожу-хаману, — быстро молвила она, словно обжигаясь словами. — Я не видела, но слышала, — Тоя показала на свои отведённые назад уши, мол, вот так я слышала, вот так.

— Он убил обоих?

— Да, Хозяйка.

Она снова показала то же самое пронзание копьём; у неё получалось резко, убедительно.

— Хм... Повезло мне, да? — произнесла Мауна с легкой полуулыбкой, её ироничный уголок рта.

Тоя неуверенно, молча согласилась, кивнув.

— Идём. Ваал, великий, ты с нами.

И действительно пошли. Снова всё пошло не так: только-только Арзис отвязал лошадь, как та взбунтовалась и вместе с повозкой убежала на дорогу, кажись, обратно к Тенескалу, через кусты, из повозки много всякого ещё добра вывалилось со звоном и шумом.

Арзис только развёл руками.

Через миг Мауна стояла и глядела на побоище, устроенное Арзисом. Тоя рядом плакала, сложив руки перед собой; сначала она закрывала глаза ладонью, особо боясь даже смотреть на обезглавленную, совсем незнакомую и ещё недавно совсем живую львицу, а потом поняла, что тщетно прятаться от ужасов мира — всё равно догонят и перегонят. Она что-то говорила на мрамрийском, очень тихо; Мауна единственное, что уловила, так это нечто вроде: «*Ахей, май шулд. Ахей, май шулд. Ахей, май шулд...*».

— Так, уходим. Засиделись тут, — объявил Арзис.

Поглядел на плачущую Тою и Мауну, что медленно прохаживалась подле тела Приближённой с незнакомым ей именем.

— Не плачь, Тоюша, — даже строго сказал Арзис.

— Не могу-не могу, Арзис. Плохо это всё, — отказалась повиноваться Тоя. — Мы наделали большой грех.

Мауна прекратила прохаживаться. Оценила взглядом слёзы Тои; суровый, скептически-печальный (только теперь заметила) вид Арзиса.

— Что, Арзис, мы оказались лучше? — её скрещенные руки, пальцы бьют по плечу.

— Лучше, — небрежно, издевательски, зло сказал он. Смотрел в сторону, нервно крутил копьё вокруг оси: туда-сюда, туда-сюда.

Мауна кивнула, и продолжила променад:

— Конечно лучше. Нельзя ударить Вестающую, и не испытать возмездия от Ваал-Сунгов. Завели манеру: покушаться на Вестающих, бить Вестающих, лгать Вестающим. Ну-ну.

Встала перед ним, освободила руки и сложила их у центра тела, переступила через лапу мёртвой Приближённой.

— Безбрежно горжусь тобой. Ваал, я так благодарна за день, когда встретила тебя, — молвила ему, снизу вверх. — Ваал с нами.

Тиамат

Они разбили огонь. Тоя мешает в котелке и тихо ревет. Тоя очень плачет, ей жаль убитых. Мауна молчит, смотрит в пламя, ночь.

— Та лвица чуть меня не убила. Имей в виду.

— Да, — безнадежно согласилась Тоя.

— А ты спасла меня от её ножа.

— Вечно верна. Обязана. Хозяйка не бросила меня там. С этими, — ответила Тоя, помешивая ложкой. Её слеза упала на горячий камень, зашипела, и после этого Тоя стала утираться изо всех сил.

— Той, хочешь прикол? — вдруг сказала Мауна.

— Мне прощение? — наострилась Тоя.

— Ну прикол. Знаешь, что такое прикол?

Амая любила это слово, Мауна впервые его услышала от неё. Мауна попала в яблоко (настоящее), поставив его на мишень — «вот прикол». Мауна рассказала, что очень любит бросать лук высоко вверх, когда бежит по Охотным Землям Внутренней Империи — «вот прикол». Мауне застряла жилка в зубах от мяса, и ей требовалось зеркальце, чтобы вынуть её иглой — «вот прикол». Мауна поехала поехала кататься даже в дождь — и снова, «вот прикол».

— Да. Шутка, — удивительно, но Тоя знала слово. Просто не ждала от Хозяйки.

— Нет, шутка шуткой, а прикол — это прикол. Смотри, мы — это не наши тела. Мы вроде и живём тут, внутри, — Мауна постучала по голове, — но это не совсем так. Это как бы наш дом. А из дому можно иногда выходить, даже убежать. И вне дома — безбрежное море Тиамата.

Тоя внимательно кивнула. Потом, в ожидании слов, с ложки налила себе чуть на тыл ладони, попробовала варево, очень густой суп. Удивительно, но слёзы уже высохли — она быстро привыкала ко всему, текучая.

— Нет небытия и бытия, всё едино. Это просто, Тоя. Возьми белую бумагу, на ней ничего нет, ты ничего не видишь — это будет небытие. Нарисуй на ней что-нибудь: символы, текст, себя, её, можешь и меня. Это будет бытие. Но если вместишь туда всё, вообще всё, весь Тиамат, то бумага станет полностью чёрной — и ты снова ничего не видишь, мы вернулись.

Тоя докинула в огонь ветку, а ещё присыпала варево солью, которую они нашли в добыче от убитой пары. Полизала соль на пальцах.

— Вот так, — только и сказала Мауна.

— Да, Хозяйка, — согласилась Тоя, как соглашаются с тем, что сегодня плохая погода и в прошлом году всё было лучше.

— Из тела можно выходить и делать всякие штуки, — добавила Мауна, словно всё-таки желая убедить львицу-дхаари в изумительных вещах мира.

Юная дхаарка ответила не сразу.

— Хозяйка так умеет, — наконец, уверенно молвила Тоя, ещё раз полизав каши с ладони. — Вестать умеет.

— Агам, умею. Научили. На-у-чи-ли, — вздохнула Мауна, продолжив глядеть на огонь.

— Хозяйка, Хозяйке очень трудно.

— Сойдётся.

Тоя искренне улыбнулась, во все зубы. Затем сняла котелок с огня.

— Иди сюда. Возьми уголёк, только не горячий, а тёпленький. Будешь моей Встречающей.

Тоя наострила уши, весь вид — крайнее изумление.

— Удивлена? Ты знаешь, как это? — улеглась Мауна получше, глядя на огонь.

— Да. Моя мама много-много служила Вестающим, всему научила. Только львицы-Сунги имеют эту честь, Хозяйка.

— Ай, брось. Будешь Сунгой. Считай, ты уже принятая Сунга. Считай, что ты уже вышла замуж за какого-нибудь Сунга.

— Хорошо, — быстро и полностью согласилась Тоя, подсев к Мауне.

— Интересно, откуда дхаары знают о Встречающих?... — Вестающая взяла уголёк из рук дхаарки, и начала так себе греться, греть ладони, таять.

— Хозяйка, все, что долго служат Вестающим, знают многие *шэшэ*, — очень доверительно сообщила Тоя, как ужасный, огромный секрет. — И такие, что нельзя знать — тоже. Нам, дхаари, много-много что знать нельзя, но мы узнаём, нехотя. Это правда.

Смотрят обе на Арзиса. Тот устал после трудного дня и дремлет, у него кончился запас болтовни на этот день, всё, хватит, отстаньте.

— Сядь ближе. Возьми мне руку, правую, так привычно. Нам нужна связь... но она уже есть. Чистейшая связь у меня была с Атриссой. Самая лучшая. Тоя, ты любила Атриссу?

— Она иногда кричала на меня, Хозяйка. Она могла-могла меня накачать. Но она была хорошая.

— Тоя, теперь рассказывай мне что-нибудь.

— О чём?

— Вот расскажи, как всё было при нападении. Как было?

— Я... Я сидела в дилижасе Хозяйки. В дилижас ещё пришли тётя Селе и тётя Басти. *Ахей, умарме ири зеелен*. Потом остановились, начались крики, все рычали. Было страшно. Тётя Селе обняла меня. Мы сидели внутри, не знали, что делать. Ворвались те... ну те...

— Хальсиды.

— Халсиды. Вытащили меня и тётю Селе и тётю Басти. Они сначала убили тётю Селе, сразу, потому что та начала много кричать. А не надо было кричать, халсиды этого не любят. Тётя Басти сказала на мрамрийском «не убивайте её».

— Кого «её»? Бастиану?

— Меня. Убили и тётю Басти, вот так. Потом я сказала-сказала: «Ахей, прими меня». Они меня не стали убивать. Спрашивали на гелсианском, кто я. Я поняла и ответила на мрамрийском, что дхаарка Тоя. Они плюнули на меня, но не убили. Подошёл какой-то старший, взял меня вот так, — показала, как берут за локоть, — и так со мной ходил. Он со мной всюду так ходил. Старшего все звали Янц, я помню-помню. Я видела, как всех доубивали.

— Кого ты видела? Кто был мёртв?

— Сир Уруз. Его пытались что-то просить, спросить. Он умер. Сир Манару. Сир Харг, у него не было головы. Возле него было очень много мёртвых хасидов, халсидов, целая куча-куча. Сир Тайназ был мёртвый от стрелы в голове. Эм... Сир Талмар был мёртвый, он упал с моста. Сир Сиигр, он был далеко, но я заметила-метила. Хаману Реная, Шэзи, Мшани, Мэринэ, Кара, Тайра. Их спрашивали что-то. Я не знаю, что. Потом их сожгли в повозке.

— Сир Мейран? — проверяла Мауна. Он остался в обители.

— Нет. Его ж не было.

— Хаману Хизая? — и тут проверила Мауна.

— Так она тоже-тоже осталась.

— Анвейса?

— Не видела.

— Сир Стан?

— Не знаю.

— Дальше. Их сожгли живьём?

— Нет, мёртвых. Почему-то львиц сожгли. Львов не стали. Да... да, сиры Ахас, Марх, Мелим. Их тоже спрашивали. Но не Мелима. Мелим почему-то сразу умер, я его живым не видала ни разу-ни разу.

«Отравился», — поняла Мауна.

— Они все очень-очень злились. Очень орала, что всё плохо. Госпожа-маасси Атрисса, её приволокли из-под моста. Она не могла ничего говорить, но вот её куда-то снова потом тащили. Потом всё равно убили. Я всё видела.

— Сир Тай?

— Сир Тай? — задумалась Тоя. — Не знаю.

«Он с нами на реку съехал. Тай, я, Атрисса, Арзис. Значит, возле реки остался».

— С тобой что было?

— Да что было. Потом тот старший, Янц, меня смотрел. Он мне платье поднял, лапы смотрел. Повернул, хвост смотрел. Спросил, рожала ли я львят. Я сказала, что нет — я не замужем. Вот так мне сделал, — Тоя показала, как расхристывают платье, ворот, — смотрел тут. Сказал мне вести себя хорошо. Он связал меня тут, — показала на талию, — и сделал мне поводок, я так-так ходила потом. Они меня не очень трогают. Сначала шли по лесу. Потом посадили в повозку, там ждали. Там меня привязали, и я спрятала себе всё-всё.

— Что спрятала?

— Ахея спрятала, — подёргала за шнур на шее. — Разгрызла, порвала верёвку, и спрятала.

— Куда.

— Туда, — бесхитростно ответила Тоя.

— Зачем?

— Чтоб не забрали, — удивилась Тоя.

Ей не хотелось обманывать Хозяйку, очень-очень. Она спрятала не только символ Ахея, но и кольцо Арзиса. Убедила себя тем, что подробности излишни.

— А дальше?

— Повезли, мы спали в лесу. Мне даже есть дали, надели ошейник. Они зачем-то поставили голову сира Уруза на палку, но потом бросили её в лесу. Не били. Я думали, будут меня брать. Не брали, но я протёрла себе палец о гвоздь, а ещё на повозке натекло крови, вот так, сбоку, от головы. Я себе всё натёрла там и так сидела-сидела.

— Что натёрла? — нахмурилась Мауна.

— Там натёрла, — похлопала себя спереди Тоя. — Потом Янц злился и спрашивал, кто меня брал-бил, но я сказала, что у меня лунодни. Он снова посмотрел мне туда и плевался.

— Ах, чтобы не изнасиловали?

— Да, я так подумала. Подумала, не захотят. Но они не трогали меня очень. Зубы мне ещё смотрели. Я теперь очень воняю, Хозяйка.

— Да я, втай, тоже не пахну лимонной водой. И что?

— Да ничего. Проехали ту границу, нас пропустили.

— Значит, с Имперской стороны вы въехали в гельсианский Тенескал?

— Да.

— И приграничники не останавливали?

— Останавливали. Там поговорили, но я не слышала и не смотрела.

— А что ты в ошейнике, что ты дхаарка, что тебя продавать везут, что-то тебя приграничники спрашивали?

— Нет-нет. Я просто себе сидела. Мне сказали молчать — я молчала. Там так обычно, наверное. Я уже знала, что меня продать-продать хотят, что будут куда-то везти. А потом сразу зашли туда, в ту столовую.

— Таверну.

— Таверну, — согласилась Тоя. — А там — Арзис. И Хозяйка. Я чуть не умерла. И Хозяйка пошла ко мне, я чуть не умерла... Хозяйка, Хозяйка...

Тоя обняла её, совсем, залезла ладонями аж за спину, тёрлась мордахой о её ухо. Мауна погладила её, перебирая по позвонку: раз, два, три, четыре, пять. Вспомнилась дисциплина Айнансгарда, снег.

— Слушай сюда, — отлучила служанку от себя. — Я усну. Потом... начну вестать, но ты этого не увидишь. Не дай меня разбудить, защитай мой сон. Затем, как начну возвращаться, ты поймёшь когда, ты поймёшь, ты ощутишь, то гладь меня по руке и проси разрешиться Вестями. Проси меня рассказать. Проси, проси.

— Да.

— И старайся запомнить, что я тебе расскажу. Ты всего не запомнишь, и записывать нам нечем. Просто старайся запомнить главное.

— Да.

А затем Мауна — раз! — и уснула. Словно в обморок упала. Тоя поглядела за ней, тут некстати закричал Арзис, завозился. Тоя отчаянно показывала ему, мол, не шуми, Хозяйка спит. Прикладывает палец ко рту: «Не говори!». Ну прям вторая Мауна, с её «не говори». Он нахмурился: «Что?».

Тоя не захотела оставлять всё невыясненным, и, очень осторожно отпрянув от Мауны, воистину тихо начала подкрадываться к нему. Это Арзиса заинтересовало, расслабило: львица, огонь подле, её глаза блестят, она крадётся к тебе, что-то очень желая сделать, когда подкрадётся к тебе.

Подкралась.

— Хозяйка встает. Будь тихо-тихо, — приложила она ладонь к его груди (на миг); взгляд её прикован к Мауне. — Она просила-просила беречь её сон.

Арзис тяжело, по-самцовому вздохнул. Ночь после трудного дня.

— У неё получается, — порадовалась Тоя.

Равнодушный ко всему, он шевелил лапами. Но всё стало куда уютней, когда Тоя подтащила котелок.

— Отлично. А то я давно уже по-львиному не жрал.

— Ты почему не спишь? — требовательно прошептала Тоя, взяла котелок, ухватив его через подол платья. — Вот кому, а тебе нужно спать-спать.

— Нужно, Той. Ерунда приснилась.

Взяла единственную ложку, вытерла о тот же подол; подумала, облизала её, потом сплюнула, вытерла её ещё раз. Её хвост лежал на бедре его лапы; Арзис не удержался и потрогал его. У львиц обычно сразу инстинкт, с детства — убрать хвост в таких случаях, а то не к добру это, мало ли что. Но ничего, всё мирно: лишь шевелится его кончик. Тоя всё так же вытирала ложку, не замечая всех этих игр с хвостом, и Арзис подумал о том, что с этой ложки ещё вчера утром могла есть та супружеская пара, которую он убил, позже, днём.

Тоя принялась его кормить. Арзис полусидел-полулежал, развалившись, и лениво ел, глядя на спящую Мауну (профиль: часть мордашки, ухо выглядывает из-под капюшона, Тоина накидка как повязка на глазах, приоткрытый рот, и кажется, что она в гримасе то ли боли, то ли ожесточения) и играл в ладони Тоиным хвостом, и это очень успокаивало.

— Ничего-ничего. Ешь, так заснёшь лучше, — приговаривала Тоя ему подле уха, чтобы тихо. — Ешь, будешь ещё спать-спать.

Её движения нарочито медленны и плавны.

В перерывах мрамрийка тоже глядит на Хозяйку. Возьмёт, скормит ему ложку, и глядит на Мауну; Арзис же глядит неотрывно, медленно жуя. Тоя — взгляд ему; затем — Мауне. Она приоткрывала рот, когда кормила его. Сначала это смешило (внешне не смеялся, ибо лень шевелиться), а потом смешить перестало, потому что он видел два её нижних клыка, и вместе с её глазами это составляло чарующие четыре точки, что отсвечивали в ночи. Небольшая интерлюдия: Тоя попробовала, аккуратно, забрать у Арзиса копьё, которое он не отпускал всё это время, прижав к себе скрещёнными руками, и к древку которому прижался щекой; космы его гривы струились по нему; ничего не вышло, Арзис молча покачал головой — не надо, Тоюша, не заберёшь; она поняла, снова покормила его, потом совершила странноватое — пригладила его оружие, словно живое, рассмотрела во всю длину.

— Не трогай его, Тоенька. Оно нечисто. Сегодня оно убило двоих хороших Сунгов.

А что Тоя? А Тоя мало того что не послушалась — она просто ухватилась за него.

— Ты не мог выбрать, и тоже моя вина. Моя. Я с тобой виновата. Я с тобой виновата сколько хочешь. Я всё поделю.

Теперь Арзис стал смотреть на неё, неотрывно, как на Мауну ранее. Тоя достойно сносила его внимание. Самое главное — молча: не спрашивала, не смешилась. Внимание взволновало её, но Тоя держалась внешне спокойно, продолжая делать своё. Арзис прервал её: не дал себя покормить в очередной раз, легко направил её руку к ней же: «И тебе надо поесть». Тоя всё поняла и очень медленно поднесла ложку ко рту, глядя ему в глаза, и это неожиданно, ведь так-то она глядела то вниз, то в сторону, то на него; она облизала ложку. Он гладил её по щеке, по загривку; ощутил её уши с кольцами. Она застыла с закрытыми глазами; руке передалась дрожь её тихого мурчания. Её рука тоже застыла в воздухе, с ложкой, это немного смешно и чуть неловко, наверное; Арзис сплёл пальцы её ладони со своей, и они даже смогли вместе сберечь ложку от падения в бездну ночной травы: она между ладонями льва и львицы.

Неизбежная встреча. Точнее, ещё точнее, будем точны: Тоя, ведомая Арзисом, встретила с ним; её холодные вдохи и тёплые выдохи на его носу; самый тончайший, самый невесомый поцелуй в его жизни, такого никогда не было и, верно, никогда не будет. Дальше сделал первое, что захотелось: лизнул её зубы, её клык. Она неумело, но очень-очень искренне, неподдельно, такое не умеют подделывать, лизнула ему нос, и с ним остался запах её слюны.

Мауна двинулась, часто и шумно задышала, голова ей неестественно дёрнулась. Арзис поглядел и вдруг зевнул во всю пасть; обычно после такого облизывают нос, но Арзис удержался: хотел сберечь Тоин запах; Тоя наострила уши, плавно обернувшись.

Мауна всё равно продолжила часто дышать.

Тоя склонилась к нему, и снова сказала прямо в ухо, с тем ясным извинением, что им надо говорить тихо, совсем тихо; её ладонь с коготками оказалась у него на щеке, бесконечно аккуратная. Никто не узнает, что это самый нежный, самый добрый жест, который Арзис испытал доселе в жизни.

— Хозяйка. Хозяйка. Арзис. Хозяйка. Я должна, — говорила ему Тоя в ухо, с акцентом, что так усилился, и Арзис еле удержался, чтобы сжать её и просить только об одном: «Говори, говори, говори что угодно».

Она отпрянула, такая смесь радости, испуга, торжества в её очень смутном ночном облике.

— Я тоже должен, Тоя, — молвил он, не вслух, неслышно, когда Тоя вернулась к Хозяйке, внимая (всё так же тихо, ну совсем охотница).

Арзис вздохнул, зевнул, вернул себе копьё, что — как оказалось — скатилось к его боку. Скрестил руки потуже и закрыл глаза. Очень устало выдохнул.

Он не расскажет, что его разбудило. О таком львы не говорят, а тем более такие, как он. Ему наснилась львица, которую он убил. Оказалось, память сберегла её имя: Намарси. Снился обычный бред. Круг, бордель, какое-то соитие. Обычно такие сны его волновали, и от них он просыпался в похоти. Но не сейчас. Всё было как-то иначе. Вдруг львица, которую имел сзади, отбилась лапой от него и встала:

— Зачем ты меня убил? — потребовала ответа.

Оказалось, это она, та самая, Намарси. Он запомнил её.

— Как это «зачем»? — попробовал разозлиться Арзис, но неуверенно. Не выходило. Не могло.

— Зачем?

— Я его убил. Значит, надо и тебя!

— Сыкун. В первый раз, что ли?

— На Востоке я убил десять драагских сучек.

Он солгал во сне, он даже никогда не видел драагов.

— Лжец. Сыкун. Зачем? — толкала она его.

— Дура, я обязан!

— Зачем?

— Как зачем, Мауна ведь, Мауна, Мауна, это всё она, всё ради неё, Мауна, Мауна!...

Так, в оре её имени, он тогда и проснулся.

Снова засыпая, Арзис вдруг отметил, что там, внизу, как-то холодно-ваато. Ясное дело: ко всему, ещё и обмочил штаны — второй раз за сутки.

А давайте все поедем к Амае

— Хозяйка сказала: если не проснётся, когда солнце высоко, то надо будить. Будить сильно-сильно. Лить воду, кусать. Царапать! Иначе всё может быть плохо-плохо, Арзис. Скажи, слушай, Арзис, солнце высоко или нет?

Ой нет, только не «плохо-плохо», ну снова новый день, снова новые проблемы.

— Видишь, видишь. Скажи. Что скажешь?

— Не. Не буди ещё.

Разозлился, что разбудили, а то мог ещё поспать.

— Эээх, — выдохнул, затем зевнул, почвякал. — Мле, собака.

— Ой, Арзис, забыла, — не отстала Тоя. — Тебе нельзя такое видеть, сказала Хозяйка. Можешь не смотреть?

— Ну что там... какое «такое»?

— Такое, как Хозяйка просыпаться будет.

— Ай, Тоюль, не бери в голову, — накрыл он голову чем-то. — Мы с тобой и так уже слишком много знаем.

Она пожала плечами. Раз так, то и так. Тоя, уже знает Арзис, принимает жизнь такой, какой она есть, мягко, без сопротивления и самообмана. И тем более Тоя не понимает беспрактичных вещей, а вот нужные вещи — очень даже понимает. Чтоб не тратить время зря, она строгала одним из многих ножей, что они наразбойничали с их убийственного налёта, большой кусок солёной свиной ноги, которая досталась тем же бесчестным, подлейшим способом. Строгала быстро и придирчиво, расстелив у лап огромную белую ткань, которую... ну ясно, где они её достали. Пчёлы почему-то заинтересованно вились у кончика её лениво шевелящегося хвоста, и она отгоняла их рукой и накидкой, а вот хвост не убирала — он знай себе вился по траве. «Тут улей где-то», — определил Арзис, большой охотник на ульи и мёд в детстве; да и на Востоке хороший улей мог очень даже скрасить глупые будни.

Так же Тоя успевала зорко приглядывать за Хозяйкой; иногда она прекращала работу и внимательно вострила ухо, чтобы уловить её дыхание.

— Арзис, Арзис? Будить? — приставала Тоя.

Она распилит тебя на кругляшки. Ну, мрамрийка.

— Дай ей поспать, Тоя, ну чесслово, — сказал Арзис, так и чесалось добавить: «И мне».

— Она говорила: плохо будет...

— Да не будет. Она много думает, а ты много маешься.

Тоя виновато улыбнулась с выдохом, эдакое двузначное «хм...»; снова её влажные нижние клыки. И вернулась к работе. Арзис притворился, что дремлет (спать перехотелось), и наблюдал за нею, спрятанный фасадом фальшивого сна. Она несколько раз бросала ему взгляд, и удостоверилась, что их (единственный здесь, и вообще, в своём роде) лев вроде как снова спит. Каждый раз вздыхала. Свиная нога строгалась аж с остервенением и злобой: Тоя отдавалась делу до конца. Она скалилась, а один раз даже зашипела, когда нож неудачно скользнул; это Арзиса насмешило, он чуть не выдал себя.

Потом, закончив с ногой и настрогав совершенно чудовищное количество отрезков, Тоя повела ушами, снова внимательно рассмотрела Мауну (та, как говорится, спала без ушей, хвоста, лап, и вообще всего, и повязка на глазах надёжно прятала её от утреннего

света и пятен солнца, что гуляли по её плащу, что на самом деле не её, а Арзисов плащ, потому что он толще и теплее; он — это плащ, не Арзис, хотя и Арзис воистину тоже куда толще и теплее Мауны; хотя Мауна, как известно, вовсе не худая, даже напротив; она из этих круглых андарианок). Не выяснив и не решившись ни на что с Хозяйкой, Тоя встала и набросала рядом с помятым котелком (уже пустой, ибо, оказывается, вчера Арзис сожрал совершенно всё, когда Тоя кормила его) невесть откуда взявшиеся большие яйца, серые, в пятнах. Одно из них она выпила.

Утка. Вот этого Арзис точно не помнил в повозке. Если ещё яйца там могли найтись, то вот утки там точно не было. Тоя держала её вверх лапами, рассматривая. Почему-то недовольно фыркнула; но Арзис понял почему: как и вся дичь, утка худосочна и маложирна. Потом, подпевая себе, Тоя отрезала удушенной утке голову, и облизала кровь с пальцев, даже подставила рот, чтобы попить крови. Арзиса очень заинтересовало, что она поёт, и даже наострил уши вовсю, очень рискуя быть разоблачённым; но тщетно: слова он некоторые услышал, но без толку, ибо это был мрамрийский, не сунгский. Мрамрийский всё больше нравился Арзису. Что-то в нём есть, подумал он.

Затем всё это Тоя быстро оципала, выпотрошила, и бросила в котёл. Съела ещё одно яйцо, и, как понял Арзис, яйца вполне себе зрелые, ибо Тое пришлось жевать. Они так на Востоке тоже постоянно делали, яйца — отличная вещь; только их найти ещё надо. Кажется, она чувствовала вину, что они-де спят, а она себе сама ест; бросила взгляд на Арзиса, но его притворство снова осталось нераскрытым.

О, что-то с Мауной. Нежное от Тои:

— Хозяенька. Хозяйка. Хозяйка, мы тут. Мы встречаем. В мире. В мире тёплой крови. Хозяйка, я тут, мы тут, мы в мире тёплой крови. Разрешиться Вестями. Надо-надо.

— ...тёплой крови, — простонала Мауна.

— Мы тут, мы тут, Вестями...

— Я тут, я тут... — подтвердила Мауна.

— Тут, мы, разреш...

Всё это время Тоя держала ладонь на груди Мауны.

— Вести! — резко, торжественно сказала Мауна. — Первая. Кому: Ваалу-Мауне. Кто: все сёстры Мастр-Фейнского менгира. Сёстры уведомлены о нападении и остальном. Сёстры безбрежно рады моей жизни, волей Ваала. Сёстры в ужасе от моего положения и побега из Тенескала. Ваалу-Нэль свестала: Высокая Мать знает, что я жива. Переданы мои соображения о хальсидах, Тайной Службе и Палате. Условлено: город Верин-на-Влее, направляться в него, по дороге из Тенескала. Помощь уже в пути, меня найдут, все усилия, все возможности. Кому: Ар-

зис. Сёстры менгира безмерно благодарны, Вестающие не забудут доблести. Печать: Камень Пять-Стрела-Буря-один.

Арзису пришлось сделать усилие, чтоб довольно не пошевелиться.

— Под графис, — безжалостно продолжила Мауна, и Тоя в отчаянии стала грызть когти. — По Графу... А что по Графу?... Графа нет. Как и Мастера Графа.

Посмотрела на Тою.

— Вверх, — указав на неё когтем, властно вильнула рукой, словно хотела подбросить этим жестом Тою в небо. Тоя послушно поглядела вверх, ничего не понимая, и всё так же кусая когти. Ладонь Мауны она ни за что не отпускала, потом что не знала, можно ли.

— Мир тёплой крови, — определилась Мауна.

— В мире тёплой крови, мы в мире тёплой крови, — взяла ладонь Мауны Тоя, ухватившись за знакомые слова; всё заученно.

— Ой... Мммм... Гладь, гладь, ещё.

Мауна показала на Арзиса, лениво-безвольно:

— Он что, спит?

— Да. Сначала встал. А потом снова лёг. Плохо спал, Хозяйка.

— Ты ещё хуже спала, — утвердительно молвила Мауна.

Вздыхнула, зевнула, облизалась. Затем Вестающая присмотрелась к Арзису, как присматриваются спросонья или с похмелья.

— Не спит он, — снова лениво-безвольный жест. — Арзис, эй, гррр! Я всё вижу! — она вдруг взяла и бросила в него яйцом, что Тоя недавно поставила подле. Оно разбилось точно у него на груди, измазав гриву. Мауна засмеялась, и так искренне, как никогда. — Арзис-Арзис. Нет Вестающей, которую так можно обмануть.

Не так часто можно увидеть, как Мауна улыбается!

— Мы знаем, когда кто спит, — молвила, глядя на Тою. — Мошенник!

— Мауна, что за дела? — лениво утирался Арзис.

— Я думала, это камень, — сказала Мауна так, словно бросить камнем — это даже услуга, а не что иное.

Обстрел не кончился: бросила в него ещё деревянной кружкой; и кружку они тоже достали разбоем, как и почти всё. Но несильно, не добросила, та упала Арзису у лап.

— Арзис, не злись! — воистину обеспокоилась Тоя. — Хозяйка говорила, что как проснётся, то будет не в себе, — выставила перед ним ладони.

— Всё, Тоя, — вздохнула Мауна. — Сейчас нас изнасилуют и убьют. Или наоборот.

Арзис засмеялся, втайне обрадовавшись всему этому. Определённо, Мауна была не совсем в себе, не собой; но замена оказалась хорошей, весёлой. Засмеялась и Тоя, бросая быстрые взгляды то на него, то на

Мауну, довольная, что всё так просто разрешилось, и никто ни на кого не обижается, и у всех всё хорошо, и нет никакой трагедии, и дурацкого выяснения, кто виноват.

— Наоборот невозможно, Хозяйка! — развеселилась Тоя.

— Что «наоборот невозможно»? — серьёзно спросила Мауна.

— Фус... Нельзя же, чтобы львица, хм... сделала это... со львом...

— аккуратно ответила Тоя, каждое слово сказано всё осторожнее и осторожнее.

— Подозрительно много ты знаешь о таких вещах, Тоя, — ещё серьёзнее молвила Вестающая.

И засмеялась, дотронувшись к плечу мрамрийки. С готовностью последовала смеху и Тоя, забился её хвост. Повисло молчание, никто ничего не говорил, потому Тоя заполнила пустоту делом: решила убрать утиную голову прочь с их места. Взяла её, встала.

— Тоя, ты что такое держишь? — не могла угомониться Мауна. Снова эта серьёзность, которую Тоя держит за чистую монету.

— Утку, — испуганно ответила Тоя.

— Ты ей голову отрезала.

Вмешался Арзис, тяжёлая кавалерия — пришёл на помощь Тое:

— Маун, а ты как думала, утку упрашивают усесться в кастрюльку? Ей надо сначала голову отрезать, чтобы убедить.

— Видишь ли, Арзис: когда я росла, мне запрещалось заходить на кухни.

Улеглась на спину, приложила руку ко лбу, уши прижаты:

— Меня сейчас стошнит.

— Простится, Хозяйка, — Тоя, наконец-то, выбросила утиную голову подальше.

— Вид мёртвого львинорода ты куда лучше переносишь, — сказал Арзис, и сразу пожалел.

Мауна ответила не сразу:

— Я не от этого. Я от *возврата*.

Добавила, не глядя на него:

— Возвращаюсь в мир тёплой крови — меня часто тошнит.

Арзис никогда не слышал такого: «мир тёплой крови». Так говорят Вестающие, понял он.

— Ну, Маун, рассказывай, — бодро потребовал Арзис.

Та флегматично повела ушами.

— Давай поедим, я так есть хочу, — так захотела.

— Хозяйка, я постаралась запомнить. Я могу рассказать.

— Хорошо. Рассказывай, — свободный жест от Мауны, мол, давай, валяй, попробуй. — Дай мне, пожалуйста, сырые яйца. Не люблю сваренных.

— Да, Хозяйка, прошу-прошу.

— Ты мне их прямо сюда вылей.

— Сейчас-сейчас...

— Сырые яйца в суп? — иронично скосил рот Арзис, мол, эта Мауна и её штуки.

— В Андарию все так едят, — поглядела на него Вестающая, склонив голову.

Арзиса удивило, как тихо и мастерски Тоя разбивала яйца о край котла, а скорлупу по-хулигански откидывала подальше. Привилегия: Мауна ела из единственной тарелки. Арзису и Тое предстояло есть прямо из котелка. И ложка у них была одна на двоих. Всё верно: у ограбленной пары была тарелка, котёл и две ложки. Зачем больше? Тоя вышла из положения: она и тут кормила Арзиса.

— Ну, так что там? — требовал сведений Арзис.

Вместо Мауны, что принялась есть, начала Тоя:

— Все знают, что Хозяйка в беде. Идём в город Верин... город Верин. Там нам помогут. Ты, Арзис, тебе не забудут, что ты так спас Хозяйку.

Арзис был уверен, что Мауна не одобрит или поправит. Но ошибся.

— Всё верно.

— Ты хорошо помнишь то, что вестаешь? — поинтересовался Арзис.

Мауна поразмышляла, что ответить на такой неуклюжий вопрос. Это ж разделять надо: сколько Вестей я могу вогнать и отвестать; сколько могу принять и разродиться; в разные дни — разные возможности; после Жертвы много поменялось (в лучшую сторону); прочая необходимая логистика Вестающих.

— Сложно сказать. Зависит от того, какая ночь.

— Сейчас какая была? — кушал Арзис, стараниями Тои.

— Проще не бывает. В плане мнемоники. Не в плане всего остального.

— Тяжело наверное, Хозяйка, всё так хорошо помнить-помнить? — поинтересовалась Тоя.

— Нет, это самое простое. Мне всегда просто, другим сложнее.

— Не, хозяйка, хвастаться у меня лучше получается, — решил её поддеть Арзис.

Думал, будет «не говори». Нет:

— Втай те на. Вот ты расскажи что-нибудь, Тоя.

— А что?

— Например, расскажи о себе, опиши жизнь. Называй имена, даты, места, случаи, всё-всё. Начинай с самого начала. Проверим меня. Вдруг я сломалась и уже не годна в Вестающие? Меня ж по голове, это самое... бум... больно было, — Мауна смачно показала это самое «бум», даже слишком.

— Не говорит так Хозяйка!... Хм. Эм. Я, я, я жить начала в Мрамри, но я ни разу там не была...

— Ца, постой, как это: жить начала в Мрамри, но ни разу там не была? — даже возмутился Арзис, плюясь супом.

— Не говори! Дай ей рассказать, она ведь только начала, — обвинила Арзиса Мауна; быстро же получил свою сегодняшнюю порцию «не говори».

— Это, это моя мама, — Тоя приложила руку к груди, с небольшим поклоном, — взяла меня в жизнь, обременилась, в Мрамри, но надо было оттуда убежать, и мама убежала. Там ей было-стало опасно. Её приняла Империя Сунгов, к великой благодарности. Она, по большому счастью, случайность, попала в служение в Семью, на кухни, в Семью блистательной Ваалу-Дайаны. За неё заплели хвосты две мрамри, которые... которые... очень знали моего папу, — Тоя снова приложила руку к груди, с небольшим поклоном. — Всё счастливо, всё случайно. Маму зовут Ири, жена Толорвура; папу — Толорвур. Мама говорила по-сунгски немного, а в Империи научилась много. Она меня учила. Я росла и тоже служила. Госпожа-хаману Нойна там управляла, очень хорошая, очень строгая. Меня учили считать и читать. Читать лучше, а вот писать, то я могу написать своё имя. Мы жили в Ночьтанце, потом в Синегоре, потом возле Сидны. Я даже была в Сидне! Когда мне было десять... или одиннадцать... или *цвальф*... двенадцать... меня царапнула фирраса, — показала Тоя шрам на лапе, небольшой. — Когда мне стало пятнадцать, госпожа Нойна распорядилась, чтобы я шла в мир, в услужение или куда там хочется, мама сразу сделала меня *дхам*, а все остальные из Семьи попрощались со мной, и тут я заболела на носотечь, слегла, и лежала очень долго, и я осталась ещё на год, и тут в обитель превосходной Ваалу-Дайаны прибыла сиятельная Ваалу-Нэль. Госпожа Нойна поговорила с госпожой Каяной, она правила львицами Семьи превосходной Ваалу-Нэль, — Арзис заметил, как Мауна согласно кивнула, — она правила всем, строгая и очень честная, и вот госпожа Нойна отдала меня в услужение в Семью Ваалу-Нэль, но там мне сказали, что я приехала на день, и так было, потому что через два дня я попала в Семью с тетей Селе и тетей Басти, в Семью сиятельной Ваалу-Амаи, а потом сразу — превосходной Ваалу-Мауны, и там была моя первая Вклятва, за что благодарна Ахею до моего конца. Теперь я тут.

Уже слышалось ему это имя. Амая. Что-то знакомое. Ваалу-Амая.

— А что значит «мама сделала тебе *дхам*»? — поинтересовалась Мауна.

— Мама сделала меня *дхам*, простится мне наше слово; это значит, что я уже взрослая и мне можно... самой себе жить... замуж выходить можно, вот главное. У нас, мрамри, юницу должны сделать *дхам*, иначе ты, ты не взрослая львица.

— Значит, ты сейчас дхам?

— А... — Тоя вдруг поглядела на Арзиса, в очень явной растерянности. Неожиданной, и очень явной. — Фус... да. Когда ты вышла замуж, ты уже не дхам.

— А кто?

— Янидзаг. Яни.

— Всё хорошо. Не стесняйся. Мне просто любопытно.

— Да, моя Хозяйка.

Арзис ничего не запомнил, кроме того, что Тоя сейчас дхам и что её поцарапала фирраса (интересно, как это?). И ещё, что где-то там была Ваалу-Амая, а сразу после — Ваалу-Мауна.

— Так ты запомнила что-то, Хозяйка? — подкалывал он её.

Мауна аккуратно ела супчик, и уж Арзис подумал, что она то ли не очень слушала, то ли просто себе стала равнодушна к рассказу служанки (что там особо-то слушать, от такого можно поскучьнуть), то ли действительно сломалась от «бум».

Как любил говорить Бык, хер там плавал.

— Сейчас перескажу, — утёрлась Мауна, и даже платком, ну Ваал мой, ещё бы десерт потребовала. — Дайте попить.

— Тоя, ты сразу поправляй, если чё, — что-то Арзис обуял азарт. Он даже бы ставки сделал, если смог.

— Мать Тои, Ири, забеременела в землях Мрамри, но там стало опасно, и она сбежала в Империю. Она попала в Семью Ваалу-Дайаны, на кухни. За неё замолвили слово некие две мрамрийки, которые хорошо знали её отца, Толорвура. Это была счастливая случайность. Мать изначально владела сунгским на начальном уровне, затем хорошо научилась говорить в Империи. Она и научила Тою говорить по-нашему. Тоя, взрослея, жила в Семье Ваалу-Дайаны и служила в прислуге, как дхари. Нойна была управляющей львицами в Семье Дайаны, хорошая и очень строгая, согласно описанию Тои. В то же время Тою обучали считать и читать, а также писать; Тоина учёба увенчалась некоторым успехом, и она способна написать по-сунгски своё имя. Её владение мрамрийской письменностью из рассказа не установлено. Кстати, меня удивляет, Тоя, что твоя мать ещё в Мрамри немного знала сунгский, — отметила Мауна, не глядя на Тою, и вдруг очень громко икнула.

— Будь здорова, — пожелал Арзис, качая лапой. Впечатлённый, он не показывал, но натурально впечатлился пересказом.

Тоя приставила ладошку ко рту: то ли от неожиданности от Мауны, то ли от пересказа Мауны.

— Что это? — удивлённо молвила Вестающая.

— Ты икнула, Мауна, невероятно, — смертельно серьёзно сказал Арзис.

— У меня такого не бывает. Странно.

— Ца, ты, наверное, и всего остального не делаешь, и вчера в сарайчик шутки ради зашла. Водички ещё попей.

— Не говори. Ты такой хам! Ты просто несносен; это не прямота, это дурновкус. Фу.

— Фу, — довольно подтвердил Арзис.

Мауна ещё попила, заботами Тои.

— Тоя жила, перемещаясь с семьёй Дайаны, в обители Танец Ночи, затем — в обители Шаанут возле Синегоры, затем в обители Сиднамая, это внутри Сидны. Когда Тое было то ли десять, одиннадцать или двенадцать лет, то её царапнула фирраса, оставив шрам на левой лапе. Когда Тое исполнилось пятнадцать, то Нойна распорядилась, чтобы она уходила прочь, и мать её сделала пригодной к взрослой жизни, то есть дхам; из контекста неясно, отправлялась ли Тоя на служение к иной Вестающей, что имеет смысл, либо же отправлялась прочь, из Семьи. Она некстати заболела на носотечь, болезнь оказалась очень долгой, и поэтому осталась ещё на год. Надеюсь, ты не болела целый год. Потом моя наставница, Нэль, приехала к Дайане, вследствие чего Тоя попала для транзита в Семью Нэль. На самом деле, Тоя, тебя в спешке переправляли в семью Амаи. Ты помнишь Ваалу-Амаю?

— Конечно, Хозяйка, — кивнула Тоя.

— И я помню, — странно, но Мауна вместо утвердительного кивка всё отрицала головой. Сказала, что помнит, а головой — отрицает.

— Ну Маун, ты даёшь. С тобой такая банда была бы, просто улёт. Всё и всех бы помнила, — повосхищался Арзис.

Обе львицы замолчали. Арзис лежал, как и был, но лапой болтать перестал. Ну что, на банду теперь обиделась, ну хвост дери.

— Ты попала к Ваалу-Амае, — тяжело добавила Мауна, — вместе с дхаари Селестиной и Бастианой. Кстати, Адальхейда что, не с вами приехала?

— Нет-нет, — сказала Тоя.

— А я думала, с вами.

— Это кто такая? — спросил Арзис.

— Она умерла-умерла, Арзис. Заболела, ещё год назад, — ответила Тоя.

— Затем... — Мауна потянулась, зевнула. — Вследствие известных событий, ты перешла в мою Семью, и я взяла твою Вклятву. Которая, как ты помнишь, прошла необычно, — Мауна потёрла себе мордаху, вздохнула.

— Я всё помню, Хозяй...

— Эй, — перебил Арзис, — уже не раз слышу это имя — Амая. Расскажи, Маун, что там как с ней.

Мауна не ответила; что Арзис смог определить: растерянный взгляд (у Мауны? та даже сразу после нападения выглядела какой угодно, но

не растерянной), безвольное движение, когда отпила из фляги («безвольное» и Мауна — глупее сочетания не выдумать). Но вызвалась Тоя:

— Хозяйка, можно я скажу Арзису?

— Нужно, — согласилась та.

Тоя поёрзала, и как-то не спешила рассказывать.

— Ну, Той? — подбодрил он. — Чего задумались, затейницы?

— Я перевожу в уме, — зажмурилась Тоя, приложив коготь к переносице. — Я сейчас-сейчас.

Мауна поглядела на мрамрийку, чуть нахмурившись.

— Не зря мы жизнь свою огню отдали, ведь другие вместо нас сильной лапой твёрдо встали, и теперь мы смотрим вниз, видя реку вечной доли, и упрёка нету нам, что мы смерти не изгнали, — на мотив, нараспев разразилась Тоя.

Очень внимательные уши Мауны всё выслушали. А затем она показала жест Ашаи, он же старый жест Сунгов: целуешь ладонь (кулак для львов), а затем — вверх; а затем — медленно опусти. Крайнее одобрение, приветствие героизма. Арзис притаился, лишь всё слушал-наблюдал.

Очень кажется, Тоя очень поняла жест.

— На мрамрийском чуть-чуть не так-не так, — замялась она, затёрла себе платье. — На мрамрийском будет «земле» за вместо «огню», потому что мы не сжигаем, а погрёбаем в землю-землю.

— Тем более, — отсекла Мауна. А затем вообще: взяла Тоину руку и подняла вверх, будто представляя победительницу неизвестного сражения.

Арзис решил спросить об Амае как-нибудь потом, а то его львицы странно ведутся, если слышат о ней, словно сухого месмерина нанюхались; а ему сейчас нужны послушные, спокойненькие самки. Но получил вот ещё какое знание от Хозяйки; ох, глаза её совсем в огне, прямо как тогда, когда хотела его *сожрать*:

— Она — лучшая Вестающая всех миров. Безупречная.

— Едем к ней, что ли? — предложил Арзис. — А то непонятно, кому верить.

Тоя вздохнула и зачем-то дотронулась к его грязной лапе, прям к когтям, а затем вообще обняла лапу обоими ладошками.

— Все мы приедем к ней, — пообещала Мауна, такая торжественная и яростная.

Лису́ня на повозке

Арзис утёр грязный нос, сплюнул и поглядел на солнце. Подбросил копьё в руке (то самое, то самое, от убитого кузнеца).

— Как вы там? — обернулся.

— Хорошо, — не пожаловалась Мауна.

— Ещё чуть, и отдыхаем, — определил он.

Слез со сломанного колеса телеги на обочине, и продолжили идти.

Шли по приятной лесной дороге, но лес кончился неожиданно быстро и началось поле. Арзис видел вдали развилку и ещё спасительные леса. И ничего иного, ни домов, ни львинорода. И ястребы в небе.

Он боялся Гвардии, да и вообще всего остального (Арзис боится уймы вещей, потому и такой, какой есть; в первую очередь — живой), раздумывал о том, почему тогда сбежала лошадь кузнеца и как вообще так могло случиться. Тоя несла на спине большой глиняный кувшин (вода), и не роптала; Мауна тащила большую и лёгкую скатку на палке, и тоже не ныла. Арзис обвешал себя всем, что — по чутью — мог бы тащить целый день. Чутьё у него неплохое — в легатные дни он натаскался на себе всякого.

Он несколько раз пытался уточнить путь у встречных, но без толку — ни торговый караван, ни Имперская посыльная служба ничего ему не ответили; у ещё одних Арзис решил ничего не уточнять — слишком уж разбойный вид был у тех трёх львов, и слишком внимательно-глумливо они глядели.

Мауна пришла на помощь:

— Послушай, сходу рычать на незнакомцев «куда на Верин?» — не лучшая затея. Они тебя... — Мауна не договорила. — Позволь мне.

Наездник на фирране обгонял их, грызя солёные куриные ноги и выкидывая кости прочь.

— Сильного дня! — ласково обратилась Мауна, мягкий андарианский акцент. — Добрый Сунг простит мне, туда ли город Верин-на...

— Туда, — равнодушно перебил наездник.

— Никуда не сворачивать?

— Не, — ещё равнодушнее сказал он, покачиваясь.

— Благодарим.

Ещё Арзис развлекался тем, что слушал их болтовню. Да, Мауна и Тоя болтали, причём много. Это было странно. И единственное, о чём они говорили — Семья. Какой есть Атрисса, какова хаману Мэринэ; причём всё говорилось так, словно все живы-здоровы. Мауна, с ремарками Тои, обсуждала в подробностях, кто слёг в форте от (теперь уже очень подозрительной) боли в животе, а кто поехал в тот злосчастный

день с нею. Её память на имена, целые списки имён, уже не просто удивляла, а просто заставляла оборачиваться — не читает ли тайком с какой-то бумажки? Но нет, всё честно: Мауна просто составляла список в голове, а Тоя просто с этим помогала.

Сначала Арзис подумал, что развилка впереди — не проблема. Как бы не так. Развилка есть, и даже знак на ней есть. Но он весь почернел — кто-то его недавно поджёг, чтоб ему.

— Ну дела, — подытожил Арзис, остановившись. Он тронул знак копьём, и он жалко сбросил пепел на ярко-стальной наконечник.

Дорога налево вроде как пошире.

— Тот хвост, на фирране, не говорил куда сворачивать?

— Говорил никуда не сворачивать, — ответила Мауна.

— Ему было плевать, что ответить. Ну, на фирране я и сам такой.

— Ты умеешь ездить на фирранах?

— Та немного.

— Ты ж на лошади не умеешь, — насмехалась Мауна.

Он не обратил внимания на её приставания, и определил:

— Идём налево.

— Хвастун! — махнула Мауна веткой и указала на него; ветку она держала ещё из лесу.

Солнце не прощало, ветер не хотел помогать, потому шли недолго; они, отяжелев, разлеглись под одиноким деревом у края дороги. Дерево давало уют львиному так часто, что трава вокруг вытоптана, а на коре — неровные дорожки когтей, выцарапанное сердце и свежие следы лап в болотце у придорожного ровца.

— Ты смотри, и кто-то решился по такой дороге простолапо пойти, — хмыкнула Мауна, показывая.

— Чего только не бывает, — Арзис с тяжёлыми вздохами потрошил их нехитрое и худое добро, небрежно разбрасывая вещи кругом. — Значит, не мы одни такие, подозрительные, на своих двух. Все остальные, кого мы встречали, были на лошадях, или на фирранах, или на колёсах, — завистливо стукнул по земле.

— Арзис, мы все отдыхаем немного? — аккуратно вмешалась Тоя, привлекая внимание жестами.

— Да, день спадёт, пойдём дальше.

Обняв колени руками, сидела Мауна, расслабившись о поцарапанное дерево с неровным, вырезанным на коре сердцем, прямо у её уха; подбородок повыше, глядит свысока; растянула левую лапу, рука покоится на колене правой; хвост, как всегда, где-то спрятан, как это всегда у андарианок. Арзис валялся, сбросив кнемиды, шевелил когтями лап, и бесконечно жевал настроганное поутру Тоей мясо. А Тоя мгновенно уснула на расстеленном плаще, подложив ладони под мордашу.

— Не выспалась, — усталым жестом показала на свою служанку Мауна, и вернула руку обратно, на колено. — Ты спать не хочешь?

— Не знаю. Сначала пожру, потом увидим.

— Ваал мой, Арзис, да не «пожру», а «поем». Скажи: что ты думаешь об этом? — тут же спросила Мауна, обводя окружающий мир пальцем.

— О чём? — перестал он жевать.

— О всём. О всём, что с нами происходит.

Он посмотрел на всё, что с ними происходит: на неё, на Тою, на себя.

— Я не знаю, Маун. Я не особо думаю о вещах. Я люблю продумать там, одно, второе, третье...

Тему не развил. Лучше о важном:

— Ещё чуть, и будем, где надо. Я тут подумал... — продолжил жевать. — Хозяйка, знаешь, Тайная Служба и Палата вряд ли обрадуются, что ты жива.

— Не желала б оказаться на их месте.

Он хмыкнул, посмеялся.

— Никогда бы не подумал, что встряну в такие дела.

— Жалеешь, что согласился? Тогда?

— Неа, — ответил сразу. — Я бы сдох. Не было бы меня.

— Не будь тебя — то меня тоже. Я была бы не здесь. Я бы спала в Нахейме, целыми днями, если там есть дни.

— Почему именно спала? Как насчёт чего повеселее? — толкнул он её в лапу.

— Та... Встающие мечтают только об одном: просто поспать.

— Все? — поглядел на неё, назад-вверх.

— Все. Рано или поздно, но все.

— Вам хоть можно отдыхать от вестания?

— По традиции: два раза в год — девять дней.

— Скучновато. Ну и работёнка, — отмахнулся он, и дальше глядя в поле.

— Долго нельзя, навык теряешь, — поучала Мауна.

— Так, значит, — жевал он, — давай определим, сколько у нас врагов.

— Думаю, Тайная Служба, — подлезла она к нему, ближе. Теперь вот, она, между ними — спящая Тоя. — Палата точно, по крайней мере, её часть. Эм... я даже не знаю. Кто ещё? Я не знаю, Арзис.

— Кто бы это ни был, им очень не на руку, что ты жива.

— Сёстры позаботятся. Как только я встречу с любой из Встающих — мы в безопасности. Они постараются, они всё уже знают. Все, кто идёт против сестринства, рано или поздно проигрывают, — надменно сказала, вот так.

— Среди ваших могут быть двухвостки, — показал два пальца, ей так показал, выразительно. — Мало ли, может кто связан с Тайной Службой, как эта твоя подружка.

— Какая моя подружка? — очень уж недобро спросила Мауна.

— Ну та, любовника которого мы завалили. Ну, Вестающая.

— Дурак, — тронула ему гриву. — Она не была связана с Тайной Службой. Она просто глупа.

— Что сразу «дурак»?... — не обиделся он, а снова стукнул её, но уже не по лапе, а по животу — бам в пояс.

— Вестающих очень мало, — проследила за тем, как он её лупит-обижает. — Нас сейчас только шестьдесят шесть. Ты не можешь скрыться среди нас: слишком часто мы смотрим другу другу в глаза. Да и второтела.

— Второтела? — нахмурился он, разглядывая кусок строганины.

— Второтело, второе тело. Душа, если хочешь, тебе так будет легче понять. Можешь ещё сказать метанойя; скажешь Вестающей «метанойя» или даже «нойя» — поймёт, что ты служишь нам. Хотя нойя и второе тело чуть разные штуки, — выставила две руки перед собой, смотрела на них. — Штучки... Нет, открытые предательницы у нас... это трудно, Арзис, и не имеет смысла. Слишком часто у нас происходит Беседа, — ухмыльнулась, — сестросвязь, слишком много у нас фетишей, портретов, — ухмыльнулась, — это тесный мирок. Слишком близки сёстры, особо в одном менгире.

— Менгир? Эт что такое?

— Камень, — взяла мелкий камешек и поставила прямо на Арзиса, тот скатился. — Он стоит себе в пустоте между мирами, кругом него мы и собираемся. Но есть и здесь, в мире тёплой крови, настоящий такой. Всякая Вестающая надлежит к менгиру, одному из шести. В моём менгире — девять сестёр.

— Слушай, а что, другие миры, они прям действительно существуют? — задумался он, посмотрел на неё. Чтобы задобриться и выудить ответ, дал и ей поесть.

— Благодарна... Да, много. Но туда Вестающие не ходят, нам некогда. Дел куча.

Хм.

— Слушай. Это ж серьёзная тема. Чего тогда никто об этом не говорит, и в вере ничего об этом нет, Ашаи об этом молчат, в школе об этом ничего? — возмутился он. — Не то что бы я в школу ходил много. Кажется, год. Или два. Хер его знает, не помню...

Мауна поглядела на него. Он и так уже так много всего знает. А знание, оно такое, оно — опасно.

— Ваал, втай эта строганина такая вкусная, кто-то знает толк.

Теперь Арзис поглядел на неё. Ну ясно. Наверное, в школу надо было ходить не год или два, а три года. Да. Хорошо хоть прекрасно читает, пишет и считает — и то слава Ваалу.

Мауна пригладила Тою, поправила ей плащ. Промолчала.

— Давай всё сначала. Чего Тайная Служба ненавидит вас? Тебя? Что за дела?

— Если брать в целом... Это старая вражда, что вдруг переросла в маленькую войну. И они дураки, и мы дуры. Они лезут по службе; а моим сёстрам просто скучно.

— Зачем мы убили того, этого, как его?...

— Какого того? Ты многих убил.

— Да знаешь, как тебя узнал, так пришлось во славу поработать. Того хвоста, льва твоей подружки, как её там, ну, что тоже Вестающая...

— А, того. Каррис ему имя. Он был плохой лев.

Арзис закивал, ага, ну да, ясно. Убиваем плохих львов — привносим доброе, милое.

— Он хотел её попользовать, потом умер. Ему однажды повезло, поверил в себя. Как хустрианская шлюха, что решила принять сразу десять клиентов: «Я верю в себя, уииии! Рrrrrr».

— Бггг, Мауна, осваиваешься, разбойница, круговая, — похвалил Арзис.

— Охотница, — спокойно сказала она.

— Пусть так.

Он подумал о том, была ли когда-либо Мауна на настоящей охоте.

— Что ты о ней думаешь? — вдруг спросила Мауна, показав на Тою.

— Она... — поглядел он на спящую Тою; та спала, открыв рот. Думал, что сказать, залез ещё в мешок за строганиной. Что бы такого сказать?

— Она мне тоже нравится. Она будет моей Встречающей. Для этого её надо сделать Сунгой, — села Мауна над Тоей, как охотница, что придерживает рукой павшую добычу.

Итак, Мауна сидит над Тоей. Между Мауной и Тоей издавна установился протекторат; но так-то здесь он шёл прямо к доминату. Она выжидающе глядела на Арзиса, и ощутил вот что: Ты. Мне. Нравишься. Арзис. Давай. Мы.

«Ой, блять», — испугался он.

— И как это сделать?

— Не составит труда попросить об этом любой Круг Семи. Вестающей не откажут, тем более — мне, — показала на себя большим пальцем, потом когтем — на Тою.

— Круг Семи может делать кого-то Сунгом?

— Да. Кодекс, Родовой Закон. Может.

— Ещё она может выйти замуж, — предложил вот такое.

Мауна перелезла через Тою, села прямо у его лап, расправила свиру. И возьми и поставь ему обе ладони на лапы:

— Такие. Сложности. Ни к чему, — и глядит на него, суггестия.

И начала лезть по нему вверх, приятное давление её ладоней. Это было и забавно, и неприкрыто, немного неуклюже, и ему стало так себе, не по себе. Странная она. Что-то выдавало в ней неопытность, незнание, как подкрасться ко льву; инстинкт говорил ей, как это делается, но нужен ведь праксис; а где Вестающей взять вот такой праксис?

Арзис подумал, что ему сделать с ней. Не связываться, не промахнуться — это само собой. Львицы обожают всё делать сложным, запутывать всё до невозможности — и Мауна именно это и делала.

Он спасён от решения: всё увереннее в их реальность кралось ещё и то, что кто-то едет по дороге, справа. Наконец, Арзис поглядел; его примеру последовала Мауна. И, как ни странно, реальность разбудила и Тою (доселе она её не волновала, а там много всего происходило): зашевелила ушами, поднялась, сонно поглядела на Хозяйку, что почему-то приложила ладонь к Арзисовой груди, пригладила маленькие усы (с которыми никогда ничего не делала и не думала делать), очень чисто взглянула на Арзиса (влажные глаза); Мауна отпрянула от Арзиса и снова поставила руку на её бедро, словно опасаясь, что Тоя — павшая добыча — сбежит; затем юн-дхаари взглянула на дорогу.

Она очень прислушивалась несколько мгновений, внимающие уши.

— Это мрамри, — радостно сообщила. Запросилась: — Я могу спросить у них дорогу, можно-можно?

Ей явно очень хотелось поговорить с ними.

— Давай, Тоюль. Нужно, — разрешил Арзис.

— Хозяйка, позволится мне... — Тоя освободилась от плена руки Хозяйки, легко перепрыгнула через канавку, легколапая, и встала у края дороги.

Она замахала путешественникам рукой, и Арзис не очень долго глядел, кто там едет (стало ясно, что какие-то торговцы: две повозки, четыре лошади), потому что засмотрелся на Тою. Он уже отдохнул и поел, ему вернулась жизнь, погода — сплошное солнце, светлый воздух, синее небо. Засмотрелся, потому что как-то лишь теперь соединились все части простой загадки, нарисовалась вся картина после многих дней: Тоя легка, цветуща и естественно красива; её юность, её приятная обходительность в жестах, словах и походке, её приятность, невозможность представить её в чём-либо дурном: непонятной хандре или беспричинной злобе; её простое платье, чуть даже великоватое, мрамрийский пояс, дхаарские кольца и ничего лишнего; даже эти маленькие полевые цветы на фоне, немного ветра, тёплая истома поля — всё играло вместе с нею.

Она остановила повозки, и это было очень просто, потому что Арзис сам бы остановился для такой львицы: выслушать, насмотреться, помочь чем угодно, без проблем, такой поможешь сам, это очень легко. Такой помогаешь, а потом забираешь себе, выручив из небольшой беды, потому что в большие беды такие аккуратные и скромные, вероверные, осторожные с собою и другими, житейские львицы не попадают. «Мастерица жизни!», так подумал Арзис, но потом вспомнил сразу, что мастерицы жизни это повитухи, что ещё и (вдобавок ко всему) являются Ашаи-Китрах, и он сразу поправил себя: «Мастерица хорошей жизни». Или же «простой» или «приятной» или «вечной», никак не смог определиться.

«Тоюля», — подумал он. И заревновал, глядя, как она весело и удачно ведет разговор с мрамрийцами, а это действительно были дхаары-мрамри, и жестит, показывая то на восток, то на запад; в какой-то момент она показывает на них, на Арзиса и на Мауну (отдельно), и от Арзиса не скрылось, что ему она улыбнулась, а для Мауны — смесь кивка и лёгкого поклона. Он её заревновал ещё больше, вообще ко всему, готовый уничтожить любое посягательство на неё, алчно ждущий малейшую провокацию, и подумалось, что...

— Мы не туда свернули, не туда нам. Нам назад надо, — безмятежно сообщила своим Тоя, даже радостно.

Оказалось, что она легко и просто убедила этих мрамрийцев взять их с собой. Вот в чём штука: свернули они налево, надо было направо, но вся эта компания как раз едет во Верин-на-Влее, и им по пути. Места хватит, денег вроде не надо (Арзис сам предложил, хоть их там кот наплакал); в общем, забросили вещи, забрались в повозку и поехали.

Тоя села подле двух львов-дхааров-мрамри; безусловно, её ограждал от них мешок, на котором она покоила руку; Мауна села рядом с Тоей. Арзису досталось сидеть на мешке, напротив, потому что скамья оказалась наполовину сломана. Расположение оказалось неудачным, определил Арзис: ему не нравилось, что Тоя и Мауна не рядом с ним (справа-слева) или за ним, но лучшего не предполагалось: Мауну на мешок не посадишь; рядом с дхаарами — тоже; Тою на мешок не посадишь — все знают, что самкам «плохо сидеть плохо», да он и сам так не хотел, а то вышло бы — он с Мауной на лавке, а Тоя на каком-то мешке, одинокая.

А вот целую часть скамьи, справа от него, занимала какая-то львица.

И эту львицу тоже с неё не сбросишь, или там с повозки — всё-таки львиц нужно беречь.

Всё началось с того, что Тоя — то ли взволнованная, то ли растерянная, то ли в нетерпении — что-то спросила у Мауны, приватно, на ухо. Молча выслушав, Хозяйка согласилась. И понеслось: Тоя начала бол-

тать без умолку с двумя дхаарами, и дхааркой постарше, что безвылазно сидела в самом начале повозки.

Говорила она на мрамрийском. Нехорошо, подле Сунгов не разрешается говорить на своих языках, это все дхаары знают; с другой стороны, у себя дома они могут говорить при Сунгах на своём языке (если принять во внимание, что никакого «у себя дома» в Империи у них быть не может в истинном смысле, потому что им нельзя владеть недвижимостью, как и львицам, кроме некоторых прайдов, но только не Ашаи-Китрах, те могут владеть чем угодно, и кем угодно, вот как Хозяйка-Мауна), а поскольку дхаары в своей повозке, да ещё и взяли их в попутчики, то... Разговор шёл оживлённый, со смехом; Тоя жестила, как и львы; те чему-то очень удивились однажды, и явно переспрашивали, а Тоя подтверждала, «да-да-да», то бишь «*йан-йан-йан*».

Арзис совершенно тщетно пытался понять, о чём идёт речь. Его языковое бессилие сочеталось с тем, что он пристально наблюдал за двумя молодыми самцами, пытаясь уличить их в любом посягательстве или невежливости к Тое, или — о счастье, повод! — в любом движении к ней, в касании. Арзис решил, что наверняка убьёт их, если подарят повод. Может, и не убьёт, но они это запомнят. Но нет. Эти двое были до тошноты аккуратны. Вполне возможно, они хвостом чувствовали опасное присутствие Арзиса; они категорически избегали смотреть ему в глаза, даже в его сторону; тем не менее, несмотря на это, продолжали с Тоей болтать. Иногда в разговор встревала дхаарка.

У дхааров острижены гривы, как и положено. Много где дхаарским львам разрешается очень короткая грива, короткостриж, особо если дхаары более-менее приличные и хорошей породы, и у них — именно это. На некоторых дхаарах он смотрится непростительно хорошо, придавая лихость. Именно тот случай! Оружия у них тоже нет, как и положено, только палицы.

Арзис подумал, что надо Тое запретить с ними говорить. Потом засомневался, стоит ли так вот всё портить. Потом начал думать, что это всё невероятно глупые мысли, и надо расслабиться и просто ехать.

— Тебе там не плохо-плохо? — позаботилась Тоя.

— Да не. Вроде хорошо, — ответил Арзис.

— А хочешь поесть, попить?

— Всё путём, не волнуйся.

Мауна, как всегда, не выглядела нормальной львицей. Она, наверное, может выглядеть как угодно, но только не обычно. Нет чтобы возиться с какими-то поделками, завести разговор с попутчицей, дремать, туго скрестив руки и поджав лапы; она просто сидела себе спокойно, иногда подолгу глядя на Арзиса, непристойно серьёзная; потом просто закрыла глаза, но явно не спала. Аумлан, огнясное дело.

И вдруг Арзиса, что терзаясь, наблюдал за всем этим миром, вывели из транса мыслей:

— Заберёт лев это, мне в лапу бьёт.

К нему обращалась львица-попутчица, справа, низким голосом. Единственное, что о ней можно сказать, так это что она Сунга (из северных, посевернее) и что она с головой обмоталась длинной хинастрой, как обычно делают старухи.

— Что? Чего тебе?

— Копьё заberi, болтается по полу, раздражает.

— Некуда его поставить. Не мешай, я разговор слушаю.

Она ему сказала что-то на ином языке. Явно вопрос. Вроде мрамрийский — Арзисовы упражнения не пропали даром, и он уже улавливал тон, звуки и слова.

— Что? — переспросил он.

— Как ты разговор слушаешь, если мрамрийского не понимаешь?

— Будто ты понимаешь. Ты вроде на Сунгу похожа.

— Ну и? Всё так, Сунга я, — кратко ответила она.

— И ты как, этот мрамрийский знаешь? — повернулся он к ней.

— Мрамрийский: говорю низкой, высокой формой, приморным говором, фидой. Гельсианский. Кое-что на кафнских диалектах. Северный, но плохое произношение, за свою там не прокачу.

— Ого. Дела. Я знал одного хвоста, который умел по-драагски говорить, и... Но чтобы львица, и столько всего знала...

— Я — переводчица.

Арзиса, видимо, обрёл дурацкий вид.

— Навожу мосты, ремесло такое. Чего уставился?

Арзис таки забрал своё легендарное копьё, и воткнул его высоко за мешок, как флагшток; наконечник заблестел на солнце. Дхаары покосились.

— Ничего. Нормально. Интересно даже.

Он засуетился, ему пришла в голову идея.

— Слушай, а о чём у них беседа?

— Они много всего говорили. Я всё не слушала.

— Ну вот... Ну вот вначале. Что она сказала?

— Она представилась. Тоамлиана, дочь Толорвура. Мать: Ири, жена Толорвура. Когда мрамрийцы представляются, то всегда упоминают мать и отца. Не все, правда, а только...

— Тоамлиана. Дочь Толорвура. Ири... Слушай, ладно, а вот сейчас что они говорят?

— Так, — взмахнула та. — Работаю под залог, пять империалов. Полдня: десятка. Целый: двадцатка. Меньше сегодня брать не буду.

Арзис, не думая, протянул ей десять империалов, такие деньги ещё есть. Мауна, вроде как в аумлане, вроде как закрытые глаза — услышала это, поглядела на него; он не обратил внимания.

— На.

Она склонилась, спрятавшись за его плечом, словно разглядывая поле. Арзис не просил этого, этой скрытности, но сразу оценил.

— Дхаары удивляются. Почтение. Она говорит на высоком мрамрийском, так говорят в домах вождей. Для простых мрамрийцев это слишком выпрэнне, и звучит тут необычно. Она не полностью, но понимает низкие формы, потому им иногда приходится несколько раз повторять.

Ожидание.

— Тоамлиана спрашивает, есть ли у них вода или виносков. Ответ: есть всё. Она говорит, что её жениху и его сестре, возможно, надо будет немного попить, и...

О да, она знала своё дело. Она переводила сразу, без заминки, одновременно.

— Её жениху? Его сестре?

— Угум. Это ты. А юн-хаману рядом с ней — твоя сестра. Так она сказала.

— А... Ну да, да.

— Да, — поддакнула львица.

— Слушай, а что значит... значит, выходит, она — из мрамрийского патрицианского рода?

— У них нет патрициев. Есть вожди, и около них. Верхи. Она из них.

— Точно?

— Точно. У неё говор, который даже урождённые мрамрийцы не могут толком повторить. Показать?

— Давай, — живо кивнул Арзис.

— *Таамлианна, майна-майна: врай силья измильда.*

— *Вриай силья исмильда,* — удивлённо повторила Тоя.

— *Измильда...* Слышишь? Как, уши слышат? Теперь ты. Ну, повтори.

— Измилда.

Переводчица искренне засмеялась, Тоя искренне улыбнулась.

— Хорошо. Спасибо.

— Как скажешь, жених.

Арзис хотел на неё разозлиться, потом усмехнулся, поглядел в сторону и махнул рукой; поглядел на Мауну — та грызла коготь. Подслушивала!

Тем временем у Тои разговор шёл дальше, и дхаары ей начали показывать, что они за товар везут, и даже — кажется — что-то хотели продать.

— Сир хотеть купить? — показали Арзису трубки.

— Не, не, — отмахнулся Арзис.
— Пойдите, это что, маски? — оживилась Мауна.
— Маська, маська, — закивали дхаары, и обратились за помощью к переводчице.
— Да, там и маски есть, — подтвердила переводчица. — Они для праздника мрамрийского, Сунги их очень редко покупают.
— Покажите вот эту. Нет, нет. Вот эту. Дайте мне её! — потребовала Мауна.
— Говорят, она из тех, что подороже, — вставила переводчица.
— Не может быть... — взяла маску Мауна.
Тоя и Арзис переглянулись. Он смешливо хмыкнул.
Это была лиса. Необычная, бело-красная, красные острые уши торчком, остромордая. Мауна надела её и уселась себе, рассматривая всё вокруг словно в первый раз. Её глаза в прорезях виднелись, но скудно, намёком; красные плавные линии краски под ними; и эти уши — высоченные, настороженные, да ещё и чёрные на конце. Нос скрывался, подбородок — нет. Ну полулиса-полульвица, да и только!
Тут-то старая дхаарка совершила целую цепочку преступлений. Первое: она захлопала в ладоши, одобряя вид. Второе: вытащила бронзовое зеркало в ткани, передала своим львам, а те удержали, чтоб Мауна оценила. Прошли мгновения, во время которых повозка качалась, все молчали, а Мауна смотрелась. И смотрелась. И смотрелась. Дхаары было начали убирать зеркало, но она цепко придержала его рукой. И огласила, бережно сняв маску:
— Мы должны купить её. Купи мне её.
Да, вот так просто, взяла и назвала его по имени. Остатки скрытности — под хвост.
— Тоя, скажи им, что мы покупаем.
— Эм... — замешкалась та, глядя на Арзиса.
— Тоя! — приказывала Мауна.
Юная мрамри обратилась к своим сопородичам.
— Эй, серьёзно, с деньгами негусто... — разумно обратился к Мауне Арзис.
— Купи. Купи, купи, — затребовала Мауна.
— Девять десятков импералов, — огласила Тоя.
Не-не-не. Арзис запретил всё это:
— У нас столько нет, слушай, забудь.
— Той, у тебя деньги есть? — теперь Мауна затормошила Тою.
— Нет-нет.
— Продай что-нибудь, — сказала Мауна Арзису, всё так же тормоша Тою.
— У нас ничё нет! — развёл руками он.

— Как это? Что значит нет? Как это может быть — нет денег? Они всегда есть. Грабитель. Меч продай.

Арзис на такую глупость только промолчал.

Мауна надела маску обратно. Спереди огласили, что до Верина всего ничего, ещё льенов пять, да и река Влея, вон, уже справа; все это Арзис и Мауна услышали в немедленном переводе от львицы-мастерицы-переводчицы.

— Дхаарам нельзя торговать оружием, — нашёлся.

— Вот зануда, — сказала она необычным, иным голосом; игривым. Такого тона Арзис от Мауны не слышал никогда. — Ты знаешь: есть дхаары куда лучше многих Сунгов. Правда, Той?

— Гм... — сказала Тоя с виноватой улыбкой, прижав уши, постеснявшись.

— То-то же.

И Мауна-лиса протянула двум дхаарам что-то продолговатое, заматанное в ткань. Движения у неё другие; не более резкие, не более плавные, сложно даже описать — просто другие.

— Есть Сунги, что лучше всех. И смелее всех, и добрее, — Тоя положила обе руки на лапу Мауне. — Которые такие... такие... такие как...

Не договорила, потому что дхаары издали возглас удивления, один из них присвистнул: сирна, полученная от Ваалу-Мауны, взглянула на мир тёплой крови. Мрамрийцы крутили её, так и сяк, трогали гарду, водили когтями по золотой гравировке «С. с. Ваалу-Амая, Ашай Вестания, во Славу и Кровь», стукали по лучшей норрамаркской стали. Старая дхаарка забрала у них, и тоже начала рассматривать.

Арзис наблюдал за всем этим и думал только одно: зачем Мауна соврала ему, что у неё нету сирны? Она ж оставила её в дилижансе!

— Я хочу маску, и даю вам ножик, — просто огласила Мауна-лиса. — Скажи им, — попросила Тою.

— В смысле? — развёл руками Арзис, склонившись вперёд.

Переводчица внимательно наблюдала за вообще всем.

— Не люблю, когда ты серьёзный. Я люблю, когда ты весёлый и кромсаешь всё подряд.

— Она же... она же стоит до-хе-ра, — не понимал он. — И ты же знаешь, что она...

— Говорил, что ничего у нас нет. Обманщик, ты меня обманул.

— Они не смогут столько заплатить, ты что?

— Всё тебе деньги и деньги, фу. Зачем мне ещё, их полно, и будет ещё больше, что мне с ними делать? Мне нужна, — показала на себя, остромордую, — она.

Он только почесал гриву, подёргал себя за косу, которую ему сегодня заплела Тоя. Ах да, вот и она: Тоя торопливо огласила Арзису:

— Они спрашивают разрешения у тебя: одобряешь ли ты?

— Я? Да я... Я... — аж растерялся он.

Растерялся? Не то что бы растерялся. Нет. Его попробуй растеряй. Все эти новые самоочи дурости оказались столь в новинку, что он ещё не придумал, как их исправить или наказать или игнорировать или вразумить или что-то ещё.

— Арзис-Арзис, я буду хорошей, честно-честно, — так обещала Мауна.

Он уже ничего не понимал. Теперь она спрашивает разрешения у него продать свою сирну за маску для представлений перед львятами. Если ничего не понимаешь, что делается с самками, то: будь ироничным, равнодушным, игривым и ленивым.

Чтоб их всех!

— Ты этого очень-очень хочешь? — откинулся он.

— Мне сейчас конец придёт, так очень-очень. У меня аж мокрый нос.

— Тоюсь, ты веришь её «очень-очень»?

— Я очень в неё верю, — серьёзнейше ответила Тоя.

— Валяй. Давайте нам маску за ножик, — сдался Арзис.

— Эта янидз... эта хаману говорит, что денег у них почти нет, — поторопилась сообщить Тоя.

— А и не надо, у нас ведь денег целый тазик, даже тачка, так ведь, Муня-лисуня? — с издевкой сказал Арзис.

— Муня-лисуня? Ты сказал, Муня-лисуня?

Арзис посмотрел в сторону. Вот скажи львице что-то не так, и начнётся.

Дхаары всё ещё советовались, тихо. Они, конечно, знали, что где-то здесь подвох, но не знали где. Вдруг львица-переводчица сказала им что-то очень уверенное, они согласно закивали, да и старая дхаарка согласилась, и они спрятали сирну; тем самым сделка завершилась.

— Вам ведь во Берин надо, правда? — быстро уточнила переводчица, свободно и не стесняясь трогая Арзиса за руку.

— Да, — подтвердил Арзис. — А что?

Она посмотрела на него, смерила взглядом, он на неё; та повела ушами под хинастрой, аж заметно.

— Ничего.

— Я Муня-лисуня, я Муня-лисуня... — нараспев повторяла Вестающая, плевать хотевшая на сирны и сделки.

Освободив хвост из-под платья, лапа за лапу, кончик между лапами, Мауна в маске наслаждалась поездкой, и напевала приятный мотив под нос (без слов), и Арзис отметил, что у неё плавный голос, и, возможно, она даже умеет петь, хоть этого он никогда за нею не наблюдал и никогда не слышал; никто её не прерывал, как не прерывают никого, кто делает всякие хорошие штуки в превосходном состоянии духа, ибо это так невежливо уничтожать чужое удовольствие. Он наблюдал за нею со

странной смесью насмешки и интереса, потому что новый вид ей вполне очень шёл, очень даже. Ему особо нравились острые, высокие, торчащие уши. Полезли в сознание интересные мысли. Это испугало: с Мауной нельзя интересных мыслей. А то промахнёшься.

Тоя наблюдала за Арзисом. Он улавливал её мимолётные, дневные, будничные взгляды, и теперь, и прежде, много раз. В большинстве, эти встречи кончались прятками: Тоя обычно отводила взгляд, притворяясь, что она не смотрела, или же это было случайно, или это была не она; иногда была еле заметная улыбка и стеснение. Теперь же, скрестив лапы внизу, руки держатся за лавку, она не только выдержала встречу взглядов, но и пошла игра, вполне себе игра: Тоя поглядит долу, потом на него, потом снова вниз, потом снова на него, словно приглашая Арзиса: «идём, пошли, веди, вниз-вниз-вниз-вниз...».

Лисуня спрыгнула с повозки

— Уже приехали? Где мы?

Это Мауна уснула, прямо в маске. Сняв её, она глядела на мир теплокрови: река Влея, галька у берега, красивая заводь.

— Приехали, конечно. Видишь: ждут, выстроились. Особенно Палатная Гвардия, гляди, — показал Арзис на три гнилых пенёка.

— В самом деле? — удивлённо, доверчиво и так меланхолично молвила Мауна, рассматривая пенёчки.

Арзис ещё что хотел добавить, но засмеялся:

— Да я тебе уши издеваю. Соня.

— Все мы сони, Ремесло такое, — пожала она плечами, и неловко спрыгнула с повозки. — Ай... — затрясла лапой.

— Та не, Маун, ты — не все, — осматривался на новом месте Арзис.

— Ты тоже, — держалась за повозку, и дальше пытаюсь унять боль в лапе. Прыгать надо лучше, а не абы как.

Львица-переводчица, видимо, в своей жизни уже допрыгалась, и очень осторожно слезала с повозки, а когда пошла, то сильно захромала. Ещё вполне ничего, самый возраст силы, но пользовалась палкой.

— Мы здесь надолго? — выяснял Арзис у неё.

— Чуть погодя поедем, Верин рядом, — спокойно ответила переводчица. — Коням попить, дхаары хотят посидеть. Делайте, что хотите.

— Есть, старшая, — отдал ей легатную честь Арзис, и продолжил умываться в воде. Думал: раздеваться, не? Очень хотелось залезть в реку, но боялся, что-де сейчас же появится Гвардия и тут их порубит на

колбасы. С иной стороны, а что он сделает, если те явятся — хоть голый, хоть одетый?

— Мы очень грязные, на нас скоро будут вши, и мы заболеем, — обвинила Мауна, словно это Арзис бросил их в болото, завалил вшами и насылал болезни.

Арзис картинно показал на воду, обоими руками, как на сокровище и решение.

— Вот, пожалуйста.

— А мы тут не будем, мы стесняемся, — требовала условий Мауна. Маска забавно топорщилась ушами на загривке, она её сдвинула.

Не вопрос. Показал на заводь, вон там, справа. Скрывайтесь и развлекайтесь.

— Идём, Тоя, — тяжело вздохнула Мауна, делая ему чрезвычайное одолжение, невысказанные уступки. Термы ей тут подавай, что ли?

Итак, подойти поближе к ним, тоже направо, поскидывать шмотье с себя, поскладывать в кустах. Арзис проверил, видно ли его с дороги? Вроде не очень. Пояс с мечом (от того юнца-погранца), сумкой (от того юнца-погранца), очень неплохие и лёгкие наплечники, грязный гамбезон (как же в нём жарко), тунику, мешок вот тут кинуть, ещё один (поменьше), наручи, перчатки с пояса, фляга (надо тут воды набрать), туника, кнемиды, нагривник; копьё не стал ложить в кусты, неудобно без него, а положил рядом, у берега, на камнях; больше всего ему нравится повязка на шею, шерстяная такая, толковая, в ней и не жарко и не холодно, можно на уши натянуть, и вообще.

Сел в воду — холодная. Лёг в воду у бережка, на камни — чуть не унесло. Снова сел, растянув лапы, опираясь на ладони. Помыть гриву можно так: засунул голову в воду, и начинаешь её там чесать. Всё.

— Вот бы пивка, — жмурясь, поглядел на высокое солнце.

Да скоро будет. Надо в этом Верине в гостдвор залезть, и там сидеть, делая вылазки в городишко, оценивая что где как; раз обещалось, что будет помощь и всё прочее, значит, пивко тоже будет.

Вылез и сел на тёплые камни, почесал грудь, лениво подтащил к себе ремень. В той сумке от погранца, в ней точно есть кремьень, но и что-то ещё, чего Арзис ещё ни разу не вытаскивал, потому что или некогда или лень. Так... Засаленные бумажки, какие-то циферки, счетоводческие или фискальные, опись. О, графис, так наш погранец был грамотей. Кисет; а говорил, сука, что не курит (но трубки почему-то не оказалось). Хотя Арзису какая разница, он-то уж точно не курит, только может пожевать, за компанию. Соска однажды ему жевалку дал с какой-то хренью, Арзис словил яркий такой приход, было слишком весело, и он зарёкся у хустрианца чё-то брать. Ух ты, ничего себе, маленькие ножницы, и отличные такие, Арзис ими даже коготь подправил. Надо будет львицам показать, они сразу найдут им дело. Денег не оказалось. Бу-

мажки чуть не унёс ветер, и Арзис нехотя приложил их галькой; они задирались, и заметилось, что на них не только циферки есть.

Взял посмотреть. Ничего себе: графисом нарисованы ряды повозок, приграничная башенка, частокол — художник рисовал то, что видел вокруг себя. Что пограниц оказался художником, это Арзис тоже понял: врождённый талант, никак иначе; наверное, его даже кто-то учил. Как он вообще попал в приграничники? Дурак. С иной стороны, Арзис тоже убежал в Легату в шестнадцать — тоже дурак (ещё больший). На другой бумажке увидел бутылку в оплётке, кусок сыра, виноградинки; всё стоит на столе. Ну, красиво, как в жизни, но:

— Жрать, наверное, хотел, — сделал вывод Арзис. — Мяса надо было нарисовать, — он взял графис и абы как дорисовал кусок вяленой свиной ноги. Нет, вот что кому: всё-таки пограниц оказался куда лучше.

Что хотел художник на третьей бумажке — Арзис не понял. Может, он ничего не хотел. Может, и хотел, но не что, а кого. Вот есть стол, а за ним стоят: лев (слева), львица, и ещё львица. Лев с копьём... Стой.

— Это я, что ли? — недоверчиво приглядывался Арзис, даже потрогал себя когтем.

Да, это он. Он глядит в сторону и ухмыляется. Львица посередке с ошейником (Тоя!), она глядит на Арзиса снизу-вверх; ошейник слишком большой, не такой, как в жизни, и колючий (на самом деле шипов на нём не было). А львица справа смотрит прямо на тебя; пограница совершенно точно захватил её взгляд, наверное, ради него всё и рисовалось, его не спутать ни с чем; Арзис прямо слышал, как нарисованная Мауна вот-вот скажет «не говори». Она может в тебя вцепиться, вывернуть как перчатку, она может.

Арзис смотрел так и эдак, даже перевернул бумагу; на обороте — снова таки фискальная проза жизни. Развёл руками, отставив искусство на камни.

— Ну а чё мне было делать?

Покачался на заднице вперёд-назад, бросил камень в речку.

— Не, ну а что мне было делать? Сказать: «Эй, служивый, мы пойдём себе, не это... не обессудь»? Или как? Надо было уебать тебя этим камнем, работа такая. Точнее, кругом. У меня хозяйка есть, понял? Её убить хотят. Вот она, вот! — постучал по нарисованной Мауне.

Отмахнулся, оскалившись:

— Да пошёл ты нахуй.

Порыв ветра, и картина полетела в реку, вместе с остальными бумагами. Арзис попытался всё поймать, даже забежал в речку, голый и резвый, но куда там — только поскользнулся на камнях и ещё больно поддел коготь на лапе.

Мауна и Тоя купались в заводи, убедившись, что вроде как никто ничего не видит; беззаботно поскидывали своё на берегу. Мауна плавала,

Тоя больше по бережку, да ещё набрала воды в кувшин — пригодится; она боялась за него, обмотанного мешковиной. Тоя моется, моется, потом очень так критически себя осмотрит, с очень недовольной мордахой, и дальше моется. Тоя предложила омыть Мауну, всё правильно, хорошее предложение от служанки (дхаарки очень редко прислуживают лично Вестающей, хотя Мауна знает, что например, *амарах* Сидны — не Вестающая, но тоже не абы кто — пользуется только дхаарками в прислужении, за что многие крутят пальцем у виска); и так и было: Мауна стоит, в воде, осматриваясь, руки в бока, иногда вытирая нос, чуть нахмуренная, серьёзная, а Тоя её моет, как хрустальный кувшин; подходящей ткани не было, мыла так, как есть. Тоя не избегала нигде и ничего, но здесь всё сошлось — в Андариин львицы любых страт очень непосредственны друг с дружкой, а Мауна — андарианка, всем известно. Вот что она не оставила, так это маску — на загривке, она даже с ней и плавала.

— Хозяйка, прошуь вопрос: а что это? — дотронулась Тоя к колесу солнца возле хвоста.

— Инсигния. Родознак.

— Это так-такая, как на шее?

— Такая.

— А я её не сотру водой? Можно-можно мыть?

— Можно. Шерсть чернеет от прожига. Это не краска, — утёрла нос Мауна, подставляя ветру, не глядя на мрамрийку.

— Это как, огнём жгут? — забеспокоилась Тоя.

— Нет.

Подумала Мауна. Ладно, отсутствие свидетелей — всё равно весь мир отвернулся.

— Давай, вставай, я тебя тоже помою.

— Фус, благодарна, нет-нет-нет, Хозяйка, я сама-сама, всё хорошо, — ещё больше, очень многословно забеспокоилась Тоя.

— Не говори, — запретила Мауна. — Встань хвостом.

Не только вымылась спина, но ещё и хвост, Мауна ещё им хлётко побила о воду, а потом о ладонь и саму Тою, чтоб с конца сошла вода.

— Повернись.

Когда уделялось внимание загривку и шее, то мешался нашейный шнур; но сзади не увидишь хранимое на нём, но спереди всё открылось — треугольник Ахея и кольцо. Мауна, мокрые ладони, рассматривала его, с Тои стекала вода, да и с Мауны капли падали тоже; мрамрийка молчала, андарианка — тоже; она прочла «Не верю словам», но не вслух, а про себя; Мауна крутила его, круть-круть, и ей подумалось, что будет, если изо всей силы рвануть всё на себя — что тогда будет, всё пойдёт или нет? Она даже постучала по бронзе кольца медью Ахея. Вре-

мя, которое могло извинить заминку («запуталось», «надо снять», «мешает мыть» или «что это такое?»), безнадежно ушло.

— Ты можешь мне что-то сказать, Тоя?

Именно так. Не «скажи мне», или даже полное упущение этой ненужности в общении Вестающей с дхааркой её Семьи; удивительный вопрос: она не просто может, она обязана говорить, и только правду, как иначе.

— Что, Хозяйка?

Превосходный вопрос. «Когда он тебе его дал?». Так Мауна знает — ещё до того дня, до всего. «Чье это кольцо?». Ваал мой, это будет самый глупый вопрос в Империи. «Зачем он тебе его дал?». Ну да. Как всё напрасно, ведь эмпатия уже давным-давно доставила Весть Хозяйке. Насколько давно? А давно.

— Как полагали в Семье: это я убила Ваалу-Амаю?

Мрамрийка, отважная, она не стала избегать её взгляда. Закивала, мелко-мелко: да.

— Все?

Мауна подумала, что Тоя скажет «не знаю». Она уверена в этом, это разумно: откуда Семейным дхааркам-то знать, что говорят во всей Семье, на этажах, а не в подвале? Но: да.

— А ты как думаешь?

Нет.

Что ещё Тоя может сказать? Огнеясно, что она скажет «нет».

Всё напрасно, Амая: никто не увидел символа, не понял, зачем ты примотала свой яд к своей руке; символон вещей, он доступен немногим. Даже если заметили, то всё сочлось за ещё одно изощрение, даже более тонкое, чем требовалось. Ну и хорошо. Тем лучше. Пусть.

Мауна ухмыльнулась, не отпуская кольца.

— Знамо: втай так говоришь, потому что боишься. И верно: это я всему виной, всё — из-за меня.

— Нет, — сказала Тоя, и обняла Мауну; да, в точь как тогда, когда первый раз встретились, когда шли признания и рассыпались стрелы по ступеням; лишь тогда безвольно стояла дхаарка, а теперь — она. — Я всё знала ещё в первый раз, там, Хозяйка, когда Хозяйка стреляла-стреляла, я носила, я всё узнала тогда.

Мауна снова отстранилась первой, волящая; в объятиях тает твоя воля, и снегов гор севера у Мауны больше, чем льда погребца у Тои. Натянула маску.

— Идём к Арзису.

— Идём-идём. Куда нам ещё идти, как не к нему, Хозяйка. Правда?

Мауна не ответила.

Арзис бездумно тёр нагривник туникой, сидя на гамбезоне; он решил, что ни за что его не оденет, жаркий, падла. Одну кнемиду уже за-

тянул, но вторую лень, так и сидел; конец копы уже блестел, прекрасные наконцы у этого кузнеца, вот же мастер был, вон даже его клеймо; и длина древка — идеальна. Он не знал, что львица в маске лисы сказала львице-дхаарке «Подкрадёмся к нему», и львицы успешно подкрались, ветер помог их замыслу. Вздогнул, прикосновение — внезапное, и ладони чуть зарылись ему гриву, немножко по шее; он сразу признал, кто это. Ладони исчезли. Ещё посидев, подождав, отбросил нагривник (небрежный, Арзис любит всё раскидывать с дребезгом), обернулся.

— Неосторожный. Угадай, кто? — спросила лиса.

Арзис не знал, что у Мауны сегодня день глупых вопросов (и уж точно поступков); но знал всё остальное. Он сразу вот что: показал копьём (тыльником) на Мауну, но смотрел на Тою.

— С чего так решил? — ещё спросила лиса (игриво, или кажется?).

Теперь всё не сразу, теперь — помедлил. Весёлые клыки у лисы. Серьёзная Тоя; по-моему, даже слишком; интересно, что она ни на кого не смотрит, а в сторону и вниз.

— Тоя, она бы... — не договорил.

Дхаары и повозки, они далеко, шагов аж двести, не меньше. Арзис вообще не против, чтобы они уехали без них, и даже радовался, что его никто из них не беспокоил; его немного удивляло, чего они так долго тут торчат. Но тут он начинал догадываться — прискакали три фиррана, три наездника на их, прямо местный шик, дорогое удовольствие; у одного фиррана разрисована морда. Дхаары ничего не говорили об этой теме, об этой встрече, переводчица — тоже. Ясно, что это — местные деловые, берут с дхааров таксу; ну где это дхаарские торгаши будут просто так себе разъезжать? Но всё равно неожиданность. Снова неясности, будто их мало. Деловые беседовали с переводчицей, та стояла в сторонке от дхааров и пару раз показала на них, на Хозяйку и её Семью (что от неё осталось).

Вторая кнемида застегнулась, да и всё остальное напялилось без промедлений.

— Так, красивые, идём ещё покупаемся, — сказал, и тут же отказался от идеи: трое на фирранах направились к ним; точнее, два спешили, а третий поехал верхом. Переводчица осталась вдали, не стала сходить на каменный бережок, но и не уходила.

Посмотрел на позиции, кто где что: Тоя три шага от него, стоит к ним бочком, всё ещё мокрый подол платья, царапает коготь о коготь (и даже слышно: царап-царап, царап), тоже наблюдает за этими новыми львами; ощутила его взгляд, с готовностью посмотрела, мол, я не знаю, что делать, но всё что скажешь, Арзис. Мауна: в своей маске, лапы вширь, снова где-то выискала какой-то прут и держит перед собой в вытянутых руках, неправдоподобно ровная позитурка. Ну право, глядит за лосадьями на заднем дворе своей обители.

— Маун, слушай, встань как львица.

— Извини? — посмотрела на него.

— Встань, как хаману из андарианского посёлка, — отдельно, медленно сказал ей, — и маску сними. — И быстрее добавил: — Мать твою, просто встань как Тоя. И не стой, как Ашаи.

Мауна послушалась наполовину: ветка бросилась на землю, маска не снялась, обняла-закрыла себя руками, будто замёрзла — честная попытка изобразить просто себе львицу.

— Не говорите ничего, говорю я.

Арзис всунул копьё в правую подмышку, направив острие назад — знак мирных намерений. Двое вдалеке слезли с фирранов, привязали их, не спеша пошли; третий подъехал так, верхом. Тоя в чрезвычайном ужасе от вида фиррана, да ещё с размалёванной мордой; Мауне хоть бы что, ломает свои комедии.

— Что, как чё? — спросил Арзиса.

— Всё как надо, старшой.

— Э... А ты скажи: как надо?

— Чтоб всем ровно было.

Хорошо.

— Ровно не выходит, бродяга, — придержав фиррана, старшой подкинул сирну Мауны (Амаи) в ножнах. — Скажи, где ты нас хочешь наебать.

— Вас? — изумился Арзис. Расслабленный жест: — Не-не-не, о вас не знал. Дхааров. Это — туфта, мы это обменяли на всякий хлам, — показал на сирну.

— Знаешь, о нас лучше знать.

— Дхаары не сказали, их дело, — спокойно пожал плечами Арзис.

Хорошо.

— Не местные, — утвердил лев.

— Не, — подтвердил Арзис, поглядел на Мауну, но та ничего не делает, дальше себя обнимает, только эта маска лисы, ну это просто какая-то полная непонятность; поглядел на Тою — та испугана и тревожна, подморгнул ей («всё будет хорошо, как всегда»). Наверное, то же самое о лисе думал и старшой, поглядывал на Мауну, но не придавал значения — лёгкий на характер, не брал дурное в голову. Фирран попринюхивался к ним, но большого интереса не проявлял, и Арзис определил, что он — молодой.

— Псорылы говорят: не только хлам, они ещё колёс отвесили за эту туфту.

Ложь. Денег дхаары не давали.

— Пиздят. Их дело. Раз брали колёса, то пусть отдают куда надо, — без проблем парировал Арзис, показывая сначала на повозки, затем на старшого.

— Э... Пиздят. Они это любят. Да, пёсорылая? — сказал Тое.

Тоя, конечно, ничего не ответила. Деловой постоял ещё, поразглядывал их; заодно подошли те, двое, встали по сторонам. Ещё раз посмотрел на сирну, обнажил. Он явно понял, что сирна если и туфта, то очень качественная туфта. Если эти три дурошлёпа обменяли такое на маску, то тем лучше: больше дураков — лучше делу.

— Ладно, удачи на дорогах, — распорядился. — Вы остаётесь тут, дхаары катятся.

— Нет проблем, старшой, — мгновенно согласился со всем Арзис.

— Люблю, когда все всё понимают, — ухмыльнулся старшой.

— Я тоже. Конечно, нам надо остаться. Вода. Я люблю воду. Все мы любим воду... Она и успокаивает, и уносит метанойю. И так для тебя лучше.

Это всё сказала Мауна. Арзис медленно перевёл взгляд на неё, лису.

— Да?

— А как иначе. Не по нраву мне всё это: все умирают, нет конца смертям. Так что лучше тебе пожить.

— Да? — не впечатлился тот.

— Да. Чтобы жить, сирну отдай, она не твоя, я дхаарам её продала. Делаешь мне заботы. Нам лучше порознь, иди, а то он тебя убьёт, — требовательно протянула руку за сирной.

— Вот дела. Кто сказал?

— Я. Ты что, не слышишь? Он, — открыто показала на Арзиса, — убил тайника копьём в живот, перевернув перед ним стол. Он убил гельсианского выгривка, который справлялся под деревом. Он убил гельсианского львину с грустными глазами, и копьё выбило ему зуб, вот так. Он убил приграничника в Тенескале, просто камнем. Он ограбил и убил супружескую пару, чтобы забрать кусок мяса, пару ножей и кувшин для воды. Он — прирождённый убийца, он — моё живое оружие.

«Пиздец», — подумал Арзис.

Старшой оценивал всю эту эскападу. Второй почесал нос. Третий не стал чесать ничего, а сделал несколько шагов в сторону, оказавшись левее. Ужасно, потому что там — Тоя.

— Слушай, твоя подхвостка совсем ёбнутая, — даже вполне серьёзно, с таким состраданием сказал старшой Арзису.

— И за подхвостку он тоже убьёт — он меня любит. Но полно, я так не хочу смертей. Они вразрознь с моим *гегемониконом* и Самой Яркой Звездой, — снова властно протянула руку за сирной.

Второй засмеялся, третий не смеялся, а ожидал, что там сделает старшой. Тот смотрел на Арзиса, который никак не двигался, не менял положения копья и нёс настолько страдальческое выражение, что старшой лишь повёл фиррана назад (тот, молодой, не понял хозяина, и развернулся боком), плюнул и неспешно, шагом, уехал. Второй без особой

мысли тоже утонул на своих двоих, третий пятился некоторое время, и вроде... вроде всё.

Арзис смотрел вослед отступающей опасности. По нему прошла тёплая, нервная волна, ушла в лапы, шерсть на загривке перестала колотиться. Он неистово потёр морду, нос, плотно закрыв глаза. Тоя не дышала. Он медленно поглядел на Мауну.

— Слушай, ты хочешь до этого Верина добраться целой, или по кускам? Слушай, если мы из-за тебя умрём, я сам тебя убью.

— Лучше никак, чем подхвосткой. Или, — Мауна поглядела на Тою, — пёсорылой.

— Я не обиделась, это ничего, Хозяйка, ничего-ничего, мне всё равно... — заумоляла Тоя.

— Я, — показала на неё снова поднятым прутом, — приказываю тебе обидеться. Ты должна. Обижайся, Тоя, — поглядела на опасность, что снова приближалась, даровав лишь такую крохотную передышку, — и поскорее. Времени нет.

Опасность возвращалась назад; всё то же — один фирран, три льва.

— Так, это, я не понял. Ты уже одуплился, чем платить за эту сучку? Или тебя размять, а их выебать? — сказал старшой, подумав по дороге и разозлившись по дороге.

— Дорого обойдётся, — снова засмеялся второй.

— Убей его!

У Сунгов есть много всяких легенд-сказок о том, как Ашаи-Китрах помогают воинам придти в ярость и амок, а самое главное — полное бесстрашие, сколько хочешь, хоть тачками вози, как то самое золото за ту самую Вестающую, такое льятам можно рассказывать на ночь или там в дороге. Может, когда-то так и было: какая-нибудь, страшно разрисованная, где-то впереди, на коне или — ещё лучше — на фирране. Но Арзис знал и по себе, и по другим, что всё не так и всё ложь: Ашаи в Легате сидят или фортах, или в лагерном лазарете, или при самом главном хвосте в лагере, жгут там чашки или варят в тяжелых чанах всякое (полезное и не очень; а если праздник, то весёлое, тогда мы их любим), с обозами катаются, корчат из себя, или вообще ничего не делают; а большинство своего Восточного прошлого Арзис просидел в маленьком фортике на сто голов, и никаких Ашаи там не было, а был караул, игра во флис или в палки, и всякий безнадежный быт.

Такие дела. «Кругом чепуха и враньё», — отрешённо думал Арзис, скидывая копьё себе в руку с мирного положения, разворачивая его (куча времени, между прочим). Только победы и самоотверженность подавай им, сделай им и то и другое, ну потому что вот так. Мол, так надо. Бесстрастно отметил, что старшой тоже с копьём, правша, а Арзис у него с левой стороны, вот те на, а копьё у старшого куценкое, ростовое, потому что с длинным и неудобно, и уметь надо верхом. У стар-

шого, наверное, болят плечи или он просто не привычен, и ему следовало провести своё оружие над ушами фиррана, а он с перепугу-неопытности взял и вмазал своему же фиррану по морде, и с копьём ему так не заладилось — всё застряло. Ему бы вообще лучше всего поддеть фиррану по бокам, тот бы прыгнул вперёд, и делов, можно разбирать этих дураков.

Дурак-Арзис вогнал ему в бедро, или куда-то туда, в то самое, ну где открыто было. Не разберёшь.

Ну ладно, чуть повезло, спокойно отметил Арзис, с кем не бывает. По идее, фирран, обозлившись на столь наглую и бесстыдную атаку, должен броситься на него-на неё-на всех; но, наверное, как всегда, внешний шик подвёл, и обнажились такие вещи: фирран молод; фирран не обучен толком; фирран получил острой палкой по морде от хозяина, а потом этот самый хозяин начал валиться с седла налево, потому что больно очень. Это всё Арзис отметил, буднично. Старшому, что тяжело свалился (интересно почему, мог бы и усидеть, подумал Арзис) можно добавить, вот Арзис и добавил. Правда, недолго, лишь один выпад, ибо фирран крутанулся на месте, пытаясь сбросить уже волочащегося хозяина (застряла в стремени-то лапа), а потом — удачно сбросив обузу — убежал себе, откуда пришёл. По дороге — вот дела — сбил с лап второго, который честно хотел помочь старшому, и так увлёкся, что не успел отскочить в сторону. Арзис, между прочим, отметил, что Мауна что-то там бросилась к старшому (ну пускай, пусть повеселится, а то всё серьёзничает). Копьё длиннее меча, а особо если ты валяешься на земле с этим самым мечом, и Арзис успел раза эдак четыре попрытывать второму лапы, очень осторожно, вообще собой не рискуя; раз тот уже распластался на камнях, ну так вот, прошу. Второй, после такого, подняться не мог и отползал; сидел вот на хвосте и отползал, одна лапа ещё ничего, а вторую надо волочить. Он ещё опасный и держит перед собой меч; копий не носит, а вот лук у него был. Почему был? Потому что отбросил его в сторону, сняв со спины, а колчан ему рассыпался по камням, стрелы валялись во все стороны мира.

Ну и снова ладно. А что третий, любопытствовал Арзис. А, третий, он решил погоняться за Тоей. Вообще, львиц интересно догонять и ловить, Арзисом это проверено ещё во льячестве, одно из самых приятных занятий; он, в этом своём льячестве, заметил вот что: предложи льяёне сыграть в догонялки, под любым предлогом; гоняйся за ней, потом ловишь, и — тонкий момент — у тебя будет несколько мгновений, чтобы делать с ней что хочешь, вся твоя. Будут сопротивления, возмущения, смех и даже когти по морде (было, было), но это всё чуть-чуть потом, с обязательной задержкой. Лови момент, ну и лови львиц. То же самое, наверное, знал и этот третий, потому что гонялся за Тоей, но безуспешно — Тоя действительно очень-очень хотела от него убежать, в

отличие от львён льячества и юности. Арзис, как и Мауна, упустил некоторое важные исходные начала погони: Тоя кинула в третьего камнем, никакого вреда, просто в грудь в кожнике попала; она кинула в него мешком ещё; Тоя побежала от них всех, а не к Арзису или там к Хозяйке.

Что Мауна, поинтересовался он. Мауна таки львица действия, известное дело, и уже вовсю кромсала шею старшого, не боясь, усевшись прямо на нём; львицы, если бьют ножом (а здесь не просто нож, здесь сирна Ваалу-Амаи, что выпала старшому из руки), то не щадят, просто кромсают, они очень жестоки, если решились.

Тоя, сделав большой такой круг вместе со своим преследователем, возвратилась в Арзису, и ей чуть не подрубил лапы тот, второй, мимо которого она опрометчиво решила пробежаться; он попытался! Третий нагонял, но пылу ему поубавилось, и остановился, ибо ситуация рисовалась не очень.

Мауна оставила экзекуцию старшого, и, руки в крови, по-хозяйски подобрала лук. Снова сдвинула себе маску-лису на загривок (только теперь), обнажила свою мордашу львицы, а вот сирну себе убрала на пояс. Взяла ещё себе стрелу, вторую, третью, зажав их меж пальцев. Лук оказался что надо, между прочим, длинный и толковый, ростом в саму Мауну, тисовый, даже с кожаной рукояточкой. Второй, наверное, для антуража его возил, либо решил сегодня пострелять по яблокам — с фиррана из такого стрелять не то, не очень выйдет. Без особых предисловий встала ровненько и выстрелила в третьего, который не знал: тащить за собой второго? сражаться с Арзисом? убежать? уладить дело разговором? Попала! Стрела застряла ему в кожанке. Ну, не беда, ещё раз, бац, снова попала в кожанку.

Третий решил не испытывать судьбу в третий раз. Лучницу не возмёшь, рехнувшуюся суко-львицу-лису, у неё есть пехота в виде Арзиса, который не делает ничего, только ощетинился палкой со сталью на конце; а добыча, Тоя, за которой он так опрометчиво гонялся (и зачем?), скрылась за их хвостами и превратилась в тыл. Он просто начал убежать, разумное решение, и Мауна пустила ему стрелу вдогонку, но — увы — не попала.

Ну, не беда. Мауна насобирала себе ещё стрел с рассыпавшегося колчана, а потом и вообще взяла себе весь колчан и без всякой спешки сложила стрелы ровненько в него, и закинула за спину. Арзис, чтоб время не терять, ещё попытался второму лапы попротыкать, попробовать его так и смяк, пригибаясь низко к земле и делая выпады, но тот неожиданно резво отбивал всё кнемидой. Нет, ну не совсем неудачно, пару раз тыкнул в мягкое, тот ругался и ругался.

Арзис только теперь заметил, что он, второй, что-то говорит, может даже просится. И вообще, наверное, были всякие слова, но он ничего не

слышал; угасающее эхо ещё жило в ушах (без которого нет пространства и нету любви) — убей его, убей его, убей его. Он вдруг вспомнил, что, вообще-то, должно быть яростно и страшно, или просто страшно; а до этого как-то забыл.

Пока он всё там себе вспоминал и развеивал эхо Хозяйки в сознании, Мауна шпиговала стрелами второго, простенькую цель, распластанную по речным камням — методично, без всяких лишних. Тот, живее всех живых, даже и не думал умирать, и обломал пару из них. Уже четвёртая, пятая. Она не подходила к нему, а просто прохаживалось кругом. Шестая изменила многое, потому что попала в челюсть, и он — доселе ещё ничего — перестал сопротивляться. Живой ещё, но уже всё.

Сделав дело, Мауна вдруг побежала к дороге, резвой трусцой, с луком.

— Куда-куда, Хозяйка? — голос Тои совсем вернул Арзиса.

Все нужные и ненужные переживания, ярости, злобы и страхи враг свалились на Арзиса; они возмущённо ждали, загнанные в угол. Он так и побежал за Мауной, тяжело, и задыхаясь от всего нахлынувшего из этого угла. И Тоя, безусловно, побежала за ним.

Вон оно что. Дхаары, издавелека увидев все дела, естественно, укатили прочь настоль быстро, сколь могли. Но они кое-кого оставили — львицу-переводчицу. То ли потому, что у них есть какие-то свои счёты и разногласия; то ли потому, что та — хромая, и просто не успела вскочить; непонятно.

— Стой! — требовала от неё Мауна.

Львица пыталась куда-то уйти, но безнадежно. Остановилась, развернулась. Что увидела: львица, ну та самая, что вроде как спокойная-полоумная, и распевать любит, с маской на загривке, ей прижались уши от маски, ладони у неё в крови, лук и стрела в другой руке, просто ужас, пугать детей и не только их.

— Ты рассказала им о сирне? — показала на неё стрелой; переводчица отметила этот жест — такой властный, будто та каждый день показывает стрелами на такую мелюзгу, как она, Мирьянфа, или просто Мирь для своих, или же — как прозвали местные круговые — Лизка (потому что «лизать», потому что «язык», потому что переводчица, а им с этого всё смешно, хоть им же ведь польза).

— Кому? О чём? — попробовать поломать глупыху, что ли.

— Это ты, — кивнула львица, уложив стрелу на тетиву. — Приговариваю тебя.

Дело дрянь: такая может приговорить только к одному. И не убежишь ведь.

— За что?

Вопрос львицу явно озадачил, она думала над причиной.

— Дхаары честно обменялись, а ты нечестно доложила, — так решила.

Какая ж несправедливость.

— Я с ними работаю, — показала на них, которые, если ещё живые, то ненадолго. — Здесь многие с ними работают. И все... и все дхаарские торговцы. Сложно представить, что теперь будет...

Это точно. Эта, вот эти, они расправились с так-то серьёзными гривами. Попробуй теперь объяснись, выпутайся, о, к ней будут вопросы, если эта безумица не нашьпигует стрелами, а их ещё осталось три.

— Дхаары не могут торговать оружием, — добавила Мирь очевидное. — Они всё равно бы к ним пришли.

— Хозяенька, не надо, — мрамрийка, добрая, юная, заобмнимала безумицу, повисла той на шее, прямо закрыла собой Мирь.

— Вставай на колени. Умоляй прощения у Вестающей, Сунга, — сказала львица-лиса, еле устояв от мирной атаки мрамрийки.

Ну что тут скажешь.

— Я не могу, лапа не даст, — честно ответила Мирь.

Прибежал их главный. Хорош, в крови не вымазан, но выглядит похуже безумной. Этот разговоры разводите не станете, сейчас прийдёт и не почешется. Но, кажется, прибить он решил для начала не её: мрамрийка отпихнулась, а лиса взялась за ворот и затряслась:

— Ты довыёбываешься, Мауна!

Он потряс её ещё, хорошо так.

— Я — говорю! Ты — молчишь! Я — говорю! Тоя — молчит. Вот она, она, — показал на мрамрийку, — она понимает такие простые вещи. А ты, вроде сестра понимания — ни-ху-я.

Львица с луком не сопротивлялась, а показала на мрамрийку стрелой:

— Познакомься: пёсорылая, — а теперь показала на себя: — Будем знакомы: ёбнутая подхвостка.

— Знаешь, почему ты такая дурная? — стучал ей пальцем по груди.

— Скажи, — спокойно спросила лиса.

— Потому что ни разу не получала по морде! За тебя всегда получал кто-то другой!

— Так дай мне.

Лев замахнулся.

«Вот и врежь ей», — злорадно подумала Мирь, сжав кулаки. — «Вмажь».

Мрамрийка вроде как не выпускала из виду наказание лисы, но не вмешивалась; кажется, ей плохо, она согнулась, ладони на бёдрах. *Всё будет хорошо, всё будет хорошо, всё будет...*, — сказала так разок, на родном языке.

К большому сожалению, не вмазал. Взял её за морду и начал водить, мучить, но уже ясно, что не вмажет и даже не задушит. Безумная не сопротивлялась вообще, ей повисли руки, лук безвольно болтался и стрела вот-вот выпадет из ладони, и Мирь, львица, всё поняла. Мрамрийка, тоже львица, наблюдала за этой игрой, очень серьёзная, и — кажись, устремлённая, устремлённый взгляд; Мирь заметила, как под платьем у неё метнулся хвост. И, как раз когда он схватил лису за настоящие уши (уши львицы), в этот точный момент она и вмешалась, и повисла на льве:

— Арзис! Перестань! Не делай ничего Хозяйке! Нельзя! Пожалуйста Арзис, перестаньте все, прошу-прошу...

Мирь ухмыльнулась. Молодая-рисковая, так-то за такое тебя кой-кто расстреляет, дорогуша, не меня; а если б лапы получше, так можно было бы и исчезнуть — о ней-то, бедной переводчице, тут все уж забыли, со всеми этими страстями. Но увы.

— Будешь слушаться? — спросил лев, потряхнув лису за уши львицы.

— Да. Что ты хочешь? — спросила лиса.

— Вот для начала, — Арзис показал на переводчицу, — используй эту львицу, чтобы к Верину добраться без проблем, а не делай ей ещё дырок. Сдаётся мне, она понимает, что тут как.

— Как скажешь, Арзис. Что ещё ты хочешь?

— Мне и этого хватит.

«Как он их под лапу подобрал», — даже зауважала Мирь.

— А вдруг она нас сдаст и предаст? — освобождённая львица посмотрела на переводчицу.

— Ну вкляни её, тогда не предаст, — развёл тот руками; шутил, наверно.

«Чего это меня проклинать?», — подумала Мирь.

— Хорошо, — согласилась львица, послушная, как и обещано, и подошла. — Пожалуйста, снимите накидку.

— Не хочу, — заупрямилась Мирьянфа, но это не просто так.

Лев не стал ходить вокруг да около, сам подошёл, сам снял, а затем встал ко всем хвостом, скрестив руки да ещё плюнул. Не заметил, но Тоя с Мауной увидели: у той вместо ушей — половинчатые обрубки.

— Я — Вестающая, Ваалу-Мауна. Знаешь, кто такие Вестающие?

— Да, — недоверчиво ответила Мирь.

— Ты можешь принести мне Вклятву преданности, пока кровь твоя не остынет. Принесёшь — станешь служить, будешь в моей Семье.

— А выбор у меня есть?

— Есть. Если не хочешь — можешь идти. Предполагаю, что из-за этого недоразумения, — Вестающая так всё и назвала, «это недоразумение», — у тебя будут неприятности.

— Скорее, ковылять. И неприятности будут.

— Будешь мне служить — неприятности не страшны.

Да уж.

— Значит, ты — Вестающая? — оперлась на палку получше Мирь, ибо лапа уже ныла от стояния.

— Да.

— Что-то я не уверена. Сомнительные обстоятельства, смею заметить.

— Она — Вестающая, госпожа, пусть госпожа верит, — уверяла Тоя.

— Ну ты посмотри на неё, — не оборачиваясь, сказал Арзис. Сложно сказать, что имел в виду.

Но Мирьянфа последовала совету, и разглядела Мауну. Всё понятно. Особенно на окровавленные ладони, которыми та уже измазала лук. О да.

— Мне кажется, ты не очень рассудительна для Вестающей, — рассудительно отметила Мирь. Добавила на мрамрийском: — *Не завидую, Таамлианна: угораздило с двумя безумцами ходить. Кто они?*

— Хозяйка очень хорошая, госпожа, — нахваливала Хозяйку Тоя, как товар; ремарку о безумии пропустила меж ушей.

— Не верю, — подытожила Мирь.

— Хозяйка у нас что надо, — не оборачивался Арзис. — У неё бывает такое, ну, не с той лапы встала, вспылить может, распереживается. И случаются недоразумения.

Мауна не говорила ничего, даже инсигнии не показывала с кольцом.

— Пусть Мауна покажет сирну, — надумала себе Мирь. Вон же она, у лисы на поясе.

Удивительно, но Мауна не обиделась и снова не възярилась, а показала. Та внимательно осмотрела.

— На ней написано «Ваалу-Амая». А Вестающую зовут Ваалу-Мауна? Слушайте, я себе пойду, если не убьёте. Простите, ради Ваала, если что не так, я не хотела вам чего плохого, и вообще всем.

— Да какая те разница? Если ненастоящая Вестающая, то Вклятва будет нерабочая, и скроешься в своём Верине. А так хоть до него потихому доведи. Этот третий, падла, он сбежал, может дружков привести. Тебе достанется, — тыкнул ей когтем чуть не в нос, — и нам новые неприятности.

Ну, хоть так.

— Ну идёмте, по Влее полями вас поведу.

— Мы тебя на фиррана посадим, если я его зацыкаю, — пообещал Арзис.

— Сначала Вклятва. Если нет — иди себе, — приказала Мауна.

— Ну уж нет, компанию наведёт. Только с нами, — не согласился Арзис.

— Не говори, — Мауна уже переставала слушаться, хватило её на чуть-чуть. — Или так, или иди прочь.

Подумав, Мирь сказала:

— Хорошо. Что делать-то?

— Тебя как зовут? — спросила Мауна.

— Мирьянфа. Мирь.

Не без трудностей, многих выяснений, некоторый объяснений и пары дурных шуток от Арзиса, Мирь вклялась Мауне, думая об одном: дойти (или доехать на фирране) до Верина, и там в нём исчезнуть, это ж её родное место.

И снова убей его, и кое-что ещё

Всё честно и без приключений: Мирь вечером медленно довела их до знаменитого и хорошего веринского гостдвора «Три сестры»; фиррана Арзис не смог переманить-приручить, и быстро бросил эту идею. Поскольку она, местная, не собиралась в нём спать, то Хозяйка приказала так:

— Знаешь тех дхааров? Найди их. Отдай им сирну, они её честно купили, и завтра приходи, — и дала ей церемониальное оружие Ашаи-Китрах, элемент декора, священный кинжал, защитницу львиц Ваала.

Так дешево отделавшись, втайне радуясь, и крайне опасаясь за неясное будущее (местные круговые! смерть Цирза!), Мирь исчезла в Верине; а Мауна с её маленькой Семьёй завалились спать в комнате «на четыре-шесть голов», как всё описала хозяйка гостдвора — Арзис не пожалел самых последних денег. Прикинулись... да никем не прикинулись, никто не спрашивал, имён не называли, даже Мауна велась хорошо (смертельно уставшая, это видно, что-то её совсем развезло), и делов.

Арзис встал очень поутру, раньше всех, уселся снаружи и разглядывал местную жизнь, ему дали мясокаши и он её ел деревянной ложкой из деревянной тарелки, усевшись на перевёрнутом ведре возле колодца. Ел очень медленно, с остановками, ничегонеделанием, неясным мечтанием. Без копыя чувствовался так себе (оставил в комнате, на стойке — действительно добрый гостдвор), но Верин — городок приличный, тут с мечом надо ходить (можно с саблей, можно с палкой, можно и так), а он и так весь пожеванный. Только начал думать о насущном, как пришла пигалица-листигийка, из служанок гостдвора, и начала возиться возле колодца. Она приятно пахла, и вообще добавила всему уюта. Что-

то ей Арзис мгновенно понравился, несмотря на пожёванность (или благодаря?), и начала придуриваться, что крышка колодца такая тяжёлая, ну такая тяжёлая:

— Ла, сир поможет открыть? — с наскока заигрывала она.

Арзис оценивающе поглядел на неё — нет, не рабочая (рабочая, она же шлюха, она же подхвостка, она же подруга); дурная из себя, но Арзис знает, что страшные львицы не балованы и надёжны, часто имеют вкусный характер и вполне себе темперамент, самку вусмерть портит много внимания. Небрежно открыл. Та крутит ручку и устала.

— А сир мне закроет?

— Слушай, маасси, я женюсь, — к его чести, закрыл, и съел ещё каши, ковыряясь в тарелке. Чтоб отстала.

— Мда? И когда же? — разозлилась она.

— Завтра. Или, может, сегодня.

Злая, ушла. К её чести, не стала чего больше говорить.

Значит так. Ах да, подошёл кот, домашний совсем и умопомрачительного толстый. Арзис не стал прекращать опыт — всем, наверное, интересно, насколько кот может растолстеть — и кинул ему каши. Значит так. Здесь, в этом Верине, следует залечь на дно: ему, Мауне, Тое. Как? Придумается, как. Надо осмотреться, выждать — доверия к Имперским властям нет. Не их должны найти, а они должны выйти сами на какую-нибудь Вестающую. Да и то, гниловатая это затея. Мауну решили забаранить, и кто? Да вообще кто угодно. Этот кто угодно крут и высок, и нечего пытаться играть в следока. С гостдвора надо линиять пораньше, тут они как на тарелке — где ещё искать беглецов в чужом городе? Приедет какая-нибудь Маунина подруга, скажет пару сладких слов, потом тут же чвяк и всё.

Арзис стукнул ложкой по тарелке, кинул ещё коту пожрать, а то дальше трётся о лапу и решил, что Арзисов хвост — игрушка.

Проблема лишь в том, что Мауна на всё это не пойдёт и будет говорить только одно: «Не говори». Ей, как известно, все должны; она, как известно, служит Империи Сунгов. Должны её найти, взять на руки, расцеловать и всё такое.

Только подумать о ней, об имени — так сразу ладони за глазах, открытый рот, шумных выдох. Даже бросил ложку с тарелкой на землю (радость коту). Мауна. Ма-у-на. Можно ведь с чего-то начать? За неё убьёт, всех, вообще всю Империю сожжёт, не говоря уже об остальных. Учёные говорят, что мир круглый, вот бы он это круглое ради неё и выжег, если надо. Это всё Вклятва, это она так работает; это поначалу кажется, что чепуха. Или нет? Мауне нельзя доверять. Арзис не решил, опасна ли она для него (да это и неважно, если разобраться); она уже безумно опасна для Тои. В сражении самок — Мауна против Тои — второй нет смысла даже выходить на арену, лучше сразу удавиться, не

так больно будет. Она захотела спасти Тою, потому что Семья? Даже смешно. Она захотела спасти Тою, потому что не Тоя, а потому что — он («живое оружие», проболталась (?) она; «он меня любит», проболталась (?...) она). С Тоей она не учла только, что... Арзис, он... Арзис и Тоя, они... но всего учесть невозможно. Тогда не учла, сейчас — учтёт. Блять. Она, безусловно, высокородна, это Арзис оценил. Она, безусловно, отважна, это Арзис оценил. Она преданна своему Ремеслу, молодая мастерица. Ваал-Сунга. Она, безусловно, хищница: для врагов Империи, для своих недругов (не завидую), для других Вестающих, для себя. Даже если её съедят, то подавятся. Её надо прям тут оставить — это просто здравый смысл; взять Тою, вежливо распрощаться, пока-пока, ты заходи, если что. Сёстры заботятся? Они найдут её тут, в гостдворе Верина, уж это-то Вестающие смогут. Сёстры хотят её прикончить? Они найдут и придушат её тут, в гостдворе. Ни там, ни сям он уже не нужен, всё это ни к чему. Вся эта штука с Семьей и дальнейшие “недо-разумения” её растрясли, это как взболтать шипучее вино — пробка только так вылетит; ей уже вон повывлетали некоторые. Он не зря, в самом начале, ещё малознающий, но уже прозорливый, написал себе важнейшее, пророческое правило: «Хозяйку не трахать». Она его не съест, как Ману, нет, очень-очень вряд ли. Нееет, не съест. Но это просто невозможно, он просто не сможет, это как прыгнуть купаться посреди моря — плавай, сколько хочешь, но что потом? А мог-то? Конечно мог, пффф, тут всё ясно как огонь Ваала; он всё понимал: хочет ли она, что хочет, как хочет, и что при этом можно-нужно душить её до обмороков и разбить нос в кровь; наверное, она из тех, что любят, когда кусают хвост, и тянут ровно за него, а не уши или там шею; оставим подробности, их слишком много, тёмных. Мауна. Ма-у-на...

Тоя.

А вот и Тоя.

— Привет, Арзис, — сказала ему, и он кивнул. — Кот, — взяла того на руки и присела подле.

— Не бери его, он столько каши съел, что обгадит.

— Нет, — беззаботно ответила Тоя. — Я его нежно-нежно беру.

Арзис поверил.

— Ты храпел, Арзис. Мы с Хозяйкой даже переворачивали тебя, чтоб ты не храпел. А ты всё равно храпел.

— Ты тоже, — серьёзно сказал ей, разглядывая погоду.

— Что, правда? — гладила кота Тоя. — Какой стыд.

— Той, идём пройдемся, — встал Арзис, но ещё набрал ведро из лодца и попил прям из ведра; Тоя, смешная, предлагала сбегать за кружкой, но в итоге и сама пила вот так, просто. Неудача: хотел ведро опустить, но всё сделалось небрежно, и оно просто начало падать, раскручивая ручку. Арзис не стал останавливать — дурное это дело.

— Дела, — посмотрел с любопытством, как оно плюхнулось в глубоком колодце. Посмотрела и Тоя, предусмотрительно оставив кота, чтобы случаем не свалился. — Пошли.

Что тут есть: можно выйти на дорогу и пойти в Верин, гостдвор, он на окраине. Не. Можно пойти разглядеть, что там за гостдвором делается, и вот они пошли.

— Что будем делать, Арзисс? — добавила она долгое, расслабляющее в его имя.

Понял, что спрашивает вообще, а не за сейчас. Но за вообще он ещё не решил; а вот что решил, так это пойти по тропке в лесок, там даже вроде вода, много воды, веет водой оттуда.

— Осмотримся, чё тут есть. Что, как тебе наши передряжки?

— Я много боялась-боялась, — незамедлительно ответила Тоя.

Они шли немножко порознь, она — где-то слева.

— Особо тогда, у реки. Я очень испугалась, какая была Хозяйка...

Арзис не перебивал.

— ...она такая ярая может быть, Арзисс. Злая, резала, метала из лука... как это... стреляла-стреляла. Вот, как она говорила: «Моя священная стрела поразит...». Что-то такое. Священная стрела поразит...

Он такого не помнил. Значит, действительно ничего не слышал, Мауна заорала все уши своим «Убей его!». *Страйя* такая, наверное.

— ...когда стреляла в того льва, что на земле лежал. И в того, что за мной гонялся. Ты знаешь, он весь в стрелах был-был. Умер, наверное.

— Хорошо бегаешь, Тоюня. Хорошо, что убежала.

— А что было делать? — пожалала она плечами, взялась за него ненадолго, когда переступили ручеёк. — В него я камнем кинула, а разозлился он.

— Повезло, что у него арбалета не оказалось, — всерьёз подумал о таком Арзис. — Думаю, смылся сюда, в Верин.

— Госпожа Мирь говорила, что он — из Верина, когда мы шли.

Он углядел, что тропа идёт вниз и что впереди озеро, немалое такое, и над ним — туман.

— О стрелах, значит, орала, говоришь, — сказал Арзис.

— Не орала, нет. Тихо так, себе говорила. Молилась Ваалу... точнее, не молилась, а... — беспомощно мотала руками Тоя, — ...заклинала стрелы Ваалом. Ваал там был, да. Ох, Хозяйка, — воззвала к отсутствующей Мауне Тоя.

— Да, Тоюсь, верно, Ваалу не молятся.

— Да-да. Прости, — подумала себе, и вот как: — У нас есть похожее со стрелами, у Мрамри, мы тоже говорим такое, у нас тоже так говорится. Это если, ну... ну как сказать... — вот не знала как сказать Тоя.

Ой, первой о таком льву говорить — великий стыд. Неа. Разве что расспросит, тогда уж.

— Смотри, Тоюнь, озеро. Даже лодка есть, — пошёл Арзис по маленькому причалу — тропка приводила к нему. Он потрогал её лапой, из озорства, и она покачалась.

— Ой, Арзиссс, ты не катайся, давай не будем, — прильнула она к нему, немножечко, две ладони на плече. Он пощекотал её по шее, пусть принесёт в мир мурчание, глядя на воду и дальше пиная лодку, но не вышло — не замурчала; привязанная лодка, она отплывала чуть, а потом возвращалась обратно. И так пару раз. Заметил, что щекотка прекратилась, а палец скользит ей по рту; это тоже щекотно, львицы такому смеются. Не стала, только хмыкнула, тёплый воздух на ладонь. Лизнула ему палец, решила, он погулял ей по зубам: раз-два-три, вот и клык, и ещё. Покусала немножко, ну как покусала, ну мы знаем, как.

Арзис осмотрелся, закрыв ей мордаху всей ладонью; Мауна, невидимая, сказала бы: «Сделал *миеин*». Всё то ты знаешь, Муниша. Тоя так и стояла, закрыв глаза.

— Идём, глянём, что там, — показал на будку у причала, бытовку, там всякое хранят для лодок, может снасти, может что для рыбалки. Тоя ж говорила однажды, что умеет рыбу ловить-ловить. Он в детстве ловил. Он — в лодку, она — с сетью, и вперёд.

— Да, — односложно ответила.

Подошли, потрогал дверь, но закрыта на деревянный замок, ясное дело.

— Иди сюда, — повёл за бытовку.

— Да.

Что у нас тут? Да ничего: тыльная стена, пару крюков для канатов без самих канатов, почему-то навес от дождя, грубо сколоченный стол под ним, уже полугнилой. Зато ещё висит прямо на стене кожаное полотно, тоже под навесом, что надо. Прижал Тою к этой полумягкой стене, сильно, его бедро меж её лап, и ладони — тоже к стенке. Урок в подвале не прошёл даром — Тоя не растерялась, когда зацеловались. Хорошей львице пристало терпеть, даже если жмёт и больно; с этим у неё проблем нет. У неё с ничем так-то сложностей нет. Незадача: мрамрийский пояс ещё попробуй сними одной рукой, зализывая львице шею, и Арзис разозлился, быстрый на нервы, как все хорошие львы.

— Сними.

— *Йан*, — никаких заминок, пояс упал мгновенно.

Теперь как? Да как угодно, как хочется. Повернул её хвостом, мордой к стене. Нет, Тоя, так дело пойдёт туго (хотя с тобой оно иначе и не будет, ты ж *дхам*); вот, ложись на стол, нет не вся, не грудью и животом плашмя, только обопрись, что ли (он как треснет сейчас, разломают тут всё в хлам), нет, не оборачивайся, прогнись в спине, ещё, воот так, да ты Тоя можешь. Неизбежно задрался подол платья с шемизой впридачу, а хвост подняла всё сама, такое никакую львицу учить не надо; платье

длинное, в три четверти, сползать будет — даже гадать нечего; потому выйдем из положения просто и натянем тебе подол прямо на голову, на дхаарские кольца, не зря ж мы пояс тебе снимали. Теперь всё, теперь Тоя даже ничего не видит, прислушивается ко всему к полуоткрытым ртом, чуть облизываясь, таинственная: это всегда таинственно, если у самки прикрыты глаза. Залез ей ладонью в межлапье, подвинул ещё к себе; ну трудно так будет Тоя, надо тебя тут растечь, но просто некогда, всё надо делать уже и сейчас, а то заждались мы тут. На, лижи пальцы, ещё; хорошо, но надо больше, потому и сам их ещё полизал; ещё раз залез ей в межлапье, теперь получше; ну, во славу Сунгов, Тоя, и уж действительно, с мрамрийской дхам в её восемнадцать дело пойдёт туго и кончится быстро. Её хвост — на его плече. Стол оказался надёжным, ломаться не думал, и даже почти не скрипел. Ни звука от Тои, только оборот её головы, и снова белеет её клык, дотронулся к нему, дотянулся кое-как (неудобно, но надо); ха, молодчина, лизнула ему ладонь. У неё идёт серая полоса по хвосту, по спине, кончается где-то там, у загривка, и так она ему понравилась, эта полоска. Арзис прижал её ладонями за бёдра, главное, не прижиматься к ней всей, а то точно задушит, и это будет утрата, если Тои не станет. Нет, Тоенька, долго мы тут не будем, это невозможно, и тихо зарычал и аж теперь прижал её всю к столу (ей будет больно, а как же), и аж зашумело в ушах, это точно так, как Мауна приказала тебе, заорав: «Убей его!»; но Тоя тоже кое-что знает, она прикажет тебе, неслышно: «Кончи в меня!»; львы, сколько бы они не думали себе, повинуются кличам и зову самок.

Поставил ей руки на лопатки, надо отдышаться. Не надо из неё выходить, нужно так постоять, всё хорошо, расслабимся. А, вот что, её надо полностью превратить в Сунгу, осталась ещё пара пустяков:

— Говори: много крови, больше крови.

— Что? — выдохнула Тоя, всё ещё пленённая и всё ещё не видящая мира. Подняла голову, даже, кажется, уши наострились, но не видно из-за подола на голове.

— Скажи: много крови... больше крови... Так надо, — спустил ей платье, освободил её взгляд.

— Много. Крови. Больше крови, — посмотрела она вверх, влево, вправо. И правда, наостренные уши.

Вот. Остался лишь один пустяк — надо в любой Магистрат пойти или к Ашаи-Китрах. Лучше к Ашаи-Китрах.

— Ой, Арзиссс, — расправляла она подол, так и сяк, ну как всегда после такого делается, всеми.

Он потёр нос, сел на стол. Её нужно ещё прибрать к рукам, ну это для неё, им так спокойней, порядочней, им так нужно. Но Тоя что-то не прибиралась, а стояла, оглядываясь. Пометалась, туда-сюда, что-то искала.

— Фус, Арзис, прости, отвернись-отвернись.

Отвернуться тут сложно, если сидишь на столе, потому просто поглядел в сторону. Да и что уж тут, поздно уж оборачиваться, уже знаем, Тоюля. Всё произошло дальше точно так, как в Тенескале, лишь в этом случае Тоя даже не особо приседала; одной рукой оперлась о столб навеса, а другой придерживала подол, и с неё обильно полилось; она аж лбом оперлась о столб. Ну что, как с тем тостом, с денежным тазиком: «Пусть самки будут обильны!». Арзис всё видел краем глаза, а потом и вообще перестал притворяться, и смотрел себе на свою львицу.

Ей уж точно легчало и становилось очень-очень лучше.

— Ты чего сразу не сказала?

— Да когда, — свершила эдакую страдальческую улыбку.

Эй, Арзис точно знает, что львицам это неприятно, и даже чуть обеспокоился о всём этом. Та самая Качанка (хорошая была шлюха, по-самочьи умная и толковая, и добрая по натуре, умела петь и на свирелях всяких играть) ему рассказывала, что по молодости ей попался дурной клиент: она говорит ему «Сейчас, я маленько схожу», а тот нет и всё, взялся лезть и залез, она всё это скотство перетерпела, а потом пожаловалась круговым сутенёрам, и они содрали с болвана оплату в полтора раза, а Качанке кто-то ради смеха ещё подарил высокий бронзовый кувшинчик, который она очень любила. Так вот, она рассказала, что это больно и неприятно, и даже чему-то там вредно; у самок там и так постоянно какие-то приключения: что-то то жжёт, то болит, то течёт — не зачем добавлять.

— Ты впредь говори, а то те больно так.

— Сойдёжно, — махнула рукой Тоя, освободив подол, и улыбалась, уже не страдальчески.

Арзис засмеялся.

— Ой, Тоя, я тебя люблю.

— Я тебя тоже очень, — поутирала руки о платье и застегнула себе пояс, небрежно взяв его земли.

Поманил её, обнял, поцеловал ей нос и у глаз. Погладил ей уши, подумал, что снять бы ей дхаарские кольца уже; подумав ещё чуть, решил всё сделать как надо — позже снимутся.

— Не обижайся, я воды-воды перепила у колодца.

— Та будь здорова. Идём, что-нибудь покусам ещё.

И пошли, что ещё здесь делать, не на лодке же кататься, в самом деле. Пришли в гостдвор, там уже ранее утро перешло просто в утро, и оживлённо. Пиво с утра дело такое, глуповатое, потому взял и Тое, и себе ещё поесть — целый горшок мяскоаши. С месмериновым чаем не заладилось: Арзис говорит принести, хозяйка гостдвора упёрлась и сказала, что дхааркам-то нельзя. Арзис разозлился, несмотря на сглажива-

ния Тои и что она «не хочет-не хочет» (вруниха), и решил расправиться с этими чайными церемониями:

— Достало! Хаману даст этого чая! Тоя, всё, идёшь за меня замуж.

— Это, сир, — рассудила хозяйка, вытирая кружку, — надо пойти и взять её: кольца снимут, и в принятых Сунгах будет, тогда и чай, — показала на Тою.

— Вот сейчас попьём и пойдём. Я ж сказал! — постучал по груди.

Тоя совсем затихла за столом.

— Идёшь за него? — спокойно спросила хозяйка, махнув на Арзиса кружкой.

— Ладно. Да. Фус.

— Ваал с вами. Сейчас дам, — ушла хозяйка.

Арзис подмигнул ей, погладил по безвольной ладони, взял её, сплелся.

— Вот и всё, Тоя. Сейчас тяпнешь чайку.

— Арзиссс. А ты честно-честно, или?... — и вроде как такая серьёзная, а сама сейчас заулыбается, взгляд засверкал.

— Ну ты с ума сошла. Кто такими словами раскидывается. Ешь кашу, она тут отличная.

— Давай я тебе тогда кину. А нам у Хозяйки не надо спросить-спросить? — она умудрялась одновременно блеснуть глазами, грызть коготь и давать ему каши из горшка.

— Зачем. Да если надо, я с ней поговорю.

Ну, всё. Арзис сказал. Тоя знает, если Арзис сказал — значит, так будет. Уже ничего не спрашивала, осанилась. Взялась за месмериновый чай, вздохнула. И тут что-то в гостдвор приехало. Ого, да тут приехало, мама не горюй. Хозяйка «Трёх сестёр» нахмурилась, начала выглядывать в окно, ещё одна прислужница выглянула, третья; присутствующий львинород обернул головы. Арзис не у окна, выглянуть, не вставая, нельзя.

Не ошибёшься, ошибки нет — внутрь гостдвора ввалилась куча Палатной Гвардии. Ещё, кажется, стражники. Ещё не пойми кто.

— Завал, Тоя. Гвардия, — тихо сказал ей.

— Блестящие? — с ужасом спросила она.

— Они самые.

Закрыла мордашку.

— Нормально ведись, не выказывай.

Перестала.

— Давай руку. Идём, — пошёл он к выходу.

Отметил: хозяйка гостдвора что-то торопливо отвечает льву чиновного вида в поволочне. У обоих — напуганный вид.

— Гвардия Палаты Охранения, — остановили Арзиса. — Сир не видал вчера-сегодня львицы высокорода? Молода, андарианка, инсигния, — палатный показал себе на шею.

— Не, не видал, — пожал он плечами.

— Львица могла быть со львом и дхааркой, — поглядел тот на Тою.

— Нет, не видал такого, — притворился Арзис, что припоминает. — Идём, Селе, — сказал Тое. — Это моя невеста, — уточнил. — Как раз в Магистрат идём, большой день.

Палатный не стал вникать в личную жизнь какого-то, что решил женить себе дхаарку, и куда-то заторопился; Тоя с Арзисом вышли наружу. Мать честная. Да тут ещё стражи голов десять.

— Как же Хозяйка, Арзис? — Тоя не то что бы сопротивлялась, но рука ему стала тянуться.

Арзис остановился, глядя на всё это. Снова поглядел вверх, на погоду.

— Ладно, Тоюнь, беги сама. Сначала иди, потом беги.

— Никогда. Ты что, без тебя-тебя. Нет. Нет, — он первый раз в жизни слышал от Тои столь уверенный тон.

— Нас убьют, наверное.

Не ответила.

Махнул рукой, молча развернулся, и так и пошёл, таща Тою за руку на второй этаж, в неизвестность, где спала (или уже нет?) Мауна. Одумался, сказал ей на ухо:

— Останься тут, внизу.

— Нет, — впилась ему когтями в руку. — Ахей, я с тобой. Или Ваал. *Прости, Ахей, сейчас я перейду к Ваалу*, — так себе начала вслух рассуждать, на своём.

Что делать, пошли наверх.

— Может, это помощь? — несмело предложила Тоя.

— А кто знает. В таких делах не надо проверять, — ответил Арзис, хоть именно это сейчас и делал. — Расстояние — жизнь, близость — смерть.

Арзис ничего путного не придумал, пока шёл. Возле двери их комнаты собралось голов пять, один из них — важного вида палатный; хозяйка гостдвора без остановки чесала себе грудь; ещё тут был тот самый перепуганный чиновник, и по имперскому жезлу в руке Арзис более-менее определил, что это, верно, сам магистр Верина, не меньше. Собраться-то они собрались, но чего-то не решались войти, или что.

— Стойте, туда нельзя, — остановил их стражник, не палатный.

Но так-то те на них сразу обратили внимание. Важный палатный сощурился:

— Сир...

Запнулся, торопливо вынул бумажку.

- Сир Арзис?
- Ну... я.
- Сир подойдёт, прошу. Прошу, — видно, что тот обрадовался. Тою стражник решил не пропустить.
- Эй, не трогай её, — предупредил Арзис, и — конечно же — взял её за собой.
- Безупречная Ваалу-Мауна там? — с надеждой спросил важный палатный.
- Не знаю. Рано утром ещё была там. Посмотрите, чего вы встали.
- К Вестающей нельзя входить просто так, — тихо сказал важный палатный, хотя до этого вроде как говорил ничего, даже покрикивал, распорядился.
- Со мной — можно, — сказал Арзис и вошёл.

Кодекс и аамсуна

Как и ожидалось, Мауна там спала, даже ухом не пошевелив, что на пороге явилось столько львинороду, спала очень мирно, на спине, открыв рот. Она дышала, ладонь с серебряным кольцом свисала с кровати (зачем-то сняла повязку с пальца, которую ей ещё давно указал намотать Арзис, и она доселе прилежно не снимала). Все засмотрелись, не зная, что делать, если видишь спящую Вестающую; все, кроме Тои:

— Хозяенька, Хозяенька, — загладила её по руке, присев на колени рядом. — В мире тёплой крови. Мы тут.

Мауна без приключений проснулась, сонно поглядела на Тою, а затем — на присутствующих. Медленно поднялась, оперлась на ладони, зевнула. Шеей покрутила. Арзис уже знает Мауну, заулыбался; то чувство, когда Хозяйка вернулась и готова всем всаживать: на, паскуда, на-на-на! «Вот как её не любить?», — подумал. У неё серьёзный изгиб уст, всегда, такой родилась, и ещё если даже полностью их сомкнёт, то посрединке всегда останется вход, тёмная тайна провала, совсем чуть-чуть; это тоже Арзис любит. Ещё ему нравится, как она переводит взгляд, и он не завидует всякому, кого сейчас он пленяет: раз-два-три-четыре, раз... Ещё ему нравятся её уши, ещё ему нравятся её глаза, они всегда тебе что-то сулят: то вызов, то смерть, то укор, то верность, то безграничную уверенность — никогда не поражение или сдачу.

— Хозяйка, — и себе сказал он. — Красивого утра.

О, и ему взгляд. Заулыбался ещё шире. Та какая разница, сдохнут или нет.

Важный палатный встал на колено.

— Гвардия Палаты Охранения...

— Кто приказал меня найти? — потребовала Мауна, вмиг перехватив разговор.

— Поступил циркуляр...

— Я имею в виду, кто из Вестающих, имя?

— Не могу знать.

Вопрос зряшный, на самом деле. Проще ответить, кто не приказал. Мауна не знает ещё, да и Арзис (который всегда всё знает), да и тем более Тоя, что как раз в эти мгновения Ваалу-Нэль, отложив всё востание, устраивает побоище в Тенескале: она выворачивает наизнанку всю местную власть и приграничников, её телохрана заходит даже в какие-то дома, что её глава телхраны, высоченный лев, на которого доспехи делались только отдельно, буквально трясёт местного магистра, что она имела долгий и неприятный разговор с той местной Ашаи, Ваалу-Лиарой, из которого, впрочем, Лиара вышла без последствий для себя (умная, она умолчала некоторые подробности, и выпятила другие), что Нэль, плевать хотевшая на всякие договоры о протекторате между Империей и Гельсией, которые оговаривают то и это, зашла в телохраной и стражниками на гельсианскую сторону Тенескала и чуть не сожгла таверну, в которой спаслась Тоя, одному гельсианцу отрубили голову, ибо попался не в то время не в том месте; и это всё ещё не упоминая несчастного синекурщика в Палате Дел Охранения Ашаи-Китрах и Охранения Веры в Тенескале, который действительно принял какую-то «норрамаркскую Гвардию», которая показалась ему «самой лучшей, идеальной, он такой никогда не видел», и у той бумаги были в полнейшем порядке, но теперь он всерьёз опасался за свою жизнь, потому что впереди виднелась измена Империи и тяжкое преступление против Ашаи-Китрах, если только в порыве Ваалу-Нэль не прикажет своей телхране убить его на месте (до такого не дошло); Ваалу-Умалла же копошилась в соседнем городе, более рассудительно, но не менее упорно, очень интересуясь, куда это запропастилась та самая Гвардия, что сопровождала Мауну, потому что уже было известно, что через форт Шатт, где отравилась Семья Мауны (и которой не становилось лучше, а почему-то лишь хуже), она не проезжала; и действительно, через этот городок, Шаффнасен (просто Шафф), проезжала какая-то Гвардия, и ей помогали с логистикой, как и всем Гвардиям, как и положено, и это всё Умалла очень тщательно отметила и записала, лично. Нет, они обе прекрасно знали, что оговорено встретиться с Мауной во Верине-на-Влее, и туда главная помощь шла отдельно, но боялись, что вдруг Мауна забрела не туда, потерялась или просто не дошла, поэтому ещё искалось по дорогам и окрестностям.

Они не знали, что о них знают в столице, что о них знает Тринадцатый Легион, и не только это соединение, что Ваалу-Веста (Та-о-Кото-

рой-не-Говорят, Сами-Знаете-Кто) напросилась на аудиенцию к Императору, и так далее, и тому подобное...

Мауна не удосужилась продолжить, поэтому магистр Верина (это так он) решился нарушить тишину так:

— Великопревосходная, какие будут распоряжения?

— Первое: пригласите ко мне любую Ашаи-Китрах, и ещё мне нужно облачение. Мне подойдёт любой пласис, на меня. Второе: дать мне, — вытащила нож из-под подушки, небрежно бросила она стол, подумала, — городскую стражу в охрану, не Палату, и далее я буду пребывать здесь только у любой Ашаи или, на крайний случай, Приближённой. Третье: известить всех... известить всех, что я нашлась и буду ждать встречи в Верине. Четвёртое... Пусть сир записывает, или сир искусен в мнемонике? — обратилась она к главному палатному, который всё так же стоял на колене. — Пусть сир встанет.

— Я записываю, — сказал магистр, и действительно это делал.

— Четвёртое: известить остатки моей Семьи в форте Шатт, что я нашлась, и что со мной Арзис, и что со мной есть Тоя, а остальные — погибли или пропали без вести. И отправить её ко мне. Если моя Семья уже не там, то выяснить, где она, и отправить её ко мне. И последнее: всем выйти.

Все вышли и тихонечко закрыли дверь, кроме Тои и Арзиса.

— Что, Хозяйка, как спалось? — поинтересовался Арзис.

— Ничего, спасибо, — зевнула она и потянулась.

Приврала немного. Снились чужие сны, сны Жертвы, они неприятны. Но жить можно.

— Эти... они вроде нормальные, — кивнул на дверь Арзис.

— Вроде да, — встала на лапы Мауна, Тоя хлопотала вокруг неё и что-то прятала, что-то вытягивала, — в палатного дренгира, в этого септимарра, я занырнула, вроде чист... — Мауна осматривала себя, даже понюхала себе шемизу. — Фу. С этим всем на всех *эмпатии* не нападёшь, — заворчала, — кончишься раньше, чем ночь настанет. Или даже полдень. Ваал мой, родной Аламут.

— Хозяйка, новая есть шемиза. Чистая совсем. Арзис... — многозначительно поглядела Тоя на него, склонив голову.

— Пусть будет, с ним спокойней, — махнула рукой Мауна. — Ты что, раздобыла чистую шемизу?

— Да-да, Хозяйка, взяла у хаману гостдвора, она добрая-добрая.

— Хорошо, — отвернулась к нему хвостом и без всяких предисловий сдёрнула через голову грязную шемизу, в которой целых три дня проходила-пробегала-поубивала-проорала-проспала-провестала-проплакала (и такое было, никто не увидел, кроме Арзиса, слава Ваалу). Взяла новую: — О, втай, листигийские узоры, — рассматривала её. — Смотри, Той, волны ветра и волчица. Паттерн. Много ветра и много волчиц.

Вот инсигнию на шее он видел, не раз, и всё ей указывал её спрятать (удачно), мотать шею абы чем. Оказывается, есть и вторая, спрятанная куда получше — возле хвоста. Ну, на попке, справа, чего там. Вверху — слева, внизу — справа; симметрия. Арзису рука зачесалась шмякнуть, но удержался.

— Хозяйка, будем кушать-кушать? Здесь? — заботилась Тоя.

— Не-т. Нет. Не хочу, — ответила Мауна, что странновато, Арзис поел бы на её месте (но он — не на её месте). Он уже два раза за утро, считай, жрал, и ещё хотелось. — Тоя, знаешь как, иди постирай мою шемизу, и... — задумалась, Арзис смотрит на неё, она стоит, он её видит, но только сзади, предусмотрительный хвост долу, не оборачивается, вся не открывается. — Достань ещё у тех хаману что-нибудь чистое Арзису, и себе — тоже. Будут спрашивать о деньгах — скажи, что Вестающая Ваалу-Мауна всё уплатит. И тут наведи порядок, не давай никому хозяйничать и заходить, — Мауна оделась в свою грязноватую свирю, затянула пояс Ашаи, приспособила нож за вместо сирны (допускается Кодексом, если обстоятельства плохи, но это — целая тема). — Идём, Арзис, бери оружие, — кивнула на копьё и взяла лук со стойки. Сгребла оставшиеся четыре стрелы, просто заткнула за пояс.

— Что, Хозяйка, дальше будем кромсать, как всегда? — посмеялся он, всё взяв.

— Стрелять-кромсать. Пошли, — взяла, наконец, маску лисы со стола, и снова натянула на загривок, ну Мауна, вот дела.

Осмотревшись так и сяк, пошли на задний двор и просто стали стрелять в сплошной деревянный забор — Мауна напялила на гвоздь бумажку, которую без спросу утащила со стойки гостдвора, преступница.

— Сейчас оценим, хороши ли стрелы, будут ли ломаться. Но мне они нравятся. И лук ничего.

Она не позаботилась оттереть его от пятен крови, он забурел.

— В гвоздь попадешь — будешь лучшая, — встал возле неё Арзис, заткнув руки за пояс.

Только сказал, так сразу превратилась в лису, уши торчком; вот какая, белая, плавные красные узоры, чем-то напоминают дистанцию. Вторая стрела, третья. Четвёртая, и — всё, кончились, всё по новой; надо идти их вытаскивать, аккуратно.

— Пойти их взять тебе? — галантно предложил, без задней мысли.

— Нет. Ты ж не дхаарка, чтобы стрелы туда-сюда носить, — как-то очень серьёзно молвила Мауна, и всё сделала сама.

Снова натянула тетиву; глаз не увидишь, виден только рот: сомкнутые уста, и маленькие врата по центру.

— Как стрелять-то в маске, не мешает?

— Нет. Мне ничто не мешает дело делать.

— Та ну тебе, неудобно, — посмотрел, оп! — попала в их мишень.

— Так ты говоришь? Всё, согласна, научи меня. Ну, — встала к нему.
— Давай. Сделай. Сделаем это.

Да, встала к нему, вся. Ровненько, плотно, вся прижалась к нему, основание её хвоста давит ему на бедро. Выставила лук, мол, бери; взялся левой; тетива, мол, вот; взялся правой. Арзис плохо стреляет из лука, вообще никакущий, но ладно, чего. Вместе натянулись, вместе удерживали, долго, дольше чем нужно; как ни странно, вместе и попали. Поглядела, повернув голову, снизу вверх, чуть не поколов его ушами.

— Оооо, Арзис, получается. Давай ещё, — весёлая, радуется.

— Ещё хочешь? Давай.

— Придержи своего фиррана, я ещё должна решить, чего хочу.

— Решаем, — разрешил всё Арзис.

И решили. Взяли третью, причём вместе — медленно брал ей стрелу с пояса, а она придерживала её, медленно вставляли. Бац — стрела пошла, в цель не попала, согнулась, а затем упала. Но Мауна не обескуражилась, снова повернула голову, снова острые уши чуть не расцарапали ему морду.

— Как северные говорят: цанна? — сказал её рот, и глаза в маске.

И толкнула его бедром, да, прям туда. Флирт. Это то, что называют флирт. Арзис подумал о том, нет, скорее ощутил, что она не умеет флиртовать, ибо никогда не приходилось и не приводилось, потому когда ученице Вестающих флиртовать, с кем, а потом и самой Вестающей; служение Вестающих — Жертва (плод; жертвенница; жертва); если совсем точно, то не то что бы не умеет, даже напротив, чрезвычайно умеет, на каком-то ином уровне; это неумело и умело одновременно. Удивительные вещи.

«Не попадись на эту хуйню, Арзисуля. Не промахнись. Не надо», — холодно рассуждал Арзис. Хорошо, что освободился в Тою, хорошо, что пустой. Это помогает соображать. Просто не надо. Почему? Просто не надо.

Стрелы-то кончились, и лук опустился.

— Я пойду выдерну, моя очередь. Ты ж тоже не дхаарка.

— Не дхаарка, — эхом повторила Мауна, забывшись (или нет?) о своём обычае говорить «дхаари».

Но зряшное предложение, потому что дхаарка нашлась, в столь нужное время в столь нужном месте. Она шла с ведром, в котором бельё, стирка; ведро поставилось на землю, а вот стрелы вытянулись из забора, все четыре, и прилежно принесли обратно. Он глядел на Тою, и от неё тоже — мимолётный взгляд.

— Арзис, Хозяйка — стрелы, пожалуйста, — преподнеслось.

Мауна взяла три, но одну оставила Тое.

— Тоя, что ты знаешь о стрелах? — спросила. Она всё так же у Арзиса, к Арзису, хвостом.

Та покрутила свою в руках, рассмотрела, как удивительную вещь, которую не так-то просто применить в хозяйстве. Хотела сказать, не решилась. Захотела сказать ещё раз, решилась:

— У нас говорят, что стрелы, они, это как единение. Она в тебя попадает, проходит, — Тоя показала, как проходит, — а потом ещё во льва. Священная стрела. Когда у Мрамри эге, брак, то такое говорят.

— Вот так? — Мауна показала на себе, приставив стрелу к сердцу.

— Да.

— И вот так, — Мауна показала на Арзисе.

— Да, — стойко согласилась Тоя.

Мауна больше ничего не спрашивала, но ещё приставила стрелу к сердцу Тои.

Он очень забоялся, что Мауна вдруг возьмёт и проткнёт её стрелой, изо всей самочьей силы. Львицам полезно ревновать, кто ж этого не знает; но немножечко, в игру, вот таким, как Тоя, вот очень, они оживают, питаюсь чувством; но таким, как Мауна — что тогда будет? Всё будет. И всё.

Встающая-лиса взяла и выстрелила уже сама, попала в гвоздь, а потому стрела отскочила, испортившись: и треснула, и наконечник негоден, и всё.

— Безупречная Ваалу-Мауна, Ашаи Вестания? — голосок львёны, и они все обернулись, все втроём.

Стоят львёна и львица. Ой, львёна в страшнющем, глухом, очень простом платье невзрачнейшего серого цвета, две белые ткани крест-накрест через грудь; она в поясе, взрослом и широком, как у Хозяйки, да ещё всякие тряпки с него свисают, большие и маленькие, там и сям, без порядка. Львица? Львица страшна, как сама смерть: с одеждой примерно всё то же, но морда, этот совсем нечто: вся грязная и темно-красная, вообще вся, до ушей, и рот, и всё остальное, словно она взяла и всунула голову в некое кровавое месиво, и повсюду на ней торчали чёрные шерстинки, комки такой шерсти. Так всё видела Тоя. Примерно то же самое видел Арзис, хоть и немного больше: обе — Ашаи, верно определил он, но какие-то совсем неправильные: на львёне — амулет Ваала? на львёне — сирна? Арзис знает, что ученицы-Ашаи ни того, ни другого носить не могут, такие маленькие. А эта, вон, смотри. И, это самое, что с мордой у большой Ашаи-то?

Бодрая, видать, была вечеринка, подумал он.

Много больше видела Мауна: мастерицы жизни.

— Это я, — сдвинула маску Мауна. Кивнула: — Мастерицы.

Вот что они узнали: эти две мастерицы жизни, наставница и ученица, — единственные Ашаи-Китрах, которые сейчас в Верине способны что делать: одна слегла с тяжёлой болезнью, заразившись какой-то дрянью, и лежит; четыре остальных уехали на сожжение ещё одной Ашаи, тра-

гическая смерть — упало сухое дерево. В посёлках и округе есть и другие, если что. Есть ещё и ученицы, но что с них. Есть ещё две дисциплины, но у них здесь ни дома, ничего, сами проездом. Пребывать у мастериц дома, и с этим сразу согласилась Мауна, в какой-то мере можно, но это связано с множественными трудностями, которых не перечислить — у них там львицы, кровати, люльки, львята, варка белья, роженицы рычат и всё это. Тем более, здесь есть лев (показали на Арзиса), но там ему нельзя, разве что на чердак или в сарай его запихнут, или будет жить где-то сам, Магистрат пусть придумает, либо у соседки (Мауна отмахнула все варианты, Арзис — только рядом). Но не беда, есть предложение: здесь есть хорошая, уважаемая Приближённая; точнее, сестра Приближённой, местные Ашаи ей чрезвычайно доверяют, лучшей семье, двое сыновей-подростков. У неё точно можно пожить день-другой, а больше ведь и не надо.

— Отлично, — согласилась Мауна. — Спасибо.

Ах да, ну конечно, всё общение происходило необычно: наставница молчала, говорила только львёна. Если вопросы, ответы, то наставница шептала их на ухо ученице — и та передавала. Только так.

За сим, мастерицы жизни — вечно занятые и всегда практичные — распрощались; они не сетовали на судьбу, ни Вестающей, ни свою, и даже не спрашивали, что да как случилось, и почему, и не выказывали, как им жаль, принимая всё в жизни, как есть.

— Маун, что это они? Что с этой Ашаи такое? — удивлённо спросил Арзис.

Тоя смотрела им вслед, потирая ладошки и напрочь забыв о стирке и ведре.

— Мастерица старого порядка, верноверная, — одобрила Мауна, покачивая луком. — Я, право, знаю о мастерицах жизни немного, но уважаю больше всех среди Ашаи. Ты о её облике, верно, спрашиваешь?

— Ну да.

— Она новорождённую жизнь задушила. Дитя родилось с пороком, с болезнью, нездоровое — она и прикончила.

О таком Арзис краем уха слышал, Тоя — нет. Она с изумлением уставилась на Хозяйку:

— Убила-убила львёнка, совсем?

— Да. Не сама, а испросилась у отца, семьи роженицы. Их обеты запрещают отвечать, как это делается. Превосходные Ашаи: мало Кодекса, полно *аамсуны*. Потом она, — Мауна зевнула, — ааах, измазывается в крови и так ходит несколько дней в *миеине*, потому и общается только через ученицу, — Мауна взяла лук за плечи и так себе растянулась, по сторонам, повздыхав. Добавила: — Если б ты, Тоя, детной была, то могла бы в неё плюнуть, или сказать любую гадость.

— Нет, я бы не стала, — заотрицала Тоя, ужасаясь таким перспективам. — Нет-нет, Хозяйка.

— Так положено, — молвила Мауна тоном «не говори». — Любая львица может и должна, но только детная, даже дхаари, хотя об этом немногие знают — все думают, что лишь только Сунги. А, да, и беременная ещё. О, беременным так даже совсем должно. Ума не приложу, как они обхаживают рожениц в это время. Заплёванные ходят.

— Ох, Хозяйка... — жалела Тоя и мастерицу, и львёнка или львёну, что так мало прожили на свете и сразу прыгнули в ужас смерти. Она держала стрелу у груди, чтобы никто не поранился.

— Такова тропа Ашаи. Знаешь ли, Вестающие тоже заплёванные ходят, только не видно.

Ещё вот что отметил Арзис: мастерица внимательно так глядела на Тою, много; её ученица говорила с Мауной, всё передавала, вестала мысли наставницы если хотите, а сама мастерица смотрит на Тою и всё тут, и даже не в глаза, а куда-то в лапы, на грудь или живот.

— Та ладно, Хозяйка, не всё так плохо, — забрал он стрелу у Тои, и та безропотно отдала.

— Я тоже так думала, — спокойно ответила Мауна, и дальше растягиваясь луком.

Кажись, у Вестающей в её положении, у Мауны, должно быть сейчас полно каких-то дел, но если они и были, то она ими не заботилась. По всему, она желала и дальше стрелять-бездельничать, но тут снова пришли, теперь уже смесь из палатных и местной стражи — это, выяснилось, Мауне охрана. Стражу она приняла, палатных отправила восвояси, но ещё:

— Подберите моему телохранителю доспехи, оружие, всё, что он захочет. И стрелы мне сейчас же принесите, самые лучшие. Самые. Арзис, иди с ними, тебе всё дадут.

— Не, Хозяйка, мало ли, — не хотел идти Арзис.

— Ничего, если меня тут обидят, то сама виновата. Иди, — настояла Мауна.

— Ладно, смотрите мне тут, — сказал им. — Навостряк. Мауна, понимаешь? Тоя?

— Как же не понимать, я ж Ашаи, — кажется, Мауна не забыла ему «сестра понимания, а не понимаешь ни-че-го», ну или что-то такое.

— Арзис, иди-иди, пожалуйста, а то я тебе всего не смогу перестирать, — тоже согласилась Тоя.

— Стрелы боевые принести? — осведомилась стража. — Стрельбовые?

— Только боевые, широкий конец. Яшень. Я только такие беру.

Арзис ушёл вместе со стражей, обернулся раз: Мауна всё так же стоит, глядит ему вослед, заложив лук за спину; повернула голову в последний момент, видны уши лисы на загривке; Тоя помахала ему рукой.

— Хозяйка, я пойду стирать-стирать?

— Далеко не иди, — предупредила Мауна. — Ещё вместе пойдем. Смотри, вон там лес? Интересно, что там.

— Там озеро, — ответила Тоя, и закусилась. Зря сказала. Хозяйка спросит, откуда она знает. Она скажет, что ходила туда. Хозяйка спросит: с кем? Она ответит — с Арзисом. Хозяйка спросит: что там делали? Она ответит... А она ответит: на лодке хотели покататься. Арзис. Хотел. На лодке. А она не хотела. И они не покатались.

Но Хозяйка, всеблагий Ахей, ничего не спросила.

Мауна так и стояла, рядом с ней — городская стража, голов десять, на почтительном расстоянии, они понятия не имеют, как охранять Вестающих и что с ними делать. Она с ними не говорила, они тоже её сначала не трогали, но потом всё-таки тронули, и Мауна пораспоряжалась: вон пойдём сейчас туда, на озеро (да, там есть, подтвердили они), и там она будет стрелять, а они просто вокруг оцепят, чтобы никто не подходил, но стоять им не рядом, а подальше. Не меньше шагов двести, определила точная Мауна. Принесли стрелы, сказали, от местного стреломастера, целую охапку (никто не рассказал, как его насильно вытащили из местного весёлого дома, в котором доселе дрых).

Мрамрийка действительно не отходила далеко, и пыталась отстирать Хозяйкину шемизу в ведре, но удавалось плохо, и она ругалась себе под нос — пятна, они не оттирались.

— Тоя, идём.

И действительно — озеро. Очень хорошо. На нём даже есть лодка, ещё лучше. Как можно сделать? Например, так: стрела в спину, потом ещё, и ещё, в разные места, подойдя ближе и внимательно высматривая; она может рычать и кричать, скорее всего, это неизбежно, но справимся; можно ещё дорезать ножом, будет грязно, но как иначе. А потом в лодку, и утопить (или нет?). Стрела в спину — это точно. Она может убегать со стрелой в спине, и долго, так и будет, но Мауна догонит, это как во Внутренней Империи. Ни в коем случае не привлекать стражу в этому делу, и не потому, что это страже ни к чему, нет — это будет противоречить перенниальному принципу ответственности. Можно ли сделать всё иначе? Ну, право, в самом деле: яд, устройка несчастного случая, оступилась на высоте, болезнь, любое. Можно и нужно, но нет ни времени, ни — главное — желания. Оставим дешёвые интриги молодокрови, старокровь делает всё честно. Арзис всё поймёт, он не глуп. Он, наверное, её за это убьёт, и пусть. А может, наоборот — львица расправилась со львицей, без дешёвых балаганов — он такое поймёт. Он рас-

трясёт, как тогда, и наконец-то вмажет, давно пора, сколько же можно, сделай со мной хоть что-нибудь.

Они вышли на причалик. Вон, есть двери на этой причальной халупе, вот в неё и будем стрелять. Мауна взяла нож и дала Тое, она дала ей оружие, о, так даже ещё честнее. Может, Тоя её ещё и порежет, превосходно.

— Иди, на. Пригвозди.

— А что им прибить, Хозяйка?

— Ну вот, — Мауна дала ей свой андарианский платок. — На.

Встаём бочком, отставим зад с инсигнией. У Тои сзади по платью, по спине, идёт шов — натуральная цель (Мауна ещё знает, что у неё идёт мрамрийская полоска по спине, видала, когда её мыла, такой натуральный им окрас, мрамрийкам). Вдыхаем (не очень глубоко, Мауна этого не любит, мешают) и поднимаем и натягиваем до точки отпуска, до уголка серьёзного рта, теперь пошёл выдох. Ну всё, можно пускать, Тоя ещё идёт. Рука в напряге, нужно уже отпускать, Тоя начинает возиться, ей не сразу получается прибить ножом непослушный платок; кажется, ей жаль платка, в нём ведь будет дырка.

Расслабила руку, но стрела не пошла — стрела в руке. Взяла себя за ухо, потянула, закрыв глаза.

— Хозяйка, есть. Я ему дырку сделала. Платок порвался, — сожалела Тоя.

— Да. Иди сюда.

Надо разозлиться. Вот на это: «Арзис! Не делай ничего Хозяйке! Нельзя!». Знала тогда Тоя, что делает, львица, точное самочье, лунное и влажное чувство. Но нет, поступки должны быть чисты, действие ради действия, свободное от симулякров; раскрутка вот этой всей злобы — низкий приём, да и стрельбе мешает.

Выстрелила абы как, стрела даже не в дверь попала, а в косяк.

— Иди. Возьми. Хорошая стрела, — нашла оправдание Мауна, ведь у неё на поясе ещё с десяток (таких же хороших) стрел.

Вот как надо: всё то же самое, но вклянём стрелу древней энграммой, очень неслышно, совсем тихо шепча под нос:

— Ваал, направь к возмездию, твой ветер унесёт священную стрелу, что поразит врагов Ваал-Сунгов.

Ну. Ну отпускаяй. Можно ещё раз, энграммы можно читать много раз, сколько хочешь, им от этого только лучше:

— Ваал, направь не разбивай клятв, не разбивай клятв, вечно твоя Амая.

Кажется, энграмма немножко не такая. Расслабила тетиву, приложила ладонь к глазу, стрела в руке. Угораздило тогда ошибиться со Вклятвой, почему не вкляла Тою, как просто себе дхаарку, которую можно зарезать, повесить, колесовать, утопить и расстрелять? Взять и поклясться

дхаарке беречь жизнь, Ваал мой, надо ж такое свалить, что за глупая вещь. Сунги берегут жизнь Сунгам, какое дело-то до остальных. Надо забыть; есть мнемоника, она помогает помнить, а надо ещё искусство забывания, та же мнемоника, только наоборот, что сложного, честное слово. Это была ошибка, это была оговорка, неопытность ученицы, такого не было. И не будет больше таких ошибок.

Тоя возвращалась назад, глядя, как Хозяйка трёт правый глаз; всё напрасно, потому что острозоркая Тоя видит — а Мрамри видят далеко и хорошо — Тоя видит, что левый у неё мокрый, и Хозяйка не удосуживается его утереть, или не может, или не хочет.

Надо сделать из неё преступницу. Надо, чтобы нарушила Вклятву. Что она там сделала не так? А ну. А ну, вспоминай, надо помотать жесты мнемоники. Но ничего нет; как вспомнить то, чего нет? Тогда надо придумать, вот что надо — мы можем придумать что угодно, то, чего нет.

— Тоя, ты слушаешься Хозяйку?

— Да.

— Это хорошо. Укради что-либо у меня. Возьми что угодно.

Тоя молчала.

— Даже не что угодно. Вот, кради сереброкольцо, — Мауна пыталась снять его с пальца, но она не снимала его много-много лун, и оно застряло. — Помоги снять. Намочить, что ли? — подумала вслух Мауна; наверное, если окунуть палец в воду, то поможет, тем более, они на причале, тут есть вода, целое море, можно утонуть.

— Есть мазь, — вытянула банку Тоя. — Арзис дал мне носить-носить. Сказал, достали в Тенескале.

— А, мазь кири, от Лиары. Давай.

Превосходно, кольцо легко снялось и перекочевало на палец Тои — Мауна надела ей, взяв её слабую ладонь. Сюрреальная красота легализма: следуешь Кодексу, ровно слово в слово, и всё становится просто. Дхаарка натянула твоё кольцо? Огнясное дело — кража и самозванство, чистый смертный приговор. Поставь на весы огромный том Кодекса, забери с иной стороны всю *аамсуну*, и всё станет удобным, как и должно быть — жизнь должна быть приятна, а решения приниматься нужные; такой модус действия, он ест дисциплину, делает невозможным любое серьёзное намерение, аннулирует *гегемоникон*, но честное слово, мы ж все здесь взрослые львы и львицы, взглянем на вещи реально, без излишних метафизик.

— Сейчас пустим. Пару раз. Пойдёшь. Вытащишь, — отрывисто говорила Мауна.

— А надо, Хозяйка?

Надо идти. А как же. Ты ж говорила, что послушна, Вклятва, вот это вот всё. Но Тоя пошла сама, не отказываясь от служения, и стало понят-

но: она не об «идти», она о «стрелять»: идти надо, стрелять стрелами впустую — не надо. Действительно, зачем это представленьице со стрельбой в несуществующую мишень на несуществующей двери. Так даже лучше, наверное: все всё понимают, люблю такое.

Тоя отошла на шагов десять-пятнадцать, развернулась, встала чуть боком, сложила руки у живота, затейливо сплела ладони; если хорошо прицелиться и пустить, то можно в глаз попасть. Она поглядела куда-то туда, где гостдвор, немного потрогала себя за амулет Ахея и кольцо Арзиса.

— Смотри на меня.

Да, вот так, потому что как попасть в глаз, если его не видишь. Всё то же самое: вдыхаем, натягиваем с выдохом, точка отпуска. Нечего стыдиться, зачитаем энграмму вслух (энграммы только читают, не говорят):

— Ваал, направь к возмездию, твой ветер унесёт священную стрелу, что не разбивай клятв, вечно твоя Мауна.

Лук опустился, стрела упала на причал. Нэль всегда говорила: «Плохо читаешь энграммы, всё не то, не твоё, убегают слова, намерение вкось». Покататься на лодке, что ли, действительно. Лук тоже бросила на причал. «Помыть его в воде надо», — подумала. — «А то грязный».

— Всё, Тоя. Мы н-настрелялись. Иди в тот... как его... двор. Гостдвор, — показала туда.

Тоя не пошла в гостдвор, она пошла к ней, сидящей бочком на причале; несмотря на то, что в свире есть карман для хвоста, он как-то освободился и теперь висел через щель, касаясь кончиком воды. Тоя сняла серебряное кольцо, оно снялось ей легко и просто, взяла ладонь Мауны и надела его Хозяйке обратно, сплела с ней пальцы в одной ладони, повсякому, а потом ещё и во второй. Мауна совсем молча показала ей, как сёстры сплетают ладони при Взгляде, при налаживании сестросвязи: смотри, вот ставишь так обе, потом вгоняем друг в дружку пальцы, глядим в глаза, отпускаем одну ладонь, берём обоими левую, потом правую, потом ты то же самое можешь сделать, вот, всё правильно, сразу поняла, хоть завтра в Вестающие бери (и Мауна вслух посмеялась такой мысли, немножко).

— Хозяйка! Ваалу-Мауна Хозяйка! — несмело, издали позвали её.

Навострились уши у обоих.

Это — вот неожиданность — пришла Мирь; её не пускала стража. Взмах руки от Мауны, этот далёкий и вялый жест как-то заметили и пропустили её. Мирь долго хромала к ним, а тем временем Мауна разглядывала свои ладони, словно чужие, снова натянув маску лисы, а Тоя глядела в сторону, на воду, держась за её колени; кажется, она даже немного впиалась в них когтями.

— Хозяйка, нет тех дхааров, они не стали в Верине задерживаться. Возвращать некому, — протянула сирну Амаи. Это часть правды, вся

правда такая: она пошла домой, плохо спала всю ночь, страшась, что к ней придут из Круга уже мёртвого Цирза (вот передрыга-то будет!), затем надумалась продать сирну местным за огромные деньжищи, передумала, надумалась отдать сирну круговым (чтоб не трогали и чтобы задобриться), передумала, попробовала найти тех дхааров, но те действительно промчались через Верин, от проблем подальше. Решила вообще ничего не делать. Передумала. Пошла в гостдвор и по дороге узнала, что в Верине переполох — тут «спасли какую-то важную Вестающую». Оказалось-таки, что Хозяйка очень даже настоящая.

Мауна взяла и молча заткнула сирну Амаи сзади, за пояс.

Мирь служит Вестающим даже меньше суток, поэтому ещё не знает, что если застала Хозяйку за странными занятиями и в странных положениях, то не стоит сразу задавать всяких вопросов.

— А что вы делаете? — разумно спросила она.

Мауна не ответила, а Тоя — ответила:

— Госпожа-хаману Мирь, Хозяйка показывает мне, как надо обниматься ладонями.

Глава, в которой одна львица всё-таки заплакала, увидев Три Звезды и утюжок

Приближённые. Это все те Ашаи-Китрах, что не смогли пройти Приятие, не дошли до него. Причин — уйма. Они стали просто себе львицами-Сунгами; но сестринство отпускает тебя, да не полностью — ты кое-что знаешь, кое-что умеешь, некоторые даже *игнимару* жгут, хотя это запрещено; поэтому ты всегда ближе к Ашаи, чем другие львицы, тебе — доверие, ты им зачастую помогаешь.

И вот теперь Мауна прибыла к дому сестры такой Приближённой, что имела славу и уважение среди Веринских Ашаи-Китрах, как — по словам местных — и сама Приближённая. Имя — Лимарси. Муж — важный местный львина, что-то связанное с лесом, древесиной; сейчас он не дома — дела. С нею — Тоя, с нею — Арзис. Мирь уехала домой, с большим удивлением узнав, что с Веринком всё, надо распрощаться, укладывать вещи и нести эту новость двоим детям, готовить и их; со старшей дочкой проще, та — благополучно замужем. Об Арзисе отдельно: тот не стал упускать шанса, и просто напялил на себя и в Палате, и у стражи, и у местного оружейника всё самое дорогое и лучшее, что только можно: взял и копьё точно себе под рост с широким лепестком (рост, поднимаешь руку и должно быть до ладони), и норрамарк-

ский длинный меч, и кинжал с гравировкой, и отличный лёгкий арбалет, и легатные кнемиды, и легатную пластинку под себя с плечами (с солнечными спиралями на некоторых пластинах, надо её только подчеркнуть в нужных местах, для форса), пояс с дренгирскими бляхами, нагривник со сталью, сумку, дренгирский серый плащ (никто не стал спрашивать, по рангу ли ему таковой, ибо единственный телохранитель, спасший Вестающую, никаких вопросов, а он немножко умолчал о своём восточном дезертирстве), отличную тунику, поножи, взял даже круглый хороший щит, хотя с ним неудобно и особо некуда его, перчатки с железом (выбирал помягче и получше, чтобы действительно носить, а не ради смеха), кольца на предплечья. Самым шикарным уловом была фибула на плащ. Вел себя вызывающе и требовательно: дайте то, дайте это, а ничего лучше нет? За всё платила Имперская казна, даже не казна Хозяйки, сам Ваал велел тащить всё. Своей шерстяной штуке на шею не стал изменять, и напялил её на всё это.

Когда Тоя его увидела, то подумал, что с ней случится снова то же самое, что и случилось до этого пару раз. Но удержалась, только без остановки зыркала на него, и ну совсем присмирела.

Мауне он тоже понравился.

Ей как-то достали пласис под неё, он ей вполне подошёл по ростофигуре, но только совсем красный, для торжественных церемоний, для игнимары (ирония). Да, достали его тоже не без приключений, местная Палата вывернулась наизнанку, пытаясь спасти свою репутацию, а именно — правдами и неправдами зашли в дом одной из Ашаи, что была в отъезде, объяснив всё «высокими Имперскими интересами» (коим Ашаи должны всячески благоприятствовать), благо, в доме нашёлся её сожитель и её ученица, а сам пласис пришлось брать одной из дисциплир Криммау-Аммау, тех самых, что здесь проездом; та посчитала, что красный торжественный пласис как раз подойдёт (в принципе, правильно), и она знала, что Вестающие не приемлют отношения патроната (верно), но как-то то ли не знала, то ли упустила, что игнимара и Вестающие совсем не уживаются вместе (вот тут-то и пролёт). Дисциплиры немного поизворачивались, чтобы как-то побыть с Вестающей, но Палата вместе с Магистратом решили не, чтоб не перегружать несчастную Вестающую кучей новых мордах; дисциплиры, юно-молодо, только-только после Совершеннолетия, не сообразили, что всё им тут позволяет чихать на Палату вместе с Магистратом, можно просто придти к Мауне и хотя бы просто посидеть у Лимарси на обеде (дело-то совсем сестринское). Но они убоялись градиента статуса, и решили не рисковать возможным оскандаливанием, а дисциплирам Криммау не вольно скандалиться.

Короче говоря, Мауна не стала манерничать, и просто взяла такой красный пласис, поблагодарив.

Да, когда познакомилась с Лимарси, то, помотав жесты мнемоники, Мауна начала гладить себе инсигнию. Как бы там ни было, теперь их приняли в её доме. Неизвестно, как Лимарси успела накрыть стол, зарезав поросёнка — видимо, помогли. Дом небедный, в нём есть столовая, в столовой на стене — картина с изображением *стаамса* дисциплинария Айнансгард, действительно достойная.

— Я не могу прекратить её созерцание, — глядела на неё Мауна, и далее поглаживая инсигнию.

— Это подарок от сестринства, — Лимарси и себе посмотрела на картину.

— Вкус дарующих совершенен.

За стол ещё усадили сыновей Лимарси, двух подростков. Тем всё пришлось до ужаса интересно. Но в доме оказалось ещё почему-то четверо львят, помельче, хотя вроде как у Лимарси двое детей, те самые сыновья; это они знали от кровавой мастерицы жизни. Ну, мало ли. Их за стол не садили, они сновали кругом и вокруг — двое львят, двое львён.

Стаамс Айнансгарда имеет три шпиля.

— Они символизируют... символизируют три достоинства сестринства Ашаи-Китрах. Это — ярость Сунгов. Это — верность клятвам и словам. Это — понимание вещей, — один из подростков оказался очень бойким и поддерживал разговор.

Мауна согласно кивала каждой из Трёх Звёзд.

— Они такие, как сама безупречная. Выжить в плену у хальсидов это так... круто, — брат помладше не отставал от старшего; он не смог подобрать лучшего слова (высочайшая оценка от него, на самом деле), и мать недовольно посмотрела.

— Я не была в плену, меня спасли от этой участи, — показала на Арзиса. — А вот она, — показала на Тою, — побывала в плену. Но сир Арзис, Ваал велик, освободил и мою служанку, — здесь Мауна умолчала о своей роли.

Арзис важно молчал, ел всё, ловил восхищённые взоры подростков и ему было балдёжно. Иногда смущал Тою взглядами, показывал ей всякое. Та очень стеснялась. Ей, кстати, новых одежд со всем этим и не нашли, но ничего, ещё приоденем.

— Почему великолепно не ест? — с беспокойством спросила Лимарси, глядя на пустую тарелку Мауны и нетронутый кубок с вином.

— Самое время, — улыбнулась Мауна. — Тоя, иди сюда.

Тоя быстро встала и подошла к Хозяйке, и Мауна дала ей попробовать с вилки поросёнка и отпить виноска. Все наблюдали за этим, даже Арзис. Никто не знал, кроме Мауны, что это значит (Тоя никогда не по-

давала еды Вестающим; точнее, подавала, но не в домах, не за столом, а так, то у костра, то посреди дороги)

— Так положено, — объяснила Мауна, — Тоя, иди сядь.

Тоя быстро села.

— Сир Арзис, может лев рассказать, а как он спас великопревосходную от плена? — гривам-подросткам хотелось драк и мяса.

Арзис важно откинулся, оставив вилку. Подумал. И пустился в правдивые рассказы. Мауна ехала в дилижансе. Пришлось сходу убить одного нападающего, нет, двух, свистели стрелы и болты, одна стрела застряла в броне, он её выдернул. Пока их прикрывали, то смогли побежать под мост и забежать в лес. В лесу почему-то были змеи. За ними погнались трое, среди них была даже огромная львица, отвратительно мускулистая, да-да, ничего себе, с разрисованной белым мордой и с топором (Арзис не знает, что хальсиды вообще не признают самок в своих рядах, даже чтоб исподнее стирать). Одного снова-таки убил копьём, второму съёс голову мечом, львицу проткнул, та упала. В ярости он перевернул её на живот, и тоже отрубил голову (Арзис чуть не добавил, в запале, «к хуям»). Рядом был ещё один телохранитель, Тай, он тоже отбивался, перед ним вообще гора из трупов. Побежали вниз по реке, и вот так, как-то так, потихоньку-помаленьку добрались до Верина, опасаясь всего; их чуть не съел волк, медведь и стая бешеных лис. Ну а тут уже всё, Империя, безопасность, благополучный конец.

Лимарси слушала всё это, закрывшись ладонью. Тоя внимала, но подзревала, что Арзис или привирает, или вообще неправду говорит (она его знает, она очень-очень знает). Подростки пребывали в полнейшем восторге. Рядом ещё двое львят заслушались, дёргая спинки стульев братьев-подростков, вот те самые львята, что помельче; а львёнам это оказалось неинтересно, они и дальше себе играли где-то в комнатах. Мауна слушала всё бесстрастно и не глядя на Арзиса, очень аккуратно кушая поросёнка; она сидела идеально ровно, и ела именно так, как едят патриции за столом, если сидят за этим самым столом (на самом деле, ниже-среднестратная вещь, высокие страты обычно возлегают при трапезе) — умудрялась насаживать маленькие куски на вилку и доносить ко рту, и они — о чудо — не падали.

Не расскажешь же им, в самом деле, об убийстве выгривка, который как раз ссал. Не расскажешь о туалетном спасении Тои, мастерски плохого перевоплощения Мауны в шлюху (так плохо, что даже хорошо), и копьё изо рта. Не расскажешь, как убил погранца-Сунга-художника точильным кругом в загривок, и дорезал ножом, о снова-таки туалетных хитростях Тои, и как привязал местную Ашаи-Китрах к столбу, ограбив её (даже мазь забрали, должна быть у Тои). Не расскажешь же о грабеже и убийстве кузнеца и его жены (придурок, надо было лучше вязать), и как он им отрубил головы (не из садизма, зачем это, а чтобы не мучи-

лись), и как он перед этим копошился в поисках фальха, и жена кузнеца всё это видела, как пришлось перевернуть её на живот, и ей это было больно. О недоразумении с веринскими круговыми и о лисьем, охотном, священном безумии Мауны тем более стоит умолчать.

— У сира есть любимое оружие? Этот меч? — показали на совсем новый меч, который просто прислонён к стенке.

— Копьё, — просто ответил Арзис.

— А сир что-то покажет с копьём?

— Так, ла, а ну прекратите, — попыталась вмешаться Лимарси.

— Конешн покажу, потом выйдем, — просто ответил Арзис.

Ну всё, Арзис купил братьев с потрохами.

— Эту картину, — Лимарси направила разговор прочь от всех этих самцовых безумств, — моей сестре, Намарси, подарило сестринство Верина. Безупречная уже знает, что она — Приближённая. Нас часто путают, думают, что она — это я.

— Вот как, — отреагировала Мауна. — Не смею спрашивать, но как именно Ваал повелел?

К Тое подошла львёна, самая младшенькая, заинтересовавшись ею, и Тоя по-свойски взяла её на колени.

— Тётя Лими, посему у маасси платье глянзное?

— Каяни, не беспокой... маасси. У неё оно не грязное, она с далёкой дороги, — укорила Лимарси львёну, поглядела на Мауну: — Игнимара на Совершеннолетия, — вздохнула. — Намарси была уверена, что всё получится, ничто не предвещало. Но очень разволновалась, игнимара не пошла и всё тут. Все пытались помочь, все читали «иас-иас-иас», она была такой хорошей сталлой Айнансгарда, на таком хорошем счету. Не вышло, — вздохнула. — Должна была приехать с мужем, ещё вчера. Даже позавчера. Так договаривались, — нахмурилась Лимарси. — Сегодня ведь двенадцатое. Видать, что-то не заладилось у её мужа, он кузнец в Тенескале, много работы — то приграничники, то гельсианцы заглядывают, такой хороший мастер. Вон, её дети у меня сейчас. Четверо. Жаль, вы с ней не познакомились ещё. Может, сейчас приедет, как знать.

Львёна трогала Тое дхаарские кольца на ушах:

— Я тозе такие хоцу.

Двое подростков посмеялись, но остепенились под взором матери. Мауна слушала всё внимательно, продолжая кушать, и кивала; это и подначивало Лимарси говорить дальше.

— Да, так вот, Намарси... Что ж, не сложилось, пришлось сойти с тропы Ашаи. Зато вышла замуж по большой любви, ой, такая история, муж Хайдарр. Она ещё с ним сталлой познакомилась, мы всё шутим, что она нарочно игнимару завалила, чтобы за него замуж выскочить. Ой... — Лимарси поняла неуместность таких лирично-семейных исто-

рий в компании Вестающей. — Зато вот, две племяшки, два племянника.

— Хаману говорит, муж... это... Намарси, это... он был кузнец? — вдруг встрял Арзис.

— Да, да. Такой хороший мастер, как жаль, что его сейчас нет, сиру было бы интереснее. Вот, вот, он даже кастрюльки мне наделал, — засмеялась, — он не только оружие.

— А есть в доме от него оружие? Я бы поглядел, — хмурился Арзис, поводит плечами.

— Ой, ла. Ла. Это надо мужа спрашивать, что-то там у него стоит, но я туда не лезу, даже пыль не даёт вытирать.

— Мама, я пойду возьму, я знаю где там что у отца, — предложил сын.

— Мы пойдём, мама, — и второй. Они сейчас Арзису принесут тележку оружия.

— Так а вы знаете, что там от дяди Хайди? Там у папы целая куча железа.

— Эм... — замялись те.

— То-то. Ну, ещё утюжок от него есть...

— А можно я его гляну? Железо гляну.

— Ррайзи, иди возьми. Он там, там. Ну там, на комод. Иди, дай сиру. Да... Великопревосходная, мне Намарси рассказывала историю, она однажды встречала Вестающую, ой, немного смешная история. Ей было шестнадцать, ещё чуть до Совершеннолетия, а в Айнансгарде в ту Пору Вод выпал такой снег, ну такой снег. Значит, выходит из... как там... есть там такой зал поз-жестов-танцев...

— *Гелейса*, — помогла Мауна, погладив инсигнию.

Тем временем Арзис получил свой утюг и начал его разглядывать. Тоя наблюдала за ним, покачивая лвьёну; та сидела смирно.

— Гелейса. Идёт она туда, как тут кто-то из двери выходит, вот, а она как раз ждала подругу. Взбрело ей в голову подурачиться, и возьмёт и кааак кинет снежку, не разобравшись, кто вышел. Попала, говорит, прямо в мордашу какой-то сталле, незнакомой. Испугалась, подбегает, извиняется. А оказалось — попала в ученицу Вестающих, что приехала в Айнансгард.

— И что дальше было? — отпила Мауна виносока. Она пила, сильно зажмурившись.

— Она бросилась обниматься, не разглядев. А потом, говорит, начала понимать, что что-то не то, и глядит — а это Вестающая, а их же нельзя без спросу трогать. Превосходная простит. Это правда ведь, да?

— Увы.

— Она сказала, что дальше было немножко... удивительно. Вестающая вместе с ней упала в снег и начала кричать «Я согласна!». Намарси

говорила, что аж ухо заложило... Ой, ей потом даже влетело, наставницы наказали за неподобающее поведение, ла, не помню как... Но вот это, чтобы в снег бросаться и кричать... Согласна... Это наверное, она приврала. Ну в самом деле.

— Нет. Всё правда. Это была я, — поглядела Мауна в потолок.

— Не может быть! Что, всё так и было? — изумилась-обрадовалась Лимарси.

— Всё так и было, — спокойно кивнула Мауна.

— Ваал мой, как жаль, что её нет! Да что ж такое! Ну нет слов, — отличное настроение у Лимарси. — Как утюжок? — со смехом спросила Арзиса.

Мауна мельком поглядела на Арзиса, на Тою.

— Самый лучший, — не отставил, а дал почему-то Тое, и теперь та сидела со львёной и утюжком впридачу, и ей пришлось подкинуть львёну, чтоб усадить получше; Арзис смотрит на Тою, та вжалась и вдохнула, он нажал ей на лапу под столом, приложил кулак ко рту, будто задумавшись. Нажал сильнее. Теперь на Мауну. Та быстро отвела взгляд, и продолжила опиваться виносоком.

— А есть сухофрукты? — вдруг спросила Мауна. — Орешки.

— Ла. Да. Да, сейчас, сейчас, конечно, — ушла Лимарси.

— Маасси, цто это? — спросила львёна у Тои, дёргая шейный шнурок.

— Ахей, — трудно ответила Тоя.

— А цто такое ахей?

— Знак такой, — ей не хватало дыхания, чтоб отвечать.

— А это? — потрогала возле Ахея.

— Коль-цо.

— А поцему не на руке?

— Затоу не терять, — сломался сунгский у Тои.

— А поцему ты плацесь? Тётя Лими, маасси плацет, — доложила львёна вернувшейся Лимарси, что принесла Мауне всё желаемое. Та поставила тарелку перед собой и начала быстро уплетать всё по куску: раз, раз, раз, раз.

— Это... маасси устала и много пережила, у неё была долгая дорога. Слезай, — слабо попыталась забрать племяшку Лимарси.

— Это ничего, мне ничего, — ответила Тоя, яростно утираясь рукавом и не отдавая львёну.

— Она ницего не ест и хоцет кусать.

Арзис вспомнил, где оставил старое копье. Да, оставил в оружейке Палаты, здесь, в Верине. На конце было клеймо мастера.

Тем временем Тою заобнимали и начали кормить. С ложки бесконечно падало, Тоя бесконечно ловила рукой, ещё держа и львёну, и утюг; почему-то ей не пришла мысль поставить его хотя б на стол. Пришла

ещё лвьёна, ей тоже хотелось поиграть в дочки-матери, и она трогала Тою сбоку. Им интересно, что Тоя очень плачет: вроде такая большая, а как маленькая.

— Ох, — только и сказала Лимарси.

— *Ахей, вергиб мир мейн шулд*, — шептала себе под нос Тоя, очень сильно обнимая лвьёну и немного качаясь; утюжок отложился, нашлась и взялась ладонь Арзиса.

— Это от пережитого, — Мауна уплетала орехи и всё подобное с невероятной быстротой, — метаноя может поплыть.

— Метаноя? — наострила уши Лимарси.

— Сознание, — хрустела орехом Мауна.

— *Ахей, вергиб мир мейн шулд*.

Арзис чуть постучал Тоиной ладонью по столу.

— Ах, да. Намарси бы сразу поняла.

— Сразу поняла, — эхом повторила Мауна.

— Ох, вы столько пережили. Великопревосходная держится просто невероятно, и это после того, что мы услышали.

— Встающая может приказать себе всё что угодно.

— Идём, льявки, копьё пощупаем, — тяжело встал Арзис, погладил Тою по голове, ушам, и вышел.

Льявки безумно обрадовались, что столовые церемонии вместе с самочьими соплями кончились, и начинается что-то нормальное — выскочили за ним.

— Вижу, вкусно, — радовалась Лимарси Мауниному аппетиту.

— Хаману Лимарси, знает львица, — не переставала есть Мауна, в тарелке уже мало что осталось, — у меня была наставница, Ваалу-Амая. Были ещё и другие, но это неважно. Мне кажется, что с течением времени я всё больше похожа на неё. Но полно о мне, я хотела бы услышать что-нибудь о Намарси.

— Что именно?

— Всё, что львица пожелает рассказать.

Что ж, Мауна действительно узнала очень многое. И то, и другое, и то, что Намарси очень любит посуду и как-то слишком уж любит порядок (терпеть не может, если какая вещь не там лежит), что она умеет мурчать настолько громко, что иногда устраивает представления из этого, особенно если выпьет (выпить может много, почти не пьянея), и какая её была свадьба (на ней были и драки, и у кого-то украли кошелек), и как перед нею они с Хайдарром слегли от жуткой горячки, потому что бродили целый день под дождём хвост знает где. Мауна ни разу не перебивала. Мауна слушала очень внимательно, и Лимарси втайне удивилась, как внимательно тебя может кто-то слушать, что такая редкость, ведь все слушают так-то самих себя, что там до других; она никогда не сталкивалась с такой собеседницей, и только оставалось удив-

ляться и радоваться, что есть такая вещь в мире, как Вестающие (наверное, все они вот так умеют слушать). Это всё затянулось, это всё заняло огромное время, уже вечерело, львёна давным-давно уснула на руках Тои, а та давно перестала плакать и сидела, почти не двигаясь.

Когда Лимарси просто иссякла, то Мауна поблагодарила и вышла наружу, где и нашла Арзиса. Тот уже провёл заливчатский урок с копьями, с матом и глупейшими историями, который удался на славу — брат брату выбил зуб палкой. Он уже раздобыл где-то пива в крохотном бочонке и лежал на траве прямо посреди двора, возле него — куст самшита, который он трогал за маленькие листочки.

— Странное чё-то пиво. Пью, и хоть бы што.

Мауна поглядела на него и определила, что пиво не странное, а вполне нормальное, и Арзис хорошечно так пьян. Возле него почему-то лежала куча всяких шнурков и верёвок разной толщины. Поглядел на неё, снял с себя плащ и постелил Мауне:

— Слушай, садись, Маун.

Мауна села на лапы.

— Слушай, Хозяйка, дай мне руки.

Дала. Хлебнув пива из кружки, он начал вязать ей руки, как пленнице, причём не в шутку, а сильно.

— Ну терь попробуй освободись.

— Ну я не могу, — сразу сказала Мауна.

— Ну чё не можешь, давай пробуй, туда-сюда подвигай, давай.

Попробовала. Да какое там.

— Не могу.

— И я не могу бля понять. Я им все ножи, всю хуйню позабирал... руки, гээп, — он судорожно вдохнул, потом рыгнул, — руки под лапами связал, у тя ещё сладкая жизнь, — показал, что руки Мауны просто себе вместе и спереди. — Я в хлам бухой могу это сделать, поняла да. У нас в нашем сраном фортике, там, — показал на восток, — там я вязал, потому что пасти всяких там это непыльный наряд, я за такое брался, к нам привезли раз каких-то каторжников блять и тут же привезли каких-то драагских сучек, целую кучу, и зачем их только привезли я не знаю, их я всех вязал на конвой сам один, целые льены шнурков, поняла, и их просто негде было распихивать, у нас был один тюряжный барак так мы драагских в него позапихивали сколько могли, а каторжных, тем просто яму откопали и накрыли решёткой. Они так в яме и сидят, нахуй, — махнул рукой, — дождь, ночь — до пизды. Только пить и жрать им бросай через решётку.

Мауна слушала его точно так же, как Лимарси.

— Я это к чему, поняла? — прильнул он к ней, и громким пьяным шёпотом: — Как эти двое могли развязаться? Как я так проебался?

Мауна промолчала.

— Не развязались бы — жили бы себе, не тужили, вот сейчас бы пришли сюда, смех смехом был бы. Представляешь, они тут — и мы тут такие, обана. Видела? У неё четверо детей. Ай, в жопу всё, — взял кружку, но Мауна забрала, даже со связанными руками.

— Так получилось. Ты не виноват. Ты следовал Вклятве и делал так, чтобы я выжила. Сунгов много, Востающих — шестьдесят шесть.

— Не, Мауна, брось это. Кто-то всегда виноват.

Она вышла, чтобы рассказать ему — это она, Ваалу-Мауна, освободила Намарси, разрезав верёвки, а та — освободила Хайдарра, а он — вмазал Мауне (так что уж несправедливо говорить, что ей никто никогда не бил по морде), и побежал к Арзису. Также она вышла, чтобы отправить его с Тоей обратно в гостдвор, дабы чего здесь не сболтнули; она больше волновалась за Тою, но поняла, что зря, ту можно в тофет живьём бросать — ничего не скажет, чтоб её, эту дхаарскую сучку высокой породы, мрамрийский нобилитет, чтоб его, задушила бы тварь, но не могу — *не положено*, не за что, серая, безупречная служанка, отзывчивая, чтоб ей сгнить в той таверне, пёс тебя укусил её оттуда вытащить, ну какой же пёс, это Вклятва, она тут работает в обе стороны, куда бы я не делась, потому что есть *гегемоникон* и ему всё равно, желания на пути Ашаи бессильны, пути всё равно что хочешь, а больше всего хотелось, чтобы Арзис всех там порубил, и ты ощутила что-то, чтобы кто-то взял и сделал что-то для тебя, что-то огромное, потому что Арзис — твоё живое оружие, и он тебя любит. Подытожим: с Тоей проблем нет. Это с Арзисом сейчас будет проблема.

— Вот, я виноват.

— Нет, это я, — запретила ему Мауна.

Он поднял палец:

— Это хальсиды, если разобраться, — уставился на неё, потом замахал рукой: — Не, это Гвардия. Маун, я тя прошу, как выберемся из этого говна, то разберись что там произошло. Хоть я тебе помогу, надо будет ещё понаделать кому дырок — понаделаем. Я те всё сделаю, — пьяно заверил он, почему-то поцеловав ей концевост. — Но с этой темой, — показал на дом Лимарси, — в этом — всё равно моя вина.

Потянулся ещё за пивом. Мауне уже затекли руки от верёвки.

— Арзис, освободи меня. Пожалуйста.

Он достал кинжал и без слов разрезал. Она взяла его мордашу в ладони:

— Тебе нужно поспать. Мы всё узнаем.

Нет, не надо ему сейчас говорить, что это она освободила Намарси и Хайдарра. Почему освободила? Да потому что дура, и его не послушалась. Потом скажу. Или сейчас? Потом... Или никогда. Незачем ему знать, что Хозяйка — дура. Как Амая.

— Это всё Гвардия, — подтвердила все его выводы. — Послужи мне — иди спать. Возьми себе Тою, пусть тебя погрееет, помоет, отойдешь.

— Тоя? — сказал и подумал Арзис. Сказать ей, что берёт Тою себе? Как жену. Так-то он уже её взял, осталось пойти и мелочи доделать, он честный, хоть и дезертир, сутенёр и убийца и что там ещё. Добрая и естественная, что надо ещё. Не, не надо говорить. Мауна, она ровная, но хвост её знает, Мауну, как поймёшь чё она Тое сделает и что думает. Если б не он, она б Тою давно расстреляла; нужно всё иметь в виду, не то промахнёшься. Ну, без него Мауна бы и сама сдохла, но эт такое, россказни-сказки. Линять от неё надо. Надо, и надо. Ну как ты её бросишь, лису? Сдохнет ведь без тебя, получит по морде, наконец, а жалко; других не жалко, не. Даже этих двух не жалко, дураки, решили тягаться, устроить войнушку, трах-бах, развязываться, побег из курятника устраивать. Вот Тоя уже собственность, тут же всё своё. Тоенька. Да. А как ты Мауну-то бросишь? С ней ещё дела есть, надо вот этих вот найти, этих, непонятно ещё каких, но найдём. Всех найдём, всё узнаем, это она правильно сказала, она всё правильно говорит. Но не поддаваться и не трахать.

Или ну его всё! Надо сказать, всё как есть, родился гениальный план:

— Маун, знаешь что, делаем лапы, а? Я, ты, Тоя. Переоденься в светское. Пошли, я женю се Тою, и хочь — возьму и тебя. Надо будет только сундук какой-нить с круглыми сцапать, вот как тебя приедут, это... забирать. Купим се метрики, купим дом или построим. А? Тарелки будешь мыть, Тоя те покажет. Вы друг друга поубиваете, но сначала нарождаете, и эт лучше, чем твои подружки тебя замочат. Из тебя красивые дочки будут. Сколько хочь? Их потом можно будет замуж за патрициев выдать, у тебя ж связи, то-сё... Смори, в Листигии можно две жены иметь, в Юниане — четыре, в Андари... Скока в Андари?

— Идём, Арзис, идём-идём, — о, была Мауна, а почему-то стала Тоя, ну и ладно, так даже лучше. Так, где тут поспать. А, вот кровать, тут и поспать. Бам.

Тое не удалось его помыть — большой; но раздеть смогла, хоть и поцарапалась о всякие железки, и уложить смогла, и потом сама с ним легла, но это не она его грела, а от него грелась. Ей не мешало, что он пьяный, это всё можно перетерпеть, совсем не страшно. Хозяйка сказала тихо, чтобы никому-никому ничего не говорить, не выдаться. Вот львят очень жалко. Сказала, чтобы Арзис спал себе спокойно и смотреть, что он там, но это Тоя и сама-сама знает.

Мауна не стала больше сидеть с Лимарси, сослалась на усталость, да и львице с такой кучей детей нехорошо надоедать, сдержанно поблагодарила за всё и пошла себе в комнату, ей ведь уделили. Вокруг дома городская стража — симулякр её телоохраны — сделала периметр. Засова

не было, потому заперлась, подвинув комод. Тяжёлый. Стоит? Стоит. Всё, никого нет? Нет. Никто не видит? Нет.

Свалилась на пол, как была, сжалась в комок. Плач бывает разный, и есть такой, когда лишь открыт рот, ты даже звука выдать не можешь — так тебя сжало; только шипеть, словно умираешь, и судорожно вдыхать. Она понимала Амаю. Раньше её было невозможно понять, теперь невозможно её не понять.

Мнемоника и воля

Их забрали из дома Лимарси на следующий день. Такой дождливый, ветреный, противный день! Чудовищный по своему размеру и статусу кортеж.

— Как нам поступить с Лимарси и Намарси, Арзис? — не знала Мауна.

— Не знаю, — не знал и Арзис, у него болела голова. — Денег ей пришли, что ли.

Мауна погладила инсигнию, глядя вдаль из дилижанса; там — поля.

— Не думаю, что такое можно искупить деньгами.

— Просто пришли денег, что ещё ты сделаешь?

Мирь ещё не всё собрала и не всех собрала, не все дела поделала, но не выбирать — её выдернули из Верина и забрали с собой. Детей ей пришлось оставить дома, но, благо, уже немаленькие; потом заберёт, некогда, да и дядька у них есть. Если ты в Семье — не выбирать: Хозяйка едет — ты едешь.

И повезли из Листигии прочь-прочь-прочь, на восток, в Юниан, теплее; если ещё на юг, то будет родная Андария. Мауне сказали: так надо. Хватит с вас всех запада и Гельсии, навостались-настрадались-навоевались, да и очень важная встреча намечается, все будут ехать из столицы (из Марны), с востока, нужно где-то посередке встретиться. Кто именно, что за встреча? Ещё неясно, но важная.

Завезли в большую, старую, очень обжитую крепость при городе Льван. В ней и засели, ожидая. Мауне дали всё: покои, служанок на время, телоохрану на время (из Палатных, но что уж тут выбирать, из кого ещё временную телхрану наберёшь), дали целый сундук империалов (особо незачем), всё дали. Тое и Арзису тоже много дали, целую комнату, а что им ещё нужно. И Мири дали. Всё всем.

Вот что перво-наперво сёстры из Марны привели Мауне:

ЛИЧНОВЕСТЬ. Ваал велик. Безбрежно рады, празднуем твою блистательную победу во славу Сунгов. Имперская власть настоятельно просит указать оставшейся Семье не распространяться об инциденте, и о всех связанных темах. Строжайшее ШШ.

Победу, да.

Ненадолго приехали Нэль, Умалла, и даже Мьянфар, каждая по отдельности. Особенно расчувствовалась Мьянфар, вообще-то сдержанная львица. Родовались, но о предстоящей встрече имели только догадки. Нэль привезла ей сундуки одежд, декорума, всего.

— От Императора кто-то будет, — вот что знала-догадывалась Нэль.
— От Палаты.

О том, почему Гвардия Палаты так бросила и так подставила Мауну, они честно ничего не знали. Они примерно знали, как и что: та ехала через Норрамарк, потом Листигия, потом форт Шатт, потом Мауна и хальсиды, потом почему-то поехала в Тенескал, потом из Тенескала очень быстро умотала обратно в Норрамарк, а там её след терялся. Это всё рисовала Умалла на карте, они вместе и смотрели. Шли безумные предположения, Умалла недобро улыбалась, яростно тыча в карту. Они все благородно предлагали дать по куску своей телхраны для Мауны, но та наотрез отказалась — удивительные времена пошли, им самим надо ощетиниться охраной, мало ли.

— Мои в Шатте выздоровеют и приедут, а потом посмотрю, как дальше, — так рассудила Мауна.

Но из Шатта никто не приехал, ибо пришла ужасная новость: вся Семья, что там осталась — тоже умерла. Кто через пару дней, кто через неделю, но все. Туда залезли Имперские просекторы; Сигаса, ну командира Шатта, отстранили, он хотел на меч броситься от такого позора, но в Гельсии теперь много чего происходило, и его направили туда — некогда на мечи бросаться.

Вестать нормально не могла — Графа нет (утрачен), всего Медиума нет (погибли). Но на Отвесь потихоньку работала, всё сама. Командир крепости, как водится, попользовался тем, что у него вдруг появилась Вестающая, и даже послал одну приватную Весть. Мауна не противилась и всё отвествала.

Много читала (привозили книжки из города), много отдыхала, беседовала с Мирь — очень уж незаурядной особой оказалась эта Мирь. Кажется, они подружились. Кажется, Мауна понравилась Мири.

— Неблагодарность: лучший признак того, что особы надо избегать. Такие всегда тащат себя на дно, думая, что всплывают, — так сказала Мирь.

Подле крепости и для самого Львана была ещё одна Ашаи-Китрах, и впервые в жизни Мауна видела настолько косную, заносчивую и просто омерзительную особу. Как собеседница она оказалась совершенно пустой, и вся она излучала презрение к Мауне (почтальонша, а сколько пафоса, спаси Ваал). Но, вот в чём дело: она презирала вообще всех. Мауна быстро поняла, почему эта воспитанница дисциплинария Криммау-Аммау оказалась вполне себе на высоте в местной иерархии, и почему нравилась Империи: у неё была нельвиная, фантастическая игнимара. Львица-факел: игнимара в обе ладони, в уши и морду, и плечи и хвост. По всей крепости и вообще по всему Львану жгли чаши Ваала, зажжённые напрямую, а не поддерживаемым огнём. И главное: ещё будучи на севере, эта Ашаи открыла полезнейшее применение для своего Дара: пытки игнимарой; штука оказалась даже лучше, чем искусство Правдовидиц — все сознавались во всём, правда лилась как из водопада. Там она, сидя в каком-то легионе и у всяких военных, запыtywавала огнём Ваала всех кого только давали: преступников, каких-то пленённых северняков, предателей, шаманай, идиотов, нарушителей дисциплины и субординации, просто случайный львинород, что оказался не там и не в то. Здесь, во Льване, зажарила фискала, и вскрылся жирный схематоз. Ходила с охраной, множество покушений, десятки — все неудачны. Мауна занырнула в неё эмпатией и смертельно пожалела об этом.

В общем, Империя в восторге.

Пришла в восторг и Мауна, когда на четвёртый-пятый день в их крепость заявился не абы кто, а сам Тай! Подлец, проходимец, головорез — он выжил. Он засел с Мауной и Арзисом; Мауна гладила и тормошила его, как своя; Арзис бесконечно хлопал его по плечу. Тоя, по-своему воспринимая радостную аффектацию, притащила ему из кухонь большой пирог, чтоб покушал-покушал, но не стала им там мешать.

— Рассказывай, бродяга! — наседал Арзис.

Но рассказывать особо было нечего. Тай видел, как Арзис с Мауной удрали в лес, и воспринял это хорошо: Хозяйка цела, даст Ваал, не пропадёт. Он знал, что «на Арзиса можно положиться». Он задержал нападающих, чуть-чуть, но бежали ещё, новые, и он еле скрылся в лесу сам, убежав в иную сторону. Его болело левое плечо от удара, ему сделал небольшую дыру болт в спине (броня спасла дело), и сильно ударился ладонью, когда убегал. В общем, отделался почти ничем. Он не побежал вниз по реке, а обратно к Шатту, думая, что так будет лучше (может, за ним угонятся), и что Мауну с Арзисом он «хрен найдёт». В Шатте «все наши медленно умирали страшной смертью» и «их точно отравили». Тай был уверен — что-то кто-то подсыпал в еду. Он оценил, что хальсидов было не меньше чем пять десятков, но «бестолковые». Он был абсолютно уверен, что «Гвардия сбежала нарочно», ну с этим согласились

все. На вопрос, почему Тай съехал в реке и что увидел перед нападением, тот ответил просто:

— Жопой почувял.

На вопрос Мауны, что он думает обо всём этом вообще, он долго не отвечал.

— Хозяйку хотел убить кто-то очень влиятельный, — откинулся он, глядя на свечку. — В смысле, самый-самый верх.

— Кто-то, кто может приказать Гвардии Палаты или подкупить её? — мяла Мауна ладошки.

— Это была не Гвардия, — покачал он головой, нет-нет. — У предыдущей Хозяйки я много с Гвардией наездился. Это были не они. Я с самого начала подумал, что с ними что-то не то, но решил: а вдруг кажется. Всё на них гвардейское, но не они.

— А кто?

— Не знаю.

Тоя быстро на себе поняла, что значит нехорошее слово за... мучил.

Она представила, что комната крепости — это их дом, и начала тащить в него всякий декор, чтобы красиво.

А еще простыни сама стирала каждый день, только сама, потому что невозможное дело — мокрые, и самое ужасное, что от неё, и ничего не поделаешь, но Арзис говорил, что это хорошо, и то что так надо; ну, значит, так и есть. Вообще, она думала, что всегда будет, как тогда у озера, а оказывается, по-всякому можно, стыдно даже подумать. Напридумывают же.

Да, ещё к Мауне пришла местная мастерица жизни, за день до важной встречи. Это было нечто. Мауна читала («Сунгмара и традиция»), как тут дверь открывают, а только потом по ней стучат. Мауна недобро поднимает взор и видит: в дверях стоит огромная львица и тяжело дышит. Огромная и старая — она никогда таких толстых львиц не видала. Никогда. На ней — мастерица, вот то самое платье мастериц жизни, страшное, как сама жизнь.

— Чуть не умерла... ху... по этим ступеням... хэ.

Закрыла дверь и пошла к ней, уселась напротив, стул жалобно квакнул.

— Аж в ушах звенит, — утёрла мокрый нос тряпкой, чистой как небо.

— Чем могу помочь львице?

— Мне? Да чем я могу помочь? Ой, — утратила равновесие на стуле, но катастрофы удалось избежать.

Итак. Поглядели друг на дружку.

— Ну что, как ты тут? Аврина, — похлопала себя по груди.

— Мауна. Ничего, — сообщила Мауна.

— Что у тебя случилось? Все говорят, а я так и не поняла. Говорят, в Гельсии чуть не убили.

— Вроде того, — ограничилась Мауна, бесстыдно оценивая эту Ашаи взглядом. Ну да, а что ты думала. Не только Вестающим быть эксцентричными.

— Ох, Ваал. Всё им убивать и убивать. Не успеешь жизнь принести... а они уже убить хотят. Как так вышло?

— Ещё не знаю.

— Ну, узнаешь, — уверенно отмахнулась Аврина.

— Если так, то могу ещё узнать, отчего почтена визитом?

— А... ну как... мы же сёстры. Может, тебе нужно чего, — удивилась Аврина, и кашлянула.

— У меня здесь всё есть.

— Ну и слава Ваалу, — и обрадовалась, и успокоилась Аврина.

— Аврина зря беспокоится, у меня всё хорошо. Тем более, львице не так просто добраться ко мне, учитывая... здоровье.

— А никогда не знаешь, что зря, что не зря. Надо пойти — пошла. А ты не смотри, что я такая, это меня по голове ударили, и я растолстела. Что-то там, — показала на голову, — съехало не туда. Детей в утробе можно поправить, если не так сидят, а там уже ничего не поправишь.

— А почему надо пойти?

Аврина беспомощно развела руками, а потом воздела их к небу.

«Занятно», — подумала Мауна, и облокотилась о стол.

— У меня здесь и служение есть, и компания. Ифана даже есть, — зачем-то призналась ей. Захотелось сказать. Посмотреть, что будет. Да, есть Ифана — Ашаи игнимары, что пытается.

— Кто, Ифана? — подняв голову, надменно поглядела Аврина. — Ифана тебе не поможет, — стальной, уверенный тон, жест полнейшего отрицания. — Ты её обходи. У неё злая воля. Ты ещё молода, ты с ней не справишься. Хотя... — сощурилась она. — Ой, — вздохнула.

— А Аврина? — любопытствовала Мауна.

— Я справлюсь, — важно кивнула мастерица. — Она как огня боится таких, как я. Я иду — она в норки прячется.

— Вряд ли Ифана боится огня, смею отметить, — чуть улыбнулась Мауна.

— Это другой огонь.

Аврина вздохнула.

— Вон, даже пальцы потолстели. Трудно работать такими пальцами, — пошевелила ими перед собой. — Эхе. Но ничего. Мне на Возвышение скоро, а я не пойду, дальше буду служить.

— А разве так можно?

— Та я договорюсь, или подкуплю. Сделают мне бумажки, что я на пять лет моложе, и делов.

— Возможно, ученицы могут помочь? — посмотрела на её пальцы Мауна, что были не такими уж ужасно толстыми. Она знает, что мастерицам нужны чистые ладони и хорошие пилки для ногтей.

— У меня были, — снова важно кивнула Аврина. — Раз, два, три, — показала три пальца. — Все уже выросли, все разъехались. Я в Сидне немного была, там у меня ещё четвёртая была, Миресли.

Аврину поставила руку на стол, но не просто поставила, а подложила под неё белую тряпку. И в дверь снова постучали, по стуку Мауна узнала — Тоя. Они так-то мало сейчас пересекались: несколько утр, когда Тоя делала ей Встречу; и ещё она с ней мылась в ванне, только с ней. А стрелять Мауна уж ходила сама. Всё. Полдень, но Тоя как раз пришла её мыть — Мауна обрела привычку купаться по два-три раза в день, ей после блужданий всё казалось, что она — вся грязная.

Вошла Тоя, Аврина тяжело обернулась; Тоя застыла. Так прошло несколько мгновений: Мауна смотрит на Аврину; Аврина на Тою; Тоя на Мауну.

— Хозяйка занята, мне позже быть?

— О, — обрадовалась Аврина, словно увидев очень старую знакомую. — Иди сюда, чего стоишь. Не стой, иди, давай.

Тоя осторожно пошла вперёд, и бодрее, когда Мауна свершила ей жест.

— Ага, — оценила её Аврина, — а ну покрутись.

Тоя беспомощно поглядела на Хозяйку.

— Сделай, как просит мастерица, Тоя, — кивнула Мауна.

Тоя покрутилась круг себя.

— Ага. Подними всё. Платье подними. Да выше-выше, ещё, да всё подними. Ещё крутись.

Тоя снова покрутилась, Аврина поймала её за хвост, пощупала. Почему-то именно в этот момент она решила представиться, пойманная за хвост и ко всем задом:

— Дхаарка Тоя, порода Мрамри, отвечаю Вестающей-Хозяйке блистательной Ваалу-Мауне, — отошли её уши назад, пока глядела в сторону-вверх.

— Дха-а-рка Тоя, — задумчиво трогала основание хвоста Аврина. — На мрамрийском, значит, орать будешь, — посмеялась, а затем чихнула, неведомо как успев снять себе ещё тряпку и приставить к морде. — А ну это, это сними, — показала на мрамрийский пояс.

Тоя сняла, Аврина взяла, теперь приставила ей ладонь к животу. Взгляд у неё стал отсутствующий, блуждающий.

— Ага. Теперь лапы расставь. Пошире. Вот представь себе, что здесь тазик стоит, меж лапами.

— Я такое могу, — даже уверенно ответила Тоя, и всё сделала.

Аврина оставила ей подол в покое и что-то долго доставала из-за пояса, постанывая и тяжело дыша. Затем намазала себе что на палец, долго так, придиричливо.

— Только ко мне повернись, вся. Ага. Чуть вперёд. Вперёд наклонись, вон обопрись о стол. Ага. Не бойся, — и Аврина снова полезла ей под подол.

— Фус, — не ожидала вот такого Тоя, вдохнула и застыла, впившись когтями в стол. Она испуганно глядела на Хозяйку. И вообще, её там не никогда не беспокоили, все годы, а тут пошло-поехало каждый день, да что ж такое.

Мауна с интересом всё наблюдала.

— Трое, — прикрыла глаз Аврина. — Всё сыновья, — и вытащила палец, дальше его утирала. — Долго орать будешь, первородка. Но ничего.

— Она беременна? — спросила Мауна, но что тут спрашивать.

— С недельку. Может, вторую. Раз у вас всё хорошо, то я пошла. Ваал в дни, будьте здоровы, — Аврина встала и ушла себе.

Тоя смотрела на дверь, как и Мауна.

— Кто это был, Хозяйка?

Мауна ответила не сразу. Что тут ответишь.

— Мастерца жизни.

— Так она... сказала... что я... что у меня львята есть? — очень несмело спросила Тоя.

— Тебя что-то удивляет?

Та загрызла когти, испуганно улыбнулась, и даже забыла ответить Хозяйке.

Но вот всё это ожидание-сидение кончилось, и, наконец, приехали те, кто должен был приехать.

Присутствующие: Ваалу-Мауна; Ваалу-Веста (Вестающая, Марна, Та-о-Ком-не-Говорят); Проводник Воли Императора (один из трёх); заместитель главы Тайной Службы Империи; и сам глава Палаты Дел Ашаи-Китрах и Охранения Веры. Серьёзная компания, только Высокой Матери не хватает, но она «незримо тут», как уверила Веста (просто невозможно приехать, она на юге, в Мистфальне).

Веста сидит рядом с Мауной, почти как Нэль, она иногда поглаживает её по руке. Напротив них: тайник, Проводник (в центре), палатный. Мауна выглядит странно, необычно для Вестающей на такой встрече: на ней только простенький пласис, несмотря на целый гардероб от Нэль, кольцо и венец с подвесками. Амулета нет (а откуда ж его взять — в дилижансе ведь остался); зеркальца нет (обычные не положены, а зеркальце Вестающих ещё не достала, в лавке такую вещь не купишь); стампа нет (в дилижансе снова-таки). Но сирна есть! Сирна не её, а Амаи. Также Мауна — единственная, кто приказал себе принести по-

есть-попить, и без стеснения грызёт орешки, хотя это как бы сейчас не пристало.

Обычные представления-вежливости-формальности, как доехали, ничего, хорошо. Всё, на самом деле, вполне просто, даже камерно. Всех помощников, свиту, прочих — вон.

Проводник поставил перед собой небольшой ящичек, а ещё бумаги. Лев с доброй, широкой, усталой мордой, их старых Сунгов, грива необычно взъерошена, даже неухожена.

— Он приехал? — вдруг спросил у тайника, сильно нахмурившись.

Тот кивнул. Выглядит, как и положено тайнику: узкий рот, узкая морда, непонятнейшая внешность, словно его нарисовали как набросок, а не вполне льва.

— Да, Проводник.

— Хорошо. Что ж.

Веста осанилась, и выдохнула, мол, ну давай, рожай своё «что ж». Мауна ничего не сделала.

— Мы не будем ходить вокруг да около. Хочу сразу сказать, что я лично очень рад, что изумительная выжила, — сказал, Мауна кивнула, тронула его эмпатией, и бесполезно — *запечатали*. — Мне очень жаль, что пришлось такое пережить. Думаю, сиятельная Ваалу-Мауна, у безупречной возникло много вопросов, многие из которых — неудобны, а некоторые — бросают тень на Имперскую власть в целом...

— При всём уважении, мы ровно это и делаем. Ходим вокруг да около, — перебила Веста.

Она — найсагрийка. У андарианок, например, спокойный нрав. У найсагриек — побойчее.

— Мауна, начнём: я тебе расскажу, как есть, — повернулась к ней Веста. — На тебя напали хальсиды вперемешку с гельсианскими разбойниками. Их на тебя навела Тайная Служба. Сопровождала тебя не Гвардия Палаты, а Безмолвные, что переоделись в Гвардию, потому что Палата, — Веста показала на палатного, — не могла проводить эту операцию, они не могли понять, как её исполнить, не нарушив... вообще всё, что только можно нарушить. В нужный момент Безмолвные, следуя приказу, оставили тебя саму. Организовывала и курировала всю операцию Тайная Служба. Средство: убить тебя и всё твоё сопровождение. Цель: тем самым получить повод к вводу семи легионов в Гельсию, свержения огнежрецов, уничтожения всех хальсидов, немедленная казнь уже всех пойманных хальсидов и установление домината в Гельсии, вместо протектората. Я ничего не упустила? — хищно спросила Веста.

Так и планировалось: всё сказать, как есть. Но все трое светских замялись и просто закивали головами.

— Мне это рассказали сегодня поутру. Теперь ты это тоже знаешь.

Мауна молчала, перебирая коготки. Неудобная тишина. Проводник встал и выложил из ящика: сирну Мауны; зеркальце Мауны; амулет Мауны; стамп Мауны; два венца Мауны; почему-то головную накидку. Поглядел в него, на дно:

— Там есть ещё три книги. И шкатулка.

Сирна вернулась на пояс (проверила, это она: «Ваалу-Мауна, Ашаи Вестания, во Славу и Кровь»), теперь их целых две; стамп вернулся на пояс; зеркальце оказалось без защиты и оно треснуло, Мауна погляделась в него:

— Зеркальца нельзя брать в руки самцам.

— Прошу прощения, безупречная, — извинился Проводник.

Амулет вернулся на шею. Венцы и накидку просто отложила в сторону.

— Попрошу шкатулку.

Взяла её, но она на ключ, закрыта. А ключ у нее потерялся там, в дилижансе. Потрясла, наострив ухо, зашуршала ткань, забился конверт. Хорошо.

— Легионы-то хоть ввели? — спросила Мауна.

Наверное, не этого вопроса все ожидали; тайник даже заулыбался. Её снова тронула Веста:

— Ты выпала из жизни, — мягко погладила Мауну, нежно, — через тебя Вести не идут. Ввели, огнежрецов в Насаре побросали в тюрьмы, хальсидов сожгли — как они и любят, — с мщением молвила.

Как ручеек охотно течет туда, где есть ложбины, так и Проводник увлёкся в это русло, стараясь всячески избегать неприятных обсуждений, объяснений, вопросов; оттянуть их:

— Сначала по Империи разослали трагичную новость, что Вестающая погибла, несмотря на охрану. Но вот, волей Ваала, теперь расходится славная новость — Вестающая выжила.

— Несмотря на охрану, — Мауна не удержалась от сардонической ремарки. — Не проще было просто разослать новость, что Вестающая погибла, и тут же всё нужное повернуть? А саму Вестающую и её Семью не трогать, пусть себе живут и даже служат Империи? Как будто гельсианцы будут проверять, как будто им будет дело.

Веста тяжело вздохнула.

— Не проще, — ответил тайник, еле-еле покачиваясь из стороны в сторону. — Всё не для гельсианцев. Всё для убеждения тех многих в Империи, кто был против превращения Гельсии из протектората в доминат, — он чуть дёргал головой, когда говорил, болтались стяжки гривы. — Они уже не против.

— Искусство убеждения... — пожала Мауна плечами. — Никогда им не владела. И, увы, стала его жертвой. Я не сильна в политике, слишком

молода. Но с протекторатом Гельсия было всё не так плохо, насколько я могу судить.

Теперь тяжело вздохнул Проводник:

— Я оставил бы эту сложную тему, безупречная. Теперь будет доминат Гельсия, и посмотрим, как с ним будет всё плохо.

— Всё плохо. Как всегда.

Ну, посмотрела Мауна на тех троих. Вы будете объясняться, или как? Нет?

— Чем же я и моя Семья не угодили? Почему именно так?

— Повод к войне. Протекторат-доминат.

Веста скрылась, потирая глаза пальцами.

— Скажем так, некоторые особы продвинули эту идею, в том числе из Тайной Службы и так далее, и убедили Императора, что Вестающая так может сослужить Империи и Сунгам. Все наши жизни в Его руках. И я сразу скажу, что теперь все сожалеют о принятом решении, а особенно Император. Он увидел, что спасение безупречной Ваалу-Мауны — знак от Ваала.

— Можно было мне просто приказать, если Император требует моей смерти за Империю. Я бы поехала сама, а хальсиды бы сделали что полагается.

— Так это не делается, — заотрицал тайник, нет-нет.

— А как делается? Вот так? Ну вот, я жива, — показала на себя Мауна.

— И это чудесно! — поспешил Проводник. — Ваал не позволил, всё получилось даже лучше. С Гельсией всё пошло вперёд, Гельсию давят, Ваал не дал Вестающей сгинуть, слава Сунгов, поражение хальсидов и огнежрецов.

Нагребла себе орешков-сухофруктов в кулак и стала их поглощать. Мауна думала, её взгляд блуждает, она думает.

— Почему Семью в Шатте отравили насмерть?

— Экссесс исполнителя, — ответил тайник.

Кажется, наиболее неприятно всё это именно палатному. Как посмотришь на него — так аж жалко становится. Кажется, его страшно тяготит эта совершенно отвратительная история.

— Профу разшвить это, — громко хрустела Мауна, и даже предложила похрустеть Весте. Та вежливо, мягко отказалась.

— Их не должны были отравлять, только вызвать расстройство на пару дней. Но исполнители на месте перестарались, поняли всё по-своему, и отравили их насовсем.

— Тайная Служба, вижу, нас не очень любит. Впрочем, я тоже послала сиру Каррису справедливый упрёк.

— Сиру Каррису? Могу узнать, кто это? — нахмурился Проводник.

— Сир из Тайной Службы, возможно, поможет нам узнать? — посмотрела на тайника Мауна, указала на него.

— Простится, превосходная. Я знаю много Каррисов, мне нужны более точные данные.

— Это тот Каррис, который был любовником Ваалу-Амаи, и донедавна — Ваалу-Шиалы. Я убила его перед отъездом в Гельсию.

— Вот как, — не впечатлился тайник.

Веста, если и впечатлилась, то не подала виду. Палатный мучительно пытался понять, что происходит. Проводник начал думать, что всё это значит.

— Могу узнать мотив? — спросил тайник.

— Личная неприязнь. Смерть Ваалу-Амаи. Попытка сплестись с Ваалу-Шиалой и, тем самым... В общем, будем считать, что мы с Тайной Службой достойны друг друга.

— Хм. Убит. Значит, плохо работал.

— Убийство Семьи Ваалу-Амаи, два года назад, — вдруг спросила Мауна. — Оно связано с моим?

— Мы разглядываем только наш инцидент. Какое отношение к нему имеет столь старая история? — и себе спросил тайник.

Снова неловкая тишина.

— Давайте к конструктиву, и давайте забудем старые обиды, — вот так предложил Проводник. — Мы все должны служить на благо Империи.

— Всё верно, — пригладила Веста Мауну, по ладони.

— Согласна, — согласилась Мауна.

Всем, кажется, полегчало.

— Мы пришли к взаимопониманию, — определил Проводник. — Прежде чем я зачитаю Повеление Императора, что прямо указывает дальнейшую судьбу нашего текущего дела, я хочу обрисовать кое-что для вершительной Ваалу-Мауны. Смелые действия. Упорность, сунгмара, ярость истинной Сунги. Нежелание кориться врагам веры. Знак от Ваала. Сиятельная отправится в Марну. Перспективы ещё определяются, но имею все основания полагать, что... — и показал на Мауну, — ...личная Востающая Императора.

Тайник не очень изумился, впрочем как и палатный. Мауна тоже не очень. Зато Веста — вполне:

— А Наамзира? — с беспокойством спросила, прильнув вперёд, аж подвески слезли с плеч и заболтались в воздухе.

— Очевидно, что поедет в Гельсию, куда направлялась сиятельная Ваалу-Мауна. Думаю, именно такой будет воля Императора.

Вдруг тайник обнял рукой Проводника, ну прямо как любовника, и тот явно неприятно удивился эдакому обхождению; впрочем, не поше-

велился; ему что-то прошепталось на ухо, и тайник снова стал сидеть очень обычно, как ни в чём ни бывало.

— Вот так. Превосходная? — поглядел на Мауну Проводник.

— Воля Императора. Польщена и притихша, — что ещё могла сказать Мауна.

Веста заёрзала, поглядела на Мауну, задумалась себе. Мауну перестала трогать по руке.

— Хорошо. Я тоже вижу это... перспективным. И логичным. И, кое-что ещё. Иди скажи, чтобы он вошёл, — это Проводник сказал палатному.

Несколько долгих молчаливых мгновений. Веста о чём-то думала, глядя в окно, тербя амулет. Тайник делал домики из пальцев. Проводник изучал взглядом Мауну, любопытно ему. Мауна вспоминала Амаю, пожирая орехи в одиночестве. Некстати вспомнилось: «Суки, суки, суки, суки». Ну чего ж суки, Амая. Ну право. Все хотели как лучше, вышло как всегда. Каждый пытался что-то там сделать. Надо хоть...

Громко вошёл палатный и тот, кого Мауна узнала мгновенно, хоть он и не был уже в своём фарсовом Палатном облачении — ярл Кайрис-Тарраз, теперь уже в облачении Безмолвного. Палатный пошёл на своё место и сел, а Безмолвный встал посреди комнаты.

— Ярл Кайрис-Тарраз, Безмолвный Императора, — представил его Проводник.

Мауна решила мгновенно, она не взвешивала. Как хорошо, что есть две сирны, не одна. Ваал мой, рукава пласиса надо совсем спустить, тогда спрячешь. Как же её незаметно вынуть?

Она ударила рукой по тарелке, и немногие оставшиеся орехи покатались по полу. Никто не удивился — все восприняли, как волнение от очень неожиданной встречи, эдакое телесное «ах!». Мауна полезла за тарелкой, да ещё провозилась с ней там, на полу, неуклюже.

— Полагаю, меня этот лев уже хорошо знает, — справилась с тарелкой, да и всем остальным. — Должна заметить: более разумное решение с его стороны — не попадаться мне на глаза.

— Оставим за хвостом эту враждебность, превосходная. Он выполнил приказ, — так всё оформил тайник.

«Как это сделать? Он меня перехватит. Пересилит. Надо... надо как Арзис! Арзис! Сзади и подло. Но как его повернуть к себе хвостом? Как всё сделать? Ваал мой, где же ты, мой Арзис, когда ты так нужен, моё живое оружие, мой львина, мой... », — не додумала. — «Я — дура. А ты можешь».

— Каковы его цели здесь?

— Он желает разрешить между вами все недопонимания, — а сейчас заговорил палатный, в первый раз.

— Естественно, — сказала Мауна, и встала.

«Арзис, будь здесь со мной, даже если тебя нет. И ты, Амая. Вообще все будьте со мной». Некогда в уме перечислять всех, кому здесь следует быть. Она подошла к нему сама (!), даже вполне близко, вот как подходят, чтобы дать руку для поцелуя кольца.

— Вершительная, я хочу извиниться, — вот так и сказал, доложил.

Ну вряд ли хочет. Приказали извиниться — будет извиняться. Прикажут её убить — убьёт. И так далее.

— В таком случае, я требую: снять нагивник; встать на колени; склонить голову; поцеловать кольцо.

Требуется воплощение. Очень сложно атаковать идею, она аморфна, эфемерна, убегает. Надо атаковать воплощение. Этот и будет воплощением всего. Пусть будет он.

Приказ очень прост, и Безмолвный принял его исполнять. Извинение требует жеста, поступка? Ладно, пусть будет такой.

«Только бы вошла», — подумала Мауна.

Сирна пошла ему в заговор просто отлично, несмотря на короткий, торопливый замах. Мауна не стала отпускать её, а дождала, села сверху на него, поводила ею туда-сюда, насколько могла. Если и есть идеальное убийство сирной, то вот оно — тот только ухнул.

— Таар, Анвейса, — Мауна хотела второй именно её, — Мелим...

— Ваал мой, Мауна! — первой заверещала Веста. Она к такому не привыкла, ну ничего, с Арзисом побродишь — как-нибудь свыкнешься. С ним вообще весело, попробуй как-нибудь.

Там остальные повскакивали со стульев, и такое прочее.

— ...Мизури, Атрисса, Уруз, Манару, Харг, Талмар, Сиигр...

В комнату вбежали ещё головы, ну и ладно. Мауна вытащила сирну, отряхивала её от крови (на удивление немного) и поставила на Кайриса лапу. Все беспомощно стояли, не знали, что делать, и лишь слушали список имён и смотрели, как Мауна мотает мнемонику ладонью, с сирной в руке — чтоб никого не забыть.

— ...Селестина, Бастиана. Ваал, ты направил меня к возмездию.

— Как это понимать? — спросил её Проводник. Со страхом, вполне определённо.

Мауна молча показала на тело, всё ещё держа сирну в ладони. Вот, прощу, понимайте это.

— Всё имеет цену, а особо — слом доверия.

— Но зачем именно так?

— Экссесс исполнителя, — не удержалась Мауна, утирая сирну андарианским платком (с дырой, что сделала Тоя, там, у причала). — Видит ли Проводник Воли, в своих скитаниях я обрела некоторую решительность, вполне нелишнюю для всякой Ашаи, что служит Империи и Сунгам.

Затем спрятала сирну в ножны; ножны знакомые — это оказалась её сирна, не Амаина; до этого она даже не отметила, чью сирну взяла.

Тайник на всё это смотрел даже с интересом, очень так любопытно покачивая головой, словно одобрял. Палатный тоже не очень побивался, и смотрел на Мауну просто с восхищением. Проводник явно привык к грязным делам иного толка, поэтому отойти от всего сразу не мог. Он кивнул своим, и они все вышли, а ещё утащили за собой мёртвого Безмолвного. Осталась только Веста.

— Ты крайне ожесточилась, Мауна. Это может повредить сестринству, и вообще всему, — несмело подошла она, медленно.

За дверью шёл спор.

— Разве сестринству не повредит то, что нас привыкнут предавать самым подлым способом? Надо повод к войне? Бросим в огонь Вестающую. Надо ещё какую-нибудь дрянь? Ещё парочку. Они даже этого честно и толком сделать не смогли. Вещи надо делать... хорошо.

Троица вернулась. Как ни удивительно, они вернулись к своим местам; их примеру последовали и две Вестающие.

— Превосходная, он выполнял приказ Императора.

— Каждый несёт ответственность за свои решения, — отстранённо ответила Мауна, не потрудившись уточнить, кто этот «каждый». — А также плохо выполненные приказы, — здесь Мауна уж уточнила, кто именно. — Сделал б хорошо — мы б не беседовали.

— Такое варварское убийство в стенах Имперской крепости — не... выход.

Мауна парировала любое, уверенная:

— Империи не нужна Вестающая, что не отомстит за свою Семью, потому что Семья — маленькая Империя, как и Вестающие: мы ж зовёмся Внутренней Империей, позволю себе напомнить.

— Он пришёл извиниться, — Проводник не мог бросить роль адвоката, но Мауна уже понимала, почему. Он покупал, выкапывал себе доводы, чтобы и это пройти-проехать. Очень уж хотелось всё оставить за хвостом и двигаться дальше, жизнь-то идёт.

— У него не нашлось головы и чести не попадаться мне на глаза.

— Он служил Империи, — речи Проводника заходили по кругу, бесильно.

— Я тоже служу Империи, мы оба рисковали жизнью. Я рискнула и выжила, он рискнул предать Вестающую — и вот.

— Он был ценен Империи, Императору лично.

— Пусть на его место ставят того, кто не побоится сделать всё собственными руками.

— Что ещё мы могли ожидать, — убеждённо заговорил палатный, — выбрав в качестве цели этой провальной и предательской операции, — стучал он по столу, неслабо, — Вестающую андарианской старокрови?

Каждый, кто это присоветовал Императорскому Двору в качестве моду-са действий, должен быть наказан.

Ни у кого комментарий и возражений не нашлось.

— Давайте так: полагаю, все со всем поквитались, — сказал тайник.

— Теперь уже все со всем, — полностью согласилась Мауна. — Все-вечное Согласие восстановлено.

Веста, она вообще вся потемнела, видимо очень впечатлилась видением чужой смерти:

— Мда. Императорский Двор решил убить Вестающую, потому что потому. И эта же Вестающая, которая вдруг стала личной Вестающей Императора, убила одного из ярлов Безмолвных Императора. Одним словом — добро пожаловать в Марну.

Тайник засмеялся, палатный погрузился.

— Мы всё определили, на всём сошлись. Давайте зачитаем Повеление Императора — сказал Проводник, и все встали.

— Прошу понять, но я выйду, — вдруг начал уходить палатный, и показал на стены, на двери. Тайник остался.

Проводник немножко выждал, и продолжил. Читать он стал тихо, даже слишком:

— Волей Ваала, именем Императора, во славу Сунгов. Имперская тайна. Повеление о разрешении последствий Гельсианского инцидента, касаемых блистательной Ваалу-Мауны, Ашаи Вестания, и её спасении, волей Ваала и во славу Сунгов. Первое: сообщить блистательной Ваалу-Мауне о всех деталях инцидента и всячески способствовать возврату блистательной Ваалу-Мауны в сестринство и обычную жизнь Вестающей. Волей Ваала.

— Во славу Сунгов, — все сказали, чуть поклонились.

— Второе: указать всем затронутым инцидентом сторонам о высокой необходимости соблюдать Имперскую тайну во всём, что касается оно-го инцидента. Волей Ваала.

— Во славу Сунгов.

— Третье: перевезти блистательную Ваалу-Мауну в Марну при первой возможности, согласовав это с блистательной и сестринством Ашаи Вестания. Волей Ваала.

— Во славу Сунгов.

— Четвёртое: ликвидировать оставшихся в живых подчинённых («Семья»), что служили Ваалу-Мауне во время инцидента, во избежание нарушения Имперской тайны. Волей Ваала.

— Во славу Сунгов, — все сказали, но без Мауны. Ей некогда: Мауне мякнут лапы.

— А именно, — добавил тайник, и начал читать с бумаги: — Истинный Сунг Арзис, Истинный Сунг Тай, дхаарка Тоамлиана, а также Ис-

тинная Сунга Мирьянфа. В виду этого всячески помочь Ваалу-Мауне с набором новых постоянных подчинённых, то бишь «Семьи».

— Я хотела бы здесь... Я хотела бы здесь... — Мауна не знала, как ей сказать, как вот так вот вывернуться, и все обратили внимание, что молодая Вестающая вдруг утратила свою уверенность хищницы. — Здесь я... — не скажешь «возражаю», Велению Императора не возражают. — Я не понимаю.

— Они знают слишком много, — это тайник.

— Не убивайте их. Пожалуйста.

— Я понимаю сентиментальные чувства. Но они знают слишком много, и видели слишком многое, — это Проводник.

— Смотрите, — выставила Мауна перед собой руки, и она заметила, что одна из них дрожит точь-в-точь как тогда, у Амаи, — смотрите. Истинный Сунг Арзис. Самоотверженно спас меня, ни разу не бросил, шёл на все... использовал все возможности, совершал всё немыслимое. Ну как Империя может приговорить к смерти такого льва, кто так соблюдал Вклятву? Он будет молчать, я уверяю, под мою ответственность, я клянусь Ваалом.

— Ну мы ж не можем просто взять и... изменить Повеление.

— Смотрите: Тай. Когда напали на кортеж, он направил повозку к реке, что спасло меня. Он задержал хальсидов, пока мы с Арзисом убежали в лес. Там была речка... Мы бежали, так, вниз-вниз-вниз по реке... Потом он сам спасся. Он хороший телохранитель, ну в самом деле.

— Хм.

— А Мирь, Мирьянфа: она вообще вклялась после всего, она ничего не знает вообще. Она не была в кортеже, она из Верина, я её под Веринном вкляла. Она — очень полезная львица, знает много языков. И у неё есть дети, дети. Дети есть.

— Хм, — ещё раз хмыкнул Проводник.

— А Тоя, она...

— Тоя — это кто? — нахмурилась Веста.

— Это, так полагаю, дхаарка Тоамлиана, — провёл когтем по списку тайник.

— Мауна, это даже не стоит обсуждать, времени не стоит, ну право, — отмахнулась Веста.

— Нет-нет-нет, — выставила Мауна руки, — выслушайте. Она... — подумала. — Она — блистательная служанка, самая лучшая сейчас в Империи.

Тайник посмеялся.

— Понимаю привязанность, понимаю преувеличение, — по-доброму заметил Проводник.

— Мауна, это уже просто смешно, — укорила Веста.

— Что ж такого блистательного сделала эта дхаарка Тоя? — полюбопытствовал тайник

— Она... она однажды сделала мне суп, и мы утром его ели, — сказала Мауна, глядя в никуда.

Снова смех.

— Эти события действительно повлияли на блистательную. Я уверен, что надо отдохнуть, — сочувственно отметил Проводник, добрые глаза.

«И Амае надо было отдохнуть», — подумалось Мауне.

— Это будет очень мягко, — мягко говорил тайник, — пусть превосходная не волнуется, никаких излишеств. Они уйдут очень спокойно и без боли, во сне, никто ничего не поймёт.

— Я вас умоляю. Не надо их. Они будут молчать, я клянусь, я за всем прослежу, я всё сделаю.

— Хм.

Тайник, Проводник, Ваалу-Веста — они все переглядывались, пока Мауна смотрела в низ и лихорадочно думала о своих Семьях, дхаарках, и таком прочем.

— Мы могли бы побеседовать наедине, — вдруг предложил Проводник. — Возможно, я смогу убедить блистательную в кое-чём. Да-да, высочайшая Ваалу-Веста, львица тоже. Да. Трапеза, трапеза, я тоже вскоре присоединюсь.

Взяв себя в волю, Мауна собралась. Надо быть волевой, надменной, требовательной. Ну надо, и всё тут.

— Мы можем на «ты» и без номена?

— Да, конечно, — согласилась Мауна.

— На что ты готова пойти ради этого?

— На всё.

— Я не могу сделать этого просто так, мне нужно будет нажать на многие рычаги, чтобы внести некоторые поправки и всё обосновать.

— Я понимаю.

— Хорошо. Я сейчас подумаю, что можно сделать... Хорошо, я подумал, — Проводник, быстрый на мысль, не стал терять много времени. — Откажись от позиции Императорской Вестающей.

— Да, — вмиг согласилась Мауна.

— Ты не будешь как-либо укорять Наамзиру, поднимать эту тему с ней, вообще ничего никогда нигде.

То ли Проводник проболтался нечаянно, то ли нарочно, но сказал именно так: «Укорять Наамзиру».

— Да. Я всё всем простила, никаких ресентиментов. Всё.

— Хорошо. Эта... — посмотрел на бумагу, оставленную тайником.

— ...Мирьянфа, она ничего не знает, верно?

— Нет, — убедительно заотрицала Мауна, — я её вкляла значительно позже инцидента.

— Значит, Тай и Арзис — телохранители, верно? Истинные Сунги... — задумчиво смотрел на список.

— Да.

— Отважные Сунги, верно?

— Да-да, — полностью согласилась Мауна.

— Хорошо. Держи их под лапой. Не дай им протечь. Сделай что угодно, хоть рты им зашей. Я смогу это оформить и представить: героическая Ашай, отважные Сунги. Должно сработать.

— И дхаарка Тоя, — заторопилась, заторговалась Мауна, хоть ни разу в жизни воистину не была на рынке.

— Нет, нет, — устало оскалился Проводник. — Зачем. Это я никак не обосную. Нет.

— Пожалуйста, — уже совсем унижалась Мауна. — Я просто снова поеду в Гельсию служить Тринадцатому. Или куда угодно.

— Ну право. Да нет же. Это все... сантименты, не пристало так. Почему мы вообще об этом говорим?

Мауна замолчала.

— Мне надо будет с чем-то придти к Императору, другим Проводникам, ещё кое-кому. Я ж не могу придти и сказать: вот, Мауна убила Безмольного, да ещё совершила по пути в Верин некоторые... сомнительные шаги, — намекнул он на то, что, наверное, что-то знает о непростом странствии, — да ещё идёт против Повеления убрать всю свою Семью, и даже дхаарку из неё оставляет, выкидывая прочь высокие интересы Империи. Тем более, её ты вытащила из хальсидского плена, она никак не участвовала в твоём спасении. Уже ума не приложу, зачем, — и здесь он кое-что знал.

Мауна молчит.

— И хорошо. Ты сможешь забрать тех троих, и поедешь обратно... где была прежняя обитель...

— Листигия, Луна Охотницы.

— Да, а потом снова в Гельсию. С дхааркой всё будет хорошо, она останется тут, ей скажешь, что позже поедет, что так надо. Тайная служба всё сделает предельно аккуратно. Они хорошо знают своё дело.

Долгое молчание. Наконец: глядя рукава пласиса, Мауна сказала так:

— Проводник, я тут подумала: раз всё-таки надо её убрать, то я сделаю это сама. Это будет честно, я сделаю всё так, чтобы из её смерти была польза мне и сестринству.

— То есть?

— Обеты запрещают ответ. Есть одна вещь.

— Тем лучше. Всё, пусть сидит в крепости, делай, что считаешь нужным и полезным. Но это надо сделать сегодня, максимум — завтра. А как тогда с Наамзирой, всё как мы договаривались?

— Безусловно, всё в силе. Не нужно пускать волны по сестринству.

— Очень верно, — засиял Проводник.

Сестринство

Веста нашлась в очень хорошем настроении. Оказывается, всё «разрешилось лучше некуда».

— Веста, помоги мне с этим.

— Ваал мой, Мауна, это просто смешно.

— Я тебя очень прошу. Забери её со своим кортежем. Или... или...

— Как я её заберу? — играла Веста графисом, стол весь завален бумагами (завалил Медиум). — Она уже закрыта здесь в крепости, на этаже, её стерегут Безмолвные, ты что. Всё. Ну, Маун.

Мауна ещё постояла.

— Она что, твоя любовница, что ли? Ваал мой, это действительно странно.

— Да. Да.

— Честное слово, Маун, прям дурновкусие, извини за резкость, можно найти любовницу куда лучше. А самое правильное — среди Внутренней Империи.

Графис завертелся быстрее.

— Кстати, насчёт Наамзиры: очень похвальный ход. Ты думаешь о сестринстве. Впрочем, мы ещё это обсудим.

— Ты постигнешь Луану и Сикстиму.

— И пусть ты достигнешь Ваала.

Как стать Вестающей

— Ну ты посмотри, хотел сходить в Льван, купить кой-чём, к кузнецу зайти, и болваны на вратах не выпустили. Говорят, до распоряжения Хозяйки все как-бы сидят, — жаловался Арзис Таю.

Тот неопределённо кивнул, потягивая пиво. Ну раз, то так.

— Значит, поедем скоро куда-нить.

— Да поскорее уже бы, — маялся Арзис от безделья в этой крепости. Даже Тою поднадоело каждый день мучить.

Они уселись в том, что здесь, в крепости, назвали столовой; им с Хозяйкой выделили пол-этажа.

Тоя пряла рядом, стоя крутила веретено, у неё смешная привычка закусить язык и усердно что делать. Она очень хотела что-то связать, какие-то прожекты, и хоть в этом не было необходимости, но говорила, что нить «спрядёт сама-сама».

— Той, дай мне ещё нити.

Это Мирь, она свечки делает, любые, и пахучие — тоже. Мауна оценила её свечки по великому достоинству, Мирь говорила, что у её матери было такое дело — делала свечки и продавала, и лъвёной она только то и делала, что свечки. Поэтому — ходила ко всяким читающим головам. Поэтому — переводчица. Она рассказывала, что можно даже ядовитую сделать. Делаешь такие, жжёшь день за днём, и будет тебе всё хуже, и хуже.

Арзис оттягивал дело с женитьбой, ибо думал, что со дня на день уедут, и нечего соваться для этого во Льван. Но решил: ну его, делов-то на полдня, не больше.

— Меня тоже сегодня не выпустили наружу, я воды хотела набрать. Сказали сидеть-сидеть внутри, — отметила Тоя.

Арзис стукнул по столу.

— Всё, Тоя, надоело, кольца надо тебе снимать. Завтра попрошусь у Хозяйки, она устроит нам пропуск и пойдём во Льван, я узнал тут есть одна церемониальная Ашаи, да и не одна. Она быстро всё устроит, намекнём, что мы от Хозяйки, — подморгнул ей.

— Хорошо. Ой, я тогда завтра оденусь.

— Ла, не надо, одевай всё самое плохое, — посоветовала Мирь. — А хорошее возьми с собой в мешок.

— Почему? — испугалась Тоя.

— Ашаи тебя разденет всю и всё бросит в огонь. Кольца с ушей тоже, амулеты, всё. Хотя нет, кольца, наверное, просто заберёт. Ты ему голая достанешься, и всё, одевайся потом.

— Вот и бухнём, — нашёл и свою радость Тай.

— У тебя, Арзис, метрика есть? — спросила Мирь.

— Не. В Листигии, кажись — почесал он гриву, стараясь припомнить, где эта метрика.

— Э, не, ла. Пойдёшь к Хозяйке, скажешь, что тебе бумагу какую-то вып...

Зашла Мауна. Ничего себе, такой Хозяйку они ещё не видели — вся разодетая, просто как Императору, алый-алый пласис. Маска-лиса в руке, какая-то шкатулка в руке. Всех особо впечатлила чёрная вуаль, до самого пояса, Арзис такой никогда не видел (но видел Тай).

— Ого, Хозяйка, едем куда? — с надеждой спросил Арзис.

— Скоро, сейчас поедем.

— Да! — стукнул Арзис по столу, Тай одобрительно поднял кружку.

— Мирь, оставь всё, иди со мной.

Мирь ушла.

— Оделась на молчание, — сказал Тай. — Молчать сейчас будет.

— На миненин?

— Миненин, — кивнул Тай, и они оба рассмеялись. — Пивка будешь?

— Давай.

— Мож во флис сыграем?

— Давай.

Так и сидели, но не очень долго, потому что пришла Мирь:

— Хозяйка сейчас в *мишине*, будет молчать. Слушайте сюда.

Пошли распоряжения от Мауны-Мири. Упаковать то-то и то-то в сундуки. Экипаж, лошади. Но только сами. Тоя, будь тут, занимайся своим делом.

Делом так делом. Тоя хотела накрутить побольше нити, она насовала себе за пазуху побольше овечьей шерсти и начала ходить по комнате, выглядывая иногда в окно, представляя себе, как завтра выйдет замуж. За Истинного Сунга! Как жаль, вот бы мама Ири видела, сестра, тётя Селе и тётя Басти. Надо будем попросить, чтобы Арзис помог написать ей письмо маме. Или... ой нет, Тоя несмело отмела такую мысль. Попросить Хозяйку помочь написать, у неё такие красивые сунгские буквы. Или... это уже безумие... может, она может провестать? Нет, Ахей, ой, то есть уже скоро Ваал, ой Ваал, о таком стыдно даже просить, та ну. Нет.

— Тоя, иди к Хозяйке, — отрывисто приказала Мирь, несмотря на тихий вход. — Но не к ней. В свою комнату иди, там где ты с Арзисом.

Тоя торопливо вынула шерсть из-за пазухи, бросила всё, пошла к Арзису и себе; прошла мимо стражника, что охранял их комнату (даже вот так у них теперь!), вошла. Мауна стояла к ней хвостом, она держала зеркальце в руке и крутила его в опущенной, расслабленной руке.

— Хозяйка?

— Входи, входи, — очень негромко сказала Хозяйка. — Иди ко мне.

Тоя предстала перед ней.

— Раздевайся, полностью. Складывай всё на кровать. Снимай совершенно всё.

Чуть выждав, Тоя принялась выполнять. Но то же самое делала и Хозяйка: вуаль, накидка, обруч, подвески с ушей, амулет, бросила сирну на кровать, стамп, зеркальце (уже в защите), сняла пояс, даже шемизу сбросила, кнемиды. И кольцо с хвоста.

«Мыться?», — неуверенно подумала Тоя. Но какое мыться — ванны тут нет.

— Кольца тоже снимай, — показала Тое на уши.

— Хоз...

Та резко закрыла рот ей рукой.

— Тихо. Ты в *миеине*. Не говори ни слова. Я запрещаю. Делай.

С кольцами не заладилось: как и серебряное кольцо сестринства, Тоя не снимала их лунами. Штука в том, что их надо разжимать, и самой это делать очень трудно; помогла сама Мауна, и кое-как справились. Раз-два-три. Затем: четыре-пять-шесть.

Вот и всё, предстали так друг перед дружкой.

— Тоя, слушай очень внимательно, — тихо говорила Мауна, глядя ей с глазу в глаз. — Ты должна превратиться в меня. Ты сейчас оденешь всё моё, я тебе покажу, что и как. Ты — Вестающая Ваалу-Мауна, ты — в *миеине*, это значит, что ты приняла обет молчания. Ты ни с кем не говоришь, пока тебе не скажет Мирь, что можно. А можно будет далеко от крепости, — постучала лапой по полу. — Поняла?

Тоя кивнула. Ну, как бы да. И нет.

— Ты должна всё сделать хорошо. Это очень важно для... меня. Если ты ошибёшься, ты меня сильно подведёшь. Поняла?

Да.

— Это как тогда, когда ехали в Гельсию. Тогда ты просто себе ехала в дилижансе. Теперь ты снова будешь в нём ехать, только уже совсем как я. Не бойся, хальсидов не будет.

Да.

— Ты должна сойти вниз. Сесть в экипаж, с Арзисом, Таем и Мирью. И ехать. Веди себя, как я. Что бы ни происходило, веди себя, как я. И строго соблюдай *миеин*. Ты поняла, что это такое?

Да.

— Хорошо, Мауна, — сказала Мауна, — облачаемся. Бери мою шемизу. Вот так. Теперь иди сюда, к зеркалу. Угум. Садись.

Тоя села, Мауна взяла банку тентуши и кисти.

— Когда ты облачаешься, как Вестающая, и берёшь весь декорум, как Вестающая, то это... — Мауна начала внимательно водить по мордашке Тои кистью. — То это называется *дистанция*. Сейчас я... буду... тебе делать часть дистанции: узоры на мордахе. Сделаем тебе много, — обмакнула кисть.

Наблюдая в зеркале, как на её облике рождаются чёрные узоры, Тоя поглядывала на Мауну, взволнованно дыша. Мауна выглядела спокойно, серьёзно, внимательно. Она глядела на Тою так, эдак, не в глаза. Ей ужасно хотелось спросить. Ей очень-очень ужасно хотелось. Но ведь Хозяйка и *миеин*.

— Закрой глаза.

Справились и с этим.

— Чуть подними голову.

Подбородок, часть шеи — всё стало черно. Тое ещё очень хотелось сказать, что они завтра с Арзисом хотели пойти к Ашаи-Китрах, чтобы пожениться, и она хотела попросить у неё разрешения; она знала, что Арзис уже с нею говорил и что «с Хозяйкой всё хорошо»; но, наверное, завтра это не случится, потому что... вот.

Посмотрелась в зеркало. Ну тут даже не узнаешь, кто это такая. Мауна немного подула на неё, и отставила тентушь. Встала к ней хвостом, её инсигния чуть-ли не под носом; что-то на Тою нашло, хоть со времён спасения она (как могла) соблюдала правило «Вестающую без позволения не трогать», и она поставила ладонь на неё. Мауна перестала делать, что делала, обернулась вполоборота, Тоя быстро забрала ладонь и посмотрела dolu. Её взор бегал по узорам ковра на каменном полу. Мауна повернулась обратно и продолжила делать, что считала нужным.

— Хорошо. Пласисы ты уже надевала на себя, насколько помню. Озорная.

Тоя невольно хихикнула. Мауна говорила всё тихо.

— Так, давай. Смотри, тут есть рукава, на них — шлейфы. Ой, нет, стой, надень ещё кольцо на хвост... Вот так. Шлейфы прячутся вот тут, в карман на тылу. Не вытаскивай их, не тереби их. Вот. Этот мой красный пласис должен быть на тебя хорош. Чуть великоват. Я потолще буду... лисуня-толстюня. Так сказала бы Амая. Жаль, она не видит, как мы хулиганим, ей бы понравилось. Покрутись.

Тоя покрутилась.

— Нет, не так. Крутись, как я, Мауна, — сказала Мауна. — Смотри.

Вестающая (?) провернулась голой, дхаарка (Вестающая?) — одетой в пласис.

— Руку вот так. Эту в пояс, эту — вверх. Ах, да, пояс.

Взялся пояс, наделся.

— Затяни себе, но не очень туго. Чтобы сойдёжно было.

Тоя снова улыбнулась, хотя не хотела улыбаться.

— На поясе есть сумка. Там ничего нет. Хотя... — покопалась в ней Мауна. — Яд есть, на шею. Тебе не надо, — отставила на столик. — Первой заткни в него сирну, видишь, слева. Вот тут есть такая штука, дырка. Вот в неё пихай. Всё. Вынь сирну, погляди. Придержи ножны левой. Вот.

Тоя вытянула, поглядела на сирну. На ней что-то написано, но это надо читать, а это будет медленно.

— Спрячь. Теперь стамп. Его за сирной носят, как правило. Его надо вязать к поясу. Не спрашивай почему, традиция такая. Я его тебе сама завяжу, ты его просто не трогай. Сделок сегодня проворачивать не будешь.

Наверное, это была шутка от Хозяйки, и Тое стало очень жаль, что она её не поняла.

— Зеркальце. Вон, оно в защите. Этот чехол, он защита называется. Вытащи его. Ой, да не так. Держи за эту... ну эту штучку. Тяни.

Тоя взяла его и даже поглядела в него, сзади за плечом встала Мауна, и теперь они обе в нём были. Правда, всё очень нестройно — зеркальце оказалось треснутым.

— На нём написано: «Воля Ваала: видящая себя видит всё». Можешь запомнить, если хочешь.

Тоя показала и себя, и Мауну, подвинув к ней поближе.

— Всё, спрячь в защиту. Его прячут за пояс справа, иногда сзади. Да и сирну можно сзади, просто там ниши нет. Давай справа.

Погляделись в большое зеркало. Вот так-так. Тоя, если честно, себя уже не узнавала.

— Теперь амулет Ваала, — надела на неё Мауна амулет. — Можешь его гладить, теревить. Если теревить цепь вот так, посильнее, по сторонам — это значит, что ты раздражена. Ходи его и дёргай, чтоб не приставали. Вот. На пласисе есть там такой ворот... вот... амулет будет хорошо... сидеть, — Мауна всё поправляла.

Мауна потёрла глаз, потеревила ухо, оценивая работу. Продолжая хлопотать нагой, туда-сюда, взяла подвески.

— Они выглядят тяжёлыми, но на самом деле ничего.

В дхаарские уши, с большими такими дырами от железных колец, кольца подвесок Вестающей вошли просто, играючи.

— Расправь их по плечам. Так. Теперь накидка. Она на хинастру похожа, но тоньше, вот... а ну уши наостри... есть. Ой, втай, обруч. Стой.

Сняли, надели обруч, исправили ошибку. Надели и накидку. Тоя уже меньше стеснялась и всё помогала.

— Так. Теперь символ *мишина* — чёрная вуаль. Ты молчишь. Ты молчишь. Думаешь себе что-то. Замышляешь... Расправим её, ещё. Не снимай ни в коем случае, иначе найду и расстреляю в Нахейме.

Это, наверное, ещё она шутка от Хозяйки, и Тое стало ещё больше жаль, что она её не понимает.

— Теперь как быть Вестающей. Это просто. Мы возьмёмся только за *экзотерику*, на *эзотерику* нету времени, да и не надо. Мир видит только экзо. Ходи как я. Ты видела. Поворачивайся, как я. Вынь зеркальце. Всё, ходи с ним. Держи его или ровно вниз, или на груди, отражением к себе. Показывай на то, что тебе не нравится. Покажи на меня.

Тоя показала, и неплохо.

— Очень хорошо. Видишь, изумительная Ваалу-Мауна, — сказала Мауна, — всё выходит. На всех смотри как на... на говно. Или курицу, которую хочешь зарезать. Всё. Походи ещё.

Тоя ещё походила, показала на Мауну, на окно. Мауна взяла себе кувшин, попила с него воды, оперлась задом о стол, смотрела. «А чего, неплохо выгляжу со стороны», — подумала и отставила кувшин, утёршись.

Тоя так всё и запомнила: Хозяйка, голая, смотрит сбоку, скрестив лапы, хвост у лап, пьёт из кувшина и смотрит.

— Ваал мой, чуть не забыла — сереброкольцо, — Мауна начала мучительно стаскивать кольцо с ладони. — Давай палец, левая ладонь. Ну, мы это уже проходили, да, — всё хорошо, но Мауне снова не получилось снять. — Вот же... У тебя есть та мазь кири?

Нет, покачала Тоя: она отдала её Мири. Но нашлась, хотя это такой стыд — показала зеркальцем под кровать. Мауна поглядела на жест, одобрила это своим жестом, и полезла под неё, и вытащила бутылку с олеамором. Тоя в Льване его купила, когда ещё могла выходить. Арзис рассказал и показал, что это такое. Кошмар.

— Что надо, — и теперь кольцо снялось без трудностей, и кольцо наделось на ладонь Тои. — Так... Ладони чуть выдают. Перчатки бы. С другой стороны, я перчаток никогда в декоруме не ношу, — хмурилась Мауна. — Будешь ладони в рукавах прятать.

Ну, всё.

— Так, ты уже готова. Но теперь меня надо превратить в дхаари. Это, наверное, будет сложнее.

Тое очень хотелось сказать ей: «Да нет же, Хозяйка, быть дхааркой — это очень просто». Но не могла, поэтому просто замахала зеркальцем, и это было забавно; ибо ни Мауна, ни даже сама Тоя, не могли понять что она хочет сказать.

Мауна натянула Тоину шемизу, и ничего. С платьем оказалось сложнее, потому что Тоя стройнее.

— Лисуня-толстюня, — всё пыталась Мауна, и как-то вышло.

Она надела и знак Ахея, прямо с кольцом на нём. Обнаружив такое несоответствие, она сняла обратно и попыталась развязать шнурок, чтоб отдать Тое. Но та показала на неё зеркальцем.

— Чего? Я тебе отдам, а ты отдашь Арзису.

Тоя-Мауна яростно замахала зеркальцем, кажется, сейчас аж вмажет Мауне-Тое по мордасам.

— Ну ладно.

Некоторые сложности с мрамрийским поясом, попробуй ещё защёлкни. В ход пошли дхаарские кольца, и они входили туго в уши Вестающей, Мауна морщилась и скалилась. Тоя нашла выход — просто намазала их олеамором.

Мауна не забыла ещё вот что — маску лисы, и натянула себе. И посмотрелась в зеркало, оставив руки в бока.

— Это я уж оставлю себе, прости. Ну, Мауна, иди. Мирь всё знает, она тебя будет вести. Всё помни. Храни тебя Ваал.

Тоя показала на неё ладонью: на кольца, на всё. Мол, зачем это? Мауна отмахнулась, посмотрев на неё искоса.

— Так надо. Иди Тоя, иди. Времени нет.

Тоя всхлипнула, что-то ей своё стало ясно-понятно.

— Не вздумай! Дистанция! Разотрёшь, растечёшь! — зашипела Мауна. Тоя-Мауна полезла обниматься, Мауна-Тоя-лиса засопротивлялась: — Держи дистанцию, не надо, не надо, иди...

Тоя покачала головой. Неа, не пойдёт.

— Не говори! Вас тут четверо, а я — одна. Ну! Всё, стала Мауной, пошла. Не подведи.

Тоя схватила её за руку, чуть не уронив зеркальце, но поняла, что поцелуй невозможен — вуаль не даст, дистанция разотрётся. И так с ней и застыла у подбородка.

Мауна отпихнула её, и вдруг Тоя осанилась и вышла; обернулась, поглядев на Хозяйку, но та уже повернулась хвостом, к окну, широко расставив лапы (снова только хлыста не хватает в руках), и лисьи уши.

Всё, стало одиноко, Мауна походила по комнате. И что теперь делать? Наверное, что угодно. Можно вот посидеть на кровати. Надумалась, вот что там дхаарки-Мрамри делают. Да, вот что, они молятся Ахею. Они с ним в интересных отношениях, менее понятных, чем Сунги с Ваалом; Ваал, это довольно простой и ясный *эгрегор*, можно его увидеть в сновидении, нет проблем. Как бы там ни было, теперь ей, наверное, так и пристало.

Мауна знает, что дхаары молятся на коленях (Ваалу не молятся, нет такой вещи вообще, это бессмысленно), но не знает почти ни слова мрамрийского, кроме «*йан*» (да) и «*Ахей, вергиб мир мейн шулд*» (Тоя говорила такое, если всё особенно ужасно; что-то вроде энграммы на снятие страха, наверное).

Ладно, встанем, даже напротив зеркала, где можно увидеть себя-лису.

— Итак, Ахей, есть просьба. Кто взывает: Ваалу-Мауна, Ашаи Вестания Сунгов.

Почесала нос под маской.

— У меня нет связи с твоим эгрегором, только с нашим, с Ваалом.

Подумала.

— И тебя я там, в сновидении, не видела. Но это ничего; полагаю, наше личное знакомство не имеет значения. Да, кстати, Ваала не могу попросить: Ваал ничего не станет делать, потому что это мы его все вместе ведём, Сунги — наша воля первична.

Потрогала себя за высокие лисьи уши.

— У тебя и мрамри, предполагаю, всё по-другому, я не сведуща, как именно, признаю. Отмечу, что Тоя ещё под твоим эгрегором. Если Арзис её не обманет и возьмет замуж, то тогда будет вскоре под Ваалом. Арзис, он честный, хоть и разбойник, и убийца.

Подняла палец.

— Ты помоги ей перевоплотиться, она спасет Арзиса, и Тая, и Мирь. Принял Весть? Спасибо.

Мирь молча провожала Тою-Мауну по коридору. Спустились по ступеням. Ей кивнул кто-то важный. Стоял вовсе не дилижанс, а лёгкий открытый экипаж, правил Тай, а ещё сидел Арзис. К экипажу ещё привязались две лошади. Какая-то охрана.

— Что, Хозяйка, Тою не берём что-ли? — спросил Арзис, когда тронулись.

Не зная, что делать, Тоя-Мауна показала на него зеркальцем.

— Ты её очень скоро увидишь, — сказала за неё Мирь.

Арзис пожал плечами, засмотрелся на крепость, потом на Тою-Мауну. Проехали ров.

— Слушай, а когда увижу? А, Мирь?

— Очень скоро.

— Эй, я серьёзно. Ну Хозяйка, ну скажи. А то я, это самое. Жениться завтра собрался.

— Арзис, я тебе клянусь кровью предков, что ты её увидишь через пару мгновений, — склонилась к нему Мирь.

— Ничего себе, ну тайны. А куда едем, Мирь? Знаешь?

— На север. Ты смотри лучше по сторонам. Проедем первый мост — скажешь, остановились ли палатные на нём.

— Так ты тоже увидишь, не?

— Ты тоже смотри.

Мост проехали, палатные — их телохрана — не стали его переезжать.

— Проехали, те остались.

Мирь не доверилась, повернулась назад, всё сама проверила.

— Тоя, можешь говорить.

Арзис обернулся кругом. В смысле?

— Арзис, это я-я.

Тот вцепился Тое-Мауне в колени.

— Я-то думаю что-то не то с тобой! С Мауной! То есть... с Тоей. Тоя?

Тай повернулся, но Мирь сказала ему:

— Тай, не вздумай останавливаться, это смертельно опасно!

— Где Хозяйка? — потребовал Тай, не останавливаясь.

— Её приказ: ехать на север, спастись, потеряться в Империи. Тебе, мне, Арзису и Тое. Ни в коем случае не возвращаться — это смертельно опасно.

— Так, блять, — сказал Тай, но ехать не прекратил.

— Хозяйка меня передела в себя, — сказала Тоя, ничего с себя не снимая, даже вуаль, — сказала садиться и ехать-ехать, но больше ничего. Она там осталась, Арзис. Она оделась как дхаарка.

— Что? Зачем? Тай, ты чё-то понимаешь?

Тай молчал.

— Тай?

— Не. Так, дай подумать.

Только теперь Арзис додумался поднять вуаль и поглядеть. Да, Тоя, вся в тентуши — но Тоя. Он потрогал её по щеке.

— Что делаем? — спросил Арзис у Тая.

— Отъедем. Съедем в лесу. Или... Где-то съедем, чтоб не видно было. Дальше решим.

— Мирь, что она ещё говорила?

— Ничего больше. Там, в сундуках, есть всякие вещи, деньги. Их можно разобрать, переодеться, взять лошадей вот. И ехать отсюда прочь, как можно быстрее, куда угодно.

— Значит, всё верно... Была эта вся встреча. И нас захотели завалить после всего этого... Она устроила побег. Но зачем всё так сложно? — показал на Тою-Вестающую. — А, Тай? Чё всё так сложно?

— Не знаю. Но Мауна осталась там. И, кажется, она в жопе.

— Я ей, суке, говорил! — зарычал Арзис. Выдернул копьё, заложенное за спинкой вертикально вверх, но не знал, что с ним делать. — Я говорил, я ей говорил, чтобы мы сразу так сделали!

— Арзис, завали, не ори. Тихо.

Съехали просто возле опушки лесочка, на развилке. Кругом никого, уже дело к сумеркам. Красиво: дорога уходит вниз, всё видно вдаль. Тут-то Арзис нашел применение копьё: начал им бить о землю, как палкой.

— Дура, блять! Я ж тебе говорил! — рычал он на юг. — Что я теперь, что нам теперь делать?! Я ж говорил, — копьё о землю, — что её, — копьё о землю, — хотят завалить свои же, и нас всех впридачу! Мауна! — швырнул его вперёд, хоть оно и не метательное. Сделав красивую дугу, оно уткнулось землю, болтаясь.

— Арзиссс, не надо-не надо, — Тоя его такого не убоялась и бросилась обниматься. Рисковое, опасное действие; как ни странно, он не взъярился ещё больше, — не надо, — зацеловала его. — Не ругай Хозяйку.

— Тоенька, Хозяйке пиздец, уже некого ругать, — сел он просто на траву, уткнув голову в руки, села с ним и Тоя.

— Она мне так сказала, Арзис, прости-прости, она мне так приказала... Я не хотела ехать, она... сказала...

— Ну ты бы ещё не поехала, чудно, я б тебя сам задушил, — сгрёб он её себе, абы как.

Слез Тай, слезла Мирь.

— Надо было не вести вас в Верин. Надо было взять вас и просто уйти... куда-нибудь...

Тоя гладила его, её рукава и ладони стали совсем черны от тентуши. Тай пошёл и забрал копьё из травы, протянул его молча Арзису. Тот взял не сразу — долго что-то там утирал себе на морде. Взял.

— Чё делать будем? — спросил он Тая; странный вопрос от него. Все ему его задают, а теперь вот — он.

— Бери коляску, бери львиц и езжай отсюда. Только переоденьтесь все, давай глянем, что в сундуках. Тоя, слушай, Тоя. Иди сюда.

— Да, сир Тай?

— А где она была, где ты её оставила, как?

— В нашей с Арзисом комнате была. Там она меня переодела, и сама в дхаарку переоделась, и там осталась. Кольца дхаарские даже надела, Ахея надела. С Арзисовым кольцом... Арзис, я оставила Хозяйке твоё кольцо.

— Она не сказала, зачем переоделась в дхаарку? — требовал внимания, ответа Тай.

— Нет, — ответила Тоя.

— Оставила, и оставила. И хорошо, — сказал Арзис.

Глянули, что в сундуках. Переоделись, прямо так, у дороги. Арзис набил всё на себе деньгами (их оказалось ненормально много).

— Заработал. Заработал, — приговаривал. — Наварился, блять. Просто на все деньги наварился. Просто подарок, а не работа, — стукнул по коляске, лошади испугались.

— Мы её не вытащим. Там крепость, — сказал Тай.

— Нет. Забей. Думаю, чудо, что мы выехали. Провернула какую-то махинацию наша Хозяйка. Мож, заплатила палатным. Только чего сама осталась?

— Не знаю, — смотрел Тай на юг.

— Дура потому-что. Умница, а дура. Самая лучшая дура в мире, — и Арзис поглядел на юг. — Мож, не убьют, а? Она ж Вестающая, Тай.

Тай пожал плечами и отвязал себе лошадь от экипажа. Вскочил на неё.

— Ладно, я поеду отдельно. Разбегаемся. Бери львиц и мотай.

— Ну... это... давай, Ваал в силу, — пожал ему руку Арзис.

— Удачи.

— Эй, Тоя, скажи сиру Таю «пока»!

— Пока, сир Тай! — Тоя, уже обычная, но вся потемневшая от рас­тёртой тентуши, выглядывала из-за дивана экипажа, только глаза бле­стят. Мирь сидела рядом, не оборачиваясь на прощающихся самцов, подложив ладонь под морду; она пребывала вообще не здесь.

Тай поехал на восток, ну а им вроде как на север. Арзис вылез на экипаж, встал на диван лапами и смотрел туда, где крепость; туда же смотрела и Тоя. Он снова взялся за копьё, но Тоя схватила его за лапу, чтобы он не вздумал чего, он же может.

Он просто поднял копьё вверх.

Огонь Ваала

Выходить самой нельзя, очевидно — чем дольше она здесь сидит, тем больше у них времени.

Мауна утратила чувство времени, не зная, что с собой делать. Она просто лежала на кровати и смотрела в стенку, укрытую тканью; ушами лисьей маски она стучала в ту самую стенку. Она заботилась будущим, но она совершенно не знала, что в нём может быть. Возможно, всё пой­мут и простят, почти все Вестающие эксцентричны, а она тем более имеет право быть таковой; ну, переделась в дхаарку, отправила своих на все четыре, ну с кем не бывает. Возможно, не простят и засмеют та­кое падение достоинства Ашаи-Китрах, и попросят на Разоблачение, возможно — сделают Изгнание. Штука лишь в том, что у Вестающих нет Разоблачения и нет Изгнания — ты или во Внутренней Империи, или мертва.

В комнате стало темно, потому что вечер. К ней никто не заходил, никто не интересовался, но она слышала и знала, что её (дхаарку Мау­ну-Тою) стерегут, уже двое, у входа. Несколько раз слышалась какая-то суета, беготня — возможно, пытались найти саму Мауну, или что; хотя толку — вся крепость видела, что она куда-то уехала с палатной псевдо­телоохраной, по важному делу, и эта самая охрана вернулась обратно — она наблюдала это из окна, с облегчением. Значит, Мирь и Тоя всё сде­лали верно.

Тоя. Вот что, подумала она. За всё это время, считай, за целых этих два года, она так и не узнала: что тогда, в самом начале, что произошло с ней, с Бастианой и со Селестиной? Кто-то что-то действительно крал? Зная всех, Мауна знала, что это практически невозможно. Интересно, а надевала ли Тоя пласис Амаи, по глупости, чтоб в зеркало посмотре­ться? Сложно сказать: там Тоя что-то недоговаривала, недосказывала, она

помнит её полуправдивый рассказ. «Ваал мой, сколько времени было, а так ни разу и не спросила»; что-то её начал мучить этот секрет.

На столике перед зеркалом лежал яд, который вынула из сумки пласиса, и он манил простотой и ужасом. Встала, надела себе шею — страхи нужно держать поближе. И легла обратно, вздохнула.

Вдруг у двери — знакомый голос, навострила уши.

— Дхаарка ещё там?

«Тай!», — со сладким ужасом подумала она.

— Там.

— Приказано решить вопрос.

И кто-то зашёл, закрыл дверь. Мауна-дхаарка резко привстала на постели. Вот так он её и встретил: Мауна — испуганная, взъерошенная, грустная.

— Тай? — злобно зашептала, пытаясь встать. — Ты что здесь дел...

Встать ей никто не дал. Мауну тяжело придавили к кровати. Мауне укусили подбородок, промахнувшись. Всё больно, ей в грудь и живот впились железки брони, острые края. Она попыталась исправить своё такое сложное положение (хвосту больно, лапы сдавило), но лишь стукнулась об изголовье кровати. Её тяжело, жарко зализали, они оба неумело целовались, кусая друг друга. Обняла его за гриву, вцепилась когтями в железо и твёрдую кожу и уже не отпускала, грива лезла ей в нос, рот, глаза.

— Ты втай пришёл отрубить мне голову? — спросила ему в ухо, а затем укусила-зализала его.

— Надо уходить, — закрыл он ей рот, отстранившись и лёжа на ней, прямо так, в перчатке, не церемонясь. Он прислушивался, что там как в мире происходит. И только убрал руку, что-то ещё умное хотел сказать, а Мауна его лизнула.

Встал и забрал-поднял её с кровати, как игрушечную, за плечо; затиснул ей талию, аж выдохнула. Но нет тут-то было: самки всегда привносят неожиданности в любые планы, проекты, среды — то глупые, то вздорные, то очень необычные, то светлые, то трудные; или вот такие — колючие и требовательные. И да, не потом (как было б разумней, но где разумное, а где львицы, в самом деле), а вот именно сейчас. Было уже это «потом», проходили, знаем, неа. Мауна парочку раз стукнула его, по морде когтями дала — дерётся, а другой рукой просто уцепилась в него. Кажется, шипела. Точно скалилась.

Единственное, что с себя снял Тай, так это перчатки. С неё снимать ничего не стал, даже мрамрийского пояса — незачем. Мауна бросилась обратно на кровать, ей задрались лапы, да так сильно, что больно; она с ужасным ужасом подумала, что сейчас её отымеют, как самую последнюю дхаарку. Хорошо дхааркам, подумала она. В неё трудно и тяжело вошли, без предисловий и забот. Можно зарыть ему когти в гриву, поду-

мала она. Стонать, дышать, всё запретили — полный миеин от его ладони. Мауна грызла ему пальцы, закрыв глаза. Её лапы на его плечах, и в них снова-таки впивается что-то неудобное, острое, но куда тут убежишь, да и не стоит роптать на судьбу, если тебе просто и бесхитростно пришли снести голову.

За дверью двое прислушались, один даже наставил ухо к двери.

— Он что, её трахает?

— Вроде того.

— Это он так решает вопрос?

— Вроде того.

— Я вот думаю... Чё, так можно было?

— Нам стеречь её приказано, чтоб с этажа не ушла.

— Я вот думаю... Если трахаешь, так она ж не убежит.

— Слушай, не грузи. Дхаарка Вестающей, а это — семейный Вестающей, пусть себе ебутся, — справедливо рассудил второй.

Кажется, Тай перестал чем-либо интересоваться, даже ею, лишь только собой. Он убрал ей руку изо рта. Ладно, и она улыбнулась; такую улыбку на ней можно было увидеть только пару раз: один — надышалась аррой (для интереса), второй — взяла слишком сильную сому. Он уже так её вжал, так всё туго и больно, что она чуть не взрычала, но запретила сама себе, закрыв рот. Внутри было влажно и тепло (ведь влажный, лунный, тёмный мир самки), но вдруг волнами встало поиному влажно и теплей, волнами, слаще и лучше. А Тай весь так растаял, так обмяк, и всё перестал, всё. И ладно, и пусть, и хорошо. С Жертвой было не так, с Жертвой было по-другому, она была совсем занята концентрацией воли, ритуалом, она даже не помнила особо ничего. А тут — никакой воли, полная сдача, ничего делать не надо, ничего, совсем...

— Много крови, больше крови, — Вестающая, она здесь точно ничего не забудет; ритуалы и слова — это к ним.

Мауне до безумия сильно сейчас захотелось пообниматься, повалиться с ним. Вот чтобы он на ней валялся, а она его обнимала; если он ещё залижет, где угодно, да всё равно, то вообще. Она его тоже будет, честно-честно, пусть трогает себе её, где захочет, честно-честно. Она даже царапаться не будет, клянусь.

Но Тай встал, растормошил себе гриву, по-деловому и тщательно надел перчатки. Взял её отсюда, из кровати, она взялась неохотно, повисла на нём.

— Пошли, Мунь. Иди сюда, — что-то вытаскивал, и она не давала по-львиному этого сделать, всё ещё обнимая его. — Давай, — натянул ей на голову небольшой мешок (тот самый, которой Тоя пользовала для шерсти в пряже). — Ты — дхаарка, я веду тебя казнить. По приказу Хозяйки.

— Что угодно, — ответила Мауна из мешка. — Дай мне только сирну, она на столе.

— На, — дал ей руку.

— Засунь мне за пазуху, — захотела, чтобы сам ей засунул. — Ещё ленту, она в шкатулке. И ещё письмо. Маска, лента, письмо.

— Зачем, Мауна?

— Не говори! Засунь!

— Шкатулка закрыта.

— Ваал, Тай, разбей её.

Разбил мечом, всё достал.

— На, — всё сделал, всё позасовывал ей. — Идём.

Он ещё ей перемотал руки спереди шнуром, но не связал.

— Держи шнурок, чтоб не размотался сам, — сказал ей на ухо. А она его возьми и лизни.

Вышли.

— Ты куда её ведёшь?

Тай показал вниз, а потом показал на шею, мол, всё, допрыгалась дхаарка.

— Уточнить надо, погоди.

— Нечего тут уточнять, Ва-Мауна приказала. Она сейчас вернётся как раз, если не уже. Она, — показал на Мауну, — семейная, не под вашей ординацией.

Это сработало. Ваал, это сработало. Он повёл её по коридору, потом вниз по ступеням. Ваал мой, они даже вышли наружу. Он вёл её небрежно, нарочно.

Пару раз спросили:

— Это что?

— Наша дхаарка. Приказ Хозяйки.

Посадил её на что-то, Мауна не видела толком: то ли на двуколку, то ли как. Всё, поехали. Нет, встали.

— Что это такое? — спросили у врат, а врата — закрыты. Вечер, темно уже, факелы.

— Наша дхаарка. Приказ Хозяйки.

— Приказ закрыть крепость, никого не выпускать, до особого, — с удовольствием загнул привратный.

— Так ещё наша Хозяйка не вернулась, — возмутился Тай.

— Вернётся — откроем.

— Она не под вашей ординацией, — показал на Мауну, улыбаясь.

— Ничего не знаю. Сними с неё мешок, — главный привратный, естественно, действительно ничего знать не мог. Сказали закрыть — закрыл.

— Да мне её это, — показал Тай себе на шею, — надо с ней прокатиться. Отвезти к Хозяйке, — приморгнул, сделал легатный жест кула-

ком вниз: «убить, забаранить, убрать, завалить, стофетить, внахеймить, замочить».

— Зачем тогда ехать? Кидай в подвал.

Мауне не было страшно. Вообще. Ей с Таем совсем не страшно. С Арзисом даже вот было страшно иногда. А с ним — хоть бы что.

— Сними с неё.

Тай вздохнул, спокойно и медленно снял с неё мешок. Мауна сощурилась от факела. Тай побил ей пальцем по ушам, мол, вот кольца, вот дхаарка. Привратный, да ещё один возле него, посмотрели на всё это с каким-то то ли подозрением, то ли недоверием; экая дхаарка, странная какая-то. Ты если смотришь в течение жизни на самый разный львинород, то можешь сказать, вырабатываешь чувство: вот это — дхаарка (и даже, возможно, определишь породу); вот это — юнианка (симпатичные, стервы); вот это — северянка, Сунгкомнааса (вы бы видели); вот это — хустрианка (приличных львиц из Хустру не бывает); вот это — найсаграя (добрые и надёжные, только если не любите широкие морды, тогда не пойдёт); вот это — андарианка.

— Ну тащи её в подвал, и...

— Стоять! Не выпускайте их! — выбежали из крепости, кто-то.

Тай стащил её с повозки за одежду, и предпринял единственное возможное, но на самом деле — такое невозможное — потащил Мауну к воротам крепости. У него была крошечная надежда — возможно, в этой крепости есть маленькая дверца, которую он в своё время, вместе с другими льяками, называл «кошачьей», ну или «кошаткой». Если очень повезёт, то она будет. Если очень-очень повезёт, то можно успеть сдвинуть с неё засов. Если очень-очень-очень повезёт, то она будет просто открыта, просто пихни плечом и убегай (на своих двоих, и это с ноющей лапой после «Гельсианского инцидента», да). Но дверцы нет, и они оба просто забились в угол врат.

Мауна даже успела скинуть шнур с рук, и даже успела вынуть сирну в этом угле. Она решила спрятаться за Тая, сзади, обняла его, ну прямо держит его в заложниках; но не от страха, а чтобы не вздумал — ни в коем случае! — отпихивать её от себя, или, освободи Ваал, отдавать *им*, выторговав ей жизнь или ещё какую чепуху.

— Не скажи вздумай Тай, не скажи, я кто, не говори, — запуталась в словах в их углу, так непозволительно для Вестающей.

Всё, что у Тая есть — это меч. Он отличен с ним, но тут всё без особого толку. Во-первых, на них уставилось протазанов штук так четыре. Теперь пять. Уже шесть. Можно не продолжать, но ладно, во-вторых, у него нет щита. Зато у него есть Мауна. Вот и всё.

— Бросай оружие, ты что творишь!

— Взять их живьём! — заорал кто-то важный, и даже знакомый Мауне голос. — Только живьём!...

— Сеть тащите! — толково предложил кто-то.

Тай рассудил по-своему, как освободиться от объятий Мауны, что могут и её привести к гибели. Броситься на острые, колючие, маленькие, железные вещи ей не даст чувство страха самки, и расчёт отказался верен — когда он очень быстро, очень внезапно бросился вперёд, то Мауна не последовала за ним; а столпившиеся слишком тесной шеренгой стражники крепости, что не все додумались прикрыться щитами, не смогли толком ответить, он вошёл в дистанцию и красиво вогнал в кого-то меч. Естественно, принявший удар вмиг стал небоеспособным; естественно, Тая окружили и тут же и поддели одним протазаном, второй вогнали в броню (не прошло); третий (прошло); четвёртый (прошло); пятый (в голову, всё).

Бросилась и Мауна вперёд — она не хотела оставаться одна, ей надо за Таем. Но львица к кинжалом — это не очень страшно, это почти не страшно. Никто колотить протазанами её не стал, сам главный привратный просто схватил её за руку, и всё, что сделала сирна — проехала по броне, поцарапала кожу наруча. От схватил её за правую руку, дал ей перчаткой в зубы, свалил наземь, и на этом борьба львицы, считай, окончена. Сирну она не выпускала даже на земле, хотя так её не бил никто и никогда, и она даже не могла представить, что это *вот так* (Арзис всегда прав: «Тебя ещё никогда не били морде»). Усевшись на ней, привратник очень просто вывернул ей кисть и забрал оружие.

— Вот же бойкая сучка, — даже по-доброму отметил он.

— Зачем его завалили! Разойдись!

— Это дхаарка, или как? — недоверчиво спросил привратник, глядяваясь; его подчинённый держал факел. Он даже увидел часть инсигнии на шее.

Но над Мауной ещё склонился кое-кто. Она не видела, кто — она еле соображала вообще.

— Это — дхаарка Ваалу-Мауны, — очень уверенно сказали ему, и отпихнули. — Уйди все, разойдись! Дайте мешок, бегом!

На голову снова надели мешок, другой (запах иной, смогла учуять Мауна). Её снова повели вслепую, но по-иному, чем Тай. Тот вёл её вроде так грубо, а на самом деле — так бережно. Тут повели по-настоящему: ей заплетались лапы, ровно идти не могла, но её просто и сильно тащили, не церемонясь. Какие-то ступени. Куда-то вниз. Ещё. И ещё...

Потом бросили на холодное, каменное. Связались руки под коленями, и она так посидела чуть, а затем упала на бок. Дурное дело — только ударилась о камень пола. Стукнули двери, это её закрыли.

Так немножко полежала, с мешком на голове.

Только встала, еле-еле, как тут за дверью вдруг кто-то негромко переговаривается

— ...возникнет куча вопросов...

— ...все думают, что она уехала...

— ...точно она?

— ...она.

Кто-то снова вошёл. Мешок снимать не стали, но зато растормошили ей платье. Постучали по инсигнии. Перевернули, обнажили инсигнию у хвоста. Тоже по ней постучали. Она слышала неровные дыхания.

Вышли, и она снова полежала, не вставая. Шёл оживлённый спор, обсуждение, но она ничего не слышала, как ни пыталась вострить уши. Это было трудно, невозможно — они не вставали под мешком, не давал. Затем снова потащили куда-то, и Мауне подумалось — глубже, дальше, не вверх. Снова бросили. Она ничего не спрашивала, ей ничего не говорили.

Тут пришлось полежать. Смогла усесться — пришлось посидеть. Додумалась, что можно доползти так, на задку, со связанными лапами, к стенке, чтоб легче. Стенка влажная, фу. Во рту солёно, очень болит нос и челюсть, зуб расшатан или вовсе сломан.

Снова кто-то пришёл, и Мауна вот теперь ощутила страх; очень сильный ужас, это как первые разы сновидеть, только хуже. С неё сдёрнули мешок, был свет факелов, и здесь, в её новой... хм... обители... комнате... камере — была даже Чаша Ваала, она тоже давала свет. С неё снял мешок Безмолвный, она сразу узнала облачение. Был ещё один; они без слов, без всего, просто развязали её, а затем привязали к столбу. Она не сопротивлялась. Привязали внизу за лапы, руки тоже начали вязать сзади столба.

— Не так, раскиньте ей руки в стороны, да не сзади. Вон же, — раздался голос слева, и это первый голос, что надёжно узнала — Ваалу-Ифана. — Всё, идите.

Безмолвные без единого слова ушли и осторожно закрыли за собой дверь.

Перед ней действительно встала Ваалу-Ифана. Самое удивительное, что она держала кружку в руке, из которой шёл пар, и Мауна даже узнала запах — это кофе (Вестающим он строжайше запрещён, как и многие чаи — очень портит сон). Кофе часто и много где подаётся среди патрициев, да и не только, потому запах знает, а вкус — увы.

— Ваал мой, разбудили. Срочно, то да сё, — отпила она из кружки. Глядела ей в глаза, вскользь, и так, на всю неё. Взяв себе маленький деревянный стульчик, села на него, болтала кофе и пила. Она пласисе, но таком, простеньком. У неё есть амулет, сирна, стамп, всё как полагається. Мало того, у неё ещё одна сирна в руках есть.

Выпила и поставила на стол, и кружку и сирну, на котором был и красивый кофейник, не чета грубой кружке, и всякие инструменты, ну вроде как у кузнецов или там плотников. На нём — незажжённые факелы, много. Есть ещё закрытая книга. Зевнула, облизалась, утёрлась ла-

донью. Освободив шлейфы, закатала себе рукава пласиса повыше и мгновенно завязала их крест-накрест через грудь, годами отточенное движение. Мауна вспомнила, как мучилась с этим, когда надо было омыывать и заматывать в ткань Амаю. Плохая бы из неё вышла простая Ашаи-Китрах. А, может, она вообще плохая Ашаи-Китрах — хорошие к столбу в подвалах крепости не привязываются.

Ифана подошла, разрешила ей платье, так и сяк, освобождала от одежды. Долго ей давался мрамрийский пояс, она хотела его просто снять, но не могла справиться с его защёлкой (хитрая она какая-то, Мауна тоже с ней намучилась). Решила решить проблему просто, и тоже разрешила его. Вышло, но порезалась; посасывая палец, но не ругнувшись, бросила его в сторону.

Холодно. Вообще-то, очень холодно, фу. Сейчас бы в ванну с Тоей.

Остались ещё медный символ Ахея и кольцо Арзиса на шее, и ещё кое-что. Это всё заинтересовало, Ифана взяла и без всяких трудностей зажгла игнимару на левой руке, без всяких энграмм и подготовок, и присветила себе.

— «Не верю словам», — прочла на кольце. — Ну, это не про меня. Я верю — мне не врут, — и угасила игнимару, сжав кулак.

Разрезала шнур, сняла, всё тоже бросила на пол. Знак Ахея не стала поднимать, о нём речи не завела. Но за кольцом нагнулась, попробовала натянуть на палец.

— На льва, — определила, и унесла его на стол.

Далее — яд на шее.

— Этого тебе не надо, — взяла и тоже поставила на стол.

Встала перед Мауной, устала руки в бока, хозяйски осматривая её.

— Давно я с дхаарами не работала. Скажи, куда делась Ваалу-Мауна?

Мауна молчала.

— Она уехала сегодня днём, и никто не знает, куда. Все волнуются. Её телохранителя сейчас убили, с тобой. Ты — её дхаарка, очень ценная, насколько знаю. Куда уехала Хозяйка?

Мауна молчала. Она хотела попробовать взять её эмпатией, но та умело избегала взгляда, всё только вскользь. Это странновато, ведь надо знать, что у противницы есть эмпатия, и брать этот скользкий взгляд как щит; а какая может быть эмпатия у дхаарки? Она не хотела говорить «не знаю» — ведь Ифана узнает её голос, это точно. Странно, что она не видит инсигнию на шее. Странно, что она не замечает, что львица перед нею мало похожа на мрамрийку, и много, очень-очень много — на андарианку.

Ифана зажгла игнимару на правой руке, теперь уже прямо перед её носом, а потом приложила ладонь прямо туда.

Мауне вспомнилось, как с неё писали сестропортреты, и как пришлось сидеть (ненавидела).

Дальше пошла лента.

— Это что? — выразительно посмотрела.

— Лента. Тоже от Амаи. Слушай, Ифана...

— Тихо, тихо. Не надо, — отмахнулась та. Рассмотрела под светом Чаши Ваала: — Луана. «М». Соляр. «А». Сикстима. Энграмма, что ли... Подарок?

— Да. Большой.

— Маленький, — бросила её в Чашу Ваала, в огонь. — Так... А это у нас... Письмооо. Давай прочтём.

Мауна молчала.

— Сожги, когда прочитаешь... не оставляй следов... сожги... Эм. Кхм. Муниша, — церемонно зачитывала Ифана, поглядывая на свою немногочисленную аудиторию, — море мы нарисовали. Но утону в нём только я. Ты непременно живи в доме. И ещё. Не... — сощурилась. — Ах да. Не разбивай клятв. Не разбивай клятв. И... — пыталась прочесть, но там всё зачёркнуто, Мауна бы многое отдала, чтобы знать, что такого там Амая зачеркнула. — Вечно твоя. Амая. Почерк ужасный.

Посмотрела на Мауну.

— Даже тут наставницу не уважила, не сожгла. Уважу-ка я, — и бросила письмо в огонь Ваала. — Зачем в дхаарку переделалась и куда твои уехали?

— Её приказали убить, а этого нельзя было допустить.

Ифана ещё и сирну Амаину взяла со стола, получше рассмотрела, прочла гравировку; ей отдали её привратники, ну и не странно — сирну положено отдавать Ашаям, она не для светских и не для львов. Та упала. Та снова её поставила.

— Ты ещё и сирну наставницы украла. Ваал, да что ж такое. Куда катится эта целая Империя Сунгов... Ты скажи, почему нельзя было убить дхаарку?

— Потому что Вклятва.

— Вклятва?... — задумалась Ифана, и ничего не поняла. — Кто её убить приказал?

— Имперская тайна, — и действительно, это Имперская тайна.

— Огнеясно, — зажгла игнимару Ифана.

Мауна не знала, что некоторые, которых Ифана пытала днями, от одного слова «огнеясно» сходили с ума, уже зная, что за ним будет.

— Ифана, сестра, не надо, это очень больно, — запросилась Мауна. Вырваться не пробовала, но сжалась.

Бесполезно, огонь прошёл волной по телу. Захотелось умереть. Окатили водой, бесполезно. Всё равно хочется умереть.

— Кто приказал? — Ифане, на самом деле, всё равно, что спрашивать. Она так-то много чего спросит, ночь длинная, и запишет себе в книжку, вот же она, лежит на столе; из львинорода любопытнейшие признания можно вытаскивать. А тут — целый клад. Сегодня ночью столько всего узнает, что рука записывать устанет.

Амая, Внутренняя Империя. Охотные Земли. Хочется туда, хочется отсюда. Там можно охотиться, там можно стрелять Вестями, там можно есть стрелы чужих Вестей или кусать иных Вестающих. Эта пытка, это похоже как с Жертвой, там тоже в момент жгло, но несравнимо-несравнимо-несравнимо меньше. Жертва. Охотница. Ненависть охотницы — вечна, и надёжна, как солнце. Жертва. Пожирать Вести, вгонять в себя. Тай меня *открыл*, это как с Жертвой. Жертва.

— Огнеясно, — снова игнимара, и снова ладонь — туда.

Охотница, как учила Амая. Жертва. Надо всему отдаться, всё вбирать, собрать всё намерение *там*. Второе: когда Жертва освобождается, надо не упустить миг, читай энграмму: «Жертва — мне, Тиамат — тебе». Можно шептать, в это время львы не обращают внимания ни на что, так учила Хирана. Пусть лежит на тебе, не отпускай его, читай, обними его, читай; он будет думать, что тебе так хорошо, что ты аж забылась и шепчешь абы что, любовь, связь, страсть. Мауна так и делала, Мауна прилежна, она не отпускала ту Жертву, льва Ману, он почти вечность на ней пролежал. Да, Ифана, очень хорошо, держи, держи ещё, игнимара стала не безумно жаркой, а прохладной, потом тёплой, как золотая вода, ещё держи. Куда же ты! Озадачилась, разозлилась, смахнула игнимару с правой руки, вспыхнула левой, ещё, какая ж ты умница, Ифана, всё то ты прилежно делаешь, прямо как я, держи ещё, ещё и ещё.

— Жертва — мне, Тиамат — тебе, — Мауна не замечала, что говорит это уже вслух.

Ифане кончилась игнимара на одной ладони, потом на второй; самая долгая из всех, что она выдавала. Руки страшно закололо, чего не было уже очень давно, много-много лет. По привычке окатила пленницу водой, а затем сама всунула руки в ведро, потому что невозможно терпеть эти иглы.

— Я тебя, суку, дожарю, — слабо пригрозилась. — Терпеть... вздумала...

Последнее, о чём подумала — почему у той ожогов там нет, ей уже шерсть должна пылать. И свалилась, прямо у ведра, перевернув его.

Всё это Мауну не озаботило, все эти обмороки и перевёрнутые ведра. У неё шумело в ушах, кружилась голова, экстаз золотой воды везде и всюду, очень много. Просто блаженство. Так бы и висеть тут, привязанной за лапы, с руками в стороны, всю вечность. Захотелось очень чих-

нуть, и сделала это, и заболела челюсть — расшатанный зуб о себе напомнил. Осмотрелась. Привязана верёвками — хм, ну это просто.

Мауна — тот случай, когда *хламай* к ней ощутила напрямую Вестающая, и взяла сразу к себе. Поэтому игнимаре, она, считай, не училась, и знала о ней почти ничего; как и об эмпатии тоже, в своё время, но поди ж ты, разобралась. Так и тут, прочла лишь чуть:

— Иас, иас.

Загорелась правая рука, вообще без труда. О фу, не очень приятно, как простые Ашаи это терпят. Она знает, что гореть надо мало, пять ударов сердца, а дальше — хватит. Но огонь Ваала очень горяч, всё горит от него будь здоров — веревки вспыхнули, пережглись. Отпустили, неудобно повисла; запястья обожглись, но немного. Подула на них, подождала чуть, пережгла и ухватилась сзади за столб, как смогла, а то сейчас упадёшь вперёд и вывернешь ещё себе лапы. Подумала (ну как всегда, Мауна сначала думает, потом делает, хотя... это как посмотреть). Осторожно сползла вниз по столбу, кое-как подлезла вперёд, рывками чуть подтащила к себе Ифану (тяжёлая!). Еле-еле. Взяла у неё с пояса сирну, перерезала себе всё у лап, освободилась. Полежала немного на холодном полу, а то всё затекло. Ой, мешают уши лисы лежать, она ж то снова лиса. Ну ничего, пусть мешают.

Снова голая бегаёт, ну что ты будешь делать. Тут зябко, несмотря на факелы, и надела себе свои лохмотья; они теперь напоминают халат, потому что всё разрезалось посередке Ифаной. Запоясалась шнурком, коих тут сколько хочешь, неспешно так, по-хозяйски отмеряла себе нужную длину, поорудовала сирной (у Ашаи должен быть пояс). Ах да, Ифана. Встала над ней, подняла голову с пола за подбородок, с её сирной в руке. Неа, ещё без чувств.

Подумала. Ашаи-Китрах не может убивать другую Ашаи-Китрах, это запрещено Кодексом, кроме исключительных случаев: самозащита и «свидетельство безумных преступлений». В этом случае — «не одобряется». Если кто валяется без сознания, то уже ни защищаться от неё, ни свидетельствовать её преступления не выйдет. Значит, нельзя, поэтому не будем. Хотя та уже и так не жилец, Жертва она и есть Жертва, тут никуда не денешься; ей осталось два-четыре денька.

Здесь ещё одно ведро воды, всё с запасом для неё, для Мауны. Помыла в нём руки, уселась за столик в своих лохмотьях, закинула лапу за лапу; занялась тем, что возвращала на шнур знак Ахея и кольцо Арзиса, надела себе всё обратно, шмыгая носом и потирая челюсть. О, вот как, здесь же кофейник и кофе, ещё вполне тёплый. Ну чего там, попробуем, вестать вроде как сегодня не очень выйдет. Налила себе в Ифанину кружку, поболтала, понюхала. Попробовала.

— Горький, — испытала новый напиток. — Так себе.

Что в нём только находят?

Рассматривала сирну Ифаны: «Сестринство Криммау-Аммау». Старая, потёртая, ещё с Совершеннолетия. Вот и она: Ифана зашевелилась, пыталась оклематься и понять, что где как. Поднявшись на руках, увидела Мауну, что пила кофе за столиком и болтала лапой. Она потёрла глаза правой рукой — может, поможет? Спит, сновидит, что ли?

— Ты пальцем на меня вверх укажи, и подкинь вверх. Если улечу — значит, сновидение, не тёпловкровь, — посоветовала Мауна.

— А?

— Пальцем на меня. Покажи. Вот так. А теперь — подкидывай вверх. Улетела я?

— Куда улет... тела?

— Не улетела. Значит, ты дома, — определила Мауна. — Бери ведро, садись.

Ифана встала, как пьяная. Поглядела на выход из камеры — тяжёлые дубовые двери, маленькая решётка вверху. Снова на Мауну — та сидит, сирну гладит, тычет ей в стол. Да, сирна! Спыхватилась — а её нету. А ещё одна — у Мауны на поясе; ну как на поясе — на шнурке. Аж целых две.

Вместо сирны таки взяла ведро, и, снова-таки поглядывая на дверь, выполнила требование Мауны, и уселась на него возле стола. Ведёрко низкое, поэтому Ифана стала маленькая.

— Я первый раз в жизни кофе пью. Он такой горький. В него как, сахар кидают, верно?

— Там, — показала Ифана.

Действительно, за кофейником скрывалась тарелка, но не с сахаром, а с медовыми сотами — ещё лучше. Какие условия в этой тюрьме! Мауна отломала себе, и кинула в кружку. Помешать нечем, поэтому помешала Ифаниной сирной; неудобно, но уж как есть. Попробовала.

— Ум. Теперь лучше. Спасибо.

— Чего ты хочешь? — спросила Ифана, сжавшись, она стала ещё меньше.

— Ещё кружку надо, ты бы попила со мной. Пить одной — претит, есть же двое. Скажи, чтобы ещё одну принесли, — распорядилась Мауна.

— Что... стражу позвать? Или я... я пойду возьму, ладно?

— Как хочешь, тут твоя ординация.

Ифана начала медленно идти, но ей было страшно идти возле Мауны. И лапы невероятно колют иглы, попробуй ещё дойди куда.

— Эм... э. Стража. Стража! — попыталась прокричать Ифана.

Довольно долго, сравнительно долго, ничего не происходило. Наконец-то, кто-то притопал по длинному коридору.

— Да, превосходная? — вошёл кто-то. Мауна поглядела, повернула голову — просто стражник.

— Что так долго? — с мольбой спросила Ифана у него.

— Превосходная ж просила отойти, не беспокоить, — удивился стражник. — Как обычно.

— Эм... — покосилась на Мауну, её (свою) сирну, спрятанную в обратном хвате от взоров. — Принеси кружку.

Он посмотрел на всё, кивнул, и ушёл.

— И, и далеко не отходи! — просипела-прокричала вдогонку, и медленно вернулась на ведро.

Кружку принесли. Всё-таки очень необычный сегодня какой-то допрос у Ифаны: заключённая тут львица за столом сидит, кофе пьёт, и Ифана на ведре сидит. Прямо беседа у них.

— Всё в порядке, превосходная? Допрос идёт?

— Допрос, — повторила эхом Ифана.

— Спасибо, — Мауна взяла кружку и налила туда кофе.

Стражник почесал гриву и снова вышел.

— Прошу, — подвинула кружку по столу Мауна. — Мёд?

— Я так пью, — приняла Ифана, и отхлебнула.

Думая, что незаметно для Мауны, попыталась вызвать игнимару. Левая ладонь, правая — нет, ничего; разлилась, даже зачла энграмму — неа.

— Что ты сделала?

— Обеты запрещают ответ, — поставив локоть на стол, нахмурилась Мауна, глядя в стенку.

— Ты отсюда не выберешься, — нашла во всём этом изъян Ифана.

— Я и не хочу, — пожалала Вестающая плечами, тыча Ифаниной сирной в стол. — Куда мне идти?

— Ну как куда... Попытаться убежать.

— Куда?

— В Империи скрыться. Или... к Вестающим другим пойти.

— Я не могу скрыться в Империи, — повертела Мауна кинжал круг оси. — Это невозможно: Вестающей можно стать, но не перестать, я не имею права так исчезнуть — это запрещено, — жестила Мауна перед собой ладонью, так, и вот так. — К Имперским властям не приду тоже — они, рано или поздно, снова меня сюда кинут, круг замкнулся. А к другим Вестающим... а что я им скажу? Что я переоделась в дхаарку, — показала на себя, ну красота просто, — и попыталась убежать из Имперской крепости, и нарушила... нарушила много чего? — Мауна не стала упоминать о Повелении Императора. Это ж Имперская тайна.

Мауна потянулась себе ещё за кофе, Ифана вздрогнула — чего-й то она тянется к ней? Ах, кофейник, ну допустим.

— А зачем ты это сделала, в дхаарку зачем?

— Чтобы та могла отсюда уехать, облачённая, как я, — сказала очевидное Мауна. — Её Империя убить хотела, а я этого позволить не могла.

— Но почему?

— Вклятва.

— Что Вклятва? — раздражённо спросила Ифана. — Тебе прислуга клянётся служить, ведь так?

— Так.

— Ну... ну и... — развела руками Ифана. Осмелев, даже кофе отпила.

— Вклятва обязует Вестающую защищать жизнь тех, кто вклинается, — поглядела Мауна на неё, склонив голову. А потом — снова на стенку.

— Ладно, Сунги, а дхаары тут при чём?

Ой, хороший вопрос.

— Я ошиблась и вкляла эту дхаарку как Сунгу, ошиблась при Вклятве.

— Так это ж ошибка... чего не исправила? Ерунда какая-то.

— А как исправишь? Это невозможно. Вклятва прошла — и всё.

Рассудив о всём услышанном, Ифана выдала неизбежный вердикт:

— Мауна, это так глупо. Не держи меня за дуру.

— Ты знаешь, иногда я так тоже думаю. Но здесь всё равно, что ты и я думаем.

— Да? Если Империя пожелала её убить, так значит, это в интересах Империи, правда?

— Да, такие дилеммы тоже меня грызут. Что поделать.

— Мне кажется, — осторожно сказала Ифана, — ты помешалась. Я слышала, на тебя напали в Гельсии. Тебе надо отдохнуть.

Мауна, услышав это, не удержалась; она никогда в жизни так не делала, да ни в жизнь, такие ужасные манеры, но тут прыснула кофе, аж разлилось по подбородку.

— Извиняюсь... — утёрлась, за неимением платка, так уж и быть — ладонью. — Всё так. Я сидела в повозке для дхаарок, а дхаарка сидела в моем дилижансе. И напали.

— Хм. Мне кажется, надо было бы наоборот, — Ифана не то что бы освоилась, но обрела будничную уверенность. Она даже показала на Мауну пальцем, и даже натрясла себе остатки кофе из кофейника.

— Ты права. Надо наоборот: я — на своём месте, дхаарка — на своём. Я бы просто сразу умерла, исполнив... — она не могла сказать «Волю Императора», ибо это — Имперская тайна. — ...исполнив, что мне было назначено. И не было бы всего этого. Арзис бы просто забрал себе Тою, и не было бы никаких Тенескалов... никаких Верингов. Вот что бывает, если в тебе нет смелости нести своё назначение, и ты пытаешься... — не договорила Мауна.

— Ты меня убьёшь?

— Нет, это запрещено Кодексом. Впрочем, есть печальные новости: ты сама себя убила.

Ифане полегчало. Безумица не убьёт. Она вроде спокойна. Да и хотела бы убить — убила. Ну а этический укор о «сама себя убила» — можно пережить. Ифана знает, что у неё есть нужная гибкость, всё будет хорошо.

Снова шаги по коридору, и без предисловий, вполне спокойно, зашёл заместитель главы Тайной Службы Империи, ну тот самый, тайник. И застыл, надолго так застыл.

Ифана решила — пора. Бочком-бочком, мимо Мауны, и затем — как можно быстрее юркнула за него, на своих мягко-колких-непослушных лапах.

Мауна вздохнула, спрятала её сирну в ножны и бросила ему-ей. Тайник не попытался поймать, Ифана попыталась — не вышло, та упала на пол. Она нагнулась сирну поднять, но тайник не дал — схватил, силой выкинул наружу, сам отскочил, и захлопнул-запечатал дверь.

— Какого... Как она освободилась? — он держал дверь, словно Мауна попытается выбивать-рвать её с той стороны.

— Она. Как сказать. Хитрая, — только и нашлась Ифана.

— Эта сука какая-то бессмертная, да сколько можно! — удивился всему этому тайник, и удивился (пока) живой Ифане.

Не без некоторой истерики позвалась стража, Мауну торопливо заперли, как бешеную фиррасу. Мауна попробовала потереть глаз, и тут снова — как и прежде — обнаружилось, что сидит-то она в маске, и до этого сидела, и всё делала, Ифана её видела как львицолису, и тайник, и стражник, ну что ты будешь делать; взяла яд со стола, одела себе обратно на шею; теперь у неё там, на шее, целый сонм всего: яд, кольцо, Ахей, всё что надо. Сирна Амаи всё съезжала вниз на её поясе Ашаи, за который сейчас правил обычный шнурок. Решив, что так и потерять можно, просто взяла ножны в левую руку. Жаль, кофе кончился.

За дверью бурлила жизнь, шли перемещения и репозиции. Стражников крепости прогнали с коридора, прибежала семёрка Безмолвных.

— Надо её ликвидировать, — показал на дверь тайник.

— Кого «её»? Кто там? — учтиво спросил заместитель Карриса, того самого, ярла Безмолвных. Каррис-то уже всё, не с нами.

— Объект. Там, — снова показал на дверь тайник.

— Она уехала сегодня днём.

— Никуда она не уехала. Она — там. Выполняйте.

Э, нет. Заместитель сообщил:

— Нужен приказ. Операция уже закрыта, мы не можем.

— Чей? — спросил тайник, хоть и знал, чей.

— Проводника. Воля Императора только через него.

— Надо его разбудить, пусть отдаст!

Что и сделали. Он только недавно лёг себе спать; засыпал долго, ибо тюрьма крепости Льван произвела на него гнетущие впечатления, ему было там неуютно и мерзко; он-то видел Мауну с мешком на голове, смотрел на её инсигнии, и в конце-концов вполне согласился с заместителем главы Тайной Службы, что такой исход событий — даже ещё лучше, чем всё предыдущее лучше (Мауны нет, Мауна исчезнет, усё). Хотелось это всё поскорее забыть, и поскорее бы в Марну.

Но Марна — чуть потом, а теперь снова в эту треклятую тюрьму среди ночи, где, оказывается, Мауна живет всех живых, и даже вроде как взяла в заложницы какую-то местную Ашай-Китрах (Ваал мой, как?). «Идиоты», — думал он, спускаясь по ступеням.

Он взглянул в решётку двери, отвадился от неё.

— Уберите её.

— Попрошу уточнения: убить? — спросил главный у Безмолвных.

— Да, убить.

Снова открылись двери, вовнутрь вошло четверо Безмолвных, и тайник. Трое остались в коридоре, на всякий — необходимые резервы. Ифана торопливо подняла свою сирну с пола, и тоже затесалась среди всей этой компании. Проводник заходить не стал, ждал в коридоре, чтобы всё разрешилось. Он недавно бросил курить, и вот очень захотелось.

Безмолвные обнажили мечи, но как-то не могли определиться, кто и как должен наступать на противника, ждали приказов от своего нового ярла.

Мауна встала у стенки напротив всех, за пыточным столбом. Но, как всегда, Мауна — не как все львицы. Просто львице положено как: впиться когтями в стенку, сжаться, поджать хвост и глядеть большими глазами. Как знает Арзис, Мауна так не умеет: встала у стенки ровно, лапы не вместе, держит сирну в расслабленной руке. Безмолвных не обманул необычный сегонощный декорум Вестающей, состоящий из лисы, лохмотьев, дхаарских колец, абы чего на шее и шнура вместо пояса — да, это она.

— Допрыгалась, стерва, — описал зрелище тайник.

— Закрой рот, — сказал ему ярл.

— Ты что...

Безмолвные — львы, которые много не говорят. Поэтому тайник получил наверху меч в живот. Тот согнулся, сполз.

— Пожалуйста, подойди, и мы выполним всё быстро.

Ифана, во избежание, чтобы и самой не получить чего такого мечом или ещё чем, выскочила из пыточной. Встала напротив Проводника, что подпирал холодную стену, глядя вверх. За неимением трубки он грыз дорогой графис. Он сверху вниз смотрел, как Ифана, не стыдясь, пыта-

лась вызвать игнимару, ужасаясь её полнейшему отсутствию, даже признаков нет:

— Иас-иас-иас, — глядела она попеременно на ладони, трясла их, тёрла. — Иас.

Подняла на него взор, как виноватая собака. Тот беззвучно смеялся, а затем услышал:

— Империиум — служить, Ваал — вестать, слава — хранить!

Мауна уже выпила яд, только что; он был настоящим — и потому, отвратительно горьким, потому слова дались тяжело, хрипло, никакого торжества. Её учили, что себя сирной лучше всего в шею колоть, но Мауна страшно боится всего колючего, всех острых вещей, потому не смогла. В сердце лучше, если взаимоубийство, если вас двое, и две сирны, два кинжала, но у неё нету сестры для этого. Но при позоре положено колоться, поэтому она — сирной наставницы — пронзила под ребро обоими ладонями. В сердце, конечно, не попала — это не так просто. Но и не надо — строфант косит быстро. «Надо было так сделать ещё в саду, Амая, это просто...», — последнее, что подумала.

К ней подбежал главный здесь Безмолвный. Бросил меч на пол, приподнял и приобнял. Снял ей лису, погладил её, вынул сирну (Мауна чуть ещё шелохнулась, и — кажется — даже осмысленно посмотрела на него, глаза сновидицы, он их потом долго будет видеть), дал ей в ладонь.

Они вынесли её на руках.

— Мы сами её стофетим, — сказали Проводнику, отпихнув тайника по дороге.

Глава без названия

Ваалу-Мауна, Вестающая Мастр-Фейнского менгира, исчезла в неизвестном направлении по неизвестной причине. Все видели это, вся крепость Львана. Это видел Проводник Императора, и все прочие. Очевидно, она тронулась умом.

В тот же день телохранитель Семьи Ваалу-Мауны вернулся в крепость и сделал попытку вывезти дхаарку Ваалу-Мауны (определённую к смерти согласно тайному Повелению Императора насчёт Гельсианского инцидента). Неизвестно, по приказу ли Мауны либо же по личным мотивам, потому что его убила стража крепости (перестарались). Дхаарку Ваалу-Мауны допрашивали в тюрьме крепости; допрашивала мастерица игнимары Ваалу-Ифана, с большим опытом допросов, заслуженная Ашаи, отмеченная Тайной Службой, Регулатом Закона и Поряд-

ка (прокуроры, сыск), а также Палатой Тюрем и Каторг; ввиду важности вопроса, применялись все необходимые меры, но дхаарка ничего не знала, к сожалению, и умерла (без сожаления), не выдержав интенсивности мер.

Это на следующий день всем менгирам отвстала Ваалу-Веста, прямо отсюда, из крепости.

— С ума сошла, — решила она для себя про Мауну. Главное, чтобы в Империи теперь нигде не вынырнула, и чего не учудила.

Ваалу-Наамзира обеспокоилась. Она с опаской выжидала, когда же Мауна явится в Охотных Землях Внутренней Империи, но та не являлась. Но через неделю в Марну приехал заместитель главы Тайной Службы Империи и пришёл к ней, и она совершенно перестала беспокоиться.

— Она рехнулась, а мы провели блестящую операцию, — похвалился тайник Наамзире, пусть знает, будем лучше дружить. — Дхаарка уехала, разодетая ею. А её мы переодели в дхаарку — говорю ж, рехнулась; даже фальшивый побег устроили, для виду и шуму, и — в подвальчик. А все думают, что она исчезла в неизвестном направлении. Работаем.

— С ней всё? Привет? — облегчённо уточнила Наамзира, её не интересовали все эти милые детали.

— Всё. Сам видел.

— Слава Ваалу. Как всё хорошо получилось.

— И не говори.

Наамзира очень обрадовалась, что охотниц осталось лишь четыре. Идеально — одна; но идеал порицает всех — его не достичь.

•

2021–2025

mso